ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. Рыбниковымъ

UNIV. OF
TORONTO
LIBRARY

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. Рыбниковымъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. Грузинскаго.

Въ трехъ томахъ.

Съ портретомъ, біографіей и указателемъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ“.

МОСКВА — 1910.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

II.

ПОВѢНЕЦЪ.

XVII. ВАСИЛІЙ ЛАЗАРЕВЪ.

103. Три поѣздки Ильи 3
104. Данила Игнатьевичъ и Михайла Даниэльевичъ 5
105. Хотей Блудовичъ 15
106. Дюкъ Степановичъ 20
107. Садко купецъ 24
108. Грозный царь Иванъ Васильевичъ 31
109. Кастрюкъ 35

XVIII. Ѳ. НИКИТИНЪ.

110. Три поѣздки Ильи 38
111. Иванъ Гостиный сынъ . 48
112. Девять братьевъ и сестра. . . 51

XIX. КАЛИНИНЪ.

113. Михайло Потыкъ 55
114. Наѣздъ Литовцевъ . . . 69

III.

ПУДОГА.

XX. НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

115. Волга и Микула . 78
116. Илья и Соловей 81
117. Илья и сынъ . 91
118. Илья и Идолище 95
119. Ссора Ильи съ Владиміромъ . 101
120. Илья и Калинъ-царь . . . 104
121. Нѣпра и Донъ 113
122. Иванъ Годиновичъ 116
123. Соловей Будиміровичъ 121
124. Садко 128
125. Василій Буслаевъ 130
126. Ванька Удовкинъ сынъ 136

XXI. А. СОРОКИНЪ.

127. Илья и Соловей 146
128. Три поѣздки Ильи 169
129. Добрыня въ отъѣздѣ 173
130. Дюкъ (неполный) . . . 186
131. Дюкъ (полный) 197
132. Соловей Будиміровичъ 223
133. Ставеръ 233
134. Садко 243
135. Два брата, два витника . . . 254
136. Грозный царь Ив. Васильевичъ. 263
137. Царь Соломанъ и Василій Окульевичъ 273

XXII. ТРОФИМЪ РОМАНОВЪ.

138. Илья и Святогоръ 290
139. Илья и Соловей 292
140. Илья и Издолина . . . 300
141. Илья и Канинъ-царь . . . 304
142. Три поѣздки Ильи 311
143. Добрыня и Маринка . 315
144. Дюкъ 317
145. Иванъ Годиновичъ . . . 326

Стр.

XXIII. ШАЛЬСКІЙ ЛОДОЧНИКЪ.

146. Вольга 333
147. Вольга и Микула . . 337
148. Сухманій 338
149. Соловей Будиміровичъ . . . 344
150. Василій Буслаевъ 352
151. Смерть Вас. Буслаева . . 359
152. Наѣздъ Литовцевъ . . 362
153. Царь Петръ . . 368

XXIV. Г. АМОСОВЪ.

154. Три поѣздки Ильи . . . 370
155. Добрыня въ отъѣздѣ . 375
156. Терентій Данильевичъ . . 382
157. Кострюкъ 386
158. Земскій Соборъ 393
159. Добрый молодецъ и жена неудачливая 395

XXV. ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

160. Добрыня въ отъѣздѣ 402
161. Батыга и Василій Игнатьевъ . 410
162. Смерть Чурилы 415
163. Соловей Будиміровичъ . . 420
164. Наѣздъ Литовцевъ . . 425

XXVI. КОЛОДОЗЕРСКІЙ СТАРИКЪ.

165. Три поѣздки Ильи 432
166. Михайла Потыкъ . . . 436
167. Ставеръ . . 452
168. Чурило 458
169. Василій Буслаевъ . . 465

XXVII. А. САВИНОВЪ.

170. Илья и Соловей . . 475
171. Ставеръ . . 484
172. Дюкъ 491
173. Соловей Будиміровичъ . . . 494

XXVIII. ИВ. ФЕПОНОВЪ.

174. Батыга и Вас. Игнатьевъ . . 499

Стр.

IV.

КЕНОЗЕРО.

XXIX. СИВЦЕВЪ (ПОРОМСКІЙ).

175. Илья и Константинъ Боголюбовичъ 505
176. Три поѣздки Ильи . . 508
177. Илья и Сокольникъ 512
178. Добрыня въ отъѣздѣ 518
179. Молодость Чурилы . . 524
180. Смерть Чурилы . . . 532
181. Дюкъ 537
182. Авдотья Рязаночка 553
183. Царь Саламанъ и Василій Окуловичъ . . 556

XXX. ЛЯДКОВЪ.

184. Дюкъ 566
185. Кастрюкъ 568
186. Добрый молодецъ и рѣчка Смородинка 571
187. Горе 572

XXXI. М. БОГДАНОВЪ.

188. Добрыня и Марина 575
189. Птицы 576

V.

Р. ОНЕГА.

XXXII. КАЛИКА ИЗЪ КРАСНОЙ ЛЯГИ.

190. Полученіе силы Ильей 581
191. Илья и Соловей 583
192. Добрыня и Маришка 588
193. Бой Добрыни. Добрыня и Алеша 590
194. Батыга и Василій Игнатьевичъ 597
195. Иванъ Годиновичъ 601
196. Михайла Потыкъ 606
197. Дюкъ 618
198. Василій Буслаевъ . . . 624

Стр.

XXXIII. ЛАТЫШОВЪ.

199. Илья и Сокольникъ . 632
200. Добрыня и Невѣжинъ . 638
201. Смерть Чурилы 639
202. Дюкъ 641
203. Дворянинъ Безчастный Молоденъ . 656

БЕЗЫМЯННЫЯ ЗАПИСИ.

204. Смерть Чурилы 665
205. Нашествіе татаръ (Илья, Самсонъ и Калинъ) . . 668
206. Соловей Будиміровичъ 677
207. Женитьба Дюка (Хотена Блудовича) 680
208. Хмѣль . 682

Стр.

209. Батыга и Вас. Игнатьевъ . 683
210. Кастрюкъ 687
211. Добрыня и Сила невѣрная . . 690
212. Добрыня и смерть . . 693
213. Оника-воинъ . . . 694
214. Дюкъ и Шаркъ великанъ . 697
215. Гусинко Иленковичъ и Шаркъ великанъ 701
216. Дюкъ Степановичъ 703
217. Смерть княгини Михайловны . 707
218. Михайла Потыкъ 709
219. Отчего на Руси завелась измѣна 715
220. Ермакъ Тимоѳеичъ . 719
221. Стенька Разинъ . . 721
222. Михайло князь . . . 723
223. Графъ Румянцевъ . . . 725
224. Графъ Чернышевъ 726

II.

ПОВѢНЕЦЪ.

ПОВѢНЕЦЪ.

XVII.

ВАСИЛІЙ ЛАЗАРЕВЪ.

Василій Лазаревъ, корелякъ, крестьянинъ дер. Кяменицы Повѣнецкаго уѣзда. Отъ него записано семь былинъ Рыбниковымъ лично, судя по обозначенію, но подробностей о немъ «Замѣтка» не дастъ никакихъ. Два раза упоминая о немъ, составитель первый разъ говоритъ: «Кореляка Василія Лазарева видѣлъ мелькомъ»; другой разъ въ примѣчаніи приводитъ имя Лазарева въ свидѣтельство того, что былины не безызвѣстны и кореламъ. Репертуаръ Лазарева не находитъ себѣ достаточно близкихъ параллелей въ Гильфердинговскомъ сборникѣ, кромѣ одной былины о Данилѣ Игнатьевичѣ, которая довольно схожа съ пересказомъ крестьянки Лисицы изъ Выгозера (Гильф. № 192).

103.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

Пріѣхалъ Илья Муромецъ
Ко славной Елисей рѣкѣ,
Тутъ надпись есть на камени подписана:
« Отъ матушки Елисей рѣки
5 « Ко славному граду Кіеву
« Три дороги есть:
« Въ одну дорогу ѣхати—богату быть,

« Богату быть, да препятство есть;
« Въ другу дорогу ѣхати—женату быть;
10 « А въ третью поѣхати—убиту быть.»
Пріѣхавши Илья Муромецъ
На подпись ту поглядывалъ
И самъ себѣ раздумывалъ:
— На что мнѣ-ка старому богату быть:
15 — Жены нѣту живота держать.
— Ай на что мнѣ-ка женату быть:
— Молодая взять—на чужу корысть,
— А стара взять, та есть немощна
— Животомъ править въ домѣ своемъ.
20 — А поѣду я въ дорогу ту, гдѣ убиту быть:
— Не много же мнѣ старому и надобно.—
Поѣхалъ Илья Муромецъ
Въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.
Наскочило на него сто тридцать пять разбойниковъ,
25 Говорятъ ему разбойники:
« Что есть при тебѣ, то складывай,
« Все складывай, не затаивай.»
Какъ отвѣтъ держитъ имъ Илья Муромецъ:
— Что есть у меня съ собой у стараго
30 — Вамъ складывать и не затаивать:
— На конѣ узда въ пятьсотъ рублей,
— А сѣделышко черкасское въ цѣлу тысячу,
— Получайте вы, если хочете да и можете.—
Приступили тутъ разбойники,
35 Чтобы взять узду али сѣделышко;
Который лишь наклонится,
Тотъ тутъ же и протянется:
На томъ мѣстѣ и оставилъ всѣхъ
Сто тридцать пять разбойниковъ.
40 Ворочался Илья Муромецъ
Ко славной Елисей рѣкѣ
И подпись ту на камени
Про дорогу, гдѣ убиту быть,
Поправливалъ и перенавливалъ:

45 — Та дорога есть очищена;
— Поѣду жъ я топеречу
— Въ ту дорогу, гдѣ богату быть,
— Богату быть, да препятство есть. —
Подъѣхалъ Илья Муромецъ
50 Къ тому мѣсту по дорогѣ той,
Гдѣ Соловей сидитъ Рахматовъ сынъ
Въ гнѣздѣ его разбойничьемъ.
Увидѣвши богатыря мимо ѣдучи,
Закричалъ онъ гласомъ богатырскіимъ,
55 Засвисталъ онъ свистомъ соловьиныимъ:
Конь Ильи Муромца на колѣни палъ.
Говоритъ ему Илья Муромецъ:
— Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Будто ты не слыхивалъ гласу богатырскаго,
60 Свисту соловьинаго, что на колѣни палъ?—
Тутъ натягивалъ Илья тугой лукъ,
Тупоносу укладную полагалъ стрѣлу каленую,
Онъ налаживалъ въ Соловья сына Рахматова
Въ его гнѣздѣ разбойничьемъ,
65 Въ крыло его правое,
Привязалъ его къ своему сѣдлу.
Привозилъ такъ Илья Муромецъ
Соловья сына Рахматова въ Кіевъ градъ,
Къ князю Владиміру на широкій дворъ,
70 Самъ говоритъ ему таково слово:
— Отъ матушки Елисей рѣки
— Всѣ дороги есть очищены.—

104.

ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧЪ И МИХАЙЛА ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

(Гильферд. № 192.)

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,

Завелося столованьице почесенъ пиръ,
На многихъ князей, на бояровъ
5 И на сильныхъ могучіихъ богатырей.
Много на пиру есть князей-бояръ,
И сильныхъ могучіихъ богатырей,
И много поленицъ удалыихъ.
Свѣтлый день идетъ ко вечеру,
10 Почесенъ пиръ идетъ навесслѣ,
Красно солнышко катилося ко западу.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру сидятъ-хвастаютъ:
15 Иный хвастаетъ золотой казной,
Иный хвастаетъ молодой женой,
Иный хвалится своимъ добрымъ конемъ,
Иный хвалится своей силой богатырскою.
На томъ на честномъ пиру
20 Выставалъ удалый добрый молодецъ,
Старый Данила Игнатьевичъ,
Скидывалъ съ буйной головы своей пуховъ колпакъ
И клонилъ голову князю Владиміру,
Самъ говоритъ таково слово:
25 « Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Благослови меня во старцы постричься
« И во схимію посхимиться.»
Говоритъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, старый Данила Игнатьевичъ!
30 — Не благословлю тебя во старцы постричься
— И во схимію посхимиться:
— Какъ провѣдаютъ всѣ орды невѣрныя
— И всѣ короли нечестивые,
— Что на Руси богатыри во старцы постригаются,
35 — Станутъ на насъ они нахалиться.—
Говоритъ ему старый Данила Игнатьевичъ:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Теперечу есть у меня молодой сынъ,
« Молодой сынъ Михайла Данильевичъ,

40 « Михайла Данильевичъ шести годовъ;
« Ай докуль не провѣдаютъ короли нечестивые,
« Той порой будетъ девяти годовъ;
« А докуль они снаряжаются,
« Той порой будетъ двѣнадцати:
45 « Такъ будетъ сильнѣе меня и могутнѣе.»
И благословилъ его Владиміръ князь
Въ старцы постричься и въ схимію посхиниться.
Еще прошло времени три году,
И наполнилось времени девять лѣтъ;
50 Докуда снаряжались цари и орды невѣрныя,
Опять прошло времени три году,
И наполнилось всего времени двѣнадцать лѣтъ
Тутъ собиралася сила несчетная и несмѣтная
У того короля нечестиваго:
55 Черну ворону въ вешней день не облетать,
А сѣру волку въ осенню ночь не обрыскати,
Пятьсотъ у него Полкановъ-богатырей,
И четыре старосты думныихъ,
И два палача немилосливыхъ.
60 Кукуются воры и ликуются:
Оны дубья рвутъ съ кореньямы,
И мечутъ высоко подъ облаку,
И подхватываютъ взадъ единой рукой.
А самъ собака похваляется
65 И на Кіевъ градъ вооружается:
Хочетъ Кіевъ градъ со щитомъ онъ взять,
А князей-бояръ всѣхъ повырубить,
Владиміра князя хочетъ подъ мечъ склонить,—
Подъ мечъ склонить и голову срубить,
70 А княгиню Апраксію хочетъ за себя онъ взять;
И хочетъ голову князя Владиміра
Лѣвой ногой своей попинывать,
А правой ручкой княгиню Апраксію
По бѣлымъ грудямъ подрачивать.
75 Провѣдалъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Собиралъ онъ во Кіевѣ почесенъ пиръ.

И много на пиру князей собиралося,
И много сильныхъ могучихъ богатырей,
И всѣ на пиру пьяны-веселы;
80 Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру сидятъ-хвастаютъ:
Иный хвастаетъ золотой казной,
Иный хвастаетъ своей силой богатырскою.
85 Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Ай же вы, князи-бояры!
« Кто бы ѣхать могъ во чисто поле,
« Ко тому ко войску нечестивому,
« Переписывать силу, пересметывать
90 « И пометочку [1]) привезти мнѣ на золотъ столъ?»
Тутъ большій туляется за средняго,
А средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
А вставалъ удалый добрый молодецъ
95 Изъ-за стола не изъ большаго и не изъ меньшаго,
Изъ того стола изъ окольнаго,
Молодой Михайла Данильевичъ;
Скидывалъ съ буйной головы пуховъ колпакъ,
Поклонился свѣту князю Владиміру,
100 Говорилъ ему таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Благослови меня ѣхать во чисто поле
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать
105 — И пометочку привезти тебѣ на золотъ столъ.—
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Ты смолода, глуздырь, не попурхивай,
« А есть сильнѣя тебя и могутнѣя. »
И говоритъ Владиміръ второй наконъ:
110 « Ай же вы, могучіи богатыри и паленицы удалыя!
« Кто у васъ можетъ ѣхать ко войску нечестивому

---

[1]) Отъ „памяти“ пометочка.

« Переписывать силу, пересметывать
« И пометочку привезти на золотъ столъ ко мнѣ? »
Тутъ большій туляется за средняго,
115 А средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Выставалъ тутъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Михайла Данильевичъ,
Говорилъ онъ таково слово:
120 — Благослови меня ѣхать во чисто поле,
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать
— И пометочку привезть къ тебѣ на золотъ столъ.—
И благословилъ его Владиміръ стольно-Кіевскій
125 Ко войску нечестивому поѣхати.
Сталъ Михайла Данильевичъ во чисто поле справляться:
Взялъ изъ погреба коня батюшкова,
И каталъ-валялъ его по три росы вечерніихъ
И по три росы рановутренніихъ,
130 Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
И поилъ изварою медвяною,
И сталъ крутиться во платьице родительско
Ѣхать далече во чисто поле;
Надѣвалъ онъ латы родительски,—
135 Латы ему были тѣсноваты;
И саблю бралъ родительску,—
Сабля ему была легковата;
Обсѣдлывалъ коня онъ и обуздывалъ,
И садился онъ на добра коня,
140 И поѣхалъ онъ во чисто поле,
Не путями онъ поѣхалъ, не воротамы,
А поѣхалъ онъ черезъ стѣну городовую,
И поѣхалъ мимо пустыню родителя,
Въ которой родитель Богу молится,
145 Получить благословеніе родителя
Ѣхать во чисто поле ко войску нечестивому.
И выходилъ его родитель изъ пустыни,
Старый Данила Игнатьевичъ,

И плечомъ подымалъ онъ подъ тую грудь,
150 Подъ тую грудь лошадиную,
И остановилъ ее съ ходу быстраго.
И говоритъ ему Михайла Данильевичъ:
— Свѣтъ государь мой батюшко!
— Благослови меня поѣхать во чисто поле,
155 — Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересмотывать
— И пометочку привезти ко князю Владиміру.—
И говорилъ ему Данила Игнатьевичъ:
« Ты послушай, дорого мое чадо любимое!
160 « Ты послушай наказаньице родителя:
« Будешь какъ у войска нечестиваго,
« Не давай своему сердцу воли вольныя,
« Не заѣзжай въ середку въ матицу,
« А руби ты силу съ одного края. »
165 Тутъ поѣхалъ Михайла Данильевичъ
Во чисто поле ко войску нечестивому,
И сталъ рубить онъ съ одного края,
Сѣкъ-рубилъ силу три дни и три ночи,
Хлѣба-соли неѣдаючи,
170 Ключевой воды не пиваючи
И себѣ отдыху не даваючи.
Воспроговоритъ его добрый конь:
— Мой ты хозяинъ любимый!
— Ты отъѣдь отъ войска нечестиваго,
175 — Затекли мои очи ясныя
— Поганою кровью татарскою,
— И не могу носить тебя богатыря
— По тому ли по войску нечестивому.—
И отъѣхалъ Михайла Данильевичъ
180 Отъ того ли войска нечестиваго подъ Бугру гору,
И самъ онъ сталъ ѣсть и пить,
Насыпалъ коню пшены бѣлояровой,
И накрошилъ ему колачиковъ крупивчатыхъ,
И самъ онъ сталъ опочевъ держать.
185 И заспалъ Михайла Данильевичъ во крѣпкой сонъ,

И спалъ Михайла Данильевичъ
Три дни и три ночи.
А той поры его добрый конь
Ходилъ-скакалъ на Бугру гору
190 И глядѣлъ-смотрѣлъ на войско нечестивое,
Что поганые татарове дѣлали.
А поганые татарове дѣлали:
Копали три рва, три погреба глубокіихъ,
И ставили рогатины звѣриныя,
195 И по верху затягивали полотнами холщевыми,
И засыпали песками рудожелтыми.
Тутъ скочилъ Михайла со крѣпкаго сна,
А стоитъ его добрый конь прикручинившись:
Уши у него были повѣшены,
200 И глаза его были въ зень потуплены.
Воспроговоритъ Михайла Данильевичъ:
« Охъ ты, волчья сытъ, травяной мѣшокъ!
« Ты чего стоишь прикручинившись,
« Пшеница у тебя не зобана
205 « И колачики у тебя не ѣдены? »
Говоритъ ему его добрый конь:
— Молодой Михайла Данильевичъ!
— Недосугъ мнѣ было ни ѣсть, ни пить,
— Я ходилъ-скакалъ на Бугру гору
210 — И смотрѣлъ на войско нечестивое,
— Что поганые татарове дѣлали:
— Копали они три рва, три погреба глубокіихъ,
— Ставили рогатины звѣриныя,
— И затягивали полотнами холщевыми,
215 — И засыпали песками рудожелтыми,
— А ловить станутъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— И сильныхъ могучихъ богатырей.—
Тутъ у Михайлы сердце разгорѣлося,
Онъ осѣдлывалъ добра коня и обуздывалъ,
220 И вскочилъ Михайла на добра коня,
И подъѣхалъ подъ войско нечестивое,
И началъ онъ рубить съ одного края,

Самъ онъ бьетъ коня шелковой плетью,
Шелковой плетью по тучнымъ бедрамъ.
225 Воспровѣщится ему его добрый конь:
— Ай ты, молодой Михайла Данильевичъ!
— Ты не бей меня, добра коня, по тучнымъ бедрамъ,
— А и дай волю мнѣ углядывать,
— Куда надобно ускакивать.—
230 А той порой Михайла не послушался,
А добрый конь его заупрямился,
Захватилъ узду его тучмянную [1]),
И понесъ Михайлу неволею,
И занесъ его въ середку силу-матицу;
235 Первой подкопъ онъ перескочилъ,
И другой подкопъ онъ перескочилъ,
А на третій подкопъ конь обрушился;
По Божьей по милости
И по Михайлиной по участи,
240 И падалъ конь межъ рогатины.
А тутъ поганыихъ татаровей,
Будто чернаго ворона, слеталося,
И сметали багры они польскіе,
И поднимали добра молодца изъ погреба глубокаго.
245 А той поры его добрый конь
Скочилъ изъ погреба глубокаго,
И пронесся онъ на Бугру гору,
И глядѣлъ-смотрѣлъ онъ съ Бугры горы,
Что татарове съ хозяиномъ его дѣлали.
250 А поганые татарове дѣлали:
Связали Михайлы ручки бѣлыя
Во путыни шелковыя,
И сковали ему ножки рѣзвыя во желѣза булатныя,
И проводили ко королю невѣрному.
255 А невѣрный царище поганое говоритъ таково слово:
« Ай же ты, молодой Михайла Данильевичъ!
« Послужи-ко мнѣ вѣрой правдою,

---

[1]) Тесмянную.

« Какъ служилъ ты князю Владиміру:
« Награжу тебя золотой казной несчетною. »
260 — Ай же, царище поганое!
— Какъ была бы у меня сабля вострая,
— Такъ служилъ бы я на твоей шеи татарской
— Со своей саблей вострою.—
265 Вскрычалъ тутъ царище поганое
Своимъ слугамъ вѣрнымъ
И палачамъ немилосливымъ:
« Сведите вы ко плахѣ ко липовой,
« Отрубите вы голову молодецкую. »
270 Тутъ взяли Михайлу слуги вѣрные
И повели ко плахѣ ко липовой.
Тутъ-то Михайла расплакался
И вздохнулъ ко Господу Всевышнему:
— Выдалъ меня, Господи, поганымъ на поруганье:
275 — Вѣдь то-то не стоялъ за вѣру христіанскую,
— За церкви Божьи и за вдовъ и сиротъ!—
Съ небесъ тутъ Михайлы гласъ гласитъ:
« Порастяни, Михайла, ручки бѣлыя
« И порасправь, Михайла, ножки рѣзвыя! »
280 Какъ расправилъ Михайла ручки бѣлыя,
Поразлопали путыни шелковыя;
Порастянулъ Михайла ножки рѣзвыя,
Поразлопали желѣза булатнія.
И хватилъ Михайла татарина за рѣзвы ноги
285 И началъ татариномъ помахивать;
Куда махнетъ Михайла, туда улками,
А назадъ перемахнетъ, переулками,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Гнется татаринъ—не сломится,
290 — На жилы собака подавается.—
И увидалъ его добрый конь съ Бугры горы,
Прибѣжалъ къ хозяину любимому;
Вскочилъ хозяинъ на добра коня,
Молодой Михайла Данильевичъ,
295 И сталъ сѣчь силу съ одного края;

Сѣкъ-рубилъ силу три дня и три ночи,
Три ночи съ половиною,
Переписалъ всю силу несмертную, [1])
И повезъ пометочку на золотъ столъ Владиміру.
Онъ ѣхалъ далече во чисто поле,
Глядѣлъ-смотрѣлъ во всѣ стороны,
Увидѣлъ далече во чистомъ полѣ,
Не черный воронъ впередъ летитъ,
И не бѣлый кречетъ вонъ выпурхиваетъ,
Идетъ-ступаетъ старый Данила Игнатьевичъ:
Платья у него черна бархату,
Шляпа у него земли греческой
И клюка у него сорока пудовъ,
Той клюкой идетъ-подпирается;
И подъ тую грудь лошадиную плечомъ подпалъ,—
И на ходу коня онъ плечомъ удержалъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Что же ты, мой любезный сынъ,
« Долго ко мнѣ не являешься?
« Я состарѣлся, тебя дожидаючись,
« Я пошелъ уже искать тебя,
« Я думалъ, что конали татарове невѣрные,
« Я хотѣлъ обкровавить свои платьица,
« Старческія платьица, пустынныя,
« И хотѣлъ пройти всю землю изъ края въ край,
« Хотѣлъ вырубить поганыхъ до единаго,
« Не оставить больше поганыхъ на сѣмяна. »
Тутъ пріѣхалъ Михайла Данильевичъ
Ко ласкову князю ко Владиміру
И привезъ пометочку на золотой столъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Пожаловалъ его золотой казной,
Золотой казной пожаловалъ несчетною.

---

[1]) Конечно: несмѣтную.—*Ред.*

105.

ХОТЕЙ БЛУДОВИЧЪ.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелся почесенъ пиръ.
Много на пиру было князей, бояръ,
5 Много сильныхъ богатырей
И много полянницъ удалыихъ.
Было на пиру двѣ вдовы:
Одна честна вдова Блудова жена,
Друга честна вдова Часова жена.
10 Честна вдова Блудова жена
Налила чару зелена вина,
Подносила чару Часовой вдовы,
Подносивши, у ней дочери посватала
За того Хотея за Блудовича:
15 « У тебя есть дорого мило чадо на возврастѣ,
« Молода Чайна Часовична,
« У меня есть дорого мило чадо на возврастѣ,
« Молодой Хотей сынъ Блудовичъ:
« Станемъ мы между собой родни дѣлати. »
20 Она приняла у ней чару, не выпила,
Не выпила, въ глаза брызнула,
Измочила шубку камчатую,
Помутила зрѣнье видячее,
Сама говоритъ таково слово:
25 — Нельзя мнѣ за твоего сына дочь отдать:
— Мы есть роду богатаго, именитаго,
— Именитаго роду, княженецкаго;
— Вы есть роду нищетнаго, копельчата.—
Пошла Блудова вдова съ пиру невесела.
30 Встрѣчаетъ ее Хотей сынъ Блудовичъ,
На бѣломъ дворѣ, невесело:
« Что же, государыня-матушка,
« Съ честна пиру идешь невесела,
« Таки-ль мѣсто тебѣ въ пиру было не по отчины,

35 « Али чарой тебя обошли,
« Али голи кабацкія надъ тобой посмѣялися? »
— Ай же ты Хотей сынъ Блудовичъ!
— Мѣсто было сидѣть мнѣ по отчины,
— Да и чарой меня не обошли,
40 — Да и голи кабацкія не смѣялися.
— Было на пиру насъ двѣ вдовы:
— Одна честна вдова Часова жена,
— Друга честна вдова Блудова жена.
— Я налила чару зелена вина,
45 — Подносила чару Часовой вдовы,
— Подносивши, у ней дочери посватала:
— « У меня есть дорого мило чадо на возрастѣ,
— « Молодой Хотей сынъ Блудовичъ,
— « У тебя есть дорого мило чадо на возрастѣ,
50 — « Молода Чайна Часовична:
— « Станемъ мы между собой родни дѣлати. »
— Она приняла чару, не выпила,
— Не выпила, въ глаза брызнула,
— Обмочила шубку камчатую,
55 — Помутила зрѣнье видячее. —
У Хотея сердце разгорѣлося:
Онъ обсѣдлывалъ добра коня, обуздывалъ,
Беретъ сбрую молодецкую, богатырскую,
Беретъ палицу желѣзную
60 И поѣхалъ по городу по Кіеву.
Ѣздитъ по городу, уродуетъ.
Вышла Чайна Часовична на крылечечко,
Сама говоритъ таково слово:
« Звали у Хотея отца Блудовымъ,
65 « А теперь звать Хотея набъ [1]) уродищемъ:
« Онъ ѣздитъ по городу, уродуетъ,
« Ищетъ зернети бобоваго,
« На что бы ему уколотися. »
Тутъ у Хотея сердце разгорѣлося:

---

[1]) Надобъ.—*Ред.*

70 Онъ шибнулъ своей палицей желѣзноей
И вышибъ теремъ по окнамъ вонъ,
Подворотенку рѣшетчату посреди двора широкаго,
Весь зеленъ садъ разбилъ, разломалъ,
Самъ говоритъ ей таково слово:
75 — Ты Чайна Часовична!
— Не за мной будешь замужемъ:
— Возьму тебя за холопа послѣдняго.—
Идетъ честна вдова, Часова жена,
Съ пиру веселешенька,
80 Встрѣчаетъ ю дорого мило чадо,
На бѣломъ дворѣ, Чайна Часовична.
Говоритъ честна вдова Часова жена
Своему дорогу милу чаду
Молодой Чайны Часовичны:
85 « Что же у тебя въ домѣ несчастьице:
« Высокъ теремъ на боку,
« Подворотенка рѣшетчата по среди двора широкаго,
« Зеленъ садъ весь разбитъ, разломанъ? »
Отвѣчаетъ ей дорого мило чадо
90 Молода Чайна Часовична:
— Ѣхалъ Хотей сынъ Блудовичъ на добромъ конѣ,
— Я на крыльцѣ была переноемъ,
— Сказала ему таково словцо:
— Звали у Хотея отца Блудовымъ,
95 — А теперь Хотея нужно звать уродищемъ:
— Онъ ѣздитъ по городу, уродуетъ;
— Ищетъ зернети бобоваго,
— На что бы ему уколоться набъ.
— Онъ шибнулъ палицей желѣзноей,
100 — Вышибъ теремъ мой по окнамъ вонъ,
— Подворотенку рѣшетчату середи двора широкаго,
— Зеленъ садъ весь разбилъ, разломалъ,
— Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, Чайна Часовична,
105 — Ты будешь не за мной замужемъ:
— За моимъ холопомъ за послѣднiимъ.—

Богатая бабища была упрямая,
Она наняла силы сорокъ тысячей,
А своихъ было девять сыновъ, девять богатыревъ,
110 Ихъ наладила предводительмы,
Выпущала силу во чисто поле,
Съ Хотеемъ на супротивъ.
Хотей сынъ Блудовичъ наряжается,
Во чисто поле отправляется,
115 Съ собой беретъ сбрую молодецкую, богатырскую,
Беретъ палицу желѣзную,
Да копье мужамецкое.
Выѣхалъ Хотей сынъ Блудовичъ во чисто поле,
А богата бабища упрямая
120 Глядитъ въ трубку подзорную,
Что тамъ будетъ во чистомъ полѣ.
Хотей сынъ Блудовичъ
Заѣхалъ въ середку силы, въ матицу,
Перво три сына жезломъ скололъ,
125 А друго три сына конемъ стопталъ,
А третье три сына полономъ взялъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Вольна сила есть наемная,
« Тронуть ея нечего. »
130 Богата бабища упрямая
Прибѣжала ко своему брату родимому,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Говорила таково слово:
— Братецъ мой родимый,
135 — Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Хотей сынъ Блудовичъ
— Поѣхалъ на добромъ конѣ во чисто поле,
— Моихъ три сына, твоихъ племянника,
— Онъ жезломъ скололъ,
140 — Друго три сына конемъ стопталъ,
— А третьи три сына въ полонъ взялъ.
— Собери ты почесенъ пиръ,
— Созови ты князей-бояръ,

— Сильныхъ могучихъ богатырей,
145 — Отдавай ты любезну племянницу,
— Молоду Чайну Часовичну
— За Хотея сына Блудовича,
— Выручи своихъ племянниковъ любимыихъ. —
Много есть на пиру князей, бояръ;
150 Много сильныхъ богатырей
И много полянницъ удалыихъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Хотею сыну Блудовичу:
« Ты есть молодецъ на возврастѣ,
155 « А у меня есть дорого мило чадо,
« Племянничка на выдаваньи:
« Станемъ мы между собой родни дѣлати. »
У Хотея тутъ сердце разгорѣлося,
Выскочилъ Хотей черезъ дубовый столъ,
160 Выходилъ на бѣлый дворъ,
Онъ тыкнулъ свое копье муржамецкое
Вострымъ концомъ въ земь, а тупымъ вверхъ;
Самъ говорилъ таково слово:
— Богатая бабища упрямая
165 — Буде обсыплетъ мое копье муржамецкое
— Златомъ и серебромъ,
— Да накроетъ славной мѣдью аравицкою,
— Тошто я Часовичну за себя возьму;
— А буде не покроетъ моего копья
170 — Златомъ да серебромъ,
— Не покроетъ славною мѣдью аравицкою,
— Возьму я Чайну Часовичну за холопа за послѣдняго. —
Тутъ бабища богатая упрямая
Наняла сорокъ телѣгъ ордынскіихъ,
175 Приводила телѣги ко погребу
Насыпала злата — серебра
И обсыпала копье муржамецкое
Златомъ да серебромъ
И покрыла славною мѣдью аравицкою.

180 Тошто Хотей Блудовичъ
Чайну Часовичну взялъ за себя.

106.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжалъ изъ города изъ Галича,
Изъ той Корелы изъ богатыя.
У него дворъ былъ на семи верстахъ,
5 На семи верстахъ да о семи столбахъ;
Воротца были мѣдныя,
А подворотца желѣзныя;
Середи его двора боярскаго
Три было церкви соборныя,
10 Другъ отъ друга за полъ-поприща.
Ѣздитъ Дюкъ за охотою,
За куницами, за лисицами,
За сѣрыми пермястыми [1]) за утками.
День Дюкъ стрѣляетъ,
15 А въ ночь стрѣлы сбираетъ.
Гдѣ стрѣлы лежатъ,
Тамъ лучи пекутъ,
Какъ отъ яснаго отъ мѣсяца.
Вылеталъ орелъ съ земли Камскія,
20 Не того орла сына орловича,
Кой летаетъ по темнымъ лѣсамъ,
А того орла сына орловича,
Кой летаетъ по поднебесью.
Залеталъ орелъ подъ облако,
25 И сидѣлъ орелъ на синемъ морѣ,
На бѣломъ на горючемъ на камени,
Обронилъ онъ свои перушки орлиныя,

---

[1]) Пернастыми.

Орлиныя перьица, правильныя;
Тутъ ѣхали мимо гости корабельщики,
30 Нашли эти перьица орлиныя,
Орлиныя перьица, правильныя,
Привозили ко славному городу ко Галичу,
И носили по славному городу по Галичу;
Не всякому эти перья доставалися,
35 Доставалися эти перья
Молодому Дюку Степановичу.
Чѣмъ стрѣлы его были дороги?
Колота была трость морска,
Писаны на три граны,
40 Перены были перьицами орлиными,
Орлиными перьицами, правильными,
И по дорогому по самоцвѣтному камню врѣзано.
Пошелъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ
Ко святой честной ко заутрени,
50 Ко святой честной ко Воскресенской.
Куда идетъ Дюкъ Степановичъ,
Туда стелютъ сукна разноличныя, —
Холопы боярскіе шьютъ кафтаны разноличные;
Гдѣ стоитъ удалый добрый молодецъ
55 У святой честной у заутрени,
У святой честной у Воскресенской,
Тутъ подметываютъ черны соболи заморскіе,
Чтобы сафьянны сапожки не грязнились,
Золотыя скобки не рудились . . . . . [1])
60 Тутъ холопы боярскіе шьютъ шапки соболиныя.
Пришелъ дороденъ добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Отъ святой честной заутрени,
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
65 « Свѣтъ государыня моя матушка,
« Честна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
« Благослови меня ко стольному городу поѣхати:

---

[1]) Здѣсь пропускъ.

« У стольнаго города не бывано,
« Владиміра князя не видано.
70 « Владиміръ князь скажутъ ласковъ есть,
« А княгиня Апраксія оченно привѣтлива.»
Не благословляетъ его матушка поѣхати
Ко стольному городу ко Кіеву:
— Станешь пить зелена вина,
75 — Хвастать своимъ богачествомъ. —
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Благословишь, я поѣду;
« А и не благословишь, я поѣду.»
Честна вдова Омельфа Тимоѳеевна,
80 Дюкова матушка, была умная,
Роду-племени была разумнаго,
Отца-матери была хорошаго, —
Благословила его поѣхати
Ко стольному городу ко Кіеву,
85 Ко ласковому князю Владиміру.
Пріѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ко стольному городу ко Кіеву,
Идетъ ко Владиміру въ палату бѣлокаменну,
Билъ Владиміру князю о руку правую,
90 А княгинѣ Апраксіи о лѣвую,
Всѣмъ князьямъ, боярамъ
По всѣмъ сторонамъ низко кланялся.
Посадилъ его князь за дубовый столъ,
Налилъ ему чару зелена вина,
95 Другую налилъ пива пьянаго,
Третью налилъ меду сладкаго.
Выпилъ чару зелена вина
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Самъ говоритъ таково слово
100 Владиміру князю Кіевскому:
« Не могу пить зелена вина,
« Пахнетъ на бочки на дубовы, на обручи на еловы.
« У моей государыни у матушки,
« Честной вдовы Омельфы Тимоѳеевны,

105 « Бочки серебряны, обручи позолочены:
« Не пахнетъ на бочки на дубовы, на обручи еловы.»
Ѣстъ колачики крупитчаты,
Мякишка ѣстъ, а корки подъ столъ роетъ [1]).
« Не могу я ѣсть здѣсь колачиковъ крупитчатыхъ:
110 « Пахнутъ на печи на кирпичныя,
« На хвою на сосновую;
« У моей государыни у матушки,
« Честной вдовы Омельфы Тимоѳеевны,
« Печки-то муравленыя,
115 « Помяльца-то шелковыя,
« Она въ медъ да въ патоку помакиваетъ,
« Тѣмъ сударыня печку подпахиваетъ.»
Во Кіевѣ былъ Чурила Пленковичъ Щапливый,
Говоритъ онъ князю Владиміру таково слово:
120 — Я богатѣе себя Дюка перещаплю:
— Мнѣ всѣмъ Кіевомъ платья шьютъ. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Обсѣдлывалъ добра коня и вывелъ во чисто поле,
Привязалъ къ сѣдлу ярлыкъ
125 И послалъ коня къ своей матушкѣ:
« Свѣтъ государыня моя матушка!
« Пошли двѣ пары платья хорошія
« Съ пуговицами золочеными».
Посылала ему матушка
130 Двѣ пары платья хорошія
Съ пуговицами золочеными.
Онъ ударилъ рукою о бѣлую грудь,
О пуговицы золоченыя, —
Отъ тыхъ пуговицъ злаченыихъ
135 Пошелъ стукъ да гремъ,
Какъ отъ звону колокольняго.
Самъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
« А это платье у меня есть заѣзжее,

[1]) Бросаетъ.

140 « А заѣзжее есть и дорожнее.»
Тутъ говоритъ Чурила Пленковичъ:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Я на добромъ конѣ Дюка перещаплю. —
Поѣхали они на добрыхъ коняхъ.
145 Чурилина хвала напередъ зашла:
Ему первому скочить черезъ быстру рѣку.
Какъ скочилъ черезъ рѣку,
Такъ и палъ середи рѣки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
150 Скочилъ вслѣдъ за нимъ,
Ухватилъ его за желты кудри,
Перетащилъ его на другу сторону,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты думаешь, Чурила, щапить,
155 « Какъ въ Кіевѣ передъ дѣвками да передъ бабами,
« А не съ нами, молодцами богатырями.»

107.

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

Будучись Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оныма [1]) своей буйной головой:
« Что я у васъ повыкуплю товары всѣ,
5 « Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу:
« Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
« Да на свои корабли повыгрузить,—
« Отдамъ отсѣчь свою буйную голову! »
И сталъ онъ въ Новѣгородѣ гулять,
10 Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,

---

[1]) Съ новогородцами.

И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость:
15 « Дружги и братья корабельщики!
« Катайте-ко якори съ синя моря,
« Распущайте-ко парусы полотняные! »
И всѣхъ кораблей было тридцать три:
Единый корабль передомъ пошелъ,
20 На которомъ ѣдетъ Садко купецъ богатый гость.
И ѣдетъ Садко купецъ, богатый гость, середи моря,
И остановился корабль Садки купца богатаго.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость,
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:
25 « Ай же, дружги-братья корабельщики!
« Берите-ко щупы желѣзные,
« Щупайте во синемъ морѣ:
« Нѣтъ ли луды или каменя,
« Нѣтъ ли отмели песочныя? »
30 Тутъ скрычалъ Садко купецъ, богатый гость:
« Эй вы, дружги-братья корабельщики!
« Вы спускайте во сине море якори мертвыи
« И становитесь всѣ по поряди ».
Оны кидали якори мертвыи
35 И становились всѣ по поряди,
И собиралися на одинъ корабль.
И говоритъ Садко купецъ:
« Ай же вы, дружги-братья корабельщики!
« Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
40 « Другую насыпьте красна золота,
« А третью насыпьте скатна жемчуга,
« Положите на дощечку золоту казну
« И бросьте дощечку во сине море.
« Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
45 « А Поддонному царю пошлины не плачивалъ:
« Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ! »
Положили на дощечку золоту казну:
Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголемъ плыветъ.
Тутъ говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

50 « Ай же вы, дружги-братья корабельщики!
« Вѣрно не пошлины Поддонный царь требуетъ,
« А требуетъ онъ голову человѣческу!
« Возьмите-тко дерево сосновое,
« Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
55 « Подпишите подпись по отечеству,
« Бросьте жеребьи во сине море:
« Ко тому царю ко Поддонному. »
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребья гоголемъ плывутъ,
60 А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое,
« Неправое дерево—сосновое!
65 « А возьмите вы дерево еловое,
« Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
« И подпишите подпись по отечеству,
« Бросьте жеребьи во сине море,
« Ко тому царю ко Поддонному.»
70 Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
75 « Это дерево есть неправое,
« Неправое дерево—еловое!
« Возьмите-ко дерево ольховое,
« Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
« И подпишите подпись по отечеству:
85 « Кому у насъ, братцы, итти во сине море,
« Ко тому ко царю ко Поддонному? »
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
85 Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

« Это есть дерево неправое!
« А возьмите-ко дерево дубовое,
« Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
90 « Подпишите подпись по отечеству ».
Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
И бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
95 Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое,
« Неправое дерево—дубовое!
« А возьмите-ко дерево кипарисное,
100 « И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
« И подпишите жеребьи по отечеству:
« На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распятъ есть,
« Это есть дерево правое,
« Правое дерево—кипарисное. »
105 Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи поимянно всѣмъ,
Подписали подпись по отечеству
И бросали жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
110 А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Видно бѣда пришла мнѣ неминучая
« Самому Садку купцу богатому,
115 « Иттить будетъ во сине море.
« Насыпьте-ко, братцы, мису чиста серебра,
« Другу насыпьте красна золота,
« А третью насыпьте скатна жемчуга. »
Тутъ онъ взялъ во правую руку
120 Образъ Миколы угодника,
А во лѣвую гусли яровчаты [1]),

---

[1]) Опредѣленіе гусель въ 123 ст. и слѣд. отнесено пѣвцомъ къ камкѣ.

Камочку Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши, Сибирскіи.
И приказалъ Садко купецъ, богатый гость,
125 Мисы класть на дощечечку,
И самъ садился на тую же:
И будто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменемъ ко дну.
И приняло дощечку во синемъ морѣ
130 Ко той палаты бѣлокаменной,
А корабли его всѣ въ ходъ пошли.
А онъ пришелъ въ палату бѣлокаменну
Ко тому царю ко Поддонному,
Онъ ему съ царицею билъ челомъ,
135 Челомъ билъ и низко кланялся.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Зачѣмъ ты меня сюда требовалъ? »
Говоритъ Поддонный царь:
140 — Я затѣмъ тебя сюда требовалъ:
— Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
— Что у васъ на Руси есть дорого?
— У насъ съ царицею разговоръ идетъ,
— Злато или серебро на Руси есть дорого,
145 — Или булатъ-желѣзо есть дорого?—
Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Я скажу тебѣ и повѣдаю:
« У насъ злато-серебро на Руси дорого,
150 « А булатъ-желѣзо не дешевлѣя;
« Потому оно дорого,
« Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
« А безъ булату-желѣза жить-то неможно,
« А неможно жить вѣдь никакому званію ».
155 Говоритъ ему Поддонный царь:
— Что у тебя есть во правой руки
— И что у тебя есть во лѣвой руки?—

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Есть у меня во правой руки
160 « Образъ Миколы угодника,
« А во лѣвой руки гусли яровчаты ».
Тутъ беретъ Садко купецъ, богатый гость,
Беретъ онъ гуселышки яровчаты:
Тутъ Поддонный царь распотѣшился
165 И началъ плясать по палаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко равно три часу.
Говоритъ ему царица Поддонная:
170 — Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость,
— Сломай-ко ты гусли яровчаты:
— Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,
— А скачетъ царь по крутымъ берегамъ;
— Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
175 — Безповинныя буйны головы.—
Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золоченыя.
Тутъ Поддонный царь велитъ играть,
Велитъ играть друго три часу;
180 Тутъ отвѣтъ держитъ Садко купецъ, богатый гость:
« У меня сломались гусли яровчаты. »
Говоритъ ему Поддонный царь:
— У насъ есть слесаря, и починятъ ихъ.—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
185 « Ай же ты, Поддонный царь!
« Не починить здѣсь моихъ гуселышекъ яровчатыхъ:
« Надо починить—на Русь сходить. »
Говоритъ ему Поддонный царь:
— Не хочешь ли ты здѣсь поженитися?—
190 Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
« Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ. »
Тутъ пошелъ Поддонный царь по хорошихъ дѣвицъ.
Говоритъ ему царица Поддонная:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!

195 — Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонный царь,
— Такъ въ той толпы княгини ты не выбери,
— А скажи царю ты Поддонному,
— Что въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;
— Такъ приведетъ царь толпу другую,—
200 — И въ другой толпы княгини ты не выбери;
— А третью толпу приведетъ Поддонный царь,—
— Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
— Которая идетъ позади всѣхъ,
— Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
205 — Тогда ты будешь на святой Руси,
— Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
— Увидишь и солнце красное. —
Тутъ привелъ царь хорошихъ дѣвицъ
И потребовалъ Садко купца богатаго
210 Выбирать себѣ княгину по разуму.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. »
И привелъ тутъ Поддонный царь толпу другую,
И говоритъ онъ Садку купцу богатому:
215 — Выбирай княгину ты по разуму.—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. »
И привелъ тутъ Поддонный царь
Толпу дѣвицъ третьюю,
220 И говоритъ Садку купцу богатому:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Выбирай княгину ты по разуму.—
Въ той толпы Садко купецъ, богатый гость,
Сталъ выбирать себѣ княгину по разуму
225 И выбралъ дѣвицу по разуму,
Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
И говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Эта мнѣ дѣвица полюбилася. »
230 И тую дѣвицу царь за его отдалъ,
И далъ ему въ приданыихъ

Одну бочку чиста серебра,
Другую бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга.
235 Отвезли Садка во ложню спать,
Заспалъ Садко купецъ богатый во крѣпкій сонъ.
Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу,
240 На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

108.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда онъ полонилъ славное Ообское [1]),
Полонилъ Ообское и еще и Новгородъ
И самъ на пиру расхвастался:
5 « Вывелъ я измѣну съ Ообскаго,
« И вывелъ измѣну съ Новагорода,
« Да надо вывести измѣну съ каменной Москвы. »
Говоритъ ему меньшой сынъ,
Младой Иванушка Ивановичъ:
10 — Пустымъ ты, батюшка, расхвастался:
— Не вывелъ измѣны съ Ообскаго,
— Да и не вывелъ измѣны съ Новагорода,
— Да не вывести и съ каменной Москвы:
— Со измѣною и ѣшь, и пьешь,
15 — И думу думаешь за однимъ столомъ.—
Тутъ скрычалъ Иванъ Васильевичъ:

---

[1]) Псковъ.

« Подай измѣну на очь,
« А не подашь измѣны на очь,
« Отсѣку у тебя буйну голову,
20 « Не дамъ живота ни на малый часъ.»
Тутъ Иванушко задумался:
Сказать на князя иль боярина,
Пролить кровь напрасная;
А сказать на братца на родимаго,
25 На младшаго Ѳедора царевича:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Которыми улицами ты ѣхалъ, батюшка,
— Тѣми улицами кура не пила;
— И которыми ѣхалъ Малюта Скурлатовичъ,
30 — И тѣми улицами кура не пила;
— А которыми ѣздилъ Ѳедоръ Ивановичъ,
— Задергивалъ рѣшетки желѣзныя
— И подпись подписывалъ,
— Что улицы казнены и раззорены;
35 — А остались тѣ улицы не казнены, не раззорены.—
Скрычалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Гдѣ мои палачи немилостивы?
« Возьмите младаго Ѳедора царевича,
« Ведите за Москву рѣку,
40 « Ко плахи ко липовой, ко сабли ко востроей. »
Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
За матушку за Москву рѣку,
Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.
Не бѣлая лань пробѣгала вдоль по городу,
45 Пробѣгала царица благовѣрная,
Въ бѣлой тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Ко своему братцу родимому,
Ко князю Никитѣ Романовичу.
50 Князь Никита Романовичъ за столомъ сидитъ.
Сидитъ, хлѣбъ-соль кушаетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ты зачѣмъ, гостья не звана идешь?—

А она говоритъ таково слово:
55 « Ты братецъ мой родимой
« Князь Никита Романовичъ!
« Потухла зоря раноутренння,
« Поблекло наше красно солнышко:
« Повелъ Малюта Скурлатовъ сынъ
60 « Младаго Ѳедора царевича за Москву рѣку
« Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
« Отсѣчь ему буйну голову. »
Князь Никита Романовичъ
Выскочилъ изъ-за дубова стола
65 Черезъ дубовый столъ,
Дернулъ чоботы на босу ногу,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Кунью шубку за рукавъ схватилъ,
Бѣжалъ на конюшій дворъ,
70 Взялъ коня самолучшаго,
Сѣлъ не на уздана, не на сѣдлана,
Поѣхалъ вдоль по городу за Москву рѣку,
Голосомъ крычитъ, шляной машетъ онъ:
— Стойте, народъ, сторонитеся,
75 — Дайте путь-дорогу широку
— Ѣхать за матушку Москву рѣку,
— Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.—
И крычитъ чрезъ Москву рѣку Малютѣ Скурлатову:
— Не за кусъ, собака, хватаешься:
80 — Что съѣшь, тѣмъ и подавишься!—
У Малюты сердце испужалося,
Правая рука застоялася,
Лѣвая нога задрожалася.
Пріѣхалъ князь ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
85 Скочилъ онъ со добра коня,
Поднималъ младаго Ѳедора царевича
Со плахи со липовой, за ручку за правую,
Цѣловалъ его въ уста во сахарныя,
А самъ отдалъ Малютѣ Скурлатову

90 Конюха своего любимаго,
Который былъ лицо въ лицо и плечо въ плечо,
И единъ волосъ съ волосомъ ладились.
Билъ Иванъ Васильевичъ въ колоколъ во казненный,
Чтобъ идти въ церковь въ черныхъ платьяхъ всѣмъ.
95 Князь Никита Романовичъ
Надѣлъ на себя и на племянника
Красны платья лучше всѣхъ.
Подошелъ къ Грозному царю Ивану Васильевичу,
Билъ челомъ, его здравствовалъ:
100 — Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей любимой семьей,
— И со двумя ясными соколами-сыновьями
— И со всѣма князьямы и боярмы!—
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
105 « Князь Никита Романовичъ!
« Перво былъ ты мнѣ старый другъ,
« Теперь сталъ ты мнѣ старый песъ.
« Таки ль-то надо мной незгоды не вѣдаешь,
« Не вѣдаешь незгоды, али надсмѣхаешься? »
110 Говорилъ Никита Романовичъ:
— Живетъ ли виноватому прощеньице?—
Говоритъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Радъ бы простить, да негдѣ взять! »
Вывертывалъ Никита Романовичъ
115 Младаго Ѳедора царевича:
— Вотъ тебѣ любезный сынъ,
— Младый Ѳедоръ царевичъ.—
« Князь Никита Романовичъ!
« Прежде былъ ты мнѣ старый другъ,
120 « А теперь роденъ батюшка.
« Городовъ ли тебѣ надо съ пригородками,
« Аль казны тебѣ несчетной однозолотной? »
Говоритъ ему князь Никита Романовичъ:
— Городовъ мнѣ не надо съ пригородками,
125 — А казны есть своей про себя.
— А дай мнѣ вотчину Микитину,

— Чтобы слыла-была вотчина Микитина
— Отнынѣ и до вѣку:
— Кто коня угонитъ, въ мою вотчину ушелъ бы,—
130 — Того и Богъ проститъ.
— Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ бы,—
— Того и Богъ проститъ.
— Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину уйдетъ,—
— Того Богъ бы простилъ.—
135 Тутъ далъ Грозный царь вотчину,
Котору онъ хотѣлъ.

109.

КАСТРЮКЪ.

Молодой борецъ Кастрюкъ
Семдесятъ городовъ прошелъ,
Триста борцевъ повалилъ.
Пріѣзжаетъ въ Москву бѣлокаменную,
5 Ставится онъ среди двора,
Проситъ у князя молода борца:
« Ежели нѣтъ у васъ молода борца,
« Всю Москву за щитомъ возьму. »
Михайла князь московскій
10 Садился онъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Ко тымъ сыновамъ ко вдовинымъ,
Чтобы очистить своя каменна Москва,
Съ тымъ борцемъ поборотися,
15 Тымъ молодымъ поратиться.—
Идетъ Иванушка вдовинъ сынъ,
Не бьетъ онъ челомъ, не поклоняется,
Выходитъ онъ на широкъ дворъ,
Схватились съ борцемъ поборотися,
20 Съ молодымъ поратиться.—
Повелъ Кастрюкъ молодой борецъ,

По колѣнъ ноги онъ вывернулъ.—
Михайла князь московскіій
Садился на ременчатъ стулъ,
25 Писалъ письмо скорописчато
Михайлы ко вдовину.—
Михайлушко вдовинъ сынъ
Приходитъ съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поратиться;
30 Не бьетъ челомъ, не поклоняется,
Выходитъ на широкъ дворъ.
Схватились съ Кастрюкомъ поборотися
Съ молодымъ поратиться.
Кастрюкъ съ ..... ноги выдернулъ:
35 « Михайла князь московскіій!
« Давай молода борца.
« Нѣтъ, всю Москву за щитомъ пройду. »
Онъ садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
40 Потанюшкѣ сыну вдовину.—
Идетъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
На ножку Потанюшка прихрамливаетъ,
На другую Потанюшка припадываетъ.
Приходитъ ко князю московскому,
45 Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Князю Михайлы въ особину.
— Здравствуй Михайла князь!
— О чемъ меня требуешь?
50 Испроговоритъ Михайла князь:
« Ахъ, Потанюшка вдовинъ сынъ!
« Проситъ Кастрюкъ молода борца,
« Чтобы съ нимъ намъ поборотися,
« Съ молодымъ поратиться.»
55 Выходитъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
Выходитъ Потанюшка на широкъ дворъ,
Самъ князю испроговоритъ:
— Какъ мнѣ съ Кастрюкомъ поборотися,

— Съ молодымъ поратиться?
60 Отвѣчаетъ князь московскій:
« Какъ ты знаешь, Потанюшка вдовинъ сынъ! »
Какъ ухватитъ Потанюшка, вдовинъ сынъ,
Кастрюка, молода борца,
Здыне его выше головы,
65 Спуститъ его о кирпиченъ мостъ,
Лопнула щиль по брюшины .....
Скидывалъ ю онъ до гола,
Стыдилъ ея личко бѣлое,
Повелъ ю по каменной Москвы,
70 Кричалъ во всю голову:
« Глядите на молода борца! »—
Увидала Авдотья Кастрюковна:
« Ай ты, Потанюшка вдовинъ сынъ!
« Отсѣкъ бы ты ей буйну голову,
75 « Не стыдилъ бы ты ей личка бѣлаго,
« Придалъ бы ей скору смерть ».

XVIII.

Ѳ. НИКИТИНЪ.

Ѳедоръ Никитинъ, крестьянинъ Выгозерскаго погоста, Повѣнецкаго уѣзда. Три былины съ его именемъ помѣщены въ IV т. Рыбниковскаго собранія и въ «Замѣткѣ» о немъ нѣтъ ни слова. Гильфердингъ, записавшій отъ Никитина восемь былинъ (въ томъ числѣ и три Рыбниковскія), сообщаетъ, очевидно, со словъ самого пѣвца, что запись для Рыбникова была сдѣлана писаремъ мѣстнаго исправника. Изъ свѣдѣній, данныхъ у Гильфердинга, интересенъ фактъ, что Никитинъ получилъ свой былинный запасъ не въ Пріонежьи, а на Поморьи, въ Кемскомъ уѣздѣ. Сравненіе Рыбниковскихъ записей съ Гильфердинговскими обнаруживаетъ замѣтное уменьшеніе объема каждой былины за небольшой періодъ времени (менѣе

десяти лѣтъ): всѣ три былины содержали въ 60-хъ гг. до 530 стиховъ, а въ 70-хъ гг.—лишь 440. Причина дана у Гильфердинга: должность лѣсного стражника лишила Никитина досуга и заставила его многое позабыть. Надо замѣтить, что такое уменьшеніе объема (его можно нерѣдко наблюдать, сличая оба сборника) не бываетъ обыкновенно простымъ отпаденіемъ подробностей или цѣлыхъ эпизодовъ: на ряду съ сжатіемъ однихъ мѣстъ наблюдается, наоборотъ, разрастаніе другихъ, но въ цѣлой былинѣ отливъ преобладаетъ надъ приливомъ. Такъ въ былинѣ Никитина объ Ильѣ и Соловьѣ (№ 110 Рыбн. = № 171 Гильф.) разсказъ о томъ, какъ конь Ильи дважды пугается свиста Соловья, занимаетъ у Рыбн. 10 стиховъ, у Гильф.—25, но весь эпизодъ съ Соловьемъ у послѣдняго короче почти на 40 стиховъ. Изученіе всякаго рода измѣненій одной и той же былины у одного и того же пѣвца въ связи съ разнообразными причинами этого могло бы, повидимому, дать рядъ не лишенныхъ важности выводовъ.

Въ записи № 110 обращаетъ на себя вниманіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ вполнѣ произвольное (можетъ быть, случайное) раздѣленіе одного стиха на два самостоятельныхъ (напр., 80—81, 97—98, 99—100, 224—225, 333—334, 335—336: всѣ эти 12 стиховъ должны быть слиты въ 6).

110.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

(Гильферд. № 171).

Изъ того ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того ли села Корочаева
Была въ одно [1]) поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ удалый добрый молодецъ,
И на своемъ ли онъ выѣзжаетъ на добромъ конѣ,
И на томъ ли богатырскомъ кованомъ сѣдлѣ,

[1]) Однажды.

Старый казакъ Илья Муромецъ.
Былъ добрый конь у него Тучападушко.
Съ горы на гору перескакивалъ,
10 Съ холмы на холмы перепрыгивалъ,
Онъ мелкія рѣки-озера между ногъ спущалъ,
И мхи-болота хвостомъ застилалъ,
И сини моря на-околъ скакалъ.
Выѣзжаетъ добрый молодецъ,
15 Старый казакъ Илья Муромецъ,
И выѣзжаетъ онъ во чисто поле,
И увидѣлъ въ чистомъ полѣ Сервалюцъ-камень, [1])
На камени подпись подписана,
И той ли рѣчью Латынскою,
20 И отъ камешка лежитъ на востокъ три розстани:
« Въ перву розстань ѣхать—богату быть;
« Въ другу розстань ѣхать—женату быть,
« Женату быть и съ дѣвицей спать;
« А въ третью розстань ѣхать—живу не быть,
25 « Живу не быть и убиту быть. »
Стоитъ старенькой, издивляется,
Головой качаетъ, самъ выговариваетъ:
« Сколько ль я въ чистомъ полѣ ходилъ,
« Ходилъ, гулялъ и прохаживалъ,
30 « А экова чуда не нахаживалъ!
« Развѣ поѣхать старому въ тую розстань,
« Въ ту розстань, гдѣ богату быть? »
И стоитъ старенькой, самъ раздумываетъ:
« Почто я поѣду въ тую розстань,
35 « Въ тую розстань, гдѣ богату быть?
« Нѣту вѣдь у меня молодой жены,
« И любимой семьи, малыхъ дѣточекъ:
« Некому держать золотой казны,
« Некому держать платья цвѣтнова.
40 « Развѣ поѣду *я*, добрый молодецъ,
« Въ ту дорожку, гдѣ женату быть,

[1]) Производитъ впечатлѣніе произвольно составленнаго собственнаго имени: вѣроятно, первая половина слова должна просто читаться: *сѣръ.—Ред.*

« Гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать? »
Стоитъ старенькой, самъ раздумался:
« Почто я поѣду въ тую розстань,
45 « Въ тую розстань, гдѣ мнѣ женату быть?
« Прошла теперь вся моя молодость:
« Молоду́ю взять, то чужая корысть,
« А стару взять, то на печи лежать,
« На печи лежать и киселемъ кормить. —
50 « Поѣду я, добрый молодецъ,
« Въ тую дорожку, гдѣ мнѣ убиту быть:
« Знаю я, добрый молодецъ,
« Что на бою смерть написана? » [1])
Садился ли добрый молодецъ
55 На своего добра коня богатырскаго
И такъ поѣхалъ въ тую розстань,
Въ тую розстань, гдѣ убиту быть.
Чуть проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую,
Не доѣхалъ онъ до Индіи богатыя,
60 Наѣхалъ добрый молодецъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,
Сорокъ тысячъ разбойниковъ
И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ,
И испроговорилъ тутъ таково слово:
« Ахъ вы, сорокъ тысячъ разбойниковъ
65 « И тѣхъ ночныхъ подорожниковъ!
« Здѣсь вамъ бить-трепать стараго некого,
« И взять-то вамъ со стараго будетъ нечего:
« Здѣсь нѣту у стараго золотой казны,
« Да нѣту у стараго платья цвѣтнаго.
70 « Столько есть у стараго

---

[1]) Если слова эти не принимать въ ироническомъ смыслѣ или за случайную ошибку (учитель пѣлъ „не писана“, а Никитину слышалось „написана“), то пѣвецъ здѣсь противорѣчитъ высказывающемуся въ другихъ былинахъ сознанію самого Ильи Муромца, что ему смерть на бою не писана. Даже тогда, когда какой-либо необыкновенный случай и вызываетъ иногда у Муромца сомнѣніе въ непреложности такого убѣжденія, то народъ художественно мотивируетъ внутреннюю причину сомнѣнія у богатыря:

„ Хотя на бою мнѣ смерть не писана,
„ Переступитъ сила черезъ великъ законъ. “

« Добрый конь сивушко-Тучападушко,
« И на добромъ конѣ есть уздечка тесмянная,
« И во той ли уздечкѣ тесмянныя
« Въ обѣихъ сторонахъ зашито по камешку,
75 « По ясному по камешку по яхонту —
« И не для красы, и не для басы,
« Ради крѣпости богатырскія:
« Гдѣ ходитъ мой добрый конь въ темну осенну ночь,
« И видно его за пятнадцать верстъ;
80 « Еще есть у стараго
« Сѣделышко черкасское,
« На которомъ я самъ сижу,
« Старый козакъ, Илья Муромецъ;
« Еще есть у стараго
85 « На ногахъ чеботки семи шелковъ, семи рядовъ,
« Не для красы, не для басы,
« Ради крѣпости богатырскія.
« Да еще у стараго случилося,
« На буйной головы шеломъ сорока пудовъ,
90 «И теперича оно мнѣ пригодилося! »
Хватилъ шеломъ во праву руку,
А конскій поводъ во лѣву руку
И направляетъ коня въ эту армію [1])
И въ сорокъ тысячъ разбойниковъ
95 И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ.
И началъ шеломомъ помахивать:
Онъ въ сторону махнетъ,
Туда улица,
Въ другу сторону махнетъ,
100 Туда переулочекъ;
И въ двоемъ, въ троемъ топчетъ его добрый конь.
И убилъ сорокъ тысячъ разбойниковъ
И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ
И не оставилъ ихъ на сѣмена.

---

[1]) Первоначально въ былинахъ вмѣсто *армія* ѣздѣ стояло *войско*, *сила*; потомъ образовались соединенія въ родѣ: *сила — армія великая*, и наконецъ слово *армія* стало употребляться безъ перевода.

105 Остальные видятъ, что бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая,
И разбѣжались они во темны лѣса,
Во темны лѣса во дремучіе.
И очистилъ тую первую заставу,
110 И возвращается назадъ къ тому камени,
На которомъ подписана была подпись великая.
И поѣхалъ въ тую розстань,
Гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать.
Пріѣзжаетъ онъ во чисто поле,
115 Во чистомъ полѣ стоитъ бѣлъ шатеръ,
Недалече отъ бѣла шатра
Стоятъ палаты бѣлокаменны,
И въ тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Живетъ Паленица удалая.
120 И у ей была кроватка оманслива [1]):
И принимала она каждаго страннаго
Во тѣ палаты бѣлокаменны,
Кормила кушаньями сахарными,
И поила напитками медвяными,
125 И отводила ихъ во спальну драгоцѣнную,
Гдѣ стояла кроватка оманслива,
Просила добрыхъ молодцевъ на кроватку спать.
Впереди проситъ повалиться добрыхъ молодцевъ,
А вослѣдъ ложится красна дѣвица.
130 А того не знаетъ добрый молодецъ,
Что кроватка есть оманслива:
Который повалится спать на кроватку,
Та кроватка подвёрнется,
То улетитъ онъ въ погреба глубокіе.
135 Подъ кроваткой былъ погребъ въ глубину сорока сажень,
И во этомъ во погребѣ было накоплено
Триста рыцарей, сильныхъ могучихъ богатырей.
Какъ увидала прекрасная дѣвица
Пріѣхавши того добраго молодца,

---

[1]) Оманслива—обманная, обманчивая. У Заонежанъ „сливый“ часто употребляется вмѣсто „чивый“, напр.: застойсливый, задумсливый.

140 Выходила на крылечко переное,
Беретъ его за руки за бѣлыя
И за тѣ ли перстни злаченые,
Цѣлуетъ его въ уста во сахарныя
И приводитъ въ палаты бѣлокаменны;
145 Посадила его на золотъ стулъ
И за тотъ ли за кленовый столъ,
И начала его поить-кормить,
И просить добра молодца на кроватку спать.
И отъ того добрый молодецъ не отказывается,
150 Скидываетъ платье самоцвѣтное,
Испроговоритъ добрый молодецъ таково слово:
« Ахъ ты, душечка, красна дѣвица!
« Повались на кроваточку напередъ сама,
« А потомъ я повалюсь, добрый молодецъ. »
155 Тутъ красна дѣвица призадумалась.
Хватилъ дѣвицу на середочкѣ,
И бросилъ ее на кроваточку,
И тутъ кроваточка подвернулася, —
Улетѣла она во погребъ глубокій. [1])
160 Закричалъ добрый молодецъ
Громкимъ голосомъ богатырскіимъ:
« Ахъ, ребята! имай-хватай;
« Вотъ сама идетъ . . . »
Отворилъ погребъ глубокій,
165 И выпущаетъ онъ оттель всѣхъ рыцарей
И сильныхъ могучихъ богатырей:
Алешу Поповича, Никиту Добрынича [2])
И другихъ всѣхъ прочіихъ.
И у самой красной дѣвицы
170 Отсѣкъ по плечъ буйну голову
За ту надсмѣшку великую.

---

[1]) На вопросъ, не знаетъ ли пѣвецъ еще чего-нибудь про эту царевну-красавицу, онъ разсказалъ, что ее звали Зенирой прекрасной, что красотой своею она прельщала царевичей и королевичей, и сильныхъ, могучихъ богатырей, и что живописцы не могли описать этой красоты.

[2]) Т.-е. Добрыню Никитича или же древняго старшаго богатыря Никиту, подъ видомъ котораго иногда дѣйствуетъ самъ Илья Муромецъ.

И очистилъ тую заставу.
Возвращается назадъ къ Сервалюцъ-каменю,
И поѣхалъ удалой добрый молодецъ
175 Въ тую розстань, гдѣ богату быть.
Во чистомъ полѣ нашелъ погреба глубокіе,
Которые были наполнены златомъ-серебромъ,
И поверху покрыты скатнымъ жемчугомъ,
И хранилось это злато-серебро
180 Той ли душечки красной дѣвицы.
Не допускаютъ его стражи великіе,
И убилъ онъ стражу великую,
И завладѣлъ всѣ къ себѣ этые погребы,
И раздѣлилъ это злато-серебро
185 По церквамъ по Божіимъ,
И по сиротамъ по бѣдныимъ.
И очистилъ тую третью великую заставу.
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко славному князю Владиміру;
190 Бьетъ челомъ о сыру землю,
Бьетъ челомъ, низко кланяется:
« Ахъ, ласково солнце, Владиміръ-князь,
« Стольно-Кіевской, славно-Владимірской!
« Я очищу дорожку прямоѣзжую
195 « Отъ Кіева до Чернигова. »
И была та дорожка прямоѣзжая
Три-девяносто равномѣрныхъ верстъ,
А около было полторы тысячи.
Никто этою дорожкою прямоѣзжею
200 Пѣша туда не прохаживалъ,
И на добромъ конѣ никто не проѣзживалъ.
На этой дорожкѣ прямоѣзжія
Была застава великая:
Сидѣлъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
205 На семи дубахъ крякновистыихъ;
Свисталъ онъ посвистомъ змѣиныимъ,
А кричалъ покрикомъ львиныимъ,
И убивалъ проѣзжихъ добрыхъ молодцевъ,

Сильныхъ, могучихъ богатырей.
210 Поѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ
Очистить тую дорожку прямоѣзжую,
Беретъ съ собой свой тугой лукъ,
И еще беретъ стрѣлочку каленую.
Поѣхалъ добрый молодецъ во чисто поле
215 Той ли дорожкою прямоѣзжею.
Чуть доѣхалъ добрый молодецъ
До тѣхъ дубовъ крякновистыихъ,
Увидѣлъ Соловей-разбойникъ добра молодца:
Засвисталъ онъ по змѣиному,
220 А закричалъ онъ по львиному,—
И у добра молодца у старова казака Ильи Муромца
Добрый конь на колѣна палъ.
Видитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ—
Ѣдетъ добрый молодецъ,
225 И ничего не чувствуетъ,—
Закричалъ Соловей-разбойникъ во второй наконъ
Во весь крикъ звѣриный,
Что вздрогнулъ старый казакъ Илья Муромецъ,
А добрый конь на колѣна палъ.
230 Беретъ старый казакъ Илья Муромецъ
Свой тугой лукъ разрывчатый,
И полагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣляетъ онъ въ Соловья-разбойника;
Прилетѣла стрѣлочка ему въ правый глазъ,
235 И упалъ Соловей-разбойникъ о сыру землю.
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Беретъ его на нетелку шелковую,
И привязываетъ его къ стремени богатырскому,
И везетъ его во славный Кіевъ градъ,
240 Ко стольному князю Владиміру.
Увидалъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Ѣдучи удалаго добра молодца,
Стараго казака Илью Муромца,
И везетъ онъ Соловья-разбойника,—
245 Бьетъ челомъ и низко кланяется

За очищеніе дорожки прямоѣзжія,
И беретъ его за руки бѣлыя,
И за тые перстни за злаченые,
Ведетъ его въ палаты бѣлокаменныя.
250 Зачинаетъ Владиміръ князь почестенъ пиръ.
На тѣхъ на князей, на бояръ,
И на славныхъ русскихъ богатырей,
И на тѣхъ поленицъ удалыихъ.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы,
255 Всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Иной хвастаетъ тѣмъ и сѣмъ,
А иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
260 А иной хвастаетъ златомъ-серебромъ,
А иной хвастаетъ силой богатырскою,
А иной хвастаетъ палатой бѣлокаменной,
А иной хвастаетъ родимой сестрой,
А иной хвастаетъ любимой семьей,
265 А умный хвастаетъ отцомъ-матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
А старый казакъ Илья Муромецъ
Ничего онъ не хвастаетъ,
За столомъ сидитъ, самъ кручинится,
270 Попустилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ [1]).
Приходитъ къ нему Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Испроговоритъ ему таково слово:
— Что же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
— Ничѣмъ ты не хвастаешь?
275 — Похвастай-ко ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
— Своей ли ты удачей да богатырскою,
— И какъ ты очистилъ дорожку прямоѣзжую,
— И какъ привезъ сюда Соловья-разбойника.

---

[1]) По моему мнѣнію, пѣвецъ машинально перенесъ на Илью Муромца кручину удалаго молодца на пиру изъ другой какой-либо былины: о чемъ было тутъ кручиниться Ильѣ: по крайней мѣрѣ кручина его ничѣмъ не мотивирована.

— И прикажи-ко ты, Илья Муромецъ,
280 — Засвистать Соловью-разбойнику въ полсвистка змѣинаго,
— А закричать въ полкрика львинаго:
— Пусть послушаютъ всѣ гости пріѣзжіе. —
Привелъ Соловья-разбойника
Во тыя палаты бѣлокаменны,
285 Испроговоритъ таково слово:
« Ай же ты, Соловей Одихмантьевичъ!
« Засвищи въ полсвистка змѣинаго,
« Закричи въ полкрику львинаго:
« Пусть всѣ у насъ на пиру потѣшатся,
290 « Пусть потѣшатся и всѣ послушаютъ. »
Тутъ Соловей-разбойникъ зло выдумывалъ:
Хотѣлъ крикомъ да свистомъ
Убить всѣхъ на пиру сидящіихъ:
Засвисталъ во весь свистъ змѣиный
295 И закричалъ во весь крикъ львиный.
Всѣ на пиру лежатъ безъ памяти,
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Тотъ стоитъ-шатается,
А старый казакъ Илья Муромецъ
300 Тому чуду издивляется,
Издивляется, самъ усмѣхается,
Испроговоритъ онъ таково слово:
« Ай же ты, Соловей Одихмантьевичъ!
« Не послушалъ ты моего приказанія. »
305 Выводитъ Соловья онъ на улицу
Супротивъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И отрубилъ у него съ плечъ буйну голову.
Испроговоритъ тогда Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
310 — Старый казакъ Илья Муромецъ!
— Чѣмъ же я теперь буду жаловать?
— Бери у меня золотой казны,
— Золотой казны несмѣтныя,
— Столько бери, сколько надобно;
315 — И бери у меня городовъ съ пригородками,

— И бери у меня села съ приселками,
— И бери у меня деревни съ крестьянами,
— Бери въ награду чинъ великій. —
Испроговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Не надоть мнѣ твоей золотой казны,
« Золотой казны несмѣтныя;
« И не надо мнѣ твоихъ городовъ съ пригородками,
« И не надоть селъ съ приселками,
« И не надоть деревень съ крестьянами,
« И не надо въ награду чинъ великій:
« Это для меня ничего не надобно.
« Только дай мнѣ одно село Карачаево,
« Столько-бъ дай земли,
« Что живетъ старый казакъ Илья Муромецъ
« Въ томъ селѣ Карачаевѣ. »
Бьетъ челомъ, низко кланяется о сыру землю
Князю Владиміру стольно-Кіевскому.
Садился добрый молодецъ
На добра коня,
И поѣхалъ добрый молодецъ
Во чисто поле.
Куда падаютъ копыта лошадиныя,
Тутъ становятся колодцы ключевой воды;
Въ чистомъ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ валитъ.
Столько видѣли добра молодца сядучись,
А не видѣли его поѣдучись.—
Тѣмъ его поѣздка кончилась.

111.

ИВАНЪ—ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(Гильферд. № 172.)

Отъ батюшки было отъ умнаго
И отъ матушки отъ разумныя

Зародилося чадушко безумное,
Безумное чадо неразумное,
5 Из-по имени Иванушко Гостиный сынъ.
Померъ у Иванушка родный батюшка,
Осталась у Иванушка родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна.
Посылаетъ честна вдова Офимья Олександровна
10 Своего ли чада милаго
Торговать за сине море.
И наказываетъ чаду родна матушка:
« И станешь торговать ты, чадо милое,
« Чадо милое, дитя любимое,
15 « Из-по имени Иванушко Гостиный сынъ,
« Отнюдь не ходи ты на царевъ кабакъ,
« Ты не пей-ка, чадо, зелена вина
« И не имѣй союзъ со дѣвками .....,
« И со тѣма со женками со .....,
20 « И со тѣма голями кабацкима. »
Поѣхалъ Иванушко за сине море
Торговать разными товарами,—
Не послушалъ чадо наказанья родной матушки:
И сталъ часто ходить на царевъ кабакъ,
25 И сталъ много испивать зелена вина,
Сталъ имѣть союзъ со дѣвками .....,
И со тѣма со женкамисо .....,
Со тѣма ли голями со кабацкима.
И пропилъ, прогулялъ все отцовское имѣніе,
30 И всѣ промоталъ товары заморскіе,
И отдалъ въ закладъ черны корабли.
Про то услышала его родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна.
Пріѣзжаетъ она за сине море
35 За тѣ ли города иностранные;
Стала добираться чада милаго,
Чада милаго, сына любимаго,
По имени Иванушка Гостинаго.
Приходитъ она къ цареву кабаку,

40 Испроговоритъ она таково слово:
« Ай же вы, народъ православный,
« Ай же вы, голи кабацкіе!
« Не видали ли вы моего чада милаго,
« Чада милаго и сына любимаго,
45 « По имени Иванушка Гостинаго? »
И испроговорятъ ей тутъ голи кабацкіе:
— Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
— Сидитъ твое чадо милое
— За стойкой во царевомъ во кабакѣ,
50 — И пьетъ, кушаетъ онъ зелено вино. —
Приходитъ она да во царевъ кабакъ,
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да о сыру землю,
55 Она бьетъ челомъ да низко кланяется,
Своему ли она сыну, ему, въ особину.
Прокатились у ней слезы изъ ясныхъ очей,
И беретъ она чада милаго,
Чада милаго и единаго сына любимаго,
60 По имени Иванушка Гостинаго,
Беретъ она за бѣлы руки,
За тые ли перстни за злаченые
И ведетъ его ко синю морю,
Ко синю морю, ко солоному,
65 На тую пристань корабельную,
Ко тѣмъ ко купцамъ ко заморскіимъ,
И да спроговоритъ она да таково слово:
« Ай же вы, купцы заморяна,
« Вы заморяна и Вавилоняна!
70 « Вы купите у меня чада милаго,
« Чада милаго, дитя любимаго,
« По имени Ивана Гостинаго,
« И дайте вы за него пятьсотъ рублей. »
И испроговоритъ Иванушко Гостиный сынъ:
75 — Не жалѣйте вы за меня цѣлой тысящи.—
Испроговорятъ купцы заморяна:

— Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
— Ты не вора ли продаешь, не разбойника,
— Не ночного ли ты подорожника? —
« Я не вора продаю и не разбойника
« И не ночного я подорожника:
« Продаю я единаго сына любимаго,
« По имени Иванушка Гостинаго. »
Тутъ прощается Иванушко съ родной матушкой;
Прокатилися у Иванушки горячи слезы,
Горячи слезы изъ ясныхъ очей,
Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:
— Ты прощай-ка, прощай, родна матушка,
— Честна вдова Офимья Олександровна!
— По закону была родна матушка,
— А по житью-бытью змѣя лютая,
— Змѣя лютая, подколодная,
— Подколодная, подкустовная. —
Тутъ простилася родна матушка
Со своимъ ли чадомъ милыимъ;
Прокатилася слеза изъ ясныхъ очей,
Во слезахъ она словцо промолвила:
« Не дивитесь вы, народъ православныій,
« Что продала я своего чада милаго,
« По имени Иванушка Гостинаго:
« Не кормитель онъ былъ родной матери,
« А разоритель былъ золотой казны,—
« А за проступокъ я его и продала. »

112.

ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВЪ И СЕСТРА.

(Гильферд. № 176.)

Какъ у вдовушки былò у пашицы
Что-ль девять сынковъ и одинáка дочь.

Что-ль девять сынковъ возрастать сталѝ,
Возрастать стали да вдругъ повыросли,
5 Вдругъ повыросли, да во разбой пошли
Во тую ли во шайку да во разбойницку;
А одинаку дочь замужъ выдала
Что-ль за славное за сине море
За того ли купчика за богатаго.
10 Она годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—да въ умахъ не было,
На третій годъ стосковалася.
У мужа она да подавалася
Ѣхать въ гости да во свою землю
15 Ко своимъ дражайшимъ (sic) къ родителямъ.
Двое вздумали, съ мужемъ поѣхали
На томъ ли на черно́мъ на ко́раблѣ.
Середи моря́ да средь синяго
Что-ль не тученьки да призате́мнѣли,
20 Не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призаче́рнѣли черны́ ко́рабли,
Призабѣлѣли тонки парусы,
Что-ль наѣхало девять разбойниковъ.
У молодой жены у красавицы
25 Взяли—у ней тутъ мужа потре́били,
А жива́ младенчика въ море спу̀стили,
Молоду вдову прибезчестили,
Все имѣніе, злато-серебро да поразграбили,
Что-ль черненъ корабль да огню предали.
30 Всѣ разбойники спать улягутся,
А единъ разбойникъ, атаманъ большой,
Съ молодой вдовой сѣлъ разговаривать,
Разговаривать да на словахъ ласка́ть:
« Не кручинься ты, молода жена!
35 « Мы найдемъ тебѣ что-ль ина мужа. »
Сталъ разбойникъ онъ выспрашивать:
« Ты скажи-ка, скажи, скажи, вдовушка,
« Ты чьего роду есть, да чьего племени,
« Ты да чьего отца, чьей ты матери

40 « И какъ тебя да именёмъ зовутъ,
« Звеличаютъ тебя да по отечеству? »
Во слезахъ вдовушка да словцо смолвила:
— И на ч-и-то меня бѣдну спрашивать?
— Тѣло мое полоненое,
45 — Я сирота вдова прибезчестьена [1]).
— Есть я роду самонижняго,
— Есть я роду вдовки-горя-пашицы.
— Что-ль у вдовушки было у пашицы
— Девять сыновъ, моихъ братьевъ родныихъ.
50 — Девять сыновъ возрастать стали,
— Возрастать стали, вдругъ повыросли,
— Вдругъ повыросли, да во разбой пошли;
— А меня, одинаку сестру, въ замужъ выдали
— Что-ль за славное да за сине море,
55 — Что за того-ль за купчика за богатаго.
— Ужъ я годъ жила—не стоснулася,
— Другой жила—въ умахъ не было,
— На третій годъ я стосковалася.
— Двое вздумали, съ мужемъ поѣхали
60 — Во свою землю да во отечество
— Ко своей родителю-матушкѣ,
— Честной вдовы да горе-пашицы.—
Тутъ разбойникъ, атаманъ большой,
Атаманъ большой да прирасплакался:
65 Покатились слезы по бѣлу лицу.
Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:
« Выставайте-ко, братцы ро́дные!
« Мы вѣдь сдѣлали проступки великіе:
« Первой проступокъ—во разбой пошли,
70 « Грабили всѣ имѣнія, злато-серебро,
« Проливали напрасно кровь человѣческу;
« Другой проступокъ великій—
« У родимо́й сестры мужа потребили,

[1]) Въ Пудожскомъ уѣздѣ и сосѣдней съ нимъ части Повѣнецкаго уѣзда произносится иногда какъ *стъ*.

« Живаго ина племника [1]) въ море спустили;
« Третій преступокъ великій,
« Великій грѣхъ тяжкіій—
« Родиму сестру прибезчестили! »
Вставаютъ со сна всѣ разбойники,
И всѣ разбойники да прирасплакались
И съ родимой сестрой поздоровались.
Приходили они во свою землю
Ко той ли ко родимой ко матушкѣ
Ко честной вдовѣ, горе-пашицы.
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались;
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли сиротамъ по бѣдныимъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ;
Сами пошли скитатися по разны̀мъ страна̀мъ.

XIX.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда, далъ въ сборникъ Гильфердинга 14 былинъ, тогда какъ у Рыбникова ему приписано всего двѣ. Это объясняется тѣмъ, что Рыбникову не удалось увидѣться съ нимъ лично; какъ разсказывалъ Калининъ Гильфердингу, Рыбниковъ приглашалъ его къ себѣ, но онъ не рѣшился поѣхать и даже постарался уклониться отъ писаря, котораго послалъ къ нему исправникъ, чтобы записать для Рыбникова его былины; поэтому писарю удалось записать только двѣ и то въ сокращенномъ видѣ. Дѣйствительно, былина о Потыкѣ у Рыбникова имѣетъ 500 стиховъ, а у Гильфердинга —

[1]) Можетъ быть: „жива гоина племника“.

970. Но если запись для Рыбникова и была сдѣлана при неблагопріятныхъ условіяхъ, она все же не можетъ считаться спѣшной или небрежной: былины были пропѣты или сказаны по меньшей мѣрѣ два раза, какъ это явствуетъ изъ примѣчанія къ 13 стиху былины о Потыкѣ.—У Рыбникова Калининъ не носитъ фамиліи, а имя его, вскользь упомянутое въ «Замѣткѣ» (нов. изд. стр. XCII) и вѣрно обозначенное, перепутано въ IV томѣ при былинахъ, гдѣ онъ названъ Васильемъ.

113.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 6.)

У солнышка у князя Владиміра
Пированьице идетъ по третій день.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на честномъ наѣдалися,
5 Всѣ на пиру порасхвастались.
Испроговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Нечѣмъ мнѣ, князю, похвастати;
« Остались у меня дани-выходы
« За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ съ половиною.
10 « Съѣздите-ка, русскіе богатыри:
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди-ка во большу землю,
« Большу землю, каменну Москву [1]);
« Молодой Добрыня Никитиничъ!
15 « Ты съѣзди-ка въ небольшу землю,
« Небольшу землю, Золоту Орду;
« Михайла Потыкъ Ивановичъ!
« Ты съѣзди-ка во землю Подольскую;
« Повыправьте-ка тамъ дани-выходы. »
20 Старый казакъ Илья Муромецъ

[1]) Второй разъ пѣвецъ пѣлъ: каменну орду.

Вставалъ по утру ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Убирался хорошохонько,
Сѣдлалъ своего добра коня,
25 Кладывалъ потники на потники,
На потники клалъ войлоки,
На войлоки черкасское сѣделышко,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
30 Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.
Пріѣзжалъ на гору Сорочинскую,
Къ тому кресту къ Леванидову.
Молодой Добрыня Никитиничъ
Вставалъ по утру ранешенько,
35 Умывался бѣлешенько,
Убирался хорошохонько,
Сѣдлалъ своего добра коня,
Кладывалъ потники на потники,
На потники клалъ войлоки,
40 На войлоки черкасское сѣделышко,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.—
Пріѣзжалъ на гору Сорочинскую,
45 Къ тому кресту къ Леванидову.
Михаила Потыкъ Ивановичъ
Вставалъ по утру ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Убирался хорошохонько,
50 Сѣдлалъ своего добра коня,
Кладывалъ потники на потники,
На потники клалъ войлоки,
На войлоки черкасское сѣделышко,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
55 Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ;
Пріѣзжалъ на гору Сорочинскую,

Къ тому кресту къ Леванидову.
Тутъ стали они опоцевъ [1]) держать.
60 Крестами они побратались,
Назвались крестовыми братьями;
Потомъ они распростилися
На прощаньи они спромолвили:
— Кто у насъ по прежде повыправитъ,
65 — Другому навстрѣчу поспѣвать. —
Старый казакъ Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю;
Добрыня Никитиничъ
Поѣхалъ онъ въ Золоту Орду;
70 Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поѣхалъ онъ во землю Подольскую,
Къ тому королю Подольскому,
Сталъ выправлять дани-выходы.—
Мужики на Подолѣ всѣ скошевалися [2]),
75 Не стали отдавать даней-выходовъ.
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поразсердилъ плечо богатырское,
Сталъ бить-казнить, инныхъ вѣшати.
Всѣ мужички Подоляне перепалися,
80 Стали отдавать дани-выходы:
Сталъ выправлять дани-выходы
За двѣнадцать годъ,
За тринадцать лѣтъ съ половиною.
Стали справлять мужики дани-выходы,
85 Онъ сталъ гулять по заводямъ,
Стрѣлять гусей и лебедей,
Увидѣлъ онъ бѣлую лебедушку,
Натягивалъ свой тугой лукъ.
Лебедушка ему смолилася:
90 « Михайла ты Потыкъ Ивановичъ!
« Не стрѣляй меня нынче лебедушки.
« Я есть не бѣлая лебедушка,

---

[1]) Опочивъ.

[2]) Собрались въ кошь, т.-е. лагерь, станъ, изъ осѣдлостей.

« А та красна дѣвушка,
« Марья Подоленка,
95 « Марья Подоленка королевична;—
« Возьми ты меня во замужество. »
Зрадовался Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Взялъ Марью Лебедь Бѣлую,
Марью Лебедь Бѣлую королевичну,
100 Королевичну Подоленку.—
Получилъ онъ съ нихъ дани-выходы,
Поѣхалъ онъ къ солнышку Владиміру,
Ко князю стольно-Кіевскому,
Съ Марьей Лебедь Бѣлою,
105 Королевичною Подоленкой.
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву,
Ко князю стольно-Кіевскому,
Привозитъ онъ дани-выходы,
За двѣнадцать годъ,
110 За тринадцать лѣтъ съ половиною,
Съ той земли Подольскія.
Михайло Потыкъ Ивановичъ
Приводитъ въ вѣру въ крещеную
Марью Лебедь Бѣлую,
115 Принялъ съ ней по злату вѣнцу,—
Сочинили законный бракъ,
На томъ они порасписалися:
— Кто напередъ у насъ пріумретъ ли,
— Другому идти во сыру землю,
120 — Во сыру землю на два мѣсяца.—
Пированьйце у нихъ по третій день.
Приходитъ ко князю стольно-Кіевскому,
Испроговоритъ князь стольно-Кіевскій:
« Чѣмъ тебя наскоро пожаловать:
125 « Города-ль тебѣ дать съ пригородками,
« Аль села тебѣ дать съ приселками? »
— Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
— Селъ твоихъ со приселками,
— Мнѣ дай-ка ты лишь волюшку:

130 — На царевыхъ на кабакахъ
— Давали бы мнѣ вино безденежно:
— Гдѣ могу пить кружкою, гдѣ полкружкою,
— Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ.—
Онъ сталъ ходить по царевымъ по кабакамъ,
135 Пить вино безденежно:
Гдѣ кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ.—
Отворплася дверь дубовая,
Дверь дубовая на пяту,
140 Пріѣзжаетъ посланникъ великіій:
« Ахъ ты, Михайла Потыкъ Ивановичъ!
« Что ты пьешь, ѣшь, прохлаждаешься,
« Надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
« Наѣхалъ царь Бухарь заморскіій
145 « И проситъ онъ у насъ даней-выходовъ
« Съ того князя стольно-Кіевскаго
« За двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною—
« Проситъ князь на думу великую. »
150 Пріѣзжаетъ ко князю стольно-Кіевскому:
— Пиши-тко ты, князь стольно-Кіевскій,
— Ёрлыки скорописчаты,
— Что отправлены у меня дани-выходы
— За Михайломъ Потыкомъ Ивановымъ
155 — Къ тому царю Бухарю ко заморскому. —
Отправляется Михайла Потыкъ Ивановичъ
Самъ къ царю Бухарю посланникомъ
Безъ даней, безъ выходовъ.
Принимаетъ царь Бухарь заморскіій
160 Ерлыки скорописчаты,
Самъ испроговоритъ:
« Прочитывалъ ерлыки скорописчаты:
« Гдѣ же дани-выходы осталися? »
— Да колеса обломились,
165 — Тамъ телѣжки въ чистомъ полѣ остались,
— Остались починщики починивать. —

Царь Бухарь заморскіій,
Онъ взрадуется и говоритъ:
« Михайла Потыкъ Ивановичъ!
170 « Чѣмъ у васъ на Руси забавляются?»
— У насъ на Руси забавляются,
— Играютъ во шашки во шахманки. —
Ставили дощечку дубовую,
Тыя шашечки кленовыя:
175 Тутъ царь Бухарь заморскіій
Ставитъ на дощечку дубовую дани-выходы,
А Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставитъ добра коня и буйну голову.
Сыграли дощечку дубовую,
180 Проигралъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
Своего добра коня и свою буйну голову.
Ставили дощечку въ другой разъ:
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставилъ свою Марью Лебедь бѣлую,
185 Да свою матерь родимую,
А царь Бухарь заморскіій
Поставилъ его добра коня,
Буйну голову и дани-выходы.
Михайла Потыкъ Ивановичъ повыигралъ.
190 Ставили они дощечку въ третій разъ:
Царь Бухарь заморскіій
Ставилъ полцарства-Бухарства-имянства заморскаго,
А Михайло Потыкъ Ивановичъ
Ставитъ на дощечку дубовую
195 Онъ дани-выходы, буйну голову и коня богатырскаго.
Сыграли дощечку во третій разъ,
Повыигралъ Михайла Потыкъ Ивановичъ.
Ставили дощечку въ четвертый разъ:
Царь Бухарь заморскіій
200 Ставилъ царство-имянство бухарское,
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставилъ полцарства-Бухарства заморскаго,
Еще ставилъ дани-выходы.

Сыграли дощечку въ четвертый разъ,
205 Михайла Потыкъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку въ четвертый разъ.
Тутъ дверь отворилася,
Пріѣзжаетъ Добрыня Никитиничъ,
Самъ испроговоритъ:
210 « Что же, братецъ крестовыій,
« Играешь во шашки во шахманки,
« Надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
« Твоя Марья Лебедь-Бѣлая —
« Она померла. »
215 Скочитъ Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Скочитъ онъ на рѣзвыя ноги,
Ухватитъ дощечку дубовую,
Тропнетъ дощечкой дубовою,
Два двери дубовыя,
220 Выставилъ онъ двери со липеньями,
Испроговоритъ брату крестовому:
— Ахъ ты, братецъ крестовыій!
— Получай-ка царство-Бухарство заморское
— Со того царя Бухаря заморскаго,
225 — Оставь-ка царя посидѣльщикомъ. —
Сталъ получать Добрыня Никитиничъ
Царство-Бухарство заморское.
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поѣхалъ во Кіевъ-градъ.
230 Дѣлали ему домовище великое —
Сидя сидѣть, стоя стоять и лежа лежать;
Писано у нихъ было на два мѣсяца,
Не захотѣлъ онъ идти на два мѣсяца,
Захотѣлъ пойти на полмѣсяца:
235 Отправился онъ во сыру землю,
Пищу забралъ на полмѣсяца:
Ковалъ онъ клещи великія,
Великія клещи желѣзныя
И три прута желѣзныихъ,
240 Друго три прута мѣдныихъ,

Отправился онъ во сыру землю
Съ Марьей Лебедь Бѣлоей,
Королевичной Подоленкой.
Середи ночи темныя
245 Зажгана свѣча была восковая.
Приплыла змѣища великая:
Захватилъ онъ клещи желѣзныя,
Билъ онъ змѣищу великую,
Билъ онъ — приговаривалъ.
250 Змѣя ему смолилася:
« Михайла Потыкъ Ивановичъ!
« Не бей меня на умертвіе:
« Оживлю твою Марью Лебедь-Бѣлую. »
Оставила змѣенышевъ великъ залогъ,
255 Пошла по живу воду,
Приносила ему живу воду.
Онъ разсѣкъ змѣенышевъ на мелкіе кусочики,
Обрызгалъ онъ змѣенышевъ, —
Змѣеныши срослись, — они поплыли;
260 Обрызгалъ онъ Марью Лебедь-Бѣлую, —
Марья ото сна пробудилася.
Закричалъ онъ, уродище, во сырой землѣ:
Земля вся сколыбалася,
Теремы всѣ пошатилися,
265 Околенки вонъ повалилися.
— Во сырой землѣ уродищу не пожилось,
Сказали всѣ во градѣ Кіевѣ:
— Отпущенъ былъ на полмѣсяца,
— А прожилъ онъ во сырой землѣ двои сутки. —
270 Выкопали съ сырой земли,
Доставили его на святую Русь.
Онъ сталъ опять ходить по царевымъ кабакамъ,
Пить вино безденежно:
Гдѣ кружкою, гдѣ полкружкою,
275 Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ.
Опять дверь дубова отворилася,
Михайлѣ Потыкѣ Иванову испроговорятъ —

« Что уѣхала Марья Лебедь-Бѣлая
« Съ тымъ королемъ Политовскіимъ. »
280 Михайла Потыкъ Ивановичъ
Надѣваетъ платья женскія,
Скорешенько садится на добра коня.
Увидала Марья Лебедь-Бѣлая,
Подоленка королевична,
285 Скорешенько садилась на добра коня,
Подъѣзжаетъ къ Михайлѣ Потыкѣ Иванову,
Слѣзаетъ съ своего добра коня,
Поклонилась Михайлы Потыкѣ Иванову:
— Прости, прости, Михайла Потыкъ Ивановичъ,
290 — Во той вины прости меня, во глупости:
— Уѣхала съ королемъ Политовскіимъ. —
Подноситъ она чару зелена вина.
До вина онъ былъ спачливый [1]):
Выпилъ онъ чару зелена вина,
295 Гдѣ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ. —
Подпала къ коню богатырскому,
Спустила богатыря черезъ плечо,
Сама ему приговариваетъ:
« Гдѣ былъ Михайла Потыкъ Ивановичъ,
300 « Стань тутъ бѣлый горючій камушекъ! »
Палъ да и закаменѣлъ.
Уѣхала Марья Лебедь-Бѣлая
Къ тому королю Политовскому.
Идетъ времячка третій годъ...
305 Братьица по немъ вспахнулися [2]), —
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Младый Добрыня Никитиничъ, —
Пошли искать Михайлу Потыка Иванова
Къ тому королю Политовскому,—
310 Сокрутились каликами перехожими.
Приходятъ къ этому камени
Каликами перехожими.

---

[1]) Упадчивый.
[2]) Вспомнили съ безпокойствомъ.

Съ другой со стороны, другой розстани
Выходитъ калика старая,
315 Старая калика сѣдатая,
Сѣдатая, сама плѣшатая:
— Здравствуйте, удалы добры молодцы!
— Куда вы отправились! —
Они ему спроговорятъ:
320 « Искать идемъ Михайлу Потыка Иванова
« Къ тому королю Политовскому.»
— Возьмите-ка меня въ третьіихъ! —
Испроговорятъ ему богатыри:
« Не побрезгуемъ—пойдемъ съ нами въ третьіихъ.»
325 Приходятъ къ королю Политовскому
Всѣ они каликами.
Ставилися они середи города,
Закричали они во всю голову:
Теремы всѣ пошатилися,
330 Околенки всѣ повалилися,
Во градѣ всѣ пріужахнулись:
— Каки уродища объявилися? —
Испроговоритъ Марья Лебедь Бѣлая,
Лебедь Бѣлая королевична,
335 Королевична Подоленка:
« Есть не калики перехожія,
« Есть два русскихъ могучихъ богатыря,
« Третья калика незнаема.
« А тыхъ есть два брата крестовые:
340 « Бери-ка къ себѣ во гостебище.»
Выходитъ король Политовскіій,
Зоветъ каликъ перехожіихъ
Къ себѣ во гостебище:
— Подьте-ка, калики перехожія,
345 — Ко мнѣ во гостебище. —
Кормилъ онъ ихъ досыта,
Поилъ ихъ онъ допьяна,
Дарилъ имъ честны дарева.
Спрашивали русскіе могучіе богатыри

113. Михайло Потыкъ.

350 У Марьи Лебедь Бѣлыя
Михайлу Потыка Иванова.
Она имъ испроговоритъ:
« Тоскую по Михайлы Потыкѣ Ивановѣ:
« Не знаю, гдѣ Михайла Потыкъ Ивановичъ. »
355 Отправились отъ Марьи Лебедь Бѣлыя,
Пошли они во Кіевъ градъ.
Приходятъ ко этому ко камени,
Испроговоритъ калика старая,
Старая калика матерая:
360 — Станемъ-те, братцы, животовъ дѣлить. —
Испроговорятъ русскіе богатыри:
« Калика ты старая,
« Старая калика матерая!
« Дѣли-тко ты эти вотъ животы. »
365 Дѣлилъ онъ на четыре на часточки.
Говорятъ ему русскіе могучіе богатыри:
« Что же ты, калика старая,
« Старая калика матерая,
« Что дѣлишь ты животы на четыре на часточки? »
370 Говоритъ имъ калика старая:
— Послѣ, братцы, станемъ здымать этаго каменя:
— Кто здыметъ камешекъ,
— Тому, братцы, четверта часть. —
Думаютъ богатыри сами себѣ:
375 « Что не здынемъ ли мы этаго камени. »
Принимался Добрыня Никитиничъ
За горючій бѣлый камешекъ:
Выздынулъ онъ до пояса,
По колѣна въ землю сѣлъ.
380 Принимается старый казакъ Илья Муромецъ:
Здынулъ камешекъ на бѣлу грудь,
По поясъ въ землю сѣлъ. —
Не могли здынуть богатыри камешка.
Калика матерая,
385 Матера калика сѣдатая,
Сѣдатая калика плѣшатая

Берется за бѣлый горючій камешекъ,
Здымастъ камешекъ черезъ плечо,
Самъ камешку приговариваетъ:
390 — Гдѣ былъ горючій бѣлый камешекъ,
— Стань тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ! -
Кололся камешекъ на-двое,
Выходитъ Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Выходитъ онъ на святую Русь,
395 Поклонъ онъ бьетъ по ученому
Братцамъ крестовыимъ
И каликѣ перехожоѣ,
Что збавили отъ смерти напрасныя.
Спроговоритъ калика имъ старая:
400 — Прощайте-ка, русскіе могучіе богатыри!
— Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Какъ будешь у города у Кіева,
— Не забудь-ка прошенія
— Пресвятой Богородицѣ и Михаилу архангелу:
405 — Стройте-ка церковь Богородицѣ и Михайлу архангелу
— И Николы святителю:
— Я збавилъ тебя отъ смерти напрасныя. —
Поклонился Михайла Потыкъ Ивановичъ
Старой каликѣ матероѣ понизехоньку.
410 Отправилась калика матерая,
Пошла она въ сторону,
А Михайла Потыкъ Ивановичъ
Сталъ отправляться къ королю Политовскому.
Стали братьица звать въ свою сторону.
415 « Нѣтъ, мои братьица крестовые!
« Набъ [1]) отсѣчь мнѣ Марьѣ буйна голова. »
Отправился онъ къ королю Политовскому,
А богатыри пошли въ свою сторону.
Онъ приходитъ къ королю Политовскому
420 Каликой старою,
Старой каликою, матерою,

---

[1]) Надо бы.

Закричалъ онъ во всю голову:
Теремы всѣ пошатилися,
Околенки вонъ повалилися,
425 Во градѣ всѣ пріужахнулись,
Что уродище объявилось.
Марья Лебедь Бѣлая
Налила чару зелена вина,
Подноситъ Михайлы Потыку Иванову.
430 До вина былъ онъ спачливый:
Выпилъ чару зелена вина,
Гдѣ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Тяла [1]) его за ноги,
Тащила во сѣни челядинны,
435 Прибила она его на стѣну.
Не хватило гвоздя у ней пятаго,
Пятаго гвоздя сердечнаго, —
Побѣжала скорешенько на рыночекъ.
Приходитъ Настасья королевична,
440 Богатырь ей прилюбится:
Вытащила вонъ гвоздья со стѣны,
Прибила Татарина на стѣну;
Накинула на него шубку соболиную,
Вела какъ скотинину
445 Во свои покои особые.
Прибѣгала Марья Лебедь Бѣлая,
Не осмотрѣла, что не Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Забила она пятый гвоздь татарину мертвому.
Тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
450 Заростилъ свои раночки,
Проситъ коня богатырскаго, саблю вострую,
Чтобы съѣздить во чисто поле поляковать.
Приходитъ Настасья королевична
Къ королю Политовскому:
455 — Батюшка, король Политовскіій!
— Дай-ка мнѣ коня богатырскаго,

---

[1]) Потащила (отъ—тягать).

— Дай сабли вострой
— Съѣздить мнѣ во поле поляковать. —
Онъ велѣлъ взять коня богатырскаго
460 Михайлы Потыка Иванова,
Велѣлъ сходить въ кладовую
Взять саблю вострую.
Взяла коня богатырскаго,
Взяла саблю вострую,
465 Подгоняла къ своимъ покоямъ особыимъ.
Выходилъ подъ флеромъ подъ черныимъ,
Садился онъ на добра коня,
Уѣзжалъ во чисто поле,
А наѣзжалъ съ поля скорымъ гонцемъ,
470 Ставился середи двора королевскаго,
У тыхъ покоевъ особыихъ,
Противъ окна королевскаго,
Закричалъ онъ во всю голову.
Марья Лебедь Бѣлая перепалася:
475 « Кажется, забила Михайлы Потыку Иванову
« Сердечный гвоздь,—
« А Михайла находится во живности. »
Наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина соннаго,
480 Подноситъ Михайлы Потыку Иванову.
До вина былъ онъ спачливый,—
А Настасья королевична
По поясъ бросилась въ окошечко:
— Не принимай-ка ты чары зелена вина:
485 — Гдѣ выпьешь, тутъ и въ сонъ заснешь. »
Онъ не принялъ чары зелена вина,
Змахнетъ саблю вострую,
Отсѣкъ ей буйну голову.
Хотѣлъ королевство за щитомъ пройти,
490 Да огнемъ сожгать.
Настасья королевична умолилася:
« Не жги-тко ты королевства Политовскаго,
« Да не бери-тко моего батюшка въ великъ полонъ,

« Что избавила тебя отъ смерти напрасныя. »
495 Взялъ онъ Настасью королевичну
Да привезъ ко городу ко Кіеву,
Привелъ ее въ вѣру крещеную
И принялъ съ ней по злату вѣнцу,
Сталъ онъ съ ней вѣкъ свой коротати.
500 И строитъ два собора великіихъ:
Михайлу архангелу, да Пресвятой Богородицы
Да Николы Святителю.
Тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
Старину кончалъ.

114.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ НА МОСКВУ.

(Гильферд. № 12.)

У стараго короля Политовскаго
По три дня было пированьице.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
5 Всѣ на пиру порасхвасталися.
Сидятъ тыхъ два малыхъ два витвица [1]),
Два тыхъ поганыихъ татарина,
Не ѣдятъ, не пьютъ, не кушаютъ,
Его бѣлыя лебедушки не рушаютъ.
10 Ходитъ старый король Политовскіій
Самъ король испроговоритъ:
« Что вы, два тыхъ два малыхъ два витвица,
« Два тыхъ любимыихъ племянника!
« Не ѣдите, не пьете, не кушаете,
15 « Моей бѣлоей лебедушки не рушаете?
« Ѣства вамъ не по уму, питья не по разуму,
« Аль дуракъ надъ вами насмѣялся,

---

[1]) Въ другихъ былинахъ: два витвика, два Линика.

« Пьяница васъ пріобозвалъ? »
— Ѣства твои были по уму,
— Питья твои по разуму,
— Дуракъ надъ нами не смѣялся,
— Пьяница насъ не обозвалъ.
— А думаемъ думу крѣпкую,
— Крѣпкую думу за единую [1]):
— Ѣхати намъ въ каменну Москву,
— Въ каменну Москву, золоту Орду. —
Испроговоритъ король Политовскій:
« Что не пдьте-ка [2]) вы въ каменну Москву,
« Въ каменну Москву, золоту Орду:
« Я сколько въ Москву не ѣзживалъ,
« А во цѣлости назадъ не пріѣзживалъ,
« Силушку свою порастраторилъ
« И нонѣ едва на охоту иду [3]).
« А вы поѣзжайте во Индеюшку богатую,
« Во тую Корелу проклятую:
« Разорите Индею богатую,
« Тую Корелу проклятую. »
Съѣхали во Индею богатую,
Разорили Индею богатую,
Изъ конца въ конецъ съ головней прошли.
Воротились назадъ ко кресту къ Леванидову,
Стали они опоцевъ [4]) держать,
Сами промежъ собой пораздумались:
— Этимъ разомъ намъ, братецъ, поладилось.
— Поѣдемъ-ка мы въ каменну Москву,
— Въ каменну Москву, золоту Орду:
— Разоримъ-ка мы каменну Москву. —
Пріѣзжали они въ каменну Москву,
Разорили они три села любимыихъ:
Первое село Ярославское,

---

[1]) Единое.
[2]) Ѣздите.
[3]) Ѣду.
[4]) Опочивъ.

Другое село Переславское,
Третье село Косы-улицы;
Стали они опоцевъ держать. —
Старый Никита Романовичъ
55 Сталъ по палатамъ похаживать,
Могучими плечами поворачивать:
« Молодость моя, молодость!
« Улетѣла моя молодость во чисто поле,
« Во чисто поле яснымъ соколомъ.
60 « Прилетѣла старость со чиста поля,
« Со чиста поля чернымъ ворономъ,
« Садилась за мои плечи богатырскія.
« Старый песъ, король Политовскіій,
« Порушилъ свою заповѣдь великую:
65 « Мнѣ, Никиты Романову, порушать
« Своя заповѣдь великая. »
Онъ выходитъ на широкъ дворъ
И сказываетъ свою силу безсмѣтную,
Безсмѣтную силу, безсмертную:
70 « Я слечу во чисто поле:
« Первый разъ заграю чернымъ ворономъ,
« Чтобы вамъ ко мнѣ справлятися;
« Другой разъ заграю чернымъ ворономъ,
« Чтобы вамъ ко мнѣ ѣхати;
75 « А третій разъ заграю чернымъ ворономъ,
« Чтобы сила при мнѣ была. »
Онъ отправился во чисто поле,
Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
Конюшекъ у нихъ всѣхъ повыдавилъ;
80 Обернулся онъ добрымъ молодцемъ,
Замочики въ оружьишкахъ всѣ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ всѣ повытупилъ,
Тесочики [1]) у нихъ всѣ повыломалъ.
Тутъ прилетаетъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
85 Заходитъ въ палату бѣлокаменну:

[1]) Тесаки, короткія сабли.

Тутъ сидятъ тыхъ малыхъ два витвица,
Два тыхъ поганыхъ татарина,
Его любимая племяница сидитъ за люлечкой,
Качаетъ дѣтище великое,
90 Сама испроговоритъ:
— Бай люли, дѣтище великое!
— Не вѣдаетъ любимый дядюшка,
— Старый Никита Романовичъ, побѣды великія,
— Что моего мужа потребили,
95 — А меня, младу обезчестили! —
А ходитъ младенчикъ по избы:
« Ахъ ты, матушка Авдотья Ивановна!
« Нашъ дядюшка въ избушкѣ горносталышкомъ. »
Скочили два тыихъ два витвица
100 На ножки на рѣзвыя,
Накинули шубку куньюю
На того горносталышка:
Горносталь былъ повертливъ,
Въ рукахъ горносталь выскакивалъ.
105 Обернулся горносталь чернымъ ворономъ,
Вылетѣлъ чернымъ ворономъ во чисто поле,
Садился онъ на сырой дубъ,
Заграялъ онъ чернымъ ворономъ,—
Сила къ нему тутъ справляется;
110 Другой разъ заграетъ чернымъ ворономъ,—
Сила къ нему тутъ поѣхала;
Третій разъ заграетъ чернымъ ворономъ,—
Сила при немъ вся стала.
А два тыхъ поганыхъ татарина
115 Кинулись они за оружьица,—
Въ оружьицахъ замочики повыщерблены;
Кинулись они за сабелки,—
Сабелки у нихъ всѣ повытуплены;
Кинулись они за тесочики,—
120 Тесочики у нихъ всѣ повыломаны;
Кинулись они за добрыхъ коней,—
Конюшки у нихъ повыдавлены.

Обступилъ тутъ Никита Романовичъ
Со своею было силою безсмѣтною,
125 Всѣхъ ихъ въ полонъ забралъ;
Одному глаза выкопалъ,
Другому по колѣнъ ноги вырубилъ:
— Подьте-ка къ дядюшкѣ, хвастайте:
— « Разорили мы нонь каменну Москву:
130 — « Первое село Ярославское,
— « Второе село Переславское,
— « А третье Косы-улицы ». —
— Одинъ носкомъ неси,
— А другой дорогу показывай! —

III.

ПУДОГА.

ПУДОГА.

XX.

НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Бураковой, Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда, родился около 1820 года. Рыбниковъ называетъ его хорошимъ пѣвцомъ и пишетъ: «я записалъ отъ него все, что онъ зналъ, т.-е. около 12 былинъ. Два вечера сказывалъ онъ мнѣ свои старины и все время изба была полнехонька народа.» Кромѣ этихъ 12 былинъ, къ репертуару Прохорова слѣдуетъ причислить двѣ огромныхъ былины, которыя онъ пѣлъ Гильфердингу (Добрыню и Алешу—около 500 стих. и Михайлу Потыка въ 1125 стиховъ). Но, спѣвъ Гильфердингу эти двѣ лишнія былины, онъ уже не могъ повторить цѣлыхъ четыре изъ записанныхъ Рыбниковымъ: Илью и Соловья, Илью и Калина, Садко и Ваньку Удовкина сына (Гильфердингъ упоминаетъ лишь о двухъ послѣднихъ). Такимъ образомъ по количеству эпическаго запаса (14 был.) Н. Прохоровъ мало уступаетъ первоклассным Олонецкимъ сказителямъ; въ первый рангъ долженъ онъ быть поставленъ также по древности и сохранности своего репертуара. Гильфердингъ сообщилъ намъ, что Прохоровъ имѣлъ единственнымъ учителемъ своего отца, который умеръ въ концѣ 40-хъ годовъ XIX в. восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, слѣдовательно, родился въ концѣ 60-хъ годовъ XVIII стол. Этотъ отецъ самъ выучился пѣть былины мальчикомъ отъ одного старика. Итакъ, происхожденіе Прохоровскаго репертуара мы можемъ прослѣдить въ прошломъ до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія, донесъ же онъ его до начала XX в.: въ 90-хъ годахъ Прохорова, какъ обильнаго пѣвца бы-

линъ, узнала В. Н. Харузина, подробно описавшая его пѣніе въ своей книгѣ «На Сѣверѣ», и наконецъ въ наши дни отъ него учитель А. С. Лѣсковъ записалъ былину о Соловьѣ Будиміровичѣ и о смерти Василія Буслаева. (Жив. Старина 1906 г. вып. III. Замѣтимъ, что г. Лѣсковъ ошибочно называетъ его Уткинымъ: изъ книги г. Харузиной ясно, что Н. Прохоровъ носитъ мѣстное прозвище «Утка»). Такимъ образомъ, тексты 1906 г. имѣютъ за собой почтенный возрастъ около 125 лѣтъ. Надо прибавить, что, напр., былина о Соловьѣ Будиміровичѣ записи 1906 г. при сравненіи съ Рыбниковской обнаруживаетъ необычайную твердость памяти Прохорова: на протяженіи около полувѣка онъ даетъ почти тожественный текстъ. Въ 1906 г. ему было не менѣе 85 лѣтъ.

115.

ВОЛЬГА и МИКУЛА.

(Гильферд. № 45.)

Народился Микулушка Селяниновичъ [1]):
Птицы улетѣли за сини моря,
А звѣри ушли въ темны лѣса,
А рыбы ушли въ глубоки станы.
5 Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поладилъ неводка шелковые,
Плутивца [2]) клалъ серебряны,
Проволоки клалъ позолочены:
Этую рыбушку повыловилъ.
10 Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поладилъ оружьица цѣльныя:
Этыхъ звѣрьевъ онъ пострѣливалъ.

---

[1]) Пѣвецъ пѣлъ про Микулушку Селяниновича; но когда я ему замѣтилъ, что такая былина обыкновенно поется про Вольгу, то онъ сознался, что перепуталъ дѣйствующія лица.

[2]) Плутивца—поплавки.

Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поладилъ петелки шелковыя:
15 Этую птичку повыловилъ.
Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поѣхалъ раздольицемъ-чистымъ полемъ.
Ѣдетъ Микула по чисту полю:
Оретъ оратай во чистомъ полѣ,
20 Сошка у ратая поскрипываетъ.

День онъ ѣдетъ и другой ѣдетъ, все не можетъ доѣхать до ратая. Говоритъ Микулушка Селяниновичъ:

« Божья ти помочь, оратаюшка!
« Орать тебѣ, сошка наскрипливать.
« Дубья-колоды о борозду валить! »
— Благодарствуешь, Микулушка Селяниновичъ!—
25 И другъ друга они здравствуютъ.
« Ай же ты, Вольга Святославговичъ!
« Поѣдемъ со мной во товарищахъ? »
— Поѣхалъ бы, Микулушка Селяниновичъ,
— Да сошка у меня не обрана.—
30 Говоритъ Микулушка Селяниновичъ:
« А пошлю я свою силу великую,
« Пускай сошку съ земельки повыдернутъ,
« Камешки съ омѣшиковъ повытрясутъ,
« Въ ракитовъ кустикъ сошку повыкинутъ. »
35 Пришла-то силушка великая,
Начали сошку за обжи подергивать,
Вкругъ-то сошку повертывать:
А не могутъ сошки повыдернуть.
Тутъ-то Вольга Святославговичъ
40 Подъѣзжалъ ко сошкѣ кленовыя,—
А сошка была позолочена,
Омѣшики были булатніе,—
Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
Этую сошку попихивалъ:
45 Какъ улетѣла та сошка къ подоблачью,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рогача въ землю.

Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую,
Тыи-то омѣшики булатніе.
50 Ѣхали впередъ добры молодцы.
Поѣхали они въ Гуршевецъ, да Орѣховецъ,
Пріѣхали къ мужикамъ ко Гуршевскимъ,
Пріѣзжали къ мужикамъ къ Орѣховскимъ,
На бой на драку на великую.
55 Тыи мужики Гуршевскіе,
Тыи мужики Орѣховскіе,
Они были, злодѣи, догадливы:
Подѣлали мосточки поддѣльные;
Они также были, молодцы, догадливы:
60 Посылали свою силушку великую
На тыи на мосточки на калиновы.
Пошла тая силушка великая
На тыи на мосточки на калиновы:
Мосточки всѣ подломалися,
65 Тая сила вся по рѣченькѣ подвалялася,
Начала силушка тонуть да гинуть.
Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ,
Тутъ-то Вольга Святославговичъ
Приправили своихъ добрыхъ коней
70 За тую за рѣченьку Волхову;
Скочили ихъ добры кони
За тую за рѣченьку за Волхову;
Какъ начали они мужиковъ чевствовать,
Чевствовать мужиковъ, жаловать,
75 Оплетьями они нахлыстывать;
Тутъ клянутся мужики, проклинаются:
« А будетъ трое проклятъ на вѣку тотъ бы,
« Кто съ вами, съ молодцамы свяжется,
« Да заведетъ драку великую! »
80 Нахлыстали мужиковъ они до люби,
Начевствовали добрыхъ молодцевъ,
Поѣхали назадъ въ свою сторону.
Такъ ѣдетъ Вольга Святославговичъ,
Ѣдетъ Вольга сударь передомъ,

85 А Микула ѣдетъ въ слѣдъ сугоною:
Да одва ѣдетъ, одва гонитъ,
Одва держитъ на яву его,—
Началъ махать колпакомъ за нимъ.
Увидалъ Вольга Святославговичъ,
90 Одержалъ свою кобылу соловую;
Пріѣхалъ Микула Селяниновичъ,
Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
« Ай же ты, Вольга Святославговичъ!
Кобыла у тя есть соловая:
95 « Кабы эта кобыла конемъ была,—
« Такъ за этого коня цѣла тысяча;
« А нонѣ кобыла кобылой стала,—
« Дать за эту кобылу пять сотъ рублевъ.»
— Ай же ты, Микулушка Селяниновичъ!
100 — Не знаешь ты кобылушки цѣну цѣнить:
— Кабы эта кобыла конемъ была,—
— Такъ за этого коня цѣны не было;
— А нонѣ эта кобыла кобылой стала,—
— Дать за эту кобылу цѣла тысяча.—
105 Тутъ они, добры молодцы, поразъѣхались,
Поразъѣхались они, пораспростилися.

116.

ИЛЬЯ и СОЛОВЕЙ.

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣзжаетъ изъ города изъ Муромля,
Поѣзжаетъ въ ту субботу Христосьскую,
А надоть поспѣть къ заутрени Христосьскія,
5 Во стольный во городъ во Кіевъ-градъ.
Поѣзжаетъ Илья—самъ выговариваетъ,
Кладываетъ-то заповѣдь великую:
« Ѣхать-то мнѣ добру молодцу,

« Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,
10 « Рукъ чтобы мнѣ не кровавити. »
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись,
И не знаютъ, въ кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ приправливалъ Ильюшенька добра коня,
15 Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
« Первая поѣздка Ильи Муромца. »
Опять приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
20 Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
« Другая поѣздка Ильи Муромца. »
Третій разъ приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
25 « Третія поѣздка Ильи Муромца. »
Пошелъ, поскакалъ его добрый конь,
Рѣки, озера перескакивалъ,
А темные лѣса промежь ногъ пущалъ.
Пріѣхалъ онъ во городъ во Бекетовецъ:
30 И наѣхала проклята погана Литва,
Одолѣли тутъ поганые Татарове
Тыихъ мужиковъ Бекетовскихъ.
Ходятъ они во слезахъ во великіихъ,
Приходитъ на нихъ кроволитье великое,
35 Хочутъ ихъ бить поганые Татарове.
Тутъ пріѣхалъ Илья и раздумался:
« Всякой-то, братцы, заповѣдь кладываетъ,
« А не всякой заповѣдь исполняетъ. »
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
40 Какъ почалъ онъ бить поганыихъ Татаровей,
Конемъ-то топтать и копьемъ колоть,
Прибилъ-то онъ поганыхъ въ единый часъ,
Не оставилъ поганыхъ и на сѣмяна.
Тутъ-то мужики Бекетовцы
45 Молятся къ нему они, клонятся:

— Ай же ты, удаленькій добрый молодецъ!
— Не знаемъ тебѣ ни имени, ни изотчины,
— Коей ты орды, коей земли,
— Коего ты отца, коей матери,
— Царь ли ты, царевичъ ли,
— Король ли ты, королевичъ ли? —
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Есть я изъ города Муромля
« Старый казакъ Илья Муромецъ. »
Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Пожалуй-ка къ намъ воеводою,
— Будемъ мы тебя поить-кормить,
— Виномъ-то поить будемъ допьяна,
— Хлѣбомъ-солью кормить тебя досыта,
— А денегъ давать тебѣ до люби. —
« Ахъ вы братцы, мужики Бекетовцы!
« Нельзя мнѣ-ка здѣ жить,
« Есть у меня кладена заповѣдь великая:
« Надоть поспѣть къ заутрени Христосьскія
« Во стольный-то городъ во Кіевъ-градъ,
« Ко стольному ко князю Володиміру. »
Какъ тутъ мужики Бекетовцы
Насыпали ему чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью насыпали скатна жемчуга,
Подносятъ, подаваютъ ему;
Принялъ старичокъ, самъ проговоритъ:
« Это, братцы,—мое зарабочее. »
Распростился молодецъ, самъ поѣхалъ впередъ.
Ѣхалъ удалый по чисту полю,
Пріѣзжаетъ онъ удалый ко разстаночкамъ,
Ко тымъ ко разстаночкамъ Христосьскіимъ,
Ко тому кресту ко Леванидову.
Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
« Прямо ѣхать, столько пятьсотъ верстъ,
« А на околъ-то ѣхать, семьсотъ верстъ. »

Смотритъ Илья на эту подпись-то:
« Какъ пряму ѣхать, живу не бывать,
85 « Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному,
« Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ. »
Стоитъ Илья, пораздумался:
« Прямоѣзжая дорога переломана,
90 « Калиновы мосточки переворочены.
« Не честь мнѣ хвала молодецкая
« Ѣхать той дорожкой окольноей:
« А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею. »
Скоро спущался онъ съ добра коня,
95 Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
100 Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ, злодѣй, онъ на семи верстахъ.
Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ, злодѣй, по соловьиному,
Замызгалъ, собака, по собачьему:
105 Тутъ-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго,
Отъ того отъ свиста соловьинаго,
Отъ того отъ мызганья собачьяго.
110 Бьетъ онъ коня промежу уши,
По тыимъ още по тугимъ ребрамъ:
« Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго,
« Развѣ не слыхалъ ты свиста соловьинаго,
115 « Развѣ не слыхалъ ты мызганья собачьяго? »
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую,

Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника;
120 Стрѣлилъ-то онъ его во правый глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
Взималъ-то онъ Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
125 Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.
Ѣдетъ мимо Соловьиное помѣстьице:
Увидятъ Соловьиныя дѣтушки,
Смотрятъ въ окошечко косявчето,
Сами оны воспроговорятъ таково слово:
130 — Нашъ-то батюшка чужаго мужика везетъ.—
Увидитъ Соловьиная молода жена,
Во окошечко по поясъ бросалася,
Смотритъ въ окошечко косявчето,
Сама она вспроговоритъ таково слово:
135 « Чужой-то мужикъ везетъ вашего батюшку.»
Похватали оны тутъ шалыги подорожнія.
Она имъ воспроговоритъ таково слово:
« Не взимайте шалыгъ подорожніихъ:
« Не васъ-то стòитъ вашъ батюшка,
140 « А попалъ во стремена во черкасскія!
« А лучше насыпьте чашу красна золота,
« А другую насыпьте чиста серебра,
« А третью чашу скатна жемчуга,
« Приходите съ разговоромъ-прелестью,
145 « Улещите мужика, уговаривайте. »
Тутъ оны бросали шалыги подорожнія,
Насыпали чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
150 И приходятъ съ лестью-прелестью,
Улещаютъ Илью, уговариваютъ:
— Ай же ты, удалый, добрый молодецъ!
— Отдай-ка намъ батюшку,
— А на-тко тебѣ злата и серебра!—
155 Принималъ онъ эти подарочки великіе,

Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
« Это, братцы, мое зарабочес,
« А не отдамъ я вашего батюшку:
« Онъ будетъ опять разбой держать. »
160 Хочетъ Ильюшенька поѣхати;
У того у Соловья разбойника
Была дочка Пелька, паленица удалая;
Ѣдетъ Илья мимо самаго Соловьинаго помѣстьица,
Какъ хватила она подворотнею въ сорокъ пудъ,
165 Бросила она ею въ буйную голову
Со тыихъ со выходовъ высокіихъ:
Чуть Илья на конѣ усидѣлъ,
Чуть Ильюша на конѣ не палъ.
Тутъ-то Илья пріотшатался,
170 Пріотшатался, пріомалтался [1]),
Скоро выскакалъ съ добра коня,
Хватилъ онъ эту дѣвку Пельку, паленицу удалую,
Хватилъ за тресту за заднюю:
175 Какъ выскочила, вылетѣла она выше церквей соборніихъ,
Выше тыхъ крестовъ животворящіихъ,
Пала она на сыру землю;
Тутъ у ней и кожа треснула,
Тутъ у ней рубашка лопнула
180 Отъ бѣлой шеи до
Поѣхалъ Илья ко городу ко Кіеву,
Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосьскія.
А не могъ поспѣть къ обѣденькѣ Христосьскія.
Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
185 На широкій дворъ княженецкій,
Ко тому ко столбу ко точеному,
Привязывалъ къ кольцу ко золоченому,
Не разсѣдлывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,

---

[1]) Пришелъ въ себя.

190 Заходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ хлѣбницу князя Владиміра:
« Гдѣ есть князь Владиміръ стольно-Кіевскій? »
195 — Князь Владиміръ къ обѣднѣ сшёлъ.—
Садился онъ на лавочку брусовую,
Ажно приходитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Отъ тыя обѣденьки Христосьскія.
Тутъ оны здоровье сдѣяли,
200 Другъ друга здравствуютъ:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Не знаю тебѣ ни имени, ни отчины:
— Царь ли ты, царевичъ ли,
— Король ли ты, королевичъ ли?—
205 « Есть я изъ города изъ Муромля,
« Старый казакъ Илья Муромецъ. »
Сѣли оны за столъ хлѣба кушати,
Бѣлы лебеди рушати.
Поразговорился Ильюша, порасхвастался:
210 « Поѣзжалъ я, добрый молодецъ,
« Во тую субботу во Христосьскую,
« Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосьскія,
« А не могъ поспѣть и къ обѣднѣ Христосьскія:
« Обѣдня была на отходѣ здѣ.
215 « А было путемъ-дорогою,
« Было три помѣшки великія.
« Первая помѣшка: пріѣхалъ во городъ во Бекетовецъ,
« И наѣхала проклята погана Литва,
« Одолѣли тутъ поганые Татарове
220 « Тыихъ мужиковъ Бекетовскихъ.
« Ходятъ они во слезахъ во великіихъ,
« Приходитъ на нихъ кроволитье великое,
« Хочутъ ихъ бить поганые Татарове.
« Какъ разгорѣлось мое сердце богатырское,
225 « Какъ началъ я бить поганыихъ Татаровей,
« Конемъ-то топтать и копьемъ колоть,

« Прибилъ-то поганыхъ въ единый часъ,
« Не оставилъ поганыхъ и на сѣмяна.
« Вторая помѣшка: пріѣхалъ къ разстаночкамъ,
230 « Ко тымъ ко разстаночкамъ Христосьскіимъ,
« Ко тому кресту ко Леванидову,—
« Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
« На столбѣ есть подпись подписана:
«« Прямо какъ ѣхать, столько пятьсотъ верстъ,
235 «« А на околъ то ѣхать, семьсотъ верстъ. »
« Поѣхалъ я дорожкою прямоѣзжею.
« Пріѣзжалъ я ко сырымъ дубамъ:
« Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ, злодѣй, онъ на семи верстахъ.
240 « Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
« Засвисталъ, злодѣй, по соловьиному,
« Замызгалъ, собака, по собачьему:
« Тутъ мой добрый конь на колѣнки палъ.
« Скоро я натянулъ тугій лукъ,
245 « Кладывалъ-то стрѣлочку каленую,
« Стрѣлилъ-то Соловья разбойника;
« Стрѣлилъ-то злодѣя во правый глазъ,
« А вышла стрѣла во лѣво ухо:
« Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
250 « Взималъ-то я Соловья разбойника,
« Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
« Повезъ-то злодѣя съ собой его.
« Третья помѣшка: у того у Соловья разбойника
« Была дочка Пелька, паленица удалая;
255 « Какъ ѣхалъ мимо Соловьевое помѣстьице,
« Хватила она подорожнею [1]) въ сорокъ пудъ,
« Со тыихъ со выходовъ высокіихъ:
« Чуть я на конѣ усидѣлъ,
« Чуть я на конѣ не палъ,
260 « Скоро выскакалъ съ добра коня,
« Хватилъ эту дѣвку Пельку, паленицу удалую,

---

[1]) Подворотнею.—*Б.*

« Хватилъ за тресту за заднюю:
« Какъ выскочила, вылетѣла она выше церквей соборніихъ,
« Выше тыхъ крестовъ животворящіихъ,
265 « Пала она на сыру землю;
« Тутъ у ней кожа треснула. »
— А видно, ты, удалый добрый молодецъ,
— А былъ на царевомъ большомъ кабакѣ!
— Не напился ли зелена вина,
270 — Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?—
« Ахъ же дурень, князь стольно-Кіевскій!
« У меня Соловей разбойникъ у стремены у черкасскія. »
Какъ тутъ оны всѣ пометалися,
Пометалися оны, покидалися,
275 Бѣжатъ да трутъ [1]) промежу собой;
Прибѣжали какъ къ Соловью разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
— Ахъ ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ!
— Кричи-тко, Соловей, по звѣриному,
280 — Засвищи, злодѣй, по соловьиному,
— Замызгай, собака, по собачьему!—
Говоритъ Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
« Не ваше я пью-ѣмъ-купаю,
« И не васъ хочу и слушати. »
285 Скоро оны поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ оны, молятся:
— Ай же ты, Илья Муромецъ!
— Позволь ты, Соловью-то разбойнику,
290 — Закричать Соловью по звѣриному,
— Засвистать злодѣю по соловьиному,
— Замызгать собакѣ по собачьему?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ай же ты, князь стольно-Кіевскій!

[1]) Отъ корня *тр* поспѣшать, откуда и *туркій*—поспѣшный, *турнться*—спѣшить.

295 « Теперь у него уста запечатаны,
« Запеклись уста кровью горючею:
« Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
« Вышла стрѣла во лѣво ухо.
« Налейте ему чашу зелена вина,
300 « Вѣсомъ чашу полтора пуда,
« Мѣрой чашу полтора ведра. »
Налили ему чашу зелена вина,
Вѣсомъ чашу полтора пуда,
Мѣрой чашу полтора ведра,
305 Принесли къ Соловью разбойнику.
Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ онъ чашу за единый вздохъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Другу чашу налейте пива пьянаго,
310 « Чтобы вѣсомъ чаша полтора пуда,
« Мѣрой чаша полтора ведра;
« Третью чашу налейте меду сладкаго,
« Чтобы вѣсомъ чаша полтора пуда,
« Мѣрой чаша полтора ведра. »
315 Наливали ему чашу пива пьянаго
И наливали ему чашу меду сладкаго,
Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ чашу за единый вздохъ,
Тутъ Соловей пьянъ сталъ.
320 Проговорилъ Илья Муромецъ:
« Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичь!
« Кричи, разбойникъ, по звѣриному,
« Свищи, злодѣй, по соловьиному,
« Замызгай, собака, по собачьему! »
325 Закричалъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ, злодѣй, по соловьиному,
Замызгалъ, собака, по собачьему:
Князи-бояре всѣ мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
330 Заходилъ раскорякою;
Ходитъ князь, ему молится:

— Уйми Соловья разбойника,
— Чтобы не свисталъ по соловьиному!
— Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!—

Здѣсь въ былинѣ пропускъ, изъ котораго пѣвецъ упомнилъ только, что Соловья зовутъ въ монастырь: «поди во честные во монастыри.» Оказалось, что Соловей «не строителемъ во честные во монастыри, а разрушителемъ.» Тогда Илья Муромецъ разсердился, разсѣкъ Соловья на мелки на часточки, раскидалъ часточки по чисту полю.

117.

ИЛЬЯ и СЫНЪ.

(Гильферд. № 46.)

На наше на село на прекрасное,
На стольный на городъ на Кіевъ-градъ
Наѣзжаетъ изъ далеча изъ чиста поля
Молодой-младой Соловниковъ.
Ужъ онъ кличетъ-выкликаетъ поединьщика:
«Дайте мнѣ изъ города поединьщика!
«Не дадите изъ города поединьщика,—
«Такъ съ конца зажгу и головней покачу.»
Пришло извѣстьице ко тому ко Ильѣ ко Муромцу:
Скочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Какъ ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
Разлетѣлся столъ во всѣ стороны;
Говоритъ Илья таково слово:
«Я могу служить-стоять за Кіевъ-градъ!»
Скоро онъ сѣдлалъ добра коня,
Кладываетъ потнички на потнички,
Кладываетъ войлочки на войлочки,
И сѣделко кладываетъ на сѣделко,
Черкасское сѣделко на верёхъ еще.

20 Кладываетъ, самъ выговариваетъ:
« Не для, братцы, красы-басы,
« Не для, братцы, угожества,
« А ради укрѣпы богатырскія. »
Только видѣли молодца сядучись,
25 А не видѣли удалаго поѣдучись,
Не знаютъ, во кою сторону уѣдучись.
Какъ наѣзжаетъ онъ изъ далеча изъ чиста поля,
Ударилъ Соловникова въ буйну голову:
Сидитъ Соловниковъ—не стряхнется,
30 Желтыя кудѐрка не сворохнутся.
Отъѣзжалъ Илья и раздумался:
« Это, братцы, не бѣда ль пришла?
« Сколько я Татаръ на вѣку бивалъ,
« А все съ одного разу пòшибалъ:
35 « А этого Татарина не могъ сшибить! »
Какъ приправливалъ опять добра коня
Изъ того далеча изъ чиста поля,
Ударилъ Соловникова въ буйну голову:
Сидитъ Соловниковъ—не стряхнется,
40 Желтыя кудерка не сворохнутся.
Отъѣзжалъ Илья и раздумался:
« Это, братцы, не бѣда ль пришла?
« Сколько я Татаръ на вѣку бивалъ,
« А все съ одного разу пошибалъ;
45 « А этого Татарина не могъ съ двухъ разъ сшибить! »
Опять приправливалъ добра коня
Изъ того далеча изъ чиста поля,
Ударилъ Соловникова въ буйну голову:
Сидитъ Соловниковъ—не стряхнется,
50 Желтыя кудерка не сворохнутся.
Тутъ у младаго Соловникова
Рѣчистый языкъ у него мѣшается,
Мозги въ головѣ у него потрясаются,
Съ ясныхъ очей свѣтъ теряется;
55 Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные!

— Идьте-ко [1]) вы со извѣстьицемъ
— За тое за славное сине море,
— Ко моей ко родноей ко матушкѣ,
— Ко матушкѣ идьте ко Настасьюшкѣ,
— Скажите ей таковы слова:
— Не знаю, какой невѣжа наѣхалъ изъ чиста поля,
— Ударилъ меня въ буйну голову,—
— Рѣчистый языкъ у меня мѣшается,
— Мозги въ головѣ у меня потрясаются,
— Со ясныхъ очей свѣтъ теряется.—
Тутъ слуги его вѣрные
Поѣхали они, съѣхали
За тое славное сине море,
Ко его ко родноей ко матушкѣ,
Ко матушкѣ его ко Настасьюшкѣ;
Сказали ей таковы слова:
— Не знаю, какой невѣжа наѣхалъ изъ чиста поля,
— Ударилъ Соловникова въ буйну голову,—
— Рѣчистый языкъ у него мѣшается,
— Мозги въ головѣ у него потрясаются,
— Со ясныхъ очей свѣтъ теряется. —
Становилъ Илья добра коня,
Самъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Полно намъ биться и ратися [2]),
« Пойдемъ-ка мы биться рукопашкою. »
Тутъ спускалися они съ добрыхъ коней.
Какъ Илья былъ свыченъ, догадливъ былъ:
Заскочилъ онъ, обскочилъ околъ его,
Ударилъ сутычь по шеѣ-то,
Сбилъ-то его на сыру землю,
Садился ему на бѣлу грудь,
Занесъ онъ свою праву руку,
Занесъ-то ножище-кинжалище:
Рука въ плечѣ застоялася.

---

[1]) Поѣзжайте: и = ѣ.
[2]) Ратиться.—*Б.*

Началъ Илья тутъ выспрашивати,
Началъ Илья выговаривати:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Ты скажи, скажи, не утай себя,
95 « Ты коей орды, ты коей земли,
« Ты коего отца, коей матери? »
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдой песъ!
— Какъ былъ бы я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
100 — Не спрашивалъ бы у тебя ни имени, ни изотчины,
— Пласталъ бы тебѣ бѣлую грудь;
— А ты у меня на бѣлой груди:
— Вольно тебѣ насмѣхатися!—
Занесъ Илья свою правую руку,
105 Занесъ-то ножище-кинжалище:
Рука въ плечѣ застоялася.
Началъ Илья тутъ выспрашивати,
Началъ Илья выговаривати:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
110 « Ты скажи, скажи, не утай себя,
« Ты коей орды, ты коей земли,
« Ты коего отца, коей матери? »
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдой песъ!
115 — Когда ты началъ допрашивати,
— Скажу тебѣ и поразскажу:
— Есть я изъ-за славнаго синя моря,
— Есть я молодой-младой Соловниковъ,
— Отъ тоя отъ матушки Настасьюшки,
120 — А батюшка, не знаю, кто е.—
Какъ выскочитъ со бѣлыхъ грудей
Со этого со младаго Соловникова,
Выскочитъ, самъ испроговоритъ:
« Ай же ты, сынъ мой возлюбленный,
125 « Молодой-младой Соловниковъ!
« Почему ты раньше не сказалъ мнѣ?
« Не билъ бы я тебя съ перваго раза! »

Тутъ они сѣли, пили-кушали.
Тутъ Илья и спать-то легъ,
Спать-то легъ во бѣлой шатеръ:
А спитъ, молодецъ, проклаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую:
Какъ стрѣлилъ-то во Илью скрозь бѣлой шатеръ.
Да тутъ Ильюшѣ не суду пришло:
Былъ-то у него крестъ на бѣлой груди,
Вѣсомъ крестъ въ полтора пуда,—
Стрѣла въ крестѣ застоялася.
Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу самъ пометается,
Выскакалъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочикахъ,
Въ тонкой бѣлой рубашечкѣ безъ пояса.
Какъ прибѣгалъ ко младому Соловникову,
Хватилъ его за желты кудри,
Какъ бросилъ о матушку сыру землю,
Какъ занесъ свою правую руку,
Занесъ тое ножище-кинжалище,—
Тутъ рука въ плечѣ не застоялася:
Пласталъ онъ его груди бѣлыя,
Разсѣкъ онъ его на мелкія часточки,
Раскидалъ часточки по чисту полю.
Тутъ Соловникову славу поютъ,
А Ильюшѣ слава не минуется,
Отнынѣ и вѣкъ по вѣку.

118.

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ.

(Гильферд. № 48.)

Есть-то калика перехожая:
Тутъ-то каликушка справляется,

Тутъ-то калика снаряжается,
Къ городу калика къ Іерусблиму,
5 Сильный могучій ли Иванище.
Идетъ-то калика перехожая
Въ меженный день по красному по солнышку,
А въ зимній день по дорогу по камню самоцвѣтному:
А лапотки были изъ семи шелковъ,
10 Промежъ проплетены камнями самоцвѣтными;
А были у калики клюхи въ сорокъ пудъ.
Приходилъ калика къ городу Іерусолиму,
Господу-Богу помолился,
Въ Іорданѣ-рѣченькѣ искупался,
15 Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
А ко Господнему гробу приложился,
Пошелъ калика назадъ домой.
Идетъ-то калика по чисту полю,
Идетъ онъ калика мимо Царе-градъ.
20 Какъ въ Царе-градъ есть наѣхано:
Наѣхано поганое Идолище,
Одолѣли поганые Татарища.
Тутъ сильный могучій Иванище
Хватилъ онъ Татарина за руку,
25 Оттащилъ его на чисто поле,
Началъ у Татарина выспрашивать:
« Скажи-тко, Татаринъ, не утай себя,
« Великъ ли у васъ ростомъ поганое Идолище? »
Началъ ему Татаринъ высказывать:
30 — Есть-то у насъ поганое Идолище
— Ростомъ двѣ сажени печатныя,
— Въ ширину сажень печатная,
— А глазища что пивныя чашища,
— А головища что... лоханище,
35 — А носъ снаружи съ локоть былъ.—
Какъ хватилъ онъ Татарина за руку,
Бросилъ его во чисто поле:
Разлетѣлися Татарскія косточки.
Идетъ тутъ Иванище по чисту полю,

40 И на встрѣчу ѣдетъ Илья Муромецъ:
« Ахъ ты сильный, могучій Иванище!
« Ты откуль идешь, откуль бредешь,
« Откуль бредешь, откуль путь держишь? »
— Я иду-бреду отъ города Іеросолима:
45 — Господу Богу помолился,
— Въ Іордань-рѣченькѣ искупался,
— Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
— А ко Господнему гробу приложился,
— А шелъ я мимо Царе-градъ.—
50 « А все ли въ Царе-градѣ попрежнему? »
Говоритъ тутъ сильный могучій Иванище:
— Не по старому въ Царе-градѣ, не попрежнему:
— Одолѣли поганые Татаровья,
— Наѣхалъ есть поганый Идолище.
55 — Святые образы поколоты,
— Поколоты, въ черной грязи потоптаны,
— А въ Божьихъ церквахъ коней кормятъ.—
Говоритъ Илья таковы слова:
« Ахъ ты сильный, могучій Иванище!
60 « За первыя тебя рѣчи я жаловалъ,
« А за этыя за рѣчи тебя бы наказалъ
« По этому по тѣлу по нагому:
« Есть у тя силы съ дву меня,
« А смѣлости-ухватки половинки нѣтъ. »
65 Скоро скидываетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ платья каличьи:
« А натко, ты, моего добра коня,
« Хотя ѣзди, хотя водкомъ води,
« А только не выѣзжай съ этого съ уловнаго со мѣстечка,
70 « А разувай лапотцы семи шелковъ. »
Скоро Ванюшенька распастался [1]),
Скидывалъ лапотцы семи шелковъ;
Тутъ они платьями помѣнялися.
Говоритъ Илья таковы слова:

---

[1]) Отъ слова *пасъ*—поясъ.

75 « А дай-ко мнѣ клюку-посохъ въ сорокъ пудъ. »
Сокрутился каликой перехожею.
Пошелъ онъ скорымъ скоро,
Пришелъ, прискакалъ въ Царе-градъ,
Закричалъ Ильюша во всю голову:
80 « Ахъ ты царь, Костянтинъ Боголюбовичъ!
« Дай мнѣ-ка злату милостыню спасеную,
« Полно мнѣ каликой волочитися,
« А пора мнѣ, каликѣ душа спасти. »
Тутъ-то царскіе терема пошаталися,
85 Хрустальныя околицы посыпались
Отъ того отъ крику отъ каличьяго;
У Татарина сердечушко ужахнулось;
А царь-то Костянтинъ Боголюбовичъ взрадовается.
Тутъ-то Татаринъ воспроговоритъ:
90 — Ай же ты, царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
— Принимай калику перехожую,
— Корми-ка ты калику досыта,
— Пои ты калику допьяна.—
Взималъ онъ калику перехожую,
95 Взималъ онъ, самъ взрадовается:
« Не красное солнышко пороспекло,
« Не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ порозсвѣтилъ:
« А показался во Царе-градѣ
« Старый казакъ Илья Муромецъ!—
100 « Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Отъ бѣды меня повыручи,
« Отъ этой отъ смерти отъ напрасныя! »
Тутъ-то какъ поганое Идолище
Взималъ къ себѣ калику перехожую,
105 Началъ у калики выспрашивать:
— Ай же ты, калика русьская,
— Русьская калика перехожая!
— Скажи-ка, калика, не утай собя:
— Какой есть у васъ на святой Руси
110 — Старый казакъ Илья Муромецъ,
— Великъ ли онъ ростомъ собою есть?—

« А волосомъ-ростомъ ровнымъ съ меня:
« Мы съ нимъ были братьица крестовые. »
— По многу ли онъ выти-хлѣба ѣстъ,
115 — По многу ли пьетъ зелена вина?—
« А хлѣба ѣстъ по три колачика крупивчатыхъ,
« А пьетъ зелена вина
« На три пятачика на мѣдныихъ. »
— Чортъ же у васъ на Руси, а не богатырь есть!
120 — Я бы его на долонь поклалъ,
— А другой-то рукой сверху прижалъ:
— Да тутъ бы съ него блинъ сталъ,
— Да дунулъ бы его во чисто поле.
— А я то, сильный могучій Идолище,
125 — Хлѣба ѣмъ по три хлѣба печеныихъ,
— А пью-то вина по три ведра мѣрныихъ,
— А щей хлебаю по тои яловицы [1]) по русскія.—
« У нашего у попа у Ростовскаго
« Была какъ корова обжориста,
130 « Много ѣла-пила, тутъ и треснула:
« А тебѣ бы, поганому и также быть! »
Тутъ-то поганому не къ лицу пришло:
Этыя рѣчи не слюбилися.
Хватилъ тутъ онъ ножище-кинжалище,
135 Бросилъ во Илью во Муромца:
Ильюша былъ на ноженьку повертокъ,
Отъ того отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ ножикъ пріотмахивалъ,
Пролетѣлъ ножикъ въ дверь бѣлодубову,
140 И выскочила дверь съ ободвериной:
Убило на смерть двѣнадцать Татаръ сильныихъ,
А друго двѣнадцать ранило.
Кои Татарины ранены,
Тои клянутъ его, проклинаютъ:
145 « Будь ты три-проклятъ,
« Наше сильное, могучее Идолище! »

---

[1]) Корчагѣ.

Тутъ Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ильюшѣ, высиживать:
Тутъ-то Ильюша подскакивалъ,
150 Клюхой-то его въ голову поколачивалъ,—
Тутъ-то поганое захамкало;
А въ другихъ переправилъ [1]),—повалилося.
Хватилъ онъ поганаго за ноги,
Началъ поганымъ помахивать,
155 Этыихъ Татаровей охаживать,
Бьетъ Ильюша, выговариваетъ:
« А вотъ, робята, оружье по плечу пришло!
« А крѣпокъ поганый на жилочкахъ,
« Тянется поганый—самъ нѐ рвется! »
160 Прибилъ онъ поганыихъ всѣхъ въ три часу,
Не оставилъ поганыихъ на сѣмена.
Тутъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ахъ ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
165 « Живи-тка здѣ воеводою,
« А буду кормить тя досыта,
« Поить тебя буду допьяна,
« А денегъ давать тебѣ до люби. »
Говоритъ Ильюша таковы слова:
170 « Благодарствуешь, царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
« Послужилъ я у тя только три часа,
« А выслужилъ слово сладкое, увѣтливое,
« Увѣтливое слово, привѣтливое,
« А хлѣбъ-соль мягкую.
175 « Служилъ-то я у князя Владиміра,
« Служилъ я ровно тридцать лѣтъ,
« А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
« Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
« А хлѣба-соли мягкія.
180 « Да нельзя мнѣ здѣ-ка жить:
« Оставленъ оставежъ на дорожкѣ есть [2]). »

---

[1]) Въ другой разъ поколотилъ.—*Б.*

[2]) Т.-е. калика Иванище.

Царь Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
Другую насыпалъ чиста серебра,
185 Третью чашу скатна жемчуга.
Принималъ тутъ Ильюша съ радостію,
Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
« Это мое зарабочее. »
Тутъ-то Ильюша поклонъ держалъ,
190 Тутъ-то Ильюша распростился съ имъ.
Пошелъ-то Ильюша назадъ домой,
Пришелъ онъ на уловное мѣстечко.
А тутъ-то Иванище перетаскано,
Перетаскано Иванище, перетерзано
195 У того добра коня богатырскаго.
Скидывалъ съ себя платье каличіе,
Надѣвалъ опять платьица цвѣтныя;
Оба одѣлись, оба распростилися.
Говоритъ Ильюша таковы слова:
200 « Впредь ты такъ, Иванище, не дѣлай-ка,
« А выручай отъ бѣды-напасти,
« Не выдавай крещоныхъ поганымъ Татаровьямъ! »

119.

ССОРА ИЛЬИ СЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

(Гильферд., № 47.)

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскіихъ богатырей
И на всю паленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
5 Тутъ Ильюшенкѣ стало зарко [1]):
Скоро онъ натянулъ тугій лукъ,

---

[1]) Отъ *зор*, *зр*, отсюда *зариться*.

Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
10 По тыимъ маковкамъ золоченыимъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зынчнымъ голосомъ:
« Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
« Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
15 « Обирать-то маковки золоченыя! »
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
— Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка!—
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
20 Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
25 Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго казака Илью Муромца.
30 Тутъ-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестамы побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
35 Подписи были подписаны:
Слухать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.
Приходитъ Добрыня Никитиничъ:
— Ай же, братецъ крестовый названый,
40 — Старый казакъ Илья Муромецъ!
— У насъ кладена заповѣдь великая,
— У насъ подписи были подписаны:
— Слухать большему брату меньшаго,

— А меньшему брату большаго,
45 — А дружка за дружку обѣмъ стоять. —
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
« Ай же, братецъ крестовый названый,
« Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
« Кабы не ты, никого бы не послухалъ,
50 « Не пошелъ бы на почестенъ пиръ,
« А нельзя законъ переступить. »
Тутъ оны сокручилися [1]),
Тутъ оны снаряжалися,
Пришли тутъ ко князю ко Владиміру
55 Во тую во гридню во столовую.
Тутъ даваютъ Ильѣ мѣсто не меньшое,
Даваютъ Ильѣ мѣсто большое,
Сажаютъ молодца въ большо-уголъ,
Да несли оны чару зелена вина,
60 Другую рядили къ ему меду пьянаго.
Говоритъ Илья таково слово:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Зналъ кого послать меня позвать!
« Кабы не братецъ крестовый названый,
65 « Никого я не послухалъ бы.
« А было намѣреніе наряжено:
« Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
« А класть стрѣлочка каленая,
« Стрѣлить во гридню во столовую,
70 « Убить тебя, князя Владиміра
« Со стольною княгиной съ Опраксіей.
« А нонѣ тебя Богъ проститъ
« За этую за вину за великую!»

---

[1]) Вм. „сокрутилися“, одѣлись.

120.

ИЛЬЯ и КАЛИНЪ-ЦАРЬ.

На наше село на прекрасное,
На славенъ на Кіевъ градъ,
Наѣзжаетъ собака сударь Калинъ-царь.
Собиралъ собака князей-бояръ,
5 Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей.
У каждаго царя, у царевича,
У каждаго у короля, у королевича
Силы собрано по сорокъ тысячей.
10 Выбиралъ къ себѣ Татарина сильнаго,
Сильнаго Татарина, удалаго,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, слуга моя вѣрная!
« Поѣзжай ко городу ко Кіеву
15 « Со тыемъ письмомъ, со ѐрлыкомъ,
« Ѣди (не пришпектомъ) не воротами,
« Поѣзжай стѣною городовою,
« Черезъ тыя башни наугольныя,
« Заѣзжай на княженецкій дворъ,
20 « Станови коня середи широка двора,
« Ко тому столбу ко точеному,
« Привяжи къ кольцу ко золоченому:
« А поди скоро по перенымъ сѣнямъ,
« Заходи во гридню во столовую,
25 « Положи письмо на бѣлый столъ,
« Положи, пословесно поговаривай:
« Ай же ты, Володиміръ стольно-Кіевскій!
« Чисти во Кіевѣ улицы,
« Расчисти ряды во Кіевѣ,
30 « Курь-ка още зелено вино,
« Жди мою силу великую;
« Нашъ-то сударь Калинъ-царь
« Хочетъ у васъ поженитися,

« Отъ живого мужа жену отлучить,
35 « А стольную княгиню Опраксію.»
Скоро Татаринъ поворотъ держалъ,
Сѣдлалъ Татаринъ добра коня,
Ѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко стольному князю ко Владиміру:
40 (Не пришпектомъ) ѣхалъ, не воротамы,
Ѣхалъ-то стѣною городовою,
Черезъ тыя башни наугольныя,
Заѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Становилъ коня середи широка двора,
45 Ко тому столбу ко точеному,
Привязалъ къ кольцу ко золоченому,
И скоро шелъ по перенымъ сѣнямъ,
Заходилъ во гридню во столовую,
Положилъ письмо на бѣлый столъ,
50 А самъ пословесно выговаривалъ:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Чисти во Кіевѣ улицы,
« Расчисти ряды во Кіевѣ,
« Курь-ка още зелено вино,
55 « Жди мою силу великую:
« Нашъ-то сударь Калинъ-царь
« Хочетъ у васъ поженитися,
« Отъ жива мужа жену отлучить,
« А стольную княгину Опраксію.»
60 Скоро Татаринъ поворотъ держалъ,
Скоро бѣжалъ на широкъ дворъ,
Садился Татаринъ на добра коня,
Ѣхалъ назадъ во раздольице чисто поле.
Тутъ князю не дойдетъ сидѣть:
65 Пришла-то бѣда неминучая;
Бѣжалъ онъ на выходы высокіе,
Закричалъ онъ во всю голову:
— Ай же вы, русскіе могучіи богатыри!
— Подьте ко князю ко Владиміру
70 — На тую на думу на великую.—

Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
« Ай же вы, братьица крестовые,
« Крестовые братьица, назва̀ные,
« Молодой Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
« Видно пришла князю тревогушка,
« Тревога, бѣда неминучая,
« Что тревожитъ насъ, могучіихъ богатырей.
« А подите-ка, братцы, отказывайтесь,
« Что не можемъ мы служить за Кіевъ градъ.»
Приходитъ Добрынюшка Никитиничъ,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяетъ онъ дверь на пяту,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:
« Здравствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своею со княгиной со Опраксіей!
« А чего кричишь, тревожишься?»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Какъ на наше на село на прекрасное,
— На славный на Кіевъ градъ,
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царъ,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
Говоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
« Ай же, князь стольно-Кіевскій!
« Мои бѣлы ручки примахалися,
« Бьючись Татаровей поганыихъ;
« Мои рѣзвыя ножки прискакалися,
« Мои ясны очи помутилися,
« Глядючись на Татаровей поганыихъ.
« Не могу больше служить-стоять
« За славенъ стольный Кіевъ градъ.»

Тутъ-то Добрыня поворотъ держалъ.
Идетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
110 Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяетъ онъ дверь на пяту,
Крестъ кладетъ по писаному,
115 Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:
« Здравствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своей со княгиной со Опраксіей!
« А чего кричишь, тревожишься?
120 Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ на наше село на прекрасное,
— На славенъ на Кіевъ градъ,
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь,
125 — Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
« Ай же, князь стольно-Кіевскій!
« Мои бѣлы ручки примахались,
130 « Бьючись Татаровей поганыихъ;
« Мои рѣзвыя ножки прискакалися,
« Ясны очи помутилися,
« Глядючись на Татаровей поганыихъ.
« Не могу больше служить-стоять
135 « За славенъ стольный Кіевъ градъ.»
Тутъ-то Михайла поворотъ держалъ.
Идетъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
140 Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяетъ дверь онъ на пяту,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:

145 « Здравствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своей со княгиной со Опраксіей!
« А чего кричишь, тревожишься?»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
150 — Какъ на наше село на прекрасное,
— На славный на Кіевъ градъ,
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
155 Говоритъ Ильюша таковы слова:
« Ай же, князь стольно-Кіевскій!
« Мои бѣлы ручки примахалися,
« Бьючись Татаровей поганыихъ;
« Мои рѣзвы ножки прискакалися,
160 « Мои ясны очи помутилися,
« Глядючись на Татаровей поганыихъ.
« Не могу больше служить-стоять
« За славенъ за стольный Кіевъ градъ.»
Тутъ-то Ильюша поворотъ держалъ.
165 Отперлись всѣ могучіе богатыри.
Тутъ-то князю не дойдетъ сидѣть.
Пришла-то бѣда неминучая,
Бѣжалъ онъ на выходы высокіе,
Закричалъ онъ во всю голову:
170 — Ай же вы, русскіе могучіе богатыри!
— Подьте ко князю ко Владиміру
— На тую на думу на великую.—
Идетъ младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
175 Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:
180 « Ай же ты, мой любимый дяденька!
« А чего кричишь, тревожишься?»

Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, мой любимый племничекъ!
— Какъ на наше на село на прекрасное,
185 — На славный на Кіевъ градъ,
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
Говоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
190 « Ай же ты, любимый мой дяденька!
« Я могу служить-стоять за стольный Кіевъ градъ.
« А есть ли у тебя латы-кольчуга въ сорокъ пудъ,
« Есть ли палица мнѣ въ сорокъ пудъ,
« А есть ли мнѣ добрый конь
195 « Возить удалого добра молодца?»
— Ахъ ты, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Ты дитя захвастливо, занословно,
— Занословно дитя, неразумное:
— Не служить, не стоять ти за Кіевъ градъ!»
200 « Ай же ты, мой любимый дяденька!
« Я могу служить-стоять за Кіевъ градъ,
« Только дай мнѣ латы-кольчугу въ сорокъ пудъ.
« Палицу дай сорокопудовую
« И дай мнѣ добра коня богатырскаго.»
205 — Ступай, Ермакъ, на конюшенку,
— Выбирай себѣ добра коня по люби;
— А латы-кольчуга на конюшнѣ есть,
— Палица есть тая богатырская.—
Тутъ бѣжалъ Ермакъ на конюшенку,
210 Выбиралъ себѣ добра коня по люби,
Выбиралъ себѣ палицу богатырскую,
Облатился молодецъ, окольчужился,
А латы-кольчуга призаржавѣли:
Бросилъ онъ латы о кирпиченъ полъ,
215 Слетѣла ржа отъ латъ-кольчуги;
Сѣдлалъ онъ своего добра коня
И поѣхалъ по раздольицу чисту полю.
А ѣдетъ онъ по чисту полю:

На томъ раздольицѣ чистомъ полѣ
220 Собиралось тридцать богатырей безъ одного;
Сидятъ молодцы во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ бѣлополотняномъ,
Сидятъ молодцы, забавляются,
Играютъ въ шашки-шахматы,
225 Во тыи велеи [1]) золоченыя;
Спитъ Илья Муромецъ на кровати—рыбій зубъ,
Подъ тымъ одѣяльцемъ соболинымъ.
Закричалъ Ермакъ во всю голову:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
230 « Спишь, молодецъ, проклаждаешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
« На наше село на прекрасное,
« На славенъ на Кіевъ градъ
« Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь. »
235 Говоритъ Ильюша таковы слова:
— Ахъ ты, младъ Ермакъ Тимофеевичъ!
— А поди ты на гору на высокую,
— На тое на шеломя оскатное,
— Смотри во трубочку подзорнюю
240 — На эту на силу на Татарскую:
— Многимъ ли намъ молодцамъ ѣхати,
— А двумъ ли, тремъ ли молодцамъ ѣхати,
— Али всѣмъ русскіимъ богатырямъ?—
Скоро Ермакъ поворотъ держалъ,
245 Пріѣзжалъ на гору на высокую,
На тое на шеломя оскатное,
Смотрѣлъ во трубочку подзорнюю
На эту на силу на Татарскую:
Нагнано тутъ силы Татарскія,
250 Что мать сыра земля колыблется,
Колыблется земля, погибается;
Ни гдѣ силы край есть,
Померкло солнышко красное

---

[1]) Тавлеи, вальящатыя.—*Б.*

Отъ того отъ пару отъ Татарскаго.
255 Разгорѣлось сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое,—
Приправливалъ онъ своего добра коня
Во этую во силу во Татарскую,
Заѣхалъ молодецъ во середочку,
260 Началъ онъ силушку охаживать:
Куды махнетъ палицей, туды улица,
Перемахнетъ,—переулочекъ.
День онъ бьется не ѣдаючись
И добру коню отдоху не даваючись;
265 И другой день бьется и другую ночь;
По третій день бьется и по третью ночь.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Ото сну богатырь пробуждается,
Самъ говоритъ таковы слова:
270 « Ай же вы, русскіе могучіи богатыри!
« Пріѣзжалъ ли Ермакъ Тимофеевичъ
« Со тоя горы со высокія,
« Со того со шеломя со оскатнаго? »
— Не пріѣзжалъ, де, Ермакъ Тимофеевичъ.—
275 « Ахъ вы дурни, русскіе богатыри!
« Погубили вы головку наилучшую:
« Бьется тамъ Ермакъ—пересядется! [1])
« Скоро сѣдлайте добрыхъ коней,
« Всѣ поѣдемъ-те туда, молодцы! »
280 Начали они сѣдлать добрыхъ коней:
Стала мать сыра земля продрагивать;
Поѣзжали ко силы ко Татарскія.
Какъ пріѣхали ко силы ко Татарскія,
Не видятъ, куды силы край есть,
285 Не видятъ Ермака Тимофеевича.
Говорилъ Ильюша таковы слова:
« Ай же вы, русскіе могучіи богатыри!
« Идьте [2]), братцы, по крайчикамъ,

[1]) Надорвется.
[2]) Поѣзжайте.

« А я поѣду по середочкѣ
290 « Искать млада Ермака Тимофеева. »
Поѣхали богатыри по крайчикамъ,
А Илья поѣхалъ по середочкѣ
Искать млада Ермака Тимофеевича.
Не ясенъ-то соколъ по небу разлетываетъ,
295 Младъ Ермакъ на добромъ конѣ разъѣзживаетъ
По тыя по силы по Татарскія;
Куды махнетъ палицей, туды улица,
Перемахнетъ,—переулочекъ.
Наѣзжалъ Илья изъ далеча изъ чиста поля,
300 Выскочилъ онъ со добра коня,
Скочилъ ему на добра коня,
Захватилъ его за могучи плечи,
Закричалъ во всю голову:
« Ахъ ты, младъ Ермакъ Тимофеевичъ!
305 « Укроти свое сердце богатырское,
« А мы нонь за тебя поработаемъ:
« Ты бьешься, Ермакъ—самъ пересядешься! »
Тутъ Ермакъ Тимофеевичъ
Укротилъ свое сердце богатырское.
310 Прибили они всю силу въ три часа,
Не оставили Татарина ни одного.
А собака сударь Калинъ-царь,
На чистомъ полѣ во бѣломъ шатрѣ
Спитъ онъ на кроваткѣ—рыбій зубъ,
315 Подъ тымъ одѣяльцемъ соболиныимъ;
Спитъ онъ, молодецъ, прокладдается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Какъ изъ далеча далеча изъ чиста поля
Наѣзжаетъ Илья Муромецъ,
320 Хватилъ Калина за желты кудри,
Выдернулъ съ кровати—рыбій зубъ,
Бросилъ его о сыру землю;
Выдернулъ съ кармана плеть шелковую,
Началъ его, собаку, чествовать,
325 А бьетъ онъ, самъ выговариваетъ:

« Каково, собака, здѣ женитися,
« Отъ живаго мужа жена отлучить? »
Тутъ клянетъ собака, проклинается:
« Будь трое проклятъ на вѣку тоемъ,
330 « Кто станетъ во городѣ женитися,
« Отъ живаго мужа жена отлучать. »
Тутъ Илья взялъ-сломалъ ему бѣлы руки,
Еще сломалъ собакѣ рѣзвы ноги,
Другому Татарину онъ сильному
335 Ломалъ ему бѣлы руки,
Выкопалъ ему ясны очи,
Привязалъ собаку за плеча Татарину,
Привязалъ его, самъ выговаривалъ:
« На-тко, Татаринъ, неси домой,
340 « А ты, собака, дорогу показывай. »

121.

НѢПРА и ДОНЪ.

(Гильферд. № 50.)

Руськіе могучіе богатыри
И всѣ паленицы удалыя
Собиралися ко ласкову князю Владиміру
На почестенъ пиръ-пированьице.
5 Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говоритъ Нѣпра [1]) королевична:
« А нѣтъ-то стрѣльцовъ добрыхъ молодцевъ
10 « Противъ меня, Нѣпры королевичны;
« А силою молодцевъ, ухваткою
« Противъ стараго казака Ильи Муромца;

---

[1]) Въ Пудожскомъ говорѣ ѣ не всегда произносится какъ и.

« А красотою молодцевъ, угожествомъ
« Противъ Михайлы Потыка Иванова;
15 « А богачествомъ противъ Дюка Степанова;
« А тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ
« Противъ молода Добрыни Никитича:
« У него ли рѣчи привѣтливы,
« У него ли рѣчи умильныя,
20 « Онъ прельститъ и уговоритъ;
« Нѣтъ молодцевъ походкой, пощапкой
« Противъ Чурилища Опленковича:
« Идетъ-то Чурилище по Кіеву,—
« Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются.»
25 А сама говорила, не спохвàлила
Своего-то мужа законнаго,
Тихаго Дона сударь Ивановича.
Тутъ у тихаго Дона Ивановича
Разгорѣлось его сердце богатырское,
30 Богатырское сердце, молодецкое.
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— А когда жъ ты охвòча стрѣлить стрѣлочка каленая,
— Пойдемъ-ка во раздольице чисто поле,
— Станемъ стрѣлить стрѣлочка каленая:
35 — Который у насъ вѣрняй стрѣлитъ?—
Какъ шли они на чисто поле,
Относили они колечико серебряно
За тую за версту за мѣрную,
Становили ножичекъ булатній
40 Супротивъ колечика серебряна.
Какъ стрѣлила во колечико серебряно,
Попадало во колечико серебряно
За тую за версту за мѣрную,
Колола она стрѣлочку ровнымъ ровно
45 На двѣ половиночки ровныя;
Клали на вѣсы половиночки,
Ни коя ни кою не перетягиватъ.
Какъ у тихаго Дона Ивановича
Разгорѣлось его сердце богатырское,

50 Богатырское сердце, молодецкое;
Началъ онъ стрѣлочкой помахивать,
Началъ самъ стрѣлочкѣ выговаривать:
— Ай же ты, моя любимая калена стрѣла!
— Пади-ка не на̀ воду, не на̀ землю,
55 — Пади-ка въ Нѣпру королевичну,
— А пади-ка ей во бѣлую грудь.—
Тутъ-то она прослезилася,
Начала плакать уливаючись,
Сама говоритъ таково слово:
60 « Ахъ ты, тихій Донъ сударь Ивановичъ!
« Не стрѣляй меня, Нѣпру королевичну;
« А несу тебѣ я сына любимаго:
« По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
« По локоть-то рученьки въ золотѣ,
65 « А по косѝцамъ быдто звѣздушки,
« А назади быдто свѣтелъ мѣсяцъ,
« А спереди быдто солнышко. »
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
Онъ ничего, молодецъ, не спрашивалъ,
70 Стрѣлилъ онъ ю во бѣлую грудь:
Пала Нѣпра на сыру землю,
Облилася кровью горючею.
Хватилъ онъ ножище-кинжалище,
Пласталъ ея груди бѣлыя,—
75 А несла она сына любимаго:
По колѣнъ-то ноженьки въ сѐребрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ быдто звѣздушки,
А назади быдто свѣтелъ мѣсяцъ,
80 А спереди быдто солнышко.
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
Становилъ онъ ножище-кинжалище,
Становилъ онъ, самъ выговаривалъ:
— Куда пала головушка бѣлы лебеди,
85 — Тутъ пади головушка и сѣра̀ гуся.—
Палъ онъ тутъ на ножище-кинжалище.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ рѣка
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя.
90 Глубиною рѣка двадцати сажень,
А шириною рѣка сорока сажень.

122.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Гильферд., № 51.)

Поѣзжаетъ Иванушка женитися
Ко гостю ко купцу ко Дмитрищу.
Говоритъ онъ ро̀дному дядюшкѣ:
« Ай же ты, любимый дядюшка,
5 « Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай-ка мнѣ силы сорокъ тысячей,
« Казны-денегъ друго сорокъ тысячей:
« Поѣду я, Иванушка, женитися
« Ко гостю ко купцу ко Дмитрищу. »
10 Князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Давалъ ему силы сорокъ тысячей,
Казны денегъ друго сорокъ тысячей.
Поѣхалъ Иванушка женитися,
Пріѣзжалъ ко гостю ко купцу ко Дмитрищу,
15 Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ Иванушка въ высокъ теремъ,
Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
« Ай же ты, гость-купецъ Дмитрище!
« Есть у тебя любимая дочь,
20 « Прекрасная Марья Дмитріѐвична:
« Отдай-повыдай за меня замужъ! »
Говоритъ купецъ таковы слова:
— Ай же ты, Иванушка Годиновичъ!
— У меня была Марьюшка просватана

25 — За того царя Кощея за Трипетова.—
Говоритъ Иванушка Годиновичъ:
« Съ добра отдашь, добромъ возьму,
« Не отдашь съ добра, силòмъ возьму. »
Скочилъ Иванушка на рѣзвы ноги,
30 Схватилъ ножище-кинжалище,
Ударилъ ножищемъ во дубовый столъ:
Разлетѣлся столъ во всѣ стороны.
Бѣжалъ тутъ Иванушка въ высокъ теремъ,
Взималъ-то Марью Дмитріѐвичну
35 За ея за рученьки за бѣлыя,
За ея за перстни за злаченые,
Цѣловалъ-миловалъ, къ сердцу прижималъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Поѣдемъ-ка со мной, Марья Дмитріѐвична! »
40 Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
Ко своему любезному ко дядюшкѣ.
Отъѣзжалъ Иванушка на чисто поле,
Раздернулъ онъ бѣлъ шатеръ
45 Во томъ раздольицѣ чистомъ полѣ,
Отпускалъ свою силушку великую
Ко стольному ко князю ко Владиміру:
« Скажите, братцы, родному дядюшкѣ,
« Стольному князю Владиміру,
50 « Что веземъ Марью Дмитріевичну! »
Его рать-сила великая
Отправлялась ко городу ко Кіеву.
На ту пору на то времячко
Наѣзжаетъ царь Кощей сынъ Трипетовичъ
55 Ко гостю купцу ко Дмитрищу,
Говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, гость купецъ Дмитрище!
— Ты куда дѣвалъ Марью Дмитріевичну?—
« А есть Марья увезена
60 « У того Иванушка Годиновича:
« Я съ добра не далъ, такъ онъ силомъ увезъ. »

Царь Кощей сынъ Трипетовичъ
Поѣхалъ за Иваномъ въ слѣдъ сугоною;
Засталъ онъ Иванушка на чистомъ полѣ,
На чистомъ полѣ во бѣломъ шатрѣ,
Съ той ли со Марьей Дмитріѐвичной,
Засталъ ли его забавляючись.
Скочилъ Иванушка на рѣзвы ноги,
Начали оны битися-ратися
Со царемъ Кощеемъ сынъ Трипетовичемъ:
Побивалъ Иванушка Годиновичъ
Царя Кощея сына Трипетова,
А сбилъ онъ его на сыру землю.
На ту пору на то времячко
Ножища при немъ не случилося.
Говоритъ Иванушка таково слово:
« Ай же ты, Марья Дмитріѐвична!
« Дай-ка мнѣ ножище-кинжалище
« Пластать Кощею бѣлая грудь. »
Говоритъ Кощей сынъ Трипетовичъ:
— Ай же ты, Марья Дмитріѐвична!
— Не давай ножища-кинжалища
— Иванушку Ивану Годиновичу!
— А я тебѣ скажу-порѐзскажу:
— А тащи-ка ты Ивана за желты кудри
— Со тыихъ со моихъ со бѣлыхъ грудей;
— Будешь слыть портомойницей
— У солнышка у князя Владиміра,
— А будешь слыть не царицею;
— А поди-ка ты за меня замужъ,
— Такъ будешь, Марьюшка, слыть царицею
— У меня Кощея у Трипетова.—
Тутъ-то она и пораздумалась:
« Что мнѣ-ка слыть портомойницей?
« А лучше будетъ слыть царицею
« За царемъ Кощеемъ за Трипетовичемъ.»
Какъ хватила Ивана за желты кудри,
Тащила Ивана со бѣлыхъ грудей.

Такъ взяли тутъ Ивана Годиновича,
100 Привязали Ивана ко сыру дубу;
Какъ пошелъ Кощей Трипетовичъ
Забавлятися съ Марьею Дмитріевичной
Во тоемъ во бѣлоемъ шатрѣ.
На ту пору на то времячко
105 Налетала птица черный вранъ,
Садился онъ вранъ на сырой дубъ,
Проязычилъ языкомъ человѣческимъ:
« А не владѣть-то Марьей Дмитріевичной
« Царю Кощею сыну Трипетову,
110 « А владѣть Ивану Годиновичу. »
Услыхалъ Кощей сынъ Трипетовичъ
Тое воронино звѣщеваніе,
Скочилъ Кощей на рѣзвы ноги,
Хватилъ Кощей тугій лукъ,
115 Натягалъ тетивочку шелковую,
Кладывалъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то во черна ворона,
Стрѣлилъ, не попалъ въ его,
Зашелъ онъ опять во бѣлой шатеръ,
120 Такъ эта стрѣла взадъ обратилася,
Пала ему въ буйну голову:
Облился онъ кровью горячею,
Пришла тутъ Кощею горькая смерть.
Тутъ тая Марья Дмитріевична,
125 Выставала она на рѣзвы ноги,
Взимаетъ въ руки саблю вострую,
Начала сабелькой помахивать,
Начала сама выговаривать:
— У женщины волосъ дологъ, умъ коротокъ!
130 — Отъ бережка теперь я откачнулася,
— А къ другому я не прикачнулася:
— Отсѣку Ивану буйну голову,
— Пойду назадъ, красна дѣвушка!—
Говоритъ Иванушка таковы слова:
135 « Ай же ты, Марья Дмитріевична!

« Не сѣки мнѣ, Ивану, буйны головы;
« А столько я ти за ту вину за великую
« Дамъ-то три грозы небольшенькія. »
Тутъ она съ собой пораздумалась:
140 — Перву грозу мнѣ дастъ, я годъ проживу;
— А другу дастъ, още годъ проживу,
— А третью дастъ, я и вѣкъ проживу.—
Отвязала Ивана отъ сыра дуба.
Ставалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
145 Взимаетъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ ей бѣлы рученьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
« Этыхъ мнѣ рученекъ не надобно:
« Обнимали поганаго Татарина. »
150 Отсѣкъ ей уста сахарнія,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
« Этыхъ мнѣ губушекъ не надобно:
« Цѣловали поганаго Татарина. »
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,
155 Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
« Этыхъ мнѣ ноженекъ не надобно:
« Охапляли поганаго Татарина. »
Пошелъ тутъ единъ единешенекъ
Онъ, удалый добрый молодецъ;
160 Пришелъ ко городу ко Кіеву,
Ко стольному князю ко Владиміру,
Къ своему любезному ко дядюшкѣ,
Пришелъ онъ молодецъ безо всего:
Ждали-сожидали съ молодой женой,
165 А пришелъ Иванушка, и нѣтъ никого.

123.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(Гильферд., № 53.)

А мхи были болота въ Поморской стороны,
А тая эта зябель въ Подъ-сиверной стороны,
Гольныя щелья къ Бѣлу-озеру,
А темные лѣса Смоленскіе,
5 Широки ворота Чигиринскіе,
Не хороши сарафаны по Моши по рѣкѣ.

*

Исподъ дуба, дуба, дуба сыраго,
Исподъ того камешка сподъ яхонта
Выходила-выбѣгала мати Волга рѣка,
10 Устьемъ бѣжитъ-то въ сине море,
Во то во сине море во Турецкое.
На той ли на матушкѣ на Волгѣ рѣкѣ
Бѣжало-бѣжитъ тридцать три корабля,
Тридцать три корабля бѣжитъ безъ одного.
15 Одинъ-то корабль лучше-краше всѣхъ:
Въ томъ кораблѣ было написано,
На томъ на кораблю напечатано:
Носъ-отъ написанъ по змѣиному,
А корма-то была по звѣриному,
20 А бока сведены по туриному,
Кодолы-канаты были шелковые,
Паруса-то были изъ семи шелковъ,
Мачты-то, коржины [1]) позолочены.
И на томъ кораблю младъ сидитъ Соловей,
25 Младъ сидитъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своею со родною со матушкою,
Со своима со дружинамы съ хоробрыма.
Говоритъ онъ, промолвитъ таково слово:
« Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,

[1]) Коржины—штевни.

30 « Хоробрая дружина Соловьевая!
« А слушайте-ка шестики мѣрные,
« Намѣряйте-ка луды [1]) морскія,
« Какъ бы намъ, молодцамъ, мимо проѣхати,
35 « Не попасть бы на луды морскія. »
Какъ его ль дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
Взимали шестики мѣрные,
40 Мѣряли луды морскія,
Ѣхали мимо, проѣхали.
Опять Соловей сынъ Будиміровичъ
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ай же вы, братцы, дружина хоробрая,
45 « Хоробрая дружина Соловьевая!
« Слушайте-ка большаго атамана:
« Взимайте-ка трубоньки подзорнія,
« Глядите-смотрите славенъ Кіевъ-градъ,
« Чтобы намъ, братцы, попасть было
50 « Въ тую ли пристань корабельную,
« Подъ той ли подъ славенъ Кіевъ градъ. »
Тутъ его дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
55 Взимали трубоньки подзорнія,
Глядѣли-смотрѣли славенъ Кіевъ градъ,
Ѣхали молодцы, пріѣхали,
Попали во пристань корабельную.
Говоритъ онъ, промолвитъ таково слово:
60 « Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружина Соловьевая!
« Слушайте-ка большаго атамана:
« Взимайте первую сходенку волжаную
« Другую сходенку серебряну,

---

[1]) Луды—подводные камни.

65 « Третью сходенку красна золота;
« Кидайте сходенки на крутъ бережокъ:
« А по волжаной сходенкѣ вамъ итти,
« Всѣмъ моимъ дружинушкамъ хоробрыимъ,
« Хоробрымъ дружинамъ Соловьевыимъ,
70 « А по серебряной сходенкѣ матушкѣ моей,
« Матушкѣ итти Соловьевоей,
« А по золотой по сходенкѣ мнѣ-ка-ва итти,
« Итти младъ-Соловью сыну Будимірову. »
Тутъ его дружинушка хоробрая,
75 Хоробрая дружина Соловьевая,
Они слушали большаго атамана,
Взимали первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенку красна золота,
80 Кидали сходенки на крутъ бережокъ.
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Взимаетъ онъ подарочки небольшинькіе:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболѐй,
На мелкаго звѣря и смѣты нѣтъ,
85 А взимаетъ флаки заморской камки,
Заморскія камочки золоченыя,
Положилъ камочки на блюдечко,
На тыё на блюдо золоченое;
Пошелъ-то онъ ко князю Володиміру,
90 Съ тыма со подаркамы великима.
Приходятъ къ князю Володиміру,
Ко него палатамъ бѣлокаменнымъ.
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Заходилъ во гридню во столовую,
95 Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Стольному князю въ особину,
Здравствуетъ князя со княгиною:
100 « Здравствуешь, князь стольно-Кіевскій
« Со своей княгиной со Опраксою,

« Со своей любимой со племянницей,
« Молодой Любавушкой Запавичной! »
Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Здравствуй, удаленькій добрый молодецъ!
— Не знаю я тебѣ ни имени, ни изотчины:
— Царь ты ли есть, царевичъ ли,
— Али король ты есть, королевичъ ли,
— Али съ тиха ты Дону лихой казакъ,
— Али грозный посолъ Ляховецкій былъ?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Не царь я есть, не царевичъ былъ,
« Не король я есть, не королевичъ былъ,
« Не изъ тиха Дона лихой казакъ,
« Не грозный посолъ Ляховецкій былъ,
« А есть со славнаго синя моря
« Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ.»
Тутъ-то здоровье оны сдияли.
Даваетъ ему подарочки великіе
И стольныя княгины Опраксіѣ.
Стольная княгиня Опраксія
Принимаетъ эты подарочки великіе,
Принимать принимаетъ, восхваливаетъ:
— Нѣтъ такой камки здѣ въ Кіевѣ,
— Нѣтъ такой камки, и не бывать такой,
— Не бывать-то камочки золоченыя.—
Князь-отъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Чѣмъ-то мнѣ-ка тебя жаловати
— За эты за подарки за великіе?
— Города ль тебѣ надоть съ пригородкамы,
— Села тебѣ надоть со приселкамы,
— Али много надоть золотой казны?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Не надоть мнѣ городовъ съ пригородкамы,
« Не надоть и селъ со приселкамы,
« Да не надоть мнѣ и безсчетной золотой казны:

140 « Есть у меня своей до люби;
« А столько ты позволь мнѣ-ка
« Поставить три терема златоверхіихъ
« Середь города, середь рыночка,
« Гдѣ маленьки ребята сайки продаютъ,
145 « Продаютъ сайки, барышничаютъ. »
Говоритъ тутъ князь таково слово:
— Ахъ ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Куда знаешь, туда ставь-ка ты.—
Тутъ скоро Соловей поворотъ держалъ,
150 Приходилъ онъ къ дружинушкѣ хороброей,
Хороброей дружины Соловьевой,
Опять говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Братцы, дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружина Соловьевая!
155 « Слушайте меня, большаго атамана:
« Скидывайте съ себя платьица цвѣтныя,
« Надѣвайте на себя платьица лосиныя,
« Лосиныя платьица звѣриныя.»
Тутъ-то дружинушка хоробрая
160 Скидывали съ себя платьица цвѣтныя,
Надѣвали платьица лосиныя,
Лосиныя платьица звѣриныя.
Опять говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Взимайте-ка топорики булатніе,
165 « Сѣките дубья-то, колодья-то,
« Поставьте-ка середь города, середь рыночка
« Три терема поставьте златоверхіихъ,
« Чтобы верхи съ верхамы свивалися,
« Чтобы къ утру къ свѣту туда жить перейти.»
170 Тутъ его дружинушка хоробрая
Взимали топорики булатніе,
Сѣкли дубья-то, колодья-то,
Мелки кусточки вонъ вырыли;
Ставили три терема златоверхіихъ,
175 Что верхи съ верхамы свиваются,
Чтобы къ утру къ свѣту тутъ жить перейти.

Перешелъ Соловей Будиміровичъ,
Перебрался со дружинушкой хороброей,
Со своею со родною со матушкой.
У того у князя Владиміра
Была любимая племянница,
Молодая Любавушка Запавична.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Усмотрѣла въ трубоньку три терема златоверхіихъ;
Приходила ко родимому ко дядюшкѣ
И говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же ты, любезный мой дядюшка!
— Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
— Мнѣ сходить прогуляться красной дѣвушкѣ
— По стольному по городу по Кіеву.—
Тутъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Далъ ей прощеньице-благословеньице
Прогуляться по городу по Кіеву,
Далъ ей нянекъ и мамушекъ,
Тыхъ ли вѣрныхъ служаночекъ.
Пошла прогуляться красна дѣвушка,
Гуляла по городу по Кіеву,
Пришла къ тремъ теремамъ златоверхіимъ.
Ко первому-то терему подходитъ она,—
Въ томъ терему шопоткомъ говоритъ:
Тутъ Соловьевая матушка Богу молится.
Ко другому терему подходитъ она,—
Въ томъ терему стукъ да гремъ:
Тутъ-то Соловьевая дружинушка
Считаетъ безсчетну золоту казну
Младъ-Соловья сына Будиміровича.
Ко третьему терему подходитъ она,—
Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ:
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своей дружинушкой хороброей;
Онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ золоченоемъ,

Играетъ молодецъ, забавляется
215 Со своима дружинамы хоробрыма,
Хоробрыма дружинамы Соловьевыма.
Подходитъ она, красна дѣвушка,
Подходитъ къ нему поблизешенько,
Поклонилась ему понизешенько:
220 — Здравствуешь, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ! —
« Здравствуешь, красна дѣвушка,
« Молода Любавушка Запавична! »
Говоритъ она, промолвитъ таково слово:
— Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
225 — Ты возьми-тко меня, красну дѣвушку,
— Ты возьми-тко меня за себя замужъ.—
« Ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла,
« Однымъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла;
« Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь;
230 « А тебѣ бы, дѣвушкѣ, не эдакъ бывать,
« Не такъ бывать дѣвушкѣ,—дома быть,
« Ино дома быть, вода носить,
« Коровъ поить, телятъ кормить. »
Съ того со стыда со великаго,
235 Скоро она поворотъ держитъ,
Поворотъ держала и домой бѣжала.
Тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро онъ справлялся, добрый молодецъ,
Пришелъ-то онъ сватомъ большіимъ
240 Къ стольному ко князю ко Владиміру,
Садился онъ въ большо мѣсто,
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ай же ты, князь стольно-Кіевскій!
« Есть у тя любимая племянница,
245 « Молода Любавушка Запавична:
« Отдай-ка ю, повыдай за меня замужъ. »
Тутъ-то князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Просваталъ ю, красну дѣвушку,
Свою то любимую племянницу.
250 И шли оны во церкву во Божію,

Принимали оны златы вѣнцы.
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
Скоро онъ сбирался на корабли
Со своима припасамы великима,
255 Со своима теремамы златоверхима.
Садился онъ, молодецъ, на корабли,
Отправлялся назадъ въ свою сторону,
Уѣхалъ-уѣзжалъ онъ, добрый молодецъ,
Сталъ тамъ жить да быть, семью сводить,
260 Семью сводить, дѣтей наживать.

124.

САДКО.

(Отрывокъ).

Говоритъ-промолвится Садко̀ богатый гость:
« Это, братцы, жѐребья не жеребья!
« Вырѣжемъ-те жеребья изъ красна золота,
« Изъ того изъ чистаго изъ серебра,
5 « А кинемъ-ка жеребья на верхъ воды,
« Намъ кому итти да во синѐ морѐ:
« Чей жеребей на дно пойдетъ,
« Тому итти во сине море. »
Вырѣзали жеребья изъ красна золота,
10 Изъ того изъ чистаго изъ серебра;
Кинули оны жеребья на верхъ воды:
Всѣ-то жеребья пловутъ на верхъ воды,
А купца Садки-то на дно идетъ.
Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
15 Садился на дощечку на дубовую:
Пошла тая дощечка во сине море,
Приходила дощечка во сине море,
Ко царю пришла ко мо̀рскому,
Ко тыя царицы мо̀рскія.

20 А царь со царицей споруетъ;
Говоритъ царица морская:
« Есть на Руси жѐлѣзо булатнее,
« Дороже булатъ-жѐлѣзо красна золота,—
« Красно золото катается
25 « У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ. »
Говоритъ царицы царь морскій:
— Ай же ты, царица морская!
— Дороже есть красно золото:
— А булатъ-желѣзо катается
30 — У малыхъ робятъ по зыбочкамъ.—
Споруютъ оны, перетакиваютъ.
Становился Садко купецъ, богатый гость,
Насу́противъ ихъ съ дощечкой бѣлодубовой.
Говорилъ царь морскій таково слово:
35 — Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
— Ты Садко купецъ, богатый гость!
— Ты скажи по правдѣ, не утай собя,
— Что-то у васъ на Руси дется,
— Булатъ-ли жѐлѣзо дороже красна золота,
40 — Али красно золото дороже булатъ-жѐлѣза?—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, царь морскій со царицею!
« Я скажу вамъ правду, не утаю собя:
« Дороже у насъ на Руси красно золото,
45 « А булатъ-жѐлѣзо катается
« У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ. »
Скочилъ царь морскій на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ саблю вострую,
Отсѣкъ-то царицы буйну голову.
50 У того ли у царя морскаго
Было двѣ дочѐри прекрасныя.
Говорилъ царь таково слово:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Хочешь ли здѣ-ка поженитися?
55 — Отдамъ я за тебя любимую дочь.—
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:

« Ай же ты, царь морской!
« Взялъ бы я у тебя любимую дочь,
« Столько надо мнѣ достаться на святую Русь. »
60 Говорилъ царь морскій таково слово:
— Ай же ты, моя большая дочь!
— Возьми достань [1]) Садко, купца богатаго,
— На матушку на святую Русь.—
Приходила его любимая дочь,
65 Взимала Садко, купца богатаго,
Достала его на матушку на святую Русь.
Тутъ пошелъ Садко купецъ, богатый гость,
Поклонился и распростился съ ёй:
« Ты прощай, царевна морская:
70 « Я тебѣ женихомъ не пришелъ,
« А ты мнѣ въ невѣсты не пришла. »

125.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

(Гильферд. № 54.)

Молодой Васильюшка Буслаевичъ,
Онъ ходилъ-гулялъ по городу по Кіеву,
Выбиралъ себѣ дружинушку хоробрую.
Приходитъ-то онъ къ малому къ упалому,
5 Къ малому къ упалому къ Потанюшкѣ,
Къ Потанюшкѣ онъ, молодецъ, подскакивалъ
Да чернымъ-то [2]) вязомъ ударивалъ:
Стоитъ-то Потанюшка—не стряхнется,
Желтыя кудерки не сворохнутся.
10 Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружинушка Васильева!»

[1]) Доставь.—*Б.*
[2]) Вм. „черленымъ“.

Взималъ онъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ его въ уста сахарныя.
15 Опять-то Васильюшка подскакивалъ,
Да чернымъ-то вязомъ ударивалъ
Толста Ѳому благоуродлива:
Стоитъ-то Ѳомушка—не стряхнется,
Желтыя кудерки не сворохнутся.
20 Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
« Ай же ты дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружинушка Васильева!»
Больше нѣтъ прибрать себѣ добрыхъ молодцевъ.
Сдѣлалъ-то Васильюшка почестенъ пиръ
25 Для тыхъ мужиковъ новгородскіихъ:
« Ступайте-ка, ребята, на почестенъ пиръ.»
Какъ собиралися мужики на почестенъ пиръ,
Кормилъ-поилъ Васильюшка Буслаевичъ
Свою ли дружинушку хоробрую,
30 А тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ
Не кормилъ не поилъ, да не чествовалъ,
А посылалъ по въ-зашей да въ сутычь ихъ.
Тутъ-то мужики Новогородскіе
Видятъ, что не хорошо то есть:
35 « Осмѣемся [1]) мы насмѣшку Васильюшкѣ,
« Сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ,
« Заведемъ для Василія для Буслаевича,
« Не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ
« Того Васильюшку Буслаева!»
40 Не зовутъ Васильюшки Буслаева
На пированьице на почестенъ пиръ.
Не ждетъ-то онъ чести великія,
А приходилъ онъ къ нимъ на почестенъ пиръ
Со своима со дружинамы хоробрыма,
45 И идетъ-то во мѣсто во большее,
Садится молодецъ въ большо-уголъ
И раздвигалъ мужиковъ Новгородскіихъ,

[1]) „Отсмѣемъ“ насмѣшку.—*Ред.*

Садился со дружинамы хоробрыма.
Говорятъ мужики Новгородскіе:
50 « А званому гостю хлѣбъ-да соль,
« А незваному гостю и мѣста нѣтъ.»
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
« Званому гостю много мѣста надо,
« Много мѣста надо и честь большая,
55 « А незваному гостю, какъ Богъ пришлетъ.»
Тутъ мужики Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
« Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
« Загадываешь загадку великую;
60 « Когда ты, Василій, удалъ е,
« Пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій,
« На тою на рѣченьку на Волхову:
« Ты со своима со дружинамы хоробрыма,
« А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.»
65 Ударили они о великъ закладъ,
Подписали подписи великія,
Что съ утра още ранымъ рано
Итти-то на рѣченьку-на Волхову,
На тотъ ли на мосточикъ на Волховскій.
70 Разошлися тутъ они, поразъѣхались.
Какъ тутъ у Васильюшки Буслаева,
Приходилъ онъ домой со той со попойки со великія,
Самъ-то онъ легъ во глубокъ погребъ,
А легъ-то молодецъ и спать заснулъ.
75 Спитъ онъ, молодецъ, проклажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
А тутъ-то дошло извѣстьице
Ко его ко родныя ко матушкѣ,
Ко честной вдовы Офимьѣ Александровнѣ:
80 Что есть съ утра рано, ранымъ рано,
Итти-то Василью на рѣченьку на Волхову,
На тотъ ли на мосточикъ на Волховскій.
Тутъ-то старушенька догадлива,
Замкнула Васильюшку во погребу,

85 Во тые во погреба глубокіе:
— Сиди-ка, Василій, не повыскочить
— Со тыихъ со погребовъ глубокіихъ! —
Тутъ-то дружинушка хоробрая
Справлялися по утрышку ранешенько
90 На тую на рѣченьку на Волхову,
На тый на мосточикъ на Волховскій.
Начали они биться и ратися.
День они бьются не ѣдаючись,
И другой они бьются не пиваючись,
95 Не ѣдаючись молодцы и не пиваючись,
И себѣ отдоху не даваючись,
Они третій день и третью ночь.
Тутъ-то у нихъ, удалыхъ молодцевъ,
Головушки у молодцевъ переломаны,
100 Платками головки перевязаны.
А тутъ-то Васильюшка Буслаевичъ
Спитъ себѣ, молодецъ, проклажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ,
Что прибиты дружинушки хоробрыя.
105 У того ли Василья Буслаева
Была кухарка-хлѣбница,
Тая удалая портомойница;
Увидала тыхъ дружинушекъ хоробрыихъ,
Тутъ-то она бѣжала скорымъ скоро,
110 Прибѣгала она ко погребу,
Ударила она по замку деревянному,
Отпалъ тутъ замокъ на сыру землю,
Закричала она во всю голову:
— Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
115 — Спишь ты, молодецъ, проклажаешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь,
— Что прибиты твои дружины хоробрыя,
— Головушки у нихъ переломаны,
— Платками головки перевязаны. —
120 Ото сну Василій пробуждается,
Да на улицу какъ самъ онъ пометается,

Въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса.
Какъ попала ему ось желѣзная,
125 Желѣзная ось телѣжная,
Какъ бѣжалъ онъ на мостикъ на Волховскій,
Какъ началъ мужиковъ охаживать:
Куды махнетъ, туда улица,
Перемахнетъ—переулочка,
130 А самъ онъ кричитъ во всю голову:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
« Идьте же, братцы, на отдыху,
« А я за васъ поработаю,
« Идьте же, братцы, не съ упадкою. »
135 Началъ тутъ Васильюшка охаживать
Этыхъ мужиковъ Новгородскіихъ.
Видятъ мужики, что бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
Что тутъ мужикамъ имъ удумати?
140 Тутъ-то мужики думу думали:
« Ой же вы, братцы, удалые молодцы!
« Во томъ ли монастырѣ во Кириловскомъ
« Есть Старчище-Пилигриннище;
« Пойдемъ-те-ка, братцы, подкупимъ-те:
145 « Бываетъ, онъ побьетъ Ваську Буслаева! »
Тутъ-то мужики Новгородскіе,
Они ѣхали скорымъ скоро
Во тотъ ли во монастырь во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
150 Другую насыпали чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
Подносили Старчищу-Пилигринищу:
« Ай же ты, Старчище-Пилигринище!
« Послужи-ка намъ вѣрой-правдою,
155 « На тебѣ красна золота,
« Чиста серебра и скатна жемчуга. »
На то Старичище кидается,
На то Старичище позывается,

Сѣдлалъ онъ своего добра коня,
160 Навалилъ на голову колоколъ двѣнадцати пудъ,
Поѣхалъ Старчище-Пилигринище.
Подъѣзжаетъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ кричитъ во всю голову:
— А, малый куръ, не запурхивай,
165 — А ты, дитя, не заскакивай,
— А прямоѣзжей дорожки не заваливай! —
Говорилъ Васильюшка Буслаевичъ:
« Ай же ты, крестный мой батюшка!
« А не далъ я ти яичко о Христосьскомъ днѣ,
170 « А дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ!»
Какъ ударилъ осью желѣзною,
Разскочилъ колоколъ на двѣ стороны;
Какъ въ другихъ переправилъ добрый молодецъ,
Ударилъ его въ буйну голову,
175 Тутъ же его въ рѣченьку спихивалъ.
Какъ началъ онъ мужиковъ охаживать,
Бьетъ мужиковъ онъ не съ упадкою,
Бьетъ онъ, самъ выговариваетъ:
« Каково вамъ, ребята, драться-битися
180 « Со мною, съ удалымъ добрымъ молодцемъ?»
Тутъ мужики видятъ, что бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая;
Бѣжали они скорымъ скоро
Ко его ко родной ко матушкѣ,
185 Ко честной вдовы Офимьи Александровны:
« Ай же, честна вдова Офимья Александровна!
« Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя,
« Отъ того Васильюшка Буслаева. »
Тутъ-то старушка покидалася,
190 Покидалася старушка, пометалася,
Скочила въ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ одной тонкоей рубашечкѣ безъ пояса;
Прибѣгала на мосточикъ на Волховскій,
Наскочила сзаду на Васильюшка,
195 Захватила Василья за могучи плечи,

Закричала она во всю голову:
— Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
— Укроти свое сердце богатырское,
— Укроти свою силу великую. —
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
« Ай же ты, моя родна матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Никого я не послухалъ бы,
« А послушалъ тебя, родну матушку:
« Не послухать мнѣ законъ не даетъ. »
Тутъ послушалъ онъ родну матушку,
Поѣхалъ Васильюшка назадъ домой.
Избыли отъ смерти напрасныя
Мужики Новгородскіе.

126.

ВАНЬКА УДОВКИНЪ СЫНЪ.

Народился Ванька Удовкинъ сынъ.
Приходилъ онъ къ царю Волшану Волшанскому,
А бьетъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
О той о залогѣ о великія:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
« А есть у тебя любимая дочь,
« А тая Марья есть Волшановна:
« А отдай-повыдай за меня замужъ.
« А бью я съ тобой о великъ закладъ:
« Буду я отъ тебя обряжатися [1]);
« Если я не обряжуся здѣ,
« Тожно сѣки буйну головушку;
« А если я обряжуся здѣ,
« Такъ отдать тебѣ любиму дочь за меня замужъ. »
Ударили они о великъ закладъ.

[1]) Т.-е. прятаться.—*Ред.*

Пошелъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
Пошелъ Ванька обряжатися:
Не дойдетъ Ванькѣ сидѣть-то тутъ,
Сидѣть Ванькѣ, усиживать.
20 Вставаетъ Ванька по утру ранешенько,
Умывается Ванюшка бѣлешенько,
Трется въ миткалиново полотенышко,
Молится Миколы Можайскому,
Още Пресвятой Богородицы,
25 Самому Христу, Царю небесному:
« Вы храните меня, милуйте. »
Да тутъ опять Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталемъ,
30 Сманулъ [1]) Ванька въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ-миловалъ онъ Марью Волшановну,
Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
35 « Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« Смогу ли я обрядитися! »
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Опять сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
40 Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.
Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичъ,
45 По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки книгу волшанскую.
Начала ему книга волховать и высказывать:
« Вставалъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
« Вставалъ по утру ранешенько,
50 « Умывался Ванюшка бѣлешенько,

[1]) Мѣнулъ. — *Б.*

« Утирался въ миткалиново полотенышко,
« Молился Миколы Можайскому,
« Еще Пресвятой Богородицы,
« Самому Христу, Царю небесному:
55 « —Вы храните меня, молодца, милуйте.—
« Обвернулся Ванька горносталемъ,
« Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
« Заходилъ въ палату во царскую;
« Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
60 « Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
« Цѣлуется онъ, самъ прощается:
« —Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« —Смогу ли я обрядитися!—
« Обвернулся Ванька горносталемъ,
65 « Опять сманулъ онъ въ подворотенку,
« Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
« Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
« Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
« Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
70 « И сидитъ тамъ добрый молодецъ. »
Проговорилъ царь Волшанъ Волшановичъ:
— Подите, слуги, возьмите его.—
Пошли слуги и взяли его,
Привели къ царю Волшану Волшановичу.
75 Смолился Ванька Удовкинъ сынъ,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
« Есть ли грѣшному прощеньице?
« Прости-тко въ этой вины великоей. »
80 Тутъ-то царь Волшанъ Волшановичъ,
Тутъ онъ и самъ пораздумался:
Простилъ онъ Ванькѣ сыну Удовкину.
Говоритъ Ванька Удовкинъ сынъ:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
85 « Ударимъ опять о великъ закладъ:
« Буду еще отъ тебя обряжатися. »
— Ступай, Ванька Удовкинъ сынъ,

— Обряжайся еще другой разъ.—
Ушелъ Ванька Удовкинъ сынъ.
90 Вставалъ по утру онъ ранешенько,
Умывался Ванюшка бѣлешенько,
Утирался въ миткалиново полотенышко,
Молится Миколы Можайскому,
Още Пресвятой Богородицы,
95 Самому Христу, Царю небесному:
« Вы храните меня, милуйте. »
Да тутъ опять Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Обернулся Ванька горносталемъ,
100 Сманулъ Ванька въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ-миловалъ онъ Марью Волшановну,
Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
105 « Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« Смогу ли я обрядитися! »
Обернулся Ванька горносталемъ,
Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
110 Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Тридевять цвѣтовъ, тридевять дубовъ,
Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.
115 Встаетъ царь Волшанъ Волшановичъ,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки книгу волшанскую.
Начала ему книга волховать и высказывать:
« Вставалъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
120 « Вставалъ по утру ранешенько,
« Умывался Ванюшка бѣлешенько,
« Утирался въ миткалиново полотенышко,
« Молился Миколы Можайскому,
« Еще Пресвятой Богородицы,

125 « Самому Христу, Царю небесному:
« —Вы храните меня, молодца, милуйте.—
« Обернулся Ванька горносталемъ,
« Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
« Заходилъ въ палату во царскую;
130 « Во палаты обернулся добрымъ молодцемъ,
« Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
« Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
« —Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« —Смогу ли я обрядитися!—
135 « Обернулся Ванька горносталемъ,
« Опять сманулъ онъ въ подворотенку,
« Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
« Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
« Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
140 « Тридевять цвѣтовъ, тридевять дубовъ,
« Зашелъ за тый ли за единый дубъ;
« И сидитъ тамъ добрый молодецъ. »
Проговоритъ царь Волшанъ Волшановичъ:
— Подите, слуги, возьмите его!—
145 Пошли слуги и взяли его,
Привели къ царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька Удовкинъ сынъ,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
150 « Есть ли грѣшному прощеньице?
« Прости-тко въ этой вины великоей. »
Тутъ-то царь Волшанъ Волшановичъ,
Тутъ онъ и самъ пораздумался:
Простилъ онъ Ванькѣ сыну Удовкину.
155 Говоритъ Ванька Удовкинъ сынъ:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
« Если не обряжуся въ третій разъ,
« Ничего у меня не спрашивай,
« А прямо сѣки буйну голову. »
160 Отпустилъ царь Ваньку сына Удовкина,
Далъ ему срока-времячка третій разъ,

Еще третій разъ обрядитися.
Опять Ванька сряжается,
Опять Ванюшка обряжается,
165 Обряжается Ванюшка третій разъ.
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую;
Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
170 Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
Цѣлуется онъ, самъ прощается:
« Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« Смогу ли я обрядитися! »
Обвернулся Ванька горносталемъ,
175 Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
И выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ,
180 Пошелъ-поскакалъ о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришелъ-прискакалъ къ сыру дубу.
Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
Сидятъ они—всѣ перезябнули,
185 Сидятъ они—всѣ перемокнули,
Сидятъ они—всѣ перехолоднули.
Тутъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
Видитъ, что имъ бѣда пришла:
Перемокнутъ, перезябнутъ, перехолодуютъ,
190 Скидывалъ съ себя цвѣтной кафтанъ,
Покрывалъ этыхъ дѣтей птицы Могуль-птицы.
Налетѣла тутъ птица Могуль-птица,
Отворила ортину [1]) великую,
Хочетъ сглонуть-съѣсть Ваньку Удовкина.
195 Смолилися же дѣти сйнины:
« Ай же ты, родна наша матушка!

---

[1]) Ротину, пасть.—*Б.*

« Не тронь удала добра молодца:
« Это пришелъ къ намъ батюшка,
« Слободилъ отъ смерти отъ напрасныя;
200 « Всѣ бы мы перезябнули,
« Всѣ бы мы перемокнули,
« Ни одного жива не было. »
Тутъ-то птица Могуль-птица
Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
205 — Ай же ты, Ванька Удовкинъ сынъ!
— Почему же ты зашелъ-загулялъ сюда,
— А кто тебя занесъ сюда?—
Тутъ-то Ванька смолился ей:
« Ай же ты, птица Могуль-птица!
210 « Не можешь ли слободить отъ смерти напрасныя,
« Обрядить отъ царя Волшана Волшанскаго?»
Проговоритъ птица Могуль-птица:
— Могу обрядить отъ царя Волшана Волшанскаго.—
И вырвала птица изъ праваго изъ крылышка
215 Изъ крылышка изъ праваго три перышка,
И вырвала она, подаваетъ ему,
Даваетъ огнивце во третьіихъ [1]):
— Поди-ка ты, Ванька Удовкинъ сынъ,
— Заходи-ка во палату во царскую
220 — И помазуй перышками моими птичьими
— Того ли царя Волшана Волшанскаго,
— Помазуй, а самъ выговаривай:
— « Помазую я, заклинаю всѣ твои книги волшенскія
— « И всѣ твои слова проклятыя.»
225 — Еще сѣки ты огнивце птичіе
— Надъ верхомъ надъ царемъ Волшаномъ Волшанскіимъ,
— Сѣки, а самъ выговаривай:
— « Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои книги волшенскія
— « И всѣ твои слова проклятыя;
230 — « Чтобы та книга не волховала, не просказывала
— « Про меня про добра про молодца.»

[1]) Вѣроятно, Могуль-птица даетъ Ванькѣ Удовкину еще что-нибудь во-вторыхъ.

— Обрядись-ка ты подъ кровать ему:
— Не найти ему тебя, добра молодца.—
Тутъ-то Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
235 Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Опять онъ бѣжалъ скорымъ-скоро,
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Заходилъ во палату во царскую
И помазывалъ перышками птичьими
240 Того ли царя Волшана Волшанскаго,
Помазуетъ, а самъ выговариваетъ:
« Помазую я, заклинаю всѣ твои книги волшенскія
« И всѣ твои слова проклятыя.»
И началъ сѣчь огнивце птичіе
245 Надъ верхомъ надъ царемъ Волшаномъ Волшанскіимъ,
Сѣчетъ, а самъ выговариваетъ:
« Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои книги волшенскія
« И всѣ твои слова проклятыя.
« Чтобы та книга не волховала, не предсказывала
250 « Про меня, про добра молодца.»
Сказалъ, и сѣлъ подъ кровать ему.
Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичъ,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки книгу волшанскую.
255 И начала книга волховать и высказывать:
« Вставалъ Ванька ранешенько,
« Умывался Ванька бѣлешенько,
« Утирался въ миткалиново полотенышко,
« Обвернулся Ванька горносталемъ,
260 « Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
« Заходилъ въ палату во царскую;
« Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
« Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
« Цѣлуется онъ, самъ прощается:
265 « — Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« — Смогу ли я обрядитися!—
« Обвернулся Ванька горносталемъ,
« Опять онъ сманулъ въ подворотенку,

« Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
270 « Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
« Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
« И выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ,
« Пошелъ-поскакалъ о сине море
« По этому по крутому по бережку,
275 « Пришелъ-прискакалъ ко сыру дубу,
« Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
« Сидятъ они—всѣ перезябнули,
« Сидятъ они—всѣ перемокнули,
« Сидятъ они—всѣ перехолоднули.
280 « Тутъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
« Видитъ, что имъ бѣда пришла:
« Перемокнутъ, перезябнутъ, перехолодуютъ.
« Скидывалъ съ себя цвѣтной кафтанъ,
« Покрывалъ этыхъ дѣтей птицы Могуль-птицы.
285 « Налетѣла тутъ птица Могуль-птица,
« Отворила ортину великую,
« Хочетъ сглонуть-съѣсть Ваньку Удовкина.
« Смолилися же дѣти ейныя:
« — Ай же ты, родна наша матушка!
290 « — Не тронь удала добра молодца:
« — Это пришелъ къ намъ батюшка,
« — Слободилъ отъ смерти отъ напрасныя:
« — Всѣ бы мы перезябнули,
« — Всѣ бы мы перемокнули,
295 « — Ни одного жива не было.—
« Тутъ вышелъ Ванька съ сыра дуба,
« Обвернулся Ванька горносталемъ,
« Вошелъ въ палату во царскую.»
Говоритъ царь Волшанъ Волшановичъ:
300 — Подите, слуги, ищите Ваньку Удовкина,
— Есть Ванька въ моей палаты во царскія.—
Искали, искали, не могли найти.
Разгорѣлося сердце царское:
Онъ взялъ эту книгу волшанскую,
305 Растопилъ печь докрасна,

Бросилъ въ печь книгу волшанскую,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ну, Ванька Удовкинъ сынъ!
— Какъ
310 — Такъ выдамъ за тебя любезную дочь.—
Выскакалъ тутъ Ванька Удовкинъ сынъ
Изъ-подъ той съ-подъ кроваточки царскія.
Говорилъ царь Волшанъ Волшановичъ:
— Обрядился ты отъ царя Волшана Волшанскаго,
315 — Отъ той отъ книги волшенскія:
— Пора честнымъ пиркомь и за свадебку.—
И выдалъ свою любезную дочь
За того за Ваньку сына Удовкина.
Сталъ тутъ Ванька жить да быть,
320 Жить да быть, семью сводить.
Какъ преставился царь Волшанъ Волшановичъ,
Попрошаютъ его Ваньку на мѣсто царское.
И почалъ Ванюшка царствовать [1]).

XXI.

А. СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣевъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Новинки на Сумозерѣ. Объ особенностяхъ его, какъ пѣвца, см. у Гильфердинга не только въ краткой замѣткѣ передъ его былинами, но главнымъ образомъ въ вводной статьѣ (I, стр. 26—27). Въ указателѣ О. Миллера къ IV т. Рыбникова за Сорокинымъ значится 8 былинъ; мы сочли возможнымъ зачислить за нимъ

[1]) Волшанъ Волшановичъ—извѣстный по другимъ сказаніямъ и стихамъ Волотъ Волотовичъ или Волотоманъ Волотомановичъ; его Книга — мать такъ называемыхъ „Стиховъ“ или „Списковъ Еруслянскихъ“, бабушка Книги Голубиной. — Ванька — изъ ряда извѣстныхъ Ивановъ царевичей, дурачковъ и т. д.; Могуль-птица—Ногъ, Ной. Эта былина, крайне древняя по происхожденію, по складу близка уже къ сказкамъ. *Б.*

11, на основаніи словъ самого Рыбникова въ «Замѣткѣ»: на стр. LXXXVII (настоящ. изд.) онъ говоритъ, что лично записалъ отъ Сорокина «только двѣ былины (64 и 74 I части) и неполный пересказъ о Дюкѣ» (послѣднее обозначеніе можетъ относиться только къ I, 47, какъ нами отмѣчено въ примѣчаніи къ данному мѣсту «Замѣтки»). Такъ какъ эти три былины Рыбниковъ въ I томѣ (когда онъ, по его же словамъ, не всегда указывалъ имя сказителя) помѣтилъ просто: «отъ Сумозерскаго крестьянина», то онѣ и вошли въ указатель безымянными (слова «Замѣтки» были, очевидно, пропущены О. Миллеромъ). Этимъ недоразумѣніемъ объясняется то, что Гильфердингъ, обѣщавшись не помѣщать Сорокинскихъ былинъ, данныхъ у Рыбникова, прилагая лишь главные варіанты, двѣ изъ нихъ все же помѣстилъ полностью; это—какъ разъ не вошедшія въ указатель *Садко* и *Два брата, два витника* (у Гильферд. *Наѣздъ Литовцевъ*). Третья, пересказъ о Дюкѣ, собственно, дана дважды у Рыбникова: первый разъ въ I томѣ (№ 47; у насъ № 130), въ его личной записи, другой разъ—въ чужой, болѣе полной записи, во II т. (№ 30; у насъ № 131); къ этой послѣдней даны варіанты у Гильфердинга. Неизвѣстно, почему не далъ послѣдній варіантовъ еще къ четыремъ Рыбниковскимъ былинамъ; это наши №№ 128, 129, 136 и 137.

127.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ (ССОРА СЪ ВЛАДИМІРОМЪ).

(Гильферд. вар. I, 589.)

Съ той-то земли, съ богатой орды,
Со славнаго города со Мурома,
Со того ли села съ Карачаева,
Какъ снаряжается да собирается
5 Удаленькой-упаленькой, дородный-добрый молодецъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Не въ дальную дороженьку, не въ ближную,—

Ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владимеру.
А далъ себѣ заповѣдь великую:
Простоять дома заутреню воскресенскую,
Поспѣть къ обѣдни воскресенскія
Ко славному ко стольному ко городу ко Кіеву;
Не брать туга лука со налучниками,
Каленой стрѣлы со колсанами [1]),
Не вязать крѣпкихъ палицъ на бедро свое,
Не кровавить своей руки богатырскія;
« Проѣхать мнѣ дорожкой прямоѣзженой,
« Что которою дорожкою
«Тридцать лѣтъ было не ѣзжено. »
Шелъ онъ къ заутрени ко ранніи воскресенскія,
Простоялъ заутреню воскресенскую,
Потомъ онъ шелъ на свой на широкъ дворъ,
Со широкаго двора шелъ на стойлы конныя,
Бралъ онъ своего добра коня,
Не уздана, не сѣдлана,
Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,
Сталъ на широкомъ дворѣ
Сѣдлать и уздать своего добра коня.
Кидалъ потички [2]) на потички,
Войлочки на войлочки,
На верёхъ кладалъ новое сѣдло Черкацкое,
Натягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Не для-ради красы-басы,
А ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги тѣ были чистаго серебра,
Пряжечки-шпильки были краснаго золота,
Стремена булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ да Шемахатный:
Шелкъ-то нѐ рвется и нѐ трется,
Булатъ-то не ржавѣетъ,

[1]) Колчанами.
[2]) Потнички.—*Б.*

Красное золото не мидпетъ,
Чисто серебро не зелизпетъ.
Потомъ пошелъ онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
Молился тѣмъ крестамъ пречудныимъ,
Спасу и Пречистой Богородицы,
Прощался съ свѣтомъ-государемъ батюшкомъ.
Говорилъ ему свѣтъ-государь свой-то батюшко:
— Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ!
— Поѣзжашь [1]) ты въ дорожку во дальную,
— Не берешь никакой приправы богатырскія? —
Какъ онъ говорилъ ему таковы слова:
« Ай же, свѣтъ-государь мой батюшко!
« Вѣдь кладена у меня заповѣдь великая:
« Простоять дома заутреня воскресенская,
« Поспѣть къ обѣдни воскресенскія
« Ко славному ко городу ко Кіеву;
« Не брать мнѣ туга лука со налучниками,
« Каленой стрѣлы со колсанами,
« Не вязать крѣпкихъ палицъ на бедро свое,
« Не кровавить своей руки богатырскія;
« Проѣхать мнѣ дорожкой прямоѣзженой,
« Что которою дорожкою
« Тридцать лѣтъ было не ѣзжено. »
Только онъ взималъ съ собой
Одинъ тугой лукъ посрывчатой,
Одну стрѣлочку каленую,
Для опасу великаго да богатырскаго.
Тутъ пошелъ да на широкъ дворъ,
Садился тутъ да на добра коня:
Видѣли молодца на коня да сядучись,
А не видѣли добра молодца поѣдучись,
Одна куревка прокурила,
Куда поѣхалъ удалый-добрый молодецъ.

---

[1]) Въ Пудожскомъ говорѣ и вообще въ Олонецкой губ. въ глаголахъ настоящаго времени, 2-мъ и 3-мъ лицѣ ед. числа, *е* послѣ *а* большею частію не произносится.

Конь-то озера и рѣки перескакиватъ,
Малыя источины между ногъ пуститъ.
Онъ какъ выѣхалъ во да́лече-далёче во чисто поле,
80 Какъ проѣхалъ онъ да по чисту полю,
Самъ лѣса срывалъ да стружки строгалъ,
По стружкамъ-то онъ да кресты кладалъ,
Кресты кладалъ богомольные,
На крестахъ да подписывалъ:
85 « Ѣдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ
« Ко славному ко стольному городу ко Кіеву
« Во первую поѣздку богатырскую. »
Самъ услышалъ какъ въ той сторонкѣ полуденныя,—
Шумъ и гамъ идутъ-то великіе;
90 Сталъ какъ онъ да пораслу́шался,
Самъ да пораздумался:
« Ежели не съѣздить мнѣ
« На шумы и гамы на великіе,
« Съѣду я ко славному городу стольному Кіеву,
95 « Ко славному князю ко Владимеру,—
« Солнышко князь стольно-Кіевскій,
« На пріѣздѣ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
« Онъ заводитъ-то для нихъ столованье-почестный пиръ,
« На поѣздѣ онъ жалуетъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ
100 « Несчетною золотой казной,—
« На честномъ пиру не чѣмъ мнѣ хвастати. »
Взялъ какъ—воротилъ онъ добра коня,
Какъ поѣхалъ на тотъ на шумъ и гамъ на великій,
Во ту сторонку полуденную,
105 Пріѣхалъ какъ подъ городъ Смо́лягинъ [1]):
Какъ тутъ стоитъ-то силушка поганая,
Стоитъ какъ силы много тысячей,
Стоятъ пановья-улановья, бурзы—поганы Тотарины;
Во пару-дыму лошадиносмъ
110 Днемъ не видно краснаго солнышка,
А ночью свѣтлаго мѣсяца,

[1]) Испорчено изъ „Чернягинъ", Черниговъ.—*Б.*

Около сѣрому заюшку не ѡбскакать,
Ясному соколу не ѡблетѣть.
Онъ какъ сталъ да пораздумался:
Отъ силушки отъѣхать не хочется,
И на силушку пріукинуться не съ чїмъ,—
Не взята приправа богатырская,
Не хочется кровавить своей руки богатырскія.
Самъ какъ спущался съ добра коня,
Рвалъ лѣвой рукой сы́рый дубъ,
Сырый дубъ крякновистый,
Привязывалъ ко лѣвой къ булатней ко стремены;
Тутъ опять рвалъ правѡй рукой
Сырый дубъ крякновистый,
Бралъ какъ онъ да во праву руку;
Напустился на бурзовъ—поганыхъ на Тотаровъ,
Куда ѣдетъ и машетъ,—туда улица,
Перевернетъ-перемахнетъ,—переулочокъ;
Не сколько самъ билъ, сколько конемъ топталъ;
Ни одинъ бурза-Тотариновъ
Не могъ ни уйти, ни уѣхати,
Не оставилъ ни единаго на сѣмяна.
Тутъ отвязывалъ сырый дубъ,
Сырый дубъ да крякновистый,
Онъ отъ лѣвыя отъ стремены,
Конь скакалъ какъ прямо чрезъ стѣны городовыя,
Заѣхалъ онъ во городъ Смѡлягинъ.
Какъ тамъ мужики да Смолягински
Всѣ ходятъ во церковь соборную
Отъ перваго до единаго,
Они каются-причащаются,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощаются,
Во чисто поле на войну снаряжаются.
Онъ какъ пріѣзжалъ ко церкви соборныя,
Спускался онъ какъ съ добра коня,
Привязывалъ онъ добра коня
Ко столбичку ко точеному,
Ко колечку золоченому,

Самъ шелъ во церковь соборную,
150 Крестъ-то клалъ по писаному,
Поклоны велъ онъ по ученому,
Клонился онъ на всѣ четыре стороны,
Самъ да говорилъ таковы слова:
— Ай же, мужики да Смолягински!
155 — На что вы каетесь-причащастесь,
— Со бѣлыимъ свѣтомъ прощастесь,
— Куда, мужики, собираетесь? —
Они говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, удаленькой да упаленькой,
160 « Добрый молодецъ заѣзжій-дальниій!
« Мы не знаемъ, ты съ коей земли,
« Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
« Какого отца, какой матушки,
« Какъ тебя именемъ зовутъ?
165 « Подъ нашимъ городомъ Смолягинымъ
« Стоитъ сила несмѣтная,
« Стоятъ пановья-улановья,
« Стоятъ мурзы—Тотары поганые;
« Какъ сѣрому заюшку не обскакать,
170 « Ясному соколу не облетѣть;
« Хочутъ нашъ городъ рубить-плѣнить,
« Рубить-плѣнить, головнёй катить,
« Хочутъ насъ, мужиковъ, въ полонъ забрать. »
Онъ говоритъ таковы слова:
175 — Ай же вы, мужики Смолягински!
— Вы выстаньте на стѣну городовую,
— Посмотрите въ чистое поле
— На бурзовъ—поганыхъ Тотариновъ,
— Стоятъ или лежатъ, и что они дѣлаютъ? —
180 Какъ они скорымъ скоро, скоро на скоро,
Вставали на стѣну городовую,
Глядѣли во далече-далече во чисто поле,
На бурзовъ—поганыхъ Тотаровъ,—
Тамъ лежатъ прокляты всѣ убитые.
185 Какъ тутъ спускались скорымъ скоро,

Скорымъ скоро, скоро на скоро,
Со стѣны они съ городовыя,
Шли къ удалому молодцу,
Старому казаку Ильи Муромцу,
190 Говорили сами таковы слова:
« Скажись-ко ты, удалый-добрый молодецъ:
« Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
« Какого отца, какой матушки,
« Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
195 « Живи во нашемъ Смолягинѣ воеводою,
« Суды суди все правильно,
« Мы всѣ будемъ тебя слушати. »
— Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
— Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
200 — Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
— А также изъ богатыря воеводу!
— Я изъ той земли, богатой орды,
— Изъ того города изъ Мурома,
— Изъ села Карачаева,
205 — Старой казакъ Илья Муромецъ:
— Не хочу я жить у васъ воеводою!
— Покажите-тко дорожку прямоѣзженую
— Ко славному ко городу ко Кіеву. —
Они говорятъ таковы слова:
210 « Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ!
« Окольная дорожка—двѣ тысячи,
« Прямоѣзжая дорожка—одна тысяча;
« Лучше ѣхать окольной дорожкой двѣ тысячи,
« Что той прямой дорожкой одна тысяча:
215 « Какъ вѣдь той дорожкою
« Тридцать лѣтъ было не ѣзжено,
« Какъ на той на дорожкѣ прямоѣзженой
« Есть три заставы великія;
« Первая застава—болота зыбучія;
220 « Болота зыбучія, корбы [1]) дремучія;

---

[1]) Чащи мелкаго лѣса.—*Собир.*—Ср. *корбуха*, между Троицей и Виованіей, поросли частаго лѣса.— *Б.*

« Друга застава—рѣка матушка Смородина,
« Въ ширину рѣка ровно три версты,
« Въ глубину глубока очень;
« Есть-то за рѣкой за Смородиной
225 « Третья застава великая:
« Сидитъ Соловей-разбойникъ, птица рохманная,
« На трехъ дубахъ на кряхновыихъ,
« На двухъ березахъ на покляпыихъ,
« Свито гнѣздо соловьиное;
230 « Мимо этого проклятаго да Соловья
« Нѣту пѣшему проходу, конному проѣзду,
« Нѣту конному проѣзду, звѣрю прорыску,
« Нѣту проѣзду сильнымъ-могучіимъ богатырямъ:
« Все побиваетъ вздохомъ единымъ;
235 « Отъ свисту его змѣинаго, отъ крыку звѣринаго
« Помираютъ всѣ удалы-добры молодцы.
« Ты не йдь, удалый-добрый молодецъ:
« Падетъ твоя головка буйная подъ Соловьемъ! »
Онъ опять говоритъ таковы слова:
240 — Ай же вы, мужики Смолягински!
— Послѣ моего быванья
— Не случится ли вамъ путь
— Ко славному ко городу ко Кіеву?
— Такъ поѣзжай прямой дорожкой самоѣзженой:
245 — Не бойтесь вы болотъ зыбучіихъ,
— Болотъ зыбучіихъ, лѣсовъ дремучіихъ,
— Не бойтесь вы проклятаго Соловья,
— Столько бойтесь вы одной рѣки Смородины [1])! —
Самъ поѣхалъ какъ той дорожкой прямоѣзженой,
250 Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ, все кряковисты,

[1]) Страхъ передъ этой матушкой-рѣкой замѣчателенъ. Другой удалый-добрый молодецъ не побоялся было насмѣхаться надъ рѣкой и сложилъ въ ней буйную голову. И Добрынѣ Никитичу матушка пуще всего наказываетъ не плавать черезъ третью струю Смородины.

Мосты моститъ каленые [1]),
Работатъ дорожку прямоѣзжену.
255 Какъ доѣхалъ до той рѣки до Смородины,
Какъ садился на добра коня,
Конь скочилъ черезъ ту рѣку Смородину.
Какъ засвисталъ Соловей по змѣиному,
Закричалъ Соловей по звѣриному,—
260 Подъ нимъ ли добрый конь да на колѣнка палъ.
Онъ скоро скакалъ да съ добра коня,
Пинулъ коня онъ пòдъ брюхо:
« Ай же ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
« Неужто ты не слыхалъ посвисту змѣинаго,
265 « Крыку звѣринаго, писку-визгу Тотарскаго?
« Какъ тутъ всякъ человѣкъ на свѣтѣ завѣтъ завѣчалъ,
« Но не каждый человѣкъ завѣтъ справлялъ:
« Также и мнѣ быть своя заповѣдь нарушать,
« Быть натянуть свой тугій лукъ,
270 « Класть своя калена стрѣла. »
Какъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу накладывалъ,
Самъ стрѣлочкѝ да приговаривалъ:
« Лети, моя стрѣлочка каленая,
275 « Выше лѣсу стоячаго, ниже облачка ходячаго,
« Розлетись-пади Соловью въ правый глазъ,
« Вылети, стрѣла, въ лѣвое ухо! »
Какъ вылетѣла стрѣла выше лѣсу стоячаго,
Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
280 Какъ попала стрѣлка Соловью во правый глазъ,
Вылетала стрѣлка во лѣво ухо:
Покатился Соловеюшка со гнѣздышкомъ [2]),
Будто сѣнная куча неподъемная.
Онъ бралъ Соловья за желты кудри,
285 Привязывалъ онъ желтыми кудерками
Ко лѣвыя булатныя стремены,

---

[1]) Калиновые.—*Б.*
[2]) Со гнѣздышка? *Б.*

Самъ опять лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ, все крякновисты,
290 Мосты моститъ да каленые,
Самъ Соловью да приговариватъ:
« Сидѣлъ ты, птица-разбойникъ, на гнѣздышкѣ,
« Сидѣлъ ты ровно тридцать лѣтъ,
« Видалъ экого молодца пройдучись ли проѣдучись? »
295 Соловеюшка на молодца поглядыватъ:
— Видно, я попалъ да во крѣпки руки,
— Теперь уйти да мнѣ некуды!—
Какъ сталъ подъѣзжать ко посельямъ Соловьинымъ,
Глядятъ малы вьюныши да въ окошечко:
300 « Родитель наша матушка!
« Какъ батюшка-то ѣдетъ да мужика везетъ! »
Какъ глядѣла большая дочь да въ окошечко:
« Ай же, сестрицы родимыя
« И родитель моя матушка!
305 « Мужикъ какъ ѣдетъ—везетъ нашего батюшку,
« Прикована желтыми кудерками
Ко лѣвыя булатныя ко стремены! »
Какъ онъ подъѣхалъ ко поселью къ Соловьиному,
Какъ большая дочь Олена выскочила на широкъ дворъ,
310 Хватила она подворотню чигунную въ девяносто пудъ,
Держала замахъ она великій,
Хотѣла честнуть стараго казака Илью Муромца,
Честнуть межь очи ясныя,—
Онъ какъ зналъ увертки богатырскія,—
315 Увернулся отъ разу великаго,
Столько попало ему по руки да по правыя;
Онъ тутъ пнулъ ее пôдъ ж...,
Она ижно улетѣла черезъ цѣлый дворъ,—
У Соловья былъ дворъ на семи верстахъ,
320 На семи верстахъ и на семи столбахъ,—
Она у задней стѣны на ж... погалзыватъ,
Говоритъ она таковы слова:
« Меня чортъ бросилъ, а водяной кинулъ

« Съ сильными богатырями биться-ратиться! »
325 Былъ дворъ на семи столбахъ,
На семи столбахъ, на семи верстахъ,
Около былъ булатный тынъ,
Въ середочки былъ сдѣланъ гостиный дворъ,
Было сдѣлано три терема златоверхіе,
330 Вершечки съ вершечками свивалися,
Потоки [1]) съ потоками сростались,
Крылечка съ крылечками сплывалися,
Розсажены были сады да зеленые,
Цвѣли да цвѣли все цвѣты лазуревы,
335 Подведена вся усадьба красовитая.
Тутъ они стали давать да за батюшка
Много несчетной золотой казны:
Стали давать денегъ три тысячи,—
Не беретъ какъ онъ трехъ тысячей;
340 Стали давать да тридцать тысячей.
Не беретъ онъ какъ да тридцати тысячей.
— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
— Ты бери-ка за батюшка
— Хошь краснаго золота, хошь чистаго серебра,
345 — А хошь мелкаго-скачнаго жемчугу,
— Сколько можь увезти ты на добромъ конѣ,
— Унести на плечахъ могучихъ-богатырскіихъ! —
Какъ онъ говорилъ таковы слова:
« Ай же, малы вьюныши Соловьиныи!
350 « Не отдамъ я вамъ здѣсь кормильца да батюшка.
« Черезъ троп черезъ суточки,
« Складите все имѣнье-богачество,
« Всю несчетну золоту казну,
« На тыи телѣги ордынскія,
355 « Катите ко славному ко стольному
« Ко городу ко Кіеву,
« Ко солнышку князю ко Владимеру:
« Можетъ, тамъ я вамъ отдамъ кормильца-батюшка. »

---

[1]) Потолки?—*Б.*

Самъ поѣхалъ ко славному ко стольному
360 Ко городу ко Кіеву.
Какъ пріѣзжалъ-то онъ во славный во городъ во Кіевъ-то,
Столько отошла обѣдня ранняя да воскресенская.
Пріѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра коня осередь двора,
365 Осередь двора княженецкаго,
Какъ самъ Соловью да наказывалъ:
« Смотри, Соловей, не уходи отъ добра коня,
« Береги, Соловей, ты добра коня:
« Отъ меня, Соловей, никуда не уйдешь! »
370 А самъ добру коню наказывалъ:
« Ай же, мой добрый конь богатырскиій!
« Ужь ты паче всего береги проклятаго Соловья,
« Чтобы Соловей не ушелъ отъ стременъ отъ булатныихъ! »
Самъ какъ онъ пошелъ во палаты княженецкія,
375 Со палатъ проходилъ во гривны [1]) столовыя,
Крестъ-то онъ кладалъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
Клонится-то онъ на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
380 Какъ не узналъ его солнышко Владимеръ князь,
Самъ да говорилъ ему таковы слова:
— Ай же, маленькой-удаленькой да упаленькой,—
— Я не знаю, какъ тебя именемъ зовутъ!
— Садись съ нами хлѣба кушати-трапезовать:
385 — На нижномъ конечку есть мѣстечка немножечко;
— Други мѣстечка всй призабавлены [2]),
— Мѣстечка вси позаняты:
— Сидитъ у меня на честномъ пиру
— Что̀ князей, что̀ бояриновъ,
390 — Что̀ [сенаторовъ] да думныихъ,
— Что̀ вельможъ, купцовъ да богатыихъ,

[1]) Гридни.—*Б.*
[2]) То же, что „заняты.“—*Б.*

— Что полянищъ да удалыихъ,
— И шестьдесятъ Росейскіихъ могучіихъ богатырей.—
Какъ старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися,
395 Что на нижной конецъ садятъ хлѣба кушати.
Какъ говорилъ старой казакъ таковы слова:
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь!
« Самъ ѣшь-кушашь съ воронами,
« Меня садишь съ воронятами!
400 « Не хочу я хлѣба кушать съ воронятами! »
Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися,
Самъ вставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ самъ стемнѣлъ, какъ темна ночь,
Сревѣлъ, какъ будто левъ-то звѣрь:
405 — Ай же вы, Росейскіе могучіе богатыри!
— Чтобы онъ могъ бы насъ назвать
— Воронами и воронятами!
— Берите подъ руку три богатыря
— И подъ другую три богатыря,
410 — Ведите его на широкъ дворъ,
— Отрубите ему буйну голову! —
Какъ богатыри да принималися,
Подъ руку три богатыря
Подъ другую три богатыря:
415 Онъ правой рукой махнулъ,—
Тѣ мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой махнулъ,—
Тѣ тоже мертвы лежатъ.
Тутъ сказалъ опять какъ солнышко Владимеръ князь:
420 — Берите подъ руку шесть богатырей
— И подъ другу руку шесть богатырей,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Срубите ему буйну голову! —
Какъ подъ руку берутъ шесть богатырей:
425 Онъ правой рукой махнулъ, —
Ты мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой рукой махнулъ,—
И тѣ мертвы лежатъ.

Опять говорилъ солнышко Владимеръ князь:
— Берите подъ руки что ни лутшихъ шесть богатырей
— И подъ другу тоже шесть что ни лучшіихъ,
— Позади подьте шесть богатырей,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Срубите ему тамъ буйну голову! —
Сдался вывести онъ на широкъ дворъ;
Какъ тамъ разгорѣлось сердце богатырское,
Воспылала кровь богатырская,
Не могъ сдержать онъ рукъ бѣлыихъ,
Какъ правой рукой махнулъ,—
Всѣ богатыри на земли лежатъ,
Кои мертвые, ины плаваютъ окаракою,
А лѣвой рукой махнулъ,—
Ты мертвы лежатъ.
Какъ тутъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу онъ направливалъ,
Самъ своей стрѣлы приговаривалъ:
« Ты лети, стрѣла, объ окошка княженецкія,
« У окошекъ отстрѣли всѣ маковки позолочены! »
Какъ обиралъ онъ эти маковки,
Пошелъ на царевъ кабакъ,
Пропивать тѣ маковки царскія.
Набиралъ онъ голей кабацкіихъ,
Которые бы могли пить да зелено вино,
Какъ пошелъ-то онъ со всѣма на царевъ кабакъ,
Приходилъ-то онъ во царевъ кабакъ,
Сталъ какъ онъ съ голями пить зелено вино,
Сталъ пропивать княженецкія маковки.
Голи тутъ да засумлялися:
« Что-то намъ отъ князя да будетъ,
« Что-то намъ отъ князя достанется:
« Пропиваемъ мы его да маковки! »
Увидѣлъ онъ, что голи засумлялися,
Ужъ какъ самъ говоритъ таковы слова:
« Пейте вы, голи, не сумляйтеся:
« Я заутра буду во Кіевѣ княземъ служить,

« А у меня вы будете предводителями! »
Стали пить и не стали болѣе сумлятися,
Стали Бога молить за удалаго за молодца.
Какъ тамъ солнышко князь стольно-Кіевскій
470 Видитъ бѣду неминучую,
Потыкаетъ свою ж... онучею,
Не знаетъ, кто пріѣхалъ ко городу ко Кіеву:
— Ежели невѣжа поганая, —
— Русскому Богу не молился бы
475 — И намъ онъ не клонился бы;
— Какой нибудь Рускій богатырь! —
Какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Никитиничъ:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Всѣхъ я знаю Рускихъ могучихъ богатырей,
480 « Одного не знаю, — стараго казака Илью Муромца:
« Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
« Что у него на бою смерть не писана. »
— Дѣлать намъ нечего всѣмъ городомъ Кіевомъ!
— Видишь, у насъ на широкомъ дворѣ
485 — Стоитъ добрый конь богатырскій,
— Ни къ чему конь не привязаный;
— У коня стоитъ чудо чудное, диво дивное:
— Какъ стоитъ тутъ у правыя у стремены,
— Стоитъ проклятый Соловей,
490 — Онъ прикованъ къ богатырскимъ булатнымъ ко стременамъ:
— Такъ кого послать позвать его,
— Позвать его да на почестный пиръ?
— Иль послать смѣлаго Алешу поповича? —
— Тотъ не умѣетъ какъ позвать его,
495 — То того посла не дождать будетъ;
— Послать молода Чурилу сына Пленкова? —
— Того посла не дождаться будетъ,
— Онъ не умѣетъ какъ позвать его,
— Съ того только дѣло щапить межь бабами,
500 — Межь бабами и межь дѣвками;
— А надо послать грамотой востраго,

— На рѣчахъ да разумнаго,
— Съ гостями почестливаго:
— Послать тебя, Добрыня Никитиничъ!
505 — Подп-ка, скажи ему таковы слова:
— « Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— « Послалъ меня солнышко Владимеръ князь,
— « Владимеръ князь стольно-Кіевскій,
— « Какъ просилъ тебя да на почестный пиръ:
510 — « Не узналъ тебя, добра молодца,
— « Потому садилъ на нижной конецъ хлѣба кушати;
— « А нынь просилъ тебя съ усердія со радости великія,
— « Не велѣлъ на старо да гнѣваться. » —
Какъ тутъ пошелъ молодой Добрыня Никитиничъ.
515 Пошелъ, самъ онъ и думаетъ:
« Не по смерть ли я иду да по скорую?
« А ежели не послухать солнышка князя Владимера,
« То не хорошо мнѣ будетъ отъ солнышка князя Владимера! »
А вѣдь пошелъ да во царевъ кабакъ.
520 Приходилъ-то онъ на царевъ кабакъ:
Сидитъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
Съ голями кабацкими пьетъ-прохлаждается.
Онъ не знаетъ, отколь зайти:
« Съ переду зайти,—хорошо ль ему прилюбится?
525 « Да-ко я сзади зайду! »
Какъ сзади зашелъ, захватилъ его,
Захватилъ за плеча за могучія,
Самъ говорилъ да таковы слова:
« Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
530 « Сдержи ты свои руки бѣлыя,
« Какъ скрѣпи сердце ретивое:
« Какъ посла ни куютъ, ни вѣшаютъ!
« А послалъ меня Владимеръ князь,
« Онъ тебя не зналъ, добра молодца,
535 « А потому садилъ тебя на нижной конецъ,
« На нижной конецъ хлѣба кушати;
« А просилъ теперь съ усердія со радости великія,

« Не велѣлъ тебѣ на старо да не гнѣваться. »
Какъ онъ обернулся, сказалъ ему:
540 « Ай же ты, молодой Добрыня Никитиничъ!
« Ты тѣмъ счастливъ, что съ заду зашелъ!
« А ежели бы, Добрыня, съ переду зашелъ,
« Столько бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!
« Поди, скажи солнышку князю таковы слова
545 « Пусть-ко для меня, для молодца,
« Разошлетъ указы строгіе,
« По всему по городу по Кіеву
« И по городу по Чернигову,
« Чтобы отворены были всѣ [конторы].
550 « Кабаки всѣ и пивоварнія,
« На трои на сутки отворены,
« Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
« Кто не пьетъ зелена вина,
« Тотъ пилъ бы пива пьяныя:
555 « Кто не пьетъ пивъ пьяныихъ,
« Тотъ пилъ бы сладки меды;
« Чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,
« Старый казакъ Илья Муромецъ,
« Ко славному ко городу Кіеву;
560 « Пусть для меня, для молодца,
« Заведетъ столованье—почестный пиръ.
« Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
« То онъ процарствуетъ только до утрія! »
Какъ тотъ бѣжалъ скорымъ на скоро
565 Ко солнышку князю ко Владимеру,
Сказалъ ему да таковы слова:
« Ай же, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Что [дѣйствительно] старый казакъ да Илья Муромецъ!
« Тебѣ было приказано [публиковать] указы строгіе,
570 « По городу по Кіеву, по городу по Чернигову,
« Растворить кабаки [конторы], пивоварнія,
« Растворить на трои на сутки,
« Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
« Кто не пьетъ да зелена вина,

575 « Тотъ бы пилъ пиво пьяное;
« Кто не пьетъ пива пьянаго,
« Тотъ бы пилъ меды сладкіе;
« Чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,
« Старый казакъ да Илья Муромецъ.
580 « А ежели князь не сдѣлаетъ по-моему,
« То процарствуетъ царь до утрія! »
Онъ скорымъ скоро, скоро нà скоро
Послалъ указы строгіе
По городу по Кіеву и по городу Чернигову,
585 Чтобы отворены были всѣ кабаки [конторы] и пивоварнія,
На трои на сутки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено вино,
Безданно, безпошлинно,
Знали бы, что наѣхалъ старой казакъ,
590 Старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному городу Кіеву.
Какъ тутъ забиралъ столованье—почестный пиръ,
Много князей, много бояриновъ,
Много [сенаторовъ] думныихъ,
595 И вельможъ, купцовъ богатыихъ,
Поляницъ много удалыихъ
И Росейскихъ многихъ могучихъ богàтырей.
Какъ тутъ въ кабакахъ никто не пьетъ не кушаетъ,
Всѣ ѣдутъ ко солнышку князю Владимеру,
600 Не для соли, не для хлѣба, не для безсчетной золотой казны,
А ѣдутъ-то посмотрѣть удалаго молодца,
Стараго казака Илью Муромца;
Какъ на княженецкій дворъ сбираются,
Тихонько да пробираются во полаты княженецкія.
605 Такъ тутъ и приходитъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ
Съ голями съ кабацкима,
Какъ идетъ онъ во палаты княженецкія,
Проходитъ туды во гривны столовыя,
610 Крестъ-то кладетъ онъ по писаному,

Поклоны ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Тутъ какъ солнышко Владимеръ князь
615 Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Бралъ стараго казака за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ старымъ казакомъ да Ильей Муромцемъ.
Какъ стали садиться за тѣ столы дубовые,
620 За скамейки окольніи, за ѣства сахарныя,
Садятъ его на мѣсто на большее:
Не садился онъ на мѣсто на большее,
Садился на мѣсто на середнее,
Возлѣ себя садилъ голей да кабацкіихъ.
625 Какъ начали ѣсть-кушать, прохлаждатися;
Какъ всѣ на пиру напивалися,
На почестномъ всѣ наѣдалися,
Похвальбами они всѣ да похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ,
630 Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастатъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ сплой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Инный хвастатъ славнымъ отечествомъ,
635 Иной молодымъ молодечествомъ.
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
Какъ говоритъ да старой казакъ Илья Муромецъ:
640 « Ай вы, всѣ князи-бояра [сенаторы] все думныи,
« Вельможи, купцы богатыи,
« Поляницы всѣ удалыя,
« Сильные-могучіе богатыри!
« Какъ вы всѣ похвальбами похвалялися,
645 « Кто былицей, инный хвастатъ небылицею;
« А я какъ, старой казакъ, похвастаю:
« Какъ я простоялъ дома заутреню воскресенскую,

« Пріѣхалъ сюды—только отошла обѣдня воскресенская;
« Какъ я убилъ подъ Смолягинымъ
650 « Силы тысячей нѣсколько,
« Было сплушки—какъ сѣрому заюшку не обскакать,
« Бѣлому соколу не облетѣть,
« Во пару-дыму лошадиноемъ
« Днемъ не видно было краснаго солнышка,
655 « Ночью не видно свѣтлаго мѣсяца;
« Да отъ Смолягина промостилъ тысячу верстъ,
« Промостилъ мосты все каленые,
« Болотами зыбучими да корбами дремучими;
« Какъ на трехъ дубахъ на крякновистыхъ,
660 « На двухъ березахъ покляпистыхъ,
« Сидѣлъ Соловей-птица рохманная,
« Какъ было свито гнѣздо Соловьиное:
« Я не долго опущалъ его со гнѣздышка,
« Я прикуивалъ желтыми кудерками
665 « Ко булатнымъ ко стременамъ,
« Привезъ сюды ко славному ко городу Кіеву;
« Ежели на безсчетну золоту казну,—
« Онъ скупитъ васъ и спродаётъ;
« Ежели на борьбу-удачу молодецкую,
670 « Во чистомъ полѣ убьетъ онъ васъ до единаго;
« Отъ свисту змѣинаго, отъ крыку звѣринаго
« Помираютъ удалые-добрые молодцы! »
Такъ они говорятъ таковы слова:
« Ай же, удалый-добрый молодецъ,
675 « Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Ты самъ небылицею хвастаешь:
« Ты хвастай собою, а не другимъ!
« Какой у тебя привезенъ Соловей,
« Соловей-птица рохманная? »
680 Тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ бѣжалъ онъ на широкъ дворъ,
Онъ отвязывалъ отъ булатныя
Отъ богатырскія отъ стремены,

685 Какъ велъ его въ полаты въ княженецкія.
Какъ тутъ говорилъ солнышко Владимеръ князь:
— Ну-ко, засвищи, Соловей, по змѣиному,
— Закрычи, Соловей, по звѣриному!—
Говорилъ Соловей таковы слова:
690 « Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Не у тебя я ѣлъ да кушалъ,
« Не хочу тебя и слушати! »
Говорилъ старой казакъ да таковы слова:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
695 « Всѣ мы у тебя на честномъ пиру
« И всѣ мы у тебя пьяны-веселы,
« А у насъ Соловей не пьянъ и не веселъ:
« Налей-ко Соловью чару зелена вина,—
« Мѣра полтора ведра,
700 « Вѣсомъ полтора пуда,—
« Налей другую пива пьянаго,
« Налей третью меду сладкаго,
« Ты дай закусить колачикъ крупичатый,
« Крупичатый колачикъ будто турей рогъ! »
705 Онъ налилъ чару зелена вина,
Мѣрой полтора ведра,
Вѣсомъ полтора пуда,—
Подавалъ единой рукой:
Онъ принималъ единой рукой,
710 Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ;
Наливалъ онъ пива пьянаго,
Всего мѣрой полтора ведра,
Подавалъ онъ единой рукой:
Онъ принималъ тоже единой рукой,
715 Выпивалъ единымъ духомъ;
Наливалъ третью меду сладкаго,
Всего мѣрой полтора ведра,
Подавалъ онъ чару единой рукой:
Принималъ онъ чару единой рукой,
720 Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ;
Далъ закусить колачикъ крупичатый,

Крупичатый колачикъ будто турей рогъ:
Сталъ Соловеюшко похаживать,—
Стали полатушки да покрякивать.
725 Какъ тутъ говорилъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
« Засвищи ты, Соловей, по змѣиному въ полсвиста,
« Закрычи, Соловей, по звѣриному въ полкрыку:
« Какъ отъ меня, Соловей, смотри—никуда не уйдешь! »
730 Какъ тутъ засвисталъ Соловеюшко въ полсвисту,
Закрычалъ Соловей въ полкрыку,
По всему по городу по Кіеву
Стары терема повалялися,
Новы терема пошаталися,
735 Околенки съ окошечекъ посыпались;
У солнышка князя у Владимера
Во полатахъ ни одна околница
Въ окошкахъ не минуется,—
Всѣ повылетѣли на улицу;
740 По всему еще по городу по Кіеву
Бережи [1]) кобылы жеребились,
Поносны бабы разрòдились;
На честномъ пиру князья-бояра [сенаторы] думны,
Вельможи, купцы богаты,
745 Поляницы удалы,
Росейски могучи богатыри,
Всѣ они на зени лежатъ,
Самъ князь плаватъ окаракою.
Старой казакъ смѣется во всю голову.
750 Какъ вси поросплавались,
Какъ всѣ они да порозмалтались,
Всѣ по стульямъ по скамейкамъ покарабкались,
Сами говорятъ да таковы слова:
« Ай же ты, старой казакъ,
« Старой казакъ Илья Муромецъ!
« Не спускай-ка Соловья болѣ на свою волю! »

[1]) Жеребыя, сужеребыя.—*Б.*

Говорилъ Соловей да таковы слова:
— Ай же, солнышко Владимеръ князь
— И старой казакъ да Илья Муромецъ!
760 — Спустите меня да на свою волю:
— Я повыстрою вкругъ города Кіева
— Села со приселечками,
— Улки съ переулками,
— Города съ пригородками,
765 — Монастыри все богомольные.—
Тутъ говорилъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
« Ты солнышко, Владимеръ князь!
« Не строитель онъ вѣковой, а разоритель:
770 « Разоришь ты остатніи села съ приселами,
« Города съ пригородками! »
Тутъ говорятъ инные богатыря:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь
« И старой казакъ Илья Муромецъ!
775 « Если спустите его на свою волю,
« Убьетъ-то насъ до единаго! »
Какъ брали Соловья за бѣлы руки,
Повели Соловья во чисто поле,
Копали погреба глубокіе,
780 Глубокіе, сто-саженные,
Бросили его во погребъ глубокиій,
Глубокиій, сто-саженныій,
Рѣшетками желѣзными задернули,
Песками засыпали,
785 Травкой-муравкой замуравили.
Какъ тутъ черезъ трои суточки
Накатили малы вьюныши Соловьиныи,
Накатили многи телѣги ордынскія.
Обзарился на имѣніе, на богачество
790 Солнышко Владимеръ князь.
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Не тобой они приказаны

« И не тобой назадъ отпустятся!—
795 « Ай же малы вьюныши Соловьины!
« Катите все имѣнье-богачество,
« Всю несчетну золоту казну:
« Оставлена вамъ отъ батюшка,
« Будетъ пропитатися до̀ смерти,
800 « Не надо вамъ по міру ходить да скитатися! »
Они покатили имѣнье—заплакали.
Теперь-то Соловью славы поютъ.
Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
805 По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ чужіимъ-дальніимъ сторонушкамъ.
Теперь Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

128.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

Старой казакъ ѣзживалъ
Отъ младости и до старости,
Но такова чуда не видывалъ
И на такова чуда не наѣзживалъ:
5 Пріѣхалъ онъ ко камешку ко горючему,
Отъ камешка три розстани,
Три розстани, три дороженьки,
Три дороженьки путистыя,
А на камешки какъ было написано:
10 « Что въ одну дорожку ѣхать—убиту быть,
« Въ другую ѣхать—женату быть,
« А въ третью ѣхать—богату быть. »
Сталъ да пораздумался:
« Въ котору ѣхать мнѣ дороженьку?
15 « Что̀ мнѣ на старость богату быть

« И что мнѣ на старость женату быть?
« А поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть! »
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Пріѣзжалъ какъ онъ къ тѣмъ горамъ,
Къ тѣмъ горамъ да къ высокіимъ.
Начали разбойнички съ горъ выскакивати,
Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячей,—
Начали стараго пощалкивать,
Началъ старой казакъ выговаривать:
« Ай же, сорокъ тысяць разбойниковъ!
« Что вамъ взять у меня у стараго?
« Нѣтъ у меня многой несчетной золотой казны,
« Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,
« Нѣту у меня платья цвѣтнаго;
« Только у меня добрый конь,
« Добрый конь въ триста рублей,
« На конѣ приправа во пятьсотъ рублей,
« У себя приправа богатырская въ цѣлу тысячу. »
Какъ выдергивалъ онъ палицу желѣзную,
Во сто девяносто пудъ,
Какъ началъ разбойничковъ пощалкивать,—
Прибилъ онъ разбойничковъ сорокъ тысячей.
Тутъ удалый поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ какъ онъ къ камешку ко горючему,
Тую запись поднавливалъ:
« Что въ тую дорожку ѣздилъ—убитъ не былъ.
« Поѣду въ тую, гдѣ женату быть! »
Ѣхалъ онъ ровно три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Выѣзжалъ какъ онъ на ты на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга на зеленые,
На тѣхъ-то поляхъ чистыихъ,
На лугахъ на зеленыихъ,
Стоитъ какъ чудо чудное, диво дивное:
Городомъ назвать,—такъ онъ малъ стоитъ;
А селомъ назвать,—такъ онъ великъ стоитъ;

Стоятъ тутъ полаты бѣлокаменны.
Пріѣзжалъ какъ онъ ко полатамъ на широкъ дворъ,
55 Какъ съ тѣхъ полатъ бѣлокаменныхъ
Выходила премлада Прекрасна Королевична,
Брала стараго за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во саха́рныя,
Проводила въ полаты бѣлокаменны,
60 Садила за тѣ столы дубовые,
Наносила ему ѣствъ саха́рныихъ,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Ай же, удалый-добрый молодецъ!
— Не наѣдайся ты досыта,
65 — Не напивайся-ка ты допьяна,
— Чтобы тебѣ съ премладой Королевичной позабавиться.—
Онъ какъ говорилъ таковы слова:
« Я проѣхалъ какъ ровно триста верстъ,
« Мнѣ ѣсть-то захотѣлося. »
70 Онъ наѣлся какъ досыта,
Напился онъ тутъ допьяна,
Какъ выходилъ за столовъ за дубовыихъ,
Молился Господу Богу тутъ.
Она брала его за бѣлы руки,
75 Повела во спальну во теплую,
На ту кроватку тисовую,—
Кроватка была тисова—слоновы́хъ костей,
Перина была пуховая.
Она какъ говоритъ таковы слова:
80 — Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
— Ложись-ка спать ко стѣночки.—
Онъ какъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, премлада Королевична!
« Ты сама ложись-ка спать ко стѣночки:
85 « У меня у стараго мочь не держится,
« Надо часто ходить мнѣ до́ вѣтра. »
Какъ бралъ онъ ее за бѣлы руки,
Бросалъ на ту кроватку тисовую,—
Кроватка была волшебная,

90 Провалилася она въ тѣ погреба глубокіе.
Онъ тутъ бралъ золоты ключи,
Шелъ—отмыкалъ погреба онъ глубокіе,
Какъ выпускалъ много удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
Много сильныхъ-могучіихъ богатырей.
95 Какъ оттоль выходила сзади премлада Королевична,
Онъ бралъ какъ Королевичну за бѣлы руки,
Привязывалъ къ тремъ жеребцамъ онъ неѣзженымъ,
Раздернулъ ее по чисту полю.
Какъ тутъ все имѣнье-богачество
100 Раздалъ удалымъ-добрымъ молодцамъ.
Сильнымъ-могучимъ богатырямъ,
А тѣ палаты бѣлокаменны огню предалъ.
Тутъ-то удалый поворотъ держалъ.
Пріѣзжалъ какъ удалый къ тому же ко камешку,
105 Тую опять запись поднавливалъ:
« Въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ. »
« Поѣду во третью дорожку, гдѣ богату быть! »
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ триста верстъ.
110 Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
На поля на чистыя, на луга на зеленые,
Какъ тутъ копаны погреба все глубокіе,
Насыпаны всѣ краснаго золота,
Краснаго золота, чистаго серебра,
115 И мелкаго-скачнаго жемчуга.
Онъ говоритъ: « куда мнѣ на старости съ имѣньицемъ,
« Со многой несчастной золотой казной? »
Стáлъ да пораздумался:
Взялъ какъ—на это на имѣньицо,
120 На тѣхъ на поляхъ на чистыихъ,
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя,
Повелъ тутъ пѣніе церковное,
Пѣніе церковное, звоны колокольные.
125 « Чье было имѣнье, за того пускай идетъ! »
Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,

Опять пріѣзжалъ ко тому же камешку ко горючему,
Опять ту запись поднавливалъ:
« Какъ въ тую дорожку ѣздилъ—богатъ не былъ. »
103 Ѣхалъ онъ ко славному городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владиміру.
Спросилъ у него солнышко князь стольно-Кіевскій:
— А гдѣ же ты долго ѣздилъ, удалый-добрый молодецъ,
— Старый казакъ Илья Муромецъ?—
135 Онъ разсказалъ свои три (происшествія),
Какъ былъ въ трехъ дороженькахъ,
Что дѣлалъ онъ въ тѣхъ дороженькахъ,
Все разсказалъ солнышку князю Владимеру.

Дунай, Дунай,
140 Болѣ вѣкъ не знай!

129.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

Досюль Добрынышка матушки говаривалъ:
« Свѣтъ-государыни матушка,
« Честна вдова Намельоа Тимоѳеевна!
« На что меня, несчастнаго молодца, спородила,
5 « Гребешкомъ мою головку загладила,
« Копылкомъ бородку наладила,
« Спустила добраго молодца во далече-далече во чисто поле,
« Напрасно бить удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
« Проливать крови горючія,
10 « Оставлять сиротать малыхъ дѣтушекъ,
« Скитаться женамъ молодымъ? »
Она говоритъ ему таково слово:
— Ай же, рожоно мое дитятко,
— Молодой Добрыня Никитиничъ!
15 — Хотѣла родить тебя, добра молодца, во смѣлаго Алешу Поповича,

— Выступкою щапить въ молода Чурилу Пленкова,
— Силой могучею-богатырскою во стараго казака Илью Муромца,
— На добромъ конѣ ѣздить во Потыха Михайлу Ивановича,
Красой-басой во Осипа Прекраснаго,
20 — Имѣньемъ-богачествомъ въ молода боярина во Дюка Степановича,
— Изъ туга лука стрѣлять во Тугарина во Зміевича во Заморскаго.—
Какъ вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Говорилъ онъ матушки таковы слова:
« Свѣтъ-государыни матушка!
25 « Благодарю на тѣхъ словахъ на умильныихъ,
« На рѣчахъ на разумныихъ. »
Потомъ онъ шелъ на широкой дворъ,
А со двора онъ шелъ на стойла лошадиныя,
Бралъ онъ добра коня,
30 Выводилъ онъ добра коня на широкой дворъ,
Сталъ онъ сѣдлать добра коня,
Кладалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
На верехъ кладалъ ковано сѣдло Черкасское,
35 Затягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Подпруги тѣ была чистаго серебра,
Пряжки-шпильки краснаго золота,
Стремена булата заморскаго,
40 Шелкъ-то былъ да Шемахатныій:
Шелкъ-то не трется да не рвется,
Булатъ не ржавѣетъ,
Красно золото не мйдѣетъ,
Чисто серебро не зелйзиетъ;
45 Потомъ онъ шелъ въ полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
Кладывалъ тѣ луки во налучники,
Калены стрѣлы во колчана,

Вязалъ онъ крѣпки палицы на бедро свое,
50 Потомъ молился крестамъ пречудными,
Отправлялся въ дорожку во дальную,
Во далече-далече во чисто поле.
Прощался онъ со своей государыней со матушкою,
Съ молодой женой съ Натальей Микуличной.
55 Потомъ пошелъ на широкой дворъ.
Какъ говоритъ тутъ честна вдова Намельоа Тимоѳеевна.
Любезной невѣстушки молодой Натальи Микуличной:
— Молода Наталья Микулична!
— Что ты сидишь да высиживаешь,
60 — А у молодого Добрынюшки не спрашиваешь,
— На долго ли Добрыня поѣзжаетъ во чисто поле,
— Долго ли намъ ждать его изъ чиста поля? —
Тутъ Наталья Микулична скоро бѣжала на широкой дворъ,
Брала Добрыню за бѣлы руки,
65 Цѣловала во уста во сахарныя:
« Мужъ ты мой любезный, молодой Добрыня Никитиничъ!
« На долго ли поѣзжаешь во чисто поле
« И долго ли намъ ждать тебя изъ чиста поля? »
Онъ говоритъ: « Ай же ты, молода жена, любима семья,
70 « Ты Наталья да Микулична!
« Ты жди меня изъ чиста поля ровно три года;
« Ежели не буду я черезъ три года изъ чиста поля,
« Такъ еще жди ровно три года,
« Всего на-все будетъ шесть годовъ;
75 « Ежели не буду черезъ шесть годовъ изъ чиста поля,
« То тамъ, жена, хоть вдовой живи, а хоть въ замужъ поди;
« Послухай-ко, жена, наказу да мужняго:
« Не ходи-тко ты за смѣлаго Олешу Поповича, —
« Олеша пустохвастъ то есть,
80 « Вѣкъ Олеша пустымъ хвастаетъ;
« Еще не ходи за молодаго Чурилу Пленкова;
« Еще не ходи, жена моя любезная, ни за купца, ни за барина,
« Ни за Московскаго гостя торговаго;

« А поди-ка за Россійскаго могучаго за богатыря,
85 « Чтобы жены наши богатырскія
« Доставались Россійскимъ могучимъ богатырямъ. »
Столько видѣла молода Добрынюшку на добра коня сидучись,
« Уѣхалъ тутъ Добрынюшка во чисто поле.
Тутъ не двѣ утушки сѣрыя сплывалися,
90 Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невѣстушка въ одно мѣсто,
Плачутъ-обливаются,
Да молода Добрынюшку изъ чиста поля дожидаются,
Пріѣдучись не начаются [1]).
95 Тутъ-то день-то за день какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ:
Прошло тому времечки ровно три года,
Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
100 Приходитъ смѣлый душечка Олеша Поповичъ-то
Къ нимъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ сполна кладалъ-то по писаному,
Поклону велъ по ученому,
Клонился на всѣ четыре стороны,
105 Честной вдовы Намельѳѣ Тимоѳеевной въ особину,
И молодой Натальи Микуличной въ особину,
Самъ садился на лавицу,
Началъ онъ забаивать и началъ заговаривать,
Молоду Натальюшку въ замужъ подсватывать:
110 — Ай же ты, молода Наталья Микулична!
— Ты поди-ка за меня, добраго молодца, во замужество;
— Не будетъ Добрыня изъ чиста поля:
— Вчерась прошла круглая недѣлюшка,
— Какъ я пріѣхалъ изъ чиста поля,
115 — Видѣлъ во чистомъ полѣ Добрынюшку убитаго,
— Головкой онъ лежитъ во ракитовъ кустъ,
— Ножками лежитъ о Пачей рѣку,

[1]) Ждутъ—не дождутся, когда пріѣдетъ.—*Б.*

— Ясныя очи у польскихъ у вороновъ повыклеваны,
— Сквозь бѣлую грудь травка повыросла. —
120 Тутъ говоритъ она: « Ты поди-ка прочь, смѣлый Олеша Поповичъ!
« Не пойду я за тебя въ замужъ:
« Надобно мнѣ ждать Добрынюшку
« Изъ чиста поля еще три года,
« Всего на-все будетъ шесть годовъ. »
125 Тутъ Олешенька да не веселъ сталъ,
Самъ говорилъ Олеша таковы слова:
— Ай же, молода Наталья Микулична!
— Хошь ты туляешься-виляешься,
— За иннаго въ замужъ не достанешься,
130 — Какъ будешь за мной да во замужествѣ! —
Самъ пошелъ-то изъ полатъ-то бѣлокаменныхъ.
День-то за день какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ:
135 Прошло тому времени ровно шесть годовъ,
Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Опять приходитъ смѣлый Олеша Поповичъ-то
Къ нимъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладалъ-то по писаному,
140 Поклоны велъ по ученому,
Клонился на всѣ четыре стороны,
Честной вдовы Намельѣ Тимоѳеевной въ особину,
И молодой Натальи Микуличной въ особину,
Самъ садился на лавицу,
145 Началъ онъ забаивать и началъ заговаривать,
Молоду Натальюшку въ замужъ подсватывать:
— Ай же ты, молода Наталья Микулична!
— Ты поди-ка за меня, добраго молодца, во замужество:
— Не будетъ Добрыня изъ чиста поля. —
150 Она ему говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, смѣлый Олеша Поповичъ!
« Ты съ добра поди съ полатъ бѣлокаменныхъ:
« Я прожила заповѣдь мужскую,

« Я еще кладу заповѣдь да женскую на шесть лѣтъ,
155 « Всего на-все будетъ двѣнадцать лѣтъ;
« Ежели не будетъ Добрыня черезъ двѣнадцать лѣтъ,
« Тогда будетъ у меня своя воля вольная,
« Тогда хошь я вдовой живи, а хошь замужъ поди;
« Но мнѣ не велѣно итти за тебя, за смѣлаго Олешу Поповича,
160 « Потому что ты пустохвастъ то есть,
« Пустымъ ты, Олеша, хвастаешь;
« Мнѣ не велѣно итти за молодаго Чурило Пленкова;
« Еще не велѣно итти ни за купца, ни за барина,
« Ни за Московскаго гостя торговаго;
165 « Велѣно итти за Росейскаго могучаго богатыря,
« Чтобы наши жены богатырскія доставались Росейскимъ богатырямъ. »
Тутъ Олешенька не веселъ сталъ,
Говорилъ опять да таковы слова:
— Хоть ты туляешься-виляешься,
170 — Но за иннаго въ замужъ не достанешься:
— Будешь за мной во замужествѣ! —
Пошелъ вонъ онъ съ полатъ бѣлокаменныхъ. —
Тутъ прошло времечки ровно двѣнадцать лѣтъ,
Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
175 Тутъ опять приходитъ смѣлый Олеша Поповичъ-то,
Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ,
Крестъ кладалъ онъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
Кланялся на всѣ четыре стороны,
180 Честной вдовы Намельеѣ Тимоѳеевной въ особину,
Молодой Натальи Микуличной въ особину,
Садился онъ на лавицу и говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, молода Наталья Микулична!
— Поди ты за меня замужъ! —
185 Она говоритъ: « Не йду я за тебя во замужество. »
Тутъ говоритъ солнышко Владимеръ князь:
« Ай же ты, молода Наталья Микулична!
« Ежели не йдешь за смѣлаго Олешу Поповича

« Во свой городъ во Кіевъ,
190 « Тамъ отдадимъ тебя во землю Литовскую
« За мурзу-Татарина. —
Она говоритъ таковы слова:
« Я не йду за смѣлаго Олешу Поповича. »
Тутъ говорятъ они:
195 « Ты добромъ не йдешь, мы силомъ возьмемъ! »
И брали ее за бѣлы руки,
Повели во церковь соборную,
Повѣнчали со смѣлымъ Олешой Поповичемъ.
Тутъ солнышко князь стольно-Кіевскій
200 Бралъ ихъ за бѣлы руки,
Повелъ во свои полаты бѣлокаменны,
Тутъ заводилъ для Олеши столованье—почетный пиръ,
Собиралъ для Олеши на почетный пиръ многихъ тутъ,
Князей-бояриновъ, (сенаторовъ) думныихъ,
205 Вельможъ-купчей богатыихъ, поляницъ удалыихъ,
Росейскихъ могучихъ богатырей;
Пошло у нихъ столованье—почетный пиръ.
Какъ изъ чиста поля пріѣзжалъ Добрыня Никитиничъ
Ко рѣки ко Сороги,
210 Становилъ добра коня ко сыру дубу,
Насыпалъ во полость во бѣлую пшеницы бѣлояровой,
Самъ садился хлѣба кушати-трапезовать.
Конь не зоблетъ пшеницы бѣлояровой,
Клонитъ буйную голову
215 До матушки сырой земли,
Копытомъ бьетъ во матушку во сыру землю.
Какъ говоритъ Добрыня Никитиничъ своему добру коню:
« Ай же ты, добрый конь!
« Что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
220 « Клонишь буйную голову до матушки сырой земли
« И копытомъ бьешь во матушку сыру землю?
« Каку ты себѣ незгодушку вѣдаешь,
« Надъ моей надъ буйной головушкой или надъ своей,
« Аль во чистомъ полѣ рать-силу великую? »
225 Какъ конь провѣщалъ языкомъ человѣческимъ:

— Ай же, любезный хозяинъ Добрыня Никитиничъ!
— Надъ твоей надъ буйной головушкой есть невзгода великая:
— Какъ во славномъ-то во городѣ во Кіевѣ,
— Твоя-то молода жена
230 — Какъ сегодня пируетъ со смѣлымъ Олешей Поповичемъ;
— Добромъ она не шла, ей силомъ взяли,
— Солнышко князь стольно-Кіевскій. —
Онъ тутъ скоро садился на добра коня,
Билъ коня по крутымъ ребрамъ,
235 Поѣхалъ во всю пору лошадиную;
Конь началъ съ горъ на гору да перескакивать.
Скоро пріѣзжалъ ко славному ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжалъ онъ къ своимъ посельямъ ко дворянскіимъ,
Ко своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ,
240 Заѣзжалъ онъ на свой широкій дворъ,
Увидѣлъ онъ свою матушку сидящую
Подъ окошечкомъ слезно плачучись:
« Ай же, свѣтъ-государыни матушка,
« Честна вдова Намельѳа Тимоѳеевна!
245 « Отложай воротечка рѣшетчатыя,
« Встрѣчай молодаго Добрыню изъ чиста поля! »
— Отойди ты, голь кабацкая,
— Отъ окошечекъ косивчатыхъ,
— Не надсмѣхайся надо мной,
250 — Надъ старухой побѣдною [1]):
— Кабы было рожоно мое дитятко,
— Молодой Добрыня Никитиничъ,
— Такъ недосугъ было голямъ кабацкіимъ надсмѣхатися.—
Онъ и говоритъ: « Ай же ты, свѣтъ-государыни матушка,
255 « Намельѳа Тимоѳеевна!
« Отложай воротечка рѣшетчаты,
« Встрѣчай молодаго Добрыню изъ чиста поля!»
— Отойди ты съ добра, голь кабацкая,
— Отъ окошечекъ косивчатыхъ,

---

[1]) Бѣдною, несчастною. — *Б.*

260 — Не надсмѣхайся надо мной,
— Надъ старухой побѣдною:
— А то пошатаю [1]) своей старостью глубокою,
— Выйду на улицу—я нечестно провожу. —
« Ай же, свѣтъ-государыни матушка!
265 « Почему ты не узнала своего сына любимаго,
« Молодаго Добрыню Никитича? »
Она говоритъ:—Какъ у молода Добрыни Никитича
— На ножкахъ востры чоботы семи-шелковые:
— А у тебя, голь кабацкая, рваные-плаченые;
270 — Еще у Добрыни Никитича было личико бѣлое-румяное:
— А у тебя, голь кабацкая, зарудилося [2]);
— Очи были ясныя какъ у сокола да заморскаго:
— А у тебя, голь кабацкая, очи помутилися;
— У молодого Добрыни Никитича были кудри желтые,
275 — Въ три-рядъ кудерка колечками вились въ кругъ верховища:
— А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висятъ;
— На кудерышкахъ была шляпа новая пуховая:
— А у тебя, голь кабацкая, рваная-плаченая.—
« Ай же ты свѣтъ-государыня матушка,
280 « Честная вдова Намельѳа Тимоѳеевна!
« Черезъ двѣнадцать черезъ годиковъ
« Прирвались вострые чоботы
« Отъ булатныхъ отъ стременовъ во чистомъ полѣ;
« Зарудилося личико бѣлое
285 « Отъ поганыя крови Татарскія;
« Помутилися очи ясныя
« Во чистомъ полѣ отъ вѣтровъ отъ буйныихъ;
« Отрослись волосы желтые
« Черезъ двѣнадцать годичковъ длинныихъ;
290 « Прирвалась шляпа пуховая
« Отъ дождичковъ отъ частыхъ во чистомъ полѣ.»
— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!

---

[1]) Встряхну.—*Б.*
[2]) Замаралось, загрязнилось. *Б.*

— Какъ у молода Добрыни Никитича
— Подъ правой пазухой есть родимая знадебка [1].—
295 Тутъ скидывался Добрыня скоро у окошечка,
Показывалъ матери родимную знадебку.
Тутъ старуха своей старости не услышала,
Бѣжала скоро на улицу,
Брала Добрыню за бѣлы руки,
300 Цѣловала во уста во сахарныя,
Называла сыномъ любезныимъ,
Молодымъ Добрыней Никитичемъ.
Проводила во свои палаты бѣлокаменны.
Онъ молился тѣмъ крестамъ пречудныимъ,
305 Спасу и Пречистой Богородицы,
Онъ тутъ спросилъ:
« Гдѣ моя молодая жена, любима семья
« Наталья Микулична?
« Не встрѣчаетъ что меня изъ чиста поля?»
310 — Твоя молода жена сегодня пируетъ
— Со смѣлымъ со Олешой Поповичемъ.—
« Вчерась прошла недѣля, какъ мы видѣлись
« Съ Олешой во чистомъ поли,
« Крестами мы побратались,
315 « Онъ назвался крестовымъ меньшимъ братцемъ,
« А теперь ужъ меньшій братъ
« У большаго брата жену увелъ!
« Ахъ ты, свѣтъ-государыни матушка!
« Неси ты мнѣ платье скоморошное,
320 « Неси гусли яровчаты.»
Она несла ему платье скоморошное
И гуселки яровчаты,
Онъ надѣвалъ одежду скоморошную
И бралъ гуселка яровчаты,
325 Пошелъ онъ къ Олеши на почетный пиръ.
Приходилъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Крестъ онъ сполна кладалъ да по писаному,

---

[1]) Примѣточка. *Б.*

Поклонъ ведетъ онъ по ученому,
Кланялся онъ на всѣ четыре стороны,
330 Солнышку князю съ княгиней Опраксіей въ особину,
Смѣлому Олеши Поповичу
Съ молодой Натальей Микуличной въ особину;
Самъ говорилъ таковы слова:
« Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
335 « Нѣтъ ли мѣстечка немножечко
« Малой скоморошинкѣ,
« Поиграть во гуселышка яровчаты?»
Говорилъ какъ солнышко князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, малый скоморошина!
340 — Всѣ мѣстечки призасяжены:
— Есть на печкѣ муравленой
— Мѣстечка немножко.—
Тутъ-то Добрыня на ножку легокъ-то былъ,
Подскочилъ онъ на печку муравлену;
345 Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью съ Еросолима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
350 Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря.
Тутъ всѣ на пиру поразслушалися.
Говорилъ-то солнышко Владиміръ князь:
— Ай же, малая скоморошина!
— Не твое мѣсто сидѣть на печкѣ муравленой,
355 — Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини,
— Смѣлаго Олеши Поповича. —
И посадили супротивъ смѣлаго Олеши Поповича
И молодой княгини Натальи Микуличной.
И говорила тутъ малая скоморошина:
360 « Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Позвольте мнѣ налить зелена вина,
« Мѣрою чара въ полтора ведра,
« Вѣсомъ полтора пуда?»
Говоритъ солнышко Владимеръ князь:

365 — Ай же, мала скоморошина!
— За твою игру великую,
— За утѣхи твои за нѣжныя,
— Безъ мѣрушки ней зелено вино,
— Безъ расчету получай золоту казну! —
370 Онъ какъ налилъ чару зелена вина,
Мѣрой въ полтора ведра,
Вѣсомъ только полтора пуда,
Спустилъ онъ свой перстень обрученный,
Которымъ перстнемъ обручалися
375 Съ Натальей Микуличной,
Подавалъ ей чару единой рукой
И говорилъ-то ей таковы слова:
« Ай же, молода княгиня Наталья Микулична!
« Ты пей до дна, то увидишь добра,
380 « А не пьешь до дна, не увидишь добра.»
Она выпила чару до дна зелена вина,
Увидала она перстень свой обрученный,
Которымъ перстнемъ да обручалися,
Какъ тутъ говорила сама да таковы слова:
385 « Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Не тотъ мнѣ мужъ, который подъ рукой сидитъ,
« А тотъ мой мужъ, который супротивъ сидитъ,
« Который наливалъ да зелена вина:
« Тутъ-то сидитъ не мала скоморошина,
390 Тутъ сидитъ Добрыня Никитиничъ.»
Какъ сама-то вставала на рѣзвы ноги,
Скочила черезъ ты столы да дубовые,
Пала къ молоду Добрынюшки на бѣлу грудь,
Цѣловала его во уста во сахарныя,
395 Называла молодымъ Добрыней Никитичемъ.
Какъ тутъ говорилъ Добрыня Никитиничъ:
« А не дивую я женщины:
« У женщины волосъ-то дологъ, да умъ-то коротокъ;
« А дивую я солнышку князю Владимеру:
400 « А что ежели женщина добромъ не йдетъ,
« Онъ силомъ беретъ;

« И еще дивую братцу крестовому,
« Смѣлому Олеши Поповичу:
« Вчера прошла круглая недѣлюшка,
405 « Какъ мы видѣлись съ Олешой во чистомъ полѣ,
« Крестилися мы, браталися,
« Назвался Олешенька меньшимъ крестовымъ братьицемъ;
« Теперь меньшой братъ у большого жену увелъ!
« Есть ли тотъ законъ на свѣтѣ,
410 « Чтобы отъ живаго мужа жену отобрать?
« Какъ былъ бы Олеша не крестовый братъ,
« Взялъ бы я тебя, Олешу, правой рукой,
« Правой рукой за желты кудри,
« Здынулъ бы тебя, Олешу, черезъ ты столбы дубовые,
415 « И бросилъ тя, Олешу, о кирпичный полъ:
« Столько бы ты, Олеша, и живъ бывалъ!»
Взялъ Олешу лѣвой рукой за желты кудри,
Здынулъ черезъ ты столбы дубовые,
Бросилъ Олешу о кирпичный полъ,
420 Кинулъ Олешу да подъ лавицу.
Алешенька съ-подъ лавицы да выговариваетъ:
— Всякій на свѣтѣ да женится,
— Не всякому женитьба удавается:
— Удалась женитьба Дунаю Дунаевичу,
425 — Да старому Ставру сыну Годиновичу,
— Да еще молодому Добрыни Никитичу.—
Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Олеша на чужую дальную сторону.
Тутъ Добрыня Никитичъ
430 Взялъ молоду жену за бѣлы руки,
Пошелъ онъ вонъ съ полатъ бѣлокаменныхъ,
Повелъ во свои полаты бѣлокаменны.
Болѣе Добрынюшка не сталъ да выѣзжать,
Выѣзжать во чисто поле,
435 Болѣе онъ сталъ проживать во Кіевѣ.

Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

130.

ДЮКЪ

(неполный).

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
« Свѣтъ государыня моя матушка,
« Честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
« Долго ли мнѣ жить дома, тѣшиться
5 « Во глупомъ во маломъ въ робячествѣ,
« Ходить по улушкѣ широкія?
« Пора-времячко мнѣ съѣздить во дàлече далѐче чистополе,
« Поразмять свого плеча богатырскаго,
« Поразгонять свого бурушка косматаго,
10 « Спробовать силы-удачи молодецкія. »
Говоритъ Мамелфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты, мое рожоно дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не бывалъ ты, молоденцъ, во чистомъ полѣ,
15 — Не слыхалъ ты крику звѣринаго,
— Визгу-писку Татарскаго,
— Не видалъ поѣздки богатырскія:
— Не можешь вынесть изъ чиста поля головушки.
— А лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
20 — Ко стольному ко князю ко Владиміру.
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
— На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— Заводитъ столованье-почестенъ пиръ,
— На поѣздѣ удалыихъ много жалуетъ,
25 — Жалуетъ безсчетной золотой казной.—
Говоритъ Дюкъ таковы слова:
« Ай же ты, государыня моя матушка!
« Давай же прощеньице-благословленьице:
« Поѣду я во дàлече далѐче чисто поле,
30 « Хочу разгонять бурушка косматаго,
« Хочу поразмять свого плеча богатырскаго,
« Спробовать силы-удачи молодецкія,

« Топерь хочу я, добрый молодецъ. »
Какъ шелъ-то на широкій дворъ,
35 Съ широка двора шелъ на стойло кониное,
Бралъ онъ бурушка на широкій дворъ,
Сталъ сѣдлать-уздать добрà коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
40 На верёхъ накладывалъ сѣделышко черкасское
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія;
45 Подпруги-то были чиста серебра,
Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморскаго,
Шелку-то онѣ Шемаханскаго:
Шелкъ-отъ не рвется и не трется,
50 А булатъ не ржавѣетъ,
Красно золото не мидѣетъ,
Чисто серебро не зелизиетъ.
Приходилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ себѣ платьица дорожныя,
55 Кладывалъ туги луки во налучники,
Вязалъ крѣпки поводы на бедро свое.
На поѣздѣ молодцу матушка наказываетъ:
— Ай же ты, мое рожоно дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
60 — Какъ поѣдешь во далече далече чисто поле,
— Не идь-ка [1]) ты на славну на Палачъ-гору Аѳанасьеву:
— На тую гору много заѣзжаетъ добрыхъ молодцевъ,
— А вѣдь-то мало выѣзживаетъ.
— А още ль случится тебѣ путь
65 — Ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко стольному ко князю ко Владиміру,
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій

---

[1]) Не ѣзди.

— На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— Заводитъ столованье-почестенъ пиръ:
70 — На честномъ пиру не хвастай сиротскимъ имѣньицемъ,
— Имѣньицемъ сиротскимъ, богачествомъ,
— Не хвастай мною, матушкой. —
Давала ему прощеньице-благословленьице.
Шелъ онъ на широкій дворъ,
75 Садился на добра коня богатырскаго:
Только видѣли добра молодца сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись,
Туды куревко [1]) столько прокуриваетъ.
Выѣхалъ на славное чисто поле.
80 И какъ ѣздилъ на славномъ на чистомъ полѣ,
Не могъ найти себѣ поединщика,
По плечу себѣ супротивника.
Какъ заѣхалъ на славную на Палачъ-гору Аѳанасьеву,
Материнска наказа не слушался;
85 На славной на Палачъ горы Аѳанасьевой
Много присѣчено удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Много лежитъ буйныхъ головушекъ.
Тутъ онъ сталъ по горы поѣзживати,
Сталъ туги луки натягивати,
90 Калены стрѣлы пострѣливати.
Первую стрѣлу онъ стрѣлялъ во сто рублей,
Другую стрѣлу во тысячу рублей,
А третью стрѣлу стрѣлялъ—цѣны-то нѣтъ:
Потому-то ей цѣны-то нѣтъ,
95 Во вострый конецъ врощенъ дорогой гвоздочекъ шеломчатый,
А во середочку врощенъ камешочекъ самоцвѣтный,
А во тупой конецъ врощено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.
Какъ самъ себѣ молодецъ раздумался:
100 « Стать мнѣ этыхъ стрѣлокъ пострѣливать,
« Не наполнить мнѣ имѣнье во чисто поле. »

---

[1]) Густая пыль столбомъ.

Какъ поѣхалъ со славной Палачъ-горы Аѳанасьевой
И поѣхалъ по чисту полю,
И наѣхалъ во сыромъ дубу черна ворона,
105 Черна ворона граючаго,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, воронъ, птица вѣщая,
« Вѣщая птица, граючая!
« Натяну какъ свой тугій лукъ,
110 « Положу-то калену стрѣлу,
« Спущу-то тетиву шелковую,
« Распущу твое перье по чисту полю,
« Пролью кровью твою по сыру дубу,
« Предамъ ти смерти напрасныя:
115 « Не попадайся-ка на выстрѣлъ впереди богатыря! »
Испровѣщалъ воронъ языкомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не бей-ка ворона на сыромъ дубу,
— Не проливай моей крови горючія;
120 — Поѣзжай-ка още впередъ по чисту полю,
— Такъ наѣдешь себѣ поединщика,
— По плечу себѣ супротивника.—
Какъ онъ тутъ на радости на великія
Какъ наѣхать бы того удалаго молодца,
125 Спробовать своя сила богатырская,
Поѣхалъ онъ по раздолью чисту полю,
Наѣхалъ слѣдъ лошадиный:
Впереди его проѣхано у богатыря,
У лошади копытама выверчивана
130 Мать сыра земля будто сильныма рѣшатамы.
Онъ наѣхалъ по этому по слѣду лошадиному,
Наѣхалъ богатыря въ чистомъ полѣ:
Раздернутъ у богатыря шатеръ бѣло-полотняный,
Ко тому шатру бѣло-полотняному
135 Поставлена лошадь бѣлая богатырская,
Насыпано во полость во бѣлую пшеницы бѣлояровой.
Не такъ осѣдланъ конь, какъ у него, молодца:
Еще покрѣпче подтянуты подпруги богатырскія.

Онъ тутъ сталъ да пораздумался,
140 Сталъ молодецъ да порасплакался:
« Теперь на уѣздъ ѣхать—не уѣхати,
« Во шатеръ итти—такъ смѣлости нѣтъ:
« Убьетъ меня богатырь во бѣломъ шатрѣ,
« Падетъ моя голова ни за чистую бѣлочку.
145 « А поставлю я своего добра коня
« Ко одной ко полости ко бѣлыя,
« Ко одной пшеницы бѣлояровой:
« Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
« Пойду въ шатеръ—не тронетъ богатырь:
150 « А если кони драться станутъ,
« Поѣду на уѣздъ, могу ль уѣхати! »
Какъ становилъ своего добра коня
Ко одной ко полости ко бѣлыя,
Ко одной пшеницы бѣлояровой:
155 Кони смирно стали ѣсть пшеницу бѣлоярову.
Онъ пошелъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поглядитъ—ажно въ углу спитъ богатырь,
160 Спитъ-то храпитъ, какъ порогъ шумитъ;
Поглядѣлъ ему на надпись богатырскую:
Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Сталъ онъ будить богатыря,
165 Скричалъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
« Ставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Пора намъ ѣхать ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко стольному ко князю ко Владиміру,
170 « Ко ранныя обѣдни воскресенскія. »
Спитъ богатырь—не пробудится.
Скричалъ во второй наконъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
Спитъ богатырь—не пробудится.
175 Скричалъ во третій наконъ громкимъ голосомъ,

Громкимъ голосомъ во всю голову,—
Отъ крѣпкаго сна богатырь пробуждается:
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
180 — Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
— Какъ тя, молодца, именёмъ зовутъ?
— Звеличаютъ удалаго по изотчины?—
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Я изъ той земли, богатой орды,
185 « Со тоя Индѣи богатыя,
« Есть я молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. »
— Такъ почто же будишь меня отъ крѣпкаго сна богатырскаго?
— Али бьютъ тя во чистомъ полѣ поганые Татаровья,
— Али самому тебѣ, молодцу, хочется
190 — Со мной съѣздить во чисто поле,
— Спробовать силы-удачи молодецкія:
— Кто повынесетъ съ чиста поля головушку,
— Кто повынесетъ вѣсточку радостну?—
Онъ расплакался ему, поразжалился:
195 « Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ
« Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?
« Тебѣ смерть на бою не написана;
« А мнѣ ѣхать съ тобой въ чисто поле,
« Положить надоть буйная головушка.
200 « Не на то будилъ, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,
« А на то будилъ, что будетъ надежный товарищъ въ чистомъ полѣ,
« Повыучитъ всѣмъ похматкамъ [1]), поѣздкамъ богатырскіимъ,
« По дѣлу по ратнему. »
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
205 Бралъ молодаго боярина за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,

[1]) Похваткамъ.—*Б.*

Называлъ меньшимъ крестовымъ братомъ.
Взяли—крестамы побратались.
Стали два удалыхъ молодца пить зелено вино,
210 Запивать медамы стоялыма,
Закусывать колачикамы крупивчатыма.
На тую на пору на времячко
Наѣхалъ какъ изъ чиста поля поганый Идолище,
Приходитъ къ нимъ въ шатеръ бѣлополотняный,
215 Господу Богу не молится,
Имъ, молодцамъ, не клонится,
Не клонитъ буйны головушки,
Не приноситъ покору великаго,
Самъ садился къ нимъ на лавочку.
220 Говорятъ ему таковы слова:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Садись-ка съ нами за единый столъ хлѣба кушати! »
— Что же мнѣ съ вами хлѣба кушати?
— У васъ на столѣ одни крупивчаты булочки,
225 — Да още немножечко колачиковъ.
— Я ѣмъ по быку семилѣтнему къ выти [1]),
— По бѣлой лебеди на разъ (вилкою) закусываю. —
Говоритъ Илья таковы слова:
« Видно, поганое Идолище, ты силенъ есть? »
230 — Я силенъ есть, поганое Идолище:
— Я проѣхалъ Швецію, Турецію,
— Казань, Рязань и Астрахань,
— И не могъ найти поединщика,
— По плечу себѣ супротивника. —
235 « Ай же ты, поганое Идолище!
« Ты наѣхалъ себѣ поединщиковъ:
« Когда повыйдешь изъ нашего шатра бѣлополотнянаго,
« Тогда не будетъ тебѣ поединщика.
« Во той землѣ, въ богатой ордѣ,
240 « Во славномъ городѣ во Муромѣ,
« Во томъ селѣ во Карачаевѣ,

[1]) Корму.—*Б.*

« У моего кормильца у батюшки
« Была корова обжорлива:
« По возу ѣла сѣна къ выти,
245 « Варенины ѣла по лохани,
« Жрала, жрала—и треснула.
« Такъ и тебѣ треснуть, добру молодцу! »
Ему эты рѣчи не прилюбилися:
Хватилъ кинжалище булатнее,
250 Бросилъ въ стараго казака Илью Муромца.
А онъ зналъ увертки богатырскія,
Увернулся отъ разу великаго,
Самъ хватилъ свою шляпу пуховую
И бросилъ въ поганое Идолище.
255 Поганое Идолище палъ о сыру землю,
Только поганое Идолище тутъ и живъ бывалъ.
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Садилися они на добрыхъ коней;
260 Какъ поѣхали ко славному ко городу ко Кіеву,
Такъ старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ во всю пору лошадиную,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На своемъ на бурушкѣ косматомъ около обскакиваетъ.
265 Не доѣхали они до города за три поприща,
Становилися они во чистомъ полѣ.
Какъ говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же ты, братецъ мой крестовый!
« Поѣзжай-ка ты одинъ ко городу ко Кіеву,
270 « Поспѣвай ко раннія обѣдни воскресенскія.
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
« Заводитъ столованье-почестный пиръ, —
« Смотри—не хвастай на пиру имѣньицемъ,
275 « Имѣньицемъ, безсчетной золотой казной.
« А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,
« Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто поле,
« Ко моему шатру бѣлополотняному, —

« Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ. »
280 Тутъ-то они распростилися.
Поѣхалъ молодой бояринъ ко городу ко Кіеву,
Поспѣлъ ко раннія обѣдни воскресенскія;
Подъѣзжалъ какъ онъ ко Божьей церкви,
Становилъ онъ добра коня ко столбику точеному,
285 Ко колечику золоченому;
Самъ шелъ во церковь Божію,
Крестъ клалъ по писаному,
Поклонъ велъ по ученому,
На всѣ четыре сторонки кланялся,
290 Стольному князю Владиміру
Со княгиной со Опраксою въ особину.
Не узналъ его солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:
Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ;
Самъ говорилъ таковы слова:
295 « Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
« Коего отца, коей матери? »
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я изъ той земли, богатой орды,
300 — Со тоя Индѣи богатыя,
— Есть я молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. —
Какъ у солнышка князя Владиміра по правую рученьку
Стоялъ молодой Чурилушка Пленковичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
305 « Ай же ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Это не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
« А эта есть халуина господская,
« Либо волочà-голь кабацкая.
« Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ барина,
310 « Угналъ онъ добра коня,
« А пріѣхалъ сюда для того, чтобы ты
« Забралъ столованье-почестный пиръ [1]). »
Говорилъ Владиміръ таковы слова:

[1]) Вопросъ Владиміра, отвѣтъ Дюка и замѣчаніе Чурилы снова повторяются.

« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
315 « Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
« Коего отца, коей матери? »
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Что же ты сталъ у меня выспрашивать,
— Выспрашивать у меня, вывѣдывать?
320 — Вѣдь я пріѣхалъ не для вашихъ честныхъ пировъ,
— Не для безсчетной золотой казны,
— А пріѣхалъ посмотрѣть вашего города.
— Скажутъ, вашъ городъ на красы стоитъ, на угожествѣ,
— Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живетъ;
325 — Да още заѣхалъ Господу Богу помолиться,
— Ко честнымъ крестамъ приложиться,
— И поѣду я взадъ во чисто поле.
— У меня хлѣба-соли дома водится,
— Золота казна не тощится,
330 — Цвѣтно платьице не держится;
— А още послалъ меня братецъ крестовый,
— Старый казакъ Илья Муромецъ. —
Онъ какъ бралъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
335 Называлъ молодымъ бояриномъ Дюкомъ Степановичемъ.
Отошла обѣдня ранняя воскресенская.
Бралъ его солнышко за бѣлы руки,
Повелъ его въ свои палаты бѣлокаменны.
Онъ иде, молодой бояринъ, на сапожки поглядыватъ,
340 Поглядыватъ на сапожки, на шубку посматриваетъ.
Говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
« Заподлинно есть холопина дворянская:
« Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
« Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ. »
345 Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!
— У васъ все не по нашему:
— Во той земли, богатой орды,
— Во тоя Индѣи богатыя,
350 — Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ

— Настланы мостики калиновы,
— Разостланы сукна кармазинныя,
— Не мараются сапожки сафьянные во грязи черныя. —
Какъ онъ ввелъ его въ палаты бѣлокаменны,
355 Для удалаго добра молодца забралъ почестенъ пиръ.
Какъ пошелъ столованье-почестенъ пиръ,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
360 Сидитъ молодой бояринъ не пьянъ, не веселъ,
Повѣшена буйна голова ниже плечъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ;
Онъ колачикъ ѣлъ, другой подъ столъ мсталъ,
А чару пилъ, другу за окошко лилъ.
365 Какъ увидѣлъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Говоритъ ему таковы слова:
« Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
« Колачикъ ѣшь, другой подъ столъ мечешь,
« А чару пьешь, другу за окошко льешь? »
370 Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не могу ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ,
— Пить напиточекъ сладкіихъ:
— Колачики пахнутъ на хвою сосновую,
375 — А напиточки затхнулися, пить непріятные.
— Какъ во той землѣ, въ богатой орды,
— Во тоя Индѣи богатыя,
— У моей государыни у матушки
— Есть печки муравлены, помялчики шелковые,
380 Мочутъ помялчики въ росу медовую,
— Пашутъ [1]) печки муравлены,
— Пекутъ колачики крупивчаты:
— Колачикъ съѣшь, другаго съѣсть душа горитъ,
— Другой съѣшь, третій съ ума нейдетъ.
385 — А меда сладкіе, водочки стоялыя

[1]) Пометаютъ.—*Б.*

— Повѣшены въ бочки сороковки
— Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебрены,
— Туда подведены вѣтры буйные:
— Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
390 — Пойдутъ воздухи по погребамъ,
— Такъ загогочутъ бочки будто лебеди,
— Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ;
— Такъ вѣкъ не затхнутся напиточки сладкіе,
— Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
395 — Другу пьешь, третья съ ума нейдетъ.
— Эта хвальба не похвальба:
— У моей государыни у матушки
— Цвѣтно платьице не держится.
— Потому оно не держится,
400 — Что швецы не выводятся:
— Та толпа швецовъ со двора сошла,
— А другая толпа на дворъ пришла.
— Добры кони ѣздятъ—не ѣздятся:
— Стоитъ безъ счету добрыхъ коней,
405 — Зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
— Только выскочатъ проиграться въ чисто поле.
— Эта похвальба еще не похвальба:
— Есть насыпано двѣнадцать погребовъ глубокіихъ
— Злата и серебра и мелкаго скатнаго жемчуга;
410 — На одинъ на погребъ скуплю-продамъ
— Стольный Кіевъ градъ и Черниговъ градъ. —

(Не кончено.)

131.

ДЮКЪ

(полный).

(Гильферд. вар. I, 593.)

Во славномъ городѣ во Галичѣ,
Во той Корелѣ богатыи,
Не кувыль-трава шатается,

Не бѣлая береза погибается,—
5 Сынъ со матушкой прощается,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Афимьей Александровной:
« Ай же, свѣтъ государыня-матушка,
« Честна вдова Афимья Александровна!
10 « Долго ли мнѣ жить во глупомъ во маломъ во ребячествѣ,
« Ходить мнѣ дома по улицѣ широкія,
« Съ ребятами тѣшиться?
« Пора мнѣ съѣздить во чисто поле,
« Поразломать мнѣ своего плеча богатырскаго,
15 « Спробовать силы-удачи молодецкія,
« Разгонять мнѣ бурушка косматаго. »
Она ему говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не бывалъ ты, молодецъ, во чистомъ полѣ,
20 — Не слыхалъ ты писку и визгу Татарскаго,
— Дѣла ратнаго, поѣздки богатырскія:
— Можешь ли вынести изъ чиста поля головушку?
— Лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко солнышку князю Владимеру:
25 — Солнышко князь стольно-Кіевскій
— На пріѣздѣ заводитъ столованье-почестенъ пиръ
— Для васъ, для удалыхъ для молодцевъ,
— На поѣздѣ онъ васъ жалуетъ
— Многою несчетной золотой казной.—
30 « Ай же, свѣтъ-государыня-матушка!
« Куда мнѣ съ безсчетной золотой казной?
« Лучше я поѣду во да́лече дале́че во чисто поле;
« Давай мнѣ прощенье-благословенье родительско,
« Навѣки не рушимое,
35 « Благословляй меня во чисто поле. »
Потомъ какъ шелъ на широкъ на дворъ,
Изъ широка двора шелъ на стойлу лошадиную
Бралъ онъ бурушка косматаго,
Выводилъ онъ бурушка на широкъ дворъ,

40 Сталъ онъ сѣдлать-узда ь добра коня.
Кладалъ онъ потники на потники,
Войлоки кладалъ на войлоки,
На верёхъ кладалъ ковано сѣдло черкацкое,
Подтягивалъ двѣнадцатью подпругами богатырскими,
45 Натягивалъ тринадцату продольную,
Не для-ради красы-басы,
А для-ради укрѣпы богатырскія.
Подпруги-тѣ были чистаго серебра,
Пряжечки и шпиньки красна золота,
50 Стремена булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ Шемахатный:
Шелкъ-то не рвётся и не трётся,
Булатъ-то не ржавнетъ,
Золото не мнднетъ,
55 Серебро не зелизнетъ.
Онъ опять пошелъ въ полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
Кладывалъ туги луки во налучники,
Калены стрѣлы во колсана [1]),
60 Вязалъ крѣпки палицы на бедро свое,
Отправлялся во да́лече дале́че во чисто поле,
Молился тѣмъ крестамъ пречудными,
Спасу и Пречудной Богородицы,
Прощался свѣтъ съ государыней-матушкой,
65 Со честной вдовой Афимьей Александровной.
На поѣздѣ-то молодцу матушка наказывала:
— Какъ будешь-то, молодецъ, во чистомъ полѣ,
— Такъ не ѣзди ты на крутую славную гору холмчатую:
— Туда много заѣзжало славныхъ-добрыхъ молодцевъ,
70 — А оттуда мало возвращалося;
— А будешь какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
— У солнышка князя Владимера на честномъ пиру,
— Такъ не хвастай-ка ты своимъ имѣньемъ-богачествомъ,

---

[1]) Колчаны.—*Б.*

— Не хвастай своей многою безсчетной золотой казной.—
75 Тутъ онъ простился со своей родителью-матушкой,
Садился молодецъ на добра коня,
Поѣхалъ во да́лече-дале́че во чисто поле.
Ѣхалъ онъ по чисту полю,
Случилося ѣхать мимо славную гору шеломчатую,
80 Захотѣлося ему заѣхать на гору шеломчатую,
Началъ онъ по горы поѣзживати,
Началъ онъ своей силы пробовати,
Туги луки натягивати,
Началъ онъ каленыхъ стрѣлъ пострѣливати:
85 Стрѣлялъ онъ первую стрѣлочку во сто рублей,
Стрѣлялъ другую во тысячу,
Стрѣлялъ третью стрѣлочку—и цѣны-то нѣтъ.
Потому стрѣлочкѣ цѣны-то нѣтъ:
Во вострой конецъ былъ врощенъ гвоздочекъ шеломчатый,
90 А во середочку былъ врощенъ камешечикъ самоцвѣтный,
А во тупой конецъ было врощено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.
Самъ себѣ призадумался:
« Стать мнѣ этихъ стрѣлокъ пострѣливать,
95 « То не наполнитъ мнѣ имѣнья во чисто поле. »
Тутъ онъ на той горы шеломчатыя
Не могъ найти себѣ поединщика;
И спустился съ той горы шеломчатыя,
Увидалъ на сыромъ дубу ворона чернаго-граючаго,
100 Говорилъ онъ ворону таковы слова:
« Ай же ты, воронъ, птица вѣщая!
« Натяну я свой тугой лукъ,
« Кладу свою калену стрѣлу,
« Спущу твою я тушу о сыру землю,
105 « И распущу твое я перье по чисту полю,
« И пролью твою кровь по сыру дубу,
« Предамъ тебѣ я смерть да скорую:
« Не попадай впереди сильнаго-могучаго богатыря! »
Какъ воронъ провѣщалъ голосомъ человѣческимъ:

110 — Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты не бей-ка ворона на сыромъ дубу,
— Не давай-ка смерти напрасныя:
— Поѣзжай ты впередъ по чисту полю,
— Найдешь себѣ поединщика,
115 — По плечу себѣ супротивника;
— Столько не будетъ съ тебя, съ молодца, дѣло поправиться [1].—

На той на радости на великія,
Какъ поѣхалъ онъ впередъ по чисту полю,
Какъ наѣхалъ онъ на ступь лошадиную:
120 Проѣхано впереди его у богатыря,
У лошади-то скакано,
Вывертывана копытами мать сыра земля,
Какъ сильными рѣшатами.
Онъ поѣхалъ вслѣдъ по слѣду лошадиному,
125 Засталъ богатыря во чистомъ полѣ.
Раздернутъ у богатыря шатеръ бѣлъ-полотняный,
Поставлена лошадь бѣлая
Ко тому шатру полотняному,
Насыпано въ полость бѣлую пшеницы бѣлояровой.
130 Такъ онъ поглядѣлъ какъ на того коня богатырскаго,—
Еще не такъ обсѣдланъ его добрый конь,
Еще покрѣпче подтянуты подпруги богатырскія;
Онъ тутъ-то сталъ да пораздумался:
« Теперь-то мнѣ на уѣздъ какъ поѣхати—не уѣхати,
135 « Какъ въ шатеръ итти—такъ убьетъ меня богатырь;
« Да-ко я поставлю своего бурушка косматаго
« Ко одной ко полости ко бѣлыя,
« Ко одной пшеницы бѣлояровой:
« Ежели кони станутъ смирно ѣсть ту пшеницу бѣлояровy,
140 « То пойду въ шатеръ,—меня не тронетъ богатырь;
« Ежели кони драться станутъ у той пшеницы бѣлояровой,—

[1]) Только не достанетъ у тебя силы поправиться съ супротивникомъ.—*Б.*

« Я поѣду на уѣздъ, ежели могу [1]) уѣхати. »
И становилъ добра коня къ одной ко полости-то бѣлыя,
Къ одной пшеницы бѣлояровой:
145 Кони смирно стали ѣсть ту пшеницу бѣлоярову.
Онъ пошелъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Крестъ онъ тамъ сполна кладетъ по писаному,
Какъ поклоны велъ-то по ученому,
Какъ клонился на всѣ четыре стороны;
150 Поглядитъ какъ—въ углу спитъ богатырь,
Спитъ-то, храпитъ—какъ порогъ шумитъ,
Какъ порогъ шумитъ, какъ сильный;
Поглядѣлъ богатырю въ очи ясныя
На его на надпись богатырскую,
155 Ажно спитъ казакъ Илья Муромецъ.
Онъ сталъ будить какъ богатыря,
Срычалъ онъ громкимъ голосомъ:
« Вставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Пора намъ ѣхать ко славному ко городу ко Кіеву,
160 « Ко славному князю ко Владимеру,
« Ко ранней обѣденки воскресенскія. »
Онъ спитъ, да не пробудится.
Онъ второй разъ срычалъ громкимъ голосомъ,—
Спитъ богатырь, да не пробудится.
165 Срычалъ онъ въ третій наконъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
« Вставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Намъ пора ѣхать ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко славному князю ко Владимеру,
170 « Ко ранней обѣдни воскресенскія. »
Онъ отъ крѣпкаго сну пробуждается,
Какъ самъ говоритъ таковы слова:
— Ты скажи-ка, добрый молодецъ,
— Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
175 — Какъ тя, молодца, именемъ зовутъ,
— Ты какого отца, какой матери,

---

[1]) Не могу ли.—*Б.*

— Ты на что меня будишь отъ крѣпкаго сну богатырскаго?
— Аль тебя бьютъ во чистомъ полѣ мурзы-Татара поганые,
— Аль самому тебѣ хочется со мной съѣздить во чисто поле,
180 — На дѣло на ратное, на побоище смертное,
— Кто изъ насъ повынесетъ изъ чиста поля буйны головы?—
Онъ тутъ какъ порасплакался:
« Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
185 « Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Изъ Корелы богатыя,
« Есть молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
« А я не на то тебя будилъ,
« Чтобы ѣхать на дѣло на ратное:
190 « Что̀ мнѣ ѣхать въ чисто поле,
« Когда у тебя на бою смерть не написана?
« Мнѣ ѣхать—только положить своя буйная головушка.
« А я на то будилъ тебя,
« Что мнѣ будетъ надежный товарищъ во чистомъ полѣ,
195 « Повыучитъ ко всей поѣздкѣ богатырскія. »
Старому казаку Ильѣ Муромцу
Его рѣчь прилюбилася;
Вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Какъ бралъ молодаго боярина за бѣлы руки,
200 Цѣловалъ во уста во сахарныи,
Называлъ меньшимъ крестовымъ братцемъ.
Тутъ какъ два удалыхъ два молодца
Садились за столики дубовыи,
Начали пить зелено вино,
205 Запивать медами стоялыми,
Закусывать колачиками крупичатыми.
На тую на пору на времячко
Наѣхалъ изъ чиста поля поганое Идолище;
Становилъ какъ добра коня ко ихъ шатру,

210 Ко ихъ шатру бѣлополотняному,
Самъ пошелъ въ (н)ихъ шатеръ бѣлополотняный;
Какъ приходилъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Русскому Богу не молится,
Имъ молодцамъ не клонится,
215 Не клонитъ буйныя головы;
Какъ говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ
Поганому Идолищу:
— Ай же ты, поганый Идолище!
— Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати,
220 — Пить водочекъ сладкіихъ,
— Медовъ стоялыихъ.—
Какъ говоритъ поганый Идолище:
« Что̀ мнѣ садиться съ вами кушати?
« Какъ у васъ одна малая булочка:
225 « Я ѣмъ по быку семилѣтнему къ выти [1]),
« По бѣлой лебеди на разъ закусываю. »
Такъ тутъ и говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Очень же ты силенъ есть!—
Говоритъ поганое Идолище:
230 « Я силенъ-то есть;
« Проѣхалъ я Турецію и Швецію,
« Казань, и Рязань, и Вострахань,
« Не могъ себѣ найти я по плечу поединщика. »
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
235 — Теперь-то ты наѣхалъ себѣ по плечу поединщиковъ;
— Ежели повыѣдешь съ нашего шатра бѣлополотнянаго,
— Тогда не найдется тебѣ больше поединщика.
— Ай же, поганый Идолище!
— Послушай-ка, что̀ я тебѣ скажу:
240 — Какъ во славномъ городѣ во Муромлѣ,
— Въ томъ селѣ Карачаевѣ,
— У родителя у батюшка
— Какъ была кобыла-та обжорлива:
— Жрала по возу сѣна къ выти,

---

[1]) За одинъ разъ, на одинъ кормъ.—*Б.*

245 — По лохани пила варенины;
— Жрала-жрала, такъ ее и треснуло:
— Такъ тебя, удалаго молодца, какъ не треснетъ!—
Ему рѣчи не прилюбилися, поганому Идолищу:
Схватилъ вострый ножище-кинжалище,
250 Бросилъ во стараго казака Илью Муромца.
Онъ зналъ увертки богатырскія:
Увернулся отъ раза великаго,
Скоро скочилъ онъ на рѣзвы ноги,
Хватилъ онъ шляпу пуховую,
255 Честнулъ его шляпой пуховою,—
Поганый Идолище палъ о матушку сыру землю,
И столько онъ и живъ бывалъ.
Тутъ два братца, два крестовые,
Выходили на улушку широкую;
260 То старый казакъ Илья Муромецъ
Бралъ коня поганаго Идолища,
Честнулъ межь очи ясныя своей палицей желѣзною,—
Тотъ конь-то палъ на матушку сыру землю,
И мертвой лежитъ.
265 Тутъ два братца, два крестовые,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Поѣхали ко славному ко городу ко Кіеву.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Припущаетъ на добромъ конѣ во всю пору лошадиную,
270 А молодой бояринъ на бурушкѣ своемъ косматоемъ
Обскакивалъ Илью Муромца.
Не доѣхали до города за три поприща,
Становился старый казакъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Самъ говоритъ братцу крестовому:
275 — Поѣзжай-ка ты, братецъ, во славный во городъ во Кіевъ,
— Поспѣешь ко ранней обѣденки воскресенскія.
— Для тебя солнышко князь стольно-Кіевскій [1])

[1]) Повидимому здѣсь пропущенъ стихъ вродѣ: „Соберетъ столованье—почестенъ пиръ“; ср. ниже стихъ 321.—*Ред.*

— Станетъ звать тебя отъ обѣдни на почестной пиръ,
— Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
280 — Многой безсчетной золотой казной;
— А станутъ ли тебя обижать во городѣ во Кіевѣ,
— Держи-ко ты ко мнѣ вѣсточку во чисто поле,
— Къ моему шатру бѣлополотняному,—
— Такъ тогда не обидятъ больше во городѣ во Кіевѣ.—
285 Тутъ поѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ко славному ко городу ко Кіеву.
Онъ поспѣлъ ко ранней обѣденки воскресенскія;
Пріѣзжалъ ко церкви ко соборнія,
Спускался онъ со добра коня,
290 Становилъ какъ онъ добра коня
Ко столбику ко точеному, ко колечку золоченому,
Куда ставятъ коней сильные-могучіе богатыри;
Шелъ во церковь въ соборьнюю;
Крестъ-то сполна кладетъ по писаному,
295 Поклонъ ведетъ по ученому,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Тутъ его не узналъ солнышко Владимеръ князь,—
Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ,—
300 Самъ говорилъ таковы слова:
— Скажись-ка ты, добрый молодецъ,
— Съ коей земли, съ коей орды,
— Коего отца и какой матушки,
— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
305 Онъ отвѣчалъ ему таковы слова:
« Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Изъ той Корелы богатыя.
« Изъ славнаго города изъ Галича.
« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
310 Тутъ-то у солнышка князя у Владимера
Стоялъ подъ рукою подъ правою
Молодой Чурила сынъ Пленковичъ;
Говорилъ Чурила таковы слова:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!

315 « Это есть не молодой боярикъ Дюкъ Степановичъ,
« А это есть пастушина деревенская,
« Либо халуина господская:
« Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ барина,
« Угналъ онъ добра коня;
320 « А для того онъ называется добрымъ бояриномъ,
« Чтобы ты для его забралъ столованье—почестный пиръ,
« На поѣздѣ нажаловалъ многою безсчетной золотой казной. »
Онъ спросилъ его и въ другой наконъ:
— Ты скажись, добрый молодецъ,
325 — Ты скажи да правду-истину,
— Ты какой земли, ты какой орды,
— Какъ тя, молодца, именемъ зовутъ?—
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Я изъ той земли, изъ богатой орды,
330 « Изъ той Корелы богатыя,
« Изъ славнаго города изъ Галича,
« Какъ есть молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. »
Опять и говоритъ Чурила таковы слова:
« Ай же, солнышко Владимеръ стольно-Кіевскій!
335 « (Дѣйствительно) не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
« Пастушина деревенская, или халуина господская:
« Уѣхалъ онъ отъ купца, или отъ барина,
« Угналъ онъ добра коня;
« И для того онъ называется молодымъ бояриномъ,
340 « Чтобы ты для его забралъ столованье—почестный пиръ,
« На поѣздѣ нажаловалъ многой несчетной золотой казной. »
Онъ спросилъ его во третій наконъ:
— Ты скажись, добрый молодецъ,
— Ты какой земли, ты какой орды,
345 — Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
Онъ опять отвѣчаетъ ему таковы слова:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Что̀ ты сталъ у меня спрашивать?
« Вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ не для хлѣба, не для соли,
350 « Да не для безсчетной золотой казны
« И не для честныхъ пировъ:

« А для того пріѣхалъ,—посмотрѣть вашего города Кіева,
« Потому что про вашъ про городъ про Кіевъ
« Идетъ слава великая
355 « По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ;
« И еще пріѣхалъ изъ чиста поля
« И поспѣлъ ко ранней обѣдни воскресенскія,
« Господу Богу помолитися,
« Тѣмъ крестамъ пречудныимъ,
360 « Спасу, Пречистой Богородицѣ.
« Прослужу я молебенъ тѣмъ крестамъ пречудныимъ
« И поѣду вонъ изъ города изъ Кіева.
« Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья Муромецъ,
« То бы я не былъ и во Кіевѣ. »
365 Тутъ-то солнышко князь стольно-Кіевскій
Бралъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ молодымъ да бояриномъ Дюкомъ Степановичемъ.
Столько отошла обѣдня воскресенская,
370 Какъ бралъ его солнышко князь стольно-Кіевскій за бѣлы руки,
Повелъ въ свои полаты княженецкія,
Приказалъ добра кона привязать на стойла лошадиныя.
Идутъ-то они по городу по Кіеву
Къ тѣмъ полатамъ княженецкіимъ,
375 Молодой бояринъ идетъ—на сапожки погладываетъ.
Тутъ-то говоритъ Чурила таковы слова:
« (Дѣйствительно) есть не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Онъ идетъ и на сапожки поглядываетъ. »
Тутъ-то говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
380 « Какъ у васъ во Кіевѣ всё не по нашему:
« Нѣтъ мостовъ-то каленыихъ [1]),
« Мараются мои сапожки сафьяные во грязь да во черную.
« Во той земли, въ богатой орды,

---

[1]) Калиновыхъ.—*Б.*

« Во той Корелы богатыя,
385 « Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
« У свѣтъ государыни-матушки,
« У честной вдовы Афимьи Александровной,
« Отъ Божьихъ церквей до своихъ полатъ бѣлокаменныхъ
« Вымощены мосты каленыи,
390 « Настланы сукна одинцовыя. »
Тутъ они прошли въ полаты княженецкія,
Тутъ солнышко Владимеръ князь
Забиралъ для удалаго молодца столованье — почестный пиръ,
Многихъ князей и бояриновъ думныихъ,
395 И вельможъ, купцовъ богатыихъ,
И поляницъ удалыихъ, и Росейскихъ могучіихъ богатырей.
Пошло у нихъ столованье—почестный пиръ.
Какъ тутъ всѣ на пиру напивалися,
Какъ всѣ на пиру наѣдалися,
400 Похвальбами всѣ похвалялися;
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
405 Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ,
Умной и разумной хвастаетъ
Старымъ батюшкой и старой матушкой,
А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
410 Молодой бояринъ сидитъ—да ничѣмъ онъ не хвастаетъ;
Потому онъ не хвастаетъ,
Что чару пьетъ,—а другу за окошко льетъ,
Колачикъ ѣстъ,—а другой подъ столъ мечетъ,
А съ инаго верхную корочку вырѣжетъ,—на столъ кладетъ,
415 Середочку самъ онъ съѣстъ,
А нижную корочку подъ столъ кинетъ.
И увидѣлъ его солнышко Владимеръ князь:
— Что же ты, молодой Дюкъ Степановичъ,

— Чару пьешь,—другу за окошко льешь,
420 — И колачикъ ѣшь,—другой подъ столъ мечешь,
— Съ иннаго верхную корочку вырѣжешь — на столъ кладешь,
— Середочку самъ ты съѣшь,
— А нижную корочку подъ столъ мечешь?—
Опять и говоритъ молодой бояринъ таковы слова:
425 « Не могу я ѣсть вашихъ колачиковъ,
« Не могу я пить вашихъ напиточекъ сладкіихъ,
« Потому что ваши напиточки сладкіе, меды да стоялые
« Повѣшены въ погреба глубокіе,
« Туда не ходятъ вольные воздухи,—
430 « Оны тамъ заткнулися [1]):
« Потому и не могу я пить вашихъ сладкихъ напиточковъ.
« А у васъ еще печки кирпичныя, помяльца сосновыя,
« Пашутъ печки кирпичныя,
« Пекутъ колачики крупичаты,—
435 « Они па́хнутъ на фою [2]) сосновую:
« Для того я не могу ѣсть и колачиковъ.
« Въ той-то земли, во богатой орды,
« Во той Корелы богатыя,
« Во славноемъ городѣ во Галичѣ,
440 « У свѣтъ государыни-матушки,
« У честной вдовы Афимьи Александровной,
« Есть у насъ печки муравлены,
« Помяльчика шелковыя,
« Купаютъ въ росу медовую,
445 « Пашутъ печки муравлены,
« Пекутъ колачики крупичатые:
« Колачикъ съѣшь,—другого хочется,
« Другой-то съѣшь,—по третьемъ душа горитъ.
« Эта хвальба да не похвальба:
450 « Какъ водочки сладкія, меды стоялые
« Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
« Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ,

---

[1]) Сдѣлались затхлыми, сдохнись.—*Б.*
[2]) На хвою.

« Туда подведены вѣтры буйные;
« Повѣютъ вѣтры буйные въ чистомъ полѣ,
455 « Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ,—
« И загогочутъ бочки какъ лебеди,
« Какъ лебеди на тихихъ на заводяхъ:
« Такъ отъ того не затхнутся водочки сладкія
« И меды стоялые;
460 « Какъ чару пьешь,—другой хочется,
« Другую пьешь,—по третьей душа горитъ. »
Тутъ какъ говоритъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай какъ бы на эту на пору на времячко
— Былъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ,
465 — Онъ бы зналъ, что съ тобою поговорить!—
Скоро-на-скоро двери на пяты отворяются,
Чурило въ покои появляется;
Крестъ-то онъ кладалъ по писаному,
Поклонъ онъ ведетъ по ученому,
470 Кланяется на всѣ четыре на стороны,
Князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Протчимъ всѣмъ князьямъ и боярамъ думныимъ,
Вельможамъ и купцамъ богатыимъ,
И поляницамъ удалыимъ,
475 И сильнымъ-могучимъ богатырямъ всѣмъ въ особину;
А ему не клонитъ буйныя головы.
Тутъ говорилъ бояринъ Дюкъ Степановичъ таковы слова:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь, стольно-Кіевскій!
« Это кто пришелъ къ вамъ въ полаты бѣлокаменны,—
480 « Настоящая пастушина деревенская,
« Аль будто пень залѣсскиій [1])?
« Онъ зналъ-то Господу Богу покланяться
« И тебѣ князю поклонитися,
« А мнѣ, удалому заѣзжему доброму молодцу
485 « Не клонитъ буйныя головы! »
Тутъ съ Чурилой пошло слово за слово,
Тутъ съ Чурилой поразссорились.

[1]) Деревни, расположенныя вдали отъ другихъ, посреди лѣсовъ, и теперь зовутся у Заонежанъ и Пудожанъ „Залисскими“, а жители ихъ „Залѣшанами“.

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ таковы слова:

« Ай же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
490 « Можешь ли ты со мною споровать?
« Ты передо мною пастушина деревенская.
« Въ той-то земли, въ богатой орды,
« Во той Корелы богатыя,
« Во славномъ городѣ во Галичѣ,
495 « У свѣтъ государыни-матушки,
« У честной вдовы Афимьи Александровной,
« У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:
« Потому жъ оны не держатся,
« Что швецы у насъ не выводятся;
500 « Та толпа швецовъ со двора сошла,
« А другая толпа швецовъ да на дворъ пришла.
« Это хвальба да не похвальба:
« Есть нѣсколько лошадей—стоятъ на стойлахъ лошадиныихъ,
« Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
505 « Только выскочатъ на чисто поле прогулятися.
« Это хвальба да не похвальба:
« Есть насыпано двѣнадцать погребовъ, всё глубокіихъ,
« Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго жемчуга;
« На одинъ я на погребъ—на красное на золото—
510 « Скуплю и спродамъ вашъ городъ Кіевъ. »
Тутъ солнышку князю рѣчи не прилюбилися:
— Какого намъ послать обцѣнщика,
— Обцѣнить животы всѣ Дюковы?
— Ежели послать смѣлаго Алёшу Поповича.—
515 — У его глаза завидные-поповскіе,
— Заглядятся у него глаза на Дюково имѣнье-богачество,
— Такъ не обцѣнить живота Дюкова;
— А ежели послать молода Чурилу сына Пленкова,—
— Такъ тотъ щапливъ межь бабами да межь дѣвками,—
520 — Такъ не оцѣнить Дюкова живота.
— Надо послать грамотой востраго,

— На рѣчахъ разумнаго, съ гостями почестливаго:
— Послать иннаго некого,—
— Послать молода Добрыню Никитича!—
525 И записали молодаго Добрыню Никитича общѣнщикомъ,
Общѣнивать Дюковыхъ животовъ.
Какъ тутъ навалили три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,
И отпускали во городъ во Галицу молодаго Добрыню Никитича.
Скоро скажется, а по (у)спѣху дѣло дѣется.
530 Какъ скоро будетъ Добрыня Никитичъ
Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
И не знаетъ, гдѣ найти Дюковой матушки.
Поглядитъ какъ—народъ идетъ отъ обѣдни воскресенскія;
Онъ спросилъ у нѣкоторыхъ людей про Дюкову матушку,
535 Говорили ему таковы слова:
« А не найти тебѣ Дюковыхъ полатъ бѣлокаменныхъ скоро,
« А дожидай,—идетъ Дюкова матушка отъ обѣдни воскресенскія,
« То она сама покажетъ полаты бѣлокаменны.»
Онъ и поглядитъ: ведутъ стару старуху, старо-матеру,
540 Подъ руку пять дѣвицъ и подъ другую пять дѣвицъ.
Онъ зашелъ спереду и поздравствовался:
« Здравствуйте, Дюкова матушка! »
Она говоритъ:—Я не Дюкова матушка,
— А Дюкова халуйница;
545 — Дюкова матушка назади идетъ.—
Поглядитъ: а ижно ведутъ вторую,
Старую старуху, старо-матеру,
Подъ руку десять дѣвицъ
И подъ другую десять дѣвицъ.
550 Онъ зашелъ спереду, поздравствовалъ:
« Здравствуй, Дюкова матушка! »
Она говоритъ:—Я не Дюкова матушка,
— Дюкова я рукомойница.—
Третью ведутъ старуху, старо-матеру,

555 Подъ руку ведутъ пятнадцать дѣвицъ
И подъ другую ведутъ пятнадцать дѣвицъ
Онъ зашелъ спереду и поздравствовалъ:
« Здравствуйте, Дюкова матушка! »
Она говоритъ:—Я не Дюкова матушка,
560 — А Дюкова постельница;
— Дюкова матушка позади идетъ.—
Поглядитъ: а ижно четвертую ведутъ
Старую старуху, старо-матеру,
Подъ руку двадцать дѣвицъ
565 И по другую руку двадцать дѣвицъ.
Онъ зашелъ спереду и поздравствовалъ:
« Здравствуйте, Дюковая матушка! »
— Я не Дюкова матушка,
— А я Дюкова колашница;
570 — Дюкова матушка позади идетъ.—
Поглядитъ; а ижно пятую ведутъ,
Старую старуху, старо-матеру,
Подъ руку ведутъ тридцать дѣвицъ
И по другую тридцать дѣвицъ;
575 Надъ ней несутъ подсолнечникъ,
Чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое;
Впереди стелютъ сукна одинцовыя,
Сзади сукна убираютъ;
У ней надѣто платье цвѣтное,
580 На платьѣ подведена луна поднебесная,
Пекетъ красное солнышко
И свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Разсыпаются частыя-мелкія звѣздочки.
Онъ зашелъ тутъ спереди и поздравствовалъ:
585 « Ты, здравствуй, Дюковая матушка! »
Она брала его за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Называла его удалымъ-добрымъ молодцемъ:
— Здравствуй, удалый-добрый молодецъ!
590 — Съ коей земли, съ коей орды,
— Коего отца, какой матушки,

— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
Онъ говоритъ: «Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Изъ славнаго города изъ Кіева,
595 «Молодой Добрыня Никитиничъ».
« Я видѣлъ твоего сына любезнаго во городѣ во Кіевѣ,
« У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру:
« Онъ хвасталъ тобою, матушкою,
« И несчетной золотой казной;
600 « Такъ я пріѣхалъ описывать вашихъ животовъ. »
Она говоритъ ему таково слово:
— Ай же, молодой Добрыня Никитиничъ!
— Нашихъ животовъ тебѣ не описать и не оцѣнить.—
Брала за бѣлы руки,
605 Повела въ полаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы дубовые, за явства сахарныя,
Подносила ему колачики крупичаты,
Водочки сладкія, меды стоялые.
Онъ какъ чару пьетъ,—другой хочется,
610 Другую пьетъ—по третьей душа горитъ;
Колачикъ ѣстъ,—другой хочется,
Другой ѣстъ,—по третьемъ душа горитъ.
Она и говоритъ ему таковы слова:
— Ай же, Добрыня Никитиничъ!
615 — Пора тебѣ итти мои животы описывать.—
Вела она ко первому погребу—къ красному золоту;
Приказала золото выкатывать:
Онъ сдержалъ [1]) три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,
Но не хватило одного погреба описать.
620 Она повела по другимъ по остатніимъ по погребамъ:
Онъ столько головой пошатываетъ.
Повела, гдѣ висятъ платья цвѣтныя:
Онъ столько головкой пошатываетъ
И не можетъ примѣнить ума-разума.
625 Повела, гдѣ стоятъ добры кони:

[1]) Издержалъ, потратилъ.—*Б.*

Онъ столько головкой пошатываетъ.
Какъ тутъ онъ скорымъ-скоро садился на добра коня,
Ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко славному солнышку князю ко Владимеру.
630 Пріѣзжалъ къ солнышку князю ко Владимеру
И говоритъ ему таковы слова:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Гдѣ намъ оцѣнить Дюковы животы?!
« Какъ я сдержалъ три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,
635 « Но не могъ оцѣнить одного погреба;
« А всѣхъ насыпано двѣнадцать погребовъ глубокіихъ;
« Сколько виситъ платья цвѣтнаго,
« Сколько стоитъ добрыхъ коней на стойлахъ конныихъ,—
« Не найти намъ оцѣнщиковъ во славномъ городѣ во Кіевѣ,
640 « И не наполнить бумаги гербовыя
« На имѣньице на Дюково. »
И говоритъ молодой Чурила сынъ Пленковичъ:
« Ай же, солнышко Владимеръ князь!
« Подкупилъ Добрынюшку молодой Дюкъ Степановичъ. »
645 Говоритъ молодой Чурила сынъ Пленковичъ:
« Когда много у него имѣнья-богачества,
« Ударить съ нимъ о великъ закладъ,
« О тридцати о тысячахъ:
« Который изъ насъ прощапитъ ровно три года,
650 « Чтобы были въ каждый день платья перемѣнныя и кони перемѣнные,
« Чтобъ ѣздить на каждый день къ заутрени, къ обѣдни и вечерни. »
То говоритъ молодой Дюкъ Степановичъ:
« Извольте, бейте объ закладъ великій,
« Буду щапить три года по городу по Кіеву. »
655 Ударили они о тридцати о тысячахъ.
И тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Писалъ къ своей матушкѣ письма строгія:

« Ай же, свѣтъ моя матушка,
« Честна вдова Афимья Александровна!
660 « Присылай-ка мнѣ много платья цвѣтнаго,
« Чтобы хватило мнѣ на три года щапить во Кіевѣ,
« И присылай добрыхъ коней стады-стадами, шерстью разною. »
Тутъ пошло какъ стады-стадами добрыхъ коней
Отъ города отъ Галича ко городу ко Кіеву,
665 И пошли многи телѣги ордынскія платья разнаго,
Пришло всего ко славному ко городу ко Кіеву,
Къ молодому боярину къ Дюку Степановичу.
Тутъ-то началъ щапить Дюкъ Степановичъ
Съ Чурилой сыномъ Пленковичемъ,
670 И прощапили они ровно три года.
Сгоняли лошадей къ Чурилушкѣ
Со всего съ города со Кіева и съ города Чернигова,
И также платье цвѣтное
Сносили съ города со Кіева и съ города Чернигова,
675 И доставали инны платья изъ-за синя моря.
И достали славную шубу изъ-за синя моря,
А у молода боярина у Дюка Степановича
Еще осталось платья цвѣтнаго на три года,
И осталося добрыхъ коней еще на три года, всѣ разные.
680 Какъ къ остатнія обѣдни воскресенскія
Обувалъ Чурила сынъ Пленковичъ сапожки — зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскіихъ;
Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
685 А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ, —
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ, —
690 Добры молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Обувалъ лапотцы семи шелковъ;
Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
695 А въ пяты-тѣ вплетено по камешечку самоцвѣтному:
Днемъ итти—какъ по красному солнышку,
Ночью итти—какъ по свѣтлому мѣсяцу;
Надѣвалъ онъ шапочку со рогавками:
У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,
700 Отъ камешечковъ печетъ какъ отъ краснаго отъ солнышка;
Надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ дорогимъ подъ самитомъ [1]),
Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
705 Во пуговки-то было влито по лютому звѣрю:
По петелкамъ какъ поведетъ,—
Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову;
По пуговкамъ какъ поведетъ,—
Тутъ всѣ люты звѣрья закрычатъ во всю голову;
710 Отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго,
Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,
Такъ всѣ будутъ на земли лежать.
Какъ пріѣзжали они ко церкви соборнія,
Спущалися съ добрыхъ коней,
715 Становили добрыхъ коней ко столбику ко точеному,
Ко столбику ко точеному и къ колечку золоченому,
Куда ставятъ добрыхъ коней сильные-могучіе богатыри;
Шли они во церковь соборную,
Крестъ-то кладали по писаному,
720 Поклонъ вели по ученому,
Клонились на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней въ особину.
Становилися противъ Божьей Матери,
Простояли обѣдню воскресенскую.
725 Пошли они вонъ изъ церквы изъ соборныя,

---

[1]) Аксамитомъ, бархатомъ.—*Б.*

Выходили на улицу широкую;
Солнышко князь стольно-Кіевскій
Бралъ во праву руку молодого боярина Дюка Степановича,
Во лѣву руку Чурилу сына Пленкова;
730 Пошли они щапить по городу по Кіеву.
Молодой Чурила сынъ Пленковичъ
Повелъ какъ по петелкамъ,—
Красныя дѣвушки начали наливать зелена вина,
Подносить добрымъ молодцамъ;
735 Повелъ какъ по пуговкамъ,—
Добрые молодцы начали играть во гусли яровчаты,
Начали свеселять красныихъ дѣвушекъ.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
740 — Хоть хороша у тебя шуба черныхъ соболей,
— Только нѣту у тебя такихъ хитростей:
— Пробилъ ты денегъ тридцать тысячей!—
Говорилъ бояринъ таковы слова:
« А не дороги мнѣ деньги тридцать тысячей,
745 « А дорога мнѣ слава великая:
« Не поддамся я вашему городу Кіеву! »
Повелъ какъ онъ по пуговкамъ,—
Всѣ люты звѣрья закрычали во всю голову;
Какъ повелъ онъ по петелкамъ,—
750 Всѣ люты змѣи засвистали во всю голову;
Отъ свисту да змѣинаго и отъ крыку звѣринаго,—
Много было народа около Дюка Степановича,—
Всѣ на зени лежатъ:
Молодой Чурила на земли лежитъ,
755 Князь окоракою стоитъ,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На ногахъ стоитъ.
Вставалъ какъ солнышко князь на рѣзвы ноги,
Говорилъ онъ таковы слова:
760 — Ай же, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
— Мы пробили денегъ тридцать тысячей:

— У насъ нѣту хитростей такихъ великіихъ!—
Тутъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
И молодой Чурила сынъ Пленковичъ порозспорили;
765 И говоритъ молодой Чурило сынъ Пленковичъ:
« Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
« Ударимъ мы о великъ закладъ,
« О великъ закладъ — о буйныхъ головахъ:
« Котораго конь изъ насъ
770 « Перескочитъ матушку Нѣпру рѣку,—
« А матушка Нѣпра рѣка ровно три версты,—
« А котораго конь не перескочитъ,
« Тому отрубить буйная голова;
« А самымъ сидѣть верхомъ на добрыхъ коняхъ,
775 « Ѣхать черезъ матушку Нѣпру рѣку. »
Взяли они — ударили о великъ закладъ,
О великъ закладъ — о буйныхъ головахъ.
На завтрешній имъ день съѣзжатися.
Такъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
780 Шелъ къ добру коню на стойла кониныя,
Самъ да порасплакался;
« Ай же, мой бурушко косматый!
« Не знаешь ты про мою незгоду великую:
« Ежели ты не перескочишь чрезъ матушку Нѣпру рѣку,
785 « Такъ мнѣ отсѣкутъ-то буйну голову,
« А матушка Нѣпра рѣка въ ширину-то ровно три версты,
« Ежели не перескочишь черезъ матушку Нѣпру рѣку,
« То поѣду я искать своего братца крестоваго,
« Стараго казака Илью Муромца. »
790 Конь провѣщалъ языкомъ человѣческимъ:
— Не плачь ты, любезный хозяинъ мой,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не то, что черезъ матушку Нѣпру рѣку,—
— И что [1]) отъ рѣки впередъ скочу ровно три версты;
795 — Полно плакать молодому-то боярину!—
На другой день какъ пріѣзжалъ онъ ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,

[1]) Ишто, еще.—*Б.*

И много тутъ соѣзжалось сильныхъ-могучихъ богатырей,
И много иннаго-прочаго народу,
Смотрѣть какъ будутъ скакать
800 Черезъ матушку Нѣпру рѣку
Два удалыихъ-добрыхъ молодца.
И пріѣзжалъ старый казакъ
Илья Муромецъ изъ чиста поля,
И здоровкался съ молодымъ бояриномъ,
805 Молодымъ бояриномъ братцемъ крестовыимъ,
Здоровкался и самъ спросилъ его:
— Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты всё время проживаешь во Кіевѣ,
— Проживаешь за какими-то случаями?—
810 « За тѣмъ я проживаю,
« Что спорю съ молодымъ Чурилой сыномъ Пленковичемъ:
« Котораго нынѣ конь не перескочитъ
« Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
« То ему отсѣчь буйну голову. »
815 И говоритъ старой казакъ да Илья Муромецъ
Молодому Чурилы сыну Пленкову:
— Ай же ты, молодой Чурила сынъ Пленковичъ!
— Вѣрно, надоѣла тебѣ жизнь на семъ на бѣломъ свѣту?
— Хоть бы не перескочилъ конь у молода боярина,
820 — У молода боярина у Дюка Степановича,
— Черезъ матушку Нѣпру-рѣку,—
— Далъ ли [1]) я вамъ отсѣчь буйну голову молодому боярину,
— Когда я засматривалъ [2]) ровно три года во каждый день?
— Такъ поѣзжайте-ка черезъ матушку Нѣпру-рѣку!—
825 И говоритъ молодой Чурило сынъ Пленковичъ:
« Поѣзжай напередъ, Дюкъ Степановичъ,
« Черезъ матушку Нѣпру-рѣку!»
А говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
830 — Твой задоръ зашелъ напередъ:
— То тебѣ-то ѣхать черезъ матушку Нѣпру-рѣку!—

[1]) Далъ ли бы, дамъ ли.—*Б.*
[2]) Имѣлъ попеченіе о Дюкѣ.—*Б.*

И поѣхалъ Чурило сынъ Пленковичъ:
И конь скочилъ до полу-рѣки,
На полу-рѣки и плаваетъ.
835 Разъѣхался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
И конь скочилъ черезъ матушку Нѣпру-рѣку,
На одинъ замахъ отъ рѣки скочилъ ровно три версты;
Взадъ онъ разъѣхался:
Измалъ Чурилушку за желты кудри,
840 Выводилъ на крутой берегъ,
Завелъ [1]) отсѣкать ему буйну голову.
Стали умаливать-упрашивать
Старыя старухи, молодыя молодухи
И красныя дѣвушки
845 О молодомъ Чурилѣ сынѣ Пленковичѣ.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же, братецъ мой крестовый,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Пни его подъ ж...,
850 — Пускай шатается межъ бабами, межъ дѣвками!—
То молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пнулъ его подъ ж...:
« Поди шляйся межъ бабами, межъ дѣвками,
« Не вяжись между насъ, между русскими могучими богатырями:
855 « Пусть ты бабій умоленникъ
« И старушій упрашивальникъ!»
Тутъ какъ говоритъ солнышко князь стольно-Кіевскій:
— Видно, дѣлать намъ нечего
— Съ молодымъ да съ бояриномъ съ Дюкомъ Степановичемъ!—
860 Тутъ со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
Со братцемъ крестовымъ,
Садились на добрыхъ коней,
Поѣхали ко солнышку ко князю Владимеру,
Во его полаты княженецкія.

[1]) Началъ было, хотѣлъ было.—*Б.*

865 Тутъ-то узнали молодого боярина
По всимъ землямъ, по всимъ ордамъ;
Тутъ-то сталъ вездѣ поѣзживать
Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
Со братцемъ крестовымъ.
870 Дунай, Дунай,
Да болѣ вѣкъ не знай!

132.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(Гильферд., вар. I, 594.)

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокія Сорочинскія;
Чисты поля подходили ко городу ко Обскому [1]);
Мхи да болота ко Бѣлу-озеру;
5 Рѣки-озера ко синю-морю.
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка,—
Широка и долга она,—
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во сине-море,
10 Въ море синее, во Турецкое.
За [2]) того ли моря, моря за Турецкаго,
Съ-подъ того ли то дуба, дуба сыраго,
Изъ-подъ того ли то вяза, вяза чернаго [3]),
Изъ-подъ той-то было березы кудреватыя,
15 Изъ-подъ того креста Леванидова,
Изъ-за того ли было острова Кодольскаго,
Той-то земли Веденецкія [4]),
Плыло-выплывало три карабля,

---

[1]) Ко Опскову.
[2]) Изъ-за.—*Б.*
[3]) Чернаго, черленаго.
[4]) Изъ Леденца (по другимъ).—*Б.*

Три кàрабля да три черные.
20 Всѣмъ кàрабли изокрашены:
Носъ да корма по звѣриному была,
А бока-те были по туриному;
Якори-кодолы все серебреные,
Тонкіе паруса дорогой камки,
25 Дорогой камочки кручатыя[1]);
Еще было на карабляхъ черненыихъ,
Вмѣсто рукъ было бѣлое повѣшено,—
По дорогу по заюшку заморскому;
Вмѣсто личика повѣшено
30 По дорогой лисицы по заморскія;
Вмѣсто оцей было врощено
По дорогу по соколу заморскому пролётному;
Вмѣсто бровъ было повѣшено
По дорогу по соболю заморскому;
35 Вмѣсто лба было врощено
По дорогу камешечку самоцвѣтному;
Вмѣсто кудрей было повѣшено
По дорогу бобру по заморскому.
Еще было на кàраблѣ черненыемъ—
40 Подѣланы чердачки помуравлены,
Въ чердачкахъ были бесѣдочки сидѣльныя,
Обиты были лисицами-куницами заморскими
И черными соболями заморскими.
На этихъ бесѣдочкахъ сидѣльныихъ,
45 Сидѣлъ тутъ младъ Соловей,
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ[2]);
По правую по рученьку сидѣла
Свѣтъ его государыня-матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
50 А по лѣвую по рученьку сидѣла
Дружина его хоробрая,
Триста молодцевъ со единымъ,
Молодецъ да молодца лучше,

[1]) Хрущатыя.
[2]) Пѣвецъ пѣлъ—„Будиморовичъ“.

Молодцы все переборные.
55 У всей дружины хоробрыя
На ножкахъ сапожки—зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебрены на тѣхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Около пяты до воробей летитъ,
Около носа яицомъ катитъ;
60 У всѣхъ надѣто платье скурлатъ-сукна,
На головкахъ шапочки черно-мурманки.
Идутъ-бѣжатъ эти караблечки
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владимеру.
65 Говорилъ какъ младъ удалой Соловей
Своей дружинѣ хоробрыя:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Вы дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайте большаго атамана:
70 « Берите-ка щупалы желѣзныя,
« Вы желѣзныя да долгомѣрныя,
« Щупайте во славномъ во синемъ морй,
« Во мори да во Турецкоемъ,
« Нѣтъ ли злата, либо серебра,
75 « Либо мелкаго скачнаго жемчуга».
Тутъ поскочила дружина хоробрая,
Поскочила на рѣзвы ноги,
Какъ брали они щупала желѣзныя,
Желѣзныя да долгомѣрныя,
80 Щупали во славноемъ во синемъ морй,
Во морй во Турецкоемъ:
Не могли они нащупать ни золота, ни серебра,
Ни мелкаго скачнаго жемчуга.
Опять какъ говорилъ младъ Соловей
85 Своей дружинѣ хоробрыя:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Вы дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайтесь большаго атамана:
« Вы берите трубочки подзорныя,
90 « Выставайте на реи да на верхныя,

« Глядите-тко на славный на городъ на̀ Кіевъ,—
« Далеко ли стоитъ славный городъ Кіевъ?»
Тутъ дружина хоробрая
Брали трубочки подзорныя,
95 Выставали на реи да верхныя,
Глядѣли на славный на стольный на городъ на̀ Кіевъ,
Говорятъ сами таковы слова:
« Ай же ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
« Недалеко стоитъ славный городъ Кіевъ».
100 Какъ подъѣхали ко городу ко Кіеву,
Становили свои черные ка̀рабли
Во пристань во купеческу.
Говорилъ какъ младъ Соловей
Своей дружинушкѝ хоробрыя:
105 « Ай же вы, дружина хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Слушайте большаго атамана:
«Берите-тко золоты ключи,
« Отмыкайте кованы лачи [1]),
110 « Насыпайте-тко первую мису краснаго золота,
« Насыпайте другую чистаго серебра,
« Насыпайте третью мелкаго и крупнаго
« Скачнаго жемчуга,
« Берите-ка сорокъ сороковъ—сорокъ черныхъ соболей,
115 « Куницъ да лисицъ—да и счету нѣтъ,
« Гусей-лебедей—да и смѣты нѣтъ,
« Мечите-ко три сходенки на крутъ крежокъ [2]),
« Первую сходенку краснаго золота,
« Другую сходенку чистаго серебра,
120 « Третью сходенку мѣдную».
По той какъ по сходенкѝ краснаго золота
Выходилъ какъ младъ да удалъ Соловей,
Удалъ Соловей сынъ Будѝміровичъ;
По той какъ по сходенкѝ чистаго серебра
125 Выходила его свѣтъ государыня-матушка,

---

[1]) Ларчи?
[2]) Отъ кряжъ.—Бережокъ.—*Б.*

Честна вдова Ульяна Григорьевна;
По той какъ по сходенкй по мѣдныя
Выходила его вся дружина хоробрая.
Пошли они по славному по городу по Кіеву.
130 Идутъ они къ солнышку князю Владимеру на широкъ дворъ,
На широкъ дворъ да княженецкиій.
Какъ оставилъ одну половину на томъ дворѣ княженецкоемъ,
Со другой пошелъ въ его палаты бѣлокаменны.
Приходилъ какъ въ палаты бѣлокаменны,
135 Крестъ-то сполна кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Какъ клонится на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину,
140 Протчимъ всѣмъ князямъ (генераламъ) въ особину.
Дарилъ какъ онъ солнышку князю мису краснаго золота,
Дарилъ княгиню Апраксію мису чистаго серебра,
Дарилъ молодой Любавы Путятичной
Мелкаго и крупнаго скачнаго жемчуга,
145 Дарилъ онъ вмѣстяхъ камочку кручатую,
Которая камочка въ красномъ золотѣ не гнется,
Въ чистомъ серебрѣ не ломится;
Не дорого на ней красное золото да чистое серебро,
Столько дорого на ней—[манеры] узоры заморскіе:
150 Нѣтъ таковыхъ во Кіевѣ и не водится.
Дарилъ протчихъ князей да бояриновъ
Онъ лисицами да куницами заморскими,
Черными соболями да заморскими,
Гусями-лебедями заморскими.
155 Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
— Не знаю я, ты съ коей земли, ты съ коей орды,
— Коего отца, какой матушки,
— Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?
160 — За твои-то за дороги подарочки

— Чѣмъ, не знаю, тебя жаловать?—
Тутъ говорилъ младъ Соловей таковы слова:
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь,
« Владимеръ князь стольно-Кіевскій!
165 « Я изъ той земли, изъ богатой орды,
« Я изъ-за славнаго изъ-за синя моря,
« Того ли я острова Кодольскаго,
« Той земли Веденецкія,
« Есть младъ Соловей сынъ Будиміровичъ.
170 « Пріѣхалъ я къ вашему ко городу ко Кіеву.
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь!
« Дай-ка ты мнѣ мѣстечка немножечко,
« Состроить три терема златоверхіе!»
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
175 — Ай же ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— За твои за дороги подарочки
— Одно мѣсто—позади меня,
— Друго мѣсто—впереди меня,
— Третье мѣсто—возлѣ меня,
180 — А четвертое мѣсто—гдѣ тебѣ хочется;
— Что ты знашь, то и выстраивай.—
Какъ тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Пошелъ вонъ съ палатъ бѣлокаменныхъ.
Приходилъ какъ онъ на широкъ дворъ,
185 Потомъ шелъ на тѣ черные на карабли,
Самъ говорилъ таковы слова
Своей дружинѣ хороброй-то:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Дѣлай дѣло повелѣное,
190 « Слушайте большаго атамана:
« Розувайте сапожки—зеленъ сафьянъ,
« Обувайте сапожки рабочіе,
« Скидывайте платья скурлатъ-сукна,
« Надѣвайте кожаны-лосиныя,
195 « Вы снимайте шапки черно-мурманки,
« Надѣвайте шапки рабочія,
« Берите топорики булатные,

« Бѣжите на тую на горку на Конную,
« Во тотъ ли садъ во Путятичной,
200 « Гдѣ пироги пекутъ, блины продаютъ,
« Гдѣ маленьки ребятки барышничаютъ.
« Колодье-пеньє вы повырубите,
« На всѣ стороны вы повыбросайте,
« Къ утру къ свѣту сдѣлайте
205 « Три терема златоверчатые,
« Состройте со сѣнями со нарядными:
« Первыя сѣнички рѣшетчатыя,
« Другія сѣнички стекольчатыя,
« Третьи сѣнички краснаго золота;
210 « Около сдѣлайте булатный тынъ,
« По середочкѣ сдѣлайте гостиный дворъ:
« Чтобы къ утру къ свѣту намъ жить перейтить. »
Тутъ они скидывали сапожки—зеленъ сафьянъ,
Одѣвали сапожки рабочіе,
215 Скидывали платья скурлатъ-сукна,
Надѣвали кожаны-лосиныя,
Вынимали они шапки черно-мурманки,
Надѣвали шапки рабочія,
Брали топорики булатные,
220 Бѣжали на ту на гору на Конную,
Во тотъ ли садъ во Путятичной,
Гдѣ пироги пекутъ, блины продаютъ,
Гдѣ маленьки ребятишки барышничаютъ.
Они колодье-пеньє все повырубили,
225 На всѣ они стороны повыбросали.
Къ утру-свѣту сдѣлали три терема златоверхіе,
Состроили со сѣнями со нарядами:
Первыя сѣнички рѣшетчатыя,
Другія сѣнички стекольныя,
230 Третьи сѣнички краснаго золота;
Около сдѣлали булатный тынъ,
По середочкѣ сдѣлали гостиный дворъ.
По утру по раннему вставала молодая Путятична,
Глядѣла въ оконко косивчатое,

235 На свою на горку на Конную,
Сама такъ тому чуду счудовалася:
— Что вечоръ было на горкѝ пустымъ пусто,
— Нынѣ на горкѝ густымъ густо!
Какъ одѣвала однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
240 Надѣвала одинъ дорогой накидничокъ,
Подвязалася она платкомъ шелковымъ,
Брала она свою любезную подручницу,
Бѣжала она на тую на горку на Конную,
Въ свой ли во садъ во любезныій.
245 Какъ у перваго терема послухала,
У тѣхъ сѝничекъ рѣшетчатыхъ,—
Тамъ шепоткомъ говорятъ, Богу молятся:
Богу молится Соловьина да матушка;
У другаго у терема послухала,
250 У тѣхъ сѝничекъ у стекольчатыхъ,—
Тамъ съ конца бренчатъ золоту казну:
Считываютъ золоту казну Соловьиную;
У третьяго терема послухала,
У тѣхъ-то сѝничекъ позолоченыхъ,—
255 Тамъ идутъ забавы-утѣхи все великія.
Какъ она заходила въ тотъ теремъ златоверхіе,—
Ай же, тутъ въ углу говорятъ, въ другомъ гомотятъ,
На середкѝ идутъ утѣхи-забавы великія.
Такъ она не малтала [1]) Господу Богу помолитися,
260 На всѣ стороны поклонитися:
У ней какъ съ ж... прошло и въ голянищо протекло.
Какъ тутъ увидѣлъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
Увидѣлъ Любаву Путятичну,
Поддергивалъ какъ ей золотъ стулъ:
265 « Садись-ка, молода Любава Путятична,
« Садись-ка на золотъ стулъ! »
Какъ она садилась на золотъ стулъ,
Какъ сама говоритъ таковы слова:
— Ай же, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!

---

[1]) Не поняла, не разумѣла, не достало у ней смыслу.—*Б.*

270 — Женатъ ли ты или холостъ есть?
— Возьми ты меня во замужество!—
Какъ тутъ говорилъ младъ Соловей таковы слова:
« Ай же, молодая Любава Путятична!
« Взялъ бы тебя, Любава, во замужество,
275 « Всѣмъ ты, Любава, во любовь пришла;
« Однѣмъ ты, Любава, не въ любовь пришла:
« Сама себя, Любавушка, просватываешь! »
Тутъ-то Любавушкѝ стыдно стало,
Вставала она да на рѣзвы ноги,
280 Господу Богу не молилась,
Имъ, молодцамъ, не клонилась,
Взадъ съ терема поворотилась,
Пошла какъ въ свои полаты бѣлокаменныя.
Тутъ какъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
285 Пошелъ какъ ко солнышку князю Владимеру,
Приходилъ ко князю Владимеру,
Крестъ кладалъ по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
Кланялся на всѣ четыре стороны,
290 Князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину,
Самъ онъ садился на ременчатъ стулъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же ты, солнышко Владимеръ князь!
295 « Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На молодой Любавы Путятичной. »
Говоритъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Ай же, молодой Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Всѣмъ ли тебѣ Любава во любовь пришла?—
300 Говорилъ младъ Соловей таковы слова:
« Всѣмъ мнѣ Любава во любовь пришла;
« А однимъ-то Любава не въ любовь пришла,
« Что сама себя Любавушка просватывала. »
Столько у нихъ было и сватовства.
305 Тутъ честнымъ пиркомъ да свадебку,
Пошелъ у нихъ столованье—почестный пиръ.

Тутъ какъ солнышко Владимеръ князь
Ради любезныя племянницы,
Молодой Любавы Путятичной,
310 Забиралъ столованье—почестный пиръ,
Многихъ князей да бояриновъ [сенаторовъ] думныихъ,
Вельможъ-купцовъ богатыхъ, поляницъ удалыихъ,
Российскихъ могучихъ богатырей,
Какъ тутъ сбиралъ да почестный пиръ.
315 Какъ пошелъ столованье—почестный пиръ,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на почестномъ наѣдалися,
Всѣ похвальбами похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ да похваляется:
320 Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной хвастатъ молодымъ молодечествомъ,
325 Умный-разумный старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой,
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Не вѣнчался во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
330 Поѣхалъ въ свою землю Веденецкую,
На тѣхъ-то на черныихъ на карабляхъ.
Провожалъ его солнышко Владимеръ князь,
Надарилъ его краснымъ золотомъ, чистымъ серебромъ,
Мелкимъ-скачнымъ жемчугомъ.
Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

133.

СТАВЕРЪ.

(Гильферд., вар. I, 592.)

Во славносмъ во городѣ во Кіевѣ,
У солнышка князя у Владимера,
Какъ былъ столованье—почестный пиръ
Для своихъ-то для князей, для бояриновъ,
5 (Для сенаторовъ) для думныихъ [1]),
Для вельможъ и купцовъ богатыихъ,
Для поляницъ-то удалыихъ
И для Росейскихъ могучихъ богáтырей.
Тутъ пошло у нихъ столованье—почестный пиръ.
10 Было красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ да на весели,
Всѝ на пиру да напивалися,
На почестномъ всѝ наѣдалися,
Похвальбами вси похвалялися.
15 Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
20 Какъ иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ;
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
25 Какъ похвасталъ старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
Своей да молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микýличной:
— Моя какъ молода жена, Василиста Микулична,
— Вашъ городъ Кіевъ скупитъ и спродаётъ,

---

[1]) Стихъ долженъ быть таковъ:

Для бояриновъ для думныихъ.—*Б.*

30 — Князей-бояръ всѣхъ обманетъ,
— Тебя, солнышко, обманетъ и проведетъ. —
Солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися:
За тѣ за рѣчи за неумильныя
Садили Ставра въ погреба да глубокіе.
35 Былъ при Ставрѣ тутъ свой человѣкъ.
Онъ садился на добра коня,
Ѣхалъ ко городу Чернигову,
Къ молодой Василисты Микуличной.
Пріѣхалъ къ ней да на широкъ дворъ,
40 Становилъ тутъ да добра коня,
Самъ шелъ во палаты бѣлокаменны,
Крестъ-то сполна кладетъ по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
Клонился на всѣ четыре на стороны,
45 Молодой Василисты Микуличной въ особину.
А у ей какъ забрано столованіе—почестный пиръ,
Забраны жены купечески,
Забраны жены вельможески,
Забраны жены (генеральскія).
50 Говорилъ какъ это свой человѣкъ:
« Ай же, молода Василиста Микулична!
« Пьешь и ѣшь-кушашь, прохлаждаешься,
« Надъ собой невзгоды не чаешься:
« Во славномъ какъ во городѣ во Кіевѣ,
55 « У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру,
« Твой-то старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
« Похвасталъ тобой, молодой женой,
« Молодой женой Василистой Микуличной:
« — Какъ моя, де, молода жена,
60 « — Василиста Микулична,
« — Вашъ городъ Кіевъ скупитъ и спродаётъ,
« — Князей-бояръ обманетъ,
« — Тебя, солнышко, обманетъ и проведетъ.—
« За тыи-то за рѣчи не за умильныя,
65 « Посаженъ въ погреба да въ глубокіе.»
Она какъ вставала на рѣзвы ноги,

Говорила таковы слова:
« Ай же, гости баженые!
« Пора вамъ, гости, разъѣзжатися
70 « По своимъ домамъ, по своимъ мѣстамъ.»
Тутъ какъ всѣ да поразъѣхалися.
Какъ она тутъ садилась на ременчатъ стулъ
И говорила таковы слова:
« Чѣмъ-то Ставра будетъ повыкупить,
75 « Какъ-то Ставра будетъ повывести?
« Не выкупить будетъ Ставра несчетной золотой казной
« И не вывести будетъ силой могучей-богатырскою:
« Повывести будетъ Ставра догадками женскими!»
Тутъ писала она ерлыки скорописчатые,
80 Писалась той земли Веденецкія,
Того острова Кодольскаго,
Грозенъ посолъ да Васильюшко,
О добромъ о дѣлѣ, де, о сватовствѣ
Ко солнышку князю Владиміру
85 На любезной его на плѐмницѣ,
На молодой Любавы Путятичной.
Сама подбрила волоса да по мужичьему,
Надѣвала платье мужское,
Кладывала туги луки да во налучники,
90 Калены стрѣлы да во колсана,
Вязала крѣпки палицы да на бедро свое;
Потомъ шла на широкъ дворъ,
Со широкаго двора шла на стойлы лошадиныя,
Брала себѣ да добра коня,
95 Начала сѣдлать да уздать своего добра коня,
Кладала путики на путики [3]),
Войлоки на войлоки,
На верехъ кладала ковано сѣдло черкесское,
Затягивала двѣнадцатью подпругами богатырскими,
100 Натягивала тринадцату продольную;
Подпруги-ты были чистаго серебра,

---

[1]) Потники.— *Б.*

Пряжи-шипльки краснаго золота,
Стремены булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ да Шемахатный,
Шелкъ-то не́ рвется и не́ трется,
Булатъ-то не ржавѣ́стъ,
Золото не мѣ́дѣетъ,
Серебро не зелѣ́зѣстъ.
Тутъ садилась на добра коня,
Ѣхала ко стольному ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю Владимеру,
Ко Владимеру на широкій дворъ.
Становила добра коня посередь двора широкаго,
Сама шла въ палаты княженескія,
Крестъ кладала по писаному,
Поклоны вела по ученому,
Клонилась на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину;
Кладывала ерлыки на дубовый столъ.
Тутъ вставалъ какъ солнышко Владимеръ князь,
Вставалъ на рѣзвы ноги,
Бралъ ерлыки да на бѣлы руки.
Ерлыки да распечатывалъ,
До каждаго словечка да высматривалъ,
Самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты, любезная племянница!
— Желаешь ли итти да во замужество
— Въ тую землю Веденецкую,
— Въ той ли островъ Кодольскій,
— За грозна посла да за Васильюшка?—
Она и говоритъ: «Родитель [1]) ты мой дядюшка!
« А воля твоя то есть.»
— Такъ надо собрать князей (сенаторовъ) все думныихъ—
Сбиралъ какъ онъ князей (сенаторовъ) все думныихъ

[1]) Родной.—*Б.*

На думу крѣпкую [1]):
Всѣ какъ согласилися отдать да во замужество.
Говоритъ молодая Любава Путятична:
« Ай же ты, родитель мой дядюшка,
140 « Солнышко князь стольно-Кіевскій!
« Не отдайте вы дѣвчину да за женщину:
« У него походка-то ча́стенька,
« Ча́стенька походка, ж... кру́тенька,
« Рѣчь проговоря все съ провизгомъ;
145 « Самы тѣи всѣ примѣты да по женскому:
« На лавку сядетъ—такъ стегна жметъ.»
Онъ говоритъ:—Мы можемъ послать [2]) да повывѣдать.
— Пошлемъ Васильюшка на широкій дворъ,
— Со тѣми борцами да боротися:
150 — Ежели женщина, такъ не пойдетъ она боротися.—
Говорятъ ему да таковы слова:
« Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
« Не угодно ли съ нашими борцами съ княженескими,
« Не угодно ли да поборотися
155 « На томъ дворѣ княженескоемъ?»
Она говоритъ да таковы слова:
« У меня за маленька [3]) да было хожено,
« У меня за маленька да было боротось;
« Горитъ душа, мнѣ хочется,
160 « Съ вашими борцами поборотися.»
Шла она на широкій дворъ,
Начала съ борцами да боротися.
Брала во праву руку да три борца
И во лѣву руку три борца,

---

[1]) Стихи должны быть таковы:

Такъ надо собрать князей-бояриновъ,
Бояриновъ все думныихъ...
Сбиралъ какъ онъ князей-бояриновъ,
Бояриновъ все думныихъ,
На думу сбиралъ на крѣпкую.—*Б.*

[2]) Посла?—*Б.*

[3]) Въ малолѣтствѣ, съ изъ маленька.—*Б.*

165 Въ мѣсто ихъ столнула [1]),
На розно раскинула,—
Ты борцы да на зени [2]) лежатъ.
Тутъ не могли посла да повывѣдать,
Согласилися отдать да во замужество.
170 Опять и говоритъ молодая Любава Путятишна:
« Ай же ты, родитель мой дядюшка!
« Не отдай дѣвчину за женщину:
« Смотри, у него походка ча́стенька,
« Ча́стенька походка, ж... кру́тенька,
175 « Рѣчь проговоря все съ провизгомъ;
« И тыи примѣты все по женскому:
« На лавку сядетъ—да стегна жметъ.»
Онъ говоритъ:—Мы можемъ посла да повывѣдать,
— Пошлемъ его во чисто поле,
180 — Стрѣлять да изъ туга лука,
— Стрѣлкою каленою за триста сажень,
— Попасть во ножье острице [3]),
— Чтобы раскололося стрѣлочка на двое
— И были половиночки ровныя.—
185 Говорятъ ему таковы слова:
« Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
« Не угодно ли тебѣ, послу,
« Пострѣлять съ нашими стрѣльцами
« Во чистомъ поли изъ туга лука,
190 « Стрѣлкою каленою за триста сажень,
« Попасть во ножнично острице?»
Она говоритъ да таковы слова:
— У меня съ за маленька было хожено,
— Съ за маленька было стрѣляно;
195 — Горитъ душа, мнѣ-ка хочется,
— Съ вашими стрѣльцами пострѣлятися,
— Пострѣлятися во чистомъ полѣ.—
Шла она со стрѣльцами во чисто поле.

---

[1]) Столконула.—*Б.*
[2]) На земи.—*Б.*
[3]) Въ ножевое острее.—*Б.*

Стали стрѣлять стрѣльцы да княженескіе;
200 Первой стрѣлецъ стрѣлилъ—да не дострѣлилъ,
Другой стрѣлецъ стрѣлилъ—да перестрѣлилъ,
Третій стрѣлецъ стрѣлилъ,—онъ не попалъ теперь.
Какъ она натянула свой тугій лукъ,
Клала свою калену стрѣлу,
205 Стрѣляла за триста сажень,
Попала во ножнично острице:
Раскололась та стрѣлочка на двое;
Кинули половинки на вѣсы на (казенные),—
Половинки были ровныя.
210 И тутъ не могли посла повывѣдать.
«Мы еще-то можемъ посла да повывѣдать,—
«Положимъ спать во спальну во теплую,
«На тую перину пуховую:
«Ежели станетъ яма подъ плечами, такъ мужчина,
215 «Ежели станетъ яма подъ ж...ю, то женщина.»
Ложили его спать во спальну во теплую,
На ту перину пуховую.
Она спала—гдѣ быть плечами, тутъ ж...ю,
И сдѣлала яму подъ плечами.
220 Вставала по утру по раннему,
До солнышка князя до Владимера.
Какъ приходилъ тутъ солнышко Владимеръ князь,
Говорилъ какъ самъ да таково слово:
— Ай же, грозенъ посолъ Васильюшка!
225 — Что же ты скоро сталъ?—
Онъ ему отвѣчалъ таковы слова:
«У насъ-то спятъ не по домашнему,
«Не по домашнему спятъ, а по дорожнему.»
Тутъ не могли посла повывѣдать.
230 «Это не правда есть,
«Мы можемъ посла послать да повывѣдать,—
«Стопимъ мы парную баенку,
«Пошлемъ посла во парную во баенку
«Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ:
235 «Ежели мужчина, то пойдетъ во баенку,

« Ежели женщина, то не пойдетъ со солнышкомъ
« Со княземъ со Владимеромъ во баенку. »
Взяли—стопили парную баенку,
Говоритъ грозну послу да Васильюшку:
240 « Не угодно ли съ дорожки сходить да попариться
« Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ? »
Онъ и говоритъ: « Хорошо съ дорожки попариться. »
Исправлялся во парную баенку
Со солнышкомъ княземъ со Владимеромъ.
245 А у солнышка князя были справы княженецкія;
Она впереди его вбѣжала во парную во баенку,
Она одной рукой скидывалася,
А другой рукой умывалася,
Опять скоро надѣвалася,
250 И солнышку князю во встрѣчу попалася.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Что же ты, грозенъ посолъ да Васильюшка,
— Скоро ты упарился?—
« У насъ парятся не по домашнему,
255 « А у насъ парятся да по дорожнему. »
И тутъ не могли посла повывѣдать.
Тутъ и согласилися отдать Любаву во замужество,
Тутъ-то пошло у нихъ столованье—почестенъ пиръ.
Но [1]) всѣ на пиру пьяны-веселы,
260 Столько не веселъ былъ грозенъ посолъ да Васильюшка.
Говорилъ какъ солнышко Владимеръ князь:
— Кто бы могъ развеселить
— Грозна посла да Васильюшка?—
Говорятъ тутъ иные, что « Не кому
265 « Развеселить грозна посла Васильюшка;
« Развеселитъ ли одинъ Ставеръ,
« Старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
« Онъ мастеръ играть во гусли яровчаты. »
Тутъ говорилъ солнышко Владимеръ князь:
270 — А какъ выпустить Ставра,—

---

[1]) Ино.—*Б.*

— Такъ не видать Ставра;
— И разгнѣвить посла да не хочется;
— А что [1]) мнѣ разгнѣвить посла,
— Лучше выпустить Ставра.—
275 Какъ выпустилъ Ставра съ погребовъ да со глубокіихъ,
Сталъ тутъ Ставеръ гуселокъ налаживать,
Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
280 Третью съ Еросблима;
Повелъ онъ тонцы великіе,
Припѣвки-то припѣвалъ изъ за-синя моря.
Какъ сталъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшка поха-
живати,
Сталъ онъ поплясывати,
285 Какъ сталъ да выговаривать:
«Ай же, солнышко Владимеръ князь!
«Да-ко мнѣ Ставра сходить до бѣла шатра,
«До бѣла шатра сходить да прогулятися?»
Тутъ-то говорилъ солнышко Владимеръ князь:
290 — Какъ дать Ставра,—
— Такъ не видать Ставра;
— И розгнѣвить посла мнѣ не хочется:
— А лучше дать мнѣ Ставра,
— Чѣмъ разгнѣвить посла.
295 — Ступайте во чисто поле да прогулятися!—
Какъ она пошла со Ставромъ да во чисто поле,
Какъ выходила во чисто поле,
Сама такъ говорила таковы слова:
«Помнишь ли, Ставеръ, спамятуешь ли, Ставеръ,
300 «Когда мы съ тобой были маленькіе,
«Сваечкой съ тобой мы да поигрывали,
«У тебя-то была сваечка точеная,
«У меня-то было колечко золоченое?»
Онъ говоритъ:—Я во давніе годы не упамячу.—

[1]) Чѣмъ.—*Б.*

305 Она говоритъ: « Ай же, глупый Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Этакъ ты не узнашь своей молодой жены,
« Молодой жены Василисты Микуличной? »
— Я свою молоду жену,
— Молоду жену Василисту Мякуличну
310 — Узнаю черезъ тридцать лѣтъ.—
Она говоритъ: « Ай же ты, глупый Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Не то черезъ тридцать лѣтъ,
« Не узналъ ты меня черезъ три мѣсяца:
« Вѣдь я твоя молода жена, Василиста Микулична!»
315 Брала его за бѣлы руки,
Цѣловала его въ уста во сахарныя,
Называла его мужемъ любезнымъ,
Старымъ Ставромъ сыномъ Годиновичемъ;
Скидывала платье мужское,
320 Надѣвала да платье да женское.
Говорилъ-то старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Что-то намъ будетъ отъ солнышка князя Владимера!—
Она говоритъ: « Ничего намъ не будетъ,
« Подёмъ ко солнышку князю ко Владимеру. »
325 Пошли они ко солнышку князю Владимеру,
Приходили во палаты княженецкія,
Говорилъ какъ старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Говорилъ таковыя слова:
— Ай же, солнышко Владимеръ князь!
330 — Ты просваталъ свою племянницу
— За мою молодую жену!—
Солнышку князю стыдно стало;
Какъ самъ говорилъ да таковы слова:
« Правдою хвасталъ, старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
335 « Своей да молодой женой Василистой Микуличной!
« Въ первой вины тебя Богъ проститъ;
« Поѣзжай-ка ты ко своему ко городу къ Чернигову,
« Больше нигдѣ не хвастай молодой женой! »
Они тутъ-то садились на добрыхъ коней,

340 Они поѣхали ко славному ко городу Чернигову,
Ко своимъ посельямъ ко дворянскіимъ,
Ко своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Тутъ-то онъ болѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодой женой,
345 Молодой женой Василистой Микуличной,
Сталъ онъ больше проживать во городѣ Черниговѣ,
Во своихъ посельяхъ во дворянскіихъ.
Тѣмъ да дѣло и кончилось.
Дунай, Дунай
Болѣ вѣкъ не знай!

134.

САДКО.

(Гильферд., № 70.)

Во славноемъ въ Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садкѐ купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
5 По пирамъ ходилъ-игралъ Садкѐ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садкѐ соскучился:
10 Какъ пошелъ Садкѐ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался,
15 Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.

По томъ Садке соскучился:
20 Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садке перепался,
25 Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садке соскучился:
30 Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
35 Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Садке Новгородскиій!
— Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
— За твои за утѣхи за великія,
40 — За твою-то игру нѣжную:
— Аль безсчетной золотой казной?
— А не то ступай во Новгородъ
— И ударь о великъ закладъ,
— Заложи свою буйну голову,
45 — И выряжай съ прочихъ купцовъ
— Лавки товара краснаго,
— И спорь, что въ Ильмень озерѣ
— Есть рыба—золоты перья.
— Какъ ударишь о великъ закладъ,
50 — И поди—свяжи шелковой неводъ,
— И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
— Дамъ три рыбины—золоты перья.
— Тогда ты, Садке, счастливъ будешь.—
Пошелъ Садке отъ Ильменя отъ озера.
55 Какъ приходилъ Садке во свой во Новгородъ,

Позвали Садке на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садке Новгородскій
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садке попаивать,
60 Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садке сталъ похвастывать:
« Ай же вы, купцы Новгородскіе!
« Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
« А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ».
65 Какъ тутъ-то купцы Новогородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда чуднаго,
— Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыбы—золоты перья.—
« Ай же вы, купцы Новгородскіе!
70 « О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
« Ударимъ-ка о великъ закладъ:
« Я заложу свою буйну голову,
« А вы залагайте лавки товара краснаго. »
Три купца повыкинулись,
75 Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро:
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
80 Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы Новогородскіе
85 Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садке поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садке все по небесному:
90 На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

Потомъ Садке купецъ, богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
95 Тыихъ мужиковъ Новогородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новогородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
100 Похвальбамы всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
105 Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новогородскіе:
— Всѣ мы на пиру наѣдалися,
110 — Всѣ на почестномъ напивалися,
— Похвальбамы всѣ похвалялися.
— Что же у насъ Садке ничѣмъ не похвастаетъ,
— Что у насъ Садке ничѣмъ не похваляется? —
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
115 « А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
« Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
« У меня ль золота казна не тощится,
« Цвѣтно платьице не носится,
« Дружина хоробра не измѣняется.
120 « А похвастать-не похвастать безсчетной золотой казной:
« На свою безсчетну золоту казну
« Повыкуплю товары Новогородскіе,
« Худые товары и добрые! »
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
125 Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новогородскіе,

130 Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садке на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
135 И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
140 На другой день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
145 Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
150 На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
155 А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе
На тую на великую на славу Новгородскую.
160 Какъ тутъ Садке пораздумался:
« Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
« Още повыкуплю товары Московскіе,
« Подоспѣютъ товары заморскіе.
« Не я, видно, купецъ богатъ Новогородскиій,—
165 « Побогаче меня славный Новгородъ ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новогородскіимъ

Денежекъ онъ тридцать тысячей.
На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садке тридцать кораблей,
170 Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новогородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
175 А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новогородскіе,
180 Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
185 Застоялись черлены корабли на синѐмъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость
190 Ко своей дружины ко хоробрыя:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
« А морскому царю дани не плачивали:
« Видно царь морской отъ насъ дани требуетъ,
195 « Требуетъ дани во сине море.
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
« Спущайте бочку во сине море. »
Дружина его хоробрая
200 Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;

А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
205 Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
210 А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
« Видно царь морскій требуетъ
« Живой головы во сине море.
« Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
215 « Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
« Всякъ свои имена подписывайте,
« Спущайте жеребья на сине море:
« Чей жеребей ко дну пойдетъ,
« Таковому итти въ сине море ».
220 Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садке дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
225 Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключомъ на дно.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость;
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Этыя жеребья не правильны:
230 « Дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
« А я сдѣлаю жеребей вольжаный ».
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садке дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
235 Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключомъ на дно [1]).

---

[1]) Этимъ не оканчивается испытаніе: Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать жеребья дубовые, а самъ дѣлаетъ липовый; потомъ дружина дѣлаетъ жеребья липовые, а онъ—дубовый.

. . . .

240 Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Видно, царь морской требуетъ
« Самого Садка богатаго въ сине море.
« Несите мою чернилицу вальяжную,
« Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).»
245 Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
250 Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
255 « Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
« Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
« Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?»
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
260 « Свалите дощечку дубовую на воду:
« Хоть я свалюсь на доску дубовую,
« Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ.»
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
265 Полетѣли какъ черные вороны.
Остался Садке на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садке во синемъ морѣ,
270 Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садке, во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,

275 Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
280 — Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,
— Мнѣ царю дани не плачивалъ,
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
— Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты.—
285 Какъ началъ играть Садке въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садке сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ ощѐ Садке и третьіи,
290 А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
295 Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.
Какъ тронуло Садка въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садке Новогородскиій!
— Полно играть въ гуселышки яровчаты!—
300 Обернулся, глядитъ Садке Новогородскиій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садке Новогородскиій:
« У меня воля не своя во синемъ морѣ,
« Приказано играть въ гуселки яровчаты.»
305 Говоритъ старикъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай.
— Скажи: «у меня струночекъ не случилося,
— « А шпенечковъ не пригодилося,
310 — « Не во что больше играть:
— « Приломалися гуселки яровчаты.»

— Скажетъ тебѣ царь морской:
— « Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— « На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?»
315 — Говори ему таковы слова:
— « У меня воля не своя во синемъ морѣ».
— Опять скажетъ царь морской:
— « Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
— « Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу.»
320 — Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
— Позади идетъ дѣвица-красавица,
325 — Красавица-дѣвица Чернавушка,—
— Бери тую Чернаву за себя замужъ.
— Какъ ляжешь спать во перву ночь,
— Не твори съ женой блуда во синемъ морѣ:
— Останешься на вѣки во синемъ морѣ;
330 — А ежели не сотворишь блуда во синемъ морѣ,
— Ляжешь спать о дѣвицу красавицу,
— Будешь, Садке, во Новѣ-градѣ.
— А на свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Миколы Можайскому.—
335 Садке струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садке Новогородскиій!
— Что же не играешь въ гуселки яровчаты?—
340 « У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
« А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,
« А струночекъ запасныхъ не случилося,
« А шпенечковъ не пригодилося.»
Говоритъ царь таковы слова:
345 — Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—
Говоритъ ему Садке Новогородскиій:
« У меня воля не своя во синемъ морѣ.»

Опять говоритъ царь морской:
350 — Ну, Садко, вставай по утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—
Вставалъ Садко по утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
355 И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица-дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
360 Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ ложится спать Садко во перву ночь,
Не творилъ съ женой блуда во синемъ морѣ.
Какъ проснулся Садко во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
365 Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
370 « Остался Садке во синемъ морѣ!»
А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его дружина сдивовалася:
« Остался Садке во синемъ морѣ,
375 « Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,
« Встрѣчаетъ дружину со Волхова!»
Встрѣтилъ Садке дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
380 Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садке выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
385 Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.

Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣ-градѣ.

135.

ДВА БРАТА, ДВА ВИТНИКА.

(Гильферд., № 71).

Во той земли, въ хороброй Литвы,
У Цимбала короля Литовскаго,
Какъ было столованье почестенъ пиръ
На своихъ-то на пановей,
5 На пановей на улановей.
Собиралися-съѣзжалися на почестенъ пиръ
Всѣ его князья-боярины,
Всѣ дьяки его думные,
Всѣ панове и уланове
10 И вся поленица удалая.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Король по палатушкѣ похаживаетъ,
15 Ажно увидѣлъ двухъ своихъ витниковъ-совитниковъ,
Двухъ любезныхъ королевскіихъ племянничковъ,
Увидѣлъ за столамы за дубовыма:
Не пьютъ они, не кушаютъ,
Бѣлой лебеди не рушаютъ;
20 Повѣшены буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ.
Говорилъ король таковы слова:
« Ай же вы, два витника-совитника,
25 « Королевскіихъ два племянника!
« Что же вы не пьете, не кушаете,
« Бѣлой лебеди не рушаете,

« Повѣсили буйныя головы
« Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
30 « Притупили очи ясныя во кирпиченъ полъ?
« Какую же вы невзгодушку свѣдали,
« Что же нехорошее призаслышали?
« Али васъ мужикъ-деревенщина,
« Либо васъ голь кабацкая,
35 « Либо мурза Татаринъ поганый
« Обнесъ васъ словамы неразумныма?
« Али ѣствушки мои не по нраву,
« Напиточки мои не по обычаю?»
Говорятъ они таковы слова:
40 — Ай же ты, родный нашъ дядюшка,
— Цимбалъ король земли Литовскія!
— Никакой мужикъ деревенщина-засельщина,
— Голь кабацкая, мурза Татаринъ поганый
— Не обнесъ насъ словамы неразумныма.
45 — И всѣ твои ѣствушки намъ по нраву,
— Всѣ напиточки по обычаю.
— Только не можемъ болѣ терпѣть славы великія
— Про Московскаго князя Романа Дмитріевича.
— Давай-ка намъ прощеньице-благословленьице,
50 — Давай-ка намъ силы-войска сорокъ тысячей,
— Силу-войско латниковъ-кольчужниковъ,
— Силу-войско на добрыхъ коняхъ.—
Говоритъ король таковы слова:
« Не дамъ прощеньица-благословеньица
55 « И не дамъ силы-войска сорокъ тысячей.
« У меня была пора—сила великая
« Не во васъ, удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
« И тутъ я не смѣлъ ѣхать на святую Русь.
« Колько я на Русь силу важивалъ,
60 « Со святой Руси силы не вываживалъ,
« А несчастный все выѣзживалъ.
« А лучше дамъ вамъ силы-войска сорокъ тысячей,
« Поѣзжайте вы во землю во Левонскую:
« Тая земля пребогатѣюща,

65 « Много есть злата и серебра,
« Много есть безсчетной золотой казны,
« Силы-войска-рати маломошница [1]). »
Давалъ имъ дядюшка Цимбалъ король
Силы-войска сорокъ тысячей,
70 Силы-войска латниковъ кольчужниковъ,
Силы-войска на добрыхъ коняхъ,
Отпускалъ ихъ въ землю во Левонскую.
Во землѣ во Левонской на бою имъ пришла Божья помочь:
Тыи города они огнемъ сожгли:
75 Какъ оттуда они погнали добрыхъ коней стадмы-стадомъ,
Добрыхъ молодцевъ рядмы-рядомъ,
А красныхъ дѣвушекъ, молодыхъ молодушекъ
Повели оттуль толпицами;
Несчетной золотой казны
80 Насыпали телѣги ордынскія,
Красна золота, чиста серебра, скатна жемчуга.
Какъ выѣхали они на далече-далёче чисто поле,
Говорили два брата, два витника-совитника,
Меньшій говорилъ большему:
85 « Ай же ты, мой братецъ родимый!
« Поѣдемъ, братецъ, на святую Русь,
« Подъ матушку каменну Москву
« Ко князю Роману Дмитріевичу. »
Поѣхали два добрыихъ молодца
90 На матушку на святую Русь
Со ратью-силой великою.
Какъ подъѣхали подъ матушку каменну Москву,
Пожгли четыре села что ни лучшіихъ:
Перво село Славское,
95 Другое село Переславское,
Третье село Карачаево,
А четверто село что ни лучшее, Косоулицы;
А не смѣли заѣхать во матушку каменну Москву;

---

[1]) Слабость, слабо, мало.—*Б.*

А у князя Романа Дмитріевича
100 Убили зятя любезнаго,
Увезли сестрицу любимую,
Молоду Настасью Дмитріевичну
Со любимымъ племничкомъ, ребеночкомъ трехмѣсячнымъ.
Какъ пріѣзжали они ко рубежу Московскому,
105 Раздернули они шатры бѣлополотняны,
Спустили добрыхъ коней
Во Московскія во травки во шелковыя,
Во Московскія пшеницы бѣлояровы,
И стоятъ-дожидаютъ осени богатыя,
110 Богатыя осени хлѣбородныя,
Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
Когда повыростутъ пшеницы бѣлояровы:
Тогда още грозятъ заѣхати
Во матушку во славну каменну Москву.
115 И сами говорятъ промежу собой:
« Не смѣлъ князь Романъ Дмитріевичъ
« Показаться къ намъ на свѣтлы очи. »
Во славной во матушкѣ каменной Москвы
У князя Романа Дмитріевича
120 Былъ забранъ столованье-почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ
И на русскіихъ могучіихъ богатырей.
Какъ пьютъ-ѣдятъ они, прокладаются,
Надъ собой невзгоды не начаются.
125 А летитъ птица воронъ мимо подоконье,
Граетъ воронъ во всю голову
И садился супротивъ князя Романа Дмитріевича
На тую на яблонь на кудрявую:
« Ай же ты, князь Романъ Дмитріевичъ!
130 « Ѣшь-пьешь ты, прокладаешься,
« Надъ собой невзгоды не начаешься:
« Наѣхала Литва поганая
« Отъ Цимбала короля Литовскаго,
« Два витника, да совитника,
135 « Два любезныхъ королевскіихъ племинника.

« Пожгли твои четыре села что ни лучшіихъ:
« Перво село Славѐское,
« А друго село Переславское,
« Третье село Карачаево,
140 « А четверто село что ни лучшее, Косоулицы:
« И убили твоего зятя любимаго,
« Увезли въ полонъ сестрицу любимую
« Со любимымъ племничкомъ, ребеночкомъ трехмѣсячкымъ.
« И поѣхали они ко рубежу Московскому,
145 « Раздернули шатры бѣлополотняны,
« Спустили добрыхъ коней
« Во Московскія во травки во шелковыя,
« Во Московскія пшеницы бѣлояровы.
« А сами похваляются промежу собой:
150 « — Что не смѣлъ князь Романъ Дмитріевичъ
« — Показаться намъ на ясны очи.—
« И стоитъ тутъ эта сила великая,
« Дожидаютъ осени богатыя,
« Богатыя осени хлѣбородныя,
155 « Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
« Повыростутъ пшеницы бѣлояровы:
« Тогда още грозятъ заѣхати
« Во матушку во славну каменну Москву. »
Тутъ Московскій князь Романъ Дмитріевичъ
160 Вставалъ на рѣзвы ноги,
Самъ-отъ говорилъ таковы слова:
« Ай же, моя сила-войско любезное,
« И князи-бояре, дьяки думные!
« Получилъ я вѣсточку нерадостну:
165 « Отъ Цимбала короля Литовскаго
« Наѣхала Литва поганая,
« Два витника, два совитника,
« Два любезныхъ королевскіихъ племянника.
« Пожгли четыре села что ни лучшіихъ,
170 « Убили моего зятя любимаго
« И увезли въ полонъ сестрицу любимую

« Со любимымъ племничкомъ, ребеночкомъ трехмѣсячнымъ,
« И поѣхали они ко рубежу Московскому,
« И сами похваляются промежу собой:
175 « — Что не смѣлъ князь Романъ Дмитріевичъ
« — Показаться къ намъ на ясны очи.—
« И стоптъ тамъ эта сила великая,
« Раздернуты шатры бѣлополотняны,
« Спущены добры кони
180 « Во Московскія во травки во шелковыя,
« Во Московскія пшеницы бѣлояровы;
« Дожидаютъ осени богатыя,
« Богатыя осени хлѣбородныя,
« Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
185 « Повыростутъ пшеницы бѣлояровы:
« Тогда още грозятъ заѣхати
« Во матушку во славну каменну Москву. »
Говоритъ князь Романъ Дмитріевичъ:
« Ахъ ты, молодость моя молодецкая!
190 « Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молоду пору
« По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
« По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
« По крутымъ горамъ тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ,
« По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою.
195 « Ахъ ты, старость моя глубокая,
« Да не въ пору молодца старость состарила!
« У меня ль головка состарѣла,
« Сердце молодецкое соржавѣло,
« Русы кудри посѣдатѣли [1]).
200 « Ай же, сила моя, войско сорокъ тысячей!
« Сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней
« Туго на̀ туго и крѣпко на̀ крѣпко,
« Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною
« За этою щенятью бѣлогубою,

[1]) Сравни въ словѣ о П. Игоря рѣчь Святослава, и выше, въ пѣсняхъ Московскихъ, ту же рѣчь Микиты Романовича, который, благодаря своему отечеству, сближенъ съ Романомъ.—*Б.*

205 « Чтобы не хвастали матушкой каменной Москвой! »
Сѣдлали-уздали добрыхъ коней
Туго на туго и крѣпко на крѣпко,
Поѣхали къ рубежу ко Московскому.
Какъ доѣхали до той рѣки до Березины,
210 Становился князь Романъ Дмитріевичъ
У той рѣки у Березины,
Припущалъ силушку пить во рѣку во Березину
Начала силушка пить во рѣкѣ во Березины:
Котора сила пила нападкою,
215 Говорилъ князь Романъ Дмитріевичъ:
« Той силы на бою мертвой быть, »
Отпущалъ назадъ тую силушку;
Котора сила пила шеломамы да черепушкамы,
Тую силу съ собой бралъ.
220 Какъ выѣхалъ на далече-далече чисто поле,
Становилъ онъ силушку на чистомъ полѣ,
Самъ своей силушкѣ наказывалъ:
« Ай же, силушка моя великая!
« Кормите-тко добрыхъ коней,
225 « Кормите не травкою не шелковою,
« Кормите-тко пшеницей бѣлояровой,
« Кормите коней, а сами слушайте:
« Въ кой странѣ я заграю чернымъ ворономъ,
« На первый наконъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
230 « А заграю второй наконъ чернымъ ворономъ,
« Вы садитесь на добрыхъ коней;
« А третій разъ заграю чернымъ ворономъ,
« Такъ поѣзжайте скоро на скоро,
« Заставайте меня въ живностяхъ. »
235 Какъ самъ обернулся чернымъ ворономъ,
Полетѣлъ онъ по чисту полю,
Прилеталъ къ рубежу ко Московскому:
Стоитъ тамъ Литва поганая,
Раздернуты шатры бѣлополотняны,
240 Спущены добры кони
Во Московскія во травки во шелковыя,

Во Московскія пшеницы бѣлояровы.
Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
Добрыхъ коней по чисту полю порозгонялъ,
У иныхъ горлышко повырывалъ,
А иныхъ вогналъ во рѣку во Березину;
Обернулся тонкимъ бѣлымъ горносталемъ,
Заскакивалъ въ шатры бѣлополотняны;
Тамъ у нихъ луки поразметаны,
Сабельки, оружья пораскиданы,
Сила спитъ крѣпко, не пробудится.
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
У сабелекъ острійца повыщепалъ,
У оружьицевъ кремешки повывертѣлъ.
Тутъ-то племянничекъ трехмѣсячный
Испровѣщился языкомъ человѣческимъ:
« Ай же ты, моя родная матушка,
« Молода Настасья Дмитріевична!
« Твой братецъ любимый, мой дядюшка
« Поскакиваетъ по шатрику тонкимъ бѣлыимъ горносталемъ,
« Выручаетъ насъ со полону со неволюшки. »
Какъ тутъ-то сила пробуждалася,
Пробуждалася она, перепалася,
Какъ вешняя вода всколыбалася;
Стала имáть горносталя во шатрикахъ,
Соболиныма шубкамы призакидывать.
Онъ по шубкамъ по рукавчикамъ выскакивалъ,
На улушкѣ обернулся чернымъ ворономъ,
Вылетѣлъ во сырой дубъ,
Самъ заграялъ во всю голову.
Какъ сила его услышала,
Начала сѣдлать-уздать добрыхъ коней.
Говорятъ два витника, два совитника:
— Не грай, не грай, Московскій князь, чернымъ ворономъ:
— Натянемъ мы туги луки,
— Кладемъ вострыкалены стрѣлы,
— Застрѣлимъ ти, черна ворона,

— И спустимъ твою тушу на сыру землю,
— И распустимъ твое перье по чисту полю,
280 — И прольемъ твою кровь по сыру дубу,
— Предадимъ ти смерти скорыя.—
Заграялъ онъ во второй наконъ.
Начала сила садиться на добрыхъ коней,
Садиться на добрыхъ коней, приготовлятися.
285 Говорятъ два витника, два совитника:
— Не грай, не грай, Московскій князь, чернымъ ворономъ:
— Натянемъ мы туги луки,
— Кладемъ востры калены стрѣлы,
— Застрѣлимъ ти, черна ворона,
290 — И спустимъ твою тушу на сыру землю,
— И распустимъ твое перье по чисту полю,
— И прольемъ твою кровь по чисту полю,
— Предадимъ ти смерти скорыя.—
Заграялъ онъ во третій наконъ.
295 Услышала сила, наѣхала,
Начала сѣчь-рубить Литва поганая.
Тутъ-то Литва хватилась за оружьица:
У оружьицевъ всѣ кремешки повыверчены;
Хватилась Литва за сабельки:
300 У сабелекъ острійца повыщепаны;
Хватилась Литва за копьица:
У копьицевъ конечики повыломаны;
Хватилась Литва за туги луки:
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусаны.
305 Той порой тыимъ времячкомъ
Присѣкли-прирубили всю Литву поганую,
Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
Меньшему-то брату по колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
Садили безногаго на безглазаго,
310 Отпущали къ Цимбалу, королю Литовскому,
Отпущали, сами наказывали:
« Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
« Что Московскій князь Романъ Дмитріевичъ
« Старостью не старѣетъ,

315 « Голова его не сѣдатѣетъ,
« Сердце его не ржавѣетъ,
« Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ.»
Какъ приходятъ во землю во Литовскую,
Увидѣлъ ихъ дядюшка Цимбалъ король:
320 « Ахъ вы любезные два витника, два совитника!
« Говорилъ я вамъ, удалымъ молодцамъ:
« Не ходите вы на святую Русь
« Ко князю Роману Дмитріевичу.
325 « Знаетъ онъ языки ворониные,
« Знаетъ языки всѣ птичіе.
« У меня была пора—сила великая,
« И терпѣлъ я славу вѣкъ по вѣку:
« А вы теперь получили безчестье великое,
330 « Великое безчестье, на вѣки нерушимое! »
Говорятъ они таковы слова:
— Ай же ты, родный нашъ дядюшка!
— Не можемъ мы терпѣть безчестья великаго:
— Казни насъ казнью своеручною,
335 — Руби намъ буйны головы,
— Копай насъ во матушку сыру землю. —
Онъ какъ бралъ сабельку вострую,
Рубилъ имъ буйны головы,
Копалъ ихъ во матушку сыру землю.
340 Теперь-то двумъ витникамъ, двумъ совитникамъ
Славу поютъ.

136.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Тутъ забиралъ столованье—почестный пиръ,
5 Сбиралъ онъ всѣхъ князей, всѣхъ бояриновъ (сенаторовъ) думныхъ,

Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ да удалыихъ,
Сильныхъ-могучихъ богатырей.
Пошло у нихъ столованье — почестный пиръ.
Всѣ на пиру напивалися,
10 Всѣ на почестномъ наѣдалися,
Всѣ похвальбами похвалялися.
Кто чѣмъ хвастастъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастастъ несчетной золотой казной,
15 Инный хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Инный молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
20 Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.
Какъ царь по полатушки похаживатъ,
Царь да выговариватъ:
« Ай же вы, князя и бояра (сенаторы) думные,
25 « Вельможи, купцы богатые, поляницы удалыя,
« Сильные-могучіе богатыри!
« Всѣ вы у меня на честномъ пиру,
« Всѣ вы у меня пьяны-веселы,
« Всѣ вы у меня похвальбами похвалялися.
30 « Я какъ, царь, похвастаю:
« Повывелъ измѣну изъ Казани, Резани и изъ Астрахани,
« Повывелъ измѣну изъ Чернигова,
« Да повывелъ измѣну изъ Нова-города,
« Какъ повыведу измѣнушку изъ каменной Москвы! »
35 За тыма столами дубовыма, за скамейками окольнима,
За ѣствами за сахарныма, за напитками медовыма,
Сидѣлъ его сынъ да любезный Иванъ да Ивановичъ,
Говоритъ онъ таковы слова:
— Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка,
40 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Небылицей ты, государь, хвастаешь,
— Небылицей похваляешься.—

Тутъ стемнѣлъ царь какъ темна ночь,
Зревѣлъ царь какъ левъ да звѣрь:
45 « Сказывай, собака, про измѣну великую!»
Ты на братца скажешь, такъ братца не видать.
На себя ты скажешь, то свою головку потеряешь [1]).
Тутъ-то Иванъ да на двѣ бѣдушки попалъ,
Тутъ-то Иванъ да пораздумался:
50 — Жаль-жаль братца,—да не такъ какъ себя...
— Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какъ сидитъ измѣна за однымъ столомъ,
— Пьетъ да ѣстъ измѣна съ одного мѣста.
55 — Носитъ платье одного сукна.
— Небылицей, царь, ты хвастаешь,
— Небылицей, государь, похваляешься:
— Повывелъ ты измѣну изъ Казани, и Резани, и изъ Чернигова,
— Не могъ повывести измѣны изъ Нова-города,
60 — Подавно не вывести измѣны изъ каменной Москвы!
— Потому тебѣ не вывести:
— Когда мы были во Новѣ-городѣ,
— Которыми мы съ тобою улицами ѣхали,
— Сѣкли-рубили до единаго;
65 — Которыми улицами ѣхалъ мой старый дядюшка,
— Старый дядюшка Никита Романовичъ,
— Тоже сѣкъ да рубилъ до единаго;
— На воротахъ мы записи повыписали,
— По угламъ номера выставливали,
70 — Что эти улицы плѣненныя-казненныя,
— А которыми улицами ѣхалъ твой сынъ,
— А мой братецъ Ѳедоръ Ивановичъ,
— Такъ сѣкъ изъ пяти и десяти головы гусиныя,
— На воротахъ записи подписывалъ,
75 — На углахъ номера повыставлялъ.
— Тутъ была измѣна великая! —

---

[1]) Это дума самого пѣвца, про себя.

Выходилъ тутъ царь да на крутой крылецъ,
Скрычалъ какъ царь да громкимъ голосомъ:
« Гдѣ мои палачи немилостивы?
« Берите Ѳедора Ивановича за бѣлы руки,
« Ведите на то болото на Житное,
« На ту на плаху на дубовую,
« Отрубите ему голову буйную,
« Предайте ему смерть да скорую! »
Вси палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются [1]),
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Тутъ скрычалъ царь второй наконъ:
« Гдѣ мои палачи немилостивы?
« Берите вы Ѳедора Ивановича за бѣлы руки,
« Ведите на то болото на Житное,
« На ту на плаху дубовую,
« Отрубите ему буйну голову,
« Предайте ему смерть да скорую! »
Вси палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ:
Потому что за царскіе роды приняться не осмѣлятся.
Скрычалъ какъ царь наконъ третій:
« Гдѣ мои палачи немилостивы?
« Берите вы Ѳедора за бѣлы руки,
« Ведите на то болото на Житное,
« На ту на плаху дубовую,
« Отрубите ему буйну голову,
« Предайте вы ему смерть да скорую! »
Какъ во томъ ряду во гостиноемъ,
Во той во лавкѣ во угольныя,
Стоялъ малая-Малюта Стенька [2]) воръ Скурлатовъ сынъ,
Торговалъ онъ товарами заморскима,

---

[1]) Окучаться отъ корня *куп*—скрываться.
[2]) Примѣшано имя Стеньки Разина.—*Б.*

Услышалъ голосъ Грознаго царя Ивана Васильевича,—
Онъ на Ѳедора Ивановича сердитъ-то былъ,—
Запиралъ онъ да свою лавочку,
115 Шелъ и бралъ Ѳедора за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Выводилъ онъ Ѳедора на крутой крылецъ,
Скидывалъ онъ платья цвѣтныя,
Надѣвалъ платья опальныя,
120 Садилъ во (корету) во темную,
Повезъ его на то болото на Житное,
Ко той ко плах дубовыя.
Была служанка, дѣвка вѣрная,
Бѣжала во спальну во теплую
125 Къ царицѣ благовѣрноей,
Ко Настасьи Романовной,
Скрычала громкимъ голосомъ:
« Ай же, царица благовѣрная, Настасья Романовна!
« Спишь-усыпаешься, надъ собой невзгоды не чаешься:
130 « Померкло наше красно солнышко,
« Потухла звѣзда подвосточная!
« Воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
« На свои на царскія на сѣмена,
« На своего на сына любезнаго,
135 « На Ѳедора Ивановича,
« Приказалъ его отвезти на то болото на Житное,
« На ту на плаху дубовую,
« Какъ повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скарлатовъ сынъ ».
Она вставала на рѣзвы ноги,
140 Какъ надѣвала на ноги
Однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
На плеча надѣвала одинъ дорогой накидничекъ,
Подвязалася она платкомъ она шелковыимъ,
Побѣжала она по матушки каменной Москвы,
145 Къ старому братцу Никиты Романовичу.
Бѣжитъ она по матушки каменной Москвы,
Крычитъ да громкимъ голосомъ:

« Розодвиньсл, народъ православный,
« Дайте мѣстечка немножечко царицы благовѣрныя! »
150 А народъ-то волнуется-дивуется:
« Куда бѣжитъ царица благовѣрная? »
Какъ прибѣжала она къ братцу родимому,
Никитѣ Романовичу,
Приходила въ его палаты бѣлокаменныя,
155 Господу Богу не молилася,
На всѣ стороны да не клонилася,
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никитѣ Романовичу:
« Ай же ты, старая курва, сѣдатой песъ!
160 « Пьешь-ѣшь-кушаешь и прохлаждаешься,
« Надъ собой невзгоды не чаешься! »
— Ай же, сестрица родимая,
— Благовѣрная царица Настасья Романовна!
— Чѣмъ тебя пріобидѣлъ царь,
165 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ?
— Что̀ я захочу, то и сдѣлаю:
— Потому—у меня сидитъ тридцать россійскихъ могучихъ богатырей
— И сидитъ у меня дружина хоробрая.—
Она говоритъ таковы рѣчи:
170 « Какъ воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
« На свой-то на сѣмена на царскія,
« На Ѳедора Ивановича,
«Повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ
« На то болото на Житное,
175 « На ту на плаху дубовую. »
Какъ вставалъ старый Никита Романовичъ на рѣзвы ноги,
Говорилъ какъ самъ таковы слова:
— Ай же, любезный конюхъ мой!
— Ступай-ка ты скорымъ-скоро, скорымъ на̀ скоро,
180 — Ступай на стойлы конины,
— Бери-ка ты моего добра коня,
— Не сѣдлай, не уздай ты добра коня,

— Выводи-ка ты на широкій дворъ.—
Какъ самъ онъ надѣвалъ шубу на одно плечо,
185 Какъ кладывалъ онъ шляпу на одно ухо,
Бралъ немилаго постельника подъ полу подъ правую,
Выбѣжалъ онъ скоро на широкъ на дворъ,
Самъ садился скоро на добра коня,
Поѣхалъ скоро по матушки по славной каменной Москвы,
190 Самъ шляпой машетъ и голосомъ крычитъ:
— Розодвиньтесь-ка, народъ православный,
— Дайте мнѣ мѣстечка немножечко,
— Проѣхать старому Никитѣ Романовичу
— По матушкѣ славной каменной Москвы!—
195 Какъ сталъ подъѣзжать ко болоту ко Житному,
Увидѣлъ, какъ поваленъ племничекъ да крестничекъ
На тую плаху на дубовую;
У малаго-Малюты Стеньки вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая,
200 Спрашивалъ у Ѳедора Ивановича:
« На кого ты оставишь молоду жену,
« Кому оставишь несчетну золоту казну? »
Какъ тутъ закрычалъ старый Никита Романовичъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
205 — Съѣшь волкъ пса, такъ и выгалкнешь [1])!—
Какъ увидѣлъ тутъ малая-Малюта
Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Увидѣлъ ѣдучись стараго Никиту Романовича на добромъ конѣ,
Не смѣлъ спустить руки правыя, сабли кровавыя,
210 Отсѣчь буйныя головы.
Тутъ наѣхалъ старый Никита Романовичъ,
Соскочилъ онъ со добра коня,
Какъ взималъ онъ племничка да крестничка,
Взималъ со плахи со дубовыя,
215 Кидалъ немилаго постельничка
На плаху на дубовую:

---

[1]) Выглотнешь, выблюешь.—*Б.*

И отсѣкли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тутъ говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ,
220 Говорилъ крестному батюшку:
« Ай же ты, крестный мой батюшка,
« Никита Романовичъ!
« Что̀ жъ намъ будетъ отъ батюшка,
« Грознаго царя Ивана Васильевича? »
225 Говоритъ тутъ Никита Романовичъ:
— Ай же ты, любезный мой крестничекъ!
— Что̀ будетъ—надъ моей-то головкой надъ старою,
— Моя головка при старости;
— А твоя головка при младости!—
230 Тутъ поѣхали во матушку во славну каменну Москву.
Какъ тутъ малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Представилъ онъ передъ царскими окошками
Свою-то саблю кровавую;
Какъ увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
235 Повѣшану саблю кровавую,
Самъ какъ говорилъ да таковы слова:
« По ворахъ-по разбойникахъ есть заступники,
« Есть заступники-помошники крѣпкіе,
« А по насъ, по сѣменахъ царскіихъ, не находится! »
240 [Побликовалъ] онъ указы строгіе
По матушкӣ каменной Москвы,
Приказалъ завѣсить окна сукномъ чернымъ,
А по церквамъ велѣлъ служить онъ,
Служить обѣдни по печальному.
245 У собора Успенскаго, у Ивана Великаго,
Зазвонили обѣдни воскресенскія.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Всѣмъ велѣлъ надѣть онъ платья черныя,
Платья черныя, все печальныя.
250 Старый Никита Романовичъ
Надѣвалъ шубу—которой лучше нѣтъ,
Племничку и крестничку тоже надѣвалъ

Платья — которыхъ лучше нѣтъ;
Пошли они къ обѣдни воскресенскія,
255 Приходили во соборъ да во Успенскій.
Тутъ старый Никита Романовичъ
Становился онъ подлѣ Грознаго царя Ивана Васильевича,
Племничка-крестничка бралъ подъ полу подъ правую,
Самъ крестъ кладетъ по писаному,
260 Поклонъ ведетъ по ученому,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину
Съ царицей Настасьей Романовной:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
265 — Со своей царицей благовѣрною,
— Со своими со царскими со сѣменами!—
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
270 « Развѣ ты про незгоду не знаешь и не вѣдаешь,
« Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
« Аль ты надо мной да насмѣхаешься?
« Выду отъ обѣдни воскресенскія,
« [Публикую] я указы да строгіе,
275 « Съ господъ со всѣхъ и князей
« Со живыхъ скуры сдеру,
« А съ тебя, старая курва,
« Скуру сдеру и на свѣтъ не выпущу! »
Второй наконъ онъ опять проздраствовалъ:
280 — Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сѣменами!—
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
285 « Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
« Развѣ ты про незгоду не знаешь и не вѣдаешь,
« Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
« Аль ты надо мною надсмѣхаешься?
« Выйду отъ обѣдни воскресенскія,

290 « [Публикую] я указы все строгіе,
« Что со всѣхъ господъ, со всѣхъ князей
« Со живыхъ скуры сдеру,
« А съ тебя, старая курва,
« Скуру сдеру и въ волчью запью! »
295 Опять поздравствовалъ онъ и въ третій наконъ:
— Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сѣменами
— И съ Ѳедоромъ Ивановичемъ!—
300 Тутъ онъ выпущалъ изъ-подъ полы изъ-подъ правыя,
Становилъ передъ Грознаго царя Ивана Васильевича.
Тутъ говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Ай же, шуринъ мой любезный,
« Старый Никита Романовичъ!
305 « Не знаю я, чѣмъ тебя пожаловать?
« Аль тебя жаловать селы съ приселами,
« Города съ пригородками,
« Улицы съ переулками,
« Аль тебя несчетной золотой казной? »
310 Говоритъ Никита Романовичъ:
— Мнѣ не надобно селъ съ приселами,
— Городовъ съ пригородками,
— Улицъ съ переулками,
— И мнѣ не надо несчетной золотой казны;
315 — А дай ты мнѣ Никитину вотчину и улицу:
— Кто голову убьетъ да коня уведетъ,
— По той улицѣ уведетъ,
— Того и Богъ проститъ.—
« Вотъ тебѣ, Никита, улица,
320 « Своя тебѣ отчина пожалована!
« А Ѳедора Ивановича вмѣсто себя,
« Вмѣсто себя я царемъ поставлю! »
Тутъ простоялъ онъ обѣдню воскресенскую,
Бралъ Ѳедора Ивановича за бѣлы руки,
325 Повелъ въ свои палаты во царскія,
А также вслѣдъ себя велъ

Стараго Никиту Романовича, шурина любезнаго.
Пришелъ онъ въ свои палаты во царскія,
Тутъ забиралъ для нихъ столованье—почестный пиръ,
330 Многихъ сбиралъ онъ князей-бояръ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ удалыихъ
И Россійскихъ могучихъ богатырей,
Для-ради своего сына любезнаго,
Ѳедора Ивановича,
335 И стараго Никиты Романовича.
Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

137.

ЦАРЬ СОЛОМАНЪ и ВАСИЛІЙ ОКУЛЬЕВИЧЪ.

Было поганое царство Кудріянское,
Жилъ прекрасный король Василій Окульевичъ,
Не женатъ-то онъ, холостъ былъ.
Набиралъ къ себѣ почестный пиръ,
5 Всѣхъ своихъ пановьевъ-улановьевъ, бурзовъ — поганыхъ Тотаровъ,
Всѣхъ своихъ князей-бояриновъ [сенаторовъ] думныихъ,
Вельможъ своихъ, купцовъ богатыихъ.
Какъ тутъ пошелъ у нихъ столованье — почестный пиръ.
Было красно солнце на вечерѣ,
10 Почестенъ пиръ былъ на весели,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
15 Иной хвастатъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,

Иной хвастатъ молодымъ молодечествомъ,
20 Умный-разумный старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
Король по полатушкѣ похаживаетъ,
Король выговариваетъ:
25 « Ай же вы, князья-бояра [сенаторы], думные,
« Вельможи, купцы богатые,
« Всѣ мои бурзы—поганы Тотары!
« Всѣ у меня на честномъ пиру,
« Всѣ вы у меня стали веселы.
30 « Знаете ли вы по моему плечу и по моей храбрости
« Мнѣ-ка царицу благовѣрную,
« Въ которой-нибудь сторонушки,
« Или за славнымъ синимъ моремъ,
« Чтобы она была на лицо бѣла и румена,
35 « Ягодицы какъ маковицы,
« Поскокъ былъ бы заюшки,
« Поворотъ горностаюшки,
« Походка лани бѣлой златорогія,
« Очи ясныя яснаго сокола,
40 « Пролётнаго сокола заморскаго,
« Брови черныя какъ чернаго соболя заморскаго.
« Какъ будто колесомъ брови провѐдены,
« Чтобы было вамъ кому клонитися,
« Въ инной орды хвалитися? »
45 Какъ они другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за середняго,
Середній за меньшаго,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Говоритъ король второй наконъ:
50 « Ай же, князья-бояра,
« Всѣ бурзы—поганы Тотара!
« Что же вы отвѣту не держите?
« Знаете либо не знаете,
« Держите мнѣ такой отвѣтъ:
55 « Знаете ли царицу благовѣрную

« По моему плечу да по храброму,
« Въ которой-нибудь сторонушкй,
« Хоть за славнымъ синимъ моремъ,
« Чтобы она была на лицо бѣла и румена,
60 « Ягодицы какъ маковицы,
« Поскокъ былъ бы заюшка,
« Поворотъ горностаюшка,
« Походка лани бѣлой златорогія,
« Очи ясныя яснаго сокола,
65 « Пролетнаго сокола, заморскаго,
« Брови черныя какъ чернаго соболя заморскаго,
« Какъ будто колесомъ брови провéдены,
« Чтобы было бы вамъ кому клонитися,
« Въ инной орды хвалитися? »
70 Какъ они другъ за друга туляются-окучаются,
Большій за средняго,
Средній за меньшаго,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
За тѣми столами дубовыми,
75 За скамейками окольними,
На томъ концѣ на нижнеемъ,
Сидѣлъ дѣтина черный весь,
Какъ будто дѣтина повàреный,
Повареный, помараный,
80 Сидѣлъ бурза—погана Тотарина,
Говорилъ самъ таковы слова:
— Ай же ты, нашъ батюшка.
— Прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Знаю я тебѣ царицу благовѣрную,
85 — Что на лице она бѣла и румена,
— Ягодицы какъ маковицы,
— Поскокъ у ея заюшка,
— Поворотъ у ней горностаюшка,
— Походка лани бѣлой златорогія,
90 — Очи ясныя яснаго сокола,
— Пролетнаго сокола, заморскаго,
— Брови черныя чернаго соболя заморскаго,

— Какъ будто колесомъ брови провѐдены;
— Есть кому намъ да клонитися,
95 — Въ иной орды есть кѣмъ хвалитися:
— За тѣмъ какъ за славнымъ синемъ моремъ,
— Во томъ во градѣ Ерусо̀лимѣ,
— У премудраго царя у Соломана,
— Есть прекрасная царица Соломонида.—
100 Какъ говорилъ тутъ прекрасный король,
Говорилъ Василій Окульевичъ:
« Ай же ты, дѣтина пова̀реный,
« Поваренный и пова̀леный!
« Глупу ты рѣчь, дѣтина, говоришь:
105 « Какъ можно отъ жива мужа да жена увезть,
« Не безъ чего отъ премудраго царя да отъ Соломана? »
Какъ говоритъ дѣтина поваренный таковы слова:
— Ай же ты, нашъ батюшка,
— Прекрасный король Василій Окульевичъ!
110 — Наложи-тка ты мнѣ имячко дру̀гое,
— Наложи-тка ты мнѣ имя Ивашко,
— Ивашко-Торокашко гость заморскій;
— Построй-ка три ка̀рабля три черные,
— Исправные карабли, снарядные,
115 — Опуши-ка эти карабли лисицами,
— Лисицами-куницами заморскими,
— Нагружай-ка эти карабли товарами,
— Неоцѣнными камешками драгоцѣнными:
— Поѣду я за славное сине море,
120 — Привезу тебѣ царицу Соломанію.—
Какъ онъ наложилъ ему другое имячко—
Ивашко-Торокашко Заморянинъ,
Построилъ три карабля три черные,
Исправные всимъ карабли, снарядные,
125 Опушилъ эти карабли лисицами,
Лисицами-куницами заморскими,
Нагружалъ эти карабли товарами,
Неоцѣнными камешками драгоцѣнными,
Отпущалъ Ивашка-Торокашка за сине море,

130 За сине море во градъ во Ерòсолимъ.
Скоро скажется, да по успѣху дѣло дѣлается.
Будетъ Ивашко-Торокашко за синемъ моремъ,
За синемъ моремъ во градѣ Еросòлимѣ,
Становилъ свои черные карабли
135 Во пристань во купеческу,
Бралъ онъ дороги подарочки заморскіе,
Онъ докладъ держалъ ко царю ко Соломану.
Царя да Соломана дома не случилося:
Уѣхано за охотой во чисто поле.
140 Онъ докладъ держалъ царицѣ благовѣрныя,
Дарилъ ей дороги подарочки,
Самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты, благовѣрная царица Соломанья!
— Прими-ко ты мои дороги подарочки,
145 — Дороги подарочки заморскіе,
— Позволь поторговать во градѣ Еросолимѣ
— Товарами заморскими,
— Посылай-ка ты оцѣнить обдѣнщиковъ,
— Обцѣнщиковъ ребятъ да молòдыихъ,
150 — Оцѣнить мои черные кàрабли,
— Черные карабли и товары заморскіе.—
Она посылала ребятъ да молодыихъ
Оцѣнить карабли черные
И товары заморскіе.
155 Какъ приходили оцѣнщики на черные на карабли,
Они карабль цѣнили, они другой цѣнили,
На третій карабль да цѣнить пришли,—
Какъ онъ сталъ убаивать,
Онъ сталъ уговаривать,
160 Уговаривать, около обхаживать:
— Ай же вы, ребята молоды обцѣнщики!
— Выпейте-ка нашихъ напиточковъ заморскіихъ,
— Непьяныихъ, сладкіихъ:
— Во вашемъ Еросолимѣ
165 — Нѣтъ таковыхъ и не водится.—
Имъ какъ захотѣлося напиточковъ откушати,

Какъ поднесъ онъ по чарочки напиточекъ сонныихъ,
И поднесъ имъ по другія,
И поднесъ имъ по третія,—
170 Только едва успѣли выйти со караблей,
На крутомъ крежу сонны лежатъ.
Онъ опять докладъ держалъ царицѣ Соломаньи:
— Ай же ты, царица благовѣрная Соломанія!
— Послала ты ребятъ все молодыихъ:
175 — Они не могли оцѣнить моихъ караблей,
— Напилися зелена вина
— И на крутомъ крежу сонны лежатъ.
— Посылай-ка ты молодыхъ ребятъ,
— Которые не пьютъ да зелена вина,
180 — Не играютъ костми-картами.—
Она выбирала такихъ да общѣнщиковъ,
Ребятъ да молодыихъ,
Которые не пьютъ да зелена вина,
Не играютъ костми-картами,
185 Посылала такихъ да общѣнщиковъ,
Оцѣнивать его карабли черные,
Черные карабли, товары заморскіе.
Какъ пришли ребята на эти на черные на карабли,
Начали товары и карабли оцѣнивать,
190 Какъ карабль цѣнили и другой цѣнили,
И на третій пришли оцѣнивать,—
Какъ онъ сталъ ихъ убаивать,
Сталъ да уговаривать,
Вокругъ ихъ да обхаживать:
195 — Ай же, ребята молодые общѣнщики!
— Выпейте-ка вы нашихъ напиточковъ заморскіихъ,
— Сладкіихъ, непьяныихъ:
— Во вашемъ Еросолимѣ
— Нѣтъ таковыхъ и не водится.—
200 Какъ имъ захотѣлося откушати,
Онъ поднесъ-то имъ напиточковъ сонныихъ по чарочки,
Онъ поднесъ-то имъ по другоя,
И онъ поднесъ-то имъ по третей чарочки,—

Опять едва вышли со караблей
205 И на крутомъ крежу сонны лежатъ.
Онъ опять докладъ держалъ царицѣ благовѣрныя:
— Ай же ты, царица благовѣрная Соломанія!
— Не посылай больше обцѣнщиковъ
— Ребятъ да молодыихъ:
210 — Не могутъ оцѣнить моихъ караблей,
— Напьются зелена вина
— И сонны лежать на крутомъ крежу.
— Ты самъ поди—оцѣни мои черные ка́рабли.—
Она сама да поднималася,
215 Приходила на черные на карабли,
Стала товаровъ оцѣнивать,
Товаровъ и черныхъ караблей;
Карабль цѣнила она, другой цѣнила,
На третій карабль оцѣнить пришла,—
220 Какъ онъ сталъ убаивать,
И сталъ онъ уговаривать,
И около обхаживать:
— Ай же ты, царица благовѣрная Соломанья!
— Выпей-ка нашихъ напиточковъ сладкіихъ,
225 — Сладкіихъ заморскихъ непьяныихъ,
— За ту за выслугу великую,
— Что оцѣнила мои черные карабли.—
Поддергивалъ ей столикъ дубовый,
Ко столику поддергивалъ золотой онъ стулъ;
230 Садилася она на золотъ стулъ,
Садилася ко столику дубовому;
Какъ становилъ онъ напиточковъ
Сладкіихъ заморскихъ на дубовый столъ,—
Все напиточки сонные,—
235 Какъ начала пить она напиточковъ заморскіихъ,
Чарочку пить за чарочкой,
И напилась она допьяна,
Обвалилася на черноемъ на карабли,
Обвалилася, сонна лежитъ.
240 Онъ приказалъ отвалить черные карабли

Отъ береговъ да во сине море,
Поѣхалъ онъ славнымъ синемъ моремъ.
Она на синемъ мори просыпалася,
Сама говоритъ да таковы слова:
245 « Ай же ты, Ивашко-Торокашко, гость заморскиій!
« Про себя везешь или про друга? »
Онъ отвѣчалъ ей таковы слова:
— Ай же ты, царица благовѣрная!
— Какъ можно намъ держать роды царскіе!
250 — Отъ царя къ королю везу,
— Къ королю везу ко прекрасному
— Василью Окульевичу.—
Какъ привозилъ онъ во царство Кудріянское,
Какъ тутъ прекрасный король Василій Окульевичъ
255 Какъ встрѣчалъ Ивашка-Торокашка,
Гостя изъ-за синя моря,
Встрѣчалъ съ честью великою,
Самъ радовался радостью великою,
Что «Теперь у меня жена да прекрасная!»
260 Тутъ какъ прекрасный король Василій Окульевичъ,
Повѣнчался онъ по-своему;
Тутъ какъ пошелъ у нихъ столованье—почестный пиръ,
Теперь какъ пиръ на радости,
На веселй пиръ на великія,
265 Радуются всѣ князи и бояря (сенаторы) думные,
Вельможи, купцы богатые,
Бурзы—поганы Тотара.
А какъ во градѣ во Еросолимѣ,
Наѣхалъ Соломанъ царь да изъ чиста поля,
270 Докладъ держали ему да слуги вѣрные:
« Ай же, батюшка, премудрый Соломанъ царь!
« Какъ наѣзжалъ изъ-за синя моря,
« Съ того ли со царства Кудріянскаго,
« Ивашко-Торокашко гость заморянинъ,
275 « Увезъ твою царицу Соломанью
« За славное за сине море,
« Во то ли царство Кудріянское.»

Тотъ Соломанъ царь да пораздумался:
« Какъ можно отъ жива мужа да жена увезть,
280 « Не безъ чего отъ меня, отъ премудраго царя отъ Соломана!
« Ежели мнѣ поддаться,
« Такъ будутъ надо мной смѣяться
« За славноемъ синемъ моремъ,
« Во царствѣ Кудріянскоемъ.»
285 Какъ самъ тутъ взималъ пастушей рогъ,
Выходилъ какъ самъ на крутой крылецъ,
Заигралъ какъ онъ да во пастушей рогъ,
Самъ въ рожку да выговаривалъ:
« Ай же, сила моя—войско сорокъ тысячей!
290 « Всѣ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней.
« Поѣдемъ мы сугоною во славное синє море,
« Подъ то да царство Кудріянское! »
Сила услышала, начала сѣдлать,
Сѣдлать да уздать добрыхъ коней.
295 Онъ опять заигралъ во второй наконъ,
Заигралъ во пастушей рогъ,
Самъ въ рожку да выговаривалъ:
« Ай же вы, князи-бояре!
« Всѣ уздайте-сѣдлайте добрыхъ коней! »
300 Они да услышали, начали сѣдлать,
Сѣдлать да уздать добрыхъ коней,
Какъ всѣ они приготовляются.
Какъ тутъ-то царь да приготовился,
Опять заигралъ во пастушей рогъ,
305 Въ рожку ли самъ да выговаривалъ:
« Ай же, князи-бояра всѣ
« И все войско сорокъ тысячей!
« Отправляйтесь-ка во синє море,
« Во поганое царство Кудріянское,
310 « Ко поганому царству Кудріянскому! »
Всѣ они отправились-поѣхали,
И поѣхалъ Соломанъ царь,
Все сѣло войско на добрыхъ коняхъ,

И отправился Соломанъ царь,
315 Какъ поѣхали всѣ во славное синє море.
Скоро скажется, по успѣху дѣло дѣлается.
Какъ будутъ подъ тѣмъ царствомъ Кудріянскіимъ,
Не доѣхалъ онъ до царства за три поприща,
Становилъ онъ свою силушку въ чистомъ поли,
320 Самъ да своей силушки наказыватъ:
« Ай же, моя сила любезная,
« Сила-войско сорокъ тысячей!
« Вы кормите-тко добрыхъ коней,
« Вы кормите, а сами слухайте:
325 « А заиграю я во первой наконъ во пастушей рогъ,
« Такъ вы сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
« Какъ заиграю я во второй наконъ во пастушей рогъ,
« Такъ вы садитесь на добрыхъ коней,
« Садитесь, приготовляйтесь-ко;
330 « Какъ заиграю я въ третій наконъ во пастушей рогъ,
« Такъ вы дьте скорымъ скоро,
« Скорымъ скоро, скоро на̀ скоро,
« Заставайте-тко меня во живности.»
Какъ самъ-то бралъ подъ полу подъ правую,
335 Бралъ онъ пастушей рогъ,
А въ руку бралъ дубину подорожную,
Пошелъ пѣшо во царство Кудріянское.
Сталъ подходить ко полатамъ королевскіимъ.
Какъ подошелъ ко полатамъ королевскіимъ,
340 Увидала царица Соломанья
Идучи царя Соломана,
Сама скоро бѣжала на широкъ дворъ,
Брала царя Соломана за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
345 Называла мужемъ любезныимъ,
Любезныимъ мужемъ, царемъ Соломаномъ,
Проводила въ полаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы за дубовые,
Подносила яства сахарныя,
350 Напитокъ медвяныихъ:

— Ай же, батюшко Соломанъ царь!
— Ивашко-Торокашко заморянинъ,
— Увезъ онъ меня съ обману великаго.
— Прекрасна короля Василья Окульевича,
355 — Дома его не случилося:
— Уѣхано за охотою во чисто поле.
— Ай же ты, батюшко Соломанъ царь!
— Дай ты мнѣ проспать остатню ночь
— Съ королемъ Васильемъ Окульевичемъ:
360 — Онъ охотникъ ѣздить во чисто поле,
— Во чисто поле за охотою,
— Онъ завтра опять уѣдетъ во чисто поле,
— Мы съ тобой сядемъ на добрыхъ коней,
— Да уѣдемъ во свой градъ Еросолимъ.—
365 Такъ онъ говоритъ: « Я куда пойду? »
Она говоритъ: — Ты зайди-ка въ сундукъ да въ окованый.—
Какъ онъ зашелъ въ сундукъ да въ окованый,
Она замыкала его въ сундукъ окованый.
По вечеру да по позднему,
370 Какъ наѣзжалъ прекрасный король изъ чиста поля,
Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Какъ сталъ разговаривать со своей женой съ любезныя,—
Она сидитъ на томъ сундукѣ,
На царй да на Соломанѣ,—
375 Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же, батюшка, прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Я на царй сижу да съ королемъ говорю.—
Онъ же говоритъ: « На какомъ ты сидишь царѣ? »
— А сижу я на царй на Соломанѣ.—
380 Какъ взяла—выпущала царя да Соломана;
Какъ говорилъ прекрасный король таковы слова:
« Ай же ты, названъ Премудрый Соломанъ царь!
« Ты зашелъ подъ ж... подъ бабьину! »
Говоритъ царица Соломанья:
385 — Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!

— Надо казнить царя Соломана скорымъ на скоро.—
Говоритъ царь Соломанъ таковы слова:
« Ай же, батюшко, прекрасный король Василій Окульевичъ!
« Ты казни-тко меня не по каличьему,
390 « Ты казни меня по царскому:
« Какъ у насъ на святой Руси
« Царей казнятъ да вѣшаютъ;
« Вѣдь я теперь да никуда не уйду;
« А прикажи-ка ты въ чистомъ полѣ
395 « Вкопать два столбика дубовые,
« Класть грядочку кленовую,
« Ко грядочки привязать три петелки шелковыя,
« Первую петелку красную шелковую—
« Класть буйная головушка;
400 « Другую петелку шелку да бѣлаго—
« Класть бѣлыя рученьки;
« Третью петелку шелку да чернаго—
« Класть рѣзвыя ноженьки.»
Королю да рѣчи прилюбилися;
405 Посылалъ какъ слугъ да вѣрныхъ во чисто поле,
Закопать два столбика дубовые,
Во столбики дубовые класть грядочка кленовая,
Ко грядочки привязать три петелки шелковыя,
Первую петелку шелку да краснаго,
410 Вторую петелку шелку да бѣлаго,
Третью да петелку шелку да чернаго;
Ко петелкамъ сдѣлали три ступенчика розкрашены.
Какъ повели туды царя Соломана,
Казнить да вѣшати,
415 Во первую карету садилися
Прекрасный король Василій Окульевичъ,
Во другую карету царица Соломанія,
Во третью карету Ивашко-Торокашко,
Ивашко-Торокашко гость заморянинъ.
420 Тутъ-то говоритъ прекрасный король Василій Окульевичъ:
« Ай ты, премудрый Соломанъ царь!

« Знашь ли, кто ѣдетъ въ трехъ каретахъ опальніихъ? »
Онъ какъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, батюшка, прекрасный король Василій Окульевичъ!
« Первую карету кони везутъ,
« Другая карета сама йдетъ,
« Третью карету чортъ несетъ
« На казень на смертную.»
Тому того хотѣлося.
Какъ пріѣзжали къ тѣмъ петелкамъ шелковымъ,
Какъ выходили всѣ съ каретъ да съ опальніихъ,
Какъ становился Соломанъ царь на первой ступень,
Говорилъ царь Соломанъ таковы слова:
« Ай же ты, батюшка, прекрасный король Василій Окульевичъ!
« Какъ былъ-то вѣдь маленькой,
« Какъ коровъ-то я попасывалъ,
« Я охочь въ рожка поигрывать:
« Позволь-ко мнѣ сыграть въ остатьніихъ,
« Въ остатьніихъ, во послѣдніихъ? »
Говоритъ царица таковы слова:
— Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Ты казни царя Соломана скорымъ на скоро:
— Скорымъ скоро, скорымъ на скоро:
— Царь Соломанъ хитеръ-то есть.—
Какъ онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, жена моя любезная!
« Одно ли дерево въ лѣсѣ не темный лѣсъ,
« Не темный лѣсъ, не шумячій:
« Одинъ человѣкъ да не рать въ полй.
« Играй-ка ты, играй ты, Соломанъ царь! ».
Какъ заигралъ-то онъ въ первой наконъ во пастушей рогъ,
Самъ въ рожку ли выговариватъ:
« Приходитъ казень смертная царю Соломану
« Во томъ во городѣ да Кудріянскоемъ,
« А казнитъ его прекрасный король Василій Окульевичъ,

« Казнитъ не по каличьему, а казнитъ его по царскому,
« Какъ на святой Руси казнять царей да вѣшаютъ! »
Игра ему да прилюбилася.
Какъ сила тамъ его да услышала,
Начали сѣдлать-уздать да добрыхъ коней,
Только начала дрожать мать сыра земля.
Говоритъ какъ тутъ прекрасный король,
Прекрасный король Василій Окульевичъ:
« Ай же ты, Соломанъ царь!
« Мнѣ какъ будто чудится,
« Что дрожитъ мать сыра земля? »
Говоритъ какъ Соломанъ царь таковы слова:
« Прекрасный король Василій Окульевичъ!
« Отъ моего отъ рожка пастушьяго
« Идетъ отзывъ за славное сине море,
« Во градъ да во Еросолимъ-то;
« У меня тамъ гусей-лебедей сорокъ тысячей,
« Были кормленые-ученые,
« Языкамъ человѣчьимъ пріученые;
« Услышали мою игру изъ-за синя моря,
« Они вылетѣли на славное сине море,
« Они говорятъ сами промежь собою:
« Не стало у насъ стараго царя Соломана,
« Приходитъ ему казень смертная
« Во той земли Кудріянскія,
« Казнитъ его король не по каличьему,
« А казнитъ его король все по царскому!—
« Бьютъ они крыльями объ воду,
« Волну они сдѣлали да на синемъ мори,
« Волна сходилась во береги:
« Отъ того дрожитъ мать сыра земля.»
Какъ вступилъ-то онъ на другой ступень,
Говорилъ опять да таковы слова:
« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ
« Позволь-ко ты сыграть да мнѣ второй наконъ:
« Ужъ какъ былъ-то я маленькой,
« Охвочь въ рожка поигрывать,

« Тошнешенько еще сыграть мнѣ хочется.»
Говоритъ царица таковы слова:
495 — Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Казни скорѣй царя Соломана,
— Скорымъ скоро, скорымъ нà скоро:
— Царь Соломанъ хитёръ-мудёръ.—
Онъ говоритъ таковы слова:
500 « Ай же ты, жена моя любезная!
« Одно ли дерево не теменъ лѣсъ:
« Одинъ человѣкъ съ нами не рать въ полй.
« Играй-ка ты, играй, Соломанъ царь! »
Какъ заигралъ-то онъ во второй наконъ,
505 Въ рожку ли самъ да выговариватъ:
« Приходитъ казень смертная царю Соломану
« Во томъ во царствѣ Кудріянскоемъ,
« Казнитъ его прекрасный король,
« Не по каличьему казнитъ его, по царскому! »
510 Сила его да услышала,
Какъ начали садиться на добрыхъ коней,
Начала дрожать да мать сыра земля.
Говоритъ прекрасный король да таковы слова:
« Ай же ты, премудрый Соломанъ царь!
515 « Мнѣ какъ будто чудится,
« Что дрожитъ мать сыра земля? »
Говоритъ опять Соломанъ царь да таковы слова:
« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
« Отъ моего рожка отъ пастушьяго
520 «Идетъ гулъ по синю морю
« Во градъ во Еросолимо-тъ;
« У меня какъ во градѣ Еросолимѣ
« Добрыхъ коней сорокъ тысячей,
« Были кормленые-ученые,
525 « Къ языкамъ человѣческимъ пріученые;
« Услышали тую игру изъ-за синя моря;
« Выскочили во далече-далече во чисто поле,
« Говорятъ они промежъ собой:
« Что не стало у насъ стараго царя Соломана!—

530 « Бьютъ они копытами о матушку сыру землю.»
« Отъ того дрожитъ да мать сыра земля.»
Ступилъ да онъ ступень на остатній-то,
Говорилъ какъ самъ да таковы слова:
« Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
535 « Какъ былъ-то я маленькой,
« Коровушекъ попасывалъ,
« Охвочь въ рожка поигрывать:
« Позволь-ко ты мнѣ сыграть да въ послѣднiихъ,
« Ты позволь мнѣ сыграть въ остатнiихъ?
540 « Мнѣ-ка больше да не игрывать! »
Говоритъ царица таковы слова:
— Ай же ты прекрасный король Василій Окульевичъ!
— Казни царя Соломана скорымъ скоро,
— Скорымъ скоро, скорымъ на скоро:
545 — Царь Соломанъ, смотри, хитёръ-мудёръ!—
Какъ онъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, жена моя любезная!
« Одно лишь дерево не темно въ лѣсу,
« Не темно въ лѣсу, не шумящее:
550 « Одинъ человѣкъ не рать въ полй.
« Играй-ка ты, играй, Соломанъ царь! »
Какъ заигралъ тутъ Соломанъ царь во пастушей рогъ,
Какъ сила тутъ услышала, сейчасъ сила наѣхала.
Говоритъ тутъ Соломанъ царь да таковы слова:
555 « Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
« Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны:
« Почто ты посѣялъ пшеницу бѣлояровую,
« Посѣялъ по чисту полю?
« Налетѣли мои гуси-лебеди,
560 « Гуси-лебеди да черные вороны,
« Клюютъ твою пшеницу бѣлоярову! »
Ино наскакали ко петелкамъ шелковымъ,
Во петелку въ красную клали
Прекраснаго короля Василья Окульевича;
565 Во петелку бѣлую клали
Царицу Соломанью;

Во петелку во черную клали
Ивашка-Торокашка, гостя заморскаго;
Остальную силу всю присѣкли на чистомъ полѣ.
570 Тутъ-то въ царстви Кудріянскоемъ
Любое имѣньицо свалили на черные на карабли,
Добрыхъ коней погнали объ сине море
Стады-стадами въ Еросо́лимъ градъ,
Любое имѣньицо отпустили прямо на карабляхъ
575 Черезъ сине море въ Еросо́лимъ градъ.
Тое царство огнемъ сожгли:
Тому лишь царству славы поютъ.
Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

XXII.

ТРОФИМЪ РОМАНОВЪ.

Трофимъ Романовъ, крестьянинъ дер. Пирзаковской, Колодозерской вол. Пудожск. уѣзда. Рыбниковъ помѣстилъ въ III томѣ семь былинъ его въ чужой записи, да въ IV томѣ одна побывальщина о Святогорѣ носитъ имя Романова. Рыбниковъ ставитъ репертуаръ Романова въ связь съ 90-лѣтнимъ пѣвцомъ изъ дер. Колодозеро; вотъ его слова: «онѣ (былины Троф. Романова) по складу близки къ записаннымъ мною въ 1860 г. и, вѣроятно, переняты Романовымъ у того же старика» (замѣтка, здѣсь стр. LXXXVIII). Трудно сказать, насколько это замѣчаніе вѣрно: изъ пяти былинъ Колодозерскаго старика, вошедшихъ въ Рыбниковскій сборникъ, только одна совпадаетъ по сюжету съ Романовскими (Три поѣздки Ильи), но она дѣйствительно очень сходна у обоихъ и притомъ она очень своеобразна (см. замѣтку нашу о Колодозерскомъ старикѣ), такъ что извѣстное основаніе у Рыбникова, очевидно, было; надо принять также во вниманіе то, что Рыбниковъ по обстоятельствамъ не успѣлъ записать всего репертуара Колодозер-

скаго сказителя.—Троф. Романовъ умеръ за годъ до пріѣзда Гильфердинга въ Олонецкій край; четыремъ его былинамъ можно указать параллели у другихъ Гильфердинговскихъ сказителей изъ той же мѣстности (изъ Кенозера и Моши); онѣ не всегда очень близки, но мы сочли не лишнимъ ихъ отмѣтить при текстахъ. Одна изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія; это—былина объ Ильѣ и Калинѣ. Гильфердингъ въ замѣткѣ о Степ. Максимовѣ (III, 454) говоритъ, что Максимовъ выучился былинѣ этой отъ Трофима Романова; но помѣщенный имъ Максимовскій текстъ (№ 296) не обнаруживаетъ никакого сходства съ даннымъ у Рыбникова Романовскимъ варіантомъ; сколько-нибудь близко къ послѣднему стоитъ развѣ Швецовскій текстъ (Гильф., № 304). Если Максимовъ дѣйствительно получилъ свой текстъ отъ Троф. Романова, то остается предположить, что у Романова было въ памяти два несхожихъ варіанта одного сюжета, подобно тому, какъ мы видѣли это у Рябинина (тотъ же самый сюжетъ) и у А. Сарафанова (Смерть Чурилы). См. наши замѣтки о нихъ въ I томѣ.

138.

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

Изъ славнаго изъ города изъ Муромля, изъ того ли села изъ Карачарова, выѣзжалъ удалый добрый молодецъ, Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ, во дáлече-далѐче во чисто поле. Наѣхалъ удалый добрый молодецъ богàтыря великаго Святогора, и убоялся добрый молодецъ, старый казакъ да Илья Муромецъ, того ли Святогора богàтыря, и спустилъ своего ли добра коня во кувыль-траву, самъ высталъ въ толстый сырой дубъ отъ Святогора богатыря. Пріѣхалъ Святогоръ богатырь подъ тотъ сырой дубъ, раскинулъ шатеръ бѣлополотняный и вынимаетъ изъ кармана жену красавицу. Разстилала она скатерти браныя, разставливала ѣства сахарныя и питьица медвяныя. Наѣдался Святогоръ досыта и напивался онъ до люби,

почивъ держать. Этая жена богатырская обозрила
ыромъ дубу и говоритъ ему таковы слова: «Ай же
й добрый молодецъ, сойди со сыра дуба; буде не
о сыра дуба, разбужу Святогора богатыря и при-
смерть скорую». Убоялся Илья Муромецъ Свято-
ыря и слѣзъ со сыра дуба. Опять говоритъ таковы
твори со мной блудъ, добрый молодецъ! Не то, раз-
огора богатыря, придастъ тебѣ смерть скорую». Сдѣ-
цѣло повелѣное. Опять говоритъ таковы слова: «Поди
карманъ, добрый молодецъ!» Зашелъ съ нею вмѣ-
манъ. Проснулся Святогоръ отъ крѣпкаго сна, об-
юего коня богатырскаго и поѣхалъ ко Святымъ го-
ъ его добрый конь богатырскій по колѣна въ землю
. И бьетъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ. И
гъ конь языкомъ человѣческимъ: «Возилъ тебя, Свя-
атырь, и твою богатырскую молоду жену, а не могу
хъ богатырей и третью твою молоду жену». Сунулъ
въ глубокъ карманъ и вынимаетъ оттуда молоду
нимаетъ Илью Муромца. «Ты какъ зашелъ во глу-
анъ?»—Завела меня твоя молода жена наугрозою.—
лъ Илья Святогору богатырю, какъ попалъ во глу-
анъ. Бралъ Святогоръ молоду жену, оторвалъ ей
ову, раздернулъ тѣло бѣлое на четыре на четверти,
раскинулъ по чисту полю. И назвались Илья да
братьями названными, и поѣхали ко Святымъ го-
хали гробницу великую, выложена гробница крас-
томъ. Легъ въ тую гробницу Святогоръ богатырь:
мъ и устроена. «Покрой меня сверху досками, братъ
» Какъ покрылъ его досками, доски Божьимъ из-
росли. «Открой меня, братъ названный!» Илья Му-
ткрыть не могъ. Сталъ рубить доски саблей. Куда
аблей, тамъ станетъ желѣзный обручъ. «Возьми,
анный, мою саблю». Илья сабли и подынуть не
и, братъ названный, я тебѣ силы дамъ». Припалъ
робницѣ, и дунулъ Святогоръ духомъ богатырскимъ.
я тую саблю: гдѣ ударитъ, тамъ станутъ желѣзные
рипади ко мнѣ другой разъ, названный братъ, еще

силы придамъ». Илья Муромецъ говоритъ на мѣсто: — Если еще припасть, то не понесетъ мать сыра земля: силы у меня довольно. — «Когда бы ты припалъ, дунулъ бы я мертвымъ духомъ и ты бы подлѣ меня легъ спать». Тутъ и остался Святогоръ богатырь.

139.

ИЛЬЯ и СОЛОВЕЙ [1]).

Сидѣлъ Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ 30 лѣтъ,
Не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ.
И когда ходилъ Господь Іисусъ Христосъ
По землѣ по матери съ апостолами,
5 И приходитъ онъ въ село Карачарово
Къ Ильѣ Муромцу подъ окошечко
И попросилъ напиться.
Говоритъ Илья таковы слова:
« Ай же вы, добрые людюшки!
10 « Не могу напоить васъ: не имѣю ни рукъ, ни ногъ. »
И говоритъ Господь Іисусъ Христосъ:
— Вставай, Илья Муромецъ, на ноги,
— Поди-ко напой насъ.—
И высталъ Илья Муромецъ на ноги
15 И поднесъ имъ яндову квасу.
Истинный Христосъ крестомъ оградилъ чашу:
— Ну, выкушай самъ, что подносишь.—
Илья Муромецъ и выкушалъ,
Господь и спрашиваетъ:
20 — Каковъ ты нынѣ есть?—
Илья Муромецъ плечмы стряхнулъ:
« Я теперь, добрые люди, корпусъ въ себѣ имѣю. »
Онъ другую чашу напѣдилъ,
Господь опять оградилъ крестомъ и спросилъ:
25 — Нынѣ каковъ ты, Илья?—

---

[1]) Первые 30 строкъ этой былины очевидно не пѣлись, а были переданы въ разсказѣ: стихъ въ нихъ совершенно отсутствуетъ.—*Ред.*

А Илья Муромецъ говоритъ:
« Я теперь, добрые люди, имѣю корпусъ въ себѣ:
« Ежели бы было теперь колько силы поганой,
« Напустилъ бы бить. »
30 И ушелъ Господь со апостолами.
Илья Муромецъ пригналъ себѣ коня добраго,
Облатился Илья и обкольчужился,
Бралъ съ собой палицу булатнюю,
Бралъ онъ копье долгомѣрное,
35 Еще тугой лукъ да калены стрѣлы.
И шелъ Илья въ Божью церковь,
И отстоялъ раннюю заутрину воскресную
И завѣчалъ завѣты великіе:
« Ѣхать ко славному городу ко Кіеву,
40 « Проѣхать дорожкой прямоѣзжею,
« Не натягивать туга лука
« И не накладывать каленой стрѣлы,
« Не кровавить коня долгомѣрнаго
« И не кровавить палицы булатнія. »
45 Бралъ деревцо съ собой кипарисное,
Онъ стружки строгалъ, все кресты ставилъ,
Чинилъ первую поѣздку богатырскую.
Какъ доѣхалъ до города Бѣжегова,
И обступила сила поганая
50 Тотъ ли городъ Бѣжеговской;
И зашли мужи то Бѣжеговцы
Въ тую во церковь соборную,
Они каются да причащаются,
На смертную казнь снаряжаются.
55 Ильѣ Муромцу жаль стало мужиковъ Бѣжеговскихъ
И того ли города Бѣжегова,
И разрушилъ завѣты великіе,
И приправилъ косматаго бурушка въ чисто поле.
Онъ вырвалъ дубъ да съ кореньями
60 И обдѣлалъ рукояточку [1]);

[1]) Такимъ образомъ на первой порѣ оружье Ильи, взятое изъ дому, остается

И заѣхалъ въ рать-силу великую,
И зачалъ дубомъ помахивать:
И куды махнетъ, тутъ и улочки,
Перемахнетъ, такъ переулочки.
65 И усмотрѣли мужики Бѣжеговцы
Во тую во трубочку подзорную,
Что ѣздитъ удалый добрый молодецъ
Въ рать-силы великія,
И налили чашу красна золота,
70 Другую скатняго жемчугу,
Третью налили чистаго серебра,
И несутъ ему даровья великія:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Ты коей земли, ты коей орды,
75 « Коего отца, да коей матери,
« Какъ тебя, удалый, именемъ зовутъ?
И возговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Я изъ тамаго [1]) изъ города изъ Муромля,
— Изъ этого ли села изъ Карачарова.—
80 И говорятъ мужики опять Бежеговцы:
« Ай же ты удалый добрый молодецъ!
« Ты бери-ко у насъ злато, серебро,
« И бери у насъ скатній жемчугъ,
« И живи у насъ въ городѣ Бѣжеговѣ,
85 « Слыви ты у насъ воеводою. »
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Ай же, вы, мужики Бѣжеговцы!
— Не набъ мнѣ-ка ни злата, ни серебра,
— И не набъ мнѣ-ка скатняго жемчугу;
90 — И не живу въ городѣ Бѣжеговѣ,
— И не слыву у васъ воеводою;
— А мнѣ покажите дорожку прямоѣзжую
— Ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю Владиміру.—
95 Говорятъ мужики Бѣжеговцы:

---

[1]) Прилагательное отъ нарѣчія тамъ.

« Ай же ты удалый добрый молодецъ,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Вѣдь на той дорожкѣ прямоѣзжія
« Есть заставы великія:
100 « Первая застава великая—ольги топучія;
« А другая застава великая,—у матушки у Пачей рѣки
« Сидитъ Соловей Рахматовъ сынъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ злодѣй на семи верстахъ;
« А третья застава великая,—
105 « Сорокъ сыновъ было со единымъ у Соловья,
« А еще у него была любимая дочь,
« Та ли Марья Соловеевна.
« Кругомъ двора тынъ булатніій. »
110 Какъ видѣли Ильюшиньку сядучись,
А не видѣли уѣдучись.
И пріѣхалъ онъ къ ольгѣ топучія:
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубья рветъ,
115 И замостилъ мосточки дубовые.
Какъ пріѣхалъ онъ да ко Пачей рѣкѣ,
Закричалъ Соловей по звѣриному,
И засвисталъ Соловей по змѣиному;
И замызгалъ собака по соловьиному:
120 Подъ Ильей подъ Муромцемъ
Его добрый конь да отарашился.
Онъ бьетъ коня по тучнымъ ребрамъ [1])
И самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты волчья выть [2]), травяной мѣшокъ!
125 — Развѣ ты въ лѣсахъ не бывалъ,
— Развѣ ты звѣрей не видалъ,
— Развѣ ты бабьяго обрыку [3]) не слыхалъ?—
И вытянулъ свой тугой лукъ,
И накладывалъ калену стрѣлу,
130 Самъ ко стрѣлочкѣ приговаривалъ:

---

[1]) Вм. бедрамъ.
[2]) Волчья ѣда.
[3]) Болтовня, крика.

— Полети, моя калена стрѣла,
— Къ Соловью къ вору Рахматому,
— И попади ты, моя стрѣлочка,
— Соловью Рахматому въ правой глазъ,
— А выдь подъ лѣвую пазуху,
— Оброни Соловья вора Рахматаго безъ навиду.— [1])
И полетѣла стрѣлка, завзвивалася,
И пала Соловью Рахматому во правой глазъ,
И вышла подъ лѣвую пазуху;
Какъ упалъ Соловей на сыру землю,
Мать сыра земля да всколыбалася,
Во Пачей рѣкѣ вода съ пескомъ помутилася.
И наѣзжалъ тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
И приковалъ его ко стремени булатнему,
И ѣдетъ по далечѣ-далечѣ по чисту полю,
Къ тому ли двору Соловьиному.
И увидали любимые дѣтушки,
Сами говорятъ таково слово:
« Ай же ты, матушка-родителекъ, Акулина Дудентьевна!
« Батюшко-то ѣдетъ, мужика везетъ. »
Какъ взглянетъ Акулина Дудентьевна,
Зарычала зычнымъ голосомъ:
— Баженыя любимыя дѣтушки!
— Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца везетъ:
— Онъ прикованъ ко стремени булатнему,
— Облился кровью горячею.
— Вы берите шалыги подорожныя,
— Выручайте желаннаго батюшка. —
Какъ подхватили шалыги подорожныя,—
Самая послѣдняя шалыга девяносто пудъ,—
И выскочили они на широкій дворъ.
А онъ не заѣхалъ на широкій дворъ,
И зарычалъ Соловей во всю голову:
« Ай же вы бажены, любимыя дѣтушки!
« Не дразните удалаго добра молодца,

---

[1]) Смертной раны.

« Налейте вы чашу красна золота,
« А другую скатняго жемчугу,
« А третью чистаго серебра. »
И пометали шалыги подорожныя,
170 И наливали чашу красна золота,
Другую скатняго жемчугу,
А третью чиста серебра.
Илья Муромецъ говоритъ таково слово:
« Не надо мнѣ ни злата, ни серебра,
175 « И не надо мнѣ скатняго жемчугу,
« Я свезу Соловья во Кіевъ градъ,
« На вино пропью, на колачъ проѣмъ. »
А эта Марья Соловеевна
Ухватила подворотню булатнюю стопудовую,
180 Клеснула [1]) Ильюшиньку межъ уши въ голову:
Мало Ильюшенькѣ можется,
Сидитъ на конѣ да шатается.
Онъ зналъ ухватку молодецкую,
Соскочилъ да со добра коня,
185 И бралъ-то онъ дѣвку за груди,
Пиналъ-то ее правой ногой:
Она летѣла черезъ дворъ къ заднему тыну,
Сѣла на землю, приговариваетъ:
« Чортъ меня хватилъ, водяной бросилъ:
190 « Раздразнила я удала добра молодца
« И добыла увѣчье вѣковичное ».
И видѣли Ильюшиньку сядучись,
А не видѣли поѣдучись.
И будетъ во городѣ во Кіевѣ
195 У той ли стѣны городовыя;
Не воротамъ ѣхалъ, приворотнями,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
Тупымъ концомъ да о сыру землю [2]),
Шелковой поводъ на злаченой гвоздь:
200 « Вы здравствуйте, царевы приворотники!

[1]) Хлыстнула.
[2]) Пропущено: копье воткнулъ.

« Дома ли Владиміръ князь стольне-Кіевскій? »
И говорятъ ему приворотники:
— Теперь пришелъ отъ ранней отъ обѣденки.—
Онъ у дверей не спрашиваетъ придверниковъ,
А у воротъ да приворотниковъ,
Прямо идетъ въ гридню въ столовую;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Покланяется на всѣ на четыре стороны,
Князю Владиміру пятой поклонъ въ особину:
« Ты здравствуешь, Владиміръ князь стольне-Кіевскій! »
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Здравствуешь, удалый доброй молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,—
— Коего отца, коей матери?—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Я есть изъ города изъ Муромля,
« Изъ того да села изъ Карачарова,
« Я во городѣ во Муромлѣ,
« Въ томъ ли селѣ Карачаровѣ,
« Отстоялъ я раннюю заутрену воскресную,
« Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею. »
— Ай же ты удалый доброй молодецъ,
— Старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Вѣдь на той дорожкѣ три заставы.
— Первая застава—ольги топучія;
— А другая застава великая,
— Сидитъ Соловей Рахматовъ сынъ
— У матушки у Пачей рѣки на семи дубахъ;
— А третья застава великая,
— У Соловья сорокъ сыновъ со единымъ,
— Есть у него любимая дочь.—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ай же ты Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« У меня Соловей Рахматовъ сынъ
« Привезенъ во славный во Кіевъ градъ. »
Больше тутъ ничего Владиміръ князь не спрашивалъ,

И побѣжалъ онъ на свой на царскій дворъ,
Глядѣть Соловья сына Рахматова:
240 И сидитъ Соловей у стремена, какъ сѣнна копна [1]).
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же ты, Соловей Рахматовъ сынъ!
— Закричи-тко ты по звѣриному,
— Засвищи-ко ты да по змѣиному,
245 — Замызгачь, собака, по соловьиному.—
И возговоритъ Соловей таково слово:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Я не у тебя пилъ да кушалъ,
« Не хочу тебя и слушати. »
250 И воротился князь во гридню столовую,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты, славной казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи Соловью закричать по звѣриному.—
Тутъ множество народу сбѣжалося
255 Соловья глядѣть на царскій дворъ:
И выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ
На заднее царское крылечико переное,
И говорилъ таково слово:
« Ай же ты, Соловей Рахматовъ сынъ!
260 « Закричи-ко ты да по звѣриному,
« И засвищи-ко по змѣиному,
« И замызгачь, собака, по соловьиному. »
И смолился Соловей Рахматовъ сынъ:
— Ай же ты, батюшка, старой казакъ Илья Муромецъ!
265 — Не могу закричать по звѣриному,
— Засвистать-то по змѣиному
— И замызгачить по соловьиному:
— Запеклись у меня кровью уста.—
Тутъ налилъ Илья чашу зелена вина въ полтора ведра
270 И поднесъ Соловью Рахматову:
Онъ принялъ одной рукой.
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:

---

[1]) Въ видѣ сѣнной копны представляютъ себѣ заонежане и водяника.

« Ты рычи-ко, Соловей, да вполголоса! »
Онъ не послушалъ Илью Муромца,
275 Онъ хотѣлъ оглушить народъ,
Самъ на уходъ уйти,
И закрычалъ онъ во весь громкой гласъ:
Маломошны домы во Кіевѣ разсыпались,
Маковки съ церквей повалилися,
280 И всѣ люди на дворѣ мертвы стали.
Владиміръ князь по двору ходитъ окаракою:
« Ай же ты, славной казакъ Илья Муромецъ!
« Ты заполонилъ Соловья-то, куда хошь клади. »
Отъ отковалъ Соловья отъ стремена булатняго
285 И приказалъ ему отрубить буйну голову.
Старинушка эта тѣмъ и кончилась.

140.

ИЛЬЯ и ИЗДОЛИНА.

(Гильферд. № 232.)

Изъ славнаго изъ города изъ Муромля,
Изъ того изъ села Карачарова,
Пролегала путь-дорожка широкая
Ко славному ко городу ко Кіеву,
5 Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Никто по дорожкѣ не прохаживалъ,
Никто по дорожкѣ не проѣзживалъ,
Только шелъ-прошелъ калика прохожая волокитная:
Муница [1]) на калицѣ сорочинская,
10 Шляпа на каликѣ земли греческія.
Когда будетъ калика во Кіевѣ,
И приворачивалъ калика на царевъ кабакъ,
И зарычалъ калика зычнымъ голосомъ:

---

[1]) Гуница, гуня.

« Ай же вы, чумаки да цѣловальники!
15 « Наливайте мнѣ вина на пятьсотъ рублей,
« Мало разопьюсь, такъ на тысячу.»
Тутъ чумаки цѣловальники
Всѣ съ кабаковъ разбѣжалися,
По чуланчикамъ всѣ да расхучалися [1]).
20 Онъ зашелъ въ погреба глубокіе къ напиточкамъ,
Взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
Другую-то взялъ подъ другую,
А третью-то бочку ногой катилъ.
Зарычалъ калика во всю голову:
25 « Собирайтесь, калики, на почетный пиръ.»
И напился калика, самъ спать заснулъ
На ту ли на печку муравленую.
Тутъ чумаки цѣловальники собиралися,
Собиралися они въ едино мѣсто,
30 Пошли къ князю Владиміру жалиться;
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же вы, чумаки цѣловальники!
— Ведите сюда калику, какой онъ есть!—
Зачали калику съ печки побуживати,
35 Зачали калику потархивати [2]),
И зачалъ калика съ печки спущатися,
За дубову воронечку [3]) приниматися,
И убилъ всѣхъ чумаковъ и цѣловальниковъ;
И пошелъ мимо палаты княженецкія,
40 И зарычалъ калика во всю голову:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Не калика былъ въ кабакѣ прохожая,
« Былъ славный казакъ Илья Муромецъ.
« Я теперь пойду во Царь-градъ:
45 « Тамъ наѣхала поганая Издолина,
« По семи пудовъ хлѣба ѣстъ,
« Ѣстъ по три быка яловика.»

---

[1]) Отъ корня хит, хут,—скрывать.
[2]) Отъ корня торокъ, ударъ вѣтра; отсюда же—копьемъ торыкать.
[3]) Воронецъ—доска, привѣшенная на веревкахъ поперекъ избы.

Идетъ Илья Муромецъ по чисту полю;
Навстрѣчу Ильѣ Муромцу
50 Бѣжитъ калика Игнатище,
Во рукахъ держитъ шалыгу въ девяносто пудъ;
Идетъ калика, подпирается,
Подъ нимъ мать сыра земля подгибается.
Возговоритъ Илья Муромецъ:
55 « Здравствуешь, калика Игнатище!
« Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
— Я бѣжу изъ Царя-града отъ Издолины.—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ай же ты, калика Игнатище!
60 « Силы у тебя противъ меня вдвое есть,
« А смѣлости подъ собаку у тебя нѣтъ.
« Да-ко мнѣ шалыгу девяносто пудъ,
« Я пойду къ Издолинѣ здороваться.»
И будетъ Илья Муромецъ во Царѣ-градѣ,
65 У палатъ княженецкихъ Цареградскіихъ,.
Попросилъ онъ милостыни:
« Ай же ты, князь Цареградскій!
« Дай ты мнѣ милостину,
« Милостину дай-ко ты мнѣ золоту гривну,
70 « Не для-ради калики прохожаго,
« Для-ради славнаго казака Ильи Муромца.»
Отъ крыку Ильи Муромца
Маломошны дома разсыпались,
Маковки съ церквей повалилися,
75 Издолина, за столомъ сидя, пріужахнулся.
Говоритъ Издолина князю Цареградскому:
— Поди-ко, зови калику въ палаты бѣлокаменны,
— Какой онъ есть?—
Какъ вышелъ изъ палатъ князь Цереградскіій,
И увидалъ, что тутъ славный казакъ Илья Муромецъ,
80 И упалъ на колѣнца княженецкія:
« Ай же ты, батюшко, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Нѣтъ у меня дать тебѣ милостыни, золотой гривны:
« Обожралъ Издолина весь Царь-градъ,

« Золота казна да запечатана.
85 « Ты поди въ палаты бѣлокаменны:
« Напою тебя напитками допьяна,
« А ѣствами накормлю тебя досыта.»
И пошелъ Илья въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писаному,
90 Поклонъ ведетъ по ученому,
Покланяется на всѣ четыре стороны,
Князю Цареградскому въ особину,
А Издолинѣ поганому челомъ не бьетъ,
Челомъ не бьетъ и не здравствуетъ.
Говоритъ же Издолина таковы слова:
95 — Ай же ты, калика прохожая!
— Почему ты знаешь Илью Муромца?
— Великъ ли онъ собой есть?—
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Хоть на его гляди, хоть на меня смотри:
100 « Такой же, какъ я есть.»
— Да это какой богатырь, говоритъ Издолина,
— Я на руку положу, а другой сверху прижму,
— Блиномъ сдѣлаю и съ собаками не найдешь.
— По многу ли хлѣба ѣстъ вашъ Илья?—
105 « А нашъ Илья сьѣстъ калачикъ, много два, и нѣтъ три,
« И тѣмъ сытъ пребываетъ.»
— Да это какой богатырь, говоритъ Издолина,
— Какъ тремя калачиками сытъ бываетъ:
— Я по семи пудовъ хлѣба къ выти ѣмъ,
110 — И по три быка яловика наварю,
— А что, сверхъ того, напитокъ выпью!—
« Въ нашемъ же городѣ Муромлѣ,
« Въ томъ ли селѣ Карачаровѣ,
« У нашего-то батюшка
115 « Была корова обжорчива,
« И вышла въ чисто поле,
« Дробью [1]) объѣлась, ей лопнуло.»

---

[1]) Выжимками.

Стопталъ Издолина на Илью Муромца ногами;
Илья заздынулъ шалыгу девяносто пудъ,
120 Ударилъ Издолину въ голову,
И выскочили у Издолины ясны очи, какъ пивныя чаши.
И взялъ Издолину за рѣзвы ноги Илья Муромецъ,
И пошелъ на луга Цареградскіе,
И зачалъ Издолиной помахивать:
125 Куда махнетъ, тутъ улочки,
А взадъ махнетъ, такъ переулочки.
И говорятъ поганые татаровья:
« А ще ты, Издолина поганая,
« Тянешься ты, потягаешься,
130 « А на жильяхъ ты не оторвешься,
« Своимъ татарамъ не снаравливаешь.»
И тутъ-то старина объ Ильѣ Муромцѣ кончилась.

141.

ИЛЬЯ и КАИНЪ ЦАРЬ.

(Гильферд. № 304.)

Наѣзжалъ собака-воръ Каинъ царь,
Наѣхалъ подъ славный подъ Кіевъ градъ,
Со своей силой со поганою.
И прибрано у вора у царя Каина
5 Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ молодыхъ королевичевъ;
И на каждаго на царя и на царевича,
И на каждаго на молодого на королевича
По сту по сороку тысячъ нагнато подъ Кіевъ градъ
10 На тые ли луга на зеленые
И на тыя на травы на шелковыя.
Изъ этой силы изъ поганыя
Выбиралъ Тугарина поганаго,
И котораго Тугарина дюжѣе нѣтъ,

15 И котораго Тугарина сильнѣе нѣтъ,
И самъ Тугарину наказываетъ:
« Ай же, Тугаринъ поганый!
« Ты будешь, Тугаринъ, во градѣ во Кіевѣ,
« У тыхъ палатъ княженецкіихъ,
20 « Отворяй дверь на пяту,
« Напередъ ступай лѣвой ногой,
« И клади письма на дубовый столъ,
« И говори съ царемъ не съ упадкою:
« Вотъ только-то силы нагнато подъ Кіевъ градъ:
25 « Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
« И сорокъ молодыхъ королевичевъ;
« На каждаго царя, на каждаго царевича
« И на каждаго молодого королевича
« По сту по сороку тысячъ силъ нагнато.»
30 Садился Тугаринъ на добра коня,
Ѣхалъ Тугаринъ въ Кіевъ градъ,
Дѣлалъ онъ дѣло повелѣное.
И тутъ-то солнышко Владиміръ князь пріужахнулся,
Рѣзвы ноженьки подломилися,
35 Царски ручьки пріопали объ себя.
На ту пору, на то время
Отворилась дверь-то дубовая,
Та ли гридня столовая,
Идетъ старый казакъ Илья Муромецъ,
40 Самъ говоритъ таково слово:
— Видно, хорошъ гостекъ къ намъ подъѣхалъ-то!
— Ай же ты, Владиміръ, князь стольне-Кіевскій!
— Налей-ка-ко ты чару зелена вина,
— Зелена вина чашу въ полтора ведра,
45 — Вѣсомъ чашу полтора пуда,
— Подноси-тко ты татарину поганому.—
Принялъ татаринъ одной рукой
И выпилъ Тугаринъ во единой духъ.
И говоритъ опять старый казакъ Илья Муромецъ:
50 — Видно, хорошъ гостекъ подъѣхалъ къ намъ!
— Налей-ко ты чашу другую водки сладкія.—

И вставалъ татаринъ на рѣзвы ноги,
И принялъ чашу одной рукой,
И выпилъ чашу во единый духъ.
55 И говоритъ сгарый казакъ Илья Муромецъ:
— Налей-ко третью чашу меду сладкаго.—
Принялъ опять татаринъ чашу одной рукой,
И выпилъ чашу во единый духъ,
И выпилъ питья полъпята ведра.
60 И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты, Владиміръ, князь стольне-Кіевскій!
— Сокидай-ко ты шубу соболиную со царскихъ плечъ,
— Надѣвай-ко на татарина поганаго,
— Отпущай татарина во чисто поле,
65 — Къ собакѣ къ вору къ царю Каину.
— Послѣ этого собирай князей-бояръ на почестный пиръ,
— Станемъ выбирать мы посланника
— Искать дядюшку Самсона Манойловича богатыря.—
Тутъ большій хоронится за средняго,
70 А середній хоронится за меньшаго.
И ходитъ старая собака матерая,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
По той по гридни по столовыя:
— Видно, не кому мнѣ замѣнитися,
75 — Не кому мнѣ защититися.
— Ай же ты, Владиміръ, князь стольне-Кіевскій!
— Насыпь-ко ты чашу красна золота,
— Другую насыпь скатна жемчугу,
— А третью налей чиста серебра:
80 — Я поѣду къ собакѣ къ вору Каину
— Просить сроку на три года изъ Кіева выбраться.—
И садится старый казакъ Илья Муромецъ
На маленькаго сивушка-бурушка косматаго,
Облатился и обколчужился.
85 И провожаетъ его Владиміръ князь стольне-Кіевскій
Со всѣмъ да со усердіемъ.
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ, князь стольне-Кіевскій!

— Заложи-ко ты ворота крѣпко на крѣпко,
90 — Туго на туго, во стѣны городовыя
— И прикажи засыпать пескамъ рудожелтыма.—
И будетъ Илья Муромецъ на горахъ сорочинскіихъ,
Привязывать бурушка косматаго ко сыру дубу,
И пошелъ на луга на зеленые къ собакѣ къ вору Каину,
95 И даваетъ ему даровья великіе:
— Ай же ты, собака воръ Каинъ царь!
— Прими у насъ даровья великіе
— И дай намъ сроку на три года изъ Кіева выбраться.—
И закричалъ собака воръ Каинъ зычнымъ голосомъ:
100 — Ай же ты, старая собака, сѣдатый песъ!
— Не дамъ тебѣ сроку на три года,
— И не дамъ тебѣ сроку на полтора года,
— И не дамъ тебѣ сроку на три мѣсяца;
— Только тебѣ дамъ сроку на три дня,
105 — На три дня и на три часа.—
И вышелъ старый казакъ Илья Муромецъ,
И приходилъ къ косматому бурушку,
И садился на добра коня,
И поѣхалъ во сторону во западну
110 Искать дядюшку Самсона Манойловича.
И съ утра весь день ѣздилъ до вечера,
И не могъ найти во чистомъ полѣ бѣла шатра.
Отъ той ли отъ ночки отъ темныя
Выѣхалъ на горы Фараонскія,
115 И проспалъ онъ ночку темную,
И по утру онъ вставалъ ранешенько,
И садился опять на бурушку косматаго,
И поѣхалъ во сторону во сиверну,
И опять проѣздилъ весь день до вечера,
120 Не могъ найти богатыревъ.
Отъ той ли отъ ночки отъ темныя
Выѣхалъ на горы Фараонскія,
И проспалъ опять онъ ночку темную,
И по утру вставалъ онъ ранешенько,
125 Умывался онъ тутъ бѣлешенько,

И поѣхалъ во сторону подвосточную,
И пріѣзжаетъ онъ ко славну ко синю морю,
И увидѣлъ онъ шатеръ бѣлополотняный:
Видно, быть тому шатру бѣлополотняному,
130 Крестъ на шатрѣ будто жаръ горитъ.
И приправилъ косматаго бурушку къ шатру бѣлополотняному,
Сопущается со добра коня.
— Здравствуй, дядюшка Самсонъ да свѣтъ Манойловичъ
— Со своей дружиной со хороброю!
135 — Ты пьешь, ѣси да прохлажаесси,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Какъ надъ нашимъ-то надъ городомъ надъ Кіевомъ
— Учинилась невзгода великая:
— Наѣхалъ собака-воръ Каинъ царь,
140 — И прибрано подъ себя сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
— И сорокъ молодыхъ королевичевъ,
— На каждаго по сту сорокъ тысячъ силы нагнато.
— Ты поди ко мнѣ вѣдь на помочь,
— Ты пособи мнѣ съ поганымъ дратися.—
145 И говорилъ Самсонъ сынъ Манойловичъ:
« Нейду я къ тебѣ на помочь
« И не пособлю тебѣ съ поганымъ дратися.»
И говоритъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты, желанный мой дядюшка,
150 — Самсонъ да свѣтъ Манойловичъ!
— Ты не для-ради города Кіева,
— Да и не для-ради князя Владиміра
— И не для-ради меня, стараго племянника,
— Стараго казака Ильи Муромца,
155 — Для-ради матери пресвятыя Богородицы
— Ты поди вѣдь ко мнѣ на помочь.—
И говоритъ ему Самсонъ Манойловичъ:
« Ай же ты, любезный мой племянничекъ,
« Старый казакъ да Илья Муромецъ!
160 « Подь-ко ты для вечера да поужинай

« А въ эвтую силу поганую,
« А за утра я пріѣду пообѣдати
« Со своей дружиною со хороброю.»
Какъ вышелъ старый казакъ Илья Муромецъ
165 Изъ шатра бѣлополотнянаго,
И садился опять на бурушку косматаго,
Облатился да обкольчужился,
И выѣхалъ на горы Фараонскія,
И смотрѣлъ онъ въ трубочку въ подзорную,
170 Еще ли во Кіевѣ по-старому,
Еще ли во Кіевѣ да по-прежнему:
И звонятъ во Кіевѣ въ плакунъ-колоколъ.
И ему молодцу за преку пришло,
И сталъ косматаго бурушку потаркивать,
175 И зачалъ косматый бурушка поскакивать;
И заѣхалъ въ рать силу великую,
И зачалъ по силы поѣзживать,
И зачалъ по силы помахивать:
Куды махнетъ, тутъ улочки,
180 Куды отмахнетъ, переулочки.
Отъ пару лошадинова не пропекаетъ солнце красное
На томъ ли на небѣ на ясноемъ.
И пристигла опять его темна ночь.
Отъ той ли отъ ночки отъ темныя
185 Выѣхалъ опять на горы Фараонскія,
И проспалъ ночку темную,
И по утру вставалъ ранешенько,
И садится опять на маленька бурушка косматаго,
Опять облатился да обкольчужился.
190 И возговоритъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Есть у вора у Калина подкопаны три подкопи:
— И первую подкопь перескочу,
— И другую-то подкопь перескочу,
195 — А третьей подкопи не могу скочить,
— Упаду я въ подкопи глубокія.—
Онъ бьетъ коня по тучнымъ ребрамъ:

« Ты волчья выть, да травяной мѣшокъ!
« Мнѣ вѣдь на бую [1]) смерть не писана».
200 И заѣхалъ опять въ рать силу великую,
И зачалъ опять по силѣ поѣзживать,
И зачалъ опять силу помахивать:
И куда махнетъ, опять улочки,
А перемахнетъ онъ, такъ переулочки.
205 И доѣхалъ до подкопи до первыя,
Конь черезъ подкопь перескочилъ;
И доѣхалъ до подкопи до другія,
И другую-то подкопь перескочилъ;
И доѣхалъ до подкопи до третьей,
210 И приправилъ косматаго бурушка,
И призамялся его добрый конь,
И упалъ въ подкопи глубокія:
Его добрый конь изъ подкопи выскочилъ,
И остался старой казакъ въ подкопи глубокія.
215 И набѣжали татаревья поганыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
И связали ему ручки бѣлыя
Тѣма-ли петлямы шелковыма,
И повели къ собакѣ вору Каину.
220 И зарычалъ собака воръ Каинъ царь:
— Ай же ты, старая собака матерая!
— Всю ты у меня силушку вырубилъ.
— Ведите на болото на житное,
— На ту ли на плаху на липову
225 — Рубить ему буйну голову
— По тѣмъ ли по плечкамъ могучіимъ.—
И видитъ старый казакъ Илья Муромецъ бѣду неминучую,
И сталъ исподлобья выглядывать,
И по плечу оружьины присматривать.
230 И увидѣлъ того Тугарина поганова,
Который Тугаринъ былъ во Кіевѣ посланникомъ,
Который выпилъ питья полъпята ведра.

---

[1]) На бою.

Какъ ухватилъ-то Тугарина за ноги
И началъ Тугарнымъ помахивать:
235 Перелопали петли шелковыя на бѣлыхъ рукахъ,
Потрескали желѣзы булатнія на рѣзвыхъ ногахъ.
Какъ на тую пору на то времячко
Наѣхалъ дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ
Со своей дружиной со хороброю,
240 Какъ метлой пахнули [1]) силу поганую
И убили собаку-вора царя Каина.
А у Ильи Муромца бѣжалъ конь во Кіевъ градъ,
И не воротамъ бѣжалъ онъ, приворотками,
Прямо черезъ стѣны городовыя.
245 И поминаютъ Илью Муромца, что жива нѣтъ.
Онъ приходитъ ко городу ко Кіеву
И поколотился у стѣны у городовыя:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Встрѣчай Илью Муромца съ великой радостью:
250 « Тутъ вся сила поганая прикончена.»
Тѣмъ старина эта и кончилась.

142.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

(Ср. ниже № 165.)

Поѣхалъ славный казакъ Илья Муромецъ во чисто поле,
И пріѣхалъ онъ на розстанушки;
И на розстани лежитъ бѣлой камешокъ,
На камешкѣ подпись подписана:
5 « Въ розстань-ту ѣхать—убиту быть,
« А въ другую ѣхать—богату быть,
« А въ третью ѣхать—женитися. »
И раздумалъ старый своимъ умомъ:

---

[1]) Смели.

— Пошто мнѣ ѣхать во ту розстань,
10 — Въ ту розстань ѣхать, гдѣ богату быть:
— У меня по карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
— Косматому бурушку цѣны вѣдь нѣтъ.
— А пошто мнѣ ѣхать въ ту розстань,
— Въ ту розстань ѣхать, гдѣ женату быть:
15 — Хороша взять—чужая корысть,
— А худа-то мнѣ вѣдь не надобна.
— А я поѣду въ ту розстань, гдѣ убиту быть,
— Ко тому ли ко городу ко латинскому
— И ко тому ли королю ко латинскому.»
20 Тамъ была застава великая:
Было сорокъ человѣкъ да разбойниковъ,
Все сильныи могучіи богатыри;
Заперта была земля латинская,
Не было не выходу, не выѣзду.
25 И разъѣхался старой казакъ Илья Муромецъ,
И закрычалъ атаманъ да во всю голову:
« Ай же вы, ребята разбойники,
« Ночные вы да подорожники!
« А куда-то старая собака поразъѣхалась?»
30 И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Вамъ нечего взять да у стараго:
— Платья цвѣтнаго у меня на себѣ нѣтъ,
— Только взять вамъ-не взять у стараго:
— Кожанъ на себѣ да въ пятьсотъ рублей,
35 — Чуденъ крестъ на грудяхъ да въ три тысячи,
— По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
— Косматому бурушку цѣны нѣтъ.—
Зарычалъ атаманушко во всю голову:
« Ай же, ребята разбойники!
40 « Старая собака еще хвастаетъ:
« Отнимайте у стараго добра коня.»
Какъ выкинулъ старой свой тугой лукъ,
И наклалъ старой да калену стрѣлу,
И самъ ко стрѣлочкѣ да приговариваетъ:
45 — Полети, моя стрѣлочка каленая, въ толстой сырый дубъ

— И разорви-ко на мелкія черенья ножевыя,
— И всѣхъ убей сорокъ человѣкъ разбойниковъ
— И всѣхъ ночныхъ подорожниковъ.—
И пріѣзжаетъ ко городу ко латынскому,
Ко той ли стѣнѣ городовыя,
И не воротами ѣхалъ, приворотками,
Прямо ѣдетъ во царевъ кабакъ.
И въ томъ ли кабакѣ царевомъ
Сидитъ горей [1]) кабацкихъ смѣты нѣтъ;
И тутова горюны догадалися,
По полушкѣ голи сметалися
И окупили вина полъ-третья ведра,
И подносили старой собакѣ матерыя.
Принялъ старой одной рукой,
Выпилъ во единый духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Спасибо, голи латинскіе!
— Коли умѣли встрѣтить, такъ подьте донесите королю латинскому [2]):
— Пріѣхала старая собака матерая,
— Разбилъ онъ заставу великую,
— Всѣхъ сорокъ человѣкъ разбойниковъ,
— И всѣхъ ночныхъ подорожниковъ:
— Пусть несетъ ко мнѣ даровья великія.—
Онъ налилъ чашу золота,
Другую скатняго жемчугу,
А третью чистаго серебра:
— А не набъ мнѣ ни злата, ни серебра,
— И ни скатняго жемчугу:
— Отворите-ка погребы съ напитками.—
Онъ взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
А другую подъ другую,
А третью бочку ногой покатилъ,

---

[1]) Вмѣсто голей, игра словъ.

[2]) Стихъ испорченъ: Коли умѣли старую собаку матерую Съ пути-дороги встрѣтити, Такъ подьте-донесите королю латинскому.

Самъ говоритъ таково слово:
— Такъ пейте-ко вина, сколько надобно,
— За то, что умѣли старую собаку матерую встрѣтити.—
И поѣхалъ матерый старый казакъ на розстанушки,
Гдѣ лежалъ бручатый бѣлый камешокъ,
На которомъ камню была подпись подписана.
— Я поѣду теперь во ту розстань, гдѣ богату быть.—
Былъ тамъ король поганое чудище.
Убилъ поганова чудища
И привелъ всю землю свято-Русскую во вѣру крещеную.
И выѣхалъ опять на розстанушки:
— Да-ко я съѣзжу во ту розстань, гдѣ женату быть.—
И пріѣзжаетъ онъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
И выходитъ изъ теремовъ прекрасная дѣвица,
И беретъ за ручки за бѣлыя,
И ведетъ его въ теремы златоверхіе,
Сама говоритъ да таково слово:
« Ай же ты, удалой доброй молодецъ!
« У тебя есть ли охота, горитъ ли душа:
« Ложись на кроватку тисовую. »
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Когда ложится мужикъ впередъ на кроватку тисовую?—
И взялъ дѣвицу за бѣлы груди,
И бросилъ дѣвицу на кроватку тисовую,
На ту ли перинку пуховую.
У ней у злодѣйки была кроваточка подложная:
Упала во погребъ въ сорокъ саженъ,
А тамъ у ней наобманывано
Сорокъ царей, сорокъ царевичей.
— Ай же ты, злодѣйка, покажи, гдѣ въ погребу двери?—
И вывелъ всѣхъ царей, всѣхъ царевичей Илья Муромецъ,
И распустилъ ихъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ,
И самъ поѣхалъ опять во славный во Кіевъ градъ.

143.

ДОБРЫНЯ и МАРИНКА.

(Гильферд. № 241 и № 288.)

Жила честна вдова Офимья Александровна
Въ Москвѣ на Горкѣ на Вшивоей,
И остался отъ батюшка молодой Добрынюшка Никитичъ.
И зачалъ ѣздить Добрынюшка по славной каменной Москвы.
5 И наказываетъ Добрынюшкѣ матушка:
« Ай же ты, Добрынюшка свѣтъ Никитиничъ!
« Ѣзди, Добрынюшка, по каменной Москвы,
« Улочками ѣзди и переулочками,
« И ѣзди, Добрынюшка, во далече-далече во чисто поле;
10 « Когда будешь, Добрынюшка, близъ города Кіева
« И заѣдешь ты, Добрынюшка, во Кіевъ градъ,
« Ѣзди Добрынюшка улочками,
« Ѣзди Добрыня переулочками,
« А ты не ѣзди, Добрынюшка,
15 « Во тыя улочки Маринскія
« И во тые переулочки Игнатьевскіе.»
И забылъ Добрынюшка наказаньицо матушкино,
И заѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Во тыя улочки въ Маринскія,
20 И во тые переулочки Игнатьевскіе,
Ко злодѣйкѣ Маринкѣ ненавистницы.
У злодѣйки Маринки ненавистницы
Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатыя,
25 И поставлены колоды бѣлодубовы,
Наличники положены серебряные,
И на каждомъ окошечкѣ голубь со голубушкою.
И натянулъ Добрынюшка свой тугой лукъ
И стрѣлилъ-то онъ голубя съ голубушкою,
30 И пролетѣла стрѣлочка каленая
Во ту ли колоду бѣлодубову,
И во тотъ ли наличникъ серебряный,

И во ту ли то во спальню во теплую,
И на ту ли кроватку тесовую,
35 И на ту ли перинку пуховую,
И убила у Маринки мила друга,
Поганаго Тугарина Зміевича.
И посылаетъ Добрынюшка Никитичъ
Своего паробка да слугу вѣрнаго
40 По ту ли по стрѣлку каленую:
« Ай же ты, злодѣйка Маринка ненавистница!
« Давай-ко нашу стрѣлочку каленую. »
И говоритъ злодѣйка Маринка таково слово:
— А кто стрѣлочку стрѣлилъ,
45 — Пускай самъ сюда придетъ. —
У Добрыни бѣло тѣло распотѣлося,
А богатырско сердце разгорѣлося:
И скочилъ Добрынюшка тутъ со добра коня,
И побѣжалъ во теремы высокіе
50 Ко злодѣйкѣ Маринкѣ ненавистницы:
Онъ ухватилъ-то Маринку за бѣлы груди,
Кинулъ-то Маринку о дубовый мостъ,
И бралъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ пошелъ изъ ложни изъ теплыя. —
55 А эта злодѣйка Маринка ненавистница
Брала свой ножъ булатный,
И куда ступалъ Добрынюшка Никитиничъ,
Знать-то гвоздики шеломчатые,
И подскоблила слѣды Добрынюшкины,
60 И спустила Добрынюшку оленемъ рыскучимъ въ чисто поле.
И провѣдала его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
Что обернутъ сынъ оленемъ рыскучимъ во чисто поле,
И зачала искать по каменной Москвѣ докторовъ,
65 Чтобы отвернуть Добрынюшку добрымъ молодцемъ.
Но не нашла въ Москвѣ докторовъ,
И поѣхала во славный во Кіевъ градъ,
И нашла она бабушку задворенку,
И смолилась она да отъ желаньица:

70 « Ай же ты, бабушка задворенка!
« Отверни-тко ты Добрынюшка добрымъ молодцемъ. »
И возговоритъ бабушка задворенка:
— А возьми-тко ты меня саму да въ каменну Москву
— И на ту ли Горку на Вшивую.—
75 И говорила ей бабушка задворенка:
— Принеси-ко ты Добрынюшкинъ тугой лукъ
— И принеси-ко ты да калену стрѣлу.—
И натягиваетъ старушка тугой лукъ,
И накладываетъ старушка калену стрѣлу,
80 И сама къ стрѣлочкѣ приговариваетъ:
— Ты летай-ко, моя стрѣлочка, по чисту полю,
— Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
— Оленя рыскучаго въ чистомъ полѣ:
— Пусть бѣжитъ во матушку въ каменну Москву,
85 — На ту ли на Горку на Вшивую.—
Этая бабушка задворенка
Сдѣлала Добрынюшку добрымъ молодцемъ,
И сама говоритъ таково слово:
— Ты возьмешь ли, Добрынюшка, Маринку за себя замужъ?—
90 И возговорилъ Добрынюшка Никитичъ:
« Не надобъ мнѣ Маринки на широкій дворъ. »
Этая бабушка задворенка
Обвернула злодѣйку собакою:
— Ты бѣгай-ко, злодѣйка, вѣкъ и по вѣку,
95 — Отъ нынѣ и до вѣку.—

144.

Д Ю К Ъ.

Изъ того ли изъ города изъ Кориги изъ богатыя,
Изъ той ли изъ Индеи изъ широкія,
Выѣзжалъ удалой добрый молодецъ

По тѣмъ ли по мелкіимъ по заводямъ
5 И по тѣмъ ли луговьямъ по зеленыимъ [1]);
И не наѣхалъ богатырь въ чистомъ полѣ себѣ супротивника,
Только слышалъ въ далекѣ-далечѣ чистомъ полѣ про Кіевъ градъ:
« Кіевъ градъ на красы стоитъ,
« На красы стоитъ да упечечьи,
10 « Во Кіевѣ князь—богачъ живетъ. »
И думаетъ богатырь своимъ разумомъ:
« Не честь-хвала мнѣ молодецкая
« Поѣхати богатырю безъ того прощенья безъ материна».
И повернулъ онъ бурушку косматаго
15 Ко тому ли ко граду ко Галичу
И ко той ли ко Индеи широкія,
И отстоялъ раннюю заутрину воскресную,
Въ томъ ли городѣ въ Коригѣ богатыя,
Во той ли во Индеи широкія.

---

[1]) Съ пересказа Л. Богданова:
Послѣ 5-го стиха:
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Скобочки были серебряныя,
Ободочки были позолоченые;
Шилъ-то шубоньку соболиную
Со тымъ со дорогимъ асаматомъ;
Шилъ-то онъ шапочку пушистую
Пушистую шапочку, завѣсистую:
Спереду не видать лица румянаго,
А сзаду не видать шеи бѣлыя.
Одѣвалъ онъ шубоньку соболиную
И пошелъ онъ къ заутрени Христосьскі ,
Отстоялъ-то заутрину Христосьскую
И пошелъ-то онъ ко домишечку-посельицу,
Ко тому посельицу вдовиному;
Приходилъ къ конюшеньку стоялую,
Ко тому ко сивушку косматочку:
У того ль у сивушка косматочка
Шерсточка серебромъ завивалася,
Грива у него колесомъ стоитъ,
Съ ноздрей искры сыпются,
Съ ушей кудревастый дымъ стоемъ стоитъ,

20 И проситъ у матери прощеньица:
« Свѣтъ государыня матушка,
« Честна вдова Авдотья Данильевна!
« Да-ко ты мнѣ-ка прощеньице
« И да-ко ты мнѣ-ка благословеньице,
25 « Мнѣ съѣздить богатырю
« Ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
« И поразъѣздить мнѣ бурушка косматаго,
« И утѣшить мысли молодецкія.
30 « Разтаскать мнѣ плечи богатырскія. »
Какъ видѣли Дюкушка сядучись,
Не видѣли удалаго уѣдучись.
Не бѣлый крычъ перелетываетъ,
А не ясенъ соколъ да перепархиваетъ,
35 Во далечѣ-далечѣ во чистомъ полѣ
Ѣдетъ богатырь повыше дерева жароваго,
А пониже облака ходячаго.
Какъ будетъ богатырь подъ городомъ подъ Кіевомъ,
И увидѣлъ богатырь во чистомъ полѣ
40 Тоненькой, новенькой бѣлъ шатеръ:
Спятъ русскіе могучіе богатыри,
Спитъ дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ,
Спитъ старый казакъ да Илья Муромецъ.
И думаетъ богатырь своимъ разумомъ:
45 « Я проѣду русскихъ могучихъ богатырей,
« Имъ за преку [1]) будетъ за великую,
« За досаду будетъ за немалую,
« Я спущусь на матушку на сыру землю,
« Я пріѣду къ нимъ да ко бѣлу шатру. »
50 И сопущается богатырь на сыру землю,
И пріѣзжаетъ онъ да ко бѣлу шатру,
И сопущается богатырь со добра коня,
И подходитъ онъ ко бѣлу шатру,
И самъ говоритъ таково слово:

[1]) Отъ корня перечить,—въ упрекъ, въ укоръ.

55 « Здравствуйте, удалы добры молодцы,
« Русскіе могучіе богатыри,
« Дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ,
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ! »
Илья Муромецъ со сна пробуждается,
60 И самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли и коей орды,
— Тебя какъ, удалый, именемъ зовутъ,
— Жалуютъ тебя да по отечеству?
65 — Есть ли у тебя охота, горитъ ли душа
— Со мной богатыремъ зборотися?—
И говоритъ молодой Дюкъ Степановичъ
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Нѣту съ тобой да супротивника
70 « По матушкѣ по святой Руси:
« Одинъ у насъ богатырь по святой Руси—
« Старый казакъ Илья Муромецъ:
« Не кому съ тобой да вѣдь боротися. »
Эти рѣчи ему да полюбилися:
75 — Здравствуешь, удалый добрый молодецъ,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Теперь будешь ты во городѣ во Кіевѣ,
— Тамъ есть русскіе могучіе богатыри:
— Чурила Щапливый, молодой Добрынюшка Никитиничъ,
80 — Олеша Поповичъ пустохвастишко,—
— Не станутъ ли обижать, сюда вѣсть держи. —
Видѣли Дюкушка сядучись,
А не видѣли отъ шатра уѣдучись.
И будетъ во городѣ во Кіевѣ,
85 У той стѣны у городовыя,
Не воротами ѣхалъ, приворотками,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
Чрезъ тыя башни наугольныя,
Тупымъ концомъ воткнулъ копье во сыру землю,
90 Шелковый поводъ на злаченый гвоздь,
И самъ говоритъ таково слово:

« Здравствуйте, царевы приворотники!
« Дома ли Владиміръ князь стольно-Кіевскій? »
— Ушелъ онъ къ ранней къ обѣденькѣ.—
95 И пошелъ молодой Дюкъ Степановичъ
Ко той ко церкви ко соборныя,
Почастешеньку на шубоньку поглядываетъ
И на свои на сафьянные сапоженьки:
На молодцѣ шуба соболиная,
100 Того ли-то соболя заморскаго,
Заморскаго соболя ушистаго,
Ушистаго соболя, пушистаго;
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Носы-поносы шиломъ, пяты вострыя,
105 Около носовъ хоть яицомъ покати,
Подъ пяту воробеюшки летятъ,
Воробеюшки летятъ, перепархиваютъ.
Пришелъ онъ во церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
110 А поклонъ ведетъ по ученому [1]),
И становился въ мѣсто небольшее,
По лѣву руку князя Владиміра,
И отстоялъ раннюю обѣдню воскресную.
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
115 « Ты прими меня, удалаго дородня добра молодца,
« Въ свои палаты да бѣлокаменныя. »
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
120 — Тебя какъ, удалый, именемъ зовутъ?—
Возговорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ города съ Кориги изъ богатыя,
« Изъ той ли изъ Индеи широкія,

---

[1]) Князю Владиміру въ особину,
А князьямъ-боярамъ челомъ не бьетъ,
Челомъ не бьетъ, не кланяется;
Становился онъ во мѣсто большее,
Во большее мѣсто богатырское. *(Л. Бод.)*

« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. »
125 И возговоритъ молодой Шатенька, племянникъ княжескій:
— Ай же ты, любезный дядюшка,
— Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Не молодой тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Есть тутъ удалая скоморошина [1]):
130 — Онъ угналъ у боярина добра коня,
— Укралъ онъ шубу соболиную,
— Унесъ онъ сапожки сафьянные. »
Пошли изъ церкви соборныя,
И говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
130 « Какъ у меня во Волынцѣ городѣ во Галицѣ,
« Во Волынь землѣ, во богатой орды,
« Во той ли Индеи широкія,
« У моей-то желанной у родителя у матушки
« Какъ построены были церкви соборныя,
140 « Исподведены звоны колокольные,
« И къ церквамъ-то къ соборнымъ,
« Устланы сукна багрянтовыя,
« Испосыпаны песками рудожелтыми,
« А у вашего князя Владиміра ничего нѣтъ. »
145 И подходитъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ:
« Ай же ты, молодой Шатенька!
« Какъ у меня въ Волынцѣ-то въ городѣ во Галицѣ,
« У моей-то желанной у родителя у матушки
« Построены тридцать три терема златоверхіе;
150 « И въ сѣни зайдешь во рѣшетчаты,
« Въ други зайдешь частоберчатыя,
« А въ третьи зайдешь въ стекольчатыя;
« Въ теремы зайдешь златоверхіе,
« На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
155 « На небѣ зори, и въ теремѣ зори,
« Все-то въ терему по небесному. »
И поддернули подъ него золотъ стулъ,
И поддернули дубовый столъ,

---

[1]) Мужикъ онъ есть Залискій.

И понесли ему напитки пить, да калачики ѣсть [1]);
160 Онъ вынималъ съ кармана свой булатній ножъ,
Верхнюю корочку обрѣзываетъ, на столъ кладетъ,
А нижнюю корочку подъ столъ мечетъ,
А изъ стакана сверху льетъ, а середку пьетъ,
А остатки въ стаканѣ оставляетъ,
160 Самъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, молодой Шатенька!
« Какъ у меня во Волынцѣ во городѣ во Галицѣ,
« Во той ли Индеи во широкія,
« Печка-то была муравленая,
170 « Помельцо-то было шелковое;
« Спекутъ колачики крупивчатые,
« Колачикъ-то съѣшь, а по другомъ душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьяго хочется;
« А напитки-то также: стаканчикъ пьешь,
175 « А по другомъ душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьяго хочется.
« У вашего князя Владиміра
« Верхняя корка пахнетъ на кору сосновую,
« А нижняя пахнетъ на землю,
180 « И напитки ваши такіе же.»
На ту пору да на то время,
Отворилася дверь дубовая,
Тая ли гридня столовая,
Идетъ молодой Чурила Пленковичъ,
185 Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю Владиміру въ особину,
А Дюку Степановичу не поздравствовалъ.
190 И возговорилъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
« Эта слава шла про Чурилушку Пленковича не ложная,
« Что шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
« Личико у Чурилушки будто маковъ цвѣтъ;

---

[1]) Садился онъ во мѣсто большее,
Во большее мѣсто богатырское.

« А эта славушка про Чурила шла ложная,
195 « Что умѣетъ Чурилушка честь отдать и поздравствовать. » [1])
Тутъ завелся у солнышка Владиміра почестный пиръ
На многіе князи, на бояре,
И на всѣ поленицы удалыя.
И всѣ на пиру пьяны и веселы,
200 И всѣ на пиру да порасхвастались:
Умный хвастаетъ отцомъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Сидитъ Дюкъ Степановичъ, ничѣмъ да не хвастаетъ.
И возговоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
205 — Что же ты, молодой бояринъ, ничѣмъ не похвастаешь?—
« Развѣ мнѣ похвастать, Владиміръ князь,
« Своимъ городомъ Коригой богатыимъ?
« Вашъ въ городѣ Кіевѣ гостиный рядъ продать,
« Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать. »
210 И наклали бумаги три воза,
И посылаютъ Алешу Поповича
Описать имѣніе Дюка Степановича.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
« Не посылайте вы Олешу Поповича:
215 « Поповски глаза завидливы, на мой животъ обзарятся;
« Вы пошлите Добрыню Никитича. »
И будетъ Добрынюшка во городѣ Коригѣ богатыя,
Во той ли во Индеи широкія:
Стоитъ тридцать три терема,
220 Вершки свиваютъ въ одно мѣсто.
И приходитъ въ терема златоверхіе,

---

[1]) Ударивши съ Чурилой о закладъ, чтобы носить три года платьица смѣнныя и ѣздить на жеребчикахъ смѣнныхъ, Дюкъ требуетъ изъ дому жеребчиковъ неѣзжаныхъ и нелегченыхъ, на три года снова на-ново смѣнныхъ...

На послѣдній денечекъ на Дюкѣ одѣта одежа самолучшая:

Какъ поведетъ по пуговкамъ,
Такъ заграютъ черные вороны,
И закукуютъ малыя пташечки,
Сѣрыя уточки невеличушки,
И тутъ нечѣмъ Чурилы хвастати.

Увидалъ тамъ женщину въ златѣ и серебрѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуй, Дюкова матушка!—
225 « Я не Дюкова матушка,
« Я есть Дюкова коровница. »
Приходитъ онъ въ другой теремъ,
Увидалъ женщину въ златѣ и серебрѣ:
— Здравствуй, Дюкова матушка!—
230 Она ему говоритъ таково слово:
« Я не Дюкова матушка,
« Я на Дюка хлѣбы пеку. »
И увидалъ третью женщину и поздравствовалъ.
Она ему говоритъ таково слово:
235 — Я не Дюкова матушка,
— Я есть Дюкова наложница.—
И сталъ Добрынюшка спрашивать:
« Гдѣ Дюкова матушка?»
— А Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла,
240 — А постой у церкви у соборныя;
— Пойдетъ двадцать человѣкъ лопатниковъ,
— Пойдетъ двадцать человѣкъ метельниковъ,
— Пойдетъ двадцать человѣкъ, станутъ сукна стлать,
— И поведу́тъ изъ церкви Дюкову матушку.—
245 Пошли изъ церкви двадцать человѣкъ лопатниковъ,
Пошли двадцать человѣкъ метельниковъ,
Пошли двадцать человѣкъ, стали сукна стлать,
И повели изъ церкви изъ соборныя Дюкову матушку.
И подошелъ Добрынюшка Никитичъ поблизехонько:
250 « Здравствуешь, Дюкова матушка!»
И говоритъ Дюкова матушка:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— И гдѣ моего Дюка Степановича видѣлъ?—
« Твой Дюкъ Степановичъ во городѣ во Кіевѣ,
255 « Похвасталъ животомъ на честномъ пиру:
« Послали меня вашего живота описывать. »
И брала его за ручки за бѣлыя,
Вела въ терема златоверхіе.

И поддернули подъ него золотъ стулъ,
260 И поддернули дубовый столъ,
И принесли ему колачики ѣсть:
Онъ колачикъ съѣлъ, а по другомъ душа горитъ,
А третьяго хочется;
И принесли напитки пить:
265 Онъ стаканчикъ пьетъ, по другомъ душа горитъ,
А третьяго хочется.
И повела его живота казать,
Стала погреба отворять:
И въ погребахъ висятъ бочки на цѣпяхъ
270 Красна золота да чиста серебра,
Какъ бѣлы лебеди гычутъ.
Не то Добрынюшкѣ описать,—
Ума рѣшился, глядя на Дюковъ животъ.
И въ этихъ тридцати трехъ теремахъ,
275 У каждаго окна сидятъ счетчики, казну сводятъ,
Другъ про дружку не знаютъ,
Кто сколько казны свелъ.
И поѣхалъ Добрынюшка назадъ во Кіевъ градъ.

145.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Гильферд. № 275 и № 293.)

Завелся у солнышка Владиміра почестный пиръ
На многіе князи и бояре.
И всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру наѣдалися,
5 И всѣ на пиру порасхвастались:
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Одинъ на пиру не веселъ сидитъ,
Понизя сидитъ да буйну голову,

10 И потупя сидитъ очи ясныя
Во матушку да во сыру землю,
Молодой Иванушко да Гудиновичъ,
Княженецкій любезный племянничекъ.
Возговоритъ Владиміръ князь, стольне-Кіевскій:
15 « Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
« Что сидишь невеселъ, нерадостливъ?
« Али мѣсто тебѣ не по разуму,
« Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
« Али безумица тобой осмѣялася?»
20 И возговоритъ Иванушко Гудиновичъ:
— Мѣсто-то мнѣ было по разуму,
— И чара мнѣ-ка рядомъ дошла,
— Захотѣлося мнѣ, солнышко, женитися.
— Я былъ за славнымъ за синимъ моремъ:
25 — Во томъ ли во городѣ да во Черниговѣ,
— У Дмитрія гостя торговаго,
— Во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
— У него вѣдь есть любимая дочь,
— Тая ли Настасья Митріевна.
30 — Захотѣлось мнѣ, Владиміръ князь, женитися,
— А эту Настасью замужъ мнѣ взять;
— Дай-ко мнѣ силы четыре ста,
— Золотой казны да колько надобно:
— Я поѣду ко Митрію свататься.—
35 Когда будетъ Иванъ за синимъ моремъ,
Во тѣхъ палатахъ да Митріевыхъ,
Крестъ кладетъ да по писаному,
А поклонъ ведетъ да по ученому,
Покланяется Иванъ на всѣ стороны,
40 Дмитрію гостю торговому въ особину,
И самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуешь, Митрей гость торговый!—
И возговоритъ Митрей гость торговый:
« Ты коей земли, ты коей орды,
45 « Коево отца, коей матери,
« Какъ тебя, удалый, зовутъ именемъ?»

— Я изъ славнаго изъ города изъ Кіева
— Молодой Иванушко Гудиновичъ,
— Княженецкій любезный племянничекъ,
50 — Я пріѣхалъ къ тебѣ, Митрій, свататься;
— У тебя вѣдь есть да любимая дочь,
— Тая ли Настасья Митріевна:
— Отдай-ко ей да за меня замужъ.—
И возговоритъ Дмитрій гость торговый:
55 « У меня срощена собака на моемъ дворѣ,
« Отдать за тебя, Иванушко Гудиновичъ!»
И возговорилъ Иванушко Гудиновичъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Я не стану у тебя много спрашивать,
60 — Не стану съ тобой много и разговаривать.—
Вставалъ со лавочки брусовыя
И пошелъ по гриднѣ по столовыя,
Ко той ко завѣсы да ко шелковыя,
Отдынулъ завѣсу шелковую
65 И бралъ ей, Настасью, за бѣлы руки,
За тые за перстни злаченые,
И цѣловалъ въ уста да во сахарныя;
И повелъ Настасью во широкій дворъ,
И садился Иванъ на добра коня,
70 А Настасью Митріевну въ тороки вязалъ.
И выходитъ Митрей гость торговый
И самъ говоритъ таково слово:
« Ай же, Иванушко Гудиновичъ,
« Княженецкій ты любезный племянничекъ!
75 « Вѣдь моя-то Настасья просватана
« За того ли Кощея Безсмертнаго:
« У насъ записи-то съ нимъ пописаны,
« Къ записямъ у насъ руки приложены
« Къ рукамъ у насъ головы приклонены
80 « За того ли Кощея Безсмертнаго.
« Тебѣ отрубитъ Кощей буйну голову:
« Пропадетъ твоя буйная головушка
« Ни за единую денежку».

И говоритъ Иванъ таково слово:
— Когда срубите съ Кощеемъ буйну голову,
— Тогда будете и хвастати.—
Какъ видѣли Иванушка сядучись,
А не видѣли его уѣдучись.
Когда будетъ Иванушко подъ городомъ подъ Кіевомъ,
И отослалъ онъ силу княженецкую во Кіевъ градъ,
И заѣхалъ во сторону во лѣтнюю,
И разставилъ шатеръ бѣлополотняный,
Зашелъ съ Настасьей забавлятися.
На ту пору да на то время,
Не шумъ шумитъ, да не громъ гремитъ,
Налатѣлъ-то Кощей Безсмертный;
Зарычалъ Кощей да во всю голову,
Мать сыра земля всколыбалася,
Сыры дубья пошатилися:
« Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
« Выходи-тко ты изъ бѣла шатра,
« Станемъ-ко, Иванъ, со мной бой держать,
« Кому на бою будетъ Божья помочь,
« Кому владѣть Настасьею дочерью Митріевою?»
Какъ пошелъ Иванъ да изъ бѣла шатра:
— Ай же ты, ворона налетная,
— Налетная ворона, негодная!
— Тебѣ ли будетъ на бою Божья помочь?
— Будетъ-то Иванушку Гудинову!—
Они сѣклися, рубилися три часа,
И пособилъ ему Господи молодцу Ивану Гудипову
Одолѣть Кощея Безсмертнаго.
И садился онъ Кощею на бѣлы груди,
И не случилось у Иванушка востра ножа,
И не чѣмъ пороть грудей бѣлыихъ,
Вынимать сердечка со печенью.
И закрычалъ Иванъ да во всю голову:
— Ай же ты Настасья Митріевна!
— Подай-ко ты мой булатный ножъ:
— Я распорю Кощею бѣлы груди,

— Выну я сердце со печенью.—
И закрычалъ Кощей во всю голову:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« За Иваномъ быть тебѣ—крестьянкой слыть,
125 « А за мной-то быть тебѣ—княгиной слыть.»
Какъ идетъ Настасья изъ бѣла шатра,
Она брала Ивана Гудиновича за желты кудри
И стащила съ Кощея Безсмертнаго;
И одолѣла Иванушка Гудиныча
130 Женска сила да богатырская.
И приковали Иванушка ко сыру дубу
На тѣ ли петелки на шелковыя,
И заѣхали со стороны со сиверныя,
И разставили шатеръ бѣлополотняный,
40 И зашли съ Кощеемъ да забавлятися.
На ту пору да на то время
Налетѣлъ на дубъ голубь да со голубушкою,
Они промежъ собою вѣдь гуркаютъ [1]),
А Ивана Гудиновича распотѣшиваютъ,
145 А Кощею-то Безсмертному надзолу даютъ [2]),
И говоритъ Кощей Безсмертный:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« Подай-ко ты мой лукъ, калену стрѣлу,
« Застрѣлю я голубя съ голубушкою,
150 « Разорю любовь да голубиную.»
Подаетъ Настасья Митріевна
Тугой лукъ и калены стрѣлы,
И говоритъ Настасья таково слово:
— Ты не стрѣляй-ко голубя съ голубушкою
155 — И не разоряй любови голубиныя,
— Стрѣляй-ко ты Иванушка Гудинова во бѣлы груди.—
И не попалъ-то Кощей въ Ивана во бѣлы груди,
А пролетѣла калена стрѣла въ толстый сырой дубъ,

---

[1]) Воркуютъ.

[2]) Досаждаютъ.—(Собиратель не отмѣтилъ здѣсь путаницы: въ другихъ варіантахъ былины зрѣлище голубиной любви увеличиваетъ досаду Ивана Гудиновича, что понятно. *Ред.*).

Отъ сыра дуба стрѣлочка отскочила,
160 Становилася Кощею во бѣлы груди:
Отъ своихъ рукъ Кощею и смерть пришла.
И брала Настасья свою саблю вострую,
Приходила Настасья ко сыру дубу,
Къ молодцу Иванушку Гудинову,
165 Сама говорила таково слово:
— Отъ бережка откачнутось,
— Къ другому да не прикачнутось.
— Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
— Ты возьмешь ли меня за себя замужъ?
170 — У тебя теперь скованы ножки рѣзвыя,
— А связаны ручки бѣлыя:
— Я тебѣ отрублю буйну голову. —
И говоритъ тутъ ей Иванъ да не съ удробою [1]),
И самъ говоритъ таково слово:
175 «Ай же ты, Настасья Митріевна!
« Я возьму тебя за себя замужъ;
« Только дамъ тебѣ три грозы княженецкія.»
У ней женское сердце раздумалось,
И изъ бѣлыхъ рукъ сабля острая выпала
180 По тымъ петелькамъ шелковыимъ,
Тутъ-то Иванушко на волѣ сталъ.
Отковался Иванушко отъ сыра дуба,
И взялъ саблю Кощееву во бѣлы руки,
И отрубилъ у Настасьи рѣзвы ноги,
185 Рубилъ-то ей ножки, самъ приговаривалъ:
« Эты мнѣ ноги не надобны:
« Поипто шли изъ бѣла шатра
« Драть Ивана за желты кудри. »
И отрубилъ у Настасьи бѣлы руки:
190 « Эти мнѣ руки ненадобны,
« Которыя драли Ивана за желты кудри.»
И распласталъ у Настасьи бѣло тѣло,
Которое спало съ Кощеемъ Безсмертнымъ.

---

[1]) Не робѣя.

Только-то Иванушко и женатъ бывалъ.
195 И поѣхалъ во Кіевъ градъ,
И поклонъ отправилъ князю Владиміру
Отъ Кощея Безсмертнаго, что его жива нѣтъ.

XXIII.

ШАЛЬСКІЙ ЛОДОЧНИКЪ.

Во время первой и главной своей поѣздки за былинами лѣтомъ 1860 г. Рыбниковъ, добравшись до рѣки Шалы (иначе Водлы), попалъ на лодочника, оказавшагося отличнымъ пѣвцомъ, и записалъ отъ него 7 былинъ и одну сказку о Петрѣ. Это былъ крестьянинъ Шальскаго погоста; къ сожалѣнію, Рыбниковъ не сообщилъ его имени. Рыбниковъ высказываетъ предположеніе, что этотъ лодочникъ получилъ свой репертуаръ изъ того же источника, что и крестьянинъ сосѣдней дер. Гагарской, Потапъ Трофимовъ (т.-е., по Гильфердингу, Потапъ Антоновъ), отъ котораго по порученію Рыбникова было записано нѣсколько былинъ. Рыбниковъ рѣшилъ это, какъ онъ пишетъ, на основаніи близости склада и стиля былинъ; онъ могъ бы подтвердить свою догадку также большимъ сходствомъ былины о двухъ Ливикахъ (Наѣздъ Литовцевъ) у обоихъ пѣвцовъ. Мы же теперь находимъ въ Гильфердинговскихъ записяхъ отъ Антонова новое подкрѣпленіе мысли Рыбникова: былина о Сухмантіѣ, встрѣчающаяся только по одному разу въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга, въ первомъ принадлежитъ Шальскому лодочнику, во второмъ — Антонову. Хотя съ другой стороны Соловей Будиміровичъ у обоихъ пѣвцовъ недостаточно схожъ.

146.

ВОЛЬГА.

Когда возсіяло солнце красное
На нашу на землю святорусскую,
Тогда народился младый богатырь,
Младый богатырь Вольга Всеславьевичъ.
5 Будетъ Вольга семи годовъ,
Передастся Вольга семи мудрецамъ,
Понимаетъ Вольга всѣ хитрости,
Всѣ хитрости и всѣ мудрости;
Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ,
10 Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Вольга былъ во тридцатыихъ.
Будетъ Вольга на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
15 Воспроговоритъ Вольга таковы слова:
« Братцы вы, дружина хоробрая,
« Тридцать молодцевъ безъ единаго,
« Самъ я, Вольга, во тридцатыихъ!
« Слушайте большаго атамана,
20 « Дѣлайте дѣло повелѣное;
« Нынѣча теперь я вамъ скажу:
« Отъ моей отъ славы богатырскія
« Куницы и лисицы ушли въ темны лѣса,
« Рыба ушла во сине море,
25 « Во сине море, въ глубоки станы;
« Вяжите вы тоневья [1]) шелковыя,
« Путевья кладите позолоченыя,
« И спускайте эти тоневья въ сине море.»
Сам-о-тъ Вольга сударь Всеславьевичъ
30 Обернулся Вольга рыбой-щукою,
Пошелъ Вольга во сине море,

---

[1]) Тони, сѣти.—*Б.*

Всѣхъ рыбъ онъ повыпугалъ
Со тыхъ становъ со глубокіихъ
Во тои во тоневья шелковыя:
35 Всю кунную [1]) рыбу повыловилъ
Со своей дружиной со хороброей.
Будетъ Вольга па крутомъ берегу,
На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
Самъ говорилъ таково слово:
40 « Братцы вы, дружина хоробрая!
« Теперь кунная рыба вся повыловлена
« Во томъ ли во славномъ во синемъ морѣ;
« Теперь куницъ и лисицъ повыловимъ.
« Слушайте большаго атамана,
45 « Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Вяжите вы тоневья шелковыя,
« Вы пускайте тоневья въ лѣса темные,
« По ближности славнаго синя моря.»
Сам-о-тъ Вольга сударь Всеславьевичъ
50 Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ Вольга въ темны лѣса.
Его братья, дружина хоробрая,
Слушали большаго атамана,
Дѣлали дѣло повелѣное:
55 Вязали тоневья шелковыя,
Пускали тоневья во темны лѣса,
По ближности славнаго синя моря.
Сам-о-тъ Вольга сударь Всеславьевичъ
Побѣжалъ во ты во ломы [2]) во великіе:
60 Изъ тыхъ изъ ломовъ изъ великіихъ
Всѣхъ куницъ, лисицъ повыпугалъ
Ко тому ко славному синю морю
Во тыя во тоневья шелковыя.
Будетъ Вольга на крутомъ берегу,
65 На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
Самъ говорилъ таково слово:

---

[1]) *Кунный*—обильный, дорогой.
[2]) Завалы въ лѣсу.

« Кунная рыба вся повыловлена,
« И куницы, лисицы всѣ повыловлены.
« Отъ моей отъ славы богатырскія
70 « Уѣхалъ царь Салтанъ Бекетовичъ
« Со своей царицей съ Давыдьевной
« Во славну Золоту орду.»
Говоритъ Вольга не съ упадкою:
« Братцы вы, дружина хоробрая!
75 « Есть ли удалый дородній добрый молодецъ,
« Сослужилъ бы мнѣ службу великую,
« Сходить во славну Золоту орду,
« Узнать про царя Салтана Бекетовича,
« Что̀ онъ царь совѣтуетъ
80 « Со своей царицей со Давыдьевной
« На своемъ на ложѣ на царскоемъ?
« Того молодца я буду жаловать
« За его услугу за великую.»
Тутъ его братцы, дружина хоробрая,
85 Большій туляется за средняго,
Средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Воспроговоритъ Вольга Всеславьевичъ:
« Видно въ моей дружины хороброей
90 « Нѣтъ удала дородня добра молодца,
« Сослужить мнѣ службу великую!
« Видно быть—итти самому Вольгѣ!
« Побудь ты, дружина хоробрая,
« Я самъ слетаю въ Золоту орду,
95 « Провѣдаю про царя Салтана Бекетовича.»
Обернулся Вольга птицей-пташицей,
Полетѣлъ Вольга въ Золоту орду.
Прилетѣлъ сударь въ Золоту орду,
Садился на царское окошечко
100 И слушалъ рѣчи царскія,
Того ли царя Салтана Бекетовича,
Со своею со царицею Давыдьевной.
Приходитъ она на ложню на спальную,

И говоритъ царь Салтанъ Бекетовичъ:
105 — Супруга моя возлюбленная,
— Молодая царица Давыдьевна!
— Знаешь ли мою выдумку?—
Говоритъ царица Давыдьевна:
« Ай же ты, царь Салтанъ Бекетовичъ!
110 « Что́ же будешь дѣяти
« И какова твоя выдумка? »
Говоритъ царь Салтанъ Бекетовичъ:
— Поѣду я воевать на святую Русь,
— Завоюю на Руси девять городовъ,
115 — Подарю городами девять сыновъ,
— А самъ я возьму славенъ Кіевъ-градъ.—
Говоритъ ему царица Давыдьевна:
« Когда возсіяло солнце красное
« На эту на землю святорусскую,
120 « Тогда народился младый богатырь,
« Младый богатырь Вольга Всеславьевичъ.
« Отъ его отъ славы богатырскія
« Куницы и лисицы ушли во темны лѣса,
« Во темны лѣса, во велики ломы;
125 « Рыба ушла во сине море,
« Во сине море, въ глубоки станы;
« Стало Вольгѣ семнадцать лѣтъ,—
« Научился Вольга всѣмъ хитростямъ,
« Всѣмъ хитростямъ и всѣмъ мудростямъ;
130 « Прибиралъ себѣ дружину хоробрую,
« Тридцать молодцевъ безъ единаго,
« Самъ Вольга во трицатыихъ;
« Они кунную рыбу всю повыловили,
« Куницъ и лисицъ всѣхъ повыловили;
135 « Сам-о-тъ Вольга Всеславьевичъ
« Полетѣлъ онъ къ намъ въ Золоту орду,
« И сидитъ на нашихъ на окошечкахъ,
« И выслушиваетъ наши рѣчи царскія. »
Этыя рѣчи царю не слюбилися:
140 Ударилъ онъ царицу по бѣлу лицу,

И пролилъ у царицы кровь напрасную,
Напрасную кровь, безповинную.
Воспроговоритъ Вольга Всеславьевичъ:
« Ай же ты, царь Салтанъ Бекетовичъ!
145 « Не бывать тебѣ на святой Руси,
« Не владѣть тебѣ градомъ-Кіевомъ!
« Скоро обирайся во свою землю! »
Тутъ Вольга сударь Всеславьевичъ
Отлетѣлъ оть царскаго окошечка,
150 Полетѣлъ ко дружины ко хоробрыя.
А царь Салтанъ Бекетовичъ,
По его Вольгину повелѣнію,
Обирался скоро во свою землю.

147.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Поѣхалъ Вольга сударь Всеславьевичъ
Ко стольному городу ко Кіеву
Со своей дружиной со хороброей.
Не доѣзжучи до города до Кіева,
5 Услыхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ратай въ чистомъ полѣ посвистываетъ,
У ратая сошка поскрипываетъ.
День онъ ѣхалъ до ратая,
И не могъ до ратая доѣхати;
10 И другой ѣхалъ до ратая,
И не могъ до ратая доѣхати;
Наѣхалъ онъ ратая по третій день,
Видитъ Микулу Селяниновича.
Воспроговоритъ Вольга Всеславьевичъ:
15 « Богъ помочь, Микула Селяниновичъ! »
— Надоть Божья помочь, Вольга Всеславьевичъ! —
« Что же, Микула Селяниновичъ,

« Брось свою сошку о ракитовъ кустъ,
« Поѣдемъ ко городу ко Кіеву!»
20 Послушалъ Микула Селяниновичъ,
Кобылку изъ сошки повыложилъ,
Самъ говоритъ таково слово:

— Ай же, Вольга Всеславьевичъ, брось мою сошку о ракитовъ кустъ!—Вольга Всеславьевичъ принимается за эту сошку за Микулину, не можетъ и поднять сошки. А Микула Селяниновичъ схватилъ сошку и бросилъ о ракитовъ кустъ. Сѣлъ Микула Селяниновичъ на свою кобылку соловую, соловую кобылку «Обнеси голова», и поѣхалъ ко своему ко посельицу. Микула-то ѣдетъ ступою впереди, а Вольга съ дружиною хороброю ѣдутъ во всю конскую рысь и не могутъ догнать его. Пріѣхали къ палатамъ Микулинымъ. Выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу съ великою честію...

(Не окончено.)

148.

СУХМАНТІЙ.

(Гильф. № 63.)

У ласкова у князя у Владиміра
Было пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей
5 И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались:
10 Глупый хвастаетъ молодой женой,
Безумный хвастаетъ золотой казной,

А умный хвастаетъ старой матерью,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тымъ за столомъ за дубовыимъ
Сидитъ богатырь Сухмантій Одихмантьевичъ:
Ничѣмъ-то онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
« Что же ты ничѣмъ не хвастаешь,
« Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
« Бѣлыя лебеди не рушаешь?
« Али чара ти шла не рядобная [1]),
« Или мѣсто было не по отчинѣ,
« Али пьяница надсмѣялся ти? »
Воспроговоритъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Чара-то мнѣ-ка шла рядобная,
— А и мѣсто было по отчинѣ,
— Да и пьяница не надсмѣялся мнѣ.
— Похвастать-не похвастать добру молодцу:
— Привезу тебѣ лебедь бѣлую,
— Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
— Не ранену лебедку, не кровавлену. —
Тогда Сухмантій Одихмантьевичъ
Скоро вставаетъ на рѣзвы ноги,
Приходитъ изъ гридни изъ столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Взимаетъ палицу воинскую,
Взимаетъ для пути-для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантій на добра коня,

[1]) Не по ряду.—Б.

Уѣзжалъ Сухмантій ко синю морю,
Ко тоя ко тихія ко заводи.
Какъ пріѣхалъ ко первыя тихія заводи,
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Ѣхалъ ко другія ко тихія ко заводи:
У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Ѣхалъ ко третія ко тихія ко заводи:
У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Тутъ-то Сухмантій пораздумался:
— Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
— Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
— Поѣхать мнѣ,—живу не бывать;
— А поѣду я ко матушкѣ Нѣпры [1]) рѣкѣ! —
Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ:
Матушка Нѣпра рѣка текетъ не по старому,
Не по старому текетъ, не по прежнему,
А вода съ пескомъ помутилася.
Сталъ Сухмантьюшка выспрашивати:
— Что же ты, матушка Нѣпра рѣка,
— Что же ты текешь не по-старому,
— Не по старому текешь, не по прежнему,
— А вода съ пескомъ помутилася? —
Испроговоритъ матушка Нѣпра рѣка:
« Какъ же мнѣ течи было по старому,
« По-старому течи, попрежнему,
« Какъ за мной за матушкой Нѣпрой рѣкой
« Стоитъ сила татарская невѣрная,
« Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ?
« Мостятъ они мосты калиновы;
« Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:

---

[1]) Днѣпръ; *д* не произносится.

« Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась. »
Раздумался Сухмантій Одихмантьевичъ:
— Не честь-хвала мнѣ молодецкая
85 —Не отвѣдать силы татарскія,
— Татарскія силы, невѣрныя. —
Направилъ своего добра коня
Черезъ тую матушку Нѣпру рѣку:
Его добрый конь перескочилъ.
90 Пріѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивалъ дубъ со кореньямы,
За вершинку бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ,
И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой.
95 Напустилъ онъ своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И началъ онъ дубиночкой помахивати,
Началъ татаръ покалачивати;
Махнетъ Сухмантьюшка,—улица,
100 Отмахнетъ назадъ,—промежуточекъ.
И впередъ просунетъ,—переулочекъ:
Убилъ онъ всѣхъ татаръ поганыихъ.
Бѣжало три татарина поганыихъ,
Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
105 Садились подъ кусточки подъ ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.
Пріѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Ко той ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ, —
Пустили три татарина поганыихъ
110 Тыя стрѣлочки каленыя
Во его въ бока во бѣлыя:
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Стрѣлочки каленыя выдергивалъ,
Совалъ въ раны кровавыя листочики маковы,
115 А трехъ татаровей поганыихъ
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.
Садился Сухмантій на добра коня,
Припустилъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,

Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву.
120 Ко тому двору княженецкому,
Привязалъ коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Самъ бѣжалъ во гридню во столовую.
Князь Владиміръ стольно-Кіевскій
125 По гриднѣ столовыя похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
« Привезъ ли ты мнѣ лебедь бѣлую,
130 « Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
« Не ранену лебедку, не кровавлену? »
Говоритъ Сухмантій Одихмантьевичъ:
— Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
— Мнѣ, молъ, было не до лебедушки:
135 — А за той за матушкой Нѣпрой рѣкой
— Стояла сила татарская невѣрная,
— Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ;
— Шла же эта сила во Кіевъ градъ,
— Мостила мосточки калиновы:
140 — Они днемъ мосты мостятъ,
— А матушка Нѣпра рѣка ночью повыростъ;
— Напустилъ я своего добра коня
— На тую на силу на татарскую,
— Побилъ всѣхъ татаръ поганыихъ. —
145 Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Приказалъ своимъ слугамъ вѣрныимъ
Взять Сухмантья за бѣлы руки,
Посадить молодца въ глубокъ погребъ;
А послать Добрынюшку Никитинца
150 За тую за матушку Нѣпру рѣку
Провѣдать заработки Сухмантьевы.
Сѣдлалъ Добрыня добра коня
И поѣхалъ молодецъ во чисто поле.
Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ
155 И видитъ Добрынюшка Никитинецъ:

Побита сила татарская;
И видитъ дубиночку-вязиночку,
У тоя рѣки разбитую на лозиночки.
Привозитъ дубиночку въ Кіевъ-градъ
160 Ко ласкову князю ко Владиміру,
Самъ говоритъ таково слово:
— Правдой хвасталъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
— За той за матушкой Нѣпрой рѣкой
— Есть сила татарская побитая,
165 — Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ;
— И привезъ я дубиночку Сухмантьеву
— На лозиночки дубиночка облочкана [1]). —
Потянула дубина девяносто пудъ.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
170 « Ай же, слуги мои вѣрные!
« Скоро идите въ глубокъ погребъ,
« Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
« Приводите ко мнѣ на ясны очи:
« Буду его молодца жаловать-миловать,
175 « За его услугу за великую,
« Городами его съ пригородкамы,
« Али селамы со приселкамы,
« Аль безсчетной золотой казной до люби. »
Приходятъ его слуги вѣрные
180 Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
« Выходи со погреба глубокаго:
« Хочетъ тебя солнышко жаловать,
185 « Хочетъ тебя солнышко миловать
« За твою услугу великую. »
Выходилъ Сухмантій съ погреба глубокаго,
Выходилъ на далече-далече чисто поле,
И говорилъ молодецъ таковы слова:
190 « Не умѣлъ меня солнышко миловать,

[1]) Расщеплена, оббита. — *Б.*

« Не умѣлъ меня солнышко жаловать:
« А теперь не видать меня во ясны очи! »
Выдергивалъ листочки маковые
Со тыихъ съ ранъ со кровавыихъ,
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
« Потеки, Сухманъ-рѣка
« Отъ моя отъ крови отъ горючія,
« Отъ горючія крови, отъ напрасныя! »

149.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

Изъ-за славнаго синя моря Волынскаго,
Изъ-за того Кодольскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго
Выбѣгало-бѣжитъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единыимъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Высоко его головка призаздынута,
Носъ-корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго.
На томъ на черленомъ на кораблѣ
Были паруса-флаги крупчатой [1]) камки,
Снасти и кодолы [2]) были шелковыя,
Того ли были шелка Шемаханскаго;
Якори-то были булатніе,
Булатъ-желѣза Сибирскаго,
Сибирскаго желѣза, Поморскаго.
На томъ ли черленомъ на кораблѣ

---

[1]) Хрущатой (плотной, крижчатой)—*Б.*
[2]) Толстые канаты.

Середи корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
Зеленъ чердакъ муравленый;
Во томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Потолокъ обитъ чернымъ бархатомъ,
25 Стѣны покрыты чернымъ соболемъ;
Изнавѣшанъ зеленъ чердакъ
Куницами и лисицами
Печерскима и Сибирскима,
Ушистыма и пушистыма.
30 Во томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Сидѣлъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своей государыней со матушкою,
Со молодой Ульяной Васильевной.
Играетъ Соловей въ звончаты гусли,
35 Струну къ струночкѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Нова-города,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
И всѣ малыя припѣвки за синя моря,
40 За синяго моря Волынскаго,
Изъ-за того Кодольскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго;
Звеселяетъ государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.
45 Скоро выходитъ на черленъ корабль,
Сталъ по кораблю похаживать,
Желтыма кудеркамы потряхивать,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Братцы вы, дружинушка хоробрая!
50 « Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скоро подымайте паруса крупчатые,
« Побѣгайте ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
55 Тутъ-то братцы, дружина хоробрая,
Слушали большаго атамана,
Дѣлали дѣло повелѣное:

Скоро подымали паруса крупчатые,
Побѣгали ко славному ко городу ко Кіеву,
60 Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Скоро будетъ Соловей Будиміровичъ
У славнаго у города у Кіева,
Самъ онъ по кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
65 Самъ говоритъ таковы слова:
« Братцы, дружинушка хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скоро тычки втыкайте въ круты берега,
70 « Кидайте якори булатніе,
« Приставайте во пристань корабельную.
« Кидайте-ка вы три сходенки:
« Первую кидайте волжаную,
« Другу сходенку серебряну,
75 « Третью сходню позолоченую. »
По тыя по сходенкѣ по волжаной
Сходитъ дружина Соловьевая,
По тыя по сходенкѣ серебряныя
Сходитъ Соловьевая матушка,
80 По этой по сходнѣ позолоченой
Сходитъ самъ Соловей Будиміровичъ.
Самъ онъ по сходенкѣ похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
85 « Братцы вы, дружинушка хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скоро берите золоты ключи,
« Скорѣе отмыкайте кованы ларцы
90 « Берите вы мису чиста серебра,
« Другую мису красна золота,
« Третью мису скатна жемчуга,
« И берите камочку двуличневу:
« Въ златѣ камочка не изъянится,

5 « Въ серебрѣ камочка не разсыплется,
« Жемчугомъ камочка изнасажена.
« Выходите изъ черленаго изъ корабля,
« Ступайте во славенъ въ Кіевъ градъ
« Ко ласкову князю Владиміру на широкъ дворъ. »
100 Будутъ во городѣ во Кіевѣ
Вся его дружинушка хоробрая,
И самъ младъ Соловей Будиміровичъ
Со своею государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяною Васильевной,
105 Встрѣчаетъ его князь съ униженіемъ,
Его государыню матушку,
Молоду Ульяну Васильевну
И всю дружинушку хоробрую
Принимаетъ во любимо въ гостебьице.
110 Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Придверниковъ, приворотниковъ
Дарилъ Соловей чистымъ серебромъ,
Князя дарилъ золотой казной,
Княгину дарилъ двуличной камкой.
115 Эта камочка во люби пришла
Къ молодой княгины ко Апраксіи;
Воспроговоритъ княгина таково слово:
— Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
— Умѣй молодца честить-поить,
120 — Умѣй молодца чѣмъ пожаловать:
— Сади за столы за дубовые,
— Поставляй ему ѣства сахарнія,
— Составляй питья медвяныя,
— Съ его государыней со матушкой,
125 — Молодой Ульяною Васильевной
— И со всей дружиною хороброю. —
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Честилъ-поилъ Соловья сына Будиміровича,
Садилъ его за столы за дубовые,
130 Поставлялъ ему ѣства сахарнія,
Составлялъ питья медвяныя,

Съ его государыней со матушкой,
Молодой Ульяною Васильевной
И со всей его дружиною хороброю.
135 Отходилъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
Отходилъ отъ стола онъ дубоваго
И пошелъ по гриднѣ похаживать,
Желтыма кудеркамы потряхивать,
Самъ говорилъ таково слово:
140 « Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ка мнѣ мѣста малешечко
« Во твоемъ саду во Забавиномъ,
« Гдѣ пряники пекутъ, калачи продаютъ,
« Гдѣ малые ребята барышничаютъ,
145 « Выстроить мнѣ три терема,
« Три терема—золоты верхи,
« Со троима нарядныма сѣнямы,
« Чтобы къ утру къ свѣту мнѣ жить перейти.»
Говоритъ Владиміръ Кіевскій:
150 — Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Строй терема, гдѣ тебѣ по люби,
— Во моихъ садахъ во зеленыихъ,
— Во зеленыихъ садахъ княженецкіихъ. —
« Благодарствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій,
155 « На твоей почесткѣ княженецкія! »
Тутъ Соловеюшко Будиміровичъ,
Скоро Соловеюшко походъ чинилъ
Со тоя со гридни со столовыя,
Со того двора со княженецкаго,
160 Со своею государыней со матушкой,
Со своей дружиной со хороброю
На свои черленые на корабли.
Тутъ младъ Соловей Будиміровичъ
Приходитъ на свои черлены на корабли,
165 По черлену кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Братцы, дружинушка хоробрая!

« Слушайте большаго атамана,
170 « Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скидывайте кафтанчики скурлатъ-сукна,
« Надѣвайте кафтанчики рабочіе,
« Разувайте сапожки зеленъ сафьянъ,
« Обувайте сапожки рабочіе,
175 « Берите топорики булатніе,
« Ступайте вы въ Забавинъ садъ
« На тое на мѣсто на порядное,
« Гдѣ пряники пекутъ, калачи продаютъ,
« Гдѣ малые ребята барышничаютъ,
180 « Стройте на томъ мѣстѣ три терема,
« Три терема—золоты верхи
« Со троима со нарядныма сѣнямы,
« Чтобы къ утру къ свѣту мнѣ жить перейти. »
Его братцы дружинушка хоробрая
185 Слушали большаго атамана,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывали кафтанчики скурлатъ-сукна,
Надѣвали кафтанчики рабочіе,
Разували сапожки зеленъ сафьянъ,
190 Обували сапожки рабочіе,
Взимали топорики булатніе,
Скоро бѣжали въ Забавинъ садъ
На тое на мѣсто на порядное
И работали оны три терема,
195 Три терема—золоты верхи,
Со троима со нарядныма сѣнямы.
Къ утру къ свѣту жить перешли.
Молода Забава Путятична,
Любима княженецкая племянница,
200 Поутру выставала ранешенько,
Умывалась водою бѣлешенько,
Выходила дѣвица въ свой Забавинъ садъ,
Увидѣла въ саду она три терема,
Три терема—золоты верхи,
205 Со троима съ нарядныма сѣнямы.

Пришла она ко первому ко терему,
У того у терема послухала,—
Въ томъ терему стучитъ и гремитъ:
Тутъ Соловьева дружина хоробрая
210 Считаютъ Соловьеву безсчетну золоту казну.
Отходила ко другому ко терему,
У того у терема послухала,—
Въ томъ терему шепеткомъ говоритъ:
Тутъ Соловьева родна матушка
215 Стоитъ старушка—Богу молится,
Умоливаетъ за сына за любимаго.
Подходила ко третьему ко терему,
У того у терема послухала,—
Въ томъ терему стучитъ и гремитъ,
220 Пѣсни поетъ и гусли играетъ:
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новгорода,
225 А другіе ведетъ отъ Ерусолима,
А всѣ малыя припѣвки за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,
Изъ-за того Кодольскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго.
230 Тутъ дѣвица не вѣмъ возрадовалася,
И не вѣмъ дѣвица перепалася,
И слушала день она до вечера;
Заходила во высокъ теремъ,
Господу Богу помолилася,
235 Соловью Будиміровичу поклонилася.
Соловей Будиміровичъ ю проздравствовалъ:
« Ты здравствуешь, Забава Путятична,
« Молода княженецкая племница! »
Тутъ дѣвица не стыдилася,
240 За Соловья за мужъ подавалася.
Возговоритъ Соловей Будиміровичъ
Молодой Забавы Путятичной:

« Ай же ты, Забава Путятична,
« Молода княженецкая племница!
« Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
« А тымъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
« Что сама себя дѣвица просватала. »
Тутъ дѣвица прослезилася,
Пришла въ свои во терема высокіе.
Младъ Соловеюшка Будиміровичъ
Жилъ у князя Владиміра три мѣсяца,
Хотитъ получить его племницу въ супружество,
Но тымъ ему дѣвица не слюбилася.
Младъ Соловеюшка Будиміровичъ
Сбирался на свои жъ на корабли
Со своей государыней со матушкой,
Со своей дружиною хороброю,
Обпралъ онъ терема златоверхіе
Со тыхъ со садовъ со Забавиныхъ.
Сдѣлалось мѣсто по старому,
Гдѣ пряники пекутъ, калачи продаютъ,
Гдѣ малые ребята барышничаютъ.
Самъ онъ со княземъ прощается,
Благодарствуетъ князя Владиміра
И молоду княгиню Апраксію.
Скоро ступаетъ на черленъ корабль,
По черлену кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Братцы, дружина хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Снимайте сходенки на корабли,
« Поднимайте якори булатніе,
« Распускайте паруса крупчатные,
« Поѣзжайте за славно за сине море,
« За сине море за Волынское,
« Ко тому ко острову Кодольскому,
« Ко тому лукоморьицу зеленому. »

150.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

Жилъ Буславъ въ Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ Новымъ городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ онъ не вздоривалъ,
5 А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись Буславьюшка преставился,
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ.
Будетъ Василій семи годовъ,
10 Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ загуливать,
Сталъ шутить онъ, пошучивать,
Шутить-то шуточки не добрыя
Съ боярскими дѣтьмы, съ княженецкима:
15 Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь,
Двухъ-трехъ вмѣсто столкнетъ, безъ души лежатъ.
Приходятъ съ жалобой отъ князей Новгородскіихъ
Къ пречестной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны:
20 « Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
« Уйми ты свое дѣтище любимое,
« Молода Васильюшка Буславьева:
« Ходитъ онъ по городу, похаживаетъ,
« На княженецкій дворъ онъ загуливаетъ,
25 « Шутитъ онъ шуточки не хорошія
« Со тыма дѣтьмы съ боярскима,
« Со боярскима дѣтьмы, княженецкима,
« Побиваетъ смертію напрасною. »
Тутъ честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна
30 Не спускаетъ сына гулять во Новгородъ,
Шутить шуточекъ недобрыихъ.
Будетъ Василій семнадцати лѣтъ,
Обучился Василій всякихъ хитростей-мудростей,

Разныхъ наукъ воинскіихъ и рыцарскіихъ,
35 Ощутилъ въ себѣ силушку великую
И дѣлалъ себѣ сбрую ратнюю,
Палицу воинскую и копье мурзамецкое,
Тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую.
Заводилъ Василій у себя почестенъ пиръ,
40 Почестенъ пиръ на двѣнадцать дней.
И на пиру было народа множество великое.
Тутъ Василій виномъ напоилъ допьяна,
Хлѣбомъ кормилъ онъ досыта,
Выбиралъ себѣ дружину хоробрую,
45 Удалыихъ дородныхъ добрыхъ молодцевъ,
Избиралъ тридцать молодцевъ безъ единаго,
И распустилъ весь почестенъ пиръ.
Былъ Васильюшка Буславьевичъ
У князей Новгородскіихъ на честномъ пиру,
50 Напился Василій Буславьевичъ допьяна,
Напился Василій, порасхвастался,
И ударилъ о великъ закладъ
Со трема князьямы Новгородскима—
Выходить на мостикъ на Волховскій
55 И биться Василью съ Новымъ городомъ,
Побить всѣхъ мужиковъ до единаго.
Провѣдала его государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
Про своего сына про Васильюшку,
60 Что на томъ пиру ударилъ о великъ закладъ,
Выводила своего сына любимаго
Со того ли пира княженецкаго,
Засадила его во погреба глубокіе.
Тогда мужики Новгородскіе
65 Дѣлали шалыги подорожныя,
Поутру выставали ранешенько,
Выступали на мостикъ на Волховскій.
Васильева дружина хоробрая
Выступаютъ сопротиву ихъ.
70 Оны билися ровно три часа:

Тыи ль мужики Новгородскіе
Попятили дружину Васильеву.
Была его дружина попячена,
Головки шалыгамы прощелканы,
75 Руки кушакамы перевязаны,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.
Съ того ль двора со вдовинаго
Отъ честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны
Выбѣгаетъ дѣвка дворовая,
80 Дворовая дѣвка чернявка,
На тую на рѣку на Волхову
Со своима коромысламы желѣзныма,
И видитъ дѣвка чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
85 Головки у нихъ шалыгамы проколочены,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.
И хватила коромысслко желѣзное,
И начала пощелкивать мужиковъ Новгородскіихъ:
90 Убила мужиковъ пятьсотъ человѣкъ.
И потомъ дѣвка чернявка побѣгъ чинитъ,
Прибѣжала дѣвка къ погребу глубокому,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
95 — Спишь ты, Василій, не пробудишься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— На томъ ли на мостикѣ на Волховскомъ
— Попячена твоя дружина хоробрая,
— Головки шалыгамы прощелканы,
100 — Руки кушакамы перевязаны,
— Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.—
Тутъ-то Васильюшко Буславьевичъ
Молился ей дѣвкѣ чернявкѣ:
« Ай же ты, дѣвка чернявка!
105 « Выпусти меня со погреба глубокаго,
« Дамъ я тебѣ золотой казны до люби.»
Отпирала она дверь у погреба глубокаго,

И выпускала Василья на бѣлый свѣтъ.
Не попало у Василья сбруи ратнія,
110 Палицы воинскія и копья мурзамецкаго:
У того у погреба глубокаго
Лежала ось телѣжная желѣзная,
Долиною въ двѣ сажени печатныхъ,
А на вѣсъ ось та сорока пудъ:
115 Хватаетъ онъ тую ось желѣзную
На свое плечо богатырское.
Говоритъ дѣвкѣ чернявкѣ не съ упадкою:
« Благодарствуешь, дѣвка чернявка,
« Что выпустила со погреба глубокаго,
120 « Не погубила моей дружины хоробрыя:
« Я съ тобой опосля разсчитаюся,
« А нонь мнѣ недосугъ съ тобой проклаждатися.»
Приходилъ онъ ко мостику ко Волховскому,
И видитъ дружину хоробрую попячену,
125 Стоптъ дружина по колѣнъ въ крови,
Головки шалыгамы прощелканы,
Платкамы руки перевязаны
И ноги кушакамы переверчены.
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
130 « Ай моя дружина хоробрая!
« Вы теперь позавтракали,
« Мнѣ-ка-ва дайте пообѣдати.»
Становилъ дружину на сторону,
А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
135 И началъ мужичковъ пощелкивать,
Осью желѣзною помахивать:
Махнетъ Васильюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ.
140 Мужиковъ Новгородскихъ мало ставится,
Очень рѣдко и мало ихъ.
Видятъ князья бѣду неминучую,
Прибьетъ мужиковъ Василій Буславьевичъ,
Не оставитъ мужиковъ на сѣмена;

145 Приходятъ князья Новгородскіе,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родіоновичъ,
Ко его государынѣ ко матушкѣ,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны,
150 Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
« Уговори, уйми свое чадо милое,
« Молода Василья Буслаевича:
« Укротилъ бы свое сердце богатырское,
155 « Оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена. »
Говоритъ Мамелфа Тимоѳеевна:
— Не смѣю я, князья Новогородскіе,
— Унять свое чадо милое,
— Укротить его сердце богатырское:
160 — Сдѣлала я вину ему великую,
— Засадила его во погреба глубокіе.
— Есть у моего чада милаго
— Во томъ во монастырѣ во Сергѣевомъ
— Крестовый его батюшка Старчище Пилигримище:
165 — Имѣетъ силу нарочитую.
— Попросите, князья Новогородскіе,
— Не можетъ ли унять мое чадо милое.—
И такъ князья Новогородскіе
Пріѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву
170 И просятъ Старчище Пилигримище,
Со великимъ просятъ съ униженіемъ:
« Ай же ты, Старчище Пилигримище!
« Послужи ты намъ вѣрой-правдою,
« Сходи ты на мостикъ на Волховскій
175 « Ко своему ко сыну ко крестовому,
« Молодому Васильюшкѣ Буславьеву:
« Уговори его сердце богатырское,
« Чтобы онъ оставилъ побоище,
« Не билъ бы мужиковъ Новогородскіихъ,
180 « Оставилъ бы малую часть на сѣмена.»
Старчище Пилигримище сокручается,

Сокручается онъ, снаряжается
Ко свому ко крестнику любимому:
Одѣваетъ Старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
185 Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко Волховскому
Со тыма князьмы Новогородскима.
Приходитъ на мостикъ на Волховскій,
190 Прямо къ ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, мое чадо крестное!
— Укроти свое сердце богатырское,
— Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.—
195 Богатырское сердце разъярилося:
« Ай же ты, мой крестный батюшка!
« Не далъ я ти яичка о Христовомъ дни,
« Дамъ тебѣ яичка о Петровомъ дни!»
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
200 Тою осью желѣзною,
Желѣзною осью сорокапудовою:
Отъ единаго удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ.
Тутъ-то два князя Новогородскіихъ,
205 Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родіоновичъ,
Приходятъ къ его государынѣ матушкѣ,
Честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны,
Сами говорятъ таковы слова:
210 « Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
« Упроси свое чадо любимое,
« Укротилъ бы свое сердце богатырское:
« Мужичковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится,
« Убилъ онъ крестоваго батюшку,
215 « Честнаго Старчища Пилигримища.»
Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
Одѣвала платьица черныя,

Одѣвала шубу соболиную,
220 Полагала шеломъ на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимоѳеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
225 А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Молодой Васильюшко Буславьевичъ!
— Укроти свое сердце богатырское,
230 — Не сердись на государыню на матушку,
— Уброси свое смертное побоище,
— Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.—
Тутъ Васильюшко Буславьевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
235 Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на мать сыру землю,
И говоритъ Василій Буславьевичъ
Своей государынѣ матушкѣ:
« Ай ты, свѣтъ сударыня матушка,
240 « Тая ты старушка лукавая,
« Лукавая старушка, толковая!
« Умѣла унять мою силу великую,
« Зайти догадалась позади меня,
« А ежели бъ ты зашла впереди меня,
245 « То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
« Убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго.»
И тогда Васильюшка Буславьевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
250 А набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя.
Тутъ приходятъ князья Новогородскіе,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родіоновичъ,
Ко тому Васильюшку Буславьеву,
255 Пали ко Василью въ рѣзвы ноги,

Просятъ Василья во гостебьице,
Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
« Прикажи обрать тѣла убитыя,
260 « Предать ихъ матери сырой землѣ;
« Во той ли во рѣченькѣ Волховѣ
« На цѣлую на версту на мѣрную
« Вода съ кровью смѣсилася:
« Безъ числа пластина принарублена.»
265 Тутъ-то Васильюшка Буславьевичь
Приказалъ обрать тѣла убитыя,
Не пошелъ къ имъ въ гостебьице:
Зналъ де за собой замашку великую.
А пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны
270 Ко своей государынѣ ко матушкѣ
Со своею дружиною со хороброю.
И жилъ Васильюшка въ праздности,
Излѣчилъ дружинушку хоробрую
Отъ тыихъ отъ ранъ кровавыихъ,
275 И привелъ дружину въ прежнее здравіе.

151.

СМЕРТЬ ВАСИЛІЯ БУСЛАЕВА.

Какъ у молода Васильюшки Буславьева
Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося сердце и разгорѣлося
Съѣздить со дружиною хороброю
5 На тую на матушку Ердань рѣку
Ко тому ко граду Еросолиму,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
10 А на Ѳаворъ горѣ осушитися,

Со своей дружиной со хороброей.
И вся его дружина хоробрая
Купались въ Ердань рѣкѣ во рубашечкахъ,
А онъ же, Василій Буславьевичъ,
15 Купался Василій нагимъ тѣломъ.
А его свѣтъ государыня матушка
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна
По поѣздѣ его давала родительско благословленіе:
« Ай же ты, мое чадо милое!
20 « Будешь ты у матушки Ердань рѣки,
« Не куплись, Васильюшка, нагимъ тѣломъ:
« Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ.»
А онъ, Васильюшка Буславьевичъ,
Нарушилъ родительско благословленьице,
25 Не послушалъ государыни матушки:
Окунался Василій нагимъ тѣломъ.
Скоро садились на добрыхъ коней
И поѣхали на славну на Ѳаворъ гору,
Ко тому ко каменю ко Латырю
30 И ко той ко церкви соборнія,
Которая стоитъ со двѣнадцатью престоламы,
У того у каменя у Латыря,
На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ.
Не доѣдучись до камени до Латыря,
35 На томъ на раздольѣ на широкоемъ
Увидѣлъ Васильюшка Буславьевичъ
Лежащую кость богатырскую,
И началъ Васильюшка Буславьевичъ
Кость богатырскую попинывать,
40 Плеткой шелковою похлестывать.
Воспроговоритъ кость богатырская:
« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
« Ты почто меня ножкою попинываешь,
« Почто меня плеткой похлестываешь?
45 « Хотя ѣдешь ты во церковь въ соборнюю
« Ко тому ко Латырю ко каменю,
« Ко тому ко образу Преображенскому,

« То не доѣхать ти до церкви соборнія
« И до того до каменя до Латыря
50 « И до того образа Преображенскаго.»
Плюнулъ Васильюшка Буславьевичъ
На тую на кость на богатырскую,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!—
55 И такъ Васильюшка поѣздъ держалъ
Ко той ко церкви ко соборнія,
Ко тому ко каменю ко Латырю.
Не доѣдучись до церкви до соборнія,
Увидѣлъ предъ собою бѣлъ и великъ камень,
60 И на камени подпись подписана:
« Кто перескочитъ трижды черезъ бѣлъ камень,
« Тотъ достигнетъ церкви соборнія
« И тому образу Преображенскому;
« А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
65 « Тотъ не достигнетъ церкви соборнія
« И тому образу Преображенскому.»
Говоритъ Василій таково слово:
— Ай же ты, дружина моя хоробрая!
— Скачите черезъ бѣлъ горючъ камень.—
70 И вся его дружина хоробрая
Трожды перескочила черезъ бѣлъ камень.
Тутъ-то Васильюшка Буславьевичъ
Въ слѣдъ дружины своя хоробрыя
Началъ черезъ бѣлъ камень перескакивать.
75 Разъ скочилъ, и другой скочилъ,
И на третій говоритъ дружины хоробрыя:
— Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу.—
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И задѣла за камень ножка правая,
80 И упалъ Васильюшка Буславьевичъ
О жестокъ камень своима плечмы богатырскима.
И тутъ Василью славы поютъ,
И во вѣки тая слава не минуетъ.

152.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(Ср. ниже № 164. Гильферд., № 61.)

На Паневѣ было, на Уланевѣ,
Жило-было два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника.
Воспроговорятъ два брата, два Ливика.
5 Королевскіихъ два племянника:
« Ахъ ты дядюшка нашъ, Чимбалъ король,
« Чимбалъ, король земли Литовскія!
« Дай-ка намъ силы сорока тысячей,
« Дай-ка намъ казны сто тысячей:
10 « Поѣдемъ мы на святую Русь,
« Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ. »
Воспроговоритъ Чимбалъ, король земли Литовскія:
— Ай же вы, два брата, два Ливика,
— Королевскіихъ два племянника!
15 — Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
— И не дамъ прощеньица-благословеньица,
— Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
— Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ.
— Сколько я на Русь ни ѣзживалъ,
20 — А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
— Поѣзжайте вы во землю во Левонскую,
— Ко тому ко городу ко Красному,
— Ко тому селу-то ко Высокому:
— Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
25 — А добрые кони по стойламъ застоялися,
— Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
— Золота казна по погребамъ запасена.
— Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
— Тамъ получите добрыхъ коней,
30 — Тамъ получите цвѣтно платьице,
— Тамъ получите безсчетну золоту казну.—
Тутъ-то два брата, два Ливика

Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Скорѣе того оны поѣздъ чинятъ
35 Во тую ли землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.
Получили оны добрыхъ коней,
Получили оны добрыхъ молодцевъ,
40 Получили оны цвѣтно платьице,
Получили оны безсчетну золоту казну.
И выѣхали два брата, два Ливика
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
45 Начали ѣсть-пить, веселитися
На той на великой на радости;
Сами говорятъ таково слово:
« Не честь-хвала молодецкая
« Не съѣздить намъ на святую Русь,
50 « Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ. »
Тутъ два брата, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрѣльцовъ удалыихъ добрыхъ молодцевъ.
55 Не доѣдучись до князя Романа Митріевича,
Пріѣхали ко перву селу ко Славскому:
Во томъ селѣ было три церкви,
Три церкви было соборніихъ;
Оны то село огнемъ сожгли,
60 Разорили ты церкви соборніи,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали оны ко второму селу Корачаеву:
Въ томъ селѣ было шесть церквей,
Шесть церквей было соборніихъ:
65 Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали оны ко третьему селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому:

70 Во томъ селѣ было девять церквей;
Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужиковъ повырубили,
Полонили оны полоняночку,
75 Молоду Настасью Митріевичну
Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ.
А на той ли на великой на радости
Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
80 Раздернули шатры полотняные,
Оны почали ѣсть-пить, прохлаждатися.
А въ ты поры было, въ то время
Князя Романа Митріевича при домѣ не случилося:
А былъ-то князь за утѣхою,
85 За утѣхою былъ во чистомъ полѣ,
Опочивалъ князь въ бѣломъ шатрѣ.
Прилетѣла пташечка со чиста поля,
Она сѣла пташица на бѣлой шатеръ,
На бѣлой шатеръ полотняненькой,
90 Она почала пташица пѣть-жупѣть,
Пѣть-жупѣть, выговаривать:
« Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
« Спишь ты, князь, не пробудишься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
95 « Пріѣхали два брата, два Ливика,
« Королевскіихъ два племянника,
« Разорили оны твоихъ три села:
« Во первомъ селѣ было три церкви.
« Оны ты церкви огнемъ сожгли,
100 « Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
« Въ другомъ селѣ было шесть церквей,
« Оны ты церкви огнемъ сожгли,
« Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
« Во третьемъ селѣ было девять церквей,
105 « Оны ты церкви огнемъ сожгли,
« Черныхъ мужичковъ повырубили,

« Полонили оны полоняночку,
« Молоду Настасью Митріевичну
« Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ.
110 « А на той ли на великой на радости
« Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
« На тое раздольице широкое,
« Раздернули шатры полотняные,
« Ѣдятъ оны, пьютъ-прохлаждаются. »
115 А тутъ князь Романъ Митріевичъ
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовой столъ,
О дубовой столъ, о кирпиченъ мостъ,
120 Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ахъ ты тварь, ты тварь поганая,
« Ты поганая тварь, нечистая!
« Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
125 « Я хочу съ вами, со щенками, управитися! »
Собиралъ онъ силы девять тысячей,
Приходилъ онъ ко рѣкѣ ко Смородины,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
130 « Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Рѣжьте жеребья липовы,
« Кидайте на рѣку на Смородину,
« Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывай. »
Дѣлали дѣло повелѣное,
135 Рѣзали жеребья липовы,
Кидали на рѣку на Смородину,
Всякъ на своемъ жеребьи подписывалъ.
Которой силы быть убиты,
Тыя жеребья каменемъ ко дну;
140 Которой силы быть зранены,
Тыя жеребья противъ быстрины пошли;
Которой силы быть не ранены,
Тыя жеребья по воды пошли...

Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
145 Самъ говорилъ таковы слова:
« Которы жеребья каменемъ ко дну,
« Тая сила будетъ убитая;
« Которы жеребья противъ быстрины пошли,
« Тая сила будетъ поранена;
150 « Которы жеребья по воды пошли,
« Тая сила будетъ здравая.
« Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
« А надобно столько три тысячи. »
Еще Романъ силушкѣ наказывалъ:
155 « Ай же вы, дружинушка хоробрая!
« Какъ заграю во первый наконъ
« На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
« Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
« Какъ заграю я во второй наконъ
160 « На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
« Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
« Какъ заграю я въ третій наконъ,
« Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ,
« Во далечѣ-далечѣ во чистомъ полѣ. »
165 Самъ князь обвернется сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ-то князь во чисто поле,
Ко тымъ ко шатрамъ полотняныимъ,
Забѣжалъ онъ въ конюшни во стоялыя,
У добрыхъ коней глоточки повыхваталъ,
170 По чисту полю поразметалъ;
Забѣжалъ онъ скоро въ оружейную;
У оружьицевъ замочки повывертѣлъ,
По чисту полю замочки поразметалъ;
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
175 По чисту полю тетивочки поразметалъ.
Обвернулся тонкимъ бѣлыимъ горносталемъ,
Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлой шатеръ.
Какъ скоро забѣгаетъ въ бѣлой шатеръ,
И увидѣлъ младенчикъ двумѣсячный,
180 Самъ говорилъ таково слово:

— Ахъ ты свѣтъ, государыня матушка,
— Молода Настасья Митріевична!
— Мой-то дядюшка, князь Романъ Митріевичъ,
— Онъ бѣгаетъ по бѣлу шатру
185 — Тонкимъ бѣлымъ горносталемъ. —
Тутъ-то два брата, два Ливика
Начали горносталя поганивать
По бѣлу шатру по полотняному,
Соболиной шубой пріокидывать.
190 Тутъ-то ему не къ суду пришло,
Не къ суду пришло, да не къ скорой смерти.
Выскакивалъ изъ шубы въ тонкой рукавъ,
Въ тонкой рукавъ на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле;
195 Обернулся горносталь чернымъ ворономъ,
Садился черный воронъ на сырой дубъ,
Заграялъ воронъ во первый наконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Говорятъ ему таковы слова:
200 — Ай же ты, воронъ, воронъ черныій,
— Черный воронъ, усталыій,
— Усталый воронъ, упалыій!
— Скоро возьмемъ мы туги луки,
— Скоро накладемъ калены стрѣлы,
205 — Застрѣлимъ ти, чернаго ворона,
— Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
— Перье твое распустимъ по чисту полю. —
Заграялъ воронъ во второй наконъ.
Воспроговорятъ два брата, два Ливика:
210 — Ай же ты, воронъ, воронъ черныій,
— Черный воронъ, усталыій,
— Усталый воронъ, упалыій!
— Скоро возьмемъ мы туги луки,
— Скоро накладемъ калены стрѣлы,
215 — Застрѣлимъ ти, чернаго ворона,
— Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
— Перье твое распустимъ по чисту полю. —

Заграялъ воронъ въ третій наконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
220 Скоро скочили оны на рѣзвы ноги,
Приходили оны въ оружейную,
Схватились оны за туги луки:
У тугихъ луковъ тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки разметаны;
225 Хватились оны за оружьица:
У оружьицевъ замочки повывертены,
По чисту полю замочки разметаны:
Хватились оны за добрыхъ коней:
У добрыхъ коней глоточки повыхватаны,
230 По чисту полю разметаны.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Выбѣгали оны скоро на чисто поле.
Какъ наѣхала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
235 А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали къ дядюшкѣ
Чимбалъ-королю земли Литовскія.
Самъ же князь-то приговаривалъ:
240 « Ты, безглазый, неси безногаго,
« А ты ему дорогу показывай! »

153.

ЦАРЬ ПЕТРЪ.

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ёму царь: «Божья ти помочь крестьянствовати!»—Мни-ка надо Бога на помочь!—«А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?»—А семейство у меня: двѣ дочери да два сына.—«Не велико жъ твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?»—Кладу я деньги на три статьи: во-первыхъ, долгъ

лачу, а въ-другихъ, въ долгъ даю, а въ-третьихъ, въ воду
ечу.—Царь призадумался, что бы это значило, что старикъ и
ъ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ. И гово-
итъ ему старикъ:—Въ долгъ даю,—двухъ сыновей кормлю;
олгъ плачу,—стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу,—
вухъ дочерей кручу [1]).—«Ну,—говоритъ ему царь,—умная ты
олова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умей-
а щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю.»—
Іочто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, свер-
и вправо, тутъ поворотн влѣво, а тамъ опять вправо.—«Этой
грамоты,—говоритъ царь,—не знаю. Ты меня сведи».—А
нѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ.—«Дорого
ень стоитъ, да я тебѣ заплачу».—А заплатишь, такъ поѣдемъ!
Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь му-
ичка выспрашивать: «Далече ль, мужичокъ, бывалъ»?—Кое-
уда бывалъ, сударь.—«А видалъ ли царя?»—Царя не видалъ,
набъ посмотрѣть: согласился бы и помереть.—«Такъ смотри:
ъ степяхъ царь будетъ».—А какъ я царя узнаю?—«Всѣ будутъ
езъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ». Какъ пріѣхали
ъ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ
ѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ;
спрашиваетъ:—Кто же царь?—Говоритъ ему Петръ Алексѣе-
ичъ: «Видно, кто-нибудь изъ насъ царь!»

XXIV.

Г. АМОСОВЪ.

Гаврила Амосовъ, крестьянинъ дер. Уная Губа Пудожскаго
ѣзда, на восточномъ берегу Онежскаго озера. Рыбникову не
ришлось съ нимъ видѣться, и онъ получилъ пѣсть его былинъ
ъ чужой записи; у Гильфердинга Амосовъ помѣченъ умершимъ
о 1871 г. Нѣкоторыя параллели къ его текстамъ мы отмѣ-
аемъ ниже, но самая крупная особенность его репертуара со-

[1]) Т.-е. снаряжаю къ замужеству.

стоитъ въ томъ, что изъ всѣхъ пѣвцовъ Рыбникова и Гильфердинга единственно у него находится рѣдко встрѣчающаяся былина о Терентіи Данильевичѣ.

154.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

(Гильферд. № № 266 и 287.)

Ѣздилъ старъ доброй молодецъ
Со младости и до старости
На своемъ на добромъ конѣ во чистомъ полѣ.
И наѣхалъ во чистомъ полѣ камень бѣлый,
5 Отъ камени пошло три дороженьки,
На камени поднись подписана:
« Въ праву руку ѣхать—богату быть,
« Въ середнюю дорожку ѣхать—женату быть,
« Въ лѣвую руку ѣхать—убиту быть. »
10 Сталъ добрый молодецъ, пораздумался:
— Ничто-то на старость богачествомъ дѣлати,
— Ничто-то на старость молодой женой дѣлати;
— Худой взять не хочется, а хорошей не дадутъ,
— А какъ хороша взять—на людское счастьице;
15 — Въ лѣвую руку во дорожку ѣхать—то убиту быть.
— Лучше поѣду въ дорожку, гдѣ убиту быть:
— А полно мнѣ ѣздить по святой Руси,
— Убивать головушекъ безповинныихъ,
— Слезить отцевъ—матерей понапрасныс.—
20 Ѣхалъ старъ доброй молодецъ три часу,
А проѣхалъ ровно триста верстъ,
И наѣхалъ статьниковъ [1]) разбойниковъ сорокъ тысячей [2]).
— Здравствуйте, статьнички-разбойнички,
— Удалые добры молодцы! —

---

[1]) Отъ корня тать, воръ.

[2]) Слѣдовало бы: сорокъ статьниковъ-разбойниковъ.

25 Говоритъ большій атаманище статьникамъ-разбойникамъ:
« Убейте стара добра молодца:
« У стара есте добрый конь. »
Стали стараго поколачивать и пощалкивать:
Стоитъ старъ доброй молодецъ, не шатается,
30 Желты кудри у стараго не стряхнутся,
И говоритъ старъ доброй молодецъ:
— Ахъ вы, разбойники и подорожники!
— Почто вы меня бьете-убиваете
— И съ смертнаго мѣста не спущаете?
35 — У меня казны съ собой немношечко:
— Во корманчикахъ только пятьсотъ рублей;
— На добромъ конѣ уздица во пятьсотъ рублей,
— Сѣделышко черкасское въ цѣлу тысячу,
— А доброму коню и цѣны нѣтъ. —
40 Тутъ старъ добрый молодецъ
Выдергивалъ съ головушки свой шелковъ колпакъ,
А тотъ колпачекъ былъ въ сорокъ пудъ,
Сталъ онъ колпачкомъ помахивать,
Шелковымъ перекидывать:
45 Куда махнетъ, стали улицы,
Перемахнетъ, переулочки.
Стали разбойнички ставиться островьямы,
И прибилъ ихъ до единаго,
И не оставилъ на сѣмяна.
50 Тутъ-то старый доброй молодецъ
Поворотъ держитъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись подхиривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая подпись была ложная,
55 — «Что съѣздить во дорожку—убиту быть.»
— А съѣздилъ во дорожку, убитъ не бывалъ. —
Тутъ онъ пораздумался:
— Да-ко я поѣду во дорожку, гдѣ женату быть. —
Ѣхалъ онъ ровно три часу,
60 А проѣхалъ триста верстъ,
Наѣхалъ во далечѣ, далечѣ во чистомъ полѣ

Чудо чудное, диво дивное,
Деревня великая, а городъ-село малое,
А все стоятъ палатушки царскія и государскія.
65 И заѣхалъ онъ на широкій дворъ на царскіій;
И увидала съ окна прекрасная королевична,
И выходила на широкій дворъ,
Встрѣчала стара добра молодца,
И цѣловала во уста сахарнія.
70 Приказала нянечкамъ-бабочкамъ
И вѣрныимъ служаночкамъ
Коня кормить пшеной бѣлояровой,
Сама взяла его за ручку за правую,
Свела въ палату бѣлокаменну, во гридню столовую.
75 Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны поклоняется,
А королевичной въ особину.
А она дубовы столики задернула,
80 А забранины скатерти накрывала,
Хлѣба соли наставила,
А ѣствы были все сахарнія,
А птицыца были медвяныя;
Садитъ-то стара добра молодца за дубовый столъ,
85 А сама-то отходя поклонилася,
И сама говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старъ добрый молодецъ!
« Не наѣдайся досыта,
« Не напивайся допьяна:
90 Было бы королевичной съ кѣмъ забавиться. »
Тутъ старъ доброй молодецъ
На женскую прелесть не укинулся:
Досыта онъ наѣдается,
И допьяна напивается;
95 Тутъ выходитъ сза стола дубоваго,
Отдалъ честь-благодарность великую,
За хлѣбъ за соль за столовую.
И говоритъ прекрасная королевчнаи:

« Ай ты, старъ доброй молодецъ!
100 « Поди съ пути-дороженьки
« Отдохнуть во ложню теплую. »
И привела ко кроватки тесовыя,
Ко перины пуховыя:
« Ложись-ка ты на перину пуховую,
105 « А я лягу подлѣ тебя. »
А онъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, прекрасная королевична!
— Ложись-ка о стѣночку,
— А мужеской полъ лежитъ на краечку,
110 — А у мня на старость мочь не держится:
— Надо старичку часто вонъ ходить. —
Она о стѣночку не ложится; —
Хватилъ онъ ей за шелковъ поясъ,
И бросилъ ю о стѣночку:
115 А тая была кроватка ложная и подложная,
Улетѣла королевична во глубокъ погребъ.
Тутъ старъ доброй молодецъ
Выходитъ изъ палаты на широкъ дворъ,
И говоритъ нянечкамъ-бабочкамъ
120 И вѣрнымъ служаночкамъ:
« Подайте мнѣ ключи злаченые,
« Отомкнуть погребъ глубокій. »
Онѣ говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, дядюшка незнаемый!
125 — Мы не знаемъ ни ключей-ларчей окованыихъ. —
Онъ прискакивалъ ко дверямъ со каблукомъ,
Вылетѣли двери со липеньями [1]).
Отворилъ онъ глубокъ погребъ:
Во томъ погребѣ во глубокоемъ
130 Насажено сорокъ царей-царевичей,
Сорокъ королей и королевичевъ,
И всѣ скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ старичку поклонился:

---

[1]) Липень—дверныя притолоки.

« Благодарствуй, старый казакъ Илья Муромецъ,
135 « Богатырь сынъ Ивановичъ!
« Показалъ ты намъ бѣлый свѣтъ. »
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же вы, цари и царевичи,
— И всѣ вы, короли и королевичи!
140 — Выводите королевичну на широкій дворъ,
— Что знаете, то надъ ней и дѣлайте. —
А они говорятъ ему на мѣсто:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
« Богатырь сынъ Ивановичъ!
145 « Что знаешь, то и дѣлай надъ ней! »
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ
Выводилъ на широкъ дворъ
И привязалъ къ тремъ жеребьицамъ къ неучамъ.
150 И растащили по чисту полю,
Куда руки, куда ноги, и куда . . . що:
Все улетѣло по чисту полю.
Только старый Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ и женатъ бывалъ.
155 Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Поворотъ держалъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись захиривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая надпись была ложная,
160 — Что съѣздить въ дорожку—женату быть:
— А съѣздилъ въ дорожку—женатъ не бывалъ.—
— А нынь поѣду во дорожку, гдѣ богату быть.
Ѣхалъ онъ ровно три часу,
Проѣхалъ ровно триста верстъ,
165 Наѣхалъ на бѣлъ камень,
На камени подпись подписана:
« Кто можетъ этотъ камень вывалить,
« Подъ каменемъ лежитъ плита чугунная,
« А подъ плитой погребъ глубокій. »
170 Тутъ прискакивалъ Илья Муромецъ

Ко бѣлому камени со каблукомъ,
И выкатывалъ камень за три поприща,
И выпинывалъ плиту чугунную;
Отворилъ-то онъ глубокъ погребъ, —
175 Въ томъ погребѣ много злата и серебра,
Много скатняго жемчуга.
Насыпаетъ мису чиста серебра,
А другую красна золота,
А третью мису скатна жемчуга,
180 Поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
Хочетъ строить три церкви соборныя:
Первую церковь Спасу свѣту милосливому,
А другую церковь Николы Можайскому,
А третью церковь Георгію храброму.

155.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ [1]).

« Свѣтъ ты, государыня моя матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Зачѣмъ ты меня несчастнаго спородила?
« Лучше бы ты бѣлымъ горючимъ камешкомъ спородила,
5 « Выставила бы на гору Сорочинскую,
« Вертѣла бы въ рукавцы во рукавные,
« И бросила бы Добрыню въ сине море [2]).
« И лежалъ бы тамъ Добрыня вѣкъ ко вѣку,
« Отнынѣ и довѣку,
10 « И не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
« И не убивалъ бы головокъ безповиныихъ,
« Не слезилъ бы очей—матерей [3]) понапрасною. »

[1]) Варіантъ, обозначенный *П. Б. Д.*, записанъ въ Большомъ Дворѣ, дер. Несчанскаго погоста, а буквою *К.*—отъ калики Латышева.

[2]) Варіантъ: вмѣсто цвѣтнаго камешка. *К.* —

[3]) Отцевъ—матерей.

Говоритъ ему честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, чадо мое милое,
— Дитя ты мое родимое!
— Я хотѣла тебя спородить добра молодца
— Счастками—богатствомъ въ Садка купца богатаго,
— Красотою-басотою въ Осипа Прекраснаго,
— Силою хотѣла тебя спородить въ Илью Муромца,
— А смѣлостью въ Олешу Поповича.
— Видно ты, чадо мое милое,
— Зародился ты въ ту звѣзду,
— Въ ту минуту безсчастную, не въ таланную! —
И говоритъ Добрынюшка своей матушкѣ:
« Свѣтъ ты, моя матушка Офимья Александровна!
« Дай-ка ты мнѣ прощеньице-благословеньице,
« Повыѣхать Добрынѣ въ чисто поле. »
Тутъ ему матушка дала прощеньице,
Дала ему благословеньице
Повыѣхать Добрынѣ во чисто поле.
Выходитъ-то Добрынюшка на широкъ дворъ,
Выводитъ сивушка-бурушка косматаго
Съ конюшни стоялыя на широкъ дворъ
И надѣваетъ уздицу тесмянную;
Кладываетъ потнички, а на потнички войлочки,
А на войлочки сѣдельцо черкасское,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
А подпруги все были шелку шахманскаго,
А не для-ради красы-басы,
А ради крѣпости богатырскія.
Тутъ выходитъ на широкъ дворъ
Молода жена Настасья свѣтъ Микулична,
Говоритъ Добрынѣ таково слово:
— Ай же, ты молодой Добрынюшка свѣтъ Никитиничъ!
— Поѣзжаешь ты во далече, далече во чисто поле,
— Когда же тебя ждать со чиста поля? —
Говорилъ онъ ей таковы слова:
« Ай же ты, любимая семья,
« Молода жена Настасья свѣтъ Микулична!

50 « Ты меня годикъ жди, ты меня другой жди,
« Ты меня третій жди:
« А послѣ трехъ годовъ,
« Хоть вдовой живи, хоть замужъ иди. »
Видли добра молодца сядучи,
55 А не видали поѣдучи.
Скоро скажется, тихо дѣется:
Недѣля на недѣлю, какъ дождь дождитъ,
Тому времечку сравнялося ровно три годика.
Наѣзжаетъ смѣлый Олешенька Поповичъ со чиста поля,
60 Привозитъ вѣсточку нерадостну, невеселую
Ко той вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ:
— Не стало твоего чада милаго,
— Молода Добрынюшки Никитича въ живности;
— Буйной головой лежитъ онъ въ ракитовомъ кустѣ,
65 — А рѣзвыми ножками въ ковыль-травѣ,
— Сквозь тѣло бѣло трава проросла,
— Проросла трава и цвѣты расцвѣли. —
Прошло то времечко малое,
Сталъ ходить Олешенька свататься
70 На Настасьѣ на Микулишной.
Говорила Настасья таковы слова:
« Ай же ты, смѣлый Олешенька Поповичъ!
« Справила я заповѣдь мужнюю,
« А нонь положу отъ себя заповѣдь на три года:
75 « Буде не пріѣдетъ Добрынюшка со чиста поля,
« Тошто я Настасья хоть вдовой живу,
« Хоть вдовой живу, хоть замужъ пойду. »
Опять тутъ скоро скажется, тихо дѣется:
День-то за день, будто дождь дождитъ,
80 Недѣля за недѣлей, будто рѣка бѣжитъ,
А сравнялось сему времени шесть годовъ;
И не видали Добрынюшки пріѣдучи со чиста поля.
Тутъ сталъ Олешенька похаживать,
Сталъ на Настасьѣ на Микулишной свататься;
85 А нейдетъ-то Настасья Микулишна
За Олешеньку замужъ-то.

Подымаетъ Олешенька князя Владиміра
Ко Настасьѣ идти свататься.
Приходитъ-то князь Владиміръ стольне-Кіевскій
90 Къ Настасьѣ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны поклоняется,
Настасьѣ Микулишной въ особину.
95 Говоритъ князь Владиміръ стольне-Кіевскій:
— Здравствуй, Настасья дочь Микулишна!
— Для чего жъ ты за Олешу замужъ нейдешь?
— Я тебя постригу Настасью во старицы,
— Сведу въ монастырь ко старицамъ;
100 — И вѣкъ ты станешь служить во старицахъ.—
Настасьѣ во старицы идти не хочется:
Сама себя Настасья просватала.
Задернулъ Олешенька почестный пиръ,
Почестный пиръ-пированьице на двѣнадцать денъ [1]).
105 Въ ту пору и въ то время,
Во далечѣ-далечѣ, во чистомъ полѣ,
Подъ сырымъ дубомъ, да во бѣломъ шатрѣ
Добрынюшка Никитичъ опочивъ держитъ.
Налетаетъ голубь со голубкою на сырой дубъ,
100 Сталъ-то голубь со голубушкою разговаривати:
« Сегодня во Кіевѣ у насъ почестный пиръ,
« Добрынина жена замужъ пошла.»
А эти рѣчи всѣ Добрынюшка повыслушалъ,
Выходилъ на широку улицу,

[1]) Тутъ Добрынина матушка расплакалась,
Сѣла подъ окошечко косявчето,
Глядитъ на широкую улочку:
Не свѣтъ-то на улицы разсвѣтается,
Не зори ли утренны,
Не зори ль вечорныя,
Не свѣтелъ ли мѣсядъ выкатается,
Не часты ль звѣзды разсыпаются,
Не красное-ль солнышко распекло,
Какъ ѣдетъ Добрыня со чиста поля.... (П. Б. Д.).

115 Крыкнулъ голосомъ богатырскіимъ,
Свистнулъ голосомъ молодецкіимъ:
Конь бѣжитъ, мать-земля дрожитъ.
Сѣдлаетъ сивушка-бурушка косматаго,
Скоро на скоро сподобляется,
120 И скочилъ Добрыня на добра коня.
И сталъ его добрый конь, сивушка-бурушка
По чисту полю порыскивать, помахивать,
Отодрался конь отъ сырой земли,
Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
125 Рѣки-озера промежъ ногъ сталъ пропускивать.
Пріѣзжаетъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Ко своему подворьицу дворянскому,
Стучитъ у вороточекъ рѣшетчатыхъ,
Отвѣчаетъ ему тамъ честна вдова Офимья Александровна:
130 — Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная!
— Отойди прочь отъ дому отъ сиротскаго.
— Кабы былъ Добрыня во живности,
— Не дошло бы каждому пьяницы
— Надъ моимъ домомъ надсмѣхатися.—
135 А того Добрыня не пытается,
Стучитъ-гремитъ въ другой наконъ.
Отвѣчаетъ честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная!
— Отойди ты отъ дому отъ сиротскаго.—
140 А того Добрыня не пытается,
Стучитъ-гремитъ по третій наконъ.
И говоритъ Добрыня таковы слова:
« Отворяй же ты, честна вдова Офимья Александровна!
« Я привезъ тебѣ вѣсточку радостную и веселую.»
145 Отперла-то она воротца рѣшетчатыя,
Опознала своего сына любимаго,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Говоритъ Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня матушка,
150 « Честна вдова Офимья Александровна!
« Гдѣ-то моя молода жена, Настасья дочь Микулишна?»

Говоритъ честна вдова, Офимья Александровна:
— Твоя жена замужъ ушла [1])
— За смѣлаго Олешу Поповича,
155 — А не съ охоты шла, а со пристрастки со княжескія.—
Говоритъ Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня матушка [2]),
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Принеси гуселки створчатыя.»
160 Онъ натягивалъ въ гуселкахъ, налаживалъ
Двѣнадцать струночекъ злачеными;
Сокручивается во платья скоморошныя,
Бралъ колачиковъ крупичатыхъ,
Пошелъ по широкой по улицы:
165 Маленьки ребятки играютъ щильцомъ-мячомъ,
Сами говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, Добрынюшка сынъ Никитиничъ!
— Твоя жена замужъ ушла,
— За того за смѣлаго Олешу Поповича.—
170 Онъ кидаетъ ребятамъ по калачу по крупичатому:
« А про меня болѣе не сказывайте.»
Пришелъ Добрынюшка къ Олешѣ на почестный пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
175 На всѣ четыре стороны покланяется,
Князю Владиміру въ особину:
« Здравствуешь, Владиміръ князь, со честнымъ пиромъ!
« Да-ко мнѣ мѣсто скоморошины немношенько
« Поиграть во гуслицы во створчатыя.»
180 Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій:
— Скоморошье мѣсто на запечьѣ.—
А Добрыня скочилъ на печку на муравлену,
Сталъ во гуслицы поигрывать [3]).

---

[1]) —Ясенъ соколъ на дворъ прилетѣлъ,
—Слетала сиза голубица съ широка двора (К.).

[2]) „ Безсчастнаго ты меня спородила,
„ Несчастнаго ты меня возродила,
„ И въ третьихъ, матушка, возростила. (П. Б. Д.)

[3]) Эта игра Владиміру за умъ пришла. (К.).

Тая-то игра прилюбилася всему кругу молодецкому,
185 Всему поѣзду княженецкому.
Говоритъ Владиміръ скоморошины:
— Ай же ты, молода скоморошина!
— Опущайся со печки со муравленой,
— Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое.—
190 Садился Добрынюшка супротивъ Настасьи на скамеечку,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Прикажи-ко, князь Владиміръ, налить чару зелена вина,
« Прикажи-ко поднести, кому знаю я.»
И говорилъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
195 — Ай же ты, молодая скоморошина!
— Наливай ты чару зелена вина,
— Поднеси, кому знаешь ты.—
Выставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Наливалъ чару зелена вина,
200 Подливалъ меду сладкаго,
Опустилъ въ чару свой злаченъ перстень
И подноситъ чару Настасьѣ Микулишной,
Самъ Настасьѣ приговариваетъ:
— Пей до дна, такъ видашь добра,
205 — А не пьешь до дна, такъ не видашь добра.—
Она брала чашу во бѣлы руки,
Выпивала чару до суха,
Увидала перстень злаченый,
Брала перстень во бѣлы руки,
210 Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— А не тотъ мнѣ-ка мужъ, который стоитъ подлѣ меня,
— А тотъ мнѣ-ка мужъ, который сидитъ противъ меня на скамеечкѣ,
— Молодой Добрынюшка, сынъ Никитиничъ.—
215 Оттрагивала столики дубовые,
Брала за ушка, цѣловала во уста во сахарнія.
И говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Не дивую я Олешѣ Поповичу,

« А дивую князю Владиміру [1]),
220 « Что отъ жива мужа жену беретъ.»
Говоритъ Владиміръ таково слово:
— Кто отъ бѣды откупается,
— А Владиміръ князь на бѣду накупается,
— На эту ли бѣду на великую, на немалую.—
225 Вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Взималъ Добрыня Олешу за желты кудри,
Сталъ Олешеньку потряхивать, помахивать [2]),
Изъ угла въ уголъ перекидывать [3]),
Чуть Олешеньку въ душахъ оставилъ;
230 Только Олешенька и женатъ бывалъ.

156.

ТЕРЕНТІЙ МУЖЪ ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

Жилъ-былъ Терентій мужъ,
Жилъ-былъ Данильевичъ.
У него сдѣлалась невзгода великая,
Сдѣлалась жена трудна-больня,

---

1) „А дивую я Олешѣ Поповичу,
„ Какъ можно отъ жива мужа жена отвять!
„ Похвасталъ къ моему двору разъѣзжаючи,
„ А не похвастаешь отъ моего двора отъѣзжаючи". (П. Б. Д.)

2) Шалыгой по бокамъ поколачивалъ:
Бухканье не слышно,—охканье,
Охканье не слышно,—бухканье;
Сдѣлалъ Олешу въ полвѣка. (К.).

3) Говорилъ Олеша таковы слова;
— Ай же ты, братецъ названый!
— Прости меня въ этой вины во великія:
— Надсмѣялся я надъ твоей молодой женой.—
Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:
„ Пошелъ ты, собака подстольная,
„ Убирайся, собака подорожная!"
Тутъ-то Олешенькѣ славы поютъ,
И тая слава вѣкъ не минуетъ. (П. Б. Д.).

5 Трудна-больня, очень немочна.
И спустился недугъ въ буйну голову,
А съ буйной головы и до пупа,
А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
Говоритъ Терентью жена:
10 « Ай же ты, Терентій мужъ,
« Ай же ты, Данильевичъ!
« Поди, сходи найной [1]) городъ,
« Поищи молодыхъ скомороховъ,
« Молодцевъ поученыихъ,
15 « Чтобы меня молоду вылѣчили,
« Чтобы меня молоду выпользовали.»
Пошелъ бѣдный Терентій мужъ,
Пошелъ бѣдный Данильевичъ
На чужу дальню сторону
20 Искать молодыхъ скомороховъ,
Молодцевъ поученыихъ.
Прошедши онъ Орѣховецъ,
А не дошедши до Онтоновца,
На мосту на Калиновомъ,
25 У креста Геванидова,
Стрѣтились молодые скоморохи,
Молодцы поученые,
И сами говорятъ таково слово:
« Здравствуй, Терентій мужъ,
30 « Здравствуй, Данильевичъ!
« Ты куда пошелъ,
« Куда путь держишь?»
— А ей же, вы братцы,
— Молодые скоморохи!
35 — У меня сдѣлалась дома незгода великая,
— Сдѣлалась жена трудна-больня,
— Трудна-больня, очень немочна:
— Спустился у ней недугъ въ буйну голову,
— А съ буйной головы до пупа,

---

[1]) На иной.

40 — А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
— А вы бы, добры молодцы,
— Выпользовали и вылѣчили!—
Они говорятъ таково слово:
« Ай же ты, Терентій мужъ,
45 « Ай же ты, Данильевичъ!
« Сходи во Холстинской [1]) рядъ,
« Купи Холстинской мѣхъ.»
Тутъ-то Терентій мужъ
Скоро скочилъ во Холстинской рядъ,
50 Купилъ Холстинской мѣхъ,
Приносилъ имъ Холстинской мѣхъ.
Взяли-посадили мужа Терентья
Во Холстинской мѣхъ,
Понесли Терентья мужа
55 Къ Терентьевой жены подъ окно,
Они просятся и колотятся:
« Ай ты, Терентьева жена!
« Дома-ль Терентій мужъ,
« Дома-ль Данильевичъ? »
60 А Терентьева жена
Кидалась въ окошечко
Въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса:
— Здраствуйте, молодые скоморохи!
— Не слыхали ли и не видали ли
65 — Терентья мужа!
« Ай же ты, Терентьева жена?
« Нѣту Терентья мужа жива,
« Лежитъ буйной головой во ракитовъ кустъ,
« А рѣзвыми ножками во кувыль травы,
70 « Сквозь бѣло тѣло трава проросла,
« И цвѣты разцвѣли. . . . . .
« Ай же ты, Терентьева жена!
« Пусти насъ въ свой высокъ теремъ
« Въ гуселки поиграть,

[1]) Голштинскій.

75 « Станемъ Терентья поминать. »
Говоритъ Терентьева жена:
— Ай же вы, молодые скоморохи,
— Молодцы поученые!
— Подьте во высокъ теремъ.
80 — И играйте во гуселышка,
— Поминайте Терентьюшка.—
Тутъ молодцы поученые
Скоро скочили во высокъ теремъ,
Они Богу помолилися,
85 На всѣ стороны поклонилися,
Терентьевой жены въ особину:
« Здравствуй, Терентьева жена!
« Пусти въ гуселышка поиграть
« И Терентья поминать. »
90 Говоритъ Терентьева жена:
— Играйте, молодцы поученые,
— Во гуселышка яровчаты
— И поминайте Терентья постылаго,
— Постылаго Терентья и супостатаго.—
95 Они стали во гуселышка поигрывать
И къ мѣшку приговаривать:
« Слышишь ли, Холстинской мѣхъ?
« Тебя не позаочь бранятъ,
« А въ очи говорятъ. »
100 Тутъ Терентій мужъ
Выскочилъ съ мѣшка Холстинскаго,
И хватилъ гирю безмѣнную,
Сталъ молоду жену окладывать
И недуговъ выправливать.
105 На кровати тесовыя,
На перины пуховыя
Лежитъ молодецъ въ рубахѣ красныя:
Зачалъ Терентій мужъ
Дѣтину безмѣнной гирей укладывать
110 И недуговъ выправливать.

157.

КОСТРЮКЪ.

(См. выше №№ 95 и 96.)

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлешнихъ короляхъ,
Царица-то крымская,
Упала [1]) татарская,
5 У царя сдоложилася,
А съ Кострюкомъ подумилася,
Съ молодымъ сговорилася
Ѣхать во землю во русскую,
Въ сильно царство московское,
10 Отвѣдать сила богатырская,
Плечо молодецкое.
И снарядились и поѣхали.
До Москвы не доѣдучи,
Середи поля чистаго,
15 Середи луга зеленаго,
Шатры раздернули
Бѣлополотняные,
Столы разставили
Бѣлодубовые.
20 И пишетъ ерлыкъ скорописчатый,
Посылаетъ посла въ каменну Москву:
« Ай же ты, молодой посолъ!
« Нейдь [2]) прямо воротами,
« А идь чрезъ стѣну городовую,
25 « Прямо на царскій дворъ;
« Ко крылечку переному,
« Ко столбу ко точеному,
« Ко колечку золоченому;
« Прикупвай [3])—привязывай

---

[1]) Упава—красавица (или же усѣченная форма женск. рода отъ упалый).
[2]) Не ѣзди.
[3]) Приковывай.

30 « Своего коня добраго;
« А поди въ палату бѣлокаменну,
« Во гривню столовую,
« Бѣла лица не крести,
« Государю челомъ не бей,
35 « А грамоту посольную
« Положи на дубовый столъ,
« Говори царю не съ укладкою,
« Говори со прикладкою:
« Ай же ты, Грозный царь
40 « Иванъ Васильевичъ!
« Вотъ тебѣ грамота посольная
« Отъ Кострюка сына Кострюкова.
« Чисти улки съ пріулками,
« Дворы съ придворками,
45 « Конюшни споражнивай,
« И дворы разглаживай,
« И питья размѣривай,
« Ѣства налаживай,
« Ѣства сахарнія,
50 « Питья медвяныя;
« И выважнвай-налаживай
« Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
« Молодушекъ станицами
« И удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
55 « Ѣдетъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
« Молодой Черкашенинъ,
« Съ царицею крымскою,
« Съ Упалой татарскою,
« Ѣдетъ въ Москву поборотися,
60 « Отвѣдать сила богатырская,
« Плечо молодецкое:
« Тридцать ордъ воевалъ,
« Тридцать борцовъ боролъ,
« Не могъ отвѣдать силы богатырскоей,
65 « Плеча молодецкаго.
« А не дащь ему борчика,

« Удала добра молодца,
« Все царство твое приплѣнитъ
« И головней покатитъ,
70 « А тебя царя въ полонъ возьметъ. »
И поѣхалъ молодой посолъ,
Татаринъ нечистый,
Татаринъ поганый,
Въ землю во русскую,
75 Въ сильно царство московское;
Не ѣхалъ онъ воротами,
Ѣхалъ прямо черезъ стѣну городовую,
Заѣхалъ онъ на царскій дворъ;
Ко крылечку переному,
80 Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому
Прикуивалъ-привязывалъ
Своего коня добраго,
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
85 Во гривню столовую,
Бѣла лица не креститъ,
А государю челомъ не бьетъ,
Кладываетъ грамоту посольную
На дубовый столъ,
90 И говоритъ царю не съ укладкою,
Говоритъ со прикладкою:
« Ай же ты, Грозный царь
« Иванъ Васильевичъ!
« Вотъ тебѣ грамота посольная
95 « Отъ Кострюка сына Кострюкова.
« Чисти улки съ пріулками,
« Конюшни споражнивай,
« Дворы разглаживай,
« Питья размѣривай,
100 « Ѣства налаживай.
« Ѣства были бы сахарнія,
« А питья медвяныя;
« И вываживай-налаживай

« Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
105 « Молодушекъ станицами,
« Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками. »
Убоялся тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ
Грозы великія Кострюковыя:
110 И тутъ чистилъ улки съ пріулками,
Конюшни споражнивалъ,
Дворы разглаживалъ,
Питья медвяныя размѣривалъ,
Ѣства сахарнія налаживалъ,
115 Тутъ наваживалъ-налаживалъ
Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
Молодушекъ станицами,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
И наѣхалъ тутъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ
120 На широкій дворъ на царскій,
Ко крылечку переному;
Идетъ по нову крыльцу,—
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
125 Ступеньки подгибаются.
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
Во гривню столовую,
Не креститъ бѣла лица,
А государю челомъ не бьетъ,
130 А садится за столы дубовые,
За ѣства сахарнія,
За питья медвяныя.
И сидитъ за столомъ за дубовымъ,
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ
135 И бѣлы лебеди не рушаетъ.
И говоритъ тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
140 — Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь

— И бѣлой лебеди не рушаешь?» —
А царица-то Крымская,
Поляница удалая,
Говоритъ царю:
« Ай же ты, Грозный царь
« Иванъ Васильевичъ!
« Далъ бы Кострюку,
« Далъ бы ты удалому
« Борца поборотися,
« Отвѣдать сила богатырская,
« А плечо молодецкое,
« Тошто бы сталъ Кострюкъ,
« Ѣсть-пить-кушати,
« И бѣла лебедь рушати.
» А не дашь ему борчика,
« Удала добра молодца,
« Отвѣдать сила богатырская,
« Плечо молодецкое,
« То все твое царство приплѣнитъ
« И головней покатитъ,
« А тебя царя въ полонъ возьметъ.»
Тутъ говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты Ѳедька дьякъ,
— Молодой посолъ!
— На ножку припадываешь,
— Съ подлобья выглядываешь.
— Поди-ко, выскочи
— Середи царства русскаго,
— Государства московскаго,
— И закрычи во всю голову,
— Чтобы слышно было во всю Москву:
— Есть ли въ Москвы борцы,
— Добры молодцы?—
Въ Москвы борцовъ не случилося,—
Случилось съ Подпятницкой пятины,
Съ Подвологодской стороны,

Два братца родимыихъ,
Они дѣти Ондреевы,
180 Родомъ Поволжана:
Одного зовутъ Ѳедькою
А другово Михалкою.
Ѳедька-то хвалится,
А Михалка нарывается
185 Съ Кострюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися.
Будутъ борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говоритъ Грозный царь
190 Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ!
— Хлѣбъ да соль на столѣ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
— А удалы добры молодцы
195 — На дворѣ стоятъ. —
Не орелъ головы здынулъ,
А Кострюкъ чрезъ столъ скочилъ,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавилъ,
200 Тридцать поганыихъ задавилъ.
Татара лежатъ,
Будто мыши пищатъ,
А сами клянутся да проклинаются:
« Дай тебѣ, Господи,
205 « Скокомъ на дворъ итти,
« А со двора раскоракою! »
Онъ Михалку разъ поткнулъ,
И въ другой поткнулъ,
И третій поткнулъ:
210 Стоитъ Михайла, не шатнется,
И желты кудри не стряхнутся.
Говоритъ Михайла борецъ,
Удалой доброй молодецъ:
— Ай же ты, Грозный царь

— Иванъ Васильевичъ!
— Благослови-ко Кострюка бороть,
— Благослови-ко молода бороть,
— И благослови рука-нога ломить
— А глазъ вонъ воротить. —
Говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
« Ай же ты, Михайло борецъ,
« Удалой доброй молодецъ!
« Еще Богъ тебѣ пособилъ бы
« Кострюка побороть, молодаго одолѣть,
« И рука-нога ломить,
« И глазъ вонъ выворотить! »
Тутъ Михайло борецъ,
Удалой доброй молодецъ,
Припадывалъ пониже себя,
Выздымливалъ повыше себя,
Выше церкви соборныя,
Михаила архангела,
Креста Благовѣщенска,
Ивана Великаго,
Отпускалъ о сыру землю.
Тутъ на немъ кожа-то треснула
Съ бѣлой шеи до гузна,
Рубашка-то лопнула;
Руку-ногу сломилъ
И глазъ выворотилъ.
Тутъ царица Крымская,
Поленица удалая,
Въ упалу [1]) пріѣхала,
А не въ упалу поѣхала,
Поѣхала по заднимъ по выходамъ.

---

[1]) Т.-е. въ упаву, хупаво, хорошо.

158.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(См. выше № 32.)

Жилъ былъ государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.
И выходитъ отъ ранной заутрени Христосьской,
И ставится на лобное мѣсто,
5 И на всѣ стороны государь поклонился,
Испроговорилъ надежа-государь-царь:
« Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Дума думать, а и не продумать бы.
10 « Что наступаетъ король литовскій,
« Наступаетъ-то на городъ на Смоленецъ.»
А изъ большихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Онъ близенько къ государю подходитъ,
Онъ низенько государю поклонился,
15 Испроговорилъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови словцо сговорити,
— А не прикажи-тко за слово меня сказнити:
20 — А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ силы нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
— Безъ бою, безъ драки великія
25 — И безъ большаго кроволитія. —
А къ тѣмъ рѣчамъ государь не припимался,
Испроговорилъ государь-царь:
« Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
30 « Дума думать, и не продумать бы.
« Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
« Станемъ ли за Смоленецъ постояти? »

Изъ середнихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
35 И низенько государю поклонился,
Испроговоритъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ словцо сговорити,
40 — А не прикажите за словцо сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско
— Силы во Смоленцѣ нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
45 — Безъ бою, безъ драки великія,
— Безъ большаго кроволитья.»
А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
Испроговоритъ государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
50 « Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Дума думать, а не продумать бы.
« Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
« Станемъ ли за Смоленецъ постояти? »
55 Изъ меньшихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
И низенько государю поклонился,
Испроговоритъ меньшій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
60 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ словечко сговорити,
— А не прикажи за слово сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не литовско,
— А Смоленецъ есть строеньице московско,
65 — Во Смоленцѣ силы сорокъ тысячъ,
— Казна есть безсчетна:
— Надо намъ постоять за Смоленецъ,
— А не надо намъ отдавати. —
Испроговоритъ слово государь-царь.

70 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Ты знаешь съ государемъ говорити:
« Поѣзжай-ко въ Смоленецъ воеводой,
« Постой за городъ Смоленецъ. »
Этыхъ первыхъ двухъ бояриновъ
75 Приказалъ царь сказнити.

159.

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ и ЖЕНА НЕУДАЧЛИВАЯ.

« Женилъ меня батюшка неволею,
« А родна матушка неохотою,
« Не у голаго женили, у богатаго;
« Хоть приданаго-то много, человѣкъ худой. »
5 Размыслилъ удалый своимъ разумомъ:
« Приданому висѣть въ клѣти на грядочкѣ,
« А золоту монистру лежать въ кованомъ ларцы,
« А худой-то молодой жены на моей рукѣ,
« На моей рукѣ лежать и меня цѣловать. »
10 А тутъ удалу добру молодцу не хочется.
Отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду.
Загулялъ-то удалый къ королю въ Литву,
Сложилъ челобитную
15 И подаетъ королю литовскому:
« Ай же ты, батюшка король земли литовскія
« И королевское величество!
« Принимай-ко челобитную и просматривай:
« Желаю я, удалый добрый молодецъ,
20 « Служить вѣрою правдою и безъизмѣнною ».
Взимаетъ король добра молодца во служеньице,
Кладываетъ добра молодца во конюхи.
Три года служитъ молодецъ во конюхахъ,
Богъ-то молодца милуетъ,

25 А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца съ конюховъ,
А кладываетъ добра молодца во стольники.
Въ стольникахъ служилъ онъ три года,
Богъ-то молодца милуетъ,
30 А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца со стольниковъ,
Кладываетъ удалаго въ чашники.
Три года служилъ добрый молодецъ во чашникахъ,
Богъ молодца милуетъ,
35 Король молодца крѣпко жалуетъ.
И приходитъ Елена королевска дочь
Ко своему батюшку во высокъ теремъ:
— Ай же ты, свѣтъ-государь, мой батюшко,
— Король земли литовскія,
40 — Королевское величество!
— Нѣтъ у Елены ни чашника, ни стольника,
— И нѣтъ у Елены постельника:
— Сама-то я, Елена, стольничаю и чашничаю,
— И сама-то Елена постельничаю. —
45 Говоритъ-то батюшко, король земли литовскія,
Королевское величество:
« Возьми-ко ты, Елена королевская дочь,
« Добра молодца во стольники, во чашники,
« Во чашники, хоть въ постельники. »
50 Тутъ-то Елена королевска дочь
Взимала добра молодца за ручку за правую
И повела въ свои покои во особые;
И сама-то Елена стала стольничать,
И сама-то Елена стала чашничать,
55 И сама-то Елена стала постельничать;
Кормитъ-поитъ добра молодца,
Кормитъ-поитъ, низко кланяется,
И стелетъ перину пуховую
На тую на кроватку на тисовую;
60 И ложитъ-то удалаго добра молодца,
Сама-то Елена подлѣ его легла:

Взяли-ухватились будто мужъ съ женой.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Живетъ-то съ Еленой ровно три году,
65 Богъ его милуетъ,
И Елена крѣпко жалуетъ.
И говоритъ тутъ удалый добрый молодецъ:
— Спусти-ко, Елена королевска дочь,
— На широкую улицу прогулятися. —
70 Говоритъ тутъ королевска дочь:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
« Не ходи-ко ты на широку улицу прогулятися.
« Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабакъ,
« Напьешься зелена вина,
75 « Будешь ты, удалый,въ хмѣльномъ разумѣ,
« Тутъ ты, удалый, разкуражисься и порозбракаешься
« И мною, Еленой, порасхвастаешься:
« Тутъ тебѣ, удалому, живу не бывать. »
— Ай же ты, Елена королевска дочь!
80 — Не пойду я во царевъ кабакъ,
— Не стану пить зелена вина,
— Запивать медами застоялыма. —
И пустила она добра молодца
На широкую на улицу прогулятися
85 И дала удалому пятьдесятъ рублей съ полтинкою.
И пошелъ добрый молодецъ на улицу
Мимо кружала государева,
Не глядитъ удалый на питейный домъ.
Тутъ-то выскакивали женки кабацкія,
90 Взяли-подхватили добра молодца за бѣлы руки,
Свели-то удалаго во питейный домъ,
И налили чару зелена вина,
И подлили меду сладкаго,
подносятъ удалу добру молодцу,
95 Сами низко кланяются:
« Ай же ты, королевской служитель есть!
« Выпей-выкушай чару зелена вина. »
Тутъ-то удалый добрый молодецъ

Не можетъ отъ нихъ отслышаться.
100 Наливаютъ другой наконъ пива пьянаго
И подносятъ, низко кланяются;
Наливали въ третій наконъ чару меду сладкаго
И подносятъ, низко кланяются:
« Ты выпей-выкушай меду сладкаго. »
105 И выпивалъ тутъ онъ чару меду сладкаго,
Тутъ молодца забрала хмѣлинушка кабацкая,
Тутъ-то добрый молодецъ раскуражился,
И порозбракался, и Еленой порасхвастался:
— Живу я съ Еленой, будто мужъ съ женой,
110 — Богъ меня милуетъ,
— А Елена молодца крѣпко жалуетъ. —
Тутъ услышали королевскіе служители,
Бѣжали-сказали королю литовскому:
« Ай же ты, батюшко король земли литовскія,
115 « Королевское величество!
«Твой-то служитель королевскій
« Сидитъ въ кабакѣ государевомъ,
« Пьетъ зелено вино,
« Запиваетъ медами застоялыма,
120 « Хвастаетъ прекрасной Еленой королевичной,
« Твоимъ-то королевскимъ величествомъ:
« Живу-то я съ Еленой королевичной, будто мужъ съ женой.
« Богъ меня милуетъ,
« А Елена меня крѣпко жалуетъ. »
125 А тыи рѣчи королю не къ лицу пришли,
Говоритъ-то король таково слово:
— Ай же вы, слуги королевскіе!
— Подьте скоро на царевъ кабакъ,
— Свяжите удалому руки бѣлыя
130 — Во тыя пута шелковыя,
— И закуйте удалому ноги рѣзвыя
— Во тыя во желѣза во нѣмецкія,
— И сведите на болото на Куликово,
— На тую на плаху на липову,

135 — Отрубите ему буйну голову. —
Тутъ-то скоро бѣжали слуги на царевъ кабакъ,
И связали молодцу руки бѣлыя
Во тыя пута шелковыя,
И сковали удалому ноги рѣзвыя
140 Во тыя желѣза во нѣмецкія,
И повели на болото на Куликово,
На тую на плаху на липову
Рубить молодцу буйну голову.
Тутъ-то удалый говоритъ таково слово:
145 « Ай же вы, королевскіе служители!
« Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
« Не ведите позади дворца,
« А ведите посередъ дворца. »
Запѣлъ тутъ удалый пѣсню жалкую:
150 « Жилъ я у короля двѣнадцать лѣтъ,
« Служилъ вѣрой правдою и безъизмѣнною:
« Теперь выжилъ у короля смерть-казнь скорую. »
Услышала прекрасная королевична,
И металась въ окошечко по поясъ,
155 И говоритъ она таково слово:
— Ай же вы, королевскіе служители!
— Не ведите удалаго добра молодца
— На болото на Куликово, на плаху на липову,
— Не рубите буйной головы,
160 — А ведите къ королевичной на новы сѣни. —
Тутъ-то королевскіе служители
Отъ ней не отслышались,
Ввели къ королевичной на новы сѣни.
И говоритъ имъ Елена королевична:
165 — Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
— Развяжите ему ручки бѣлыя,
— Раскуйте удалому ножки рѣзвыя,
— Спустите удалаго на свою волю. —
Тутъ-то королевскіе служители
170 Взяли пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Спустили добра молодца на свою волю.

Говоритъ Елена королевска дочь:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
— Я тебѣ доброму молодцу говаривала:
175 — Не ходи на царевъ кабакъ,
— Не пей зелена вина.
— Ты какъ зашелъ на царевъ кабакъ,
— Напился зелена вина,
— Запивалъ медами застоялыма,
180 — Тутъ-то доброй молодецъ разкуражился,
— И порозбракался, и мною, Еленой, порасхвастался,
— А вотъ тебѣ же, добру молодцу, живому не бывать.—
И говоритъ Елена королевска дочь:
— Вотъ тебѣ пятьсотъ рублей съ полтинкою,
185 — А поди-тко въ свою сторону,
— Ищи отца-матери, роду-племени
— И тую худую молоду жену.—
Тутъ-то удалый добрый молодецъ,
Обералъ деньги, пятьсотъ рублей съ полтинкою,
190 И простился съ Еленой королевичной,
И пошелъ-то въ свою сторону,
Искать отца-матери, роду-племени
И тую худу молоду жену.
Придетъ-то удалый къ тремъ дороженькамъ,
195 Тутъ-то удалый пораздумался:
« Къ отцу къ матери итти живыхъ—не застать,
« Къ роду-племени итти—не спознаютъ-то.
« А пойду я къ худой молодой жены,
« Можетъ быть, не спознаетъ ли? »
200 Придетъ-то удалый во деревенку,
А во деревнѣ теремъ высокъ сведенъ,
Верхи съ верхами совиваются.
Стоитъ удалый, самъ дивуется:
« Чей это теремъ высоко сведенъ?»
205 А бѣгаетъ по улицы два малыихъ вьюнуша,
Играютъ шильцомъ-мячомъ,
И говоритъ удалый добрый молодецъ:
« Ай же вы, ребятка малые вьюнухи!

« Чей это теремъ высоко сведенъ,
210 « Верхи съ верхами совиваются?»
— Ай же ты, дядюшка незнаемый!
— Этотъ-то теремъ нашей матушки,
— А у нашей матушки нѣту батюшка:
— Двѣнадцать лѣтъ какъ въ гульбу ушелъ,
215 — Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
— Ни низкаго челобитьица.—
А онъ говоритъ таково слово:
« Я вамъ батюшка съ гульбы пришелъ.»
Тутъ-то ребята малые вьюнухи
220 Бѣжали во высокъ теремъ,
И сказали своей матушкѣ:
— Свѣтъ ты, наша государыня матушка!
— Нашъ-то батюшка съ гульбы пришелъ,
— Стоитъ онъ у крылечка перенаго,
225 — Не смѣетъ зайти во высокъ теремъ.—
Выскакиваетъ худая молода жена
Со того со терема высокаго,
И опознала своего мужа любезнаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
230 Свела его во высокъ теремъ.
Тутъ-то удалый сталъ жить съ худой молодой женой,
Тутъ удалому и славу поютъ.

XXV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Іальскаго погоста Пудожскаго уѣзда. Рыбниковъ, получившій ıть былинъ отъ него въ чужой записи и не знавшій его ıчно, называетъ его Потахинымъ вмѣсто Антонова. Гильферінгу Антоновъ спѣлъ шесть былинъ; двѣ изъ нихъ остались ıизвѣстны Рыбникову (Сухмантій, котораго, впрочемъ, Рыб-

никовъ нашелъ у Шальскаго лодочника, и бой Добрыни со змѣемъ), одна, записанная для Рыбникова, не попала къ Гильфердингу (Два Ливика или Наѣздъ Литовцевъ); остальныя четыре Рыбниковскія повторяются въ «Онежскихъ былинахъ». Наѣздъ Литовцевъ, впрочемъ, находитъ себѣ довольно близкую параллель у другого Гильфердинговскаго пѣвца той же мѣстности, Ив. Фепонова. Отсутствіе личной записи было, вѣроятно, причиной того, что всѣ четыре былины Антонова, вошедшія въ оба сборника, оказались у Рыбникова значительно короче (общее число стиховъ въ нихъ 782, а у Гильфердинга 1202). Благодаря своей полнотѣ Гильфердинговскіе тексты позволяютъ лучше видѣть склонность Антонова къ наращиваню былины чуждыми эпизодами; напр. въ был. «Добрыня въ отъѣздѣ» вставлены мотивы Илья съ Жидовиномъ и Илья съ Сокольникомъ (у Рыбникова первый опущенъ, второй затушованъ). Съ другой стороны въ той же былинѣ у Рыбникова гораздо ярче сказалась другая склонность пѣвца — подбирать рядъ стиховъ съ однороднымъ глагольнымъ окончаніемъ (напр. ст. 74—76: прохлаждается — увѣряется — опасается); онъ нанизываетъ ихъ по два и по три нѣсколько разъ, доходя до четырехъ (201—204), и даже до шести стиховъ подрядъ (127—132). Черта эта заставляетъ вспомнить характерный складъ южнорусскихъ думъ. У нашего пѣвца эта склонность соединяется съ нѣкоторой витіеватостью выраженій,— доходящей иногда до прямой курьезности; см. напр. стихи 119—121 или 201—204.

165.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

(Гильфрд. № 65.)

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
« Ты, родитель моя матушка,
« Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
« Дай-ко мнѣ прощеньице и благословленьице

5 « Съѣздить мнѣ Добрынюшкѣ во чисто поле,
« Во чисто поле Добрынюшкѣ поляковать,
« Могучее плечо Добрынюшкѣ расправливать
« И добра коня Добрынюшкѣ розганивать.»
Какъ отвѣтъ держитъ родитель его матушка,
10 Честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
— Ахъ ты, чадо мое милое,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Ты куда поѣждяешь на широко далече чисто поле,
— На кого ты оставляешь старую матушку
15 — И честну вдову Мамельфу Тимофеевну,
— На кого же оставляешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну,
— На кого ты оставляешь цвѣтны платьица,
— И на кого ты оставляешь добрыхъ коней?—
20 Отвѣтъ держитъ тутъ Добрынюшка:
« Ты, родитель моя матушка,
« Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
« Я тебѣ оставлю золотой казны до люби;
« Молодой жены Настасьѣ Микуличной я завѣтъ кладу:
25 « Какъ не буду я съ чиста поля три году,
« Втепору Настасья хоть вдовой живи,
« Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
« Хоть за князя поди, аль за боярина,
« Али за сильнаго могучаго богатыря,
30 « А не ходи только за братца за крестоваго,
« За младаго Олешу Поповича;
« А остатьнюю казну въ сундуки замну,
« Въ сундуки замну и въ погреба спущу;
« Цвѣтны платья на вышки кладу,
35 « Добрыхъ коней въ поле спущу.»
Тутъ же Добрынюшка кладывалъ
На бурушка уздицу тесмяную
И осѣдлывалъ добра коня,
Кладалъ войлочки на войлочки,
40 Сѣделышко черкацкое и окованое
И двѣнадцатью подпругами подтягивалъ,

И не для-ради красы-басы и угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскія.
Клалъ онъ стрѣлочку въ подзолоточку,
45 И тугіе луки во налучія,
Онъ луки во наметы полагалъ,
И по бокамъ онъ раскладалъ
Палицу военну-орудіе,
Востро копье бурзамецкое
50 И саблю тую вострую.
И садился Добрыня на добра коня,
И поклонъ онъ дѣлалъ ко матушкѣ
И къ той же молодой жены:
« Прощай-ко ты, родитель моя матушка,
55 « Честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна
« И молода жена Настасья Микулична!»
Видли молодца саждаючись
И видли его покланяючись,
А не видли удалаго поѣдучись.
60 Рѣки, озера конь между ногъ пущаетъ,
Сини моря—около скакаетъ;
Хвостъ по земли разстилается,
Грива подъ копыта подвивается,
Сильно и прытко конь поскакиватъ.
65 И много времени проклаждалося.
И пріѣхалъ Добрыня въ чисто поле,
Раздергивалъ шатры полотняные,
И втыкивалъ копье мурзамецкое,
И привязывалъ своего коня добраго
70 Тѣма поводамы онъ шелковыма,
И разставливалъ онъ столики дубовые,
Накладывалъ ѣства сахарныя,
Наливалъ онъ питья медвяныя,
Ѣстъ-пьетъ-проклаждается,
75 Ничего же самъ не опасается,
А на Господа онъ увѣряется.
Поѣлъ, попилъ и покушалъ онъ,
Отпустилъ поклонъ ко Спасителю,

Благодарилъ о всѣхъ благахъ земныхъ
80 И легъ опочевъ держать.
И засыпалъ онъ тутъ въ богатырскій сонъ.
Тутъ же онъ пробуждается,
На томъ на своемъ добромъ конѣ
По чистому полю прогуляется,
85 И не можетъ дождаться никакого воина,
Никакого воина къ себѣ и богатыря.
День отъ дни времячко проклаждается,
И никакой земли богатырь къ нему не является.
Проходитъ того же времячка и три году,
90 И не видать Добрыни со чиста поля.—
Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Началъ къ Настасьи подхаживать,
Началъ Настасью подсватывать,
95 Во замужество Настасью подговаривать,
За младаго Олешу Поповича,
За братца его за крестоваго:
— Поди-ко, молода Настасья Микулична,
— Нынь теперь въ замужество
100 — За младаго Олешу Поповича.—
Отвѣтъ держала Настасьюшка,
И отвѣтъ тутъ держитъ Микулична:
« Исполнила я заповѣдь мужскую,
« И исполню я заповѣдь женскую:
105 « Пройдетъ того времячки шесть годовъ,
« Не пріѣдетъ Добрынюшка съ чиста поля,
« Во ту пору, Настасьюшка, хоть вдовой живу,
« Хоть вдовой живу, или замужъ пойду,
« За князя ли пойду, за боярина,
110 « За сильнаго-ли могучаго богатыря,
« Не пойду только за братца за крестоваго,
« За младаго Олешу за Поповича.»
Такъ Владиміръ нынь отступается
И времени того дожидается.
115 И живетъ Добрыня во чистомъ полѣ,

Того онъ ничего не вѣдаетъ,
Какъ времячко проклаждается,
Ѣздитъ по чисту полю да полякуетъ;
Тогда съ добра коня опущается,
120 И на отдыхъ онъ опредѣляется,
И сномъ онъ обременяется.
И во тую пору, во то времячко,
Шатеръ его сколыбается,
И богатырь къ нему появляется:
125 Аки богатырь посвистываетъ,
Зычнымъ голосомъ покрикиваетъ.
Отъ того ли крику Добрынюшка пробуждается,
Поскорешенько убирается,
На добра коня возсаждается,
130 Во чистое поле отправляется,
Радостью Добрыня снаряждается,
Веселымъ духомъ ободряется:
— Ахъ же ты, богатырь, не проѣзживай,
— Молодой куряте, не поскакивай;
135 — А будеши, куряте, поиманый,
— И будешь, молодой, ощипаный.—
Тутъ богатырь ко богатырю сближаются,
На военныя палицы сражаются:
Другъ друга они не ранили,
140 Палицы военныя тутъ пополамъ приломалися.
И на тыя на копья, на острыя копья бурзамецкія:
Копья бурзамецкія по яблукамъ срывалися,
И другъ друга же не ранили.
И на тыя на сабли на вострыя:
145 Сабли пополамъ приломалися,
И другъ друга не ранили.
Оба выпали со добрыхъ коней,
И стали другъ съ другомъ таскатися,
Подъ нима земля подгибатися.
150 Разгорѣлся Добрыня Микитинецъ
Сердцемъ своимъ богатырскіимъ,
И хватилъ короля за желты кудри,

И кидалъ короля о сыру землю,
И садился къ королю на бѣлы груди,
155 Здымалъ саблю выше плечъ своихъ,
Во плечѣ рука застоялася,
Сталъ короля онъ выспрашивати:
— Скажись, молодецъ, со коей земли,
— Со коей земли, со коей орды,
160 — И какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ,
— И какъ тебя по отечеству?—
Говоритъ король не съ упадкою:
« Ай же ты, богатырь есть нынь!
« Какъ бы я былъ на твоихъ грудяхъ,
165 « Не спрашивалъ ни роду, ни племени,
« Ни имени твоего, ни отечества,
« Взималъ бы саблю я вострую,
« И пласталъ бы я твою грудь бѣлую,
« И вынималъ бы я сердце со печенью.»
170 Тутъ Добрынюшка возмущается
Сердцемъ своимъ богатырскіимъ,
За вострую саблю принимается,
Во плечѣ рука застоялася,
Сталъ молодца выспрашивать,
175 Сталъ молодца вывѣдывать:
— Съ коей земли, съ коей орды,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,
— Какъ тебя по отечеству?—
Говоритъ король не съ упадкою:
180 « Какъ бы я былъ на твоихъ грудахъ,
« Взималъ бы я саблю вострую,
« Пласталъ бы грудь твою бѣлую,
» Выпималъ бы я сердце со печенью. »
Тогда Добрынюшка возмущается,
185 На богатыря возъярялся.
Тогда богатырь привиняется:
« Есть я богатырь Золотой земли,
« Золотой земли, и Золотой орды,
« Король земли Бухарскія. »

190 зималъ короля за бѣлы руки,
Подымалъ короля отъ сырой земли,
Поцѣловалъ въ уста во сахарнія:
— Поѣзжай-ка, король, во свою землю Бухарскую,
— Въ Золоту землю, и въ Золоту орду,
195 — Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
— А отъ Добрынюшки челобитьице,
— Золотые подарки во милости. —
Такъ онъ распрощаются,
Другъ отъ друга разъѣзжаются.
200 Пріѣхалъ Добрыня ко бѣлу шатру,
Тутъ Добрынюшка на крѣпкій сонъ ободряется.
Такъ богатырь взадъ ворочается,
Къ бѣлу шатру приближается,
Вострую саблю обнажается;
205 Хватилъ онъ Добрыню по бѣлой шеи,
Вострая сабля бѣлой шеи не забрала.
Отъ того ли страху ужасается,
Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
Схватилъ короля за желты кудри
210 И кидалъ во сыру землю, —
Придалъ смерть ему скорую.
Со той со великой со радости
Ѣстъ и пьетъ-проклаждается.
На ту пору, на это времячко
215 Налетаетъ голубь со голубочкою;
Полетаетъ голубь въ каменну Москву,
Оставляетъ голубушку на бѣломъ шатрѣ.
Голубушка воспроговорила:
« Полетаешь ты въ каменну Москву,
220 « Оставляешь меня одинешеньку,
« Не останусь я, голубушка:
« Какъ уѣхалъ нынѣ Добрынюшка,
« Оставилъ молоду жену Настасью Микуличну,
« А молода Настасья Микулична нынѣ во замужъ пошла.»
225 Эти рѣчи Добрынюшкѣ не слюбилися:
Приходитъ Добрыня ко добру коню,

И поѣхалъ Добрыня во свою землю.
И пріѣхалъ Добрыня во свою землю,
И спущалъ коня во зеленые луга,
230 И приходитъ Добрынюшка ко родители ко матушкѣ,
Поклонъ онъ дѣлаетъ понизешенько:
— Здравствуй-ко, родитель моя матушка,
— Честна вдова Мамельфа Тимофѣевна!
— При тебѣ ли моя молода жена Настасья Микулична? —
235 Отвѣтъ держитъ его матушка:
« Ой же ты, чадо милое,
« Милый Добрынюшка Микитинецъ!
« Молода Настасья Микулична
« Нынь теперь во замужъ пошла
240 « За твоего братца крестоваго,
« За младаго Олешу Поповича. »
— Ай же ты, родитель моя матушка!
— Принеси-ка ты гусельца яровчаты,
— Дай-ка мнѣ прощеньице и благословеньице
245 — Идти мнѣ, Добрынѣ, на почестный пиръ. —
Тутъ-то Добрыня отряжается,
И на почестный пиръ снаряжается.
Пошелъ тутъ Добрыня на почестный пиръ,
На томъ на пиру много народу умножается,
250 Не пропустятъ Добрыню на пиръ пройти;
Тутъ Добрыня стерегается,
На честный пиръ пробирается.
Пришелъ Добрыня въ палатушку грановитую,
Крестъ кладетъ по писаному,
255 А поклонъ ведетъ по ученому,
А на пиру народы всѣ ужахнулися.
Заигралъ Добрынюшка въ гуселышка яровчатыя,
Всѣ народы приближалися
И Добрынюшкѣ поклонялися.
260 Молода Настасья Микулична здрадовалася:
« А ей же ты, молодой Добрыня Микитинецъ!
« Не завидуй-ка разуму женскому,
« А позавидуй-ка разуму мужскому:

« Не въ честь берутъ и неохвотою,
265 « А берутъ великою неволею. »
Тогда сталъ Добрыня Микитинецъ на рѣзвы поги
И подходитъ къ Олеши Поповичу:
— Ай же ты, братецъ крестовый,
— Молодой Олеша Поповичъ!
270 — На что ко чужой жены придираешься
— И во замужество приближаешься,
— И что отъ живаго мужа жену берешь?
— А ты князь, Владиміръ стольно-Кіевскій,
— На что къ Настасьи подхаживалъ
275 — И въ замужество подговаривалъ? —
Беретъ онъ Олешу за желты кудри
И кидаетъ Олешу о кирпичный мостъ,
И только Олешенька женатъ бывалъ,
И тутъ Олешенька кончается,
280 А Добрынюшка со своей женой возвращается.
Всякой на свѣтѣ женится,
А не всякому женитьба удавается,
А удавалася женитьба Добрынюшкѣ Микитинцу
И молоду боярину Ставру Годиновичу.

161.

БАТЫГА И ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ.

(Гильферд. № 66.)

Изъ-подъ того креста Леванидоваго,
Изъ-подъ тоя березки изъ-подъ бѣленькой
Выходило два тура и три тура,
И шли они, туры, мимо Кіевъ-градъ,
5 И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
Дивнымъ дивно и чуднымъ чудно:
Выходила дѣвица и слезно плакала,
На рукахъ держитъ книгу свято евангелье,

А не только читаетъ, а вдвоемъ плачетъ.
10 Соходилися туры съ родной матушкой:
« Здравствуешь, турица родна матушка!
« А шли мы туры мимо Кіевъ-градъ,
« И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
« Дивнымъ дивно и чуднымъ чудно:
15 « Выходила дѣвица и слезно плакала,
« На рукахъ держитъ книгу свято свангеліе,
« А не только читаетъ, а вдвоемъ плачетъ. »
И говоритъ турица родна матушка:
— Глупые туры, малы дѣтушки!
20 — А не дѣвица выходила и слезно плакала,
— А плакала стѣна городовая,
— А она свѣдала надъ Кіевомъ незгодушку:
— А наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ
— И со своимъ сыномъ Батыгою Батыговичемъ
25 — И со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
— И со тыимъ [1]) дьячкомъ съ выдумщичкомъ.
— А у князя у Батыги силы сорокъ тысячей,
— И у сынушка силы сорокъ тысячей,
— И у зятя силы сорокъ тысячей,
30 — И у дьячка силы сорокъ тысячей. —
И пріѣхалъ Батыга подъ Кіевъ градъ,
И проситъ Батыга поединщика,
И проситъ Батыга сопротивника:
« Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
35 « Дай-ка мнѣ сопротивника,
« А чтобы со мною, съ Батыгой, поправиться. »
А несчастіе во Кіевѣ случилося,
А что ни лутчіихъ богатырей не случилося:
40 Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ,
Илья да Самсонъ у синяго моря,
А Добрынюшка Никитинецъ въ чистыихъ во поляхъ,
А Олеша богомолъ въ богомольной стороны.
А жилъ тутъ былъ богатырь добрый молодецъ,

[1]) Вар.: черныимъ.

45 А на имя Василій Игнатьевичъ,
Жилъ Василій при царевомъ кабакѣ,
И пропилъ-промоталъ все житье-бытье свое,
Житье-бытье свое и приданое женино.
Приходитъ Василій ко Владиміру на дворъ,
50 И заходитъ Василій во палатушку,
И крестъ кладетъ по писаному,
И поклоны ведетъ по ученому,
А солнышку Владиміру въ особину:
— Здравствуй, князь со княгиною!
55 — Опохмель-ко Василья чарой пьяною,
— А у Васи со похмелья буйна голова болитъ,
— Съ перепою у Василья ретиво сердце щемитъ. —
Ставалъ тутъ Владиміръ поскорешенько
И наливалъ чару зеленаго вина,
60 А другу наливалъ пива пьянаго,
А третью наливалъ меду сладкаго,
И сливалъ питье во единое мѣсто,
Становилося питья полтора [1]) пуда,
Полтора пуда и полтора ведра.
65 Принималъ тутъ Василій единой рукой,
И выпилъ Василій единымъ духомъ,
И тутъ же Василій спромолвился:
— Теперь я могу на своемъ конѣ сидѣть,
— Теперь я могу своей саблей владѣть,
70 Которая сабля въ девяносто пудъ.—
Такъ же Василій пріотправился
Со своимъ орудіемъ военнымъ,
А выѣхалъ Василій за эту за стѣну городовую,
За тую за башню за угловую,
75 И стрѣлялъ по головкамъ что ни лутченькіимъ:
Съ того лука со натяжнаго,
И убилъ три головки что ни лутченькіихъ:
Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова

---

[1]) Вар.: полпята пуда и полпята ведра.

80 И того дьячка и выдумщичка.
И у Батыги были кони хорошіе,
И у Батыги были кони снарядные,
Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцевъ,
Посылаетъ гонцевъ во Кіевъ градъ.
85 А Кіевъ градъ не малый есть:
А соколу летѣть на меженный день,
А маленькой птицы не перелетѣть,
И виноватаго во Кіевѣ не взыскати;
Что ни лутчіе богатыри поразъѣхались,
90 А виноватый въ сей часъ ко Батыгѣ налицо,
А на имя Василій Игнатьевъ сынъ.
Садился Василій на добраго коня
Со той военной орудіей,
Клалъ стрѣлочки въ подзолоточки,
95 Тугія лука во налучія,
Онъ луки во наметы полагалъ,
И бралъ копье свое бурзамецкое
И саблю свою девяносто пудъ.
И ѣдетъ Василій, помахиваетъ,
100 Съ горы на гору конь его поскакиваетъ,
Съ холмы на холму конь его поплясываетъ,
Рѣки-озера межу ногъ пущалъ,
Синія моря около скакалъ:
Хвостъ по земли разстилается,
105 А грива подъ копыта подвивается,
Искра съ ноздрей разсыпается,
Огненное пламя распаляется,
Огненнымъ щитомъ сбороняется.
Того ли чуда князь Батыга ужасается:
110 « Колько ни на свѣтѣ проѣзживано,
« И такого чуда на свѣтѣ не видывано,
« Нынѣ ѣдетъ богатырь добрый молодецъ,
« Великою страстью ухраняется,
« Огненнымъ щитомъ сбороняется. »
115 А пріѣхалъ Василій къ Батыгѣ налицо:
— Здравствуй, князь Батыга Батыговичъ,

— И со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— И со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
— И со тымъ дьячкомъ и выдумщичкомъ!—
120 А отвѣтъ держалъ Батыга князь:
« Нѣту сына Батыги Батыговича,
« И нѣту зятя Тараканчика Корабликова,
« И нѣтъ тутъ дьячка и выдумщичка. »
А сговорилъ на имя Василій Игнатьевъ сынъ:
125 — А прости-ко ты меня въ первой вины,
— А прости-ко ты меня во другой вины,
— Во другой вины и великія,
— И прости-ко ты меня во третьей вины;
— И дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей:
130 — Я поѣду нынь ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.
— А мы Кіевъ градъ огнемъ пожгемъ,
— А Владиміра въ полонъ возьмемъ.—
И на тыи лясы Батыга пріукинулся,
135 И далъ ему силы сорокъ тысячей.
А повыѣхалъ Василій во чисто поле,
Поворотъ онъ сдѣлалъ на рученьку на правую,
И взималъ онъ саблю въ девяносто пудъ,
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
140 А ѣдетъ Василій ко Батыгѣ на лицо:
— Да прости-ко ты меня во первой вины:
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей;
— А дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
— А я теперь-же во Кіевѣ повысмотрѣлъ,
145 — И я же во Кіевѣ повыглядѣлъ,
— Гдѣ были воротца отложеныя,
— И гдѣ были воротца незаложеныя.—
Далъ ему силы сорокъ тысячей,
И сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
150 А злата-серебра ему смѣты нѣтъ.
Повыѣхалъ Василій во чисто поле
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
И ѣдетъ Василій ко Батыгѣ налицо:

— Прости-ко меня во второй вины и великія:
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей;
— И дай мнѣ силы сорокъ тысячей.—
И далъ ему силы сорокъ тысячей,
И сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Злата-серебра ему смѣты нѣтъ.
Повыѣхалъ во чистое во поле,
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
Натягивалъ Батыга трубочку подзорную,
И глядѣлъ онъ во славно во чисто поле,
И видитъ дѣло неминучее.
И сбирался Батыга на добрыхъ коней,
И поѣхалъ Батыга во свою землю,
И клянется Батыга, проклинается:
« Не дай, Боже, бывать,
« И подъ Кіевомъ стоять:
« И въ Кіевѣ богатыревъ смѣты нѣтъ. »
Что ни лучшіе богатыри во Кіевѣ,
Золота казна во Черниговѣ,
А цвѣтно платье во Новѣгородѣ,
А хлѣбны запасы во Смоленцѣ городѣ,
А мхи да болота во Заморской стороны,
А раструбисты сарафаны по Мошѣ по рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской стороны.

162.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(Гильферд. № 67.)

Ѣздитъ Кирилушка, погуливаетъ,
На своемъ Чирилушка на добромъ конѣ.
Шапочка ушиста, и пушиста, и надвѣсиста:
Спереди не видно лица бѣлаго,
И сзади не видно шеи бѣлыя.

У Кирилушки лапотцы изъ семи шелковъ:
Подъ пяты-пяты шиломъ востры [1]),
Около посовъ яицомъ прокатить,
Подъ пяты-пяты воробей пролетитъ.
10 Пріѣхалъ Кирилушка къ Вельминову дому,
Закричалъ ту Кирилушка во всю голову:
« Въ домѣ ль Вельма сынъ Васильевичъ? »
Выходила-выбѣгала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
15 — Нѣтъ Вельмы сына Васильевича,
— Ушелъ Вельма во Божью церкву,
— Господу Богу Вельма молится,
— Во сырую во землю Вельма клонится.
— Что же ты, Кирила, вечоръ не бывалъ?
20 — У меня ѣства сахарнія залежалися,
— Питья во стаканахъ застоялися,
— Бѣлоярово пшено призагормовѣло [2]).—
Отвѣтъ тутъ держалъ Чирилушка,
Отвѣтъ тутъ держалъ Попленковичъ:
25 « Я вечоръ не бывалъ, а нынь пожаловалъ къ тебѣ. »
Брала ту Катеринушка
За ручки его за бѣлыя,
За его перстни за злаченые,
Приводила во гридню столовую,
30 Садила за столы за дубовые,
За тыя за ѣства сахарнія,
За тыя за питья медвяныя;
Отходя сама низко кланялась:
— Ѣшь-ко ты, пей-ко, Чирилушка,
35 — Покушай-ко ты, сынъ Попленковичъ!—
Поѣлъ, попилъ и покушалъ,
Господу Богу испомолится,
На всѣ стороны испоклонится,
Катеринушкѣ въ особину:

---

[1]) Такъ у собирателя. Мы сохранили также чередованіе Кирилушка-Чирилушка. *Ред.*

[2]) Призаплесневѣло.

40 « Благодарствуй тебѣ, Катеринушка! »
Отвѣтъ держала ему Катеринушка:
— Во добро здоровье, Чирилушка,
— Во добро здоровье, Попленковичъ!—
Подходъ-то держитъ Катеринушка
45 Къ нему она, ко Чирилушкѣ,
Брала она за ручки за бѣлыя,
За его перстни за злаченые,
Проводила во спальню во теплую,
Ко той ли ко кроваткѣ ко тисовенькія,
50 Ко той ли ко перинушкѣ пуховенькія,
Ко крутому высокому зголовьицу,
Ко одѣялу тому соболиному.
— Изволь-ко ложиться, Чирилушка!—
Возлегъ тутъ Чирилушка
55 Подлѣ бочка Катеринушкина,
Стали жить и быти они,
Между собой времячко коротати.
На тую пору и въ тое времячко
Провѣдала дѣвка дворовая,
60 Тая ли дѣвка челядична,
Башмачонки надѣвала на босу ногу,
Шубу надѣвала на одно плечо,
Бѣжала дѣвчонка ко Божьей церкви,
Кричала дѣвчонка во всю голову:
65 « Ахъ же, Вельма сынъ Васильевичъ!
« Стоишь, Вельма, во Божьей церкви,
« Господу Богу, Вельма, молишься,
« Во сырую во землю, Вельма, клонишься,
« Надъ собой же незгодушки не вѣдаешь:
70 « Есть у тебя во твоемъ дому нелюбимый гость
« Ѣстъ-пьетъ-проклаждается,
« Со твоей женой забавляется. »
Отвѣтъ держалъ Вельма сынъ Васильевичъ:
— Ахъ ты, дѣвка дворовая!
75 — Не кто тебя, дѣвку, спрашиваетъ,
— Не кто тебя, дѣвку, вывѣдываетъ.

— Знала бы дѣвка свое дѣло дворовое,
— Знала бы дѣвка коровъ доить,
— Коровъ доить и телятъ поить.
80 — Правду говоришь, во замужъ возьму
— Неправду говоришь, голову срублю. —
Пошелъ Вельма отъ Божьей церкви,
Приходитъ ко конюшни стоялыя.
Видитъ тутъ коня Чирилушкина:
85 Зоблетъ пшену бѣлояровую,
Вельминъ-отъ конь пріотогнанъ.
Приходитъ Вельма ко своей ко палатушкѣ,
Къ тыпмъ ко воротцамъ ко рѣшетчатыимъ,
Ко тыпмъ ко пятничкамъ [1]) къ булатныимъ,
90 Ко тыпмъ ко петелькамъ къ шелковенькимъ,
У теихъ воротичекъ колотится,
У теихъ воротецъ дается.
Выходила-выбѣгала Катеринушка,
Въ однѣхъ чулкахъ и безъ чеботовъ,
95 У ней женскіе волосы растрепаны,
Нѣжная грудь у ней показаная,
Бѣлое лицо у ней намазаное.
Спрашиваетъ Вельма сынъ Васильевичъ:
— Что же ты, Катеринушка,
100 — Въ однѣхъ чулкахъ и безъ чеботовъ,
— Женскіе волосы растрепаны,
— Бѣлое лицо у тя намазаное?—
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держала дочь Микулична:
105 « Мнѣ теперь Катеринушкѣ
« И неможется, и хворается. »
Пошелъ Вельма по палатушкѣ,
Увидѣлъ шапку Чирилушкину:
— Этую у Чирилушки видалъ,
110 — Этую шапку у Чирилушки слыхалъ.-
Отвѣтъ держала Катеринушка,

[1]) Пятникъ, крюкъ у воротъ.

Отвѣтъ держала дочь Микулична:
« Эта шапка братца моего,
« По смерти по моей по душѣ отдать. »
115 Увидѣлъ Вельма лапотцы его, Чирилушкины:
— Этыи лапотцы у Чирилушки видалъ,
— Этыи лапотцы у Чирилушки слыхалъ.—
Приходитъ Вельма во спаленку,
Ко той ли кроватки тисовенькія,
120 Ко той ли перинушкѣ пуховенькія,
Ко крутому высокому зголовьицу,
Къ тому одѣялу соболиному;
Увидѣлъ онъ тутъ Чирилушку:
Спитъ-лежитъ Чирила, не прохватится,
125 Надъ собой ли незгодушки не вѣдаетъ.
Отвернулся Вельма сынъ Васильевичъ
На тую на ручку на правую,
Ко той ли ко стѣночкѣ лицовыя,
Ко той ли ко стопкѣ [1]) ко точеныя,
130 Взималъ поскорешенько саблю вострую
Съ той ли со стопки со точеныя,
Отсѣкъ онъ Чирилы буйну голову.
Поворотъ сдѣлалъ къ Катеринушкѣ:
Гдѣ пала головка Чирилушкина,
135 И тутъ пади головка Катеринушкина.
Тутъ говорилъ Вельма сынъ Васильевичъ
Той же дѣвкѣ дворовыя:
— Умойся-ко побѣлешенько,
— Уберись-ко ты поскорешенько.—
140 Бралъ онъ за ручки за бѣлыя,
Пошелъ Вельма во Божью церкву,
Принималъ Вельма по злату вѣнцу.
Съ той поры, съ того времячка
Стали жить и быть они,
145 Между собой времячко коротати.

---

[1]) Вм. Стойки.

163.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(Гильферд. № 68.)

Мхи и болота къ Бѣлуозеру,
Широки раздолья ко Опскому,
Щелья-каменья по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинскія.
5 Изъ-за той ли горы высокія,
За того ли острова Кодольскаго
Выходитъ-выѣждяетъ душечка удалый добрый молодецъ,
Младъ Соловей Будиміровичъ,
На тыхъ ли на черныхъ [1]) на корабляхъ.
10 Выходитъ-выбѣгаетъ тридцать кораблей,
На тыхъ-то на корабляхъ тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ безъ едина молодца,
Самъ-то Соловей во тридцатыихъ,
Тридцать одна его матушка родна.
15 Хорошо корабли изукрашены:
Носъ-корма по туриному,
Широки бока по лосиному,
Парусы крупчатой камки,
Якори на кораблѣ булатніе,
20 У якорей колечики серебреные,
У колечиковъ кодолы [2]) съ семи шелковъ.
Мѣсто руля было повѣшено
По дорогу по соболю заморскому,
Мѣсто бровъ было наведено
25 По заморской лисицы по дорогой,
Мѣсто глазъ было вставлено
По заморскому камени по яфонту.
Воспроговоритъ младъ Соловей Будиміровичъ:
« Вся моя дружина хоробрая!

---

[1]) Вмѣсто черленыхъ.
[2]) Толстые канаты.

30 « Дѣлайте дѣло повелѣное
« И слушайте большаго атамана:
« Ставайте во мачты высокія,
« Имайте трубочки подзорныя,
« И глядите во славно во сине море
35 « Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру
« И наглядите пристань корабельную. »
И ставала тутъ дружина хоробрая
Во тыя во мачты высокія,
40 И глядѣла во трубочки подзорныя
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
И наглядѣли пристань корабельную.
Скоро будучи они подъ Кіевомъ,
45 И забѣгали во пристань корабельную.
Сходенку выкидывалъ поволжаную,
Другую выкидывалъ серебряную,
Третью выкидывалъ позолоченую;
Самъ-то идетъ по сходенкѣ позолоченой,
50 Матушка его по серебреной,
А вся его дружина изъ поволжаной.
Матушка его несетъ подарочки,—
Тую ли камочку заморскую,
Заморскую камочку узорчатую:
55 Въ золотѣ камочка не согнется,
И гнется камочка, не сломится.
Приходитъ младъ Соловей Гудиморовичъ
Ко тому ли ко Владиміру на широкъ дворъ,
И приходитъ во палату во убраную,
60 Крестъ кладетъ по писаному,
И поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину.
« Здравствуй, князь стольно-Кіевскій! »
65 Матушка его поклонъ ведетъ
Къ молодой княгины ко Опраксины,

Подаетъ тую камочку узорчатую.
Принимала молодая княгина Опраксія,
Развернула камочку,—дивуется,
70 Головушка на плечахъ качается.
Сталъ тутъ Владиміръ выспрашивати:
— Скажись, молодецъ, со коей земли,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,
— И какъ тебя по отечеству?—
75 « Изъ славнаго моря за Дунайскаго,
« Изъ-за того острова Кодольскаго,
« Душечка удалый добрый молодецъ,
« Младъ Соловей Гудиморовичъ. »
— И зачѣмъ ты сюда побывалъ,
80 — Торгомъ ли торговать,
— Али гостемъ погостить,
— Али на съѣздъ ко мнѣ?—
Зговоритъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
85 « Дай-ко ты мнѣ мѣстечко
« (Подлѣ бока и подлѣ себя):
« Есть у тебя любимая племянница,
« Молода Забавушка Путятична,
« У ней есть три сада,
90 « Дубье-вязье зарощеное.
« Позволь-ко мнѣ исповырубити
« И изъ саду вонъ повыметати,
« Построить мнѣ тамъ ровно три терема. »
Зговоритъ князь стольно-Кіевскій:
95 — За твои за дороги подарочки,
— За твою рѣчь за умильную,
— Что знаешь, и то теперь дѣлай-ко.—
И пошелъ младъ Соловей Гудиморовичъ
Со своей со родителью со матушкой
100 И на тые на черные на корабли
Ко своей дружины ко хоробрыя:
« Вся дружина хоробрая!
« Скидывайте вы платья хорошія,

« А надѣвайте вы платья рабочія,
105 « Имайте вы топорики булатніи,
« И подѣлайте крочки и лопаточки;
« И дѣлайте дѣло повелѣное,
« Слушайте большаго атамана:
« Изъ тѣхъ изъ зеленыхъ садовъ
110 « Дубье-вязье повырубите,
« Изъ саду вонъ повымечите;
« Состройте тамъ ровно три терема,
« И со троима со сѣнямы нарядныма,
« Со чистыма окошкамы убраныма. »
115 Пошла его дружина вся хоробрая,
И дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали большаго атамана:
Дубье-вязье все повырубили,
Изъ саду вонъ повыметали,
120 Состроили тамъ ровно три терема
Со троима со сѣнямы съ нарядныма,
Со чистыма со окошкамы убраныма.
По утру на день они жить пошли.
По утру ставала Забавушка Путятична,
125 По утру ставала ранешенько,
Умывалась водою бѣлешенько,
Утиралась полотенцомъ сушешенько,
И Господу Богу помолилась,
Глядѣла во косявчато въ окошечко,
130 Сама счудовалася,
И сама сдивовалася:
— Чудо теперь мое счудилося.
— Вино-пиво теперь воспрокурилося [1]):
— Зеленые сады пріочищеные,
135 — Построено тамъ ровно три терема,
— И со троима со сѣнямы со убраныма.—
Башмачки обувала на босу ногу,
Шубу надѣвала на одно плечо,

---

[1]) Выпитое пиво-вино теперь ударило въ голову.

И приходитъ во тые зелены сады.
140 И приходитъ ко первому ко терему:
Во первомъ терему шепоткомъ говорятъ:
Молится Соловьева матушка
И умоливаетъ за сына за любимаго,
За младаго Соловейка Гудиморова;
145 Приходитъ ко другому ко терему,
Въ другомъ терему стучитъ и гремчитъ:
Считаетъ Соловей золоту казну;
Приходитъ она ко третьему ко терему:
Играютъ въ гуселка яровчатыя.
150 Заходитъ она въ бѣлой шатеръ,
Крестъ кладывала по писаному,
И поклоны вела по ученому
И всей его дружины въ особину;
И садилась на брусовую на лавочку
155 И сидѣла день съ утра до вечера,
И со вечера до полуночи,
А съ полуночи до бѣла свѣту,
А по утру приходитъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« Здравствуйте вы, дружина хоробрая!
160 « Чья у васъ дѣвича непосватанная? »
Ставала Забавушка на рѣзвы ноги,
Поклонилась Забавушка низешенько,
Говорила Забавушка поскорошенько:
— Здравствуй, заѣзжій добрый молодецъ!
165 — Ты молодецъ непоженененъ есть,
— А я дѣвича теперь на выдаваньи.—
Говоритъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« А за все тебя, дѣвича, я люблю:
« А за одно, дѣвича, никакъ не люблю:
170 « А сама себя, дѣвича, просватала. »
Взялъ онъ за ручки за бѣлыя,
Убиралися въ платья хорошія,
Пошли они во церковь во Божію
Принимали они по злату вѣнцу,
175 Святой крестъ цѣловали тутъ,

Въ тѣ терема возвращалися.
Стали жить и быть они,
Между собой времячко коротати.

164.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. выше № 152, Гильферд. № 61.)

На Паневѣ, на Улановѣ
Жило-было два Ливика,
Королевскіе два племянника.
Воспроговорятъ два Ливика,
5 Королевскіе два племянника:
« Ай же ты, нашъ дядюшка,
« Чумбалъ король земли литовскія!
« Дай-ко намъ прощеньице и благословеньице
« А съѣздить намъ на святую Русь,
10 « Ко тому ко князю Роману Митріевичу. »
Воспроговоритъ имъ дядюшка:
— Ай же вы, два Ливика,
— Королевскіе два племянника!
— Колько ни я на святую Русь выѣждивалъ,
15 — А счастливъ съ Руси не пріѣждивалъ.
— А вы лутче поѣдьте-тко
— Ко тому ко городу ко Красному,
— Ко тому селу ко Высокому:
— Ижно тамъ есте
20 — Добры молодцы по спальнямъ засыпалися,
— А добрые кони по стойламъ застоялися,
— Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
— Золота казна по погребамъ заплеснѣла.
— И получите вы того больше добрыхъ молодцевъ,
25 — И получите вы того больше добрыхъ коней,
— И получите вы того больше цвѣтна платьица,

— И получите вы того больше золотой казны. —
Тутъ они, два Ливика,
Королевскіе два племянника,
30 Отъѣздъ держатъ ко городу ко Красному,
Ко тому селу ко Высокому.
Получили того больше добрыхъ молодцевъ,
Получили того больше добрыхъ коней,
И получили того больше цвѣтна платьица,
35 И получили того больше золотой казны,
И тутъ отъѣхали на широко далече на чисто поле,
И опочевъ держатъ со великою со радостью.
Тутъ два Ливика раздумались:
« А не честь-хвала намъ молодецкая
40 « А намъ не съѣздить на святую Русь,
« Ко тому князю Роману Митріевичу. »
Тутъ отъѣздъ держатъ на святую Русь,
Ко тому князю Роману Митріевичу.
Пріѣхали къ перву селу что ни лутчему,
45 А во томъ селѣ что ни лутчеемъ
Стояло три церкви соборныя,
Тутъ два Ливика огнемъ прижгли.
И пріѣхали ко втору селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеемъ
50 Стояло шесть церквей соборныихъ,
Соборныихъ и богомольныихъ,
И тутъ два Ливика огнемъ прижгли.
И пріѣхали къ третью селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеемъ
55 Стояло девять церквей соборныихъ,
Соборныихъ и богомольныихъ,
И тутъ два Ливика огнемъ прижгли,
И полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митріевичну
60 Со тымъ младенцемъ двуемѣсячнымъ.
Пришла вѣсточка нерадостна
Ко тому князю Роману Митріевичу:
Налетала птица, мала пташица,

И садилася ко тому князю Роману Митріевичу
65 Въ зеленый садъ на сырой дубъ,
Распустила перья до сырой земли,
А сама стала пѣть-жупѣть и выговаривать:
— Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ есть!
— Ужъ ты ѣшь-пьешь и прокладаешься,
70 — А надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Какъ не стало перва села и высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Ливика огнемъ прижгли;
— И не стало у тя втора села и высока,
75 — Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Ливика огнемъ прижгли;
— И не стало у тя третья села высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Ливика огнемъ прижгли,
80 — И полонили они полоняночку,
— Молоду Настасью Митріевичну
— Со тымъ младенцемъ двуемѣсячнымъ. —
А онъ кинулъ головушку между плечье,
А утупилъ ясны очи во калиновъ мостъ:
85 « Ай же вы, нечистые, поганые два Ливика,
« Королевскіе два племянника!
« А не вамъ бы, щенкамъ бѣлогубыимъ,
« Надо мною, старикомъ, насмѣхатися. »
А хватилъ ножище-кинжалище,
90 А ударилъ онъ во дубовый столъ,
А прошло-то ножище-кинжалище
Скрозь дубовый столъ во калиновъ мостъ
И во сыру землю по черенье.
И взималъ онъ, князь Романъ Митріевичъ,
95 Силушки сорокъ тысячей,
И пріѣхалъ ко той рѣкѣ ко Смородины.
А первая сила пила нападкою,
А другая роскатнымъ шеломомъ,
А третья пила почерпугами.
100 И воспроговоритъ князь Романъ Митріевичъ:

« Вся моя дружина вы хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайте большаго атамана:
« И берите вы жеребья поволжаные,
105 « И всякъ имена свои подписывайте,
« И спускайте жеребья на ту рѣку на Смородину. »
И коя сила пила нападкою,
А тыи жеребья каменемъ въ воду;
А коя пила роскатнымъ шеломомъ,
110 Тыи жеребья внизъ быстринъ пошли;
А коя пила почерпугами,
Тыи жеребья встрѣчъ быстринъ пошли.
Говоритъ князь Романъ Митріевичъ:
« А не надобно мнѣ-ка силушки сорокъ тысячей,
115 « А я возьму силы три тысячи:
« А перва сила будетъ ранена,
« А друга сила во полонъ взята,
« А третья сила со радостью, со веселостью. »
И отъѣздъ держалъ отъ той рѣки отъ Смородины
120 Ко тому селу ко высокому,
Ко высокому и что ни лутчему.
И обвернулся онъ, князь Романъ Митріевичъ
Сѣрымъ волкомъ запольніимъ,
Запольнимъ волкомъ и подъугольніимъ,
125 И заходилъ онъ къ тымъ Ливикамъ,
Королевскіимъ двумъ племянникамъ,
Во тыя во конюшни стоялыя,
И добрыхъ коней повыкололъ,
И глоточки повыхваталъ.
130 И обвернулся онъ бѣлымъ маленькимъ горносталемъ,
И заскакалъ онъ въ оружейную,
И у оружьицевъ замочики повывертѣлъ,
И по чисту полю пораскидалъ.
И заскочилъ онъ тутъ во лучейную,
135 У тугихъ луковъ тетивочки повыщелкалъ
И по чисту полю пораскидалъ.
И заскакалъ онъ тутъ во бѣлой шатеръ,

И сталъ по бѣлу шатру побѣгивать,
Побѣгивать и похаживать, —
140 И весь шатеръ сталъ продрагивать [1]).
И речетъ младенчикъ двуемѣсячной,
Двуемѣсячной и двуюхъ годовъ:
— А ты спишь-не спишь, родимая мать,
— Молода Настасья Митріевична?
145 — А это похаживатъ и проступыватъ
— И не бѣленькой маленькой горносталекъ,
— А похаживатъ-проступыватъ нашъ дидюшка,
— Князь Романъ Митріевичъ есть. —
Эти рѣчи Ливикамъ не слюбилися,
150 И скоро ли тутъ отъ крѣпкаго сну пробуждалися,
И взимали тутъ шубу черныхъ соболей,
И стали бѣлаго малаго горносталя поганивать,
И шубой соболиной пріокидывать,
И окинули шубою соболиною;
155 И увертливый и догадливый,
Бѣлый маленькій горносталекъ
Выскакалъ онъ сквозь тонкой рукавъ,
И на окошечко, а съ окошечка и на уличку,
И обвернулся чернымъ ворономъ
160 Запольніимъ и подъугольніимъ.
И слетѣлъ воронъ въ чисто поле,
И сѣлъ воронъ на сырый дубъ,
И распустилъ перье до самой земли,
И заграялъ воронъ во первый наконъ.
165 А зговорятъ тутъ два Ливика:
« А не грай, воронъ чернымъ черенъ!
« А возьмемъ мы оружьица,
« И стрѣлимъ мы тебя, черна ворона,
« А прольемъ мы кровь по сыру дубу,
170 « Распустимъ перье по чисту полю. »
А того воронъ не спрашиваетъ,
И заграялъ воронъ во второй наконъ.

---

[1]) Вар. Ино весь шатеръ сталъ продрагивать.

Зговорятъ два Ливика,
Королевскіе два племянника:
175 « А не грай, воронъ чернымъ черенъ,
« Упалый воронъ и усталый!
« А возьмемъ мы туги луки,
« И стрѣлимъ тебя, черна ворона,
« Упалаго и усталаго,
180 « Мы прольемъ кровь по сыру дубу
« И распустимъ перье по чисту полю. »
И того воронъ не спрашиваетъ,
Заграялъ воронъ въ третій наконъ.
И вся сила нахлынула,
185 Двухъ Ливиковъ въ полонъ брали,
Брали въ полонъ и избезчестили:
Одному изъ нихъ глаза выкопали,
И другому руки-ноги повыломали
(И сдѣлали несчастныма уродамы),
190 И послали двухъ Ливиковъ
Во свою землю жить несчастныма.
И пріѣхали они во свою землю,
А стрѣчаетъ ихъ родной дядюшка,
Чумбалъ король земли литовскія:
195 -- Живите вы теперь вѣкъ свой уродамы. —
И тутъ они, два Ливика,
Съ той тоски великія кончалися.

XXVI.

КОЛОДОЗЕРСКІЙ СТАРИКЪ.

Этотъ сказитель остался у Рыбникова не названнымъ по имени, хотя послѣдній ставилъ его очень высоко; онъ пишетъ въ «Замѣткѣ»: «Въ Колодозерѣ я отыскалъ первостепеннаго сказителя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знавшаго древніе разсказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Ильѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ,

Васильѣ Буслаевѣ: будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы; а тутъ пришлось записать 5 былинъ и некого было попросить заступить мое мѣсто, потому что даже старшина былъ неграмотенъ». Извѣстное своеобразіе за текстами этого сказителя дѣйствительно приходится признать: къ нимъ нелегко подобрать параллели. Его Ставръ впрочемъ мало оригиналенъ, а къ Михайлѣ Потыку довольно близокъ Прохоровскій варіантъ (Гильферд. № 52); при почти вдвое меньшемъ объемѣ и разницѣ въ именахъ дѣйствующихъ лицъ связь этихъ двухъ варіантовъ обнаруживается и въ нѣкоторыхъ поворотахъ сюжета и особенно въ рядѣ характерныхъ выраженій (см. наши примѣчанія къ Михайлѣ Потыку). Своеобразны у Колодозерскаго старика Василій Буслаевъ, затѣмъ Чурила (у него едва ли не единственная попытка слить естественнымъ ходомъ разсказа двѣ обычно раздѣльныя былины объ этомъ героѣ) и особенно Три поѣздки Ильи. О послѣдней былинѣ стоитъ сказать два слова. Здѣсь Илья на той дорожкѣ, гдѣ суждено быть убитому, встрѣчаетъ кромѣ обычныхъ разбойниковъ еще Латынскій городъ, проѣздъ къ которому загораживали эти разбойники. Эпизодъ о пребываніи Ильи въ городѣ Латынскомъ—кабакъ, голи латынскіе, въ складчину напоившіе Илью и угощенные за это имъ когда онъ выкатилъ три бочки — встрѣчается очень нерѣдко въ былинахъ о ссорѣ Ильи съ Владиміромъ или отдѣльно («Илья и голи кабацкіе» у Гильфердинга), но онъ отсутствуетъ всегда въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ. Единственно Трофимъ Романовъ изъ той же волости даетъ у Рыбникова очень близкую параллель этой былинѣ Колодозерскаго старика, да въ Сивцевскомъ варіантѣ (Гильферд. № 221) дорога, по которой ѣдетъ Илья, названа «большою дорогою Латынскою». Высокая репутація пѣвца, хорошія качества остальныхъ его текстовъ, личная запись Рыбникова — все это мѣшаетъ объяснить дѣло простой путаницей или случайнымъ, единичнымъ вплетеніемъ чужого эпизода. Быть можетъ, оригинальный текстъ старика восходитъ къ забытому другими пѣвцами, болѣе древнему изводу былины о трехъ поѣздкахъ, гдѣ освобожденіе запертой дороги въ Латынскую землю и сцена въ кабакѣ составляли постоянную часть разсказа. Косвенно это подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ,

что въ двухъ былинахъ Кенозерскаго средней руки пѣвца Тряпицына (Гильферд. №№ 239 и 240) сохранились слѣды этого эпизода: первая былина «(Илья и голи кабацкіе въ Кіевѣ)» оканчивается неожиданными словами Ильи: «Я пойду теперь старикъ во чисто поле, И на ту пойду дорогу на Латынскую, И на ту пойду заставу богатырскую»; во второй былинѣ (Три поѣздки Ильи) въ концѣ является, нескладно и некстати, царевъ кабакъ въ чистомъ полѣ, гдѣ собрались разбойники и голи пьяные. Мы склонны видѣть въ этихъ Тряпицынскихъ неожиданностяхъ, какъ и въ случайномъ эпитетѣ дороги у Сивцева, затертые и искаженные слѣды того эпизода, который въ болѣе полномъ и связномъ видѣ сохранила память Колодозерскаго старика. Этотъ эпизодъ вяжетъ въ одинъ узелъ рядъ былинъ: Илья и голи кабацкіе, Ссора съ Владиміромъ, Илья въ Царьградѣ, нѣкоторые варіанты был. Илья и Идолище (напр. Гильф. № 245) и, какъ видимъ, даже Три поѣздки Ильи, хотя, конечно, въ послѣдней онъ болѣе случаенъ, чѣмъ въ другихъ.

165.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

(См. выше № 142.)

Ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Пріѣхалъ старый на розстани;
На розстани-то бѣлъ горючъ камень,
На камешкѣ подпись подписана:
5 « Въ розстань ѣхать—убиту быть,
« А въ другую ѣхать—женату быть,
« А въ третью ѣхать—богату быть. »
И раздумался старый своимъ разумомъ:
« Почто мнѣ-ка ѣхать во ту розстань,
10 « Во ту розстань ѣхать, гдѣ богату быть?
« По карману золотой казны смѣты нѣтъ,
« На косматомъ бурушкѣ цѣны нѣтъ.

« Почто мнѣ-ка ѣхать во ту розстань,
« Во ту розстань ѣхать, гдѣ женату быть?
« Хороша жена—чужая корысть,
« А худа-то—мнѣ-ка не надобна.
« Я поѣду во ту розстань,
« Во ту розстань поѣду, гдѣ убиту быть,
« Ко тому ко городу Латынскому,
20 « Ко той ли заставушкѣ великія. »
А была тамъ застава великая:
Было сорокъ человѣкъ разбойничковъ,
Ночныхъ все подорожничковъ,
Все сильные могучіи богатыри;
25 Заперта была земля Латынская,
Не было ни выходу, ни выѣзду
Изъ той земли Латынскія.
Пріѣзжаетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
Они сидятъ подъ сырымъ дубомъ,
30 И говоритъ атаманъ таковы слова:
— Ай же вы, ребята разбойники,
— Ночные вы подорожники!
— А куда-то старая собака поразъѣхалась? —
И говоритъ старый таковы слова:
35 « А нечего вамъ взять у стараго:
« Золотой казны у меня съ собой нѣтъ,
« А платья цвѣтнаго у меня на собѣ нѣтъ;
« Только взять вамъ у стараго:
« Кожанъ на плечахъ въ пятьсотъ рублей,
40 « А чуденъ крестъ на груди въ три тысячи,
« По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
« А косматому бурушкѣ у меня и цѣны нѣтъ. »
И зарычалъ атаманъ во всю голову:
— Ай же вы, ребята-разбойники,
45 Ночные вы подорожники!
— Още старая собака хвастаетъ!
— Снимайте стараго съ добра коня! —
Какъ натягивалъ старый свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,

50 Самъ къ стрѣлочкѣ приговаривалъ:
« Полети, моя стрѣлочка, во сырой дубъ,
« Разорви на мелкія на ножовыя черенъица,
« И всѣхъ убей сорокъ человѣкъ разбойниковъ,
« Всѣхъ убей ночныхъ подорожниковъ. »
55 И будетъ онъ у стѣны городовыя,
И не воротмы ѣхалъ, приворотенкамы,
Прямо черезъ стѣну городовую.
И приходитъ онъ во царевъ кабакъ:
Въ кабакѣ сидятъ голи—смѣты нѣтъ.
60 И тутова голи догадалися,
По полушечкѣ голи сметалися,
И скупили вина полтора ведра,
И подносили старой собакѣ матерой выпить съ дороги.
И говоритъ онъ таково слово:
65 « Ай же вы, голи Латынскія!
« Коли умѣли съ пути съ дороги встрѣтить богатыря,
« Такъ подите—скажите королю Латынскому,
« Чтобы несъ дары драгоцѣнные:
« Я разбилъ заставу великую. »
70 И налилъ король Латынскій чашу золоту,
Красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга,
И несетъ ему великіе даровья.
Возговоритъ старый таковы слова:
« Ай же ты, король земли Латынскія!
75 « Ненадоть мнѣ даровьевъ драгоцѣнныихъ,
« А отвори-тка ты погреба съ напиткамы. »
Онъ зашелъ во погреба глубокіе,
Взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
А другую бочку подъ другую,
80 А третью бочку ногой катилъ,
И самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же вы, голи Латынскія!
« Коли умѣли старую собаку матерую
« Съ пути-дороги стрѣтити,
85 « Такъ теперь пейте вина,сколько надобно. »
И повыѣхалъ опять къ этому горючему камешку,

И поѣхалъ въ ту розстань, гдѣ-ка женату быть.
Пріѣзжаетъ онъ къ палаты бѣлокаменной,
Привязалъ бурушка косматаго къ столбику точеному,
90 Ко тому ли ко колечику золоченому.
Идетъ въ палаты бѣлокаменны,
И стрѣтитъ его прекрасная королевична, —
У дѣвушки у прекрасной королевичны
Кроватка была овёршая, —
95 Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарнія,
И сама говоритъ таковы слова:
« У тя есть ли охота, горитъ ли душа
« Со мной, съ дѣвицей, позабавиться?
100 « Ложись-ка на кроватку тесовую,
« На ту ли на перинку на пуховую! »
И беретъ-то старый казакъ Илья Муромецъ
Прекрасну королевичну за бѣлы груди
И металъ-то на кроватку тесовую,
105 На ту ли на перинку пуховую.
А у злодѣйки кроваточка подложная, —
И упала во погреба глубокіе;
И наобманывано у ней туда
Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
110 И сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Онъ оттуль ихъ всѣхъ повыпустилъ,
А ей головку отрубилъ.
И выѣхалъ опять къ бѣлъ-горючему камешку,
И поѣхалъ въ ту розстань, гдѣ богату быть.
115 И въ третью-то розстань съѣхалъ,
Побилъ поганаго Чудища,
И побралъ золотой казны—смѣты нѣтъ.
И выѣхалъ опять во Кіевъ градъ.

Отъ этого же старика я слышалъ про Илью Муромца по ивальщину. Илья, разъѣзжая по бѣлу свѣту, наѣхалъ на паницу Авдотью Горынчанку и одолѣлъ ее съ бою. Отъ него

Авдотья поносъ понесла и родила сына богатырскаго. Возросъ сынъ и отправился поляковать по раздольицу чисту полю. Въ стрѣту ему попался Илья Муромецъ, послѣ долгаго упорнаго боя повалилъ наземь и подъ кинжалищемъ выпыталъ у него, что онъ есть сынъ Авдотьи Горыпчанки. Сынъ, узнавши о своемъ происхожденіи, рѣшился отомстить за позоръ матери, сковалъ себѣ палицу во триста пудъ и нагналъ стараго въ чистомъ полѣ. Илья спалъ богатырскимъ сномъ, какъ Бориска ударилъ его палицею стопудовою, угодилъ было прямо въ бѣлую грудь, да не могъ просѣчь чуднаго креста. Тутъ же Илья и убилъ его. Какъ поѣхалъ ко граду ко Кіеву, видитъ—мать дерется съ Добрыней, а Добрыня кричитъ ему во всю голову: «Убилъ меня богатырь великій, пособи мнѣ съ богатыремъ драться!»

Говорилъ Илья таковы слова:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
« Ты не знаешь у богатыря мѣста пухлаго,
« Пухлаго мѣста. . . . . .
« А ты бей-ка богатыря по щекѣ,
« Пинай-ка богатыря. . . . . .

166.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 52.)

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ,
На сильныхъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
5 Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Какъ солнышко Владиміръ князь
По хорому по гриднѣ похаживалъ,
Правой ручкой помахивалъ,

10 На богатырей службы наметывалъ:
На перваго богатыря, стараго Илью Муромца,
На другого богатыря, молода Добрыню Микитича,
На третьяго, на душечку Михайлу Потыка Ивановича.
Наливалъ по чары зелена вина,
15 По ковшу давалъ-то меду сладкаго.
На стараго казака Илью Муромца
Наметывалъ службу великую:
Съѣздить на горы Сорочинскія,
Убить силу поганую отъ мала до велика,
20 Не оставить силы на сѣмена;
А на другаго богатыря, Добрыню Микитича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю за славное синє море,
Ему бить—земли прибавливати,
25 Коренить языки человѣчески [1]),
Прибавливать земельки святорусскія;
А на третьяго богатыря, душечку Михайлу Потыка Ивановича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю во ты ли во гридни во черныя [2]),
30 Во тые ли Подолье Лиходѣево,
Справить-то дани-выходы
За старые годы и за нынѣшни,
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
На чистомъ полѣ богатыри разъѣхались.
35 Какъ поѣхалъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ
Во тые ли во гридни во черныя,
Во тые ли Подолье Лиходѣево,
Ко славному царю Лиходѣю Лиходѣеву.
Разставилъ шатеръ бѣлополотняный
40 На лугахъ на зеленыихъ, на травахъ на шелковыихъ,
И маковку надѣлъ красна золота,

[1]) Въ Прохоровскомъ варіантѣ (Гильф. № 52) здѣсь рѣчь идетъ о томъ, обы „корить“ (покорять) языки невѣрныи.—*Ред.*
[2]) *Ibidem:* Ко тыи ко корбы ко темныя,
Ко тыи ко *грязи ко черныи*.—*Ред.*

Отъ маковки лучи пекутъ:
День пекутъ по красному по солнышку,
А ночь пекутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
45 А у этого царя Лиходѣя Лиходѣева
Была-то дочерь любимая,
Марья Подоленка дочь Лиходѣевна.
Она была, курва, лукавая;
Увидѣла въ далечѣ-далечѣ чистомъ полѣ
50 Тоненькій, новенькій, бѣлъ шатеръ
И маковку тую красна золота,
И пришла къ желанному батюшкѣ,
Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву:
— Ай же ты, батюшка-родителекъ,
55 — Царь Лиходѣй Лиходѣевичъ!
— Спусти-ка меня, дѣвицу-красавицу,
— Погулять во далечѣ-далечѣ чистомъ полѣ
— Съ нянкамы и съ мамкамы,
— И съ сѣнныма дѣвкамы служащима.—
60 И говоритъ ей царь Лиходѣй Лиходѣевичъ:
« Ай же ты, дочь любимая,
« Марья Подоленка дочь Лиходѣевна!
« Когда ты была у меня унята,
« Тогда ты была закликана,
65 « А нонече, точно, ты не унята
« И тепереча ты не закликана. »
Она и брала нянюшекъ и мамушекъ,
И сѣнныихъ дѣвушекъ служащіихъ,
И пошла гулять во чисто поле,
70 И оставила во чистомъ полѣ нянюшекъ и мамушекъ,
И сѣнныихъ дѣвушекъ служащіихъ,
И пришла къ шатру бѣлополотняну.
И стоитъ у шатра—уливается,
Во сыру землю покланяется.
75 И спитъ богатырь, схарпываетъ [1]),
Про это дѣло не вѣдаетъ.

---

[1]) Всхрапываетъ.—Б.

Его добрый конь провѣщился
Тыимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, хозяинъ мой ласковый,
80 — Душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Ты спишь, богатырь, просыпаешься,
— А стоитъ у шатра дѣвица-красавица,
— Стоитъ она—уливается,
— Во сыру землю покланяется.—
85 Со сну богатырь пробуждается,
И выходитъ богатырь изъ бѣла шатра,
И бралъ онъ дѣвицу-красавицу
За тыи за перстни злаченые
И ладитъ цѣловать въ уста сахарнія.
90 И говоритъ ему дѣвица-красавица:
— Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Ты вѣдь есть роду русскаго,
— Русскаго роду, крещенаго,
— А я вѣдь роду поганаго,
95 — Поганаго роду, не крещенаго:
— Ты свези меня во Кіевъ градъ,
— Приведи во вѣру крещеную,
— И примемъ мы съ тобой златы вѣнцы,
— И станемъ мы съ тобой жить да быть,
100 — Жить да быть, дѣтей сводить,
— Долгаго вѣку коротати.—
Поскорешенько Михайла коня сѣдлалъ,
Красну дѣвицу въ торока вязалъ
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
105 И ко ласкову князю ко Владиміру.
И пріѣхалъ онъ во Кіевъ градъ,
И приводилъ ю во вѣру крещеную:
Было имя прежнее—
Марья Подоленка дочь Лиходѣевна,
110 А тутъ дали имя новое—
Настасья Лебедь Бѣлая дочь Лиходѣевна.
Принимали они златы вѣнцы,
И кладали они заповѣдь промежу собой:

« Который умретъ, а другому во гробъ лечій
115 « Съ тымъ со тѣломъ со мертвыимъ.»
И завелъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На сильныхъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
120 Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Расхвастался старый казакъ Илья Муромецъ:
« Я ѣздилъ, богатырь, во чисто поле,
« На ты ли на горы Сорочинскія,
125 « На ты на луговья зеленыя;
« Тамъ стояла сила поганая,
« Поганая сила, невѣрная:
« Я убилъ силу съ мала до великаго,
« Не оставилъ силы на сѣмена.»
130 Добрынюшка Никитичъ расхвастался:
« Я ѣздилъ, богатырь, за славно за сине море,
« Я билъ—земли прибавливалъ,
« Коренилъ языки человѣчески,
« Прибавливалъ земельки святорусскія.»
135 А душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ расхвастался:
« Я ѣздилъ, богатырь, въ чисто поле,
« О славное ѣздилъ о сине море,
« Во ты ли во гридни во черныя,
« Во тые ль Подолье Лиходѣево,
140 « И справилъ дани-выходы
« Съ царя Лиходѣя Лиходѣева
« За старые годы и за нынѣшни,
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« И привезъ я дѣвицу-красавицу,
145 « Собѣ я супротивницу.
« И ѣхалъ я по далечу чисту полю:
« Подломилася у меня ось желѣзная,
« И дѣлалъ я бочки дубовыя,
« И спущалъ золоту казну во погребъ глубокій
150 « На ты на цѣпи на желѣзныя.»

И возговоритъ ему Владиміръ князь:
— Когда ты сослужилъ службу великую,
— Теперь съѣзди за сине море
— Ко царю Налету Налетову
155 — И справь дани-выходы
— За старые годы и за нынѣшни,
— За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.—
Поѣхалъ Михайла за сине море
Ко царю Налету Налетову
160 И справилъ дани-выходы
За старые годы и за нынѣшни,
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
Отпустили казну въ чисто поле
Вести казну во Кіевъ градъ,
165 И поддернули дощечку тавлейную
Играть въ дороги тавлеи красна золота;
И наставливаетъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Наставливаетъ доску и самъ выговариваетъ:
« Какъ служилъ я во городѣ во Кіевѣ
170 «Солнышку князю Владиміру,
« Теперь буду я служить во городѣ Налетовѣ
« Царю Налету Налетовичу.»
А царь Налетъ Налетовичъ
Наставляетъ доску, самъ выговариваетъ:
175 — Проиграю душечкѣ Михайлу Потыку Ивановичу,
— Дамъ золотой казны—и смѣты нѣтъ.—
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ступень ступилъ,—поигралъ,
Другой ступилъ, съ доски сбилъ
180 И выигралъ золотой казны и смѣты нѣтъ.
Наставливали они дощечку другую.
А въ тѣ поры налетѣли въ окошечко
Голубь да голубушка,
Сами промежъ собой разгуркались:
185 — Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Ты играешь въ дороги тавлеи красна золота,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:

— Померла у тебя молода жена,
— Та ли Настасья Лебедь Бѣлая, дочь Лиходѣевна.—
190 Онъ ухватилъ дощечку тавлейную,
Ушибъ дощечку о кирпиченъ мостъ:
Разсыпалась дощечка на ножевыя черенья.
Говоритъ царь Палетъ Палетовичъ:
— Что тебѣ не по уму пришло, не по разуму?
195 — У меня золота казна насыпана,
— Отпущена казна во чисто поле,
— Во Кіевъ градъ увезена.—
Вышелъ Михайла на широкій дворъ
Ко своему коню ко богатырскому
200 И палъ во копытцо во правое:
« Ай же ты, мой добрый конь!
« Сюда меня несъ три мѣсяца,
« А взадъ меня неси во три часа,
« Во три часа снеси меня во Кіевъ градъ,
205 « Рѣки-озера перескакивай,
« А широки раздолья межу ногъ пусти.»
И ѣдетъ ко городу ко Кіеву.
Встрѣчаютъ его братья названые,
Старый казакъ Илья Муромецъ
210 И молодой Добрынюшка Никитичъ.
Возговоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« Ай же вы, братья мои названые!
« А гдѣ моя богатырска молода жена?»
Говорятъ ему братья названые:
215 — Померла у тебя богатырска молода жена.—
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« Ай же вы, братья мои названые!
« Сдѣлайте колоду бѣлодубову,
« Чтобы двумъ въ колоды стоя стоять,
220 « И двумъ въ колоды сидя сидѣть,
« И двумъ въ колоды лежа лежать.»
И сдѣлали колоду бѣлодубову;
Онъ взялъ себѣ хлѣба на пропитаніе,
И сдѣлалъ собѣ клещи и прутья желѣзные,

225 И сѣлъ въ колоду бѣлодубову
Со тымъ со тѣломъ со мертвыимъ;
И живетъ подъ землею три мѣсяца.
И приплыла змѣя подземельная,
И проточила колоду бѣлодубову,
230 И ладила ссать тѣло мертвое.
Онъ схватилъ змѣю въ клещи желѣзные
И началъ сѣчь прутьямы желѣзныма:
« Ай же ты, змѣя подземельная!
« Принеси мнѣ живой воды
235 « Оживить мнѣ молода жена.»
Говоритъ змѣя подземельная:
— Спусти, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
— Я принесу тобѣ живой воды въ три года.—
Онъ бьетъ ее нещадно, нежалухою,
240 Говоритъ змѣя подземельная:
— Спусти, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
— Я принесу тобѣ живой воды въ три часа.—
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« Отдай въ закладъ змѣеныша.»
245 Онъ положилъ подъ каблукъ змѣеныша,—
Одна стала грязь подпорожная.
Говоритъ змѣя подземельная:
— Почто ты убилъ моего змѣеныша?—
« Принеси ты живой воды:
250 « Оживлю я молоду жену,
« Будетъ живъ и твой змѣенышекъ.»
Принесла она живой воды во три часа.
Онъ брызгалъ змѣеныша, и другой брызгалъ,
Третій брызнулъ, онъ и поплылъ.
255 И зачалъ брызгать молода жена;
Первой брызгалъ, и другой брызгалъ,
Третій брызнулъ,—она и скочила на рѣзвы ноги,
Сама говоритъ таковы слова:
« Долго спала, скоро стала!»
260 И дѣло дѣется воскресное:
Идутъ отъ обѣдни князи-бояра

И русскіе могучіи богатыри.
Зарычалъ онъ во всю голову:
Мать-земля сколыбалася,
265 Вода съ пескомъ помутилася.
Говорятъ князья-бояра
И русскіе могучіи богатыри:
— Что это, братцы, не чудо ли чудилось,
— Не диво ли сдѣялось,
270 — Не изъ воды ли чудо выстало,
— Не изъ иной ли земли наѣхало?—
Возговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« А не чудо счудилось, не диво сдѣялось,
« Не изъ воды чудо выстало
275 « И не изъ иной земли наѣхало:
« А стоснулося богатырю во сырой землѣ
« Со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ.
« Вы берите заступы желѣзные,
« Разрывайте песочки-то желтые,
280 « Доставайте колоду бѣлодубову.»
Какъ раскрыли колоду бѣлодубову,
И ставаетъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ
И молоду жену за рукавъ ведетъ.
Про эту богатырску молоду жену
285 Прошла слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:
Что не стало такой красавицы нигдѣ, ни вездѣ,
Ни подъ красныимъ подъ солнышкомъ.
И на эту славу богатырскую,
290 И на эту славу молодецкую
Наѣхало сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей, сорокъ королевичевъ
На тыи на горы Сорочинскія.
И пишутъ они скорописчаты ерлыки:
295 « Куль солнышко Владиміръ князь
« Отдастъ богатырску молоду жену
« Безъ бою, безъ драки безъ великія,
« А не отдастъ съ добра,

« Весь Кіевъ градъ повырубимъ.»
300 И приходитъ къ Михайлу Владиміръ князь:
— Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Для одной бабы не погибать цѣлому царству:
— А отдай свою богатырску молоду жену
— Безъ бою, безъ драки безъ великія.—
305 Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Отдай свою богатырску княгину Опраксію,
« А я не отдамъ жены съ добра.»
И наладился въ платья женскія,
310 Склалъ на добра коня латы кольчужныя,
Мечъ-кладенецъ и саблю вострую,
И выходилъ на горы Сорочинскія;
Оставилъ коня подъ дубомъ,
А съ собой взялъ тугій лукъ.
315 И пришелъ на луга на зеленые,
На ты на травы на шелковыя,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Здравствуйте, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
« Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ!
320 « За кого мнѣ-ка за васъ замужъ итти?
« У васъ теперь будетъ много драки великія,
« Кроволитія много будетъ напраснаго.
« А дайте мнѣ стрѣлочку на тугій лукъ:
« Разстрѣлю я стрѣлку по чисту полю,
325 « Который впередъ найдетъ стрѣлочку, ко мнѣ принесетъ,
« За того я и замужъ пойду.»
И разстрѣлилъ стрѣлку по чисту полю;
Они по чисту полю разбѣжалися,
А онъ вышелъ на горы Сорочинскія,
330 Сѣлъ на маленька бурушка косматаго
И зачалъ по чисту полю поѣзживать,
Зачалъ головушки отвертывать.
Отвертѣлъ имъ всѣ головушки,
А коль за ними силы было,—
335 Силу всю прибилъ, приплѣнилъ,

Не оставилъ силы на сѣмена.
И времени провелъ въ чистомъ полѣ три мѣсяца.
И ѣдетъ онъ ко городу ко Кіеву,
И стрѣчаютъ его братья названые,
340 Не стрѣчаетъ богатырска молода жена.
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« А гдѣ моя богатырска молода жена?»
Говорятъ ему братья названые:
— Наѣхалъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ,
345 — Увезъ богатырску молоду жену
— Во тую во землю во Волынскую.—
Тутъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Не пиваючись и не ѣдаючись
И съ добра коня не спущаючись,
350 За нимъ въ сугону вслѣдъ.
И засталъ его на своемъ рубежѣ на Волынскоемъ:
Заѣзжаетъ во свою землю.
Она усмотрѣла во трубоньку подзорную,
Что ѣдетъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
355 И налила ковшъ питья забыдущаго [1]).
И приходитъ къ душечкѣ Михайлу Потыку Ивановичу,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Я безъ тебя, безъ богатыря,
360 — Не могу ни ѣсть, ни пить, ни жива быть:
— Вахрамей-то царь меня насилу взялъ.
— Выпей ковшъ питья здраваго,
— И будешь ты, Потыкъ, лучше стараго.—
Онъ выпилъ ковшъ питья забыдущаго,
365 И кинуло его въ забытку спать.
Она пришла къ царю Вахрамею Вахрамееву
И говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, царь Вахрамей Вахрамеевичъ!
— Надъ соннымъ что надъ мертвымъ, что хошь твори.—
370 А онъ ей плюнулъ въ глаза:

---

[1]) Отъ котораго падаютъ въ забытье.

« Единое дерево не темный лѣсъ,
« А единъ человѣкъ не рать въ полѣ!»
Она тому шла—не вѣровала,
Брала за кудри за желтыя,
375 Перекинула Михайла черезъ себя,
Сама говорила таковы слова:
— Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
— Тутъ стань бѣлъ горючъ камень,
— А пройдетъ времечка три году,
380 — И пройди скрозь матушку сыру землю.—
Онъ во камень закаменѣлъ.
И стоснулися братья названые
По душечкѣ Михайлу Потыку Иванову:
— Пойдемъ, братецъ, во землю Волынскую,
385 — Спросимъ, гдѣ нашъ братъ убитъ,
— Гдѣ убитъ, гдѣ положенъ?—
И стали подходить къ рубежу Волынскому,
И вышелъ къ дорожкѣ старичокъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
390 « Возьмите меня во товарищи.»
Взяли старика во товарищи
И пришли во землю Волынскую,
Ко царю Вахрамею Вахрамееву
Подъ тые окошечко косявчето,
395 Попросили они милостыни:
— Ай же ты, царь Вахрамей Вахрамеевичъ!
— Дай-ка намъ милостыни
— Не для-ради калики-прохожаго,
— А для-ради душечки Михайла Потыка Ивановича,
400 — Нашего брата названаго.—
Увидѣла ихъ изъ окошечка косявчета
Настасья Лебедь Бѣлая дочь Лиходѣевна,
Говорила царю Вахрамею Вахрамееву:
« Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
405 « Напой каликъ допьяна,
« Накорми-ка ихъ досыта
« И навали имъ денегъ по подсумку:

« Не калики то есть прохожіе,
« А есть русскіе могучіе богатыри.»
410 Онъ звалъ каликъ въ палаты бѣлокаменны,
Кормилъ ихъ ѣствушкой сахарною,
Поилъ-то питьицемъ медвянымъ,
Навалилъ денегъ по подсумку.
Не спросили калики прохожіе,
415 Гдѣ убитъ братъ ихъ названый,
Гдѣ убитъ, гдѣ положенъ,
И пошли вонъ изъ земли Волынскія.
Привелъ ихъ старичище ко каменю,
Самъ говорилъ таковы слова:
420 « Мнѣ отъ васъ это ростань прочь итти,
« Начнемъ на камню деньги пàевать.»
Дѣлилъ старикъ на четыре доли,
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣлишь, старикъ, деньги на четыре доли,
425 — Кому дѣлишь четверту часть?—
« А кто здынетъ бѣлъ горючъ камень,
« Тому братцы, четверта часть.»
Илья Муромецъ на силу надѣется,
Здымалъ камень по грудямъ своимъ,
430 И по груди Илья въ землю угрязъ.
— Что жъ это, братцы, въ камени
— За сила за Божеска иль за дьявольска?
— На здымъ здынулъ бы два камня,
— А тутъ на камень не могу и умомъ подумать.—
435 Прискочилъ ко камню Добрыня Никитичъ,
А не могъ подъ камень вѣтра подпустить.
Подходилъ старичище ко камени,
Подъ камень ручку подкладывалъ
И здымалъ камень на плечо,
440 Самъ камешку приговаривалъ:
« Разсыпься, бѣлъ горючъ камень,
« На ты на мелки на часточки,
« А ставай душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!»
И выскочилъ изъ того изъ камешка

445 Душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
И не спрашивалъ ни про Кіевъ градъ,
Ни про князей-бояръ, про богатырей:
« Ай же вы, братья мои названые!
« А гдѣ моя богатырска молода жена?»
450 — А твоя богатырска молода жена
— Во тѣхъ во палатахъ Вахрамеевыхъ
— Со царемъ Вахрамеемъ забавляется.—
Говорялъ старичище таковы слова:
« Прощайте, русскіе могучіе богатыри!
455 « Молитесь Миколы Можайскому:
« И будетъ васъ Микола миловать,
« Изъ синя моря выздыновать.»
А и видѣли старика походючись,
И не видѣли, куда старый сшелъ,
460 Оставалась казна на камени.
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ
Въ сугону въ землю Волынскую.
Приходилъ онъ на широкій дворъ.
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
465 Услыхала Настасья Лебедь Бѣлая,
Наливала ковшъ питья забыдущаго,
Выбѣгала къ душечкѣ Михайлы Потыку Ивановичу,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
470 — Я безъ тебя, безъ богатыря,
— Не могу ни ѣсть, ни пить, ни жива быть:
— Не я положила тебя въ бѣлъ горючъ камень,
— А положилъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ.—
Онъ послушалъ ея прелести женскія
475 И выпилъ ковшъ вина забыдущаго,
И кинуло его въ забытку спать.
Какъ хватила его за желты кудри,
Притянула въ избу въ куреную,
Расковала Михайлу на стѣну.
480 Забила въ руки-ноги по гвоздю.
Со тоя со великія со радости

Привернула во царевъ кабакъ,
И пьетъ зелено вино шестеры сутки.
А у этого царя Вахрамея Вахрамеева
485 Была дочи любимая, Марья Вахрамеевна.
Говорила царю Вахрамею Вахрамееву:
— Ай же ты, батюшка-родителекъ!
— Спусти-ка посмотрѣть русскаго богатыря. —
« А не что, Марья Вахрамеевна,
490 « Ступай смотрѣть русскаго богатыря.»
И взяла она дѣвку служащую
И пошла смотрѣть русскаго богатыря.
А ему хмѣль уже продрало,
Взмолился Марьѣ Вахрамеевны.
495 Говоритъ она таковы слова:
— Возьми меня за себя замужъ,
— Такъ избавлю тя отъ смерти напрасныя. —
« Ежели избавишь отъ смерти напрасныя,
« Я теперича Настасьѣ голову срублю
500 « И возьму тебя за себя замужъ.»
Она взяла скорешенько Татарина,
Волосомъ, ростомъ, красотою прибрала,
И расковала Татарина на стѣну.
А Михайлу взяла подъ шубу соболиную
505 И ведетъ его по широку двору.
Увидѣлъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ:
« Кого ведешь подъ шубой соболиною?»
— Я взяла дѣвку служащую:
— Она богатыря испугалася-перепалася,
510 — И я ее веду подъ шубой соболиною.—
Приходили во высокъ теремъ;
Тутъ заколотила ему раны кровавыя,
Зарощиваетъ раны три мѣсяца.
— Есть ли у тебя теперь сила по-старому?—
515 Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« Кабы теперь мнѣ латы кольчужныя,
« Мечъ-кладенецъ и добра коня,
« Не боялся бы вашего царя Вахрамея Вахрамеева.»

Говоритъ Марья Вахрамеевна:
520 — А у насъ былъ богатырь въ досюльные годы [1]);
— Теперича въ нашемъ царствѣ никто не можетъ владѣть
латами его, ни мечомъ, ни добрымъ конемъ.—Говоритъ ей
ихайла Потыкъ: «А ты незамоги [2]) и скажи: что бы мнѣ во
яхъ показалося—богатырскаго коня поводить, латы на конѣ
возить, и легче будетъ». Незамогла Марья Вахрамеевна, и
шелъ царь кличъ кликать, кто бы дочь излѣчилъ.

Говоритъ ему Марья Вахрамеевна:
— Мнѣ ночесь не спалось, во сняхъ видѣлось:
— Какъ бы богатырскаго коня поводить,
— Латы на конѣ повозить,
525 — Съ того, де, легче будетъ.—
Взяли коня изъ погреба глубокаго,
Взяли латы палатныя.
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ
Снарядился во платья женскія,
530 Полагалъ латы на добра коня,
Взялъ добра коня за повода
И вывелъ за стѣну городовую,
За стѣной облатился, обкольчужился
И ѣхалъ въ городъ Вахрамеевскій,
535 Не воротамы ѣхалъ, приворотенкамы,
Прямо черезъ стѣну городовую.
Которую силу прирубилъ,
А которую въ полонъ забралъ,
Царя Вахрамея на вороты разстрѣлялъ,
540 Настасью Лебедь Бѣлую, дочь Лиходѣевну
Къ семи жеребцамъ къ хвостамъ привязалъ:
По чисту полю ее раздернули.
А Марью Вахрамеевну замужъ взялъ,
Да въ томъ царствѣ царемъ сталъ.
545 Тутъ сталъ жить да быть,
Добра наживать, и теперь живетъ.

---

[1]) Тутъ старикъ не могъ припомнить стиховъ.
[2]) Занемоги.

167.

СТАВЕРЪ.

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ,
На русскихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
5 Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Какъ солнышко Владиміръ князь
По хорому по гриднѣ похаживаетъ,
Правой ручкой помахиваетъ,
10 Пословечно сударь выговариваетъ:
« Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Ты съ богатой земли Ляховецкія:
« Что же ты сидишь, самъ не хвастаешь?»
Возговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
15 — Не для чего мнѣ, молодцу, хвастати.
— Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
— Той ли Василисой Микуличной?
— Моя-то Василиса Микулична
— Во вашемъ во городѣ во Кіевѣ
20 — Князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
— А тебя, князя, съ разума выведетъ.—
Возговорятъ тутъ мелкая чета,
Мелкая чета, князья-бояра:
« Ай же, солнышко Владиміръ князь!
25 « Эка у Ставра молода жена!
« Засади его во погреба глубокіе,
« Во глубокіе погреба сорока саженъ,
« Пусть-ка онъ оттоль выступитъ!»
Засадили во погреба глубокіе.
30 И поводился у Ставра свой человѣкъ
Изъ тоя земли изъ Ляховецкія,
И съѣхалъ въ землю Ляховецкую,
И сказалъ Василисы Микуличны,

Что засаженъ Ставеръ во глубокъ погребъ.
35 Потупила она очи во сыру землю,
Думаетъ думушку женскую,
А удачу думаетъ молодецкую:
« Что за боемъ мнѣ не взять Ставра,
« Могу ль я взять думушкой женскою
40 « И удачей молодецкою?»
И брала ножницы нѣмецкія,
И садилась она на ременчатъ стулъ,
И постригала волосы по-мужеску,
Снарядилась прекраснымъ царевичемъ,
45 Молодымъ Васильемъ Микуличемъ,
И поѣхала къ князю ко Владиміру
Свататься на Забавѣ Владиміровны.
И сѣдлала она добра коня,
Кладала потнички на потнички,
50 Кладала войлочки на войлочки,
На верхъ кладала сѣделко окованное,
А застегивала двѣнадцатью подпругамы,
Двѣнадцатью подпругамы шелковыма,
Шелку-то было заморскаго,
55 Заморскаго шелку Шехматинскаго;
Пряжицы были-то мѣдныя,
Мѣди были Казанскія;
Шпенечики были булатнія,
Булата были Иверьянскаго.
60 И не для ради красы-басы молодецкія,
А для ради укрѣпы богатырскія.
И брала свои латы кольчужныя,
И мечъ кладенецъ, копье Мурзамецкое,
И тугій лукъ, и калены стрѣлы,
65 Садилась она на добра коня.
И будетъ подъ городомъ подъ Кіевомъ,
У той ли стѣны городовыя,
И не воротмы ѣхала, привороткамы,
Прямо черезъ стѣну городовую,
70 Черезъ тыя башни наугольныя.

Она копье тупымъ концомъ во сыру землю,
Шелковой поводъ на злаченый гвоздь,
У дверей не спрашиваетъ придверниковъ,
Прямо шла во гридню столовую,
Крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Бьетъ челомъ, покланяется,
Князю Владиміру въ особину.
И возговоритъ Владиміръ князь:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Коего отца, коей матери,
— Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ,
— Жалуютъ тебя по отечеству?—
И возговоритъ она таковы слова:
« Я есть изъ земли Ляховецкія,
« Молодой царевичъ Василій Микульевичъ,
« А пріѣхалъ къ тебѣ, князю Владиміру, свататься:
« У тебя есть любимая дочь,
« Молода Забава Владиміровна;
« Ты отдай ю за меня замужъ. »
— Хорошо, Василій Микульевичъ,
— Отдамъ я Забаву за тебя замужъ,
— А схожу къ дочери подумати.—
И приходитъ къ дочери любимыя.
Говоритъ Забава Владиміровна:
« Что у тебя, батюшка, на разумѣ,
« Отдавать дѣвчину за женщину?
« Я видала Василья Микулича: онъ не эдакой.
« А тутъ походка часта по-женскому,
« Рѣчь-поговорье по-женскому,
« Стегна жметъ, добро бережетъ,
« Гдѣ жуковины были, и мѣсто знать. »
— Я, дочь, теперь могу посла вывѣдать:
— Я съ пути-дорожки стоплю парну баянку
— И схожу съ нимъ въ парную баянку;
— Если сильный могучій богатырь,

— Такъ я выгляжу и вызнаю.—
Истопили парную баянку,
110 И приходитъ звать Василису Микуличну:
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со мной, со княземъ Владиміромъ, попариться?—
Покамѣстъ Владиміръ разувался, скидывался,
Она шла въ баянку, попарилась
115 И встрѣту ему идетъ, опять сватается.
Приходитъ Владиміръ ко дочери любимыя,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Я, дочь, послѣ парныя баянки
— Сведу посла на перину пуховую:
120 — Если сильный могучій богатырь,
— Будетъ яма подъ плечамы:
— Если женщина, будетъ яма подъ....—
И приходитъ къ Василисы Микуличны:
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
125 — Отдохнуть на кроватку тесовую,
— На тую перинку пуховую?—
Ложилась на кроватку тесовую,
Легла ногамы на изголовьице,
А гдѣ головы быть, ...
130 И вылежала яму подъ плечамы.
Какъ вышла изъ ложни спальныя,
Приходилъ солнышко Владиміръ князь
И видитъ—великая яма подъ плечамы.
И шелъ къ Забавы Владиміровны:
35 — У него великая яма подъ плечамы,
— Есть сильный могучій богатырь.—
Говоритъ Забава Владиміровна:
« Что у тебя, батюшка, на разумѣ,
« Отдавать дѣвчину за женщину? »
40 — Я, дочи, опять могу посла вывѣдать.—
Взялъ—выбралъ тридцать молодцо̀въ-борцо̀въ,
Сильныихъ могучіихъ богатырей,
Вывелъ ихъ на широкій дворъ,
А самъ говорилъ таковы слова:

— Ай же ты, Василій Микульевичъ!
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со моима со борцамы поборотися?—
« Да что, солнышко Владиміръ князь!
« Кому у меня боротися?
« У меня дружины не приведено.
« Я смолоду по улушкѣ побѣгивалъ,
« Съ робяткамы шутки пошучивалъ,
« И самъ иду съ борцамы боротися. »
Какъ вышла Василиса на широкій дворъ,
Возьметъ мужика въ руку, а другого въ другую,
Толнетъ лбамы вмѣсто, и души нѣтъ.
Идетъ Владиміръ къ Забавѣ Владиміровны.
« Что у тебя, батюшка, на разумѣ,
« Отдавать дѣвчину за женщину? »
— Я, дочи, опять могу повывѣдать:
— Я поставлю стрѣлочку каленую
— И выберу трехъ стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,
— Который бы стрѣлилъ въ самую середочку
— И раскололъ бы на четыре частички,
— Чтобъ ни меньше, ни больше и вѣсомъ равны.—
Выбиралъ трехъ стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,
Поставилъ стрѣлочку каленую,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Василій Микульевичъ!
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со моима стрѣльцамы потѣшиться?—
« Кому у меня тѣшиться?
« У меня дружины не приведено.
« Я смолоду по улушкѣ побѣгивалъ,
« Изъ туга лука пострѣливалъ,
« Иду самъ со стрѣльцамы тѣшиться. »
Начали стрѣлять изъ тугихъ луковъ:
Который стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
Который стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
А третій стрѣлилъ—и въ черту не попалъ.
Она натянула тетиву шелковую,

Накладала стрѣлку каленую,
Стрѣлила въ самую середочку,
Расколола стрѣлку на четыре частички:
185 Ни больше, ни меньше и вѣсомъ равны.
Возговоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты, Василій Микульевичъ!
— Теперь честнымъ пиромъ и за свадебку.—
Зачали играть свадебку,
190 Заводили столованье-почестенъ пиръ:
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена доселюшны.
195 Говоритъ Василиса Микулична:
« А гдѣ же съ нашей земли Ляховецкія
« Проживаетъ здѣсь Ставеръ сынъ Годиновичъ?
« Онъ мастеръ, Ставеръ, въ гусли играть,
« Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
200 « Про старыя времена и про нынѣшни
« И про всѣ времена доселюшны. »
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Не достать Ставра, разгнѣвить посла,
— А достать Ставра, увезетъ Ставра.—
205 Достали Ставра сына Годиновича,
Приводили во гридни во столовыя.
И выпросила Ставра до буйна вѣтра,
Выходила Василиса на широкій дворъ,
Скоро садилась на добра коня,
210 Увозила Ставра во чисто поле,
Раздернула въ полѣ бѣлъ шатеръ,
Сама говорила таковы слова:
« Помнишь ли, Ставеръ, памятуешь ли,
« Какъ мы съ тобой свайку поигрывали:
215 « У тебя ль была свайка серебряная,
« У меня ль колечко позолоченое,
« И ты ко мнѣ всегды-сегды,
« А я къ тебѣ тогды-сегды? »

Ставеръ сынъ Годиновичъ не догадается.
220 Заходила Василиса въ бѣлъ шатеръ,
Надѣвала платьица женскія:
Тожно призналъ молоду жену.
— Ай же ты, Василиса Микулична!
— Поѣдемъ на уѣздъ въ землю Ляховецкую!—
225 « Нѣтъ, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Поѣдемъ-ка во Кіевъ градъ:
« Ты какъ похвастался, такъ я и сдѣлала. »

168.

ЧУРИЛО.

Вотъ у солнышка у князя Владиміра
Было отослано шестьсотъ человѣкъ трудничковъ-работничковъ
На матушку на Сорогу на рѣку
Кунныхъ-то лисовъ повыловить,
5 Кунная рыба повыдавать.
А жилъ-то Чурилушка во Кіевцѣ,
А жилъ онъ на матушкѣ на Сорогѣ на рѣкѣ
Со своею со дружиною хороброю.
Какъ выходитъ Владиміръ на широкъ дворъ,
10 На заднее перёное крылечико
И зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое,
Ко матушкѣ ко Сорогѣ ко рѣкѣ.
Какъ отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки
Идетъ съ поля толпа—сто молодцевъ:
15 Булавамъ-то головы переломаны,
Кушакамъ-то буйны завязаны;
Идутъ-то оны въ Кіевъ градъ на княжій дворъ,
И ко князю жалобу кладутъ:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
20 « Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,
« На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ,

« Со своею со дружиною хороброю:
« Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
« Кунную рыбу повыдавалъ;
25 « А тебѣ, государю, добычи нѣтъ,
« А намъ отъ тебя жалованья нѣтъ. »
И та толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ,
Идетъ толпа—двѣсти молодцевъ:
30 Булавамъ-то головы переломаны,
Кушакамъ-то буйныя завязаны;
Идутъ-то оны на княжій дворъ
И ко князю жалобу кладутъ:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
35 « Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,
« На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ
« Со своею со дружиною хороброю:
« Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
« Кунную рыбу повыдавалъ;
40 « А тебѣ, государю, добычи нѣтъ,
« А намъ отъ тебя жалованья нѣтъ. »
И та толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ,
Идетъ толпа—триста молодцевъ:
45 Булавамъ-то головы переломаны,
Кушакамъ-то буйныя завязаны;
Идутъ-то оны на княжій дворъ
И ко князю жалобу кладутъ:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
50 « Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,
« На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ
« Со своею со дружиною хороброю:
« Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
« Кунную рыбу повыдавалъ;
55 « А тебѣ, государю, добычи нѣтъ,
« А намъ отъ тебя жалованья нѣтъ. »
Тутъ-то солнышко ладился [1]),

Поскорѣй Владиміръ кольчужился,
И бралъ онъ любимаго подручника,
60 Стараго казака Илью Муромца,
Бралъ и княгиню Опраксію,
И поѣхалъ къ Чурилушкѣ во Кіевецъ.
И будутъ у Чурилы на широкомъ на дворѣ,
И выходитъ Пленчище Сорожанинъ,
65 Встрѣчаетъ князя Владиміра,
Во сѣни ведетъ во рѣшатчатыя,
Во другія ведетъ частоберчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя
И въ теремы ведетъ златоверхіе.
70 И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце,—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори,—и въ теремѣ зори:
75 Все въ терему по-небесному.
И садился подъ окошечко косявчетое,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ далеча-далеча чиста поля,
Отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки
80 Идетъ съ поля толпа—сто молодцевъ:
Кони подъ нима одношерстные,
Узды на нихъ одномѣдныя,
Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна,
Источенкамы [1]) подпоясанные,
85 Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьянъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты востры,
Около нóсовъ-носòвъ яицомъ покати,
Подъ пяту-пяту воробышко летитъ,
Воробышко летитъ, перепурхиваетъ.
90 Та толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ
Отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки,

---

[1]) Разноцвѣтные пояса струйчатые.

Идетъ толпа—двѣсти молодцевъ.
Эта толпа на дворъ не пришла,
95 А новая толпа съ поля чистаго идетъ,
Идетъ толпа—триста молодцевъ,
Одинъ молодецъ получше всѣхъ:
Волосинки—золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ,
100 А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя;
Съ коня на конь перескакиваетъ,
У молодцевъ шапочки подхватываетъ,
105 На головушки шапочки покладываетъ.
Возговоритъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, Пленчище Сорожанинъ!
« Не твое ли это дитятко любимое,
« Младой Чурилушка Пленковичъ? »
110 Возговоритъ Пленчище Сорожанинъ:
— Тутъ-то мой любимый сынишка Чурилченка.—
И выходитъ Пленчище Сорожанинъ
На заднее переное крылечико,
Возговоритъ Пленчище таковы слова:
115 — Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
— Есть у тебя любимый гость,
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Чимъ будешь гостя почтивати,
— Чимъ гостя будешь жаловати?—
120 Бралъ ли Чурила золоты ключи,
И шелъ-то Чурила въ кованы ларцы,
И бралъ-то шубу соболиную
Подъ дорогимъ подъ самитомъ [1]) заморскіимъ,
А дорога-то соболя заморскаго,
125 Ушистаго соболя, пушистаго,—
Подарить князя-то Владиміра;
И бралъ-то камочку хрущатую,

[1]) Самитъ—аксамитъ.

Дарить-то княгину Опраксію;
И бралъ золотой казны смѣты нѣтъ,
130 Дарить-то князей-бояръ.
И принимаетъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Ту ли шубу соболиную,
Принимаетъ, самъ приговариваетъ:
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
135 « Не довлѣетъ ти, Чурилы, жить во Кіевцѣ,
« А довлѣетъ жить ти во Кіевѣ,
« У князя Владиміра въ курятникахъ.»
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
140 И живетъ-то Чурила во Кіевѣ
У князя у Владиміра въ курятникахъ.
И возговоритъ княгиня Опраксія:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
— Положи-тко Чурилу въ постельнички,
145 — Чтобы стлалъ онъ перину пуховую,
— И кладалъ бы зголовьице высокое,
— И сидѣлъ бы у зголовьица высокаго,
— Игралъ бы въ гуселышки яровчаты
— И спотѣшалъ бы князя Владиміра.—
150 И возговоритъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
« Не довлѣетъ ти жить въ курятникахъ,
« А довлѣетъ жить ти въ постельничкахъ,
« Стлать-то перина пуховая,
155 « Кладывать зголовьице высокое,
« И сидѣть у зголовьица высокаго,
« Играть въ гуселышки яровчаты,
« Спотѣшать князя Владиміра.»
Кто отъ бѣды откупается,
160 А Чурила на бѣду накупается.
И живетъ-то Чурила въ постельникахъ,
Стелетъ перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,

165 Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгину Опраксію больше того [1]).
Тутъ возговоритъ Владиміръ таковы слова:
« Не довлѣетъ ти, Чурила, жить въ постельничкахъ.
170 « А довлѣетъ ти жить въ позовщичкахъ,
« Ходить-то по городу по Кіеву,
« Звать князей-бояръ на почестенъ пиръ.»
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
175 Того дѣла Чурилушка не пятится:
И пошелъ-то Чурила Пленковичъ
Звать князей-бояръ на почестенъ пиръ.
Половина Чурилушку отказываетъ,
А другая Чурилушку приказываетъ.
180 Жить-то Чурилы Господь повелѣлъ:
Какъ стары старухи костыли грызутъ,
А молоды молодицы мошны дерутъ,
А красныя дѣвки въ голенища с....,
Все глядючись на млада Чурилу Пленковича.
185 Идетъ-то Чурила въ суконный рядъ
Къ старому Бермяту Васильевичу
Звать его на почестенъ пиръ:

---

[1]) Приведу здѣсь отрывки изъ побывальщины о Чурилѣ, слышанные мною въ старухи въ Бережнодубровскомъ погостѣ:

Молодой Чурила Опленковичъ живетъ на Почай рѣкѣ, у креста Леванидова: есть у него семь теремовъ—златы верхи, вокругъ теремовъ тынъ, выложенъ мѣдью яровицкою; посередъ тына ворота рѣшатчаты, въ воротахъ одворотенки серебрены. Ко Чурилѣ заѣзжаетъ князь Владиміръ со княгиною Опраксою. И вотъ ѣдетъ съ Почай рѣки дружина Чурилина: кони были темно-караковые, а сѣдла были Латынскія, сапожки на молодцахъ сафьянные, шапочки на нихъ—золоты верхи. Заѣхали молодцы во дворъ и потерялися. А съ Почай рѣки ѣдетъ другая дружина сто молодцевъ. Впереди всѣхъ скачетъ молодецъ краше всѣхъ: на копье обопрется, на шестую лошадь на ходу перескакиваетъ. Сталъ тутъ Владиміръ князь поерзывать. Когда Чурила завелъ у князя почестный пиръ и даритъ его дарами великими, пожаловалъ его князь въ постельники. И стилалъ Чурила постели мягкія, складалъ крутое головьице, потѣшалъ князя игрою на гуселкахъ, а княгиня Чурилу у души держала. Это князю не слюбилося: „Пришла ты, княгиня, мнѣ въ любовь, и я бы въ этой вины прощу, а то бы тебѣ головка сѣчи.“

« Ай же ты, Бермята Васильевичъ!
« Поди-ка, сударь, на почестенъ пиръ,
190 « Ко князю поди ко Владиміру.»
Скажетъ Бермята сударь Васильевичъ:
— Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
— Поди-ка въ мои палаты бѣлокаменны,
— Зови-ка Катерину Микуличну,
195 — Любимую мою семеюшку.—
Какъ идетъ-то Чурила Пленковичъ
Ко тымъ палатамъ ко Бермятинымъ,
А выглядываетъ Катерина Микулична:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
200 — У меня ставленые столики—не обраные,
— А ставленыя питьица—не выпитыя,
— А сряженыя ѣства—не съѣденыя:
— Все ждала Чурилушку Пленковича.—
Возговоритъ дѣвица Чернява колачница:
205 « Не ходь-ка ты, Чурила Пленковичъ,
« Во ты палаты во Бермятины,
« Не зови Катерину Микуличну.»
Выскочила Катерина на широкій дворъ,
Брала эту дѣвицу Черняву колачницу,
210 Съ косой берды [1]) да о сыру землю,
И пролила кровь-то горючую,
Горючую кровь напрасную.
И брала Чурилушку Пленковича,
Вела въ терема златоверхіе,
215 Сама говорила таковы слова:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со мной, съ Катериной, забавиться?—
Кто отъ бѣды откупается,
220 А Чурила на бѣду накупается.
Онъ шапочку на стопочку,
Однорядочку на грядочку,

---

[1]) Берда—бедро.

Соболино одѣялышко въ ноги пихнулъ,
И зачалъ съ Катериною тѣшиться.
225 Какъ ко тыму крылечку Бермятину
Бѣжитъ-то Бермята сынъ Васильевичъ
И бьетъ въ блесту позолоченую:
« Ай же ты, Катерина Микулична,
« Отвори-тко воротцы рѣшатчаты!»
230 Какъ побѣжала Катерина Микулична
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса:
У ней тонка рубашечка къ тѣлу льнетъ,
А у Катерины вода черезъ чеботы идетъ.
Возговоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
235 « Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
« А экъ ли зовутъ на почестенъ пиръ?»

169.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Передъ былиной старикъ разсказалъ, что у Буслава долго было дѣтей. Стоснулся Буславъ, садился на бѣлъ-горючъ мень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру млю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему бимое дѣтище. Объявилась ему бабища матерая и говорила ковы слова: «Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичъ! не могъ ты дорпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-къ Авдотьѣ Васильевны, бери за груди за бѣлыя, ..., зарывай. Понесетъ она дѣтище любимое, сильнаго могучаго гатыря.»

Жилъ Буславьюшка—не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
5 Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Сталъ Васинька на улочку похаживать,

Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ, рука прочь,
За ногу возьметъ, нога прочь;
10 А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики Новгородскіе:
« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
« Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
15 « Наквасити рѣка будетъ Волхова.»
Идетъ Василій въ широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
20 — Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо рожоное,
— Молодой Васильюшка Буславьевичъ!
— Что идешь не веселъ, не радошенъ?
— Кто же ти на улушкѣ пріобидѣлъ?
25 «А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.
«Я кого возьму за руку, рука прочь,
«За ногу кого возьму, нога прочь,
«А котораго ударю по горбу,
«Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
30 «А говорили мужики Новгородскіе,
«Что мнѣ съ эстою удачей молодецкою
«Наквасити рѣка будетъ Волхова.»
И говоритъ мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
35 — Прибирай-ка собѣ дружину хоробрую,
— Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.—
И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра,
Становилъ чашу середи двора
40 И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
«Кто эту чашу приметъ одной рукой
«И выпьетъ эту чашу за единый духъ,
«Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!»

И садился на ременчатъ стулъ,
45 Писалъ скорописчатые ярлыки;
Въ ярлыкахъ Васинька прописывалъ:
«Зоветъ-жалуетъ на почестепъ пиръ»;
Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
50 И пошли мужики Новогородскіе
Изъ тоя изъ церквы изъ соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Господа стали стрѣлочки просматривать:
«Зоветъ-жалуетъ Василій на почестенъ пиръ.»
55 И собиралися мужики Новогородскіе уваламы,
Уваламы собиралися, переваламы,
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
60 «Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
«Мы теперь стали на твоемъ дворѣ,
«Всю мы у тя ѣству выѣдимъ
«И всѣ напиточки у тя выпьемъ,
«Цвѣтно платьице повыносимъ,
65 «Красно золото повытащимъ.»
Этыя рѣчи ему не слюбилися.
Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ
И зачалъ Василій по̀ двору похаживати,
70 И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куды махнетъ, туды улочка,
Перемахнетъ, переулочекъ:
И лежатъ-то мужики уваламы,
Уваламы лежатъ, переваламы,
75 Набило мужиковъ какъ погодою.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало [1]) тотъ идетъ, мало новòй [2]) идетъ
Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.

---

[1]) Мало—вскорѣ.
[2]) Новòй—другой.

детъ-то Костя Новоторжанинъ
80 Ко той ко чары зелена вина,
И бралъ-то чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
85 Какъ ударилъ Костю-то по горбу:
Стоитъ-то Костя—не крянется [1]),
На буйной головы кудри не ворохнутся [2]).
«Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
«Будь моя дружина хоробрая,
90 «Поди въ мои палаты бѣлокаменны.»
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Потанюшка Хроменькій
Ко Василью на широкій дворъ
Ко той ко чары зелена вина.
95 Бралъ тое чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вазъ,
Ударитъ Потанюшку по хромымъ погамъ:
100 Стоитъ Потанюшка—не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай же, Потанюшка Хроменькій!
«Будь моя дружина хоробра,
«Поди въ мои палаты бѣлокаменны.»
105 Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Хомушка Горбатенькій
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ-то чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
110 Того и бить не шелъ со новыхъ сѣней:

---

[1]) Не тронется.

[2]) Здѣсь иногда прибавляется:
Самъ говоритъ таковы слова:
— Быдто матушка по головкѣ подрочиваетъ,
— Быдто матушка по головкѣ поглаживаетъ.—

«Ступай-ка въ палаты бѣлокаменны
«Пить намъ напитки сладкіе,
«Ѣства-то ѣсть сахарнія,
«А бояться намъ въ Новѣ-градѣ некого!»
И прибралъ Василій три дружины въ Новѣ-градѣ.
И завелся у князя Новогородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На сильныхъ могучіихъ богатырей,
А молодца Василья не почествовали.
Говоритъ матери таковы слова:
« Ай же ты, государыня матушка,
« Честна вдова Авдотья Васильевна!
« Я пойду къ князьямъ на почестенъ пиръ.»
Возговоритъ Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо рожоное!
— Званому гостю мѣсто есть,
— А незваному гостю мѣста нѣтъ.—
Онъ Василій матери не слушался,
А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую.
Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ [1]),
И тронулся на лавочку къ пестнò-углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно-углу;
И тронулся на лавочку къ вернò-углу,
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.

---

[1]) *Большой уголъ* или *большо-уголъ*—гдѣ поставлены иконы; *вернò-уголъ* — иже къ дверямъ; *печнò-уголъ* или *пестный уголъ*—противъ устья печки.

145 Другіе гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своей дружиною хороброю.
Опять всѣ на пиръ собиралися,
150 Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Возговорилъ Костя Новоторжанинъ:
— А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати:
155 — Я остался отъ батюшки малешенекъ,
— Малешенекъ остался и зеленешенекъ.
— Развѣ тымъ, мнѣ Костѣ, похвастати:
— Ударить съ вами о великъ закладъ
— О буйной головы на весь на Новгородъ,
160 — Окромѣ трехъ монастырей—
— Спаса Преображенія,
— Матушки Пресвятой Богородицы,
— Да еще монастыря Смоленскаго.—
Ударили они о великъ закладъ,
165 И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
« Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ;
« Хоть свалятъ Василья до мосту,
170 « Вести на казень на смертную,
« Отрубить ему буйна голова;
« Хоть свалятъ Василья у моста,
« Вести на казень на смертную,
« Отрубить ему буйна голова;
175 « Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
« Вести на казень на смертную,
« Отрубить ему буйна голова.
« А ужъ какъ пройдетъ третью заставу,
« Тожно больше дѣлать нечего.»
180 И пошелъ Василій со пира домой,
Невеселъ идетъ домой, не радошенъ,

И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
185 — Милое чадо рожоное!
— Что идешь невеселъ, не радошенъ?—
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
« Я ударилъ съ мужикамы о великъ закладъ—
« Итти съ утра на Волховъ мостъ:
190 « Хоть свалятъ меня до моста,
« Хоть свалятъ меня у моста,
« Хоть свалятъ меня посередъ моста,
« Вести меня на казнь на смертную,
« Отрубить мнѣ буйна голова.
195 « А ужъ какъ пройду третью заставу,
« Тожно больше дѣлать нечего.»
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
200 Тымъ ли вязомъ черленыимъ.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ даровья князю Новогородскому,
205 Чтобы простилъ сына любимаго.
Говоритъ князь Новогородскій:
« Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
210 Разсѣяла красно золото и чисто серебро
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
— Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ,
— А дорога мнѣ буйная головушка
215 — Своего сына любимаго,
— Молода Васильюшка Буслаева.—
И спитъ Василій, не пробудится.

Какъ собирались мужики уваламы,
Уваламы собирались, переваламы,
220 Съ тыма шалыгамы подорожныма,
Кричатъ оны во всю голову:
« Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
« Рушай-ка завѣты великіе!»
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
225 Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ силы до пяти сотъ.
На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій
230 И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьица на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
235 Убило силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти сотъ.
И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
240 Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буслаевьевичъ!
— Ты спишь, Василій, не пробудишься,
— А твоя-то дружина хоробрая
— Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ.—
245 Со сна Василій пробуждается,
А самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, любезная моя служаночка!
« Отопри-ка дверцы желѣзныя.»
Какъ отперла ему двери желѣзныя,
250 Хваталъ Василій свой черленый вязъ
И пришелъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
«Поди-тко теперь опочивъ держать,

255 « А я теперь стану съ ребятамы поигрывать.»
И зачалъ Василій по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.
260 И лежатъ-то мужики уваламы,
Уваламы лежатъ, переваламы,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И встрѣту идетъ крестовый братъ,
Во рукахъ несетъ шалыгу девяноста пудъ,
265 А самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко,
— Молодой курень, не попархивай,
— На своего крестоваго брата не наскакивай!
— Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
270 — Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
— И нынь-то я надъ тобой буду большій братъ.—
Говоритъ Василій таковы слова:
« Ай же ты, мой крестовый брателко!
« Тебя ли чортъ несетъ на встрѣту мнѣ?
275 « А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
« Головамы, братецъ, играемся.»
И ладитъ крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой,
280 И билъ-то брателка лѣвой рукой,
И пиналъ-то онъ лѣвой ногой,
Давно у брата и души нѣтъ;
И самъ говорилъ таковы слова:
« Нѣтъ на друга на стараго,
285 « На того ли на брата крестоваго:
« Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ.»
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгою.
И на встрѣту Васильюшку Буслаеву
Идетъ крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
290 На буйной головы колоколъ пудовъ во тысячу,
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.

Говоритъ Старичище Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
— Молодой курень, не попархивай,
295 — На своего крестоваго батюшка не наскакивай!—
И возговоритъ Василій Буславьевичъ:
« Ай же ты, мой крестовый батюшка!
« Тебя ли чортъ несетъ во той поры
« На своего на любимаго крестничка?
300 « А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется.
«Головамы, батюшка, играемся.»
И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшка въ буйну голову,
Такъ разсыпался колоколъ на ножевыя черенья:
305 Стоитъ крестный—не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснулъ-то крестнаго батюшка
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
310 И выскочили ясны очи, какъ пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на домы на каменные.
И вышла мать Пресвятая Богородица
Съ того монастыря Смоленскаго:
« Ай же ты, Авдотья Васильевна!
315 « Закличь своего чада милаго,
« Милаго чада рожонаго,
« Молода Васильюшка Буслаева:
« Хоть бы оставилъ народу на сѣмена.»
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
320 Закликала своего чада милаго.

XXVII.

А. САВИНОВЪ.

Анфимъ Савиновъ, крестьянинъ дер. Раниной Горы, Филипмоновской волости, Пудожскаго уѣзда. Отъ него записано четыре былины, очевидно, самимъ Рыбниковымъ, какъ можно вывести изъ нѣкоторыхъ примѣчаній собирателя къ текстамъ; всего вѣроятнѣе, это могло произойти лѣтомъ 1864 г. (см. нашу біографію при т. I, стр. XLII), потому никакихъ свѣдѣній о Савиновѣ не могло попасть въ «Замѣтку». Гильфердингъ отмѣчаетъ Савинова въ числѣ пяти сказителей, умершихъ до 1871 г. Параллелей къ его текстамъ, сколько-нибудь близкихъ «Онежскія Былины» не даютъ. На нѣкоторое своеобразіе текстовъ этого пѣвца указываетъ въ своей статьѣ редакторъ IV т. перваго изданія, О. Миллеръ. (Статья будетъ помѣщена нами въ III томѣ.)

170.

ИЛЬЯ и СОЛОВЕЙ.

Во городѣ было во Муромѣ,
Во томъ селѣ во Карачаровѣ,
Жилъ молодой Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
5 И ходилъ-то онъ къ заутрины воскресныя,
И стоялъ-то онъ заутрину воскресную,
И завѣчалъ-то завѣты крѣпкіе:
« Поспѣть къ обѣдни воскресныя во Кіевъ-градъ,
« Проѣхать дорожкою прямоѣждею.»
10 Какъ запала тутъ дорожка тридцать лѣтъ:
Никто той дорожкой не прохаживалъ
И никто той дорожкой не проѣждивалъ.
Да еще-то завѣчалъ другой завѣтъ:
« Проѣхать дорожкой прямоѣждею,

15 « Не марать-то сабли вострыя
« Въ кровь поганую татарскую.»
Еще-то въ третій разъ завѣчалъ завѣтъ:
« Проѣхать дорожкой прямоѣждею,
« Не стрѣлять-то стрѣлочки каленыя.»
20 Отстоялъ онъ раннюю заутрину воскресную,
Выходилъ со церкви соборныя,
Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то своимъ слугамъ вѣрнымъ:
« Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня,
25 « Добра коня бурушка неѣждянаго;
« Кладите войлочки косивчаты,
« На войлочки кладите ковано сѣделышко черкацкое,
« Подпругъ кладите до двѣнадцати,
« И подпруги кладите шелковыя,
30 « А стрѣмены кладите булатнія,
« Того ли булата заморскаго,
« Что мѣдь не трется и булатъ не гнется,
« Не для-ради красы-басы,
« А для ради укрѣпы богатырскія.»
35 Садился Илья на добра коня,
Палицу воинскую въ тороки вязалъ,
Саблю вострую на берлукъ кладалъ,
А стрѣлочку каленую на колсанъ кладалъ.
Столько видѣли удалаго сѣдевши,
40 А не видѣли удалаго поѣхавши.
Пошелъ-то его добрый конь въ полтравы,
Въ полтравы и поверхъ воды,
И повыше деревца стоячаго
И повыше облачка ходячаго,
45 Рѣки-озера между ногъ пущалъ.
И лучилось Ильѣ бывать на тѣхъ лугахъ на царскіихъ.
Облелѣяла [1]) кровь поганая татарская:
Черну ворону въ три году въкругъ не облетѣть,
Сѣру волку въ три году не обскакать.

---

[1]) Облелѣяла—облила.

50 Зговорилъ Илья таковы слова:
« Всякъ человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ,
« А не всякой завѣтъ справляетъ.»
Скакалъ Илья со добра коня,
Захватывалъ сыро-матеръ дубъ съ кореньями,
55 Началъ дубомъ помахивать:
Куда махнетъ,—туда улица,
Перемахнетъ,—переулочекъ.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Прибилъ-то онъ поганыхъ Татаръ до единаго,
60 Добрый конь скачетъ въ руды до брюха.
Садился тутъ Илья на добра коня.
Случилось быть въ городѣ во Турговѣ,
Въ томъ селѣ во Орѣховѣ.
Увидали его мужики Турговцы,
65 Выходили они со Божьихъ церквей,
Выносили ключи на томъ блюдѣ на золотѣ.
« Скажись-ко ты, удалый добрый молодецъ!
« Ты коей земли, коей орды,
« Какъ тебя именѐмъ зовутъ
70 « И какъ величаютъ по отечеству? »
— Я изъ славнаго изъ города изъ Мурома,
— Изъ того села изъ Карачарова,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ. —
« Возьми-тко золоты ключи,
75 « Будь-ко ты у насъ воеводою,
« Береги насъ отъ поганыхъ отъ Татаровей. »
И говоритъ имъ Илья Муромецъ:
— Не умѣю быть воеводою.
— Покажите дорогу прямоѣздю́ю въ Кіевъ-градъ. —
80 Говорятъ мужиченочки Турговцы:
« Запала тутъ дорожка тридцать лѣтъ:
« Никто по той дорожкѣ не прохаживалъ,
« И никто по той дорожкѣ не проѣздивалъ.
« Есть тамъ три заставы великія:
85 « Перва застава—грязь топуча, корба зыбуча;
« А другая застава великая—

« У той у славной рѣки у Смородиной,
« У тоя березы у покляныя
« Есть гнѣздо на трехъ дубахъ,
90 « Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
« Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго;
« Третья застава великая—
« У Соловья домъ стоитъ на семи дубахъ,
« На семи дубахъ и на семи верстахъ;
95 « Есть у Соловья семь сыновъ,
« Восьма дочь Настасья Соловьевична,
« Не пропустятъ они ни коннаго, ни пѣшаго. »
Говорили тутъ мужичонки Турговцы:
« Возьми-тко, Илья, золоты ключи
100 « И живи у насъ воеводою. »
— Не умѣю быть воеводою.
— А покажите мнѣ-ка дорожку прямоѣждюю. —
И показали дорожку прямоѣждюю.
Садился Илья на добра коня.
105 Столько видѣли молодца сядучи,
А не видѣли удалаго поѣдучи.
Онъ поѣздъ держалъ во далече во чисто поле.
Случилось Ильѣ быть у той грязи топучія,
У тоя ли у корбы зыбучія,
110 Тутъ скакалъ Илья со добра коня,
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубья рветъ,
Моститъ мосты все дубовые.
И замостилъ мосты все дубовые,
115 Садился Илья на добра коня.
Лучилось Ильѣ быть у той рѣки у Смородины,
У того гнѣзда у Соловьинаго.
Закрычалъ Соловей разбойникъ зынчнымъ голосомъ,
У Ильи добрый конь на колѣна палъ;
120 Онъ билъ коня плеточкой шелковоей по тучнымъ бедрамъ,
А самъ коню приговаривалъ:
— Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжій кормъ!
— Не бывалъ во далечѣ во чистомъ полѣ,

— Не слыхалъ ты богатырскаго покрыку,
125 — Не слыхалъ молодецкаго посвисту? —
Опущался Илья со добра коня,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Всякой человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ,
— А не всякой человѣкъ завѣтъ справляетъ. —
130 Онъ натягивалъ свой тугій лукъ,
Каленой стрѣлы приговаривалъ:
— Не пади-ко ты ни на воду, ни на землю,
— А пади Соловью разбойнику во правый глазъ
— И выходи во лѣво ухо,
135 — Оброни-ко Соловья разбойника о сыру-землю,
— Пролей-ко кровь по сыру дубу. —
Не пала стрѣла ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
И выходила во лѣво ухо,
140 Обронила Соловья разбойника о сыру землю.
Садился тутъ Илья на добра коня,
Подъѣждялъ къ Соловью разбойнику,
И говорилъ Соловей таковы слова:
« Скажись-ко ты, удалый добрый молодецъ,
145 « Ты коей земли и коей орды,
« Какъ тебя именемъ зовутъ
« И какъ величаютъ по отечеству? »
Говорилъ Илья таковы слова:
— Родомъ я изъ города изъ Мурома,
150 — Изъ того села изъ Карачарова,
— Именемъ зовутъ Илья Муромецъ,
— А кто пожалуетъ, Илья Ивановичъ.—
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
155 « Не предай-ко смерти скорыя. »
Взималъ Илья Соловья на бѣлы руки,
Привязывалъ тетивочкой шелковою
Ко той ко стремены булатнія.
Садился тутъ Илья на добра коня.
160 Случилось быть у того у дома Соловьинаго.

И говорятъ меньши Соловьюноши:
— Ѣдетъ нашъ сударь-батюшко
— И везетъ мужика кована и вязана
— У той стремены булатніи. —
165 И поглядѣли больши Соловьюноши:
« То ѣдетъ не сударь-батюшко,
« А мужикъ везетъ батюшка кована и вязана.
« Вы взимайте-тко шалыги подорожныя
« И бейте мужика-деревенщину,
170 « Отымайте сударя-батюшка. »
Говоритъ-то ихъ батюшко:
-- Бросайте шалыги подорожныя,
— Не дразните удала добра молодца,
— А берите чаши великія
175 — И подите въ погреба во глубокіе;
— Насыпайте чашу чиста серебра,
— А другую чашу красна золота,
— Третью чашу скачнаго жемчуга:
— Дарите удала добра молодца,
180 — Не отдастъ ли родителя-батюшка?—
Говоритъ удалый добрый молодецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
« Мнѣ подарокъ ненадобно,
« И не отдамъ вашего батюшка. »
185 А тутъ Настасья Соловьевична
Взимала подворотню девяноста пудъ,
Ударила его, Илью Муромца, въ буйну голову
Той подворотней девяноста пудъ:
Только раздразнила удала добра молодца.
190 Тутъ скакалъ Илья со добра коня,
Пнулъ подъ гузно лѣвой ногой,—
Она изъ угла въ уголъ по двору начала перелетывать:
Нажила увѣчье вѣковѣчное.
И прибилъ онъ, не оставилъ ни единаго.
195 Садился онъ на добра коня,
Пріѣждяетъ онъ во Кіевъ-градъ
Ко солнышку ко князю ко Владиміру [на широкій дворъ]

И привязывалъ добра коня
Ко тому столбу точеному, колечку золоченому,
200 Самъ Соловью разбойнику наказываетъ:
« Стереги и береги моего добра коня. »
Самъ коню вдвос-втрое наказываетъ:
« Не упусти Соловья разбойника кована и вязана. »
Приходитъ Илья ко солнышку князю ко Владиміру,
205 Онъ крестъ кладетъ по-писаному,
Поклоны ведетъ по-ученому,
Кланялся на три-четыре стороны,
Солнышку князю Владиміру въ особину.
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:
210 — Скажись-ко ты, добрый молодецъ,
— Какой орды, какой земли, кой отчины,
— Какого отца и какой матери?
Говорилъ Илья таковы слова:
« Родомъ я есть изъ города изъ Мурома,
215 « Изъ того села Карачарова,
« Именемъ зовутъ Илья Муромецъ,
« По отечеству сынъ Ивановичъ.
« Какъ стоялъ-то я во городѣ въ Муромѣ,
« Во той во церкви во соборныя
220 « И завѣчалъ-то завѣты крѣпкіе:
« Выйти отъ заутрины воскресныя
« И поспѣть къ обѣдни воскресныя въ Кіевъ-градъ,
« Проѣхать той дорожкой прямоѣждею.
« И проѣхалъ я дорожкой прямоѣждею,
225 « А не поспѣлъ къ обѣдни воскресныя,
« Поспѣлъ къ обѣду государеву. »
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Пустымъ ты захвастываешь:
230 — Запала путь-дорожка тридцать лѣтъ.
— На той дорожкѣ есть заставы великія:
На первой заставѣ на лугахъ стоятъ поганые татаровья;
— А другая застава—грязь топуча, корба зыбуча;
— У той у славной рѣки у Смородиной,

235 — У тоя березы у покляпыя,
— Есть у Соловья гнѣздо на трехъ дубахъ;
— Еще застава великая—
— У Соловья разбойника домъ стоитъ на семи дубахъ,
— На семи дубахъ и на семи верстахъ;
240 — Естѐ у Соловья семь сыновъ
— И восьмая дочь Настасья Соловьевична.—
Говоритъ Илья таковы слова:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Проѣхалъ я дорожкою прямоѣждею:
245 « На тѣхъ лугахъ на царскіихъ
« Прибилъ татаровей поганыихъ,
« Не оставилъ ни единаго на сѣмена;
« Чрезъ тую грязь топучую
« Замостилъ мосточки все дубовые;
250 « У той рѣки у Смородиной
« Убилъ Соловья разбойника
« И дѣтей не оставилъ ни единаго.
« И привезъ я Соловья разбойника кована и вязана
« У той стремены булатнія. »
255 Тутъ выходилъ солнышко Владиміръ князь
Изъ-за того стола за дубоваго,
Выходилъ на широкъ дворъ,
Увидалъ коня у столба точенаго, у кольца золоченаго
И увидалъ Соловья разбойника кована и вязана
260 У той стремены у булатнія,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Закричи-ко ты зынчнымъ голосомъ.—
И говоритъ Соловей таковы слова:
« Не тебя, а у кого ѣмъ-пью, того и слушаю. »
265 Приходилъ со двора въ палаты бѣлокаменны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты захвастываешь?
270 — Заставь-ко ты Соловья разбойника
— Закричать зынчнымъ голосомъ, среднею прогласницею.—

Тутъ-то выходили на широкій дворъ,
И говоритъ Илья Муромецъ:
« Закричи-тко ты зычнымъ голосомъ, среднею прогласницею. »
275 — Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
— Отвяжи-тко ты меня отъ стремены булатнія
— И перевязывай мою головушку шелковымъ платкомъ,
— А перетягивай головушку тетивочкой шелковою.
— Налей-ко ты чару зелена вина,
280 — Мѣрою полтора ведра, а вѣсомъ полтора пуда,
— И подноси-тко Соловью разбойнику.—
Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Подносилъ ему чару зелена вина.
Какъ взимаетъ Соловей чару на бѣлы руки
285 И выпиваетъ на единъ духъ,
И закричалъ-то онъ зычнымъ голосомъ.
Солнышко Владиміръ князь на колѣнка палъ
Подъ лѣвую пазуху Ильѣ Муромцу.
Изъ того крику Соловьинаго
290 Во городѣ стеколышка съ окончинокъ посыпались,
И бабы поносныя разродились,
И кобылы [1]) .... жеребились.
Говоритъ Илья Муромецъ:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
295 « Привезъ тебѣ *Соловья* [2]) въ подарочкахъ,
« Въ подарочкахъ и въ гостинечкахъ. »
А зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
— Не надо Соловья въ подарочки,
— А возьми-тко, садись на добра коня,
300 — Взимай Соловья на бѣлы руки,
— Отвези во далече во чисто поле,
— Отруби ему тамъ буйну голову.—
Тутъ садился онъ на добра коня,
Отъѣждялъ онъ во далече во чисто поле,

---

[1]) Слѣдуетъ дополнить: *жеребыя*, или по-заонежски: *бережія*.

[2]) Поется съ удареніемъ на *Соловья*, т.-е.: Теперь ты самъ убѣдился, что я тебѣ Соловья привезъ, а не кого другого.

305 Отрубилъ Соловью буйну голову
И пріѣхалъ взадъ къ солнышку князю ко Владиміру.
И садилъ его за столы дубовые,
За ѣства за сахарныя,
За напитки за медвеные,
310 И кормилъ и поилъ досыта,
И дарилъ его подаркамы великима
За услугу за великую.

171.

СТАВЕРЪ.

Во стольномъ во-ѳ градѣ во Кіевѣ,
У солнышка у князя у Владиміра
Стольно было столованье, почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
5 На сильныхъ на русскихъ богатырей,
И на тыхъ поленицъ на удалыхъ.
Всѣ-то на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру пьяны-веселы сидятъ,
10 И всѣ на пиру порасхвастались.
Инный хвастаетъ золотой казной,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастаетъ шелковымъ портомъ.
Только молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ
15 Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ
И ничѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Зговорилъ ему солнышко Владиміръ князь:
« Ай же ты, молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ!
« Что же ты не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
20 « Да ничѣмъ ты, Ставёръ, не хвастаешь? »
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
— Не чѣмъ мнѣ похвастать-то.

— Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной.
— Много у Ставра есть золотой казны:
25 — Золотая-то казна вѣдь не тощится.
— Это мнѣ, Ставру, и хвасть—не хвасть.
— Много у Ставра есть добрыхъ коней:
— Только добрые-то кони не ѣздятся.
— Такъ и то Ставру, мнѣ хвасть—не хвасть.
30 — Похвастать—не похвастать мнѣ-ка цвѣтнымъ платьемъ.
— Много у Ставра есть платья цвѣтнаго:
— Только цвѣтное-то платье не дёржится.
— И то Ставру, мнѣ-ка хвасть—не хвасть.
— Похвастать—не похвастать мнѣ молодой женой:
35 — Естѐ у Ставра молодая-то жена,
— Млада Василиста Микулична,
— Всѣхъ князей-бояръ продастъ и выкупитъ,
— И самого князя Владиміра обманетъ и проведетъ.—
И за тую рѣчь неумильную,
40 Да за тую хвасть неудальную
Столько взяли-то Ставра сына Годиновича
И посадили Ставра во темницы во темныя
Да во ты во погребы глубокіе.
Столько пала туда вѣсточка нерадостная
45 Къ молодой его жены Василисты Микуличной:
« Взяли де Ставра да посадили Ставра
« Во темницы во темныя, во погребы глубокіе. »
Тутъ-то млада Василиста Микулична
Садилась она на ременчатъ стулъ,
50 И начала она дума думати:
« Столько какъ Ставра да буде выкупить,
« Столько какъ Ставра да буде выручить?
« Столько много у Ставра золотой казны,
« И золотой-то казной буде Ставра не выкупить,
55 « И золотой-то казной буде не выручить.
« Буде выкупить Ставра да буде выручить
« Своима догадками женскима. »
И взимала она ножницы булатнія,
И рубила свои волосы по-мужичьему,

60 И сокрутилась во цвѣтно платье во мужичьее,
И назвалась она грознымъ посломъ Васильюшкомъ.
Приходитъ грозный посолъ Васильюшко на почестенъ пиръ
Къ солнышку ко князю Владиміру,
Крёстъ кладетъ по-писаному,
65 Поклонъ ведетъ по-ученому,
И кланялся на всѣ четыре стороны,
А солнышку князю Владиміру въ особину.
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Отдай-ко ты любезную племянничку
70 « За грознаго посла за Васильюшка. »
И хочетъ отдать солнышко Владиміръ князь
Любезную племянничку за Васильюшка,
И выходитъ любезная племянничка
Ко своему-то дядюшкѣ князю Владиміру:
75 — Да что-то у дядюшки затѣяно,
— Да что-то у дядюшки завѐдено!
— Столько отдаваетъ онъ дѣвчину за женщину:
— И у его-ль у грознаго посла у Васильюшка
— Ж... крутенька, и походка частенька,
80 — И грудь высока, и рѣчь у него по-женскому.—
Потомъ говоритъ солнышко Владиміръ князь:
« Ай же ты, грозный посолъ Васильюшко!
« Бери-тко ты тугій лукъ,
« И кладывай-ко ты калену стрѣлу,
85 « И поди-тко во чисто поле
« Съ моима стрѣльцами, съ удалыми молодцами;
« И стрѣляй-ко ты стрѣлочки каленыя
« Во то остріе во ножечное,
« И коли-тко пополамъ стрѣлочку каленую:
90 « Тошто отдамъ племянницу любезную. »
Тутъ-то грозенъ посолъ Васильюшко
Натягивалъ онъ тугій лукѣ,
Кладалъ стрѣлочку каленую
И стрѣлялъ во то остріе во ножечное.
95 И попадала его стрѣлочка каленая
Во то остріе во ножечное,

И пополамъ стрѣлочка кололася.
И приходятъ они съ поля чистаго
Ко солнышку ко князю ко Владиміру:
100 « Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Натягивалъ я тугій лукъ,
« И кладывалъ я стрѣлочку каленую,
« Попадалъ въ остріе во ножечное,
« И кололъ пополамъ стрѣлочку каленую:
105 « Отдай-то теперь свою племянничку
« За грознаго посла за Васильюшка. »
И хочетъ отдать солнышко Владиміръ князь
Свою любезную племянничку
За грознаго посла за Васильюшка.
110 И выходитъ любезная племянничка:
— Да что-то опять у дядюшки затѣяно,
— Да не что-то у дядюшки заведено!
— Выдаваетъ онъ дѣвчину за женщину:
— Ж... крутенька, и походка частенька,
115 — И грудь высока, и рѣчь у него по-женскому.
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
« Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшко!
« Не угодно-ль тебѣ сходить со мной
« Во теплу во парну во баенку съ дороги попариться? »
120 И говоритъ ту грозный посолъ Васильюшко:
— Хорошо бы, солнышко Владиміръ князь,
— Во теплой во баенкѣ попариться.—
И пошли они со солнышкомъ со княземъ со Владиміромъ
Во теплу во баенку попариться.
125 Тутъ-то грозный посолъ Васильюшко
Попарился, да поуправился и ладился.
И говоритъ ему солнышко Владиміръ князь:
« Что же ты, грозный посолъ Васильюшко,
« Скоро поупарился и поуправился? »
130 И говоритъ грозенъ посолъ Васильюшко:
— Столько все-то у насъ по-посольному,
— Столько все-то у насъ да по-дорожному:
— То я скоро поупарился, то я скоро поуправился.—

И пошли они съ парной баенки,
И приходятъ въ палаты грановитыя.
И говоритъ ту опять грозенъ посолъ Васильюшко:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Отдай-ко свою племянничку
« За грознаго посла за Васильюшка. »
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
— Поди-тко ты на широкій дворъ,
— И дамъ я ти сильныхъ русскихъ богатырей,
— И буде мошь [1]) побороть могучихъ богатырей,
— То отдамъ за тебя любезную племянничку.—
И тутъ шли они на широкій дворъ боротися.
Сталъ-то грозный посолъ Васильюшко боротися:
И сталъ-то борцовъ покидывать,
И сталъ-то борцовъ побрасывать
По тому двору по широкому,
И поборолъ ихъ всѣхъ до единаго.
Приходить ко солнышку князю ко Владиміру:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Не съ кѣмъ мнѣ болѣ поборотися:
« Отдай-ко любезную племянничку
« За грознаго посла за Васильюшка. »
И пошелъ у нихъ почестенъ пиръ.
И тутъ да на честномъ пиру
Стали играть въ гуселышка яровчаты,
Спотѣшать князя со княгинею.
И говоритъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшко:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Нѣту игроковъ вѣдь хорошіихъ на честномъ пиру.
« Какъ у васъ во стольномъ во Кіевѣ
« Есть молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ;
« Онъ мастеръ-то играть въ гуселышка яровчаты:
« Нѣтъ такого игрока нигдѣ и не водится.
« Прикажи-тко ты Ставра да на почестенъ пиръ

[1]) Мошь вм. можешь, какъ хошь вм. хочешь.

« Поиграть-то въ гуселышка яровчаты,
« Воспотѣшать-то князя со княгинею. »
Говорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
— Ты, грозный посолъ Васильюшко!
— Посаженъ-то Ставеръ во темницы во темныя,
— Во темницы во темныя, во погребы глубокіе,
— За ту его рѣчь неумильную,
— За ту его хвасть неудальную:
— Похвасталъ онъ, Ставръ, молодой женой,
— Только младой Василистой Микуличной,
— « Что естѐ у Ставра молодая-то жена,
— « Млада Василиста Микулична,
— « Всѣхъ князей-бояръ продастъ и выкупитъ,
— « Солнышко-князя-государя обманетъ и прóведетъ. »
— Такъ за то-то посаженъ молодой Ставеръ
— Во темницы во темныя, во погребы глубокіе.—
И тутъ-то говорилъ грозный посолъ Васильюшко:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Выпусти Ставра на почестенъ пиръ:
« Столько некому играть на честномъ пиру
« Да воспотѣшить насъ на томъ на честномъ пиру. »
Приказалъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Приказалъ Ставра его выпустить
На тотъ ли на почестенъ пиръ.
Пришелъ молодой Ставеръ на почестенъ пиръ,
Садился на скамейку на дубовую,
Только сталъ играть въ гуселышка яровчаты
И спотѣшать ли князя со княгинею.
Только говоритъ тутъ грозный посолъ Васильюшко:
« Садись-ко ты, Ставеръ, за дубовый столъ. »
Садился тутъ Ставеръ за дубовый столъ.
И говоритъ тутъ грозный посолъ Васильюшко:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Дай-ко мнѣ Ставра
« Сводить въ чисто поле до своего бѣла шатра. »
И спустилъ Ставра солнышко Владиміръ князь.
И пошли они во бѣлой шатеръ.

« Ай же ты, молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Станемъ-ко съ тобой въ свайку играть.
« Какъ мы прежде съ тобой въ свайку игрывали
« И въ кольцо попадывали:
210 « У тебя есть свайка серебряная,
« У меня есть кольцо позолоченое. »
— Да я съ тобой въ свайку не игрывалъ,
— Да я въ кольцо не попадывалъ.—
Тутъ грозенъ посолъ Васильюшко
215 Вздымалъ свои платья по самый пупъ:
И вотъ молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ
Призналъ кольцо позолоченое.
Тутъ грозенъ посолъ Васильюшко
Скидываетъ свои платья мужичія,
220 Надѣвался во платья во цвѣтныя,
Во тыя ли платья во женскія.
Взимала она Ставра за бѣлы руки,
Приводила Ставра на почестенъ пиръ.
Глядитъ солнышко Владиміръ князь,
225 Что пришелъ не грозный посолъ Васильюшко,
Пришла млада Василиста Микулична.
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
« Ай же ты, молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Умѣлъ-то ты похвастать молодой женой:
230 « Молода твоя жена Василиста Микулична
Обманула она солнышка князя Владиміра,
« Обманула и пробвела.
« Да за то тебя Богъ проститъ
« Съ младой Василистой Микуличной! »
235 И пошли они во свои покои во высокіе,
И стали жить по старому, по прежнему.

172.

ДЮКЪ.

Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Ай же, свѣтъ-государыня матушка!
« По всѣмъ землямъ было хожено
« И по всѣмъ землямъ было ѣждяно,
5 « Во стольномъ городѣ не бывано,
« Солнышка Владиміра князя не видано.
« Поѣду я во стольный Кіевъ-градъ
« Ко солнышку ко князю Владиміру на почестный пиръ.»
И говоритъ его свѣтъ-государыня матушка:
10 — Ай же ты, чадо мое милое,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не ѣдь [1]) то ты во Кіевъ-градъ:
— Либо тамъ тебя не учествуютъ,
— Либо мѣсто тебѣ будетъ не по отчины,
15 — Либо тамъ тебѣ ѣства не полюбятся.—
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Званому гостю много чести надо,
« А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ.»
— Поѣдешь, мое чадо милое,
20 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Не захвастывай своима животами сиротскима.—
И тутъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Засѣдлывалъ добра коня сѣделышкомъ черкацкіимъ
И подтягивалъ двѣнадцатью подпругами шелковыма;
25 И надѣвалъ-то онъ шубу соболиную,
По подольчику прострочену въ три строчики:
Первая строчика съ чистымъ серебромъ,
Другая-то со краснымъ золотомъ
И третія съ скатнымъ жемчугомъ;
30 И кладывалъ шапку черно-мурманку:
Спереду не видать ясныхъ очей,

---

[1]) Не ѣзди.

И сзаду не видать шеи бѣлыя.
И тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Садился на добра коня,
И пріѣждяетъ во столенъ Кіевъ-градъ
Ко солнышку ко князю ко Владиміру.
И стрѣтилъ его Владиміръ князь,
Взималъ его за бѣлы руки,
Садилъ его за дубовый столъ на мѣсто на большее.
И сидятъ-то за столомъ за дубовыимъ.
Сталъ онъ колачикомъ закусывать:
И верхную корочку на столъ кладетъ,
А нижнюю подъ столъ кидаётъ.
Ажъ-же сказалъ таковы слова:
« Все-то у васъ не по-нашему:
« Сверху пахнутъ на фою сосновую,
« А снизу на глину на кирпичную.
« Какъ у насъ во Корелѣ во богатыя,
« У моей-то свѣтъ-государыни матушки,
« Печены колачики на листочикахъ капустныихъ,
« А сверху помачиваютъ помялкой шелковой, въ меду настояной:
« Да не пахнутъ колачики на фою сосновую,
« Снизу на глину на кирпичную.»
Тутъ сидитъ Чурила [1]) Щапленковичъ,
И самъ говоритъ таковы слова:
— Есть не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Есть-то халуина боярская:
— Отъ боярина уѣхалъ — коня угналъ,
— Угналъ коня и шубу унесъ.—
Тутъ Дюку Степановичу во преку [2]) пришло,
За ту досаду за великую.
Тутъ-то бились съ Чурилой о великъ закладъ.
По Чурилы ручаются городомъ Кіевомъ,
А другимъ городомъ Черниговымъ;
А по Дюкѣ ручался солнышко Владиміръ князь.

---

[1]) По моему мнѣнію, Чурилище Пленковичъ.
[2]) Отъ корня *прек.*, откуда перечить, прекословить.

И говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Посылай своихъ слугъ въ Корелу богатую
« Моихъ животовъ описывать» [1]).

И написалъ ерлыкъ скорописчатый своей свѣтъ государынѣ матушкѣ. Пріѣждяютъ къ его матушкѣ, ея дома не случилося: она въ церкви Господу Богу молится. И тутъ идетъ Дюкова матушка изъ Божьей церкви, и подаваютъ ей ерлычекъ скорописчатый. Тутъ она повела въ покои высокіе и садила она ихъ за дубовый столъ, кормила она досыта и поила ихъ допьяна. И повела по кладовымъ имѣніе показывать, и еще повела во погреба глубокіе: тамъ висятъ бочки сороковки со златомъ и серебромъ и со скатнымъ жемчугомъ; и трубы выведены во сине море, чтобъ оттуль вѣтерокъ вѣялъ, и онѣ шатались на цѣпяхъ, не плеснѣли; какъ тыя бочки зашатаютъ, такъ какъ бѣлыя лебеди загогочутъ. И говорятъ они таковы слова: « Если продать имѣніе Чурилино, то не хватитъ денегъ и за бумаги заплатить. Поѣдемъ такъ домой: намъ этого всего имѣнія не описать». Пріѣждяютъ назадъ въ Кіевъ-градъ и говорятъ солнышку князю Владиміру: «Продать все имѣніе Чурилино, не хватитъ денегъ на бумагу». Чурила Пленковичъ опять ударилъ о великъ закладъ: — Каждый день выѣждять намъ на коняхъ смѣнныихъ; и чтобы платья были въ каждый день смѣнныя.— Тутъ Чурила Щапленковичъ выѣждяетъ каждый день на коняхъ смѣнныихъ и каждый день въ платьѣ смѣнноемъ. А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ, у него развертывается одинъ конь разными шерстями, и шуба у него сегодня одного цвѣта, а завтра у него другого цвѣта. Въ послѣдній день Чурила одѣлъ шубу соболью: въ пуговкахъ вилетены добрые молодцы, въ петелкахъ красныя дѣвушки. А у молода боярина Дюка Степановича въ пуговкахъ-то звѣри лютые, въ петелкахъ-то змѣи лютыя. И тутъ Чурила не могъ перещапить Дюка Степановича. И тутъ они били во великъ закладъ ѣхать чрезъ рѣку Нѣпру. И собирались ту къ рѣкѣ съ города Кіева и съ другого города Чернигова. Какъ поѣдутъ чрезъ рѣку Нѣпру,

---

[1]) Отсеяѣ былина сказывалась побывальщиной. (Мы здѣсь уничтожили произвольное раздѣленіе на стихи. *Ред.*)

пріѣждяетъ солнышко Владиміръ князь. Говоритъ Чурила Щапленковичъ: «Поѣждяй, Дюкъ Степановичъ, чрезъ рѣку Нѣпру». А онъ ему на мѣсто говоритъ:—Не мнѣ ѣхать, а тебѣ напередъ: твоя похвала напередъ зашла.—И приправилъ Чурила добра коня: конь скочилъ до полрѣки, и понесло внизъ съ конемъ по рѣкѣ. А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ, чтобъ не утонулъ Чурила Щапленковичъ, приправилъ своего добра коня: конь скочилъ черезъ рѣку, и онъ поймалъ Чурила за волосы и перенесъ на другую сторону, и назадъ скочилъ черезъ рѣку. И тутъ просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить. Дюкъ Степановичъ пнулъ его подъ ...., самъ говорилъ таковы слова: «Щапи между дѣвками, бабами и старыми старухами, а съ нами, молодцами, никогда не щапи».

173.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

Исподъ дуба, дуба сыраго,
Исподъ той березы сподъ накляпины,
Матушка Нева широко прошла,
Устьемъ выпадала во синее море во Вирянское.—
5 По синему морю корабли бѣжатъ.
Одинъ-то корабликъ изукрашенъ былъ:
Вмѣсто глазъ было вставливано
По ясному по каменю по яхонту;
Вмѣсто бровъ было вставливано
10 По дорогому соболю заморскому;
Вмѣсто ушей было вставливано
По дорогой куницы по заморскія;
Вмѣсто хвоста было вставливано
По дорогой лисицы по заморскія.
15 Не тымъ-то корабликъ изукрашенъ былъ,
И не тымъ-то корабликъ снаряженъ былъ.
Какъ посреди того черленаго кораблика

Стоялъ стулъ рыбавчатый,
На тоемъ-ли на стулѣ рыбавчатомъ
20 Сидѣлъ-ли малый упавъ молодецъ,
Удалый Соловей Будиміровичъ:
Столько-то тымъ-то корабликъ изукрашенъ былъ,
И тымъ-то корабликъ снаряженъ былъ.
Ѣхали по синему морю Вирянскому
25 Ко славному ко городу ко Кіеву.
Возговорилъ малый упавъ молодецъ:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая,
« Берите-тко трубы подзорныя
« И глядите по славному морю по синему,
30 « Далеко-ли до князя до Владиміра?»
Дѣлали они дѣло повелѣное:
— Не далеко до князя до Владиміра.—
Возговорилъ малый упавъ молодецъ:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
35 Берите щупы желѣзные,
« Щупайте пристань корабельную.»
Становится пристань корабельная.
Возговорилъ малый упавъ молодецъ:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
40 « Ройте [1]) сходни па крутой берегъ:
« Первую сходенку мѣдную,
« А другую сходенку серебряну,
« А третью сходню красна золота.
« И берите лисицъ—куницъ счету нѣтъ,
45 « Берите заморскихъ соболей,
« И берите кручатой камки —
« Въ золотѣ камочка не подогнется;
« Еще берите камни драгоцѣнные,
« Драгоцѣнные и самоцвѣтные.»
50 По той по сходенкѣ по мѣдныя
Идетъ ли дружинушка хоробрая,
По другой по сходенкѣ серебряной

Идетъ матушка Соловьевая,
По той по сходнѣ красна золота
55 Идетъ малый упавъ молодецъ,
Удалый Соловей Будиміровичъ.
Идутъ ли они ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
Крестъ кладутъ по-писаному,
60 Поклоны ведутъ по-ученому,
На три, на четыре на сторонки покланяются,
А солнышку князю Владиміру въ особину.
Малый упавъ молодецъ
Князя дарилъ куницами и лисицами,
65 Княгину дарилъ кручатой камкой:
Въ золотѣ камочка не подогнется.
И тые подарки въ любовь пришли.
Зговорилъ солнышко Владиміръ князь;
« Ай же ты, младъ Соловей Будиміровичъ!
70 « Ты сюда пріѣхалъ посломъ пословать,
« Али торгомъ торговать, али на жиру жить такъ?»
— Пріѣхалъ я на жиру жить.
— Позволь-ка мнѣ мѣстечка несомножечко
— Построить три терема хорошіе.—
75 Говорилъ солнышко Владиміръ князь:
« Строй-ка терема на горкѣ на Песочныя,
« Гдѣ жонки да бабы блины продаютъ,
« А малые робята барышничаютъ.»
Зговорилъ малый упавъ молодецъ:
80 — Не любо мѣсто на горкѣ на Песочныя,
— Гдѣ жонки да бабы блины продаютъ,
— А малые ребята барышничаютъ.
— Дай-ка мнѣ мѣстечка несомножечко
— Противъ своей племянницы любимоей
85 — Молодой Забавы Путятичной.—
Зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
« Строй-ко ты терема высокіе
« Противъ моей племянницы любимыя
« Молодой Забавы Путятичной».

90 И зговорилъ малый упавъ молодецъ:
— Ай же вы, дружинушка хоробрая!
— Скидывайте кафтанцы скурлатъ-сукна,
— Надѣвайте кожаны работніе,
— И розувайте сапожки зеленъ сафьянъ,
95 — Обувайте лапотцы липовые,
— Да берите топорики булатніе,
— И подите вы во Забавинъ садъ:
— Дубья, яблуни повырубите,
— Изъ саду вонъ повымечите,
100 — И стройте тамъ три терема хорошіе,
— И златоверхіе, маковки позолочены,
— И вершочки съ вершочками сплеталися.
— Чтобы на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
— Чтобы на небѣ мѣсяцъ, то бы въ теремѣ мѣсяцъ,
105 — Чтобы на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,
— Чтобы все въ терему по-небесному,
— Чтобы къ утру-свѣту и жить перейти.—
Тая ль молодая Забава Путятична [1])
Ставала поутру ранешенько
110 И умывалась бѣлешенько.
Тутъ-то Забава гулять пошла.
Пришла она ко терему, послушала,—
Отъ того отъ терема назадъ пошла.
У другого терема простóяла, послушала:
115 Тамъ Соловьева матушка Богу молится.
Ко третьему терему Забава пошла, послушала:
Въ томъ теремѣ малый упавъ молодецъ
Сидитъ на стулѣ рыбавчатомъ,
Играетъ въ гусельшки яровчаты,
120 Тонци ведетъ отъ Новагорода,
А напѣвочки ведетъ отъ Еросóлима.
Тутъ-то Забава простóяла и послушала:

---

[1]) Разъ пѣвецъ пѣлъ:

Тая ль молодость Путятична
Ставала поутру ранешенько
И умывалась бѣлешенько и т. д.

У ней тепла вода въ щеботы стекла.
И приходитъ она во высокъ теремъ,
125 Крестъ кладетъ по-писаному,
А поклоны ведетъ по-ученому,
На всѣ на четыре на сторонки кланялась:
Тутъ-то малый упавъ молодецъ
Вставалъ со стула на рѣзвы ноги,
130 Взималъ-то Забаву за бѣлы руки,
И садилъ-то Забаву за дубовый столъ,
А самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, Забава Путятична!
« Всѣмъ мнѣ ты, Забава, въ любовь пришла;
135 « Однемъ ты, Забава, не люба:
« Сама ты себя просватываешь.
« Да я бы дождался свѣту бѣлаго и солнца краснаго,
« Я бы къ тебѣ сватовей послалъ,
« И я бы на тебѣ посватался,
140 « А ты сама себя просватала.»
Взималъ-то Забаву за бѣлы руки,
И велъ-то Забаву во Божью церковь,
И принималъ-то съ Забавой золоты вѣнцы.

XXVIII.

ИВ. ФЕПОНОВЪ.

Иванъ Фепоновъ, слѣпой калика изъ дер. Мелентьевой Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда. Рыбниковъ зоветъ его просто Иваномъ или слѣпымъ каликой, фамилію сообщилъ Гильфердингъ, которому онъ также пѣлъ. По разсказу Рыбникова при первой ихъ встрѣчѣ въ 1860 г. на Шунгской ярмаркѣ Фепоновъ пѣлъ только духовные стихи и не зналъ вовсе былинъ, но «пообѣщалъ выучиться былинѣ о Василіи Игнатьевѣ» и черезъ годъ исполнилъ обѣщаніе. Только одну эту былину и то въ неполномъ видѣ и записалъ Рыбниковъ.

«Онежскія былины» показываютъ, что дѣло не могло быть такъ. Фепоновъ сообщилъ Гильфердингу, что знаетъ былины смолоду, назвалъ своего учителя, Мѣщанинова, пѣвца исключительнаго по богатству репертуара (70 былинъ), и Гильфердингъ записалъ отъ него восемь прекрасныхъ былинъ. Онѣ, конечно, не могли быть выучены Фепоновымъ между 1861—1871 годами; ихъ тексты отличаются множествомъ такихъ оригинальныхъ и древнихъ особенностей въ ходѣ сюжета и въ подробностяхъ, которыя почти не встрѣчаются у другихъ пѣвцовъ: Владиміръ предлагаетъ Соловью разбойнику быть въ Кіевѣ воеводой, потомъ строителемъ монастыря, Илья при первой встрѣчѣ съ Соловьемъ затыкаетъ уши маковыми листьями отъ его свиста, дочь Владиміра спасаетъ Илью отъ гнѣва отца и мн. др. Все это показываетъ, что Фепоновъ напрасно отозвался Рыбникову, что не знаетъ былинъ; вѣроятно, онъ просто отговорился изъ страха: передъ тѣмъ полиція стала преслѣдовать каликъ, и Рыбникову пришлось хлопотать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ.

Такимъ образомъ, благодаря неполному довѣрію Фепонова Рыбникову, къ сожалѣнію, пришлось пройти мимо этого пѣвца, не подозрѣвая, какими цѣнными текстами онъ обладалъ, а въ 1861 г. онъ могъ бы, вѣроятно, дать больше восьми былинъ, и мы ближе бы узнали, очевидно, высоко интересный Мѣщаниновскій репертуаръ.

174.

БАТЫГА И ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ [1]).

(Гильферд., № 60.)

Изъ-подъ той съ-подъ восточнія сторонушки
Наѣдетъ Батыга Батыговичъ
Со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,

[1]) Ср. въ I-й части былину подъ № 29-мъ.

Со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
5 Наѣзжаетъ съ дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей,
У дьячка-то силы сорокъ тысящей.
10 Обступили округъ Кіева кругòмъ, кругòмъ, кругòмъ:
Соколу летѣть на меженный день,
Маленькой птичкѣ не прòлетѣть.
Не случилося во Кіевѣ богàтырей:
Одна объявилась голь кабацкая,
15 По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.
Онъ двѣнадцать годовъ по кабакамъ гулялъ,
Пропилъ-прогулялъ все житье-бытье свое,
Все житье-бытье свое, все богачество.
И то не чѣмъ у Василья опохмѣлиться,
20 Съ опохмѣлья у Василья головка болитъ,
Съ перепоя у Василья ретиво сердце щемитъ.
Какъ беретъ свой тугій лукъ разрывчатый,
Выходилъ Василій вонъ со Кіева,
Натягивалъ Василій свой тугій лукъ,
25 Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ Василій по тымъ шатрамъ,
По тымъ шатрамъ по Батыгинымъ,
Убилъ Василій три головки хорошенькихъ,
Три хорошенькихъ головки, что ни лучшіихъ:
30 Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
Убилъ еще дьячка-выдумщичка.
Воротился Василій взадъ во Кіевъ градъ.
Посылаетъ тутъ Батыга скорыхъ пословъ,
35 Стали послы виноватаго искать,
Нашли-то Василья въ кабакѣ на печи,
Приводили Василья къ Батыгѣ на лицо:
« Ты прости меня, Батыга, во большой во вины,
« Убилъ я няйлучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
40 « Убилъ сына Батыга Батыговича,

« Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
« Убилъ дьячка-то выдумщичка. »
И то не чѣмъ у Василья опохмѣлиться,
Съ опохмѣлья у Василья головка болитъ,
Съ перепоя у Василья ретиво сердце щемитъ;
Тутъ-то Василій сталъ выспрашивати:
« Опохмѣль-ка ты, Батыга, чарой хмѣльной:
« Пособлю-ка я тебѣ взять славенъ Кіевъ градъ. »
На тыя рѣчи Батыга пріокинулся;
Наливаетъ ему чару зелена вина,
Другую сливаетъ меду пьянаго,
Третью рюму сладкаго меду,
И сливали питье въ едино судно:
Становилось питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
Взимаетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ,
Говоритъ Василій таково слово:
« Я могу теперь владать добрымъ конемъ,
« Я могу теперь махать вострой саблей.
« Ужъ ты дай-ка мнѣ силы сорокъ тысячей! »
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Уѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле,
Зачалъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубилъ-пригубилъ онъ до единой головы.
Разгорѣлось у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая,
Ворочался тутъ Василій къ Батыгинымъ шатрамъ,
Началъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати:
Прирубилъ-пригубилъ онъ до единой головы.
Бѣжитъ тутъ Батыга, потыкается,
Потыкается Батыга, заклинается:
« Не дай, Боже, ни дѣтямъ моимъ,
« Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ! »

IV.

КЕНОЗЕРО.

КЕНОЗЕРО.

XXIX.

СИВЦЕВЪ (ПОРОМСКІЙ).

Иванъ Павловичъ Сивцевъ, по прозванію Поромскій, крестьянинъ дер. Поромска при впаденіи р. Пормы въ Кенозеро, пѣлъ и Гильфердингу. Рыбниковъ получилъ 9 его былинъ въ чужой записи, Гильфердингъ записалъ отъ него только 7, всѣ совпадающія съ Рыбниковскими; еще къ одной (Авдотья Рязаночка) параллель составляетъ у Гильфердинга Лядковская (см. ниже): сюжетъ этотъ встрѣчается въ обоихъ сборникахъ лишь по одному разу. Изъ сравненія текстовъ видно, что заочная запись для Рыбникова была сдѣлана очень тщательно: почти всѣ былины оказались даже нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у Гильфердинга, и очень близки, что говоритъ также о твердости памяти пѣвца. Оба собирателя высоко цѣнятъ Сивцевскіе пересказы.

175.

ИЛЬЯ И КОНСТАНТИНЪ БОГОЛЮБОВИЧЪ.

(Гильферд. № 220.)

Отъ стольнаго города отъ Кіева
Ко славному ко Царю-граду
Идетъ тамъ калика перехожая;
Гуня [1]) на каликѣ сорочинская,

[1]) Верхнее платье.

5 Шляпа на главѣ земли греческой,
Клюша у калики свинцовая;
Идетъ де старикъ, подпирается,
Ино мать-то земля колыбается.
Пришелъ де старикъ-то во Царь-то городъ,
10 Зашелъ на кружало государево,
Просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
А распиваться-то ладилъ на тысячу:
Въ закладъ давалъ онъ пречудный крестъ
Изъ червоннаго краснаго золота.
15 Никто де тутъ за крестъ не принимается;
Догадалися голи кабацкіе,
Сложили голи по деньгѣ въ складъ,
По денежкѣ да по полушечкѣ,
Брали вина полтора ведра,
20 Подносили каликѣ перехожему.
У нихъ принималъ единой рукой,
А выпивалъ старикъ на единый духъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Вамъ спасибо, братцы, голи кабацкіе!
25 « На приходѣ старика вы меня опохмѣлили,
« Опохмѣлили, пить раззадорили. »
Пошелъ старикъ съ кабака долой,
Пришелъ ко глубокому погребу;
Пиналъ ворота ногой вальячныя [1]),
30 Со крюковъ-замковъ двери вонъ выставливалъ.
Зашелъ де старикъ во глубокъ погребъ,
Бралъ онъ бочку подъ пазуху,
Другую сороковую подъ другую,
Третью-то бочку ногой катилъ,
35 Выкатывалъ на площадь торговую;
Поилъ ли голей со всѣхъ кабаковъ,
Да и самъ упивался допьяна,
И ушелъ—легъ спать на печку кабацкую.
Чумаки-цѣловальники пошли, порасплакались,

---

[1]) См. вальявочный, вальяжный.

40 Къ царю пришли, поражжалились:
— Ты, батюшка, царь Константинъ Боголюбовичъ!
— Что невѣдомо къ намъ за старой пришелъ,
— И просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Распиваться ладилъ на тысячу,
45 — Мы тутъ ему, старому, не вѣрили.
— И съ того ходилъ онъ во глубокъ погребъ,
— Пиналъ ворота ногой вальячныя,
— Со крюковъ-замковъ двери вонъ выставливалъ,
— Выкачивалъ три бочки сороковыя,
50 — На ту ли на улицу паратную;
— Упоилъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
— И самъ упивался онъ допьяна,
— Съ того ушелъ на царевъ кабакъ,
— Ложился спать на печку кабацкую.—
55 Говорилъ царь Константинъ Боголюбовичъ:
« Вы глупы, чумаки-цѣловальники!
« Подите, приведите ко мнѣ на лицо:
« Погляжу я, каковъ станомъ, возрастомъ,
« Поспрошу, котораго града, урожденія,
60 « Его какъ, молодца, зовутъ по имени?»
Пошли чумаки-цѣловальники,
Разбудили его, соннаго его, хмѣльнаго:
Соскочилъ старъ со печки кабацкія,
Ухватилъ воронечку дубовую,
65 Сталъ воронечкой помахивать;
Прибилъ чумаковъ-цѣловальниковъ.
Съ того де пошелъ съ кабака долой,
Идетъ мимо палату мимо царскую,
Закричалъ де старикъ зычнымъ голосомъ:
70 — Ты, батюшка, царь Константинъ Боголюбовичъ!
— Ищи казну за мной, славнымъ Ильей Муромцемъ:
— Приходилъ къ тебѣ на славу на великую
— Пить зелено вино безденежно.—
Ушелъ де старикъ во чисто поле,
75 Разставливалъ онъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ опочинъ держалъ.

176.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ.

(Гильферд. № 221).

Ѣздилъ старъ по чисту полю
Отъ младости и до старости.
Ѣхалъ старый чистымъ полемъ
И большой дорогой латынскою,
5 Наѣхалъ на дорогѣ горючъ камень,
И на камешкѣ была подпись подписана:
« Старому казаку, Ильѣ Муромцу
« Три пути пришло, три дорожки широкія:
« Во дороженьку ѣхать—убиту быть,
10 « Во другую ѣхать—женату быть,
« Во третью ѣхать—богату быть.»
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ,
И головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
— Сколько я по святой Руси не ѣзживалъ,
15 — А такого-то чуда я не видывалъ;
— На что мнѣ, старому, богачество?
— Своего у меня много злата, серебра,
— И много у меня скатняго жемчугу.
— А на что мнѣ, старому, женитися?
20 — Женитися мнѣ, не нажитися:
— Молодая жена взять—чужая корысть,
— А старой жены взять не хочется.
— Поѣду я въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.—
И приправливалъ старый добра коня
25 И поѣхалъ большею дорогою,
И наѣхалъ на дорогѣ станицу разбойниковъ:
И стоитъ разбойниковъ до пяти сотъ,
И хотятъ они у стараго коня отнять.
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ,
30 Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
— Вы, разбойники, братцы станичники!
— Убить старика вамъ меня некого,

— Отнять у стараго нечего:
— Съ собой у меня денегъ семь тысячъ рублей,
— Тесмянна узда въ цѣлу тысячу,
— Ковано сѣдло во двѣ тысячи;
— Своему-то добру коню
— Я цѣны не знаю, бурку, не вѣдаю:
— Межъ ушми у коня у меня скаченъ жемчугъ,
— Дорогое самоцвѣтное каменье,
— Не для ради красы-басы молодецкія,
— А для ради ночки темныя, осеннія,
— Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой добрый конь,
— За три версты видно, за три мѣрныя,—
И говорятъ ему разбойники станичники:
« Ахъ ты, старая собака, сѣдатый песъ!
« Еще долго ты сталъ разговаривать.»
И скочилъ старый со добра коня,
И хватилъ онъ шапку съ буйной головы,
И началъ онъ шапкой помахивать:
И куды махнетъ, туды улица,
Назадъ отмахнетъ, переулочки.
И перебилъ онъ станицу разбойниковъ,
Разбойниковъ прибилъ, подорожниковъ.
И садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣхалъ ко латырю ко каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу,
— Да и та была дорожка прочищена
— Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
— Отъ Кіева лежитъ ко Чернигову.
— Да еще было дорожки извѣдати,
— Отъ чего будетъ женитися.—
Приправливалъ старый добра коня,
Поѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ крѣпость богатырскую:
И стоитъ тутъ церковь соборная,
Соборная церковь, богомольная;

70 Отъ той ли обѣдни полуденныя
Идетъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣвицъ,
Посреди-то ихъ идетъ королевична.
И говорила королевична таково слово:
« Ты удалый, дородній, добрый молодецъ!
75 « Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ:
« Напою, накормлю хлѣбомъ-солію.»
Соходилъ старикъ со добра коня,
Оставливалъ добра коня,
Не приказана его, не привязана;
80 Пошелъ старикъ во высокъ теремъ,
Мосты-то подъ старымъ качаются,
Переводинки перегибаются.
Зашелъ старикъ во высокъ теремъ.
Крестъ кладетъ по писаному,
85 Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется;
Садился за столы бѣлодубовые,
Ѣстъ да пьетъ, проклажается
Весь дологъ день до вечера.
90 Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, душечка красная дѣвушка!
— Гдѣ-ка твои ложни теплыя?
— И гдѣ твоя кровати тесовая,
95 — Гдѣ-ка мягки перины пуховыя:
— Мнѣ на старость старику опочинуться.—
Привела его въ ложни теплыя,
И стоитъ старый у кровати, головой качаетъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
100 — Да я сколько по святой Руси не ѣзживалъ,
— Такова я чуда вѣкъ не видывалъ:
— Видно эта кроватка подложная!—
Схватилъ королевну за бѣлы руки
105 И шибалъ ей ко стѣны кирпичныя:
Обвернулася кроватка тесовая,
Обвалилася королевна во глубокъ погребъ.

И выходилъ старикъ на улицу паратную.
И сыскалъ двери глубокаго погреба:
110 Песками были призасыпаны,
Колодьями были призавалены.
Колодья ногами распихивалъ,
Пески-то руками распорхивалъ,
И пиналъ ворота ногою вальячныя,
115 И съ крюковъ-замковъ двери вонъ выставливалъ;
Выпущалъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей и королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
И самъ говоритъ таково слово:
120 — Вы подьте, цари, по своимъ землямъ,
— А вы короли, по своимъ ордамъ,
— А вы, богатыри, по своимъ мѣстамъ,
— И молите вы Бога за Илью славнаго Муромца:
— Кабы не я, старый казакъ Илья Муромецъ,
125 — Положить бы вамъ голова здѣсь у погреба.—
Идетъ душечка красная дѣвушка:
Онъ выдергиваетъ саблю острую,
Срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Разсѣкъ-разрубилъ тѣло женское
130 И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрымъ волкамъ на съѣденіе,
А чернымъ воронамъ на пограянье,
И тутъ садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
135 И пріѣзжалъ ко латырю каменю,
На каменѣ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу
— На бою старику смерть не писана:
— И та была дорожка прочищена
140 — Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
— Отъ Кіева лежитъ ко Царю граду. —
И самъ говорилъ таково слово:
— Да еще было дорожка извѣдати. —
Приправливалъ старъ добра коня,

145 Поѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ,
Головой качаетъ да проговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
150 — Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
— Есть несмѣтное злато-серебро. —
Соходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
155 И взялъ животъ изъ погреба,—золоту казну,
И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ градъ,
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя.

177.

ИЛЬЯ и СОКОЛЬНИКЪ.

(Гильферд. № 219.)

Изъ стольнаго изъ города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіе богатыри,
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
А другой молодецъ Добрынюшка Никитиничъ.
5 Пріѣзжали богатыри на Фаоръ-гору,
И разставляли богатыри полотнянъ шатеръ,
Во шатрѣ-то богатыри опочинъ держа,
Спятъ бѣлый день до вечера,
А темную ночь до бѣла свѣту.
10 И пробужается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Вставай, молодецъ Добрынюшка Никитиничъ!
« У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
« Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,

15 « Вѣща птица, да черной воронъ,
« Черной воронъ, самъ прокыркивалъ,
« И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
« Выходи-ко, Добрыня, изъ бѣла шатра
« И погляди по дорогѣ прямоѣзжія,
20 « Не проѣхала ли паленица удалая,
« Не подходитъ ли подъ коней лютый звѣрь? »
И выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра
И приводилъ онъ коней ко бѣлу шатру,
Насыпалъ пшены бѣлояровой
25 И поглядѣлъ по дорогѣ прямоѣзжія.
Проѣхала паленица удалая:
Его храбра поѣздка молодецкая,
Ископыти у коня метано
По цѣлой овчины по барановой;
30 У коня изо рта пламя пышетъ,
Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ;
Ѣдетъ молодецъ, самъ тѣшится,
Шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
И назадъ-то онъ ѣдетъ, подхватываетъ.
35 Приходилъ Добрыня назадъ въ полотнянъ шатеръ,
Ильѣ Муромцу сталъ разсказывать:
— Ты, батюшко, Илья Муромецъ!
— Приводилъ я коней ко бѣлу шатру,
— И проѣхала, говоритъ, паленица удалая:
40 — Его храбра поѣздка молодецкая,
— Ископыти у коня метано
— По цѣлой овчины по барановой;
— У коней изо рта пламя пышетъ,
— Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ;
45 — Исподъ стремени борзой выжлецъ [1]) выскакиваетъ,
— У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ;
— Ѣдетъ молодецъ, самъ тѣшится,
— Шибаетъ палицу подъ облаки,

---

[1]) Ловчій песъ.

— Назадъ онъ ее подхватываетъ. —
И говоритъ Илья Добрынѣ таково слово:
« Ты, удалый дородній добрый молодецъ,
« Премладый Добрынюшка Никитиничъ!
« Поѣзжай-ка ты теперь за богатыремъ:
« Буде русскій богатырь, ты побратайся,
« А невѣрный богатырь, ты войны проси. »
Говоритъ Добрынюшка таково слово:
— Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,
— Что его храбра поѣздка молодецкая. —
« Буде не смѣешь ѣхать за богатыремъ,
« Дакъ больше мнѣ и товарищъ не надобно.
« Поѣзжай-ко ты во Кіевъ градъ
« Къ молодой жены да къ своей матери. »
Вставаетъ Илья на чеботы сафьянные,
На синіе чулки кармазинные,
Надѣваетъ свою шубу соболиную
И выходитъ изъ бѣла шатра.
Уздаетъ старикъ добра коня,
И сѣдлаетъ скоро на скоро,
Скоро на скоро, и крѣпко на крѣпко.
И скочилъ старикъ на добра коня,
И поѣхалъ Илья за богатыремъ,
И ѣздитъ онъ изъ утра день до вечера,
И темную ночь до бѣла свѣту;
И на другой день попущается,
И другой день проѣхалъ изъ утра до вечера,
И темную ночь до бѣла свѣту;
И не можетъ онъ догнать въ полѣ богатыря;
На третій день попущается,
Увидалъ изъ далеча въ полѣ богатыря,
И закричалъ Илья зычнымъ голосомъ,
И засвисталъ старикъ по змѣиному:
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго
Подъ богатыремъ конь на колѣны сталъ;
А ѣдетъ богатырь, не оглянется.

И бьетъ онъ коня палкой по тучнымъ ребрамъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты, не сытая кляча-конь,
90 — Ахъ ты, травяной мѣшокъ!
— Что ты въ полѣ птицы шарашишься:
— Налетѣла ворона, поразграялась. —
Закричалъ Илья во второй наконъ
По звѣриному тошнѣе того:
95 И подъ богатыремъ конь на колѣни сталъ,
И обворачивалъ богатырь коня къ Ильѣ Муромцу.
И съѣхались два богатыря,
Будто двѣ горы вмѣсто столнулись [1]),
Ударплись богатыри копьями,
100 Только копья кольцы [2]) попригнулись.
Разъѣздъ чинили на 30 верстахъ,
Съѣхались богатыри,
Ударились опять палицами,
Только палицы поломалися;
105 И сошли они со добрыхъ коней
И пошли богатыри на рукопашный бой.
И хватилъ невѣрный богатырь Илью Муромца,
Ушибъ его о сыру землю,
И садился невѣрный богатырь
110 Ильѣ Муромцу на бѣлы груди,
И вынималъ изъ чинжалища острый ножъ
И хочетъ пороть Ильѣ груди бѣлыя.
Илья Муромецъ поглядѣлъ на руку правую,
Самъ говорилъ: «о Господи!
115 « Подписалъ на ручкѣ на правыя,
« Что на бою смерть не писана,
« А теперь смерть мнѣ приходитъ. »
И сокоплялъ Илья силу всю въ одно мѣсто,
И хватилъ невѣрнаго богатыря съ себя,
120 И шибалъ во чисто поле;
И выскочилъ Илья на рѣзвы ноги,

---

[1]) Столкнулись.
[2]) Т.-е. кольцами.

И хватилъ онъ богатыря за желты кудри,
Да шибалъ его подъ облаки,
И назадъ его подхватывалъ:
Да кабы не подхватывалъ,
И придалъ бы смерть скорую.
И становилъ онъ богатыря противу себя
И сталъ его спрашивать:
« Скажись, удалый, дородній добрый молодецъ!
« Ты коей орды, ты коей земли?
« Тебя какъ, молодца, зовутъ по имени? »
И говоритъ богатырь таково слово:
— Не знаю я себѣ роднаго батюшка,
— А одна есть у меня родная матушка,
— Старая дѣвка Сиверьянична [1]). —
И говоритъ Илья богатырю таково слово:
« Удалый, дородній добрый молодецъ!
« Скажи ты матушкѣ низкой поклонъ. »
И поѣхалъ богатырь къ своей матери,
Пріѣхалъ онъ къ своей матери,
И говоритъ ему мать таково слово:
— Что ты, чадо, пріѣхалъ изъ чиста поля невеселъ? —
И говоритъ сынъ матери:
« Государыня моя, родна матушка!
« Наѣхалъ на меня въ полѣ богатырь сѣдатый,
« И перво я его побилъ
« И сидѣлъ на бѣлыхъ грудяхъ,
« И хотѣлъ пороть у него груди бѣлыя.
« И онъ меня шибалъ съ себя во чистое поле,
« И ухватилъ за желты кудри
« И шибалъ подъ облака,
« И назадъ подхватывалъ,
« И спрашивалъ меня:
« Коей я орды, коей земли? »

---

[1]) Грузинка? И, можетъ быть, любовная связь Ильи съ этой Сиверьяничной и встрѣча съ обманщицей королевичной, которая заставляетъ за любовь свою поплатиться гибелью, отзвукъ разсказовъ о царицѣ Тамарѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ.

155 « И я сказалъ, что нѣтъ у меня батюшки,
« А одна есть у меня родна матушка,
« Старая дѣвка Сиверьянична.
« И онъ тебѣ наказывалъ низкой поклонъ. »
И говоритъ ему матушка:
160 — Чадо ты мое возлюбленное!
— Вѣдь тутъ тебѣ родной отецъ:
— Онъ меня въ полѣ побилъ.
— Со мной грѣхъ творилъ,
— Съ того я тебя и прижила. —
165 Разгорѣлоси у Васьки сердце богатырское:
« Не хочу слыть заугольникомъ [1]),
« Поѣду къ старой собакѣ, сѣдатому псу;
« Ему жить, либо мнѣ. »
« И поѣхалъ Васько въ чистое поле,
170 И ѣдетъ къ Ильѣ Муромцу,
И увидѣлъ бѣлъ шатеръ,
И закричалъ дѣтина зычнымъ голосомъ:
« Старая собака, сѣдатый песъ!
Выходи изъ бѣла шатра:
175 Тебѣ жить, а либо мнѣ жить. »
Всталъ Илья на чеботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
И выходилъ изъ бѣла шатра
Въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса.
180 И набѣжалъ Илья Муромецъ,
И хватилъ съ коня богатыря за желты кудри,
И шибалъ его подъ облаки
И шибалъ его, не подхватывалъ,
И придалъ ему смерть скорую,
185 И самъ говорилъ таково слово:
« Два чада на вѣку было спорожено,
« Да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть придана ».

[1]) Незаконорожденнымъ.

178.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

(Гильферд. № 222.)

Изъ-за горъ-то было высокіихъ,
Изъ лѣсу-то было, лѣсу темнаго
Повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка быстра Волга рѣка;
5 Широкая-то Волга подъ Казань прошла,
Пошире, подальше подъ Астрахань;
Мѣсто шла ровно три тысячи,
Рѣкъ и ручеекъ брала и смѣты нѣтъ,
Выпала во море во Каспійское.
10 И то де Добрынюшкѣ не сказочка,
Теперь старины его началъ пойдетъ.
Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра
Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
15 На многи на князи, на бояра,
На сильные могучи богатыри,
На всѣ поленицы удалыя.
Владиміръ-то князь наливалъ чару зелена вина,
Да залилъ онъ чару сладкимъ медомъ,
20 Засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ,
Подносилъ онъ богатырямъ, низко кланялся:
« Вы братцы, могучіе богатыри!
« Который изъ васъ меня выручитъ,
« Выпей же чару зелена вина:
25 « Пишетъ Невѣжа за угрозою ко мнѣ,
« Проситъ де въ полѣ поединщика. »
Всѣ во пиру призамолкли сидя [1]).
Говоритъ изъ нихъ уже большой богатырь,
Большой богатырь да Илья Муромецъ:
30 — Вы братцы, могучіе богатыри!

---

[1]) т.-е. сидятъ.

— Хоть долго сидѣть, да говорить будетъ:
— А кому въ поле ѣхать поединщикомъ?
— Я вѣдь недавно де изъ походу пришолъ,
— Билися-рубилися съ Невѣжей богатыремъ:
35 — Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ,
— Не могъ я его на очи обозрѣти;
— Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга лука. —
Службу-работу накинули
Молодцу Добрынюшкѣ Никитьевичу:
40 Кручинитъ, печалитъ Добрыня молодецъ,
Едва покороталъ онъ почестный пиръ,
Не веселъ Добрыня со пиру пошелъ.
Приходитъ Добрыня къ своей матери,
Говоритъ ему матушка сударыня:
45 « Что, Добрыня, со пиру невеселъ пришелъ,
« Невеселъ ты, Добрыня, не радешенъ?
« Тебѣ мѣсто было не по вотчины [1]),
« Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
« Али безумица тебя обезчестила? »
50 Говоритъ Добрыня, матери отвѣтъ держитъ:
— Государыня ты, моя родна матушка!
— Мнѣ-ка мѣсто-то было по вотчины,
— Чара-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
— Безумица меня не обезчестила.
55 — Что, мати, спородила несчастливаго,
— Несчастливаго, да неталанливаго,
— Силою меня де ты не смѣлаго? —
Говорила его матушка сударыня:
« Да я рада бы молодца тебя спородити
60 « Силою въ Самсона Колувановича,
« Смѣлостью-напускомъ во Илью Муромца,
« Поѣздкою во Дюка во Степановича,
« Пошапкой [2]) въ Чурила сына Пленковича,
« Красотою въ Осипа Прекраснаго,

---

[1]) вм. отчинѣ.
[2]) Пощапкой, щегольствомъ.

65 « Кудрями въ царя Кудріянища:
« Такова молодца тебя Господь Богъ спородилъ. »
Больше Добрыня не распрашивалъ,
Со своей матерью прощается,
Паче того съ молодой женой.
70 Младой-то жены самъ наказывалъ:
— Хороша Катерина дочь Микулична!
— Я въ полѣ проѣзжу до семи годовъ,
— Подъ дубомъ простою всего девять лѣтъ,
— Все, Катерина, ты вдовой живи;
75 — Тогда я не буду изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди;
— Не ходи ни за князя, ни за боярина,
— Не ходи за купца—гостя торговаго,
— Выбери богатыря противу хоть меня;
80 — Еще не ходи за Алешу за Поповича:
— Онъ, воръ-собака, мнѣ крестовый братъ,
— Крестовый-то братъ да паче роднаго.—
Въ тороки кладетъ Добрыня калены стрѣлы,
Въ тороки кладетъ да золоту казну,
85 Въ тороки кладетъ да платье цвѣтное;
Скоро дѣтина собирается,
Собирался дѣтина на скоро,
Садился Добрыня на добра коня,
Уѣхалъ Добрыня во чисто поле.
90 Во чистомъ полѣ проѣздилъ онъ семь годовъ,
Подъ дубомъ простоялъ всего девять лѣтъ.—
Ѣздилъ Алеша во чисто поле,
И проѣздилъ онъ съ утра день до вечера,
Пріѣхалъ ко князю, самъ подсказывается:
95 « Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
« Ѣздилъ я сегодня во чисто поле,
« Видѣлъ Добрыню бита-ранена:
« Лежитъ буйной головой во ракитовъ кустъ,
« Рѣзвыми ногами во чисто поле;
100 « Орудія вся поразметаны,
« Добрый конь во степяхъ ходитъ,

« Черные враны тѣло трынкаютъ [1]).
« А его-то хозяйка вдовой живетъ;
« Поди, государь, за меня сватайся:
105 « Я буду служить тебѣ вѣрой-правдою. »
Пошелъ государь на Катерины свататься,
Добрыми словами Катерину уговаривалъ;
На слова Катерина не сдавалася,
Насилу ей князь поневолилъ пойти.
110 Въ пятницу у нихъ рукобитье было,
Въ субботу у нихъ и свадьба была,
Въ воскресенье-то будетъ столованье.
На свѣтло Христово воскресенье
Поѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле,
115 Встрѣтилъ Добрынюшку Никитьевича,
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля;
Съ Ильей-то Добрыня поздоровался,
Началъ про Кіевъ-то выспрашивати:
— Премладый Добрынюшка Никитьевичъ!
120 — Первое словцо тебѣ не радостно:
— Твоя-то хозяйка замужъ пошла
— За премладаго за Алешу за Поповича,
— Насилу ей князь поневолилъ выйти:
— Сегодня будетъ у нихъ столованье. —
125 Больше Добрыня не распрашивалъ,
Поѣхалъ ко городу ко́ Кіеву,
Пріѣхалъ Добрыня на свой широкій дворъ,
И не узнала его матушка родимая;
Нельзя признать Добрынюшку Никитьевича:
130 Ѣздучись дѣтина во чистомъ полѣ,
Стоючись дѣтина подъ сырымъ дубомъ,
Истаскалися де платья цвѣтныя,
Издержалася вся золота казна,
Испошилъ де кафтаны всѣ звѣриные:
135 Шапка, сапоги, все звѣриные.
Говорила его матушка сударыня:

« Ты какая паленица наѣхала?
« Не видалъ ли Добрынюшки Никитьевича?
Говоритъ Добрыня матери, отвѣтъ держитъ:
140 — Государыня ты моя, родна матушка!
— Попомнишь ли, вспомянуешь ли:
— У Добрыни на правомъ лицѣ три знамени было? —
Говорила ему матушка сударыня:
« Распекло де у насъ солнце красное,
145 « Закатается де у насъ свѣтелъ мѣсяцъ:
« Твоя-то хозяйка замужъ пошла
« За премладаго за Алешу за Поповича,
« Насилу ей князь поневолилъ пойти:
« Сегодня у нихъ столованье. »
150 Говорилъ Добрыня матери таково слово:
— Государыня ты моя, родна матушка!
— Мнѣ надобно, мать, платье скоморошное,
— Еще надобно, мать, гусли хрустальныя. —
Пошелъ Добрынюшка во честный пиръ,
155 Садился Добрынюшка на упеченку,
Началъ во гусли наигрывати:
Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати,
160 Все свое похожденьице разсказывати.
Князю игра-та по уму пришла,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, дѣтина скоморошина!
Подитко, дѣтина, во почестный пиръ.»
165 Пришелъ Добрыня во почестный пиръ,
Садился онъ противу Алеши съ молодой женой
И началъ въ гусли наигрывати:
Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
170 Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати
Никто тому не догадается,
Катя тому и догадалася.

Говорилъ Добрыня Владиміру таково слово:
175 — Владиміръ, князь столенъ-Кіевскій!
— Прикажи Алешиной молодой жены
— Налить мнѣ-ка чару зелена вина. —
Брала Катерина чарочку,
И наливала зелена вина,
180 Положила на подносъ на серебряный,
Подносила Добрынѣ, низко кланялась.
Выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
Наливалъ чару да и назадъ подавалъ,
Опустилъ во чару-то златенъ перстень,
185 Самъ говорилъ таково слово:
— Пей, Катерина, чару досуха вина,
— Выпьешь до дна, такъ увидишь добра. —
Выпивала Катерина чару зелена вина,
Нашла де въ чары-то златенъ перстень,
190 Говорила Катерина таково слово:
« Не тотъ мнѣ любъ, кой подлѣ меня сидитъ,
« Тотъ мнѣ-ка любъ, насупротивъ де меня,
« Молодецъ Добрынюшка Никитьевичъ:
« Я не знаю, отколь его Богъ принесъ. »
195 Князю эта рѣчь за бѣду пришла,
За великую досаду, не за малую.
Говорилъ де Добрыня таково слово:
— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
— Кабы ты былъ не Владиміръ князь,
200 — Такъ назвалъ бы тебя я сводникомъ,
— Государыню бы княгиню сводницей:
— Зачѣмъ вы отъ жива мужа жену отняли? —
Больше Добрыня не разговаривалъ,
Бралъ де Алешу за желты кудри,
205 Прямо черезъ столъ передергиваетъ,
Началъ шальгой поворачивати:
Въ бухканьи не слышно охканья;
Не далъ ему смерти скорыя,
А далъ ему безвѣчье вѣковѣчное.
210 Столько-то Алеша женатъ бывалъ,

Столько Алеша съ женою сыпалъ.
Премладый Добрынюшка Никитьевичъ
Бралъ Катерину за руку за бѣлую,
Пошелъ Добрыня изъ почестнаго пиру,
Приходилъ Добрыня къ своей матушкѣ,
Да и сталъ быть-жить, вѣкъ коротати.

179.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

(Гильферд., № 223.)

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра
Хорошъ заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояры,
На сильные могучіе богатыри,
На всѣ паленицы удалые.
Бѣлый день идетъ ко вечеру [1]),
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко переное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ во чистое поле:
Изъ далеча, далеча поля чистаго
Толпа мужиковъ появилася,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:
« Солнышко ты наше, Владиміръ князь!
« Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня у насъ на Сорогѣ на рѣкѣ
« Невѣдомые люди появилися,
« Шелковы неводы заметывали,
« Тетивки были семи шелковъ,

---

[1]) Пропущенъ стихъ: Почестный пиръ идетъ на веселѣ.

« Плутивца у сѣтокъ серебряныя,
Камешки позолоченые,
« Рыбу сорогу [1]) повыловили:
25 « Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,
« Тебѣ, Государь, свѣжа куса нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.
« Скажутся, называются
« Всѣ они дружиною Чуриловой. »
30 Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ да жалобу кладутъ:
« Солнышко, нашъ Владиміръ князь!
35 « Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня на тихихъ на заводяхъ
« Невѣдомые люди появилися,
« Гуся да лебедя повыстрѣлили,
40 « Сѣрую пернату малу утицу:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,
« Тебѣ, Государь, свѣжа куса нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья. »
Та толпа на дворъ прошла,
45 Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ:
« Солнышко, нашъ Владиміръ князь!
« Дай, Государь, свой праведный судъ,
50 « Дай на Чурила сына Плепковича.
« Сегодня у насъ во темныхъ во лѣсахъ
« Невѣдомые люди появилися,
« Шелковые тенета заметывали,
« Кунокъ да лисокъ повыловили,
55 « Чернаго сибирскаго соболя:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,

---

[1]) Плотицу.

« А тебѣ, Государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья. »
Та толпа на дворъ прошла,
60 Новая изъ поля появилася,
Ѣдетъ молодцевъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Узды-поводы у нихъ де были сорочинскіе,
65 Сѣделышки были на золотѣ,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Кожи на молодцахъ лосиныя,
Кафтаны на молодцахъ голубъ-скурлатъ,
Источнями [1]) подпоясаносъ,
70 Колпачки золотые верхи;
Молодцы бы на коняхъ бы свѣчи де горятъ,
Кони подъ ними бы соколы бы летятъ.
Ѣхали-пріѣхали во Кіевъ градъ,
Стали по Кіеву уродствовати:
75 Лукъ-чеснокъ весь повырвали,
Бѣлую капусту повыломали,
Старыхъ-то старухъ обезвѣчили,
Молодыхъ де молодицъ соромы де довели,
Красныхъ дѣвицъ опозорили.
80 Бьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ:
Князи-то просятъ со княгинями,
Бояра-то просятъ со боярынями,
Всѣ мужи огородники [2]):
— Дай, Государь, свой праведный судъ,
85 — Дай на Чурила сына Пленковича,
— Сегодня у насъ во городѣ во Кіевѣ
— Наѣхала дружина-та Чурилова. —
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
« Глупые вы князи и бояра,
90 « Неразумные гости торговые!

---

[1]) Разноцвѣтными стручайтыми поясами.
[2]) Горожане.

« Не знаю я Чуриловой поселицы [1])
« Не знаю я Чурила, гдѣ дворомъ стоитъ. »
Говорятъ ему князю-бояра:
— Свѣтъ Государь, ты Владиміръ князь!
95 — Дворъ у Чурила вѣдь не въ Кіевѣ стоитъ,
— Дворъ у Чурилы не за Кіевомъ стоитъ:
— Дворъ у Чурила на Почай рѣкѣ,
— Дворъ у Чурила на семи верстахъ,
— Около двора все булатный тынъ,
100 — Двери были да все точеныя,
— Воротники были да все стекольчатыя,
— Подворотинки дорогъ рыбій зубъ,
— На томъ дворѣ на Чуриловомъ
— Стояло теремовъ до семидесяти. —
105 И поднялся князь на Почай рѣку,
Поѣхалъ со князьями со боярами,
Со купцами со гостями со торговыми.
Буде князь на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Дминдалидова [2]),
110 У святыхъ мощей у Борисовыхъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
« Право мнѣ, не пролгали мнѣ! »
Дворъ у Чурила на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Дминдалидова,
115 У святыхъ мощей у Борисовыхъ;
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора все булатный тынъ,
Воротники были все стекольчатыя,
Подворотинки дорогъ рыбій зубъ.
120 На томъ дворѣ на Чуриловомъ,
На двѣ де, на три на стороны
Стояло теремовъ де до семидесяти,
Въ которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ.
Трои сѣни у Чурила де касерчатыя,

---

[1]) Посельица.
[2]) Леванидова.

125 Трои сѣни у Чурила де рѣшетчатыя,
Трои сѣни у Чурила де стекольчатыя.
Изъ тѣхъ да изъ высокихъ изъ теремовъ,
На ту ли на улицу надовую
Выходилъ тутъ старъ матеръ человѣкъ.
130 На старомъ шубочка соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Пуговицы были вальячныя,
Вальянк-отъ литы красна золота.
Кланяется да покланяется,
135 Самъ говоритъ ласково слово:
— Пожалуй-ко, Владиміръ, во высокъ теремъ,
— Во высокъ теремъ да хлѣба кушати. —
Говоритъ Владиміръ таково слово:
« Скажись мнѣ, старый матеръ человѣкъ!
140 « Какъ тебя да именемъ зовутъ?
« Хотя зналъ бы, у кого хлѣба кушати. »
— Я, говоритъ, Пленко гость Сорожанинъ,
— Я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшка. —
Пошелъ Владиміръ во высокъ теремъ,
145 Въ теремъ-отъ идетъ, самъ дивуется.
Хорошо теремы изукрашены:
Полъ—середа изъ одного серебра,
Печки-то были все муравленыя,
Потики-то были все серебряные,
150 Потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей,
На стѣны сукна набиваны,
На сукна стекла навиваны;
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
155 Инъ всякія утѣхи несказанныя.
Садился князь за дубовый столъ,
Скрылъ окошечко немножечко,
Поглядѣлъ далече во чистое поле.
Изъ чиста поля толпа появилася,
160 А ѣдетъ молодцевъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,

Кони подъ ними однокаріе были,
Жеребцы все латынскіе.
Говорилъ Владиміръ таково слово:
165 « Скажи, Пленко гость Сорожанинъ!
« Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ? »
— Нѣтъ Чурила сына Пленковича:
— Ѣдутъ тутъ Чуриловы-то повары,
— Курятъ на Чурила зелено вино. —
170 Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
Ѣдетъ молодцевъ де до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
175 Жеребцы все латынскіе,
Узоры-поводы сорочинскіе.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
« Ты скажи-ко, Пленко да гость Сорожанинъ!
« Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ? »
180 — Нѣтъ, сударь, Чурила сына Пленковича:
— Ѣдутъ тутъ Чуриловы-то стольники,
— Ставятъ на Чурила дубовы столы. —
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
185 И ѣдетъ молодцевъ болѣ тысячи.
Середи-то силы ѣздитъ купавъ молодецъ:
На молодцѣ шуба-та соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Пуговицы были все вальячныя,
190 Вальянк-отъ литы красна золота
По дорогу яблуку свирскому.
Владиміръ-то сидѣлъ за дубовымъ столомъ,
Взадъ да впередъ сталъ поелзывати:
« Охти мнѣ, уже куда де буде мнѣ!
195 « Али же тутъ ѣдетъ уже царь съ ордой,
« Али тута ѣдетъ король съ Литвой,
« Али тутъ ѣдутъ сватовщики
« На моей-то племянницы любезныя,

« На душкѣ Забавы на Путятичной. »
200 Говоритъ Пленко да гость Сорожанинъ:
— Да небойся-тко, Владиміръ, не полошайся:
— Тутъ вѣдь ѣдетъ сынишко мое,
— Премладое Чурило сынъ Пленковичъ. —
Ѣдетъ Чурило, самъ тѣшится:
205 Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Чрезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копье да побрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.
210 Пріѣхалъ Чурила на Почай на рѣку,
Сила-та ушла по своимъ теремамъ.
Сказали Чурилу про незнаемыхъ гостей, —
Бралъ де Чурила золотые ключи,
Ходилъ де въ амбары магазейные,
215 Бралъ сорокъ сороковъ черныхъ соболевъ,
Многія пары лисицъ да куницъ:
Подарилъ онъ князю Владиміру,
Бояръ-то дарилъ да все лисками,
Купцовъ да дарилъ все куницами,
220 Мужиковъ-то дарилъ золотой казной.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
« Хоть и много на Чурила было жалобщиковъ,
« А побольше того челомбитчиковъ:
« А теперь на Чурила я суда де не дамъ. »
225 Говоритъ де Владиміръ таково слово:
« Премладой Чурило ты, сынъ Пленковичъ!
« Хошь ли идти ко мнѣ во стольники,
« Во стольники ко мнѣ, во чашники? »
Иной отъ бѣды дакъ откупается,
230 А Чурила на бѣду и нарывается:
Пошелъ ко Владиміру во стольники,
Во стольники къ нему, въ чашники.
И поѣхали они въ Кіевъ градъ,
Пріѣзжали въ Кіевъ градъ.
235 Свѣтъ Государь де Владиміръ князь

На хороша на новаго на стольника
Да завелъ де Государь почестный пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы,
240 Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ:
Желтыя-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Премладая-та княгиня Апраксія
Рушала мясо лебединое,
245 Да обрѣзала руку бѣлу правую,
И сама говорила таково слово:
— Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
— Что обрѣзала я руку бѣлу правую:
— Я смотрючись на красоту Чурилову,
250 — На его на кудри на желтыя,
— На его на перстни злаченые,
— Помутились у меня очи ясныя! —
Еще говорила таковы слова:
— Сьѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
255 — Премладому Чурилу сыну Пленковичу
— Да не на этой ему службѣ быть:
— А быть ему въ постельникахъ,
— Да слать ковры подъ насъ мягкіе. —
Свѣтъ Государь де Владиміръ князь
260 Снялъ Чурила съ этой большины [1])
Поставилъ на большину на иную,
Во ласковые зазыватели:
Ходить по городу по Кіеву,
Зазывать гостей во почестный пиръ.
265 Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Улицами идетъ, переулками,
Желтыми кудрями все потряхиваетъ:
Желтыя-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
270 Смотрючись на красоту Чурилову,

---

[1]) Должности.

Старицы по кельямъ опакишь дерутъ;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Молодыя молодицы въ голенище. . .
Смотрючись де на красоту Чурилову,
275 Красныя дѣвки очелья [1]) дерутъ.
Премладая-та княгиня Апраксія
Говорила князю Владиміру:
— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Премладому Чурилу сыну Пленковичу
280 — Не на этой ему службѣ быть;
— Да быть ему въ постельникахъ. —
Видитъ Владиміръ, что бѣда пришла,
Говорилъ Чурилу Владиміръ таково слово:
« Премладое Чурило ты, сынъ Пленковичъ!
285 « Хоть въ кельѣ живи, хоть домой поди,
« А больше въ домъ ты мнѣ не надобно. »
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Поклонъ отдалъ да вонъ изъ терема пошелъ,
Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
290 Да уѣхалъ Чурило на Почай на рѣку,
Да сталъ жить-быть да вѣкъ коротати.

180.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(Гильферд. № 224.)

Наканунѣ праздника было Христова дня,
Канунъ де честнаго Благовѣщенія,
Выпала порошица-снѣгъ молодой.
По той де порохѣ, по бѣлому снѣжку,
5 Не бѣлый горносталь слѣды прометывалъ,
Ходилъ де гулялъ купавъ молодецъ,

---

[1]) Передъ сорски, головнаго убора, надѣваемаго на сдериху.

На имя Чурило сынъ Пленковичъ [1]).
Вслѣдъ ходя малые ребятушки,
Обирали гвоздочки серебряные,
10 Тѣмъ де ребята головы кормятъ.
Загулялъ Чурило ко Бермяту, къ высокому терему:
Бермятаго дома не случилося,
Одна Катерина прилучилася,
Отворяла окошечко косерчетое;
15 Не бѣлая лебедушка прокырчила [2]),
Говорила Катерина-та Микулична:
« Удалый дородній добрый молодецъ,
« Премладый Чурило сынъ Пленковичъ!
« Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ:
20 « У меня Бермяты во дому не случилося,
« Я одна, Катерина, прилучилася. »
Пришелъ де Чурило во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
25 На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Катерины Чурило въ особину.
Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
30 Начала играть съ нимъ во шахматы,
Говорила Катерина таково слово:
« Младое Чурило ты, сынъ Пленковичъ!
« Я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ;
« А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей. »
35 Первый разъ Чурило ей матъ давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ сто рублей;
Другой разъ игралъ, ей другой де матъ давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей;
Третій разъ игралъ, ей де третій матъ давалъ,
40 Взялъ съ Катерины денегъ триста рублей.

---

[1]) Здѣсь долженъ быть стихъ о томъ, какъ Чурила выранивалъ серебряные

Бросала Катерина доску хрустальную,
Шахматы бросала серебряные,
Сама говорила таково слово:
« Премладое Чурило ты, сынъ Пленковичъ!
45 « Я не знаю—играть съ тобой во шахматы,
« Я не знаю—глядѣть на твою красоту,
« На твои-то на кудри на желтыя,
« На твои на перстни злаченые:
« Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
50 « Помутились у меня очи ясныя,
« Смотрючись де, Чурило, на твою красоту. »
Брала Чурила за руки за бѣлыя,
Вела его въ ложни во теплыя,
Да ложилась на кровать спать слоновыхъ костей,
55 На мягкую на перину на пуховую;
Начали съ Чуриломъ забавлятися.
Была у Бермяты де дѣвка чернавка его,
Ходитъ она по терему, мурчитъ да бурчитъ:
— Хороша Катерина дочь Микулична!
60 — Ужъ я пойду къ Бермяты, накучу да намучу.—
Того Катерина не пытаючи,
Въ ложни съ Чуриломъ забавляется.
Пошла де дѣвка въ Божью церковь,
Приходила де дѣвка въ Божью церковь,
65 Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Говорила дѣвка таково слово:
— Ласковый мой хозяинушка,
70 — Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— Стоишь ты во церкви, Богу молишься,
— Надъ собой ты невзгоды не вѣдаешь;
— А у тебя въ терему уже гость гоститъ,
— Незваной де гость, неприказываной,
75 — Да съ твоей-то женою забавляется.—
Говорилъ де Бермята таково слово:
« Правду говоришь, дѣвка, пожалую,

« А нѣтъ, тебѣ, дуры, срублю голову.
Говорила дѣвка таково слово:
80 — Мнѣ, сударь, не вѣрипь, поди, самъ смотри.—
Пошелъ де Бермята изъ Божьей церкви,
Пришелъ де Бермята ко высокому ко терему,
Застучалъ во кольцо во серебряное,
Спитъ Катерина, не пробудится;
85 Застучалъ де Бермята во второй наконъ,
Спитъ Катерина, не пробудится;
Застучалъ Бермята во третій наконъ
Изо всей могуты [1]) богатырскія:
Всѣ теремы пошаталися,
90 Маковки поломалися.
Услышала Катерина Микулична,
Выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Отпирала Катерина широкія ворота,
95 Запущала Бермяту Васильевича.
Говорилъ де Бермята таково слово:
« Что, Катерина, не снарядна идешь?
« Сегодня у насъ вѣдь честный праздничекъ,
« Честное Христово Благовѣщенье. »
100 Говорила Катерина-то Микулична:
— Ласковый мой хозяинушко,
— Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— Болитъ у меня буйна голова,
— Опустилась поясница виже пупа и до пояса,
105 — Во тѣ ли во нижнія во черева:
— Не могу я хорошо обрядитися.—
Пришелъ де Бермята во высокъ теремъ,
Увидѣлъ де платье все Чурилово,
И шапку и сапоги все Чуриловы,
110 Говорилъ Бермята таково слово:
« Хороша ты, Катерина дочь Микулична!
« Я это платье на Чурилы все видалъ. »

---

[1]) Мощи, сил

Умѣетъ Катерина какъ отвѣтъ держать:
— Ты ласковый мой хозяинушко,
— Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— У моего у родимаго у брателка
— Конями съ Чуриломъ помѣняноси,
— Цвѣтнымъ-то платьемъ побраталоси.—
Тогда де Бермята не пытается,
Беретъ де со стопки саблю острую,
Идетъ де Бермята въ ложню теплую,
Да увидѣлъ Чурила на кровати слоновыхъ костей.
Нани [1]) лучная зоринька просвѣтлила,
Острая сабелька промахнула;
Не бѣлый горохъ разстилается,
Чурилова кровь проливается,
По той де по середы кирпичныя
Чуриловы кудри валяются.
Услыхала Катерина-та Микулична,
Брала два ножа она, два острые,
Становила ножи черенемъ въ сыру землю,
Разбѣгаласи на ножики на острые
Своею она де грудью бѣлою,
Подрѣзала жилья ходячія,
И выпустила кровь-ту горячую.
Погибнуло двѣ головушки,
Что хорошія головы наилучшія,
Тутъ-то Чуриду смерть пришла.
А старый Бермята сынъ Васильевичъ
Дождался Христова Воскресенія,
Да прожилъ де недѣлю-то онъ свѣтлую,
Да старую дѣвку чернавушку,
Взялъ ее за правую за рученьку,
Сводилъ де дѣвку въ Божью церковь,
Принялъ ли съ дѣвкой золотые вѣнцы,
Сталъ быть-жить да вѣкъ коротати.
А мы съ той поры Бермяту въ старинахъ скажемъ,

---

[1]) Будто.

Да премладого Чурила сына Пленковича.
Вамъ де счастье да вѣнецъ,
150 Моимъ старинушкамъ конецъ.

181.

ДЮКЪ.

(Гильферд. № 225)

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь землы изъ богатыя,
Изъ той Карелы изъ упрямыя,
Изъ тоя Индіи богатыя,
5 Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ пропорхивалъ,
На гуся ѣхалъ Дюкъ, на лебедя,
На сѣру пернату малу утицу.
Не наѣхалъ Дюкъ ни на гуся, ни на лебедя,
10 И не сѣрой пернатой малой утицы,
И разстрѣливалъ Дюкъ триста стрѣлъ,
Триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы.
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« Почему эти стрѣлы были дороги?
15 « А потому эти стрѣлы были дороги,
« Что на три гряночки были строганы
« Изъ той тростиночки [1]) заморскія.
« Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
« Что на три гряночки были строганы,
20 « Тѣмъ стрѣлы были дороги,
« Что перены [2]) перьемъ сиза орла;
« Не того орла сиза орловича,
« Который летаетъ по святой Руси,
« Бьетъ сорокъ, воронъ и сѣру галицу:

---

[1]) Тростника.
[2]) Оперены-сажен

25 « Того орла сиза орловича,
« Который летаетъ по синю морю,
« Бьетъ гуся и лебедя
« И сѣру пернату малу утицу;
« И отлетаетъ, садится самъ
30 « На бѣлъ каменный степянъ [1]),
« И кроится перьяча [2]) орлиныя,
« Отлетаетъ на море на синее;
« И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
« И обираютъ перьица сиза орла,
35 « Развозятъ перьица по всѣмъ ордамъ,
« По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
« Дарятъ царей и царевичевъ,
« Дарятъ королей да и королевичевъ,
« Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырей.
40 « И пришли эти перья въ даровьяхъ,
« Оперилъ я этимъ перьемъ три стрѣлы.
« Да еще не тѣмъ эти стрѣлы дороги,
« А тѣмъ эти стрѣлы дороги:
« Втераны были въ пяты [3])
45 « Каменье самоцвѣтное, все яхонты;
« Гдѣ стрѣла летитъ,
« Отъ нея лучъ печетъ:
« Въ день красно солнышко,
« Въ ночь отъ свѣтлаго мѣсяца.
50 И тымъ были стрѣлы дороги.»
Собиралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колчанъ,
И пріѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ.
А дѣло-то, братцы, дѣется
Во ту ли субботу великодонную,
55 И ушли ко вечерни ко Христовскія.
Сходилъ Дюкъ со добра коня
И пошелъ ко вечерни ко Христовскія,

—

[1]) Можетъ быть: на бѣлъ горючъ камень?

[2]) Падаетъ отъ тренія объ камень перьица. (Смыслъ 31-го стиха повидимому таковъ: И (к) роется (бросается, падаетъ) перьицо орлиное.—*Ред.*)

[3]) Конецъ стрѣлы, противоположный острію.

И, отстоявши вечерню въ церкви Божіей,
Выходилъ Дюкъ изъ Божьей церкви,
60 И становился на крылечко на переное.
Выходила его матушка изъ Божьей церкви,
Понизешенько Дюкъ покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли:
« Государыня свѣтъ, моя матушка!
65 « Во всѣхъ городахъ, мати, много бывано,
« А во градѣ во Кіевѣ не бывано,
« Владиміра князя, мать, не видано,
« Государыни княгины свѣтъ Апраксіи.
« Дай, мать, прощенье и благословеніе
70 « Съѣздить во Кіевъ градъ,
« Повидать солнышка князя Владиміра,
« Государыню княгину свѣтъ Апраксію.»
И говоритъ ему мать таковы слова:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
75 — Молодой ты боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Не ѣзди ты во Кіевъ градъ:
— Живутъ тамъ люди лукавые,
— Изведутъ тебя, добраго молодца,
— Бывъ хорошаго наливнаго яблока.—
80 И говоритъ Дюкъ матери:
« Государыня свѣтъ, моя матушка!
« Дашь, мать, прощенье, поѣду,
« И не дашь прощенья, поѣду.»
И давала ему матушка прощенье и благословеніе,
85 И давала плеточку шелковую.
Поклонъ Дюкъ отдалъ и прочь пошелъ,
Ходилъ на конюшню стоялую,
И выбиралъ жеребца себѣ неѣзжана,
Изъ ста бралъ Дюкъ, не изъ тысячи;
90 Выбиралъ себѣ бурушка косматаго:
У бурушки была грива трехъ локотъ,
Хвостъ былъ у бурушки трехъ саженъ,
Шерсточка была у бурушки трехъ пядей,
На всѣ стороны разсыпается,

95 Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Уздалъ узду ему точмянную,
И сѣдлалъ сѣделышко во двѣ тысячи,
Накипулъ попону не суреднину:
Срочена была попона въ три строки,
100 Перва строка была красна золота,
Другая строка чиста серебра,
Третья мѣдью-казаркою,
Которая мѣдь подороже злата и серебра,
Подороже скатняго жемчуга:
105 Дорога была попона во три тысячи.
И снарядилъ Дюкъ лошадь богатырскую,
Отходилъ прочь и самъ посматривалъ,
Головой качаетъ, приговариваетъ:
« Конь мой, лошадь, аки лютый звѣрь:
110 « Подъ прягу добра коня не видѣти.»
Въ тороки кладетъ Дюкъ платье цвѣтное,
Въ тороки кладетъ калены стрѣлы,
Скоро дѣтина собирается,
Скоро садится дѣтина на добра коня.
115 Хорошо подъ нимъ добрый конь повыскочилъ
Черезъ стѣну-мать городовую
И чрезъ высокую башню наугольную.
И хорошо пошелъ въ полѣ добрый конь:
Мети мечетъ [1]) конь по версты,
120 Мети мечетъ по двѣ версты,
И мети мечетъ по три версты,
По три версты и по пяти де верстъ,
И повыше дерева жаровчата,
И пониже облака ходячаго;
125 Рѣки и озера между ногъ спустилъ,
И гладкіе мхи перескакивалъ,
Сине-то море кругомъ де ѣхалъ.
Налетала на молодца Горынь-змія,
О двѣнадцати главахъ зла-лиха,

---

[1]) Перемахиваетъ участки въ версту.

130 Хоботомъ хочетъ добра коня огнемъ сожечь
Съ боярскимъ сыномъ Дюкомъ Степановичемъ,—
Добрый конь у змѣя ускакивалъ
И добраго молодца отъ смерти унашивалъ.
Напалъ на молодца лютый звѣрь
135 И хочетъ добра коня схватить-сглотить,—
Добрый конь у звѣря ускакивалъ,
Добраго молодца отъ смерти унашивалъ.
Налетѣло на молодца стадо грачевъ,
По нашему, стадо черныхъ вороновъ,
140 И хочутъ вороны молодца расторнути [1]),—
Добрый конь у грачевъ ускакивалъ,
Добраго молодца отъ смерти унашивалъ.
Проѣхалъ Дюкъ тыя заставы,
На заставу пріѣхалъ четвертую:
145 Край пути стоитъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ-то спитъ добрый молодецъ,
Старый казакъ де Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ Дюкъ ко бѣлу шатру,
Не съ разума Дюкъ сговорилъ:
150 « Кто де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ?
« Выходи-ко съ Дюкомъ поборотися
« И поотвѣдати Дюковой храбрости!»
Вставаетъ Илья на чеботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
155 И выходитъ изъ бѣла шатра,
Самъ говоритъ таково слово:
— Смѣю я съ Дюкомъ поборотися,
— Поотвѣдати Дюковой храбрости.—
Подошла статья Дюка Степановича,—
160 И падалъ съ коня Ильѣ во бѣлы ноги,
Самъ говоритъ таково слово:
« Одно у насъ на небѣ солнце красное,
« Печетъ во всю землю святорусскую;
« А одинъ на Руси могучъ богатырь,

---

[1]) Расторгнути, растерзать.

165 « Старый казакъ де Илья Муромецъ.
« Кто смѣетъ съ нимъ поборотися,
« Тотъ боками отвѣдати матки травы.»
Ильѣ эти рѣчи полюбилися,
Самъ говоритъ таково слово:
170 — Удалый дородній добрый молодецъ!
— Будешь ты во городѣ во Кіевѣ:
— Живутъ тамъ люди все лукавые,
— И станутъ налегать на тебя, на молодца,
— То пиши грамотку скорописчату,
175 — Ко стрѣламъ ярлыки припечатывай,
— И разстрѣливай стрѣлы во чисто поле:
— У меня летаетъ тамъ ясенъ соколъ,
— Собираетъ стрѣлы со чиста поля.
— Подсоблю, дѣтина, твоему горю.—
180 Поклонъ отдалъ Дюкъ,
Самъ садился на добра коня,
Поѣздку казалъ лучше прежняго.
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву
Чрезъ стѣну-мать городовую,
185 Чрезъ башню наугольную,
Пріѣхалъ прямо въ палаты княженецкія
Сходилъ со добра коня,
Становилъ добра коня
Не приказана, не привязана,
190 И зашелъ Дюкъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны Дюкъ покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли.
195 Владиміра дома не случилося,
Одни люди ходятъ стряпчіе,
Стряпчіе люди, дворецкіе,
Говоритъ Дюкъ таково слово:
« А гдѣ самъ Владиміръ князь?»
200 Говорятъ ему люди стряпчіе:
— Удалъ дородній добрый молодецъ!

— Изученіе видимъ твое полное,
— А не знаемъ ни имени, ни вотчины.
— У насъ Владиміра дома не случилося:
205 — Уѣхалъ ко заутрени Христовскія.—
И больше Дюкъ не разговаривалъ,
Выходилъ на улицу паратную,
Садился Дюкъ на добра коня,
Пріѣхалъ къ собору Богородицы,
210 Сходилъ онъ со добра коня,
Оставливалъ добра коня
Не приказана й не привязана.
Пришелъ Дюкъ въ церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
215 Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Становился подлѣ князя Владиміра,
Промежду Владыку Чернигова,
220 И промежду Бермяты Васильева,
И промежду Чурила Пленковича;
Кланяется да поклоняется,
Самъ посматриваетъ:
« Погода-то братцы, весенняя:
225 « Обрызгалъ свое платье цвѣтное.»
Говоритъ Владиміръ таково слово:
— Скажись, удалый добрый молодецъ!
— Какой орды, какой земли,
— Тебя какъ, молодца, зовутъ по имени?—
230 Говоритъ Дюкъ, отвѣтъ держитъ:
« Свѣтъ государь, Владиміръ князь!
« Есть я изъ города Галича,
« Изъ Волынь земли богатыя,
« Изъ той Карелы упрямыя,
235 « Изъ той изъ Сорочины широкія,
« Изъ той Индіи богатыя,
« Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:

« На слову [1]) пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.»
Говоритъ Владиміръ таково слово:
240 — Скажи, удалый добрый молодецъ!
— Давно ли ты изъ города Галича?—
« Я вечерню стоялъ во славномъ Галичѣ,
« Ко заутрени поспѣлъ въ славенъ Кіевъ градъ.»
Слушаютъ князи и бояра:
245 — Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
— Много ли отъ Кіева до Галича разстоянія?—
Говорятъ князья и бояра:
« Прямымъ ходомъ на три мѣсяца,
« А окольней дорогой на шесть мѣсяцевъ:
250 « Были бы де кони перемѣнные,
« Съ коня на конь де перескакивать,
« Изъ сѣдла въ сѣдло переметывать.»
Говоритъ государь Владиміръ князь;
— Скажи, удалый добрый молодецъ!
255 — Дороги ли у васъ кони во Галичѣ?—
« Есть у насъ кони и по рублю,
« Иная лошадь есть и за два рубля,
« Есть по сту и по два и по пятисотъ;
« А моему добру коню
« Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю.»
260 Говорятъ тутъ князья и бояра:
— Свѣтъ государь, Владиміръ князь!
— Не бывать тутъ Дюку Степанову,
— Только быть мужиченку засельщику
— И быть деревенщины:
265 — Жилъ у купца-гостя торговаго
— И укралъ у него платье цвѣтное;
— Жилъ у иного у боярина,
— Угналъ у боярина добра коня;
— На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,
270 — Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
— Надъ нами, боярами, пролыгается. —

---

[1]) На славу, по слуху о славѣ Кіева.

И отстоявъ они во церкви Божіей заутреню
Со обѣднею и святые честные молебены,
И выходили на улицу паратную.
275 На улицы стоитъ народу и смѣты нѣтъ,
Смотрятъ на лошадь богатырскую
И на его снаряды молодецкіе.
Садилися по добрымъ конямъ,
Поѣхали ко высокому терему,
280 Ѣдетъ Дюкъ де, головой качаетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
285 « Мощены мосты были все дубовые,
« Сверху стланы сукна багречевыя,
« Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
« За лопатниками пойдутъ метельщики,
« Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
290 « А твои мосты, сударь, неровные,
« Неровные, все сосновые. »
Пріѣхали ко широку двору,
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« А у Владиміра все не по нашему:
295 « Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« Надъ воротами было иконъ до семидесяти,
« Всѣ иконы были на золотѣ;
« А у тебя, Владиміръ, десятка нѣтъ. »
300 Заѣхали на широкій дворъ,
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
305 « У моей сударыни у матушки,
« На дворѣ стоятъ столбы все серебряные,
« Продернуты кольца позолоченыя,
« Разоставлена сыта медвяная,

« Есть насыпана пшена бѣлоярая,
310 « Есть что добрымъ конямъ пить и кушати. —
« А у тебя, Владиміръ, того не случилося. »
Пришли во высокъ теремъ,
Садились за столы бѣлодубовые,
Понесли по чаркѣ зелена вина.
315 Пьетъ Дюкъ да головой качаетъ,
Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« А у Владиміра все не по нашему;
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
320 « У моей сударыни у матушки,
« Глубокіе погреба сорока саженъ
« Были въ землю копаны,
« Зелено вино на цѣпяхъ виситъ серебряныхъ,
« Были въ поля трубы понаведены:
325 « Повѣетъ вѣтеръ со чиста поля,
« Проноситъ затохаль великую;
« А твое, сударь, горькое зелено вино,
« Пахнетъ на затохаль великую. »
И понесли послѣдню яству-колачики крупивчаты,
330 Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
335 « Колачикъ съѣсп, а другаго хочется;
« Твоп, сударь, горькіе колачики,
« Пахнутъ на фою [1]) сосновую. »
И тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говоритъ таково слово:
340 — Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
— Когда правдой дѣтина похваляется,
— Пусть ударитъ со мною о великъ закладъ:
— Щапить-басить по три года

---

[1]) Хвою.

— По стольному по городу по Кіеву,
345 — Надѣвать платье на разъ,
— На другой платье не перенашивать. —
И ударились они въ великъ закладъ,
Порокъ [1]) поставили пятьсотъ рублей:
Который изъ нихъ не перещапитъ,
350 Съ того взять и пятьсотъ рублей.
По Чурилѣ сынѣ Пленковичѣ
Всѣмъ городомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился князь со княгиною;
А по Дюкѣ никто не ручается,—
355 Набиралось голей кабацкихъ до пятисотъ,
По Дюкѣ болѣ [2]) всѣ ручаются.
Дюкъ тому догадается,
Скоро садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые,
360 Ко стрѣламъ ярлыки припечатывалъ,
Разстрѣливалъ стрѣлы во чисто поле.
Изъ далеча, далеча изъ чиста поля,
Не ясенъ соколъ налетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ напорхивалъ,
365 Наѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
По Дюкѣ Илья ручается:
Подписалъ коня и свою голову.
И стали они щапить и басить
По стольному городу по Кіеву.
370 Чурило сынъ Пленковичъ
Обулъ сапожки-то зеленъ сафьянъ:
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пяту хоть соловей лети,
А кругомъ пяты хоть яйцомъ кати;
375 Надѣлъ онъ шубу-то соболью:
Во пуговкахъ литы добрые молодцы,
Во петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
И наложилъ онъ шапку черну мурманку,

---

[1]) Порукъ, заклада.
[2]) Голи?—*Ред.*

Ушисту, пушисту, завѣсисту:
380 Спереди не видно ясныхъ очей,
А сзади не видно шеи бѣлыя.
А молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
По Кіеву не-снаряденъ шелъ:
И обуты были лапотцы семи шелковъ;
385 Въ эти лапотцы были вплетены
Дорого каменье, все яхонты,—
Который же камень самоцвѣтный
Стоилъ города всего Кіева,
Опричь знаменья Богородицы
390 И опричь прочихъ святителей;
И надѣта была у него шуба та расхожая:
Во пуговкахъ литы люты звѣри,
Во петелькахъ шиты люты змѣи,
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
395 Матушкино благословеніе,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ,
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ,
Засвистали во петелькахъ люты змѣи.
400 И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго,
Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
Старый и малый на землѣ лежитъ;
Только малые люди оставалися,
405 За Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулися:
« Тебѣ спасибо, удалый дородній добрый молодецъ!
« Перещапилъ ты Чурила, сына Пленковича.»
Тогда онъ взялъ съ Чурила пятьсотъ рублей,
Купилъ на пятьсотъ зелена вина
410 Своимъ голямъ порутчикамъ:
Тогда голи всѣ возрадовалися.
Ино тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говорилъ таково слово:
— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
415 — Когда онъ правдою, дѣтина, похваляется,

— Пошлемъ мы туды переписчика,
— Во славную Волынь землю,
— Житья его, богачества описывать. —
« Кого намъ послать переписчикомъ? »
420 — А пошлемъ мы Добрынюшку Никитьевича. —
И поѣхалъ Добрыня во Галичъ градъ,
Житья его, богачества описывать;
И пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,
425 И зашелъ во высокъ теремъ,
И крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли.
430 Сидитъ жена стара матера,
Мало шелку—вся въ золотѣ,
И говоритъ Добрыня таково слово:
« Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
435 « По низку велѣлъ поклонъ поставити.»
И говоритъ жена стара матера:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины,
— А изученье вижу твое полное.
440 — А не Дюкова я здѣсь есть матушка,
— А Дюкова есть колачница. —
И тутъ Добрынѣ стало зазорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
И просыпалъ Добрыня ночку темную,
445 На утро пріѣхалъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,—
Не видалъ теремовъ такихъ на семъ свѣтѣ,
Зашелъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
450 Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется да поклоняется
На всѣ четыре на сторонушки

Желтыми-то кудрями до сырой земли:
Сидитъ жена стара матера,
455 Мало шелку, а вся въ золотѣ.
Говорилъ Добрыня таково слово:
« Ты здравствуй же, Дюкова ты матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
« И по низку велѣлъ поклонъ поставити. »
460 Говоритъ старуха таково слово:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Изученье вижу твое полное,
— А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.
— Я не Дюкова здѣсь есть матушка,
465 — А Дюкова я здѣсь есть бажатушка:
— Не найти тебѣ Дюковой здѣсь матушки.
— На утро у насъ Христово воскресеніе,
— И стань на улицу паратную,
— Гдѣ настланы сукна багречевыя;
470 — Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
— За лопатниками пойдутъ метельщики,
— Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
— И потомъ пойдетъ толпа де вдовъ,
— Потомъ пойдетъ уже другая толпа
475 — Подсолнечныхъ сорока саженъ.
— Умѣй, дѣтина, поклонятися.
— Пойдетъ тутъ Дюкова-та матушка. —
И тутъ Добрынѣ стало зазорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
480 И просыпалъ Добрыня ночку темную.
И на утро онъ пріѣхалъ во Галичъ градъ
И сталъ на улицу паратную,
Гдѣ-ка стланы сукна багречевыя.
Напередъ пошли тутъ лопатники,
485 За лопатниками пошли метельщики,
Очищали дорогу сукна стланаго;
Потомъ пошла уже толпа де вдовъ,
Поклонъ отдалъ, да и прочь отсталъ;
Потомъ пошла уже другая толпа

490 Подсолнечныхъ сорока саженъ.
Умѣетъ Добрыня покланятися
Желтыми-то кудрями до сырой земли,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
495 « Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
« По низку велѣлъ поклонъ поставити. »
И говорила Дюкова матушка:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Изученье вижу твое полное,
500 — А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.
— Сегодня у насъ Христово воскресеніе:
— Пойдемъ въ Божью церковь
— И простоимъ обѣдню воскресную;
— Заберу молодца тебя въ высокъ теремъ,
505 — Напою-накормлю хлѣбомъ-солію. —
И пошли они въ Божью церковь,
Простояли обѣдню воскресенную,
И забрала молодца во высокъ теремъ,
Поитъ-кормитъ, много чествуетъ.
510 И выходилъ Добрыня изъ-за стола изъ-за дубоваго,
И самъ говорилъ таково слово:
« Государыня свѣтъ ты, Дюкова матушка!
« Я вѣдь пріѣхалъ сюда не тебя смотрѣть,
« Житья твоего, богачества описывать:
515 « Прирасхвастался твой сынъ Дюкъ у насъ богачествомъ. »
И скоро старуха брала золотые ключи
И вела въ амбары магазейные,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе:
Смекалъ Добрыня много времени,
520 Не могъ товарамъ и смѣты дать;
Привели въ погребы темные,
Гдѣ-ка складена деньга нехоженая;
Смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ деньгамъ смѣты дать.
525 Садился Добрыня на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые

И самъ говорилъ таково слово:
« Да намъ изъ города изъ Кіева
« Везти бумаги на шести возахъ,
530 « Да чернилъ везти на трехъ возахъ,
« Описывать Дюково богачество,—
« Да не описать будетъ. »
Прощался Добрыня съ Дюковой матушкой
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
535 Пріѣзжаетъ Добрыня во Кіевъ градъ,
А ярлыки на дубовъ столъ клалъ:
И тогда Дюкова правда сбывается,
Будто вешня вода разливается.
Инъ еще Чурилу стало зазорко,
540 И самъ говоритъ таково слово:
— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
— Когда онъ правдой дѣтина похваляется,
— Такъ и пусть ударитъ со мной о великъ закладъ:
— Скакать черезъ матушку черезъ Почай рѣку
545 — На добрыхъ коняхъ и назадъ отскакивать.—
И ударились они о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
А ударились о своихъ буйныхъ головахъ:
Который изъ нихъ не перескочитъ,
550 У того голова срубить.
Чурило-то сынъ Пленковичъ
Выводилъ Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ самолучшаго,
Разганивалъ и разъѣживалъ
555 Изъ далеча, далеча изъ чиста поля;
Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
Не разганивалъ и не разъѣзживалъ,
Съ крутого берега коня приправливалъ,
И скочилъ за матушку Почай рѣку,
560 И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ,
И Чурила къ крутому берегу притягивалъ,
И выдергивалъ саблю острую,
И хотѣлъ ему срубить буйну голову.

И тогда вступился князь со княгинею:
565 « Удалый дородній добрый молодецъ!
« Не руби ты Чурилы буйной головы,
« Да спусти ты Чурила на свою волю. »
И тогда Дюкъ пялъ Чурила правой ногой,
Улетѣлъ Чурила во чисто поле,
570 А говорилъ Дюкъ таково слово:
— Ай, ты, Чурило сухоногое!
— Поди, щапи ты съ дѣвками да съ бабами,
— А не съ нами, съ добрыми молодцами.—
Садился Дюкъ на добра коня,
575 И самъ говорилъ таково слово:
— Прощай свѣтъ государь ты, Владиміръ князь,
— И прощай, княгиня Апраксія,
— И прощайте, бояре всѣ Кіевскіе,
— И прощайте, купцы именитые,
580 — И прощайте, мужики огородники!—
И поѣхалъ Дюкъ ко городу ко Галичу,
И черезъ стѣну махалъ прямо городовую,
И черезъ высоку башню наугольную.
И уѣхалъ Дюкъ во Волынь землю богатую,
585 Во Волынь землю и во славенъ Галичъ градъ.

182.

АВДОТЬЯ ЖЕНКА РЯЗАНОЧКА.

(Гильферд. № 260.)

Подступалъ тута царь Бахметъ турецкій,
И разорялъ онъ старую Казань [1]) городъ подлѣсную,
И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
5 Оставаласи во Казани одна женка Рязаночка,

[1]) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому что женка называется Ряза-

Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонилъ три головушки,
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
10 Свекра любезнаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
« Пойду я во землю турецкую
« Выкупать хотя единыя головушки
« На дороги хорошіе на выкупы. »
15 Царь Бахметъ турецкіій,
Идучи отъ Казани отъ города,
Напустилъ все рѣки-озера глубокія,
По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,
Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,
20 Чтобы никому ни пройти, ни проѣхати.
Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе-то ручейки бродомъ бреда,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
25 Чистыя поля-разбойниковъ о полночь прошла
(О полночь разбойники опочинъ держатъ),
Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полденъ прошла,
(О полденъ люты звѣри да опочинъ держатъ)
Она такъ прошла да путемъ да и дорогою,
30 Пришла де во землю турецкую,
Къ царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
« Ты батюшка, царь Бахметъ турецкіій!
« Когда ты разорялъ старую Казань городъ подлѣсную,
35 « Полонилъ ты народа сорокъ тысячей,
« У меня полонилъ три головушки:
« Милаго-то братца родимаго,
« И мужа вѣнчальнаго,
« Свекра любезнаго,
40 « И пришла я къ тебѣ выкупати хотя единыя головушки
« На дороги ли хоть на хорошіе на выкупы.»
Отвѣчалъ ей царь, отвѣтъ держалъ:

— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
— Какъ ты прошла путемъ да и дорогою?
45 — У меня напущены были всѣ рѣки-озера глубокія,
— И по дорогамъ были поставлены разбойники,
— А во темныхъ лѣсахъ были напущены люты звѣри,
— Чтобы никому ни пройти да ни проѣхати.—
Отвѣтъ держитъ ему Авдотья женка Рязаночка:
50 « Батюшка, царь Бахметъ турецкій!
« Я такъ прошла путемъ да и дорогою:
« Мелкія-то рѣчушки бродомъ брела,
« А глубокія рѣчушки плывомъ плыла,
« Чистыя поля-разбойниковъ о полночь прошла
55 « (О полночь разбойники опочинъ держатъ),
« Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полденъ прошла
« (О полденъ люты звѣри опочинъ держатъ),
« Я такъ прошла путемъ да и дорогою. »
Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:
60 — Ты, Авдотья женка Рязаночка!
— Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
— Такъ умѣй-ка попросить и головушки
— Изъ трехъ единыя;
— А не умѣешь ты попросить головушки,
65 — Такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну голову.—
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
« Ужъ ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
« Я въ Казани-то была женка не послѣдняя,
70 « Не послѣдняя я была женка, первая.
« Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ,
« Свекра стану звать батюшкомъ;
« Приживу я себѣ сына любезнаго,
« Такъ у меня и сынъ будетъ;
75 « Приживу я себѣ дочку любезную,
« Воспою-скормлю, за мужъ отдамъ,
« Такъ у меня и зять будетъ.
« Не видать мнѣ буде единыя головушки,
« Мнѣ милаго братца родимаго,

80 « Да не видать вѣкъ да и по вѣку. »
Сижучись де царь пораздумался;
Пораздумался царь, порасплакался;
— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
— Когда я разорялъ вашу сторону Казань городъ подлѣсную,
85 — Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго:
— Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
— За твои-то рѣчи разумныя,
— За твои-то слова за хорошія,
— Ты бери полону, сколько надобно:
90 — Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ турецкія,
Выбирати полонъ во свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли турецкія,
Привела де полонъ во свою Казань городъ подлѣсную,
95 Разселила Казань городъ по старому,
По старому да по прежнему.

183.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ и ВАСИЛІЙ ОКУЛОВИЧЪ.

За славнымъ было за синимъ моремъ,
Во начальномъ-то было во Царѣ-градѣ,
У царя ли Василья Окулова,
Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
5 На многи на князи, на бояра,
На сильны могучи богатыри,
На всѣ поленицы удалыя,
На всѣ татары, на уланове.
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
10 Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ по гриднѣ, выговаривалъ:

« Ужъ вы, мои князи-бояра,
« Всѣ сильны могучи богатыри,
15 « Всѣ паленицы удалыя,
« Всѣ татары, всѣ уланове
« У меня во Царѣградѣ изпоженены,
« Всѣ дѣвицы-вдовицы замужъ выданы;
« Я, прекрасный царь Василій, холостъ хожу.
20 « Вы не знаете-ль мнѣ супротивницы,
« Супротивницы какъ супротивъ меня:
« Станомъ статна была бы, умомъ сверстна,
« У ей очи-то были бы ясна сокола,
« У ей брови-то были бы черна соболя,
25 « У ней рѣчь-пословица умильная,
« Будто бѣлыя лебеди пролетныя;
« У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
« У ей ягодницы [1]) будто маковъ цвѣтъ,
« Походка бы лани златорогія,—
30 « Не была бы другая такая на семъ свѣтѣ. »
Тутъ всѣ во пиру призамолкли-сидя [2]),
Большой хоронится за средняго,
Середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго царю отвѣту нѣтъ.
35 Изъ того де стола изъ-за окольнаго,
Съ той де скамейки дорогъ рыбій зубъ,
Выставалъ Таракашко, гость заморянинъ,
Приходитъ къ царю близешенько,
Поклоняется царю низешенько:
40 — Благослови, государь, слово промолвити!
— Бывалъ я далече за синимъ моремъ,
— Во начальномъ-то градѣ во Іерусалимѣ.
— Тамо есть царица Саламанида:
— Она станомъ статна и умомъ сверстна,
45 — У ей очи-то были ясна сокола,
— У ей брови-то были черна соболя,
— Рѣчь-пословица умильная

---

[1]) Ягодицы, щеки.
[2]) Сидятъ.

— Будто бѣлыя лебеди пролетныя,
— У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
— У ей ягодницы будто маковъ цвѣтъ,
— Походка будто лани златорогія.
— Не видалъ я другой такой на семъ свѣтѣ.
— Сидитъ, сударь, во высокихъ во теремахъ,
— Ей красно солнышко не обпечетъ,
— Часты мелки дождички не обмочатъ,
— Ей добрые-то люди не осмѣютъ.—
Говоритъ Василій царь Окуловичъ:
« Ты глупъ, Таракашко, гость заморянинъ!
« Еще какъ отъ жива мужа жена отнять? »
— Я вѣдь знаю, какъ жена отнять:
— Мнѣ построй-ка три корабля черненые,
— Носы-кормы взводи по звѣриному,
— Бока-то взводи по змѣиному,
— За очи-ты мѣсто [1]) зращивай
— По цѣлой лисицы по пещерскія,
— За брови мѣсто почернивай
— По цѣлому соболю сибирскому;
— Поставь по древу кипарисному,
— На древо посади птицы райскія,
— Чтобы пѣли де пѣсенки по царскому;
— Построй-то кровать слоновыхъ костей,
— Въ зголовьяхъ станови, сударь, гуселышка,
— Чтобы сами и гудѣли, сами тонцы вели,
— Тонцы-то вели все Царя-града,
— Утѣха-то была Іерусалима,
— Отпѣвали умъ-разумъ во буйной головы,
— Во буйной головы человѣческой;
— Накати, сударь, водки все дворянскія,
— Накати питья все забудущаго;
— Мнѣ-то дай шкиперевъ, сударь, работниковъ:
— Привезу, сударь, ти Саламандиду.—
Царь все онъ сдѣлалъ повелѣное:

---

[1]) Вм. очей.

Накатилъ ли какъ водки все дворянскія,
Накатилъ ли питья все забудущаго,
85 Да и далъ шкиперевъ ему, работниковъ.
И скоро Таракашко собирается,
За сине-то море попускается,
Онъ будетъ поблизку града Іерусалима.
Поѣзжаетъ Саламанъ во чисто поле,
90 Приходитъ къ царицы Саламаниды,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты, прекрасна царица Саламанида!
« Пришелъ я съ тобой попроститися,
« А поѣду я теперь во чисто поле. »
95 Говоритъ царица ему, отвѣтъ держитъ:
— Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ!
— Ночесь, государь, мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы да у тебя на правой рукѣ
100 — Распаялся бы златенъ перстень,
— Выкаталася вставка Новгородская,
— По твоей середы бы разсыпалася.—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Сама ты спала, себѣ сонъ видѣла. »
105 Говоритъ царица таковы слова:
— Еще, государь, мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы изъ твоего саду изъ зеленаго
— Везли де твою лебедь бѣлую.—
110 Умѣетъ Саламанъ какъ сонъ судить:
« Прекрасна царица Саламанида!
« Не сдавайся на прелести на мужески. »
Попростился, уѣхалъ во чисто поле.
Гость Таракашко заморянинъ
115 Затянулся во гавань корабельную,
Беретъ честные дороги даровс,
Приходитъ къ царицы во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,

120 На всѣ стороны поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
— Прекрасна царица Саламанида!
— Примай отъ меня честные дарове,
— А мнѣ дай писаревъ-переписчиковъ
125 — Переписать у меня животъ на корабляхъ,
— Съ чего бы ти братъ дани-опошлины,
— А мнѣ торговати въ Іерусалимѣ.—
Дала писаревъ ему, переписчиковъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
130 Подносилъ де имъ водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ имъ питья все забудущаго:
Тутъ писаря всѣ упивалися
И по кораблямъ всѣ развалялися.
135 Гость Таракашко порасплакался,
Ко царицы пришелъ, поразжалился,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, прекрасна царица Саламанида!
— Заѣзжимъ ты гостемъ посмѣхаешься:
140 — Не писаревъ ты мнѣ дала, переписчиковъ,
— Дала ты пьянь да голь кабацкую:
— Будто вѣкъ не пивали зелена вина,
— Нонь лежатъ какъ скотина крестьянская.—
Сама-то царица подымалася,
145 Она сплы беретъ до пяти сотъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
Подносилъ ей водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ ей питья все забудущаго;
150 Тутъ царица упивалася.
Гость Таракашко догадается,
Сходни наладилъ, что двоимъ пройти,
Проводилъ Таракашко на третій корабль,
Гдѣ построена кровать-то слоновыхъ костей:
155 Ложилась царица спать на кровать слоновыхъ костей.
Гость Таракашко догадается,

Закричалъ Таракашко зычнымъ голосомъ:
— Вы всѣ шкиперя мои, работники!
— Подымайте по парусу полотняному,
160 — Побѣгайте далече во сине море.—
Всѣ шкипаря пометалися,
Подымали де паруса полотняные,
Побѣгали далече во сине море.
Прохватилась царица изъ-за крѣпкаго сну,
165 Сама говорила таково слово:
« Гость Таракашко заморянинъ!
« Про себя ты везешь, я съ тобой нейду. »
Умѣетъ Таракашко какъ отвѣтъ держать:
— Не про себя я везу тебя, про друга,
170 — Про царя Василья Окулова.
— Да вѣдь какъ наша-то вѣра лучше вашея
— Всѣ среды и пятокъ за единый день,
— Среду-пятницу скоромъ кушаютъ.—
Ей эта вѣра полюбилася.
175 Скоро побѣгали ко Царю-граду,
Затянулись во гавань корабельную,
Встрѣчаетъ царь Василій Окуловичъ,
Беретъ ее де за руки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
180 Ведетъ ее во кирку во соборную.
Принимали по своему златые вѣнцы,
Стали жить-быть, да вѣкъ коротати.
Пріѣзжаетъ Саламанъ изъ чиста поля,—
И не стало царицы Саламаниды.
185 Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ,
Онъ набралъ де силы сорокъ тысячей,
Все де какъ латниковъ-кольчужниковъ.
Пошелъ де Саламанъ кругъ синя моря,
Кругъ синя моря да ко Царю-граду.
190 Онъ будетъ подъ рощами зелеными,
Оставляетъ онъ силу всю подъ рощами,
Силы то самъ наказывалъ:
« Все мое войско любезное!

« Я одинъ пойду теперь во Царь-городъ.
195 « И буду я у смерти-то у скорыя,
« Затрублю я де во турій рогъ во первый разъ,—
« Такъ вы скоро сѣдлайте добрыхъ коней;
« Затрублю я въ турій рогъ во второй-то разъ,—
« Такъ вы скоро садитесь на добрыхъ коней;
200 « Затрублю я въ турій рогъ во третій разъ,—
« Вы будьте скоро у рели [1]) у дубовыя,
« Обороните меня отъ смерти скорыя. »
Попростился, одинъ пошелъ во Цареградъ,
Идетъ мимо палату мимо царскую,
205 Закричалъ Саламанъ зычнымъ голосомъ:
« Ты, прекрасна царица Саламанида!
« Подай мнѣ, прохожему, милостину.
Отворялось окошечко косерчато,
Не бѣлая лебедушка прокырчила,
210 Говорила царица таково слово:
— Да я вижу,—не калика перехожая,
— Я вижу,—Саламанъ царь Премудрый.
— Пожалуй-ко, Саламанъ, во высокъ теремъ:
— Мое, сударь, дѣло подневольное.—
215 Пришелъ Саламанъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется.
Прекрасна царица Саламанида
220 Садила за столы бѣлодубовы,
Поитъ-кормитъ, много чествуетъ.
Пріѣзжалъ Василій изъ чиста поля,
Застучалъ во кольцо во серебряно,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
225 « Прекрасна царица Саламанида!
« Нонь куда мнѣ будетъ подѣватися? »
— Подитко, Саламанъ, во окованъ ларецъ.—
Отмыкала замки-то двудорожные,

---

[1]) Рель, висѣлица.

Запущала Саламана Премудраго,
230 Замыкала Саламана замками двудорожними;
Запущала царя Василія Окулова,
Сама садилась на окованъ ларецъ,
Говорила царица таково слово:
— Прекрасный Василій царь Окуловичъ!
235 — Сказали, Саламанъ-то хитеръ, мудеръ!
— Нонь ужели Саламана здѣ глупѣе нѣтъ:
— Сидитъ подъ .... подъ женскою.—
Говорилъ Василій таково слово:
« Прекрасна царица Саламанида!
240 « Покажи мнѣ Саламана Премудраго. »
Отмыкала замки да двудорожніе,
Выпущала Саламана Премудраго,
Сама говорила таково слово:
— Прекрасный Василій Окуловичъ!
245 — Придай ты Саламану смерть-скорую:
— Ужели вѣдь Саламанъ-отъ есть хитеръ-мудеръ.—
. . . . . .
260 А царь все вѣдь онъ дѣлалъ повелѣное.
Поѣхали ко рели ко дубовыя:
Ѣдетъ Саламанъ царь Премудрый,
Ѣдетъ Василій царь Окуловичъ,
Ѣдетъ царица Саламанида,
265 Ѣдетъ Таракашко гость заморянинъ.
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Царь Василій ты Окуловичъ!
« Передни-то колеса конь везетъ,
« Да ужъ задни колеса зачѣмъ чертъ несетъ? »
270 Никто де тому не догадается.
Пріѣхали къ рели ко дубовыя,
Становился Саламанъ на первой ступень,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Ты, прекрасный Василій царь Окуловичъ!
275 « Ужъ я за молодость да за ребячество
« Пасывалъ я скотину крестьянскую,
« Благослови заиграть, сударь, во турій рогъ. »

Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ:
Сила-то вся сколыбается,
280 Скоро сѣдлали добрыхъ коней.
Убоялся царь Василій, уполошался:
— Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,
— Еще де что въ чистомъ полѣ стучитъ-бренчитъ?—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
285 « Не бойся, Василій, не полошайся:
« Мои-то кони въ Іерусалимѣ
« Пошли со стойла во темны лѣса,
« Бьютъ копытами въ сыру землю,
« Поминаютъ Саламана Премудраго. »
290 Ступилъ Саламанъ на второй ступень,
Затрубилъ де въ турій рогъ во второй разъ:
Сила-то вся сколыбалася,
Скоро садились на добрыхъ коней.
Убоялся Василій, уполошался:
295 — Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,
— Еще что де въ чистомъ полѣ стучитъ, бренчитъ?—
« Не бойся, Василій, не полошайся:
« Моя-то птица въ Іерусалимѣ
« Полетѣла изъ саду во темны лѣса,
300 « Бьетъ крылами о темный лѣсъ,
« Вспоминаетъ Саламана Премудраго. »
Вступилъ Саламанъ на третій ступень,
Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратнему:
Сила-то вся оболелѣяла,
305 Будто ясные соколы облетѣли,
Будто сѣрые-то волки обрыскали,
Наѣхали къ рели ко дубовыя,
Снимали де царя Саламана Премудраго,
Съ тоя со рели со дубовыя;
310 Царя де Василья Окулова
Положили во петлю шелка бѣлаго,
Прекрасную царицу Саламаниду
Положили въ петлю шелка краснаго,
Гостя Таракашку де Заморскаго

315 Положили въ петлю шелка чернаго.
Поплѣнили они весь Царь-городъ,
И назадъ пошли вокругъ синя моря,
Вокругъ синя моря, моря къ Іерусалиму,
Стали жить-быть, да вѣкъ коротати.

XXX.

ЛЯДКОВЪ.

Иванъ Михайловъ Кропачевъ (по прозвищу Лядковъ), крестьянинъ дер. Мамонова на Кенозерѣ. Рыбниковъ, видѣвшійся съ нимъ однажды, и то случайно, на почтовой станціи, зоветъ его просто «Кенозерскимъ цѣловальникомъ», а имя этого пѣвца и всѣ свѣдѣнія о немъ сообщены Гильфердингомъ. Мы зачисляемъ за Лядковымъ четыре текста, а не одинъ, какъ гласитъ указатель Рыбниковскаго собранія и какъ повторяетъ за нимъ Гильфердингъ (III, 314). Основанія наши такія: Рыбниковъ въ «Замѣткѣ» прямо говоритъ, что записалъ отъ своего цѣловальника три текста: «пѣсню о Горѣ, былину о Кострюкѣ и отрывокъ отличнѣйшаго пересказа о Дюкѣ»; по этому указанію нетрудно отыскать ихъ въ сборникѣ (это будутъ по первому изданію: I, 84, II 27 и 25). Четвертая пѣсня—«О добромъ молодцѣ неудачливомъ и рѣчкѣ Смородинкѣ» (I, 82); она обозначена у Рыбникова такъ: «Кенозеро; записано проѣздомъ отъ крестьянина»; принадлежность ея Лядкову устанавливается совпаденіемъ съ Гильфердинговской записью этой пѣсни отъ того же Лядкова (№ 262). Заслуживаетъ вниманія, что былина о Кострюкѣ, данная Лядковымъ обоимъ собирателямъ, представляетъ два несхожихъ текста—обстоятельство, не разъ отмѣченное нами выше (см. Рябининъ, Сарафановъ, Троф. Романовъ). Наибольшую близость къ Рыбниковскому Кострюку даетъ у Гильфердинга Швецовскій варіантъ (№ 310).

184.

ДЮКЪ.

Изъ тоя Индѣи богатыя,
Со тоя Корелы упрямыя,
Не ясенъ-то соколъ вылетывалъ,
Не бѣлой-то кречёнь перепуркивалъ:
5 Выѣзжалъ удалый—добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На своемъ на бурушкѣ косматенькомъ,
На косматенькомъ бурушкѣ крылатоемъ.
Хороша его управа богатырская,
10 Хороши доспѣхи молодецкіе.

Богатырь просится у матушки посмотрѣть на славенъ Кіевъ градъ и на ласковаго князя на Владиміра, святымъ мощамъ поклонитися, Пресвятой Богородицѣ помолитися. А мать говоритъ ему:—«Дитятко, захочешь ты спробовать силы-удачи молодецкія»,

— А много въ Кіевѣ богатырей,
— Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
— Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
— Первая застава—сѣры волки,
15 — Другая застава—змѣи лютыя,
— Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей.—

Не послушался Дюкъ наказу матери и поѣхалъ ко городу ко Кіеву.

Когда ѣздилъ Дюкъ по тихимъ по заводямъ, стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленыя, на гряночки стрѣлочки точеныя; въ нихъ втерано [1]) было по камешку самоцвѣтному,

Вплетено по перышку орлиному,
Орла орловича Сибирскаго:
Садился орелъ на синій на камешекъ,
20 Щипалъ—ронилъ перьицо орлиное;

---

[1]) Вогнато, вдѣлано.

Пріѣзжали гости-корабельщики,
Подбирали это перьицо орлиное,
Возили-развозили перьицо по всѣмъ страчамъ,
Дарили-то царей-царевичей,
25 Дарили королей-королевичей.

На пути къ Кіеву побиваетъ Дюкъ Соловья-разбойника, проѣзжаетъ первую заставу крѣпкую и другую заставу крѣпкую; какъ доѣхалъ до третьей заставы,

Не по Дюковой пало участи:
Напалъ туманъ съ маревомъ,—
Не видно пути-дороженьки.
Стоючись-то Дюкъ, самъ дивуется.
Доѣхалъ онъ до третьей заставы,
30 У третьей заставы пораздумался:
Стоитъ двѣнадцать богатырей могучіихъ,
Стоитъ Самсонъ Колывановичъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Сухманъ богатырь сынъ Одихмантьевичъ,
55 Старый казакъ Илья Муромецъ.

Дюкъ видитъ, что силой проѣхать нельзя; живому не бывать; 30 шелъ съ добра коня.

И поклонился могучимъ богатырямъ:
« Здравствуйте, русскіе могучіе богатыри! »
— Здравствуй, заѣзжій добрый молодецъ!
— Ты коей орды, ты коей Литвы,
40 — Коего отца, коей матери?
« Я есть бояринъ Дюкъ Степановичъ,
« Изъ тоя Индѣи богатыя,
« Изъ тоя Корелы упрямыя;
« У меня терема—златоверхія маковки;
45 « Поберегите меня во Кіевѣ! »

Богатыри, называя его «ученымъ-добрымъ молодцомъ», обѣщаютъ исполнить его просьбу. Остальная часть побывальщины не представляетъ ничего новаго.

185.

КАСТРЮКЪ.

(Гильферд. № 310.)

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Произволилъ онъ женитися,
Произволилъ онъ обручитися,
Не у насъ на святой Руси,
5 И не у насъ въ каменной Москвы,
А въ землѣ во невѣрныя,
Въ землѣ во Черкасскія,
На той ли на Марьѣ Кастрюковной,
И на той ли на Марьѣ Демьюковной.
10 Еще много онъ бралъ въ приданое,
Триста Татариновъ, да пятьсотъ Донскихъ казаковъ:
Затылки у нихъ были вшивые,
Гузна́ подхилыя, толстопяты, загузисты.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
15 На великихъ былъ онъ на радостяхъ.
И заводилъ пированьице—почестенъ пиръ
На своихъ на князей, на бояръ,
На всѣхъ на могучіихъ богатырей,
На всѣ паленицы удалыя.
20 Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Одинъ сидитъ молодецъ—призадумался,
Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ,
25 И ничѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Вышелъ дядюшка князь Никита Романовичъ,
И ходитъ онъ по своей по свѣтлой по свѣтлицы,
По той ли по гридни по столовыя,
Самъ говоритъ таковы слова:
30 « Что̀ же ты, больше-царскій шуринъ,
« Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
« И ничѣмъ, молодецъ, не хвастеешь?

« Какую ты думу думаешь?
« Развѣ мѣсто тебѣ не по разуму,
35 « Али чара не рядо́мъ дошла,
« Али невѣжа въ пиру обезчестила? »
— А я думаю думушку крѣпкую:
— Есть ли у васъ въ Москвѣ борцы
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
40 — Съ Демьюкомъ поломатися,
— Силы отвѣдати и царя припотѣшити?
— Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
— Пятьсотъ городовъ за себя побралъ:
— Еще какъ Московскихъ борцовъ побору́,
45 — Всю Москву за себя возьму,
— А царя Ивана Васильевича въ полонъ полоню.—
И выходилъ дядюшка Никита Романовичъ
На свое на крутое на красно крылечико,
Крикнулъ онъ во всю голову,
50 Свиснулъ онъ во всю Москву:
« Есть ли у насъ въ Москвѣ борцы
« Съ Кастрюкомъ поборотися,
« Съ Демьюкомъ поломатися,
« Силы отвѣдати и царя припотѣшити?»
55 По грѣхамъ учинилося,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только случилося два братца Андреевича:
Одинъ Васенька Маленькій,
А другой Обросинька Хроменькій,—
60 На ножку припадываетъ,
Изъ-подъ ручки высматриваетъ.
Возговорилъ еще Васенька Маленькій:
« Ай же ты, князь Никита Романовичъ!
« Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу:
65 « Не хочу я съ нимъ боротися,
« Съ тѣмъ съ больше-царскіимъ шуриномъ,
« А возьму его за праву руку
« И возьму его за лѣву ногу,
« И кину его за Днѣпру рѣку.»

70 Говорилъ Обросинька Хроменькій:
« Какъ пособитъ мнѣ Богъ поборотися,
« Такъ смѣть ли его изъ платья вытряхнуть,
« Нагого по двору спустить,
« По тому ли двору государеву,
75 « По тому ли крылечику красному?»
Приходитъ Никита Романовичъ:
« Ой же вы, князья-бояра!
« У насъ хлѣбъ и соль на столѣ,
« У насъ есть и борцы на дворѣ.»
80 И скочилъ больше-царскій шуринъ,
На тѣхъ на великихъ на радостяхъ
Дубовую скамеечку подломилъ,
Онъ много князей-бберъ придавилъ.
Не два ясные сокола слеталися:
85 Два добрые молодца схватилися;
Какъ сталъ Кастрюкъ на ногахъ,
А очутился Кастрюкъ на буйной головы.
Платьице у него треснуло,
Кожа у него вереснула;
90 Три ребра онъ въ боку сломилъ,
И сломилъ онъ у него [1]) ручку правую,
И сломилъ у него ножку лѣвую;
Взялъ его за праву руку,
Изъ платья его вонъ повытряхнулъ,
95 Нагого по двору спустилъ,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечику красному.
И не пошелъ [2]) по двору государеву,
А ушелъ подъ крылечико красное,
100 И самъ говоритъ таковы слова:
— Не дай-ко мнѣ съ Московскима борцамы боротися,
— Со тыма съ молодыма, съ ученыма!

---

[1]) Абросимъ у Кастрюка—*Б.*
[2]) Кастрюкъ.—*Б.*

186.

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ И РѢЧКА СМОРОДИНКА.

(Гильферд. № 262.)

Богъ молодца не милуетъ,
Государь молодца не жалуетъ,
Дружья-братья-товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
5 И нѣтъ на молодцѣ ни чести, похвалы молодецкія.
Женилъ-то его родной батюшка
На чужой на дальней сторонушкѣ,
И бралъ за женою приданаго
Три черленыихъ три корабля:
10 Первый гружонъ корабль златомъ и серебромъ,
А другой гружонъ корабль скатнымъ жемчугомъ,
А третій гружонъ корабль женинымъ приданыимъ.
Тутъ-то добру молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.
15 Бралъ онъ себѣ добра коня наступчива,
И сѣделышко черкасское, и плетку шелковую,
Самъ говорилъ таково слово:
« Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
« Лучше мнѣ сѣделко черкасское всего женинаго приданаго,
20 « Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены.»
Да взялъ-то съ собою добрый молодецъ
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатніе,
Поѣхалъ на чужую-дальную сторонушку.
25 Доѣхалъ до рѣчки Смородинки,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
« Есть ли чрезъ тебя, рѣку Смородинку,
« Перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе?»
30 Отвѣчала она человѣческимъ голосомъ:
— Есть чрезъ меня перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе,

— Есть три мосточка, три калиновыхъ;
— На первомъ беру на мостѣ сѣделко кованое,
— На другомъ беру на мостѣ коня наступчива,
— На третьемъ самого добра молодца.
— А тебя, добра молодца, и такъ нущу.—
Переѣхалъ добрый молодецъ чрезъ рѣку Смородинку,
Самъ говорилъ таково слово:
« Сказали мнѣ, добру молодцу,
« Что течетъ рѣка Смородинка быстра и грозна:
« А нынче рѣка Смородинка течетъ будто вода болотная,
« Болотная вода со ржавчинкой.»
Да забылъ добрый молодецъ за рѣчкой Смородинкой
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатніе,
И поѣхалъ за рѣчку Смородинку.
На первомъ мосту брала сѣделко кованое,
На другомъ брала добра коня наступчива,
На третьемъ брала самого добра молодца.
Взмолился добрый молодецъ:
« Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
« Не топи, не губи меня, добра молодца!»
Говорила рѣка Смородинка таковы слова:
— Ай ты, удалый дородный добрый молодецъ!
— Не я тебя топлю, не я гублю,
— А топитъ тебя губитъ честь-похвала молодецкая!—
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ,—
Оставалась его нелюба жена.

187.

ГОРЕ.

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося Горе отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка изъ-подъ сѣраго,

Изъ-подъ кустышка съ-подъ ракитова.
5 Во лаптишечки Горе пообулося,
Въ рогозиночки Горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычинкой подпоясалось;
Приставало Горе къ добру молодцу.
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
10 Молодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ, все шелковыя:
15 « Ужь ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
20 Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ все шелковые:
« Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во огнёвушку [1]),
25 Во огнёвушку, да въ постелюшку.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, во ногахъ сидитъ:
« Ужь ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
30 Молодецъ вѣдь отъ Горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ со лопаткою,
35 Со лопаткою да со телѣжкою:
« Ужь ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло Горе во могилушку,

---

[1]) Въ горячку.

Во могилушку, во матушку сыру землю.
40 Тому хоробру [1]) и славу поютъ.

XXXI.

М. БОГДАНОВЪ.

Рыбниковъ говоритъ въ «Замѣткѣ», что записалъ варіанты о Добрынѣ и Маринкѣ и о птицахъ отъ Михайлы Богданова, «простоватаго мужичка изъ Кенозера», который все путалъ и пѣлъ нескладицу, такъ что собиратель послѣ нѣсколькихъ попытокъ долженъ былъ отказаться отъ надежды записать отъ него что-либо кромѣ указанныхъ двухъ небольшихъ текстовъ. Гильфердингъ утверждаетъ (Ш, 264.), что этотъ «Богдановъ» никто иной, какъ Михаилъ Ивановъ Тряпицынъ изъ дер. Устьпоча, давшій ему шесть былинъ. Мы затрудняемся просто присоединиться къ этому утвержденію; несмотря на постоянную свою основательность, Гильфердингъ здѣсь не представилъ достаточныхъ аргументовъ. Тряпицынъ говорилъ ему, что для Рыбникова съ его словъ писалъ фельдшеръ, Рыбниковъ же съ своимъ Богдановымъ велъ дѣло лично; затѣмъ, взятыя Рыбниковымъ былины, такъ же, какъ и упомянутая мимоходомъ былина о Василіи Буслаевѣ, которую неудачно пытался пѣть Богдановъ, отсутствуютъ въ репертуарѣ Тряпицына, а имѣющійся у него эпизодъ о Маринѣ (въ был. Добрыня и Змѣй—Гильф. № 241) не совпадаетъ съ необычнымъ варіантомъ Богданова. Правда, во всемъ Гильфердинговскомъ сборникѣ именно Тряпицыну принадлежитъ однажды употребленный эпитетъ *мелединскій* (кобель), которымъ (по другому впрочемъ поводу) пользуется у Рыбникова Богдановъ, но этого недостаточно. Такимъ образомъ тожество остается подъ сомнѣніемъ. Нѣкоторую близость къ первой Богдановской былинѣ представляетъ у Гильфердинга Воиновскій варіантъ (см. дальше).

---

[1]) Молодцу, герою.

188.

ДОБРЫНЯ и МАРИНА.

(Гильферд. № 227.)

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
По три году Добрыня у воротъ стоялъ,
Прошло того времени девять лѣтъ:
На десятый годъ Добрыня на свою волю пошелъ.
Матушка Добрынюшкѣ наказывала,
Государыня Никитичу говаривала:
« Ты ходи, гуляй по всѣмъ родамъ [1]),
« По всѣмъ родамъ и по всѣмъ землямъ,
« По всѣмъ улочкамъ ходи и переулочкамъ,
« Не завертывай во улицу Игнатьевку,
« Во тѣ во переулочки Маринкины:
« Такъ живетъ курва Маринка истратница,
« Истратила она восьмерыхъ молодцевъ,
« Тебя истратитъ во девятыихъ».
Добрынюшка матушки не слушался,
И ходилъ-гулялъ по всѣмъ родамъ,
По всѣмъ родамъ и по всѣмъ землямъ,
По всѣмъ улочкамъ ходилъ и переулочкамъ,
Зашелъ онъ во улицу Игнатьевку
И во тѣ переулочки Маринкины [2]).

---

[1]) Очевидно, вмѣсто *ордамъ*. *Ред.*

[2]) Въ побывальщинѣ, слышанной мною въ Красновскомъ погостѣ Пудожскаго уѣзда:

„Добрыня подходитъ подъ окошечко косявчесто, накладывалъ стрѣлочку каленую и натягалъ тетивочку шелковую, и стрѣлилъ въ окошечко косявчото, прострѣлилъ сквозь окошко причипину (вмѣсто „причалину“), застрѣлилъ золоту рыбушку. Увидала Маринка истратница, звала къ себѣ на другой день, а сама собирала слѣды Добрынины и загозорила. Стало у него сердцо рѣзать, горитъ душа по Маринкѣ. Какъ пришелъ онъ къ палатамъ Маринкинымъ, выходила она ему въ стрѣту, наливала чару зелена вина и опоила питьемъ забудущимъ (что кидастъ въ забытье). Взяла его за желты кудри и перекинула черезъ плечо, а сама приговаривала: „Гдѣ былъ Добрыня Никитичъ, тутъ стань златорогій туръ!“

Увидѣла его Маринка истратница,
Выбѣгала изъ палаты бѣлокаменной,
Брала его за ручку за правую,
25 Вела его въ палату бѣлокаменну
И ставила столы бѣлодубовы.
Стлала она скатерти браныя,
Несла всякую ѣству сахарнюю,
Подносила ему чара зелена вина,
30 А въ чарѣ змѣининой силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю мелединскому:
Разрываетъ кобеля мелединскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую
35 И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову.
Тутъ Добрыни и старины конецъ.

189.

ПТИЦЫ.

Отъ чего зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны становилось лѣто тепло,
5 Отъ лѣта становилась осень богата.
Во ту ли во теплую весну,
Отъ синяго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица—пѣвица;
10 Садилася малая птица
На то ли на дерево калину,
И зачала пѣть-жупѣти,
Пѣть-жупѣть, хорошо воспѣвати.
Услышали русскія птицы,
15 Слеталися птицы стадамы,

Садилися около рядамы,
Въ одну сторону головамы,
И стали оны пѣть-воспѣвати,
И стали къ той ли птицы прилегати:
« Ты скажи, заморская птица,
« Скажи намъ, не утай же,
« Скажи-то Божію правду:
« Кто у васъ на морѣ бо́льшій,
« Кто на Дунайскомъ меньшій?»
Возговоритъ заморская птица:
— Глупыя вы, русскія птицы!
— Зачѣмъ вы къ намъ прилетали,
— Зачѣмъ про сине море спрошали?
— Всѣ у насъ на морѣ бо́льши,
— А нѣту на Дунайскомъ мо́ньшихъ.
— Колпикъ у насъ—Бѣлый царь,
— А бѣлая колпица—царица,
— А ясный соколъ—тотъ воевода,
— Селезни—торговые гости,
— А утушки—тѣ купецкія жонки,
— Галицы на морѣ—черницы,
— Тѣ ли молодыя молодицы;
— И воронъ у насъ—игуменъ,
— А ворона—та богатая птица:
— Весной летаетъ по суслонамъ,
— Суслоны она разбиваетъ,
— По деньги суслонъ продаваетъ,
— Два она, три за копѣйку;
— А сорочка—та кабацкая женка:
— Съ ножки на ножку скакала,
— Высоко подолъ поднимала,
— Тѣмъ свою голову питала;
— Синка—б . . . ка вертлива:
— Она работы работать не умѣетъ,
— Тѣмъ она голову питала,
— Что она скоро скакала,
— Отъ того сыта пребывала.

— Куропать бѣлая птица—безпомѣстна:
— Изъ куста въ кустъ летаетъ,
55 — Сама себѣ помѣстья не знаетъ.
— . . . .
— Всѣ у насъ птицы по дѣламъ,
— Всѣ у насъ птицы по работамъ.
— . . . .
60 — Волкъ—онъ на морѣ овчинникъ,
— Медвѣдка у насъ—кожедерникъ,
— А заяцъ на морѣ—колачникъ,
— Лисица—молодая молодица:
— Дологъ хвостъ, да не наступитъ,
65 — И сдѣлаетъ хоть вину, не скажетъ.

V

Р. ОНЕГА.

Р. ОНЕГА.

XXXII.

КАЛИКА ИЗЪ КРАСНОЙ ЛЯГИ.

Такъ обозначенъ у Рыбникова «дряхлый старичокъ» изъ Краснолядскаго погоста Каргопольскаго уѣзда, отъ котораго записано собирателемъ 9 былинъ. Въ числѣ ихъ обращаетъ на себя вниманіе побывальщина о полученіи силы Ильей. Сюжетъ этотъ очень рѣдокъ: въ огромномъ сборн. Кирѣевскаго онъ встрѣчается всего дважды, у Гильфердинга изъ 60 почти былинъ объ Ильѣ лишь одна разсказываетъ про чудесное его исцѣленіе у Рыбникова этому эпизоду посвящено только двѣ былины изъ 40 касающихся Ильи. При томъ почти во всѣхъ нихъ стихъ отсутствуетъ. Очень близкихъ параллелей былинамъ этого пѣвца Гильфердинговскій сборникъ не даетъ.

190.

ПОЛУЧЕНІЕ СИЛЫ ИЛЬЕЙ.

Города Мурома, села Карачаева, былъ старый казакъ Илья Муромецъ. И тридцать лѣтъ ёнъ сидѣлъ сидуномъ, и не имѣлъ ёнъ ногъ у себя. И какъ тридцать лѣтъ да миновалося, въ само время лѣтное, въ дни сѣнокосные, и тогда ушолъ отецъ и мать съ семействомъ пожни чистить, а его одного дома оставили. И шли люди проходящіе, старые мимо его село, и пришли къ его дому, и попросили у него напиться. И говоритъ енъ има таково слово: «Ай же вы, люди проходящіе, старички,

други любезные! Радъ бы я вамъ подать напиться, да встать не могу, да что только дома у меня никого не случилося». И говорятъ ему старики: «Выстань-ка, поди, и умойся, и пойдешь, и напиться намъ принесешь.» И сталъ выставать на ноги свои, высталъ и пошолъ, и чашу взялъ со стола и сходилъ, и квасу нацѣдилъ, и принесъ, и напиться подаваетъ старикамъ. Ёнѣ принимаютъ, и тоть и другой старичокъ напилися, Илью Муромцу подаваютъ: «На-тко, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,—испей-ко самъ послѣ насъ.» И принимаетъ Илья Муромецъ, и испиваетъ послѣ старичковъ. Ну и спрашиваютъ у него старички: «Что̀, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, каковъ ты теперь собой есть?» Отвѣчалъ же Илья Муромецъ старичкамъ: «Да покорнѣйше благодаримъ, старички, да поученно велико въ себѣ здоровье чую». И говорятъ старички: «Подай-ко еще испить намъ». И подаваетъ старичкамъ ту же чашу, и принимаютъ ёнѣ отъ него, и испиваютъ опять же тотъ и другой, и подаваютъ ёнѣ же Ильѣ Муромцу: «На-тко, Илья Муромецъ, во второй разъ послѣ насъ попей». Тогда Илья Муромецъ попилъ во второй разъ послѣ нихъ; и спрашиваютъ у него опять старички: «Да что̀ же, Илья Муромецъ, теперiче въ себѣ слышишь?»—«Да слышу поученно велику силу въ себѣ». И говорятъ эти промежь себя старички: «Да какъ въ третiй разъ дать, такъ земля-мать не станетъ носить». И говорятъ старички: «Выдь-ко, Илья Муромецъ, сюда на улицу». Илья Муромецъ поставилъ ношу свою на столъ и выходитъ на улицу. И говорятъ старички: «Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ, силой своей, такъ и стой за вѣру христiанскую и за домъ Пресвятыя Богородицы; на бою тебѣ смерть не писана; бейся же со всею силой невѣрною и противу всея поленицы удалыя; а сильнѣе тебя на бѣломъ свѣтѣ Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колывановичъ; еще сильнѣе отъ матушки сырой земли Микула Селяниновичъ. Поди, купи у сосѣда жеребенка одноноснева, и дома не живи—не работай, а поѣзжай во стольный Кiевъ градъ». И простилися старички и ушли.

Илья Муромецъ пошелъ къ отцу на пожню; приходитъ на пожню, отецъ съ семействомъ отдыхаютъ-спятъ и съ работни-

жами своими. И ёнъ приходитъ, и взялъ топоры, и началъ ножи чистить. И столько ёнѣ съ работниками и семействомъ не начистили въ три дни, сколько ёнъ одново часа. И развалилъ поле великое, и топоры во пни воткнулъ, и никому не вынять. Тогда возсталъ отецъ со своимъ семействомъ и работниками, и такому чуду издивилися: «Кто этакъ подкамедилъ» [1])? И вышелъ Илья Муромецъ изъ лѣсу, и вынялъ у нихъ топоры изо пнёвъ. Отецъ говоритъ: «Слава Богу, сыну Богъ далъ здоровье, большой будетъ работникъ!» И тогда Илья Муромецъ приходитъ съ отцемъ въ домъ свой, и говоритъ же Илья Муромецъ отцу своему: «Батюшка, сходи къ сусѣду и купи жеребенка одноноснева, и что сусѣдъ проситъ, то и дай, съ нимъ не рядись». И сходилъ отецъ къ сусѣду, и купилъ жеребенка одноноснева, и что сусѣдъ запросилъ, то ему и далъ, и приводитъ жеребенка домой, и заставаетъ его въ конюшню, а Илья Муромецъ взялъ жеребенка, и выкаталъ по три зори и по три росы: и тутъ сталъ конь поочетно сильный и храбрый.

191.

ИЛЬЯ и СОЛОВЕЙ.

Сряжался Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Обсѣдлалъ-обуздалъ своего добра коня,
Садился на своего добра коня;
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву—
5 Отзвонили въ ихнемъ селѣ Карачаевѣ къ заутрени;
А пріѣхалъ Илья Муромецъ въ Черниговъ градъ—
И выходятъ отъ заутрени.
И спрашивалъ онъ у гражданъ у Черниговцевъ:
« Ай же вы, граждане Черниговцы!
10 « Скажите-тко дорогу прямоѣзжую во Кіевъ градъ.»
Говорятъ граждане Черниговцы:
— Не проѣхать прямо ти во Кіевъ градъ:

[1]) Напроказилъ.—*Б.*

— Есть застава стоитъ великая,
— Нѣтъ ни конному проѣзда, ни пѣшему прохода,
15 — Живетъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ;
— Какъ свиснетъ ёнъ по соловьиному,
— Тому человѣку и живу не бывать.—
Отвѣчаетъ же Илья Муромецъ:
« Ай же вы, граждане Черниговцы!
20 « Для того я ѣду во Кіевъ градъ,
« Что надо расчистить дорожка прямоѣзжая.
« Прямоѣзжая дорожка, прямохожая.»
И показали граждане Черниговцы
Прямоѣзжую дорожку во Кіевъ градъ.
25 Исправился старый казакъ Илья Муромецъ,
И поѣхалъ прямо во Кіевъ градъ.
И при путѣ-дорогѣ при широкіѣ,
Стоитъ на дубу Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ,
И свиснулъ Соловей-разбойникъ по соловьиному,
30 И крикнулъ воръ по звѣриному,
И конь у Ильи Муромца на колѣни палъ.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Бьетъ коня да по тучной ребрѣ [1]):
« Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
35 « И по лѣсу ли ты не лѣсывалъ,
« И по вою ты не вòивалъ,
« И не видалъ ты птички-синички?
« Какъ запищала птичка-синичка въ лѣсѣ,
« Такъ же засвисталъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.»
40 Какъ возьметъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ палицу,
Да какъ ударитъ Соловья-разбойника во бѣлы груди,
Да какъ улетитъ Соловей-разбойникъ со дуба долой.
И соходилъ Илья Муромецъ со добра коня,
Вязалъ Соловья-разбойника ко струмену.
45 Какъ садился Илья да на добра коня,
Да повезъ Соловья-разбойника у струмени;

---

[1]) Бедры, бедрѣ.

Да ѣдетъ Илья Муромецъ—на конѣ сидитъ,
А Соловей-разбойникъ волокется у струмени.
И какъ подъѣзжаютъ онѣ къ дому Соловееву,
50 И увидали дочери да Соловьиныя,
Одна-то говоритъ дочь Соловьиная:
« Батюшко-то ѣдетъ, мужика везетъ.»
Мать говоритъ:—Нѣтъ, дочь моя любезная,
— Мужико-тъ ѣдетъ да отца везетъ;
55 — Пойдемъ-ка, дочери, на улицу,
— Не можете ли у мужика отца отнять.—
А вскочила большая дочь Марья Соловьиновна,
Заскочила на ворота на широкія,
Взяла въ руки подворотню сто-пудовую,
60 Хочетъ бросить на Илью-то Муромца.
Да кричитъ Соловей-разбойникъ воръ Рахманович ъ:
— Охъ ты дочь моя, да ты любезная,
— Ужъ ты Марья Соловьинова!
— Не горячи удала-добра молодца;
65 — Возьмите-ка даровья великіе,
— Накладите злата и серебра и скачонаго жемчуга,
— Да дарите-тко удала-добра молодца:
— Не отвяжетъ ли меня, бываетъ, отъ добра коня отъ струмена,
— Не спуститъ ли меня во свои домы.—
70 Говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
« Не возьму я злата-серебра и скачонаго жемчуга,
« Не отвяжу тебя отъ добра коня отъ струмена,
« Не спущу тебя да во свои дома,
« Покажу я князю Владиміру.»
75 Не могли упросить Илью Муромца,
Увезъ Соловья-разбойника во Кіевъ градъ.
Пріѣзжаетъ онъ ко князю ко Владиміру,
Къ ему-то пріѣхалъ на широкій дворъ;
Идетъ тутъ отъ обѣдни Владиміръ князь,
80 Отъ обѣдни идетъ отъ воскресныя,
И говоритъ Ильѣ да таково слово:
— Коей земли ты, молодецъ, коей орды,

— Коего отца да коей матери,
— И какъ тебя именемъ зовутъ,
85 — Звеличаютъ тебя по отечеству?—
« Я есть города Мурома, села-то есть Карачаева,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;
« Я не засталъ къ обѣдни къ воскресныя,
« А пропѣтался [1]) съ Соловьемъ-разбойникомъ воромъ Рахмановичемъ:
90 « Вотъ привязанъ у меня, у добра коня у струмени.»
И говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Неужели у тебя тутъ у струменахъ
— Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ?—
« Да, тотъ самый Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.»
95 Говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Будетъ [2]) ты Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ,
— Засвищи-тко ты по соловьиному.—]
Говоритъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ:
« Не твой хлѣбъ я кушаю, не тебя я и слушаю.»
100 Говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Прикажи-тко ты засвистать по соловьиному.—
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
« Засвищи-ко, Соловей, хоть въ полсвиста.»
105 Говоритъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ:
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
« Не могу я теперь свистать и въ полсвиста:
« Раскололо мнѣ головушку о каменья;
« А дайте выпить чару зелена вина,
110 « Зелена вина да въ полтора ведра,
« Тожно засвищу я вамъ въ полсвиста.»
Приказалъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій
Налить чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимается Соловей единой рукой,
115 Выпиваетъ Соловей на единой здохъ,
И говоритъ Соловей таково слово:

---

[1]) Провозился.—*Б.*
[2]) Если.

« Ну слушайте, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
« Засвищу я теперича и въ полсвиста.»
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
120 Взялъ князя Владиміра подъ руку,
А княгиню Апраксію Королевичну подъ другую.
И свиснулъ Соловей-разбойникъ во весь свистъ по соловьиному,
Да крикнулъ онъ по звѣриному,—
И всѣ князья-бояра на землю припадали,
125 Всѣ старые дòмы во Кіевѣ приломалися,
А новые домы пошаталися,
Оконницы всѣ изъ домовъ припадали.
Говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
130 — Буде спустишь экого вора по Кіеву,
— А разоритъ у насъ и весь и Кіевъ градъ.—
Говоритъ Илья Муромецъ Сынъ Ивановичъ:
« Соловей-разбойникъ ты Рахмановичъ!
« Я велѣлъ тебѣ свистать въ полсвиста:
135 « А ты почто свисталъ во весь свистъ по соловьиному,
« Да кричалъ почто ты по звѣриному?
« Отсѣку за то тѣ буйну голову.»
И взялъ Илья Муромецъ саблю вострую.
Отрубилъ Соловью буйну голову,
140 Да разсѣкъ-разрубилъ его на мелкіи части,
Отвозилъ тѣ части во чисто поле,
Огня расклалъ и на огнѣ сожогъ,
Пепелъ по чисту полю развѣивалъ,
Да назадъ во Кіевъ градъ ворочался,
145 Задался въ услуженіе ко князю ко Владиміру.
Дунай, Дунай,
Болѣ впередъ сказать не знай.

192.

ДОБРЫНЯ И МАРИШКА.

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
И по три году Добрынюшка пословничалъ [1]);
Прошло того времени девять лѣтъ.
5 Захотѣлось Добрынѣ походить-погулять
По стольному по городу по Кіеву:
Надоть всѣ улицы повыходить
И всѣ переулочки повысмотрѣть.
Матушка Добрынюшкѣ наказывала,
10 Государыня Никитичу говаривала:
« Ты ходи-гуляй по городу по Кіеву,
« По всѣмъ улицамъ ходи и переулочкамъ,
« Не завертывай во улицу Игнатьевку,
« Во тѣ во переулочки Маривчаты:
15 « Тамъ живетъ Маришка стравница,
« Стравница, курва, живетъ, безбожница,
« Извела она девяти молодцевъ,
« Изведетъ тебя, Добрынюшку, десятаго.»
Инъ Добрыня матушки не слушался,
20 И ходилъ-гулялъ по городу по Кіеву,
По всѣмъ улицамъ ходилъ и переулочкамъ:
Завернулъ во улицу Игнатьевку,
Во тѣ во переулочки Маривчаты.
У той ли у Маришки курвы стравницы
25 Сидитъ голубокъ со голубушкой
На тоемъ окошечкѣ косявчетомъ:
И натягивалъ Добрыня свой тугій лукъ,
И стрѣляетъ въ голубя со голубушкой:
Не попалъ ни въ голубя, ни въ голубушку,
30 А попалъ въ стекольчату околенку,
И раскололъ стекольчату околенку,

---

[1]) Жилъ въ послахъ.—*Б.*

И убилъ у Маришки мила дружка,
Мила дружка Пугарина Гагаринова [1]).
И выходитъ-то Маришка курва ставрница,
35 Сама говоритъ таковы слова:
« Поди-тко, Добрынюшка Никитиничъ,
« Ко мнѣ хлѣба-соли покушати,»
Плюнулъ Добрыня и прочь пошелъ.
И тая Маришка курва ставрница
40 Нашептала на листочки лазуревы
И бросила на Добрыню Никитича:
« Какъ сохнутъ листочки лазуревы,
« Такъ сохни по Маришкѣ Добрынюшка,
« По мнѣ по Маришкѣ, курвѣ ставрницѣ.»
45 И не можетъ Добрынюшка Никитиничъ
Безъ Маришки ни жить ни быть,
Ни жить ни быть, и ни ѣсть ни пить;
И приходитъ ко Маришкѣ курвѣ ставрницѣ.
« Ну же, Добрынюшка Никитиничъ!
50 « Когда-то была твоя воля,
« А теперича моя воля,
« Что хочу надъ тобой, то и сдѣлаю.
« Ищи-тко ты, Добрыня, девяти туровъ,
« А пусть ты десятый златорогий!»
55 И побѣжалъ-то Добрыня туромъ во чисто поле.
И тая ли Добрынина матушка
Походила къ Маришкѣ курвѣ ставрницѣ,
И нарядилася старухою старою,
И садилася она на печноё-тъ столбъ,
60 Сама говорила таковы слова:
« Ай же ты, Маришка курва ставрница!
« Поди-тко ты во чисто поле,
« Приведи-тко ты десять туровъ,
« Поверни-ко добрыми молодцами;
65 « А не повернешь добрыми молодцами,
« Оберну тебя сорокой погуменною,

---

[1]) Тугарина.—*Б.*

« И летай-ко ты вѣкъ да и пò вѣку.»
Тогда-то Маришка курва стравница
Перепалася старухи старыя,
70 Отыскала Маришка десять туровъ.
Тая Добрынина матушка
Повернула добрыми молодцами
И взяла-то млада Добрынюшку съ собой.
Говоритъ сама таковы слова:
75 « Ай же вы, удалые-добры молодцы!
« Подите-тко вы по своимъ домамъ,
« По своимъ женамъ, по отцамъ-матерямъ,
« А молите Бога за старуху за старую!»

193.

БОЙ ДОБРЫНИ. ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Повышла, повыкатилась Волга-матушка рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала—того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Кіевѣ.
5 У ласкова у князя у Владиміра
Заводился пированьце—почестный пиръ
На многихъ на князей, на бояровъ
И на сильныхъ—могучихъ богàтырей,
На всѣхъ паленицъ на удалыхъ.
10 Пиро-тъ идетъ на веселѣ,
Денс-тъ идетъ ко вечеру,
Красное солнышко ко западу.
И выходилъ-то Илья Муромецъ
На красное круто крылечушко
15 И зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле:
Летаетъ Невѣжка чернымъ ворономъ
И грозитъ-то на со угрозою [1]),

[1]) Вм. „съ наугрозою".

Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
« Дайте изъ Кіева мнѣ поединщика!»
20 И приходитъ Илья въ палаты бѣлокаменны,
И говоритъ таковы слова:
« Ты Владиміръ князь, столенъ-Кіевскій!
« Тихо-гладко было во городѣ во Кіевѣ,
« А теперича во Кіевѣ нѐ тихо.
25 « И глядѣлъ я теперь во чисто поле;
« Летаетъ Невѣжа чернымъ вороном,
« И грозитъ-то на со угрозою,
« Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
« Дайте мнѣ изъ Кіева поединщика!»
30 И зачали между собой жеребій метать,
Кому ѣхать въ поединщики
Супротивъ Невѣжи черна ворона.
И выпалъ жеребій Добрынѣ Никитичу
Ѣхать ему въ поединщики
35 Супротивъ Невѣжи черна ворона.
Закручинился Добрыня, запечалился
Той тоской-печалью великою,
И приходитъ онъ въ свои палаты бѣлокаменны,
И стрѣчаетъ его родна матушка
40 И молода жена Настасья Микулична.
И говоритъ ему родна матушка:
— Что же, мое чадо милое,
— Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
— Что же закручинился, запечалился?
45 — Развѣ тя въ пиру невѣжа обезчестила,
— Али мѣсто ти было не по разуму,
— Али чарою тебя обнесли? —
« Ай же ты, моя родна матушка!
« Невѣжа меня въ пиру не обезчестила,
50 « И мѣсто было мнѣ по разуму,
« И чарою меня не обнесли.
« А счастьемъ меня спородила не счастливаго,
« Красотою меня не красиваго,
« Силою меня не сильнаго. »

55 — Ай же ты, мое чадо милое!
— Рада бы я тебя спородити
— Силою въ Самсона Самойловича,
— Красотою во Осипа Прекраснаго,
— Счастьемъ во стольнаго князя Владиміра:
60 — А какового тебя Богъ далъ, дѣлать нечего!—
« Были мы теперь въ почестномъ пиру,
« И былъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ёнъ зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле,
« Насмотрѣлъ Невѣжу во чистомъ поли:
65 « Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ,
« И грозитъ то на со угрозою,
« Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
« Дайте мнѣ изъ Кіева поединщика! »
« И выпалъ мнѣ-ка жеребій ѣхать въ поединщики. »
70 — Дитя ты мое, чадо милое!
— Невѣжа-то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ,
— По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
— А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
— Берегись ты отъ Невѣжи черна ворона!
75 — Когда одолятъ ти жары непомѣрные,
— И тогда пойдешь во Почай-рѣку купатися.
— И за выструю плови, и за другую плови,
— Не плови, ты, дитя, за третьюю,
— Чтобы не поѣлъ тебя Невѣжа чернымъ ворономъ.—
80 И молодой жены Настасьѣ Никуличной
Добрынюшка наказываетъ:
« Молода жена Настасья Никулична!
« Пожди-тко меня три года,
« Еще меня пожди до шести годовъ,
85 « И еще пожди до девяти годовъ,
« Еще ты пожди до двѣнадцати лѣтъ.
« Какъ двѣнадцать-то лѣтъ минуется,
« Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,
90 « Хоть за сильнаго могучаго богатыря,
« Отнюдь не ходи за Алешу Поповича:

« Мнѣ Алеша Поповичъ крестовый братъ,
« Крестовый братъ паче рòднаго. »
Какъ отправился Добрыня во чисто поле
95 Супротиву Невѣжи черна ворона,
И ѣздилъ-то Добрыня три году,
Не видалъ Невѣжи черна ворона:
И ѣздилъ по чисту полю до шести годовъ,
Не видалъ Невѣжи черна ворона;
100 И ѣздилъ по чисту полю до девяти годовъ,
Не видалъ Невѣжи черна ворона.
И одолѣли жары непомѣрные,
И пошелъ въ Пучай-рѣку купатися:
И спомнилъ родной матушки наказаньице:
105 И беретъ ёнъ съ собой свой тугій лукъ,
Беретъ еще съ собой калену стрѣлу.
И за выструю пловетъ, за другую пловетъ,
И заплываетъ ёнъ за третьюю, —
И налетѣлъ-то Невѣжа чернымъ ворономъ:
110 « И долго я ждалъ, — дождался тебя,
« Отсѣку тебѣ я буйну голову! »
И охвочь-то Добрыня ныркомъ нырять,
И нырнулъ-то Добрыня во Почай-рѣку,
И выплылъ Добрыня на крутой брежокъ;
115 И натягиватъ Добрыня свой тугій лукъ,
И накладыватъ Добрыня калену стрѣлу,
И звыла тетивушка шелковая,
Полетѣла стрѣла черезъ Почай-рѣку
Во того ли Невѣжу черна ворона:
120 Покатилась у Невѣжи голова, будто пугвица.
И только Невѣжа проговорилъ:
« Хотѣлъ-то Добрыню я показнить,
« А въ тѣ поры Добрыня меня показнилъ! »
И тутъ Невѣжу ёнъ разсѣкъ-разрубилъ,
125 Разрубилъ-разсѣкъ на мелкій части,
И огня-то расклалъ, на огнѣ его сожогъ.
Стоючись Добрыня пораздумался:
« Что мнѣ дѣлать во городѣ во Кіевѣ?

« И поѣду я въ королевство Заморское,
130 « Какія очередь—сбирать дани-пошлины:
« Проѣзжу я до двѣнадцати лѣтъ,
« Такъ меня больше на службу не потребуютъ. »
И уѣхалъ въ королевство Заморское,
И живетъ онъ тамъ—проклажается,
135 Собираетъ дани-пошлины.
А во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
Приходитъ Алеша Поповичъ ко городу ко Кіеву:
« Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
« Я былъ-то теперь во чистомъ полѣ,
140 « Видѣлъ у Добрынюшки головушка отсичена,
« А тулово лежитъ посредѣ поля,
« А голова лежитъ во ракитовомъ кусту,
« Нашелъ-то я его злаченъ перстень.
« Пошли-тка, Владиміръ стольно-Кіевскій,
145 « Сватовъ свататься
« На молодой Настасьѣ Микуличной
« За меня, за Алешу Поповича. »
И посылаетъ Владиміръ сватовъ свататься
За того Алешу за Поповича:
150 « И добромъ не йдетъ, такъ силомъ возьмемъ,
А силомъ нейдетъ, такъ за боемъ возьмемъ! »
И пошли—взяли Настасью Микуличну
За тѣ ли за ручки за бѣлыя
И повели ко Божьёй церкви, ко святу вѣнцу,
155 За молода Алешеньку Поповича.
И тая ли Добрынина матушка
Посылала кормленаго голубя со голубушкой:
— Полетите-тко, голубь со голубушкой,
— Ищите-тко своего хозяина. —
160 И прилетѣли голубь со голубушкой
Во то ли королевство Заморское,
И нашли Добрынюшку Никитича,
И сѣли на косявчето окошечко:
« Живешь ты, Добрыня, проклажаешься,
165 « И домашней незгоды не свѣдаешь:

« Увели у тя молоду жену Настасью Никуличну
« Ко святу вѣнцу за Алешу Поповича. »
И тутъ-то Добрынѣ не долго проклажатися:
Прямо черезъ столъ перескакиваетъ,
170 И садился ёнъ на добра коня,
И ѣхалъ-то онъ скоро на скоро,
Рѣки-озера перескакиваетъ,
Синія моря переплавываетъ.
И пріѣзжаетъ Добрыня ко своему дому:
175 Ворота у Добрынюшки заложены;
Какъ ударилъ ёнъ въ ворота грудью бѣлою,
Разлетѣлися ворота на три четверти.
Вышла его родна матушка,
Жалобнехонько она расплакалась:
180 — Какъ не стало моего чада милаго,
— Всякъ-то сталъ насмѣхатися! —
« Не плачь ты, родная моя матушка:
« Я сдѣлаю ворота тебѣ новые.
« Дай-ка мнѣ гусли звончатыя,
185 « Дай-ка мнѣ шалыгу подорожную,
« Которая шалыга во двѣнадцать пудъ,
« И пойду я ко Алешенькѣ на свадебку. »
И дала ему гусли звончатыя,
И дала ему шалыгу подорожную,
190 И пошелъ ко Алешенькѣ на свадебку.
И идетъ во теремъ златоверховатый,
По ступенчикамъ идетъ, поколачиваетъ,
Ступенчики гибаются; весь теремъ шатается.
Зачалъ во гусли играть-приговаривать,
195 И всѣ на пиру пріутихли—сидятъ,
Сидятъ—на скоморошину посматриваютъ.
Говоритъ скоморошина таковы слова:
« Ай же, новобрачная княгина Настасья Никулична!
« Поднеси-тко скоморошины чару зелена вина,
200 « Зелена вина въ полтора ведра:
« Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатыя. »
И наливаетъ чару зелена вина;

Принимаетъ ёнъ чару единой рукой,
Выпиваетъ ёнъ чару на единый здохъ
И отдаетъ Настасьѣ Никуличной:
« Новобрачная княгина, Настасья Никулична!
« Смотри-тко до дна, увидаешь добра,
« А не посмотришь до дна, не увидишь добра. »
А опустилъ ёнъ въ чару злаченъ перстень.
И посмотрѣла до дна Настасья Никулична,
И увидѣла на днѣ злаченъ перстень,
И отошла отъ Алеши Поповича,
А сѣла подлѣ Добрыни Никитича,
Сама говорила таковы слова:
— Не тотъ мнѣ-ка мужъ, который подлѣ меня сидитъ,
— А тотъ мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня сидѣлъ. —
И взялъ Добрынюшка Никитичъ
Того ли Алешеньку Поповича,
И взялъ какъ шалыгой поколачивать,
Зачалъ какъ Алеша поворачиваться,
Съ боку на бокъ Алеша перевертываться:
« Да охъ, добрò, да нè ровно!
« Всякъ-то на семъ свѣтѣ женится,
« А не всякому женидьба издавается [1]);
« А мнѣ-ка Алешенькѣ не издалась! »
И тотъ ли Добрынюшка Никитиничъ
Беретъ Настасью Никуличну
За тѣ ли за рученьки бѣлыя,
Поводитъ въ свой теремъ златоверховатый.
Дунай, Дунай, Дунай,
Болѣ пить [2]) впередъ не знай!

[1]) Удается.— *Б.*
[2]) Пѣть.—*Б.*

194.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Изъ подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ-подъ чуднаго креста Еландіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева,
И встрѣтили турицу, родную матушку,
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
« Здравствуй, турица, родная матушка!»
— Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
— Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?—
« Шли мы бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
« Мимо ту мимо стѣнку городовую,
« Мимо тѣ башни городовыя,
« И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
« И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
« И по той по стѣнѣ городовыя
« Ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
« Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангелье,
« Сколько ни читаетъ, вдвое плачетъ.»
Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
— Ужъ вы глупые, туры златорогіе!
— Ничего вы, дѣточки, не знаете:
— Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
— А ходила та Мать Пресвята Богородица,
— А плакала стѣна мать городовая,
— По той ли по вѣрѣ Христіанскія,—
— Будетъ надъ Кіевъ градъ погибельё:

— Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ,
35 — И съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
— И съ зятемъ Тараканникомъ и съ Каранниковымъ,
— И съ думнымъ дьякомъ воромъ-выдумщикомъ.—
У Батыги было силы набрано,
Набрано было силы, заправлено,
40 И было силы сорокъ тысячей;
И у сына Батыги Батыговича
Было силы тоже сорокъ тысячей;
И у зятя Тараканника Каранникова
Было силы тоже сорокъ тысячей;
45 И у думнаго дьяка вора-выдумщика
Было силы тоже сорокъ тысячей.
И не вешняя вода облеелѣла, [1])
Обступила кругомъ сила поганая:
Соколу кругомъ летѣть
50 Будетъ на меженній день.
И пишетъ Батыга князю со угрозою:
« Ты старый песъ, ты Владиміръ князь!
« Дай-ко мнѣ изъ Кіева поединщика,
« А не то дай-ко мнѣ ты Кіевъ градъ,
55 « Безъ бою-безъ драки великія,
« Безъ самаго большаго кроволитія. »
Закручинился князь, запечалился
Той тоской-печалью великою;
Богатыревъ-то во градѣ не случилося:
60 Илья Муромецъ уѣхалъ на желтые на пески,
А Добрыня Никитовичъ на Ворганових горахъ,
А Самсонъ былъ богатырь—тотъ во дальнихъ городахъ,
А Олеша Поповичъ за синимъ моремъ гулялъ;
Никакого богатыря не пригодилося.
65 Разсказали князю голи кабацкія:
« Ты солнышко нашъ, Владиміръ князь!
« У насъ есть-то Василій сынъ Игнатьевичъ.
« И можотъ со Батыгой поправиться

---

[1]) Облеѣяла, удвоенное изъ „облила“.—*Б.*

« И пропилъ Васильюшко житье-бытье,
70 « Все житье-бытье и богачество,
« Теперь не чѣмъ Василью опохмелиться,
« И лежитъ нынь Василій въ кабакѣ на печи. »
И солнышко нашъ Владиміръ князь
Пошелъ по кружаламъ государевымъ,
75 По тѣмъ ли по царевымъ кабакамъ,
По кабакамъ, по питейнымъ домамъ,
И нашелъ тутъ Василья въ кабакѣ на печѣ.
И соходитъ Васильюшко со печки долой,
Съ лица зашелъ, поклонился князю:
80 « Солнышко нашъ, Владиміръ князь!
« Ты не знаешь кручины моей великія;
« У тебя есть кручина великая,
« А у меня горе-печаль еще больше твоей:
« Что трещитъ-то болитъ у меня буйная голова,
85 « И дрожитъ у меня жильё подколѣнное,
« Теперь не чѣмъ мнѣ, Василью, опохмелиться;
« Опохмель-ка меня чарою опохмельною,
« Тогда я со Батыгой поправлюся.»
И Владиміръ князь столёнъ-Кіевскій
90 Наливаетъ ему чару зелена вина,
Зеленаго вина полтора ведра,
Другую наливаетъ пива пьянаго,
Третью рюму меду сладкаго,
И составили питье въ одно мѣсто,
95 Становилося питья полпята ведра.
И принимаетъ Василій единой рукой,
И выпиваетъ Василій на единый здохъ.
И заскочилъ-то Василій на стѣнку городовую,
И натягиваетъ Василій свой тугій лукъ,
100 И накладываетъ Василій калену стрѣлу,
И стрѣляетъ Василій ко Батыгѣ во шатеръ:
И убилъ три головки, кои лучшенькія,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тараканника Каранникова
105 И убилъ думнаго дьяка вора-выдумщика.

И пишетъ Батыга князю со угрозою:
« Ты старый песъ, ты Владиміръ князь!
« Ты подай-ко мнѣ изъ Кіева виноватаго,
« У меня кто убилъ ровно три головы.»
110 И тотъ ли Василій сынъ Игнатьевичъ
Пошелъ по конюшнямъ кленовыимъ,
Выбиралъ себѣ жеребчика неѣзженаго,
И садился на жеребчика неѣзженаго,
И пріѣзжаетъ Василій ко Батыгѣ на лицо,
115 И прощается [1]) Василій во первой большой винѣ:
« Прости меня, Батыга, въ первой большой винѣ:
« Я убилъ три головки, кои лучшенькія.
« Опохмель-ко меня чарою похмельною
« Пособлю я тебѣ взять славень Кіевъ градъ.»
120 На тѣ рѣчи Батыга понадѣялся,
Наливаетъ ему чару полтора ведра вина,
И другую наливалъ пива пьянаго,
И третью наливалъ меду сладкаго,
И составили тутъ питье въ одно мѣсто,
125 И становилося питья полпята ведра вина.
И принимается Василій единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый здохъ,
И говоритъ тутъ Батыгѣ таково слово:
« Ай же ты, Батыга сынъ Сергѣевичъ!
130 « Дай-ко ты мнѣ силы сорокъ тысячей,
« Я пойду—подступлю подъ славенъ Кіевъ градъ.»
На тѣ рѣчи Батыга обнадѣялся,
Давалъ ему силы сорокъ тысячей.
И отъѣхалъ Василій прочь отъ Кіева,
135 И прибилъ—пригубилъ всѣхъ до единаго.
И размахалась у Василія ручка правая,
И разгорѣло у Василія ретиво сердцо
И прибилъ-пригубилъ до единаго,
Не оставилъ Батыгѣ на сѣмена.
140 И уѣзжаетъ Батыга прочь отъ Кіева

---

[1]) Проситъ прощенія. Б.

Съ тою ли со клятвою великою:
« Не дай Богъ бывать болѣ подъ Кіевомъ,
« Ни мнѣ-то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
« Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ!»
Сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ;
Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ во Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи къ синю морю подошли;
Щельё-каменьё въ Сѣверной сторонѣ;
Широкіе подолы Олонецкіе;
Дубяные сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ;
Обо..... подолы по Мошѣ по рѣкѣ;
Рипсоватые подолы Почезерочки;
Рядные сарафаны Кенозерочки;
Пучеглазыя молодки Слобожаночки;
Толстобрюхія молодки Лексимозерочки;
Малошальскій попъ до солдатовъ добръ [1]).
Дунай, Дунай,
Болѣе пѣть впередъ не знай!

195.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Заводился пированьице—почестный пиръ
На многихъ князей-бояръ,
И на сильныхъ-могучихъ богатырей,
И на всѣхъ поленицъ удалыихъ,
И на всѣхъ гостей приходящіихъ.

[1]) Онега рѣка въ Каргопольскомъ и Пудожскомъ уѣздѣ; Моша рѣка въ Каргопол. уѣздѣ; Почезеро погостъ въ Пудожск. уѣздѣ; Кенозеро тамъ же; Лексимозеро въ Каргопол. уѣздѣ; Малошальскій погостъ тамъ же.

И всѣ на пиру пьяны-веселы сидятъ,
А Иванушко Годеновичъ
10 Не пьетъ, да и не ѣстъ и не кушаетъ,
И бѣла лебедя Иванушка не рушаетъ.
И спрашиваетъ у Ивана родной дядюшка,
Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Что же ты, Иванушко,
15 — Не пьешь, не ѣси и не кушаешь,
— И бѣлы лебеди, Иванушка, не рушаешь?
— Мѣсто ли тебѣ не по разуму,
— Али невѣжа тебя въ пиру обезчестила?—
Говоритъ-то Иванушка Годеновичъ:
20 « Ай ли ты, родитель мой дядюшко,
« Владиміръ князь столенъ-Кіевскій!
« Мѣсто-то мнѣ какъ по разуму,
« И невѣжа въ пиру не обезчестила.
« У насъ-то во городѣ во Кіевѣ
25 « Всѣ молодцы испоженены,
« Красныя дѣвушки за мужъ выданы,
« А я-то, Иванъ, неженатъ хожу.
« Кабы мнѣ-ка нажить богосуженая,
« Кабы мнѣ-ка нажить супружница!»
30 И говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери;
— Добромъ не отдаютъ, такъ и силой возьмемъ.—
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
35 « Ай же ты, любезный мой дядюшка,
« Ты Владиміръ князь столенъ-Кіевскій!
« Есть у меня невѣста-то въ городѣ Черниговѣ,
« У того ли у купца у гостя Дмитрія торговаго,
« Есть же Настасья-та Дмитріевна:
40 « Умомъ умна и станомъ статна,
« Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ,
« Щечки будто маковъ цвѣтъ,
« Походочка у ней такъ павиная,
« Рѣчь-то у ней лебединая.»

45 И говоритъ-то Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
— Бери-тко казны колько надобно,
— Бери-тко ты силы колько требуется
— И поѣзжай-ко ты за Настасьей Дмитріевной.—
50 И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
« Ай же ты, любезный мой дядюшко,
« Владиміръ ты князь столенъ-Кіевскій!
« Не надобна мнѣ золотая казна
« И не надобна мнѣ сила твоя (армія),
55 « Только дай-ко мнѣ Ефимка слугу-Паромка,
« Мы двое съ нимъ да поправимся.»
И вставаетъ Ефимка слуга-Паромокъ:
« Благодарствуй, Иванъ да Годеновичъ,
« Хоша мною ты да не побрезговалъ!»
60 И видѣли молодцовъ, какъ на коней садилися,
И не видѣли, куды они уѣхали.
И пріѣхали ко городу Чернигову,
И разскочилися ко гостю купцу Дмитрію торговому,
И стали они у него свататься:
65 « Ай же ты, Дмитрій гость торговый!
« Отдай же Настасью Дмитріевну
« За княженецкаго племянника за Иванушка Годеновича.»
Говоритъ-то Дмитрій гость торговый:
— У меня просватана Настасья-то Дмитріевна
70 — За царя за Кощея Трапетовича.—
Какъ хватили-то саблю-то острую
И говорятъ-то они таково слово:
« Ай же ты, Дмитрій гость торговый!
« Не отдашь какъ Настасьи-то Дмитріевны,
75 « Отсѣкемъ мы тебѣ буйную голову!»
И хватили Настасью-то Дмитріевну
За тѣ ли за ручки за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни злаченые,
И выводили-то ей на широкой дворъ,
80 И садили-то ей на дорога коня,
И повезли-то ее да во Кіевъ градъ.

И выѣхали они да во чисто поле,
И говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
« Поѣзжай-ко ты, Ефимка слуга-Паромокъ,
85 « Поѣзжай ты во Кіевъ градъ
« И скажи-ко дядюшкѣ вѣсточку радостную,
« Что получили Настасью-то Дмитріевну,
« А я раскину шатеръ бѣлополотненый,
« Отдохну я съ Настасьею Дмитріевной.»
90 Уѣхалъ слуга-Паромокъ во Кіевъ градъ,
Оставаются Иванушко Годеновичъ
Съ Настасьею Дмитріевной во чистомъ полѣ.
И раскинули они шатеръ бѣлополотненый
И легли они спать да опочинъ держать.
95 И наѣхалъ Кощей да Трапетовичъ,
И кричалъ-то Кощей громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
« Ты почто у меня взялъ Настасью-то Дмитріевну?
« У меня три года какъ сосватанось.»
100 И вышелъ-то Иванушко Годеновичъ
Супротивъ Кощея Трапетовича,
И стали о Настасьи-то дратися,
Дратися да и боротися:
И одолѣлъ Иванушко Кощея Трапетовича,
105 И закричалъ-то Кощей громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Настасья Дмитріевна!
« За мной тебѣ жить—такъ царицей слыть,
« За Иванушкой жить—портомойницей слыть.»
И скочила какъ Настасья-то Дмитріевна,
110 И какъ хватила Ивана за желты кудри,
И ушибла Ивана о сыру землю.
И связали у Ивана ручки бѣлыя,
И сковали у Ивана ножки рѣзвыя,
Привязали-то ко кустечку ракитовому;
115 И зашли-то во шатеръ бѣлополотненый,
Кощей-то Трапетовичъ съ Настасьею Дмитріевною,
И стали забавлятися.
И прилетѣли голубокъ да со голубушкой,

Садилися на кустечикъ ракитовый,
120 И воркуютъ-то они да приговариваютъ:
« Хорошо стоять Иванушки у кустичка ракитова,
« Хорошо смотрѣть на Кощея Трапетовича,
« Какъ забавляется съ Настасьей-то Дмитріевной!»
И говоритъ-то Настасья-то Дмитріевна:
125 — Ой ты, Кощей Трапетовичъ!
— Отсѣки Ивану буйну голову:
— Какъ сослетятъ да голубокъ со голубушкой во Кіевъ градъ,
— Да скажутъ князю Владиміру,
— Наѣдутъ какъ кіевскіе богатыри,
130 — Такъ не уѣхать намъ будетъ во свою землю.—
Такъ тутъ говоритъ Кощей-то Трапетовичъ:
« Застрѣлю я голубка со голубушкой.»
И натягивалъ Кощей свой тугій лукъ,
И накладывалъ Кощей калену стрѣлу,
135 И стрѣляетъ въ голубка да во голубушку;
И не попалъ-то Кощей ни въ голубка, ни во голубушку,
А попалъ во свою бѣлу грудь,
И разбилъ-то свою бѣлу грудь,
Разрушилъ свое сердце ретивое:
140 И тутъ-то Кощею слава вся прошла.
И говоритъ-то Настасья-то Дмитріевна:
— Отъ бережку я откачнулася,
— Ко другому бережку не прикачнулася!
— Ой же ты, Иванушко Годеновичъ!
145 — Не станешь меня ни бить, ни бранить,
— Такъ отвяжу тебя отъ кустичка ракитоваго;
— А станешь меня бить да бранить,
— Отсѣку тебѣ буйну голову.—
Взяла-то она саблю вострую,
150 И здрожали у ней ручки бѣлыя,
И выпала сабля по поводамъ шелковыимъ.
И сталъ-то Иванъ на своей воли.
И говоритъ-то Иванъ таково слово:
« Я не стану тебя, Настасья, ни бить, ни бранить,

155 « Только дамъ тѣ три угрозы, три великія,—
« Эти мнѣ руки не надобны:
« Почто меня хватали за желты кудри,
« Почто ушибали о сыру землю!»
И отсѣкъ-то у ней ручки бѣлыя.
160 « Эти мнѣ губы не надобны:
« Почто цѣловали Кощея Трапетовича!»
И отсѣкъ-то у ней губы бѣлыя.
« Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ:
« Почто говорилъ—«отсѣки-тко Ивану буйну голову!»
165 И вытянулъ языкъ у ней изо рта.
« На-тко, Настасья Дмитріевна,
« Хоть замужъ пойди, хоть вдовой живи,
« А мнѣ ты теперь не надобна!»
И поѣхалъ Иванъ-то во Кіевъ градъ,
170 Одинъ-то поѣхалъ одинешенекъ.
И встрѣчаетъ его дорогой дядюшка,
Думаетъ, что ѣдетъ Иванъ съ богосуженой.
И говоритъ-то Иванъ таково слово:
« Ай ты, родитель мой дядюшка!
175 « Всякъ-то на семъ свѣтѣ женится,
« А не всякому женитьба издавается!»

——

196.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

У ласкова у князя у Владиміра
Заводился пированьице—почестный пиръ
На многихъ на князей, на бояровъ,
И на сильныихъ-могучихъ богатырей,
5 На всѣхъ паленицъ на удалыихъ.
Пиро-тъ идетъ на веселѣ,
Дене-тъ идетъ ко вечеру,
Красное солнышко ко западу.

Владиміръ князь столенъ-Кіевскій
10 Наливалъ чары зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра,
Подносилъ чары тремъ богатырямъ:
Старому казаку Ильѣ Муромцу,
Молодому Добрынѣ сыну Никитичу
15 И душечкѣ Михайлу Потыку сыну Ивановичу:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Выкушай чару зелена вина
« И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
« Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
20 « Собери-тко дани за семь лѣтъ,
« А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.
« Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Выкушай чару зелена вина
« И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
25 « Съѣзди-ко ты въ Цареградъ,
« Собери-тко дани за семь лѣтъ,
« А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.
« И ты, душечка Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Выкушай чару зелена вина
30 « И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
« Съѣзди-ко ты во царство Заморское,
« Собери-тко дани за семь лѣтъ,
« А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.»
Садились богатыри на добрыхъ коней,
35 Поѣхали въ раздольице—чисто поле,
Промежду собой уговорилися:
Братьямъ дружка дружкѣ сожидать,
Раскинуть въ полѣ шатеръ бѣлополотняный,
И вдругъ ѣхать въ столенъ Кіевъ градъ.
40 Въ первыхъ пріѣхалъ Илья Муромецъ,
Привезъ злата какъ сѣнну кучу,
Раскинулъ въ полѣ шатеръ бѣлополотняный
И дожидается своей братіи.
Пріѣхалъ молодой Добрынюшка Никитиничъ,
45 Привезъ злата какъ сѣнну кучу.

И ѣдетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Не везетъ злата ни одной денежки,
А везетъ душечку Марьюшку,
Душечку Лебедь Бѣлую и полоненую.
И говорятъ ему братія:
« Что же ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Обзарился ты на прелести женскія,
« А не везешь злата ни едной денежки?
И съ чимъ ты теперь во Кіевъ градъ появишься?»
И говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же вы, братьица крестовые!
— А не давайте мнѣ красна золота,
— И не троньте душечки Бѣлой Лебеди:
— Я съ ней поѣду въ столенъ Кіевъ градъ.—
И пріѣхали братья въ столенъ Кіевъ градъ.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Отвалилъ злата какъ сѣнну кучу;
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
Отвалилъ злата какъ сѣнну кучу;
Идетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Не несетъ злата ни едной денежки,
А ведетъ за ручку душечку Марьюшку,
Душечку Лебедь Бѣлую и полоненую.
И говоритъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
« Чѣмъ тебя за эту выслугу будетъ жаловать?
« Селами ли жаловать со приселками,
« Городами ли ударить съ пригородками,
« Али золотой казной несчетною?»
Говоритъ Михайла таковы слова:
— А не надоть селъ со приселками,
— Городовъ не надоть съ пригородками
— И не надоть золотой казны несчетныя:
— Хоть меня чѣмъ пожалуй, я все пропью.
— Лучше дай мнѣ указъ за печатью за красною:
— Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ
— И по всѣмъ кружаламъ государевымъ,
— И пить зелено вино безденежно,

— Чтобы съ Михайлы денегъ никогда не спрашивали.—
И дастъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій
85 Ему Михайлу указъ за печатью за красною:
Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ
И по всѣмъ кружаламъ государевымъ,
И пить зелено вино безденежно,
Что ни напьетъ, все казна внесетъ.
90 Говоритъ Владиміръ таковы слова:
« Я и тѣхъ-то послалъ, чтобы женилися,
« А они, молодцы, не догадалися,
« Обзарились на злато и серебро.
« Въ нашу державу свято-русскую
95 « Пойдутъ сѣмена—плодъ богатырскій:
« То лучше злата и серебра.»
И говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ай же ты, душечка Марьюшка, Лебедь Бѣлая!
— Обвѣнчаемся мы съ тобой!—
100 « Не что̀, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Только съ тѣмъ обвѣнчаемся,—
« Сдѣлаемъ записи крѣпкія
« И положимъ мы за престолъ Господень:
« Который изъ насъ впереди помретъ,
105 « А другому живому въ гробъ легчи.»
И сдѣлали записи крѣпкія,
И положили за престолъ Господень,
И повѣнчалися въ Божьей церкви.
Послѣ брака годъ живутъ, другой живутъ,
110 И живутъ они по третій годъ,
Четвертое лѣто на прохо̀дѣ.
И ходитъ Михайла все по кабакамъ
И по всѣмъ кружаламъ государевымъ,
Пьетъ зелено вино безденежно,
115 Съ Михайлы денегъ никогда не спрашиваютъ.
И пришла къ ёму въ кабакъ вѣсточка скорая,
Скорая вѣсточка, не веселая:
Померла душечка Марья, Лебедь Бѣлая.
Приходитъ Михайла въ свои палаты бѣлокаменны,

120 Наймуетъ онъ плотниковъ
Сострoить колода дубовая,
Дубовая колода, просторая,
Чтобы двоимъ легчи и сидя сѣсть.
И состроили ему колоду дубовую,
125 Дубовую колоду просторую.
И беретъ Михайла запасу на два мѣсяца,
И похоронили во матушку сыру землю
Михайла Потыка сына Ивановича
И душечку Марью, Лебедь Бѣлую.
130 И тогда подплываетъ змѣя лютая,
Лютая змѣя пещерская,
Пролизала колоду дубовую
И хочетъ съѣсть Марью, Лебедь Бѣлую.
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
135 Захвати змѣю за гайноище [1]):
— Задавлю я тебя, змѣя лютая,
— И придавлю твоихъ двѣнадцать змѣенышей!—
Говоритъ змѣя языкомъ человѣческимъ:
« Не дави меня и моихъ двѣнадцать змѣенышей,
140 « Я тебѣ дамъ змѣеныша порукою,
« А сама пойду по подземлѣ,
« Принесу тебѣ живой воды:
« Оживи-тко Марью, Лебедь Бѣлую.—
И дала ему змѣеныша порукою,
145 Сама побѣжала по подземлѣ,
Принесла ему живой воды:
И оживили Марью, Лебедь бѣлую, стала жива.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Закричалъ какъ въ сырой землѣ,
150 Такъ у князя Владиміра палаты зашаталися;
Тогда сидѣли у князя Владиміра
Князи-бояра на почестномъ пиру:
« Видно, тяжко живому съ мертвымъ лежать,
« Пойдемъ, выкопаемъ Михайла Потыка сына Ивановича! »

---

[1]) Хайлище, пасть.—*Б.*

155 И выкопали Михайла Потыка сына Ивановича,
Идетъ вслѣдъ душечка Марья, Лебедь Бѣлая.
Прошла такова слава великая
По всѣмъ землямъ и по всѣмъ ордамъ:
Такова-то есть во городѣ во Кіевѣ
160 Душечка Марья, Лебедь Бѣлая, безсмертная [1]).
На тую на славу на великую
Наѣзжаетъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
И сорокъ королей, сорокъ королевичей,
Стали виноватаго розыскивать [2]):
165 « Ай же ты, Владиміръ князь, столенъ-Кіевскій!
« Отдай душечку Марью, Лебедь Бѣлую,
« Намъ сорока царямъ въ замужество.»
И призываетъ Владиміръ князь Михайлу Потыка:
« Отдадимъ Марью сорока царямъ въ замужество?»
170 Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Отдадимъ-ка твою Опраксу королевичну?—
Нарядился Михайла въ платья женскія,
Садился Михайла на добра коня
И поѣхалъ на Оскатъ-гору высокую,
175 Близъ сорока царей, сорока царевичей,
И близь сорока королей, сорока королевичей,
Раскинулъ шатеръ бѣлополотняный,
Надавалъ коню пшеницы бѣлояровой
И ложился спать въ бѣломъ шатрѣ.
180 Посылали посла сорокъ царей:
« Кто пріѣхалъ къ намъ близъ сорока царей?»
Отвѣчалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Пріѣхала Марья, Лебедь Бѣлая,
— Вамъ сорока царямъ въ замужество.—
185 Тогда сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей
Оболоклись въ платье самолучшее,
Садились на самолучшихъ коней

---

[1]) По объясненію калики, „другая смерть человѣку не бываетъ“.

[2]) Стихъ, ошибочно вставленный изъ тѣхъ отдѣловъ былинъ, гдѣ Потыкъ бѣжаетъ враговъ и имъ являются мстители.—*Б.*

И пріѣхали къ шатру бѣлополотняну.
190 Говоритъ имъ Михайла таково слово:
— Глупы вы сорокъ царей и сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей и сорокъ королевичей!
— Я вѣдь одна, одному и достануся, а всѣмъ не достануся.
— Дай-ко я разстрѣляю сорокъ стрѣлочекъ,
195 — Всякому стрѣлю въ свою сторону:
— Который впередъ прибѣжитъ со стрѣлочкой,
— Тому я и достануся.—
На то цари согласилися.
Разстрѣлялъ Михайла сорокъ стрѣлочекъ,
200 Иная въ кусты, и́ная въ воду: часо̀мъ ли соберешь?
Который впередъ прибѣжитъ со стрѣлочкой,
Михайла тому голову сѣкетъ,
Сѣкетъ голову и подъ шатеръ складетъ.
И прибилъ ёнъ всѣхъ до о̀дного,
205 По одному сорокъ царей и сорокъ царевичей,
И сорокъ королей, сорокъ королевичей,
Самъ шелъ въ столенъ Кіевъ градъ,
Привернулъ въ кружало государево
И напился зелена вина безденежно:
210 Съ Михайла денежекъ не спрашиваютъ.
И пріѣхалъ король земли Польскія,
И проситъ-отыскиваетъ виноватаго,
Самого ли Михайла Потыка сына Ивановича,
За ту ли провинность великую,
215 Что увезъ ёнъ дочь любимую,
Ту ли Марью, Лебедь Бѣлую.
И увозилъ Михайла въ свою землю Польскую,
И садилъ играть его во шахматы:
« Если я тебя поиграю [1]), голова съ плечъ долой;
220 « Если ты меня поиграешь, такъ въ винѣ тебя Богъ проститъ. »
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ

[1]) Обыграю.—*Б.*

Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
А во третьихъ королю и мата далъ,—
225 Выигралъ Михайла свою голову.
Во второй разъ прописалъ [1]) король свою землю Польскую;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
230 А во третьихъ королю и мата далъ,—
И выигралъ Михайло державу Польскую.
Прописалъ король свою буйну голову;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Разъ ступаетъ—не доступываетъ.
235 Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
А во третьихъ королю и мата далъ,—
И надоть королю голова рубить,
Королевство Польское на руки принимать,—
Какъ пришла-то вѣсточка скорая,
240 Скорая вѣсточка, не веселая:
« Пріѣхалъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ,
« Увезъ Марью во свою землю Вахрамееву. »
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Королю въ винѣ простилъ,
245 Королевство на руки возвратилъ,
И поѣхалъ вслѣдъ сугоною.
И достигъ въ чистомъ полѣ
Царя Вахрамея Вахрамеева
И Марьюшку, Лебедь Бѣлую.
250 И видитъ царь Вахрамей бѣду неминучую
[Затыкаетъ дыру онучею [2])],
Что не состоять будетъ съ Михайломъ Потыкомъ Ивановичемъ,
И самъ и сохутился [3]).
А Михайла приходитъ къ Марьѣ по близку,

---

[1]) Поставилъ на конъ.—*В.*
[2]) Стихъ этотъ вставной изъ поговорки.
[3]) Спрятался.

255 И беретъ его Марья за ручки бѣлыя,
И цѣлуетъ въ уста сахарныя,
И предводитъ прелести женскія:
« Не сама я своимъ умысломъ задумала
« Ѣхать-то во землю Вахрамееву:
260 « Отдалъ меня князь Владиміръ за неволею. »
И поила его питьемъ пьяныимъ.
И Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ напился,
И въ дубровушку зеленую свалился.
И Марья брала его на руки бѣлыя,
265 А кидала черезъ себя,
Крѣпки приговоры приговаривала:
« Былъ въ чистомъ полѣ сильный-могучій богатырь:
« Теперь стань Михайло синимъ камнемъ въ чистомъ полѣ! »
И обвернула она мужа Михайла каменемъ,
270 Сама уѣхала въ землю Вахрамееву.
И во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
Были богатыри, его братья крестовые-названые:
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ.
275 И схватились они по Михайлѣ Потыкѣ:
« Пойдемъ искать Михайлу Потыка,
« Что его долго нѣтъ изъ земли Вахрамеевой? »
И пошли—нарядились каликами перехожими,
Взяли сумочки переметныя,
280 Взяли клюшки во двѣнадцать пудъ,
И пошли они въ землю Вахрамееву.
Идутъ они путемъ-дорогою,
Вышелъ со стороны четвертый калика незнакомый:
« Здравствуйте, калики киевскіе!
285 «Возьмите-ко меня въ товарищи. »
— Рады мы товарищу. —
И пошли четверо каликъ перехожіихъ.
Пришли во землю Вахрамееву,
Клюшками поколотили
290 И милостыни попросили.

И выглянула Марья, Лебедь Бѣлая, въ окошечко,
И видитъ, что идутъ калики кіевскіе,
А четвертый калика незнакомый,
И бѣжала на широкій дворъ,
295 И брала каликъ за руки бѣлыя,
А ведетъ въ палаты бѣлокаменны,
И поитъ-кормитъ, чествуетъ.
Трое калики пьютъ и ѣдятъ,
А четвертый не ѣстъ и не пьетъ;
300 Трое каликъ принапилися,
Принапилися, да на полъ свалилися,
А четвертый калика не пилъ, тотъ и не пьянъ.
Она взяла-собрала двѣнадцать богатырей:
« Подьте, богатыри, убейте каликъ кіевскихъ. »
305 И тогда пришли двѣнадцать богатырей,
Пришли—хочутъ убить каликъ кіевскихъ.
Четвертый калика незнакомый
Бралъ какъ клюшечку въ двѣнадцать пудъ,
Сталъ какъ клюшечкой помахивать,
310 И убилъ всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Не оставилъ единаго на сѣмена.
И видитъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ,
Что не состоять всему царству Вахрамееву
Съ одной каликой перехожей,
315 А какъ тѣ проснутся, что будетъ?
Взялъ—у нихъ котомки всѣ отобралъ,
И сходилъ во терема глубокіе,
Наклалъ котомки полнымъ-полнехоньки
Злата и серебра, и скатна жемчуга.
320 По утру калики просыпалися:
« Накормилъ-напоилъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ
« И на дорогу животами надѣлилъ!
И пошли калики во Кіевъ градъ.
И приходятъ противу этого камени,
325 Гдѣ лежитъ душечка Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
И говоритъ четвертый калика незнакомый:
« Давайте, братцы, животъ дѣлить. »

Калики начали животъ дѣлить.
Четвертый калика незнакомый
330 Животъ дѣлитъ, а на пять частей кладетъ.
А Илья Муромецъ не стерпѣлъ своего сердца ретиваго,
Самъ говоритъ таково слово:
— Что же, четвертый калика незнакомый,
— Животъ дѣлишь, а на пять частей кладешь?
335 — Кому часть пятая? —
Говоритъ четвертый калика незнакомый:
« Тому же часть пятая,
« Кто изъ этого каменя сдѣлаетъ богатыря. »
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
340 — Батюшко, четвертый калика незнакомый!
— Буде ты сдѣлаешь изъ этого каменя богатыря,
— Пусть весь животъ тебѣ пойдетъ,
— Не надоть намъ одна денежка. —
И четвертый калика незнакомый
345 Бралъ камень на бѣлы руки,
И кидалъ камень черѐзъ себя,
И крѣпки приговоры приговаривалъ:
« Стань Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! »
И высталъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ на ноги,
350 И говоритъ четвертый калика незнакомый:
« Обирайте, калики, весь животъ,
« Не надоть мнѣ моя доля;
« Молитесь вы Николѣ Святителю:
« Кабы не онъ, то бы вы убиты были! »
355 Три калики кіевскіе пошли во Кіевъ градъ,
А четвертый калика незнакомый пошелъ въ свою сторону.
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Пошелъ искать Марьюшки душечки,
Лебедь Бѣлая, полоненая.
360 Приходитъ онъ въ землю Вахрамейскую,
Къ царю Вахрамею Вахрамеевичу;
Клюшкой поколотилъ и милостыни попросилъ.
И выглянула Марьюшка душечка,
Лебедь Бѣлая, полоненая,

365 И видитъ, что идетъ Михайла
Потыкъ сынъ Ивановичъ,
И бѣжала она на широкій дворъ,
И брала Михайла за руки бѣлыя,
И ведетъ въ палаты бѣлокаменныя,
370 И поитъ-кормитъ, и чествуетъ.
И Михайла то порозсохся,
Напился и на полъ свалился;
А она взяла Михайла—поставила о стѣну,
И въ руки въ ноги вбила пò гвоздю;
375 И противъ сердца былъ гвоздь грянцатый [1]),
Тотъ потерялся гвоздь,
То она побѣжала въ кузницу,
А кузнецовъ дома не случилося.
И той поры Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ проспался.
380 И была у царя Вахрамея Вахрамеевича
Дочь Настасья Вахрамеевна,
Говоритъ она таковы слова:
« Пойти было мнѣ посмотрѣть
« Русскаго богатыря,
385 « Какъ жена насмѣхается? »
И пришла, сама говоритъ таково слово:
« Экіе наши глупые женскіе разумы!
« Вотъ надъ какимъ молодцомъ жена насмѣхается
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
390 « Возьмешь ли меня въ замужество?
« Сейчасъ я тебя со стѣны сойму. »
— Настасья Вахрамеевна!
— Сейчасъ я тебя въ замужество возьму. —
Изъ рукъ изъ ногъ выдернула по гвоздю,
395 И принесла травки муравчатой,
И заживила раны кровавыя;
И принесла ружье богатырское.
— Ну, Настасья Вахрамеевна,

---

[1]) Грядчатый, что забиваютъ грядку?—*Б.*

— Не боюсь я теперь вашего царства Вахрамеевскаго! —
И взялъ царя Вахрамея Вахрамеевича —
На воротахъ и рòзстрѣлялъ;
И Марьюшку душечку,
Лебедь Бѣлую, полоненую,
Также на воротахъ рòзстрѣлялъ;
А Настасью Вахрамеевну замужъ взялъ.
Первая женитьба Михайлы неудачна была,
А вторая женитьба издачная.
И тутъ какъ они обнялись да и оплелись,
Да и въ одно мѣсто прижались.

197.

ДЮКЪ.

Въ Волынцѣ и въ городѣ Галичѣ,
И въ той Сорочинѣ широкія,
Изъ той Индіи богатыя
Поѣзжалъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
И сѣдлалъ себѣ маленькаго
Сивушка-бурушка и вѣщаго ковурушка,
И маленькаго-косматенькаго,
И накладывалъ уздицу семи шелковъ,
И потнички на потнички,
И войлочки на войлочки,
И сѣделышко себѣ черкасское,
И вожжики съ нацвѣтами.
И пріѣзжалъ онъ во стольный во городъ во Кіевъ градъ,
И приходитъ въ соборную Божью церковь,
Къ обѣдни воскресной,
И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владиміра взглянетъ,—

20 Только головой пошàтаетъ,
На Апраксію королевичну взглянетъ,—
И рукой махнетъ.
И отошла обѣдня воскресная,
И такъ зазывали Дюка Степановича
25 Ко князю ко Владиміру во честной пиръ,
Садили за столы-тѣ за дубовые,
И за тѣ ли скатертки верчатыя [1]),
И за питья за ѣства за сахарныя.
И понесли хмельные напиточки:
30 И онъ полрюмочки пьетъ,
Другую черезъ край льетъ;
Принесли калачиковъ на закýску крапивчатыхъ [2]):
Да онъ верхнюю корочку ѣстъ,
А нижнюю откладываетъ.
35 Спросилъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Да что же ты, гость любимый,
— Да ты коей земли, да ты коей орды,
— Коего отца, коей матери,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
40 — Звеличаютъ тебя по отечеству?—
И говоритъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ Волынца изъ города изъ Галича,
« Изъ той Сорочины изъ широкія,
« Изъ той ли Индіи изъ богатыя.»
45 И спросилъ Владиміръ князь столенъ-Кіевскій:
— Что же ты, боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
— Былъ ты сегодня у обѣдни у воскресныя,
— Но только Богу не молился,
— Только по церкви посматривалъ?—
50 « То я посматривалъ,
« Что у васъ противъ нашей церкви
« Десятой доли нѣтъ;
« И у тебя, Владиміръ князь столенъ-Кіевскій,
« Платье какъ у насъ у самаго бѣднаго;

---

[1]) Верчатыя, браныя.—*Б.*
[2]) Крупичатыхъ.—*Б.*

55 « Но и у тебя супруга Апраксія королевична,
« Такъ у насъ этакъ бѣдная женщина средится:
« У васъ въ палатахъ-то бѣлокаменныхъ
« Противъ нашего—послѣдній домъ.
« У насъ на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
60 « На небѣ мѝсецъ, и въ теремѣ мѝсецъ,
« На небѣ луна, и въ теремѣ луна.
« У васъ напитки пахнутъ на дерево сосновое:
« Да у насъ напитки—рюмочку пьешь,
« А по другой душа горитъ,
65 « А третьей хочется;
« А колачики эти называются крапивчаты у васъ:
« Да пахнутъ на кору сосновую;
« Да столько у насъ колачики—одного ѣси,
« По другомъ душа горитъ,
70 « А третьяго хочется;
« Печки-то у насъ муравленыя,
« А помельца-то шелковыя:
« Такъ и не пахнутъ на кору сосновую!»
И за тѣмъ столомъ дубовыимъ
75 Сидитъ Чурила Пленковичъ,
И самъ говоритъ таково слово:
« Ахъ, боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
« Не пустымъ ли ты хвастаешь?
« Да ударимся-ко мы съ тобой во великъ закладъ:
80 « Зачнемъ-ко мы съ тобой щепомъ щепить на три года,
« У котораго платья больше есть,
« Да что день, то платье перемѣнное.»
И говоритъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Давай-ко, Чурила Пленковичъ,
85 « Кто кого перещепитъ;
« Да не то у меня на три года,—
« Будетъ платья на семь лѣтъ.»
И ударились они о великъ закладъ
Щеголять на три года,
90 Что день, то платье перемѣнное.
Ну и говоритъ Владиміръ князь да столенъ-Кіевскій:

— Да кого послать во Индію богатую
— Да за платьемъ за Дюковымъ?—
И говоритъ Олеша Поповичевъ:
95 « Да пошлите меня,
« Владиміръ князь столенъ-Кіевскій,
« Да за Дюковымъ за платьицемъ.»
Говоритъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Да не спущу тебя, Олеша Поповичевъ,
100 « Во свою Индію богатую:
« Да твои глаза поповскіе—завидливы,
« Заѣдешь туды къ намъ, такъ и назадъ не выѣдешь.
« Да пошлемъ лучше Добрынюшку Никитьевича.»
И говоритъ Владиміръ князь да столенъ-Кіевскій:
105 — Поѣзжай-ко, Добрынюшка Никитьевичъ,
— Во ту ли Индію въ богатую,
— Вези-ка Дюку платья на три года.—
И справился Добрынюшка Никитьевичъ.
И скоро скажется, а по успѣху дѣло исправляется.
110 И пріѣзжаетъ къ Волынцю въ городъ Галичъ,
Въ ту Сорочину широкую
И въ ту ли Индію въ богатую.
И доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И идетъ въ его теремъ златоверховатый.
115 И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ:
На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсецъ, и въ теремѣ мѣсецъ,
И сидитъ женщина,—
Шелку не много, а вся въ серебрѣ;
120 И приходитъ онъ и покланяется:
« Здравствуешь, Дюкова матушка!»
Она отвѣчаетъ ему:
— Я не Дюкова матушка,
— Я Дюкова работница;
125 — Ступай туды во второй покой.—
Приходитъ во второй покой,—
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ золотѣ;

Онъ опять и покланяется:
130 «Здравствуй, Дюкова матушка!»
И женщина отвѣчаетъ ему:
— Я не Дюкова матушка,
— Я Дюкова портомойница;
— Ступай впередъ въ третій покой.—
135 Приходитъ онъ въ третій покой,—
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
« Здравствуй, Дюкова матушка!»
140 Женщина ему отвѣчаетъ:
— Я не Дюкова матушка,
— А я Дюкова нянюшка;
— Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
— Да всѣмъ тебѣ не накланяться;
145 — А Дюкова матушка къ обѣдни ушла,
— Поди къ обѣдни воскресныя
— Да смотри, да всякому не кланяйся;
— Когда пройдутъ метельники изъ церкви,
— Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
150 — Тогда Дюкову матушку
— Ведутъ дѣвицы подъ руки,
— Она вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ.—
И тогда пошелъ Добрыня Никитьевичъ
Къ обѣдни воскресныя,
155 И стоитъ онъ у церкви у соборныя,
И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
И народъ идетъ—кто въ шелку,
Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ;
160 Да пошли и метельники,
Да пошли и лопатники,
Позадѣ Дюкову матушку
Ведутъ дѣвицы подъ руки;
И поклоняется Добрыня Дюковой матушкѣ:
165 « Здравствуй, Дюкова матушка!»

— Здравствуй, удалый-добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Коего отца, коей матери,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
170 — Звеличаютъ какъ по отечеству?—
« Я изъ стольнаго города Кіева,
« По имени Добрыня Никитьевичъ,
« И принесъ тебѣ письма да отъ сына,
« Да отъ Дюка Степановича.»
175 И подаваетъ ей писемышко.
И прочитала письмо Дюкова матушка,
Сама говоритъ таково слово:
— Ой ты, сынъ мой возлюбленный,
— Изъ-по имени боярскій сынъ,
180 — Боярскій сынъ да Дюкъ Степановичъ!
— И порато [1]) въ чужихъ людяхъ хвастаетъ:
— Да надо не потерять тебѣ
— Своей буйной головы!—
И зазвала Добрыню хлѣба-соли кушати,
185 Бѣлой лебеди рушати;
И поднесла ему напиточекъ, и точно правда:
Рюмочку пьешь, по другой душа горитъ,
Душа горитъ, а третьей хочется;
Всякаго кушанья довольно,
190 И не ѣдалъ Добрыня Никитьевичъ
Во городѣ Кіевѣ экого кушанья.
И посылаетъ Дюкова матушка
Сыну платьица на три года:
Что день, то платье перемѣнное.
195 И поѣхалъ Добрыня Никитьевичъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ онъ ко князю ко Владиміру,
И спрашиваетъ князь Владиміръ
У Добрыни Никитьевича:
— Что̀, правда ли хвасталъ боярскій сынъ,
200 — Боярскій сынъ да Дюкъ Степановичъ?—

---

[1]) Больно, сильно.—*Изъ.*

И говоритъ Добрыня да Никитьевичъ:
« Да не окупить сему [1]) городу Кіеву
« Одного Дюкова дому!»
И отдаваетъ Дюку платьица.
И стали щеголять съ Чуриломъ Пленковичемъ
Боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
И у Чурила платья перемѣннаго
Хватило только на три мисяца;
И сталъ опять платье то же держать,
Платье то же держать, старинное.
И ухватилъ боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
Того ли Чурила Пленковича,
И съ конемъ въ карманъ посадилъ.
И стали тутъ покланятися
Боярскому сыну Дюку Степановичу:
« Выпусти изъ кармана хвастуна Чурилу Пленковича!»
И спустилъ Дюкъ Степановичъ Чурилу Пленковича:
« Поди, хвастунъ Чурила Пленковичъ,
« Впередъ болѣ ты не хвастай!»
И простился боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
Со стольнымъ со княземъ Владиміромъ,
И со всѣми кіевскими богатырями,
И уѣхалъ во свой Волынецъ городъ Галичій,
Во ту Сорочину широкую,
Во ту ли Индію богатую,
Ко своей-то родителю ко матушкѣ.

198.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ

Во славномъ во Новѣ-городѣ
Жилъ Буслаевъ девяносто лѣтъ;
Живучись Буславьюшко не старился,

[1]) Всему?—*Б.*

Поперекъ дорожки не ставился,
5 Съ каменной Москвой не перечился,
Съ Новымъ-городомъ спору не было;
Живучись Буславьюшко преставился.
Оставалося чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
10 И сталъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И не легкія шуточки пошучивать:
Кого хватитъ за руку,
Рветъ руку изъ плеча вонъ;
Кого хватитъ за ногу,
15 Рветъ ногу изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватитъ за головушку,
Головой вертитъ будто пугвицей.
И стали жалобы происходить къ родной его матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Емельѣ Тимоѳеевнѣ:
20 « Ты честна вдова, Емельѣа Тимоѳеевна!
« Унимай-ка своего чада милаго,
« Молодого Василья Буслаева:
« Что онъ ходитъ по Нову-граду—уродуетъ,
« Шутки шутитъ не маленькія;
25 « Кого хватитъ за руку,
« Руку рветъ изъ плеча вонъ;
« Кого хватитъ за ногу,
« Ногу рветъ изъ ходиловъ вонъ;
« Кого хватитъ за голову, —
30 « Головой вертитъ будто пугвицей.
« А ты не уймешь, такъ мы уймемъ! »
И дождалась честна вдова Емельѣа Тимоѳеевна
Своего чада милаго,
Молодого Василья Буслаева,
35 И сама жалобнешенько расплакалась:
— Ты мое дитя, чадо милое,
— Молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
— Что по Нову-граду ходишь ты, уродуешь?
— Въ твои-то годы отецъ безъ портокъ ходилъ,
40 — Не имѣлъ въ карманѣ онъ вѣдь ста рублей,

— А имѣлъ дружину хоробрую [1]):
— А у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя,
— Не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися! —
За эти рѣчи Василій принимается;
45 Взялъ какъ перо да со чернилами,
И взялъ листъ бумаги гербовыя,
И написалъ онъ писемышко,
Что « Тати-воры-разбойники ко мнѣ на дворъ,
« Плутъ-мошенникъ къ моему двору,
50 « Не работы робить деревенскія,
« Пить зелена вина безденежно! »
И бросалъ писемышко на Волховъ мостъ.
И пошли мужики Новгородчане,
И нашли это писемышко,
55 И молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Выкатилъ бочку зелена вина,
Зелена вина да сорока ведеръ;
Наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
60 И беретъ себѣ въ руки черняный вязъ:
« Хто подойметъ чару зелена вина
« Въ полтора ведра единой рукой,
« И кто выпьетъ чару на единый здохъ,
« И стерпитъ черненый вязъ въ буйну голову, —
65 « Попадаетъ ко мнѣ въ дружину хоробрую. »
И пришли мужики Новгородчане,
И никто не могъ поднять чары единой рукой.
Идетъ Иванище Сильное,
И поднимаетъ чару единой рукой,
70 И выпиваетъ чару на единой здохъ;
И ударяетъ Василій его, Иванища,
Черняным вязомъ въ буйну голову:
И стоитъ Иванище—не трёхнется,
И не трёхнется, и не ворохнется,
75 И со буйной головы колпакъ не воротится.

---

[1]) Пословица: „не имѣй въ карманѣ ста рублей, а имѣй сто друзей“.—*Б.*

И тотъ прошелъ, такъ иной пришелъ,
Пришелъ Потанюшко Хроменькой,
И принимается за чару единой рукой,
И выпиваетъ чару на единой здохъ;
80 И ударилъ Василій Потанюшку
Черняным вязомъ въ буйну голову:
И стоитъ Потанюшко—не трёхнется,
И не трёхнется, да не ворохнется,
И со буйной головы колпакъ не ворòтится.
85 И тотъ прошелъ, да иной пришелъ,
И идетъ-то Васинька Маленькой,
И принимается за чару единой рукой;
И говоритъ-то Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ой же ты, Васинька Маленькой!
90 « Не поднять тебѣ чары единой рукой,
« И не выпить тебѣ чары на единой здохъ,
« И не стерпѣть тебѣ чернена вязà,
« Чернена вяза да въ буйну голову.»
Этотъ Васинька Маленькой
95 Плюнулъ да и прочь пошелъ:
— Ты, молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
— Не узналъ ты меня да обѣзчестилъ! —
И тотъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ
Какъ ударитъ Ваську черняным вязомъ,
100 Черняным вязомъ да въ буйну голову, —
Идетъ-то Васинька—не трёхнется,
Не трёхнется да и не ворохнется,
Со буйной головы колпакъ не ворòтится.
Говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
105 « Развѣ сила у меня да не по старому,
« Либо черняной вязъ служитъ не попрежнему? »
Увидѣлъ тутъ бѣлъ-горючій камешекъ,
Какъ ударитъ въ камешекъ черняным вязомъ, —
Камень тотъ разсыпался.
110 И тогда зазываетъ Ваську хлѣба-соли кушати.
И набралося тридцать удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.
И тогда мужики Новгородчана

Заводили свой почестный пиръ
У того Викулы у Окулова.
И говоритъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ:
« Пойдемъ-те-тка, братіи, въ почестный пиръ
« Ко тому къ Викулы къ Окулову. »
И пошли-то они въ почестный пиръ
Къ Викулы ко Окулову.
И увидѣли мужики Новгородчана,
Что идетъ Василій сынъ Буславьевичъ,
И заложили ворота крѣпко-нàкрѣпко.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, Васинька Маленькой!
« Вскочи-тко ты въ широкій дворъ,
« Найди-тко вѣтрянку маненьку,
« И подними-тко ты съ широка двора,
« Отвори-тко вороты-тѣ нà пяту.
« И зазови-ка меня хлѣба-соли кушати. »
И Васинька Маленькой вскочилъ-то въ широкій дворъ,
И нашелъ вѣтрянку маненьку,
И подынулъ онъ съ широка двора,
И заскочилъ онъ на широкій дворъ,
И отворилъ вороты-тѣ нà пяту,
И зазывалъ хлѣба-соли кушати.
И заходилъ Василій сынъ Буславьевичъ
Ко тому Викулѣ ко Окулову,
И садился во большомъ углу.
И пьютъ-ѣдятъ да проклажаются.
Пьяными глазами [1]) Василій сынъ Буславьевичъ расхвастался,
Биться-драться на весь Новгородъ;
И ударился онъ объ великъ закладъ.
Тогда пошли они со честного пиру,
И приходятъ они къ своей матушки;
И спрашиваетъ у нихъ родна матушка:
— Каково же васъ, дѣточки,

[1]) Пьяный, въ пьяномъ видѣ.—*Б.*

— Во честномъ пиру чествовали? —
Говорятъ они таково слово:
« Родитель ты наша матушка!
150 « Большій братъ нашъ атаманище,
« Василій сынъ Буславьевичъ,
« Пьяными глазами ударился объ великъ закладъ. »
Взяла его родна матушка,
Заложила въ погреба глубокіе.
155 Потомъ за утра собралися Новгородчана,
И его то дружину храбрую кушаками исперѐвязали,
И веревками запутали.
А спитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Той невзгоды не свѣдаетъ.
160 И ходила его служительница
Платье мыть на рѣченьку на Волхову;
И приходитъ она къ погребу,
И кричитъ она громкимъ голосомъ:
— Молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
165 — Что̀ ты спишь да проклажаешься,
— А невзгоды-то ты своей не вѣдаешь?
— Твоя-то дружина хоробрая, —
— Кушаками головы перевязаны,
— Веревками перепутаны! —
170 И выскочилъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ
Изъ того ли погреба глубокаго,
Ухватилъ какъ ось-то телѣжную,
Да зачалъ по Новграду похаживать,
Да зачалъ той осью помахивать, —
175 И много прибилъ мужиковъ Новгородчановъ,
Развязалъ свою братію, дружину хоробрую.
Тогда мужики Новгородчана
Достали старца со монастыря преугрюмова [1]).
Старецъ идетъ да на головѣ колоколъ несетъ,
180 Несетъ колоколъ въ девяносто пудъ,
И говоритъ онъ таково слово:

---

[1]) Пиригримова, Пиригримища.

— Я иду, Василью смерть несу! —
Ударилъ Василій по колоколу, —
Колоколъ на три четверти разсыпался;
185 Молодой Василій Буславьевичъ хватилъ старца преугрюмища,
Сшибъ его подъ вышиночку.
Стоючись-то онъ и раздумался:
« Старца убить—не спасенья зались [1]),
« А грѣха себѣ на душу! »
190 И подхватилъ старца на руки:
« Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто,
« А въ наше дѣло ты не суйся! »
И ходитъ Василій Буславьевичъ по Нову-граду,
И ходитъ да народъ поколачиваетъ.
195 И городничій Ѳома да Родіоновичъ
Наклалъ злата-серебра, скатнаго жемчуга подарками,
И приноситъ къ его родной матушкѣ:
« Честна вдова Емельѳа Тимоѳеевна!
« Уговори-тка свово чада милаго,
200 « Василья сына Буславьевича:
« Не прибьетъ-то онъ да весь Новгородъ.»
И пошла его родна матушка
Уговаривать свово чада милаго,
Взяла его за ручки за бѣлыя:
205 — Покинь-ко ты, чадо мое милое,
— Молодой Василій Буславьевичъ,
— Укроти-тко свое сердце богатырское! —
Тогда приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ во свои домы
И говоритъ онъ таковы слова:
210 « Ай же вы, мои братьица!
« Складемся мы на лодочку
« И поѣдемъ мы ко граду Ерусалиму,
« Ко святой гробницѣ Христовой приложитися,
« Святой святынѣ помолитися.»

---

[1]) Залѣзть—найти.

215 И склались молодцы-тѣ на лодочку,
И поѣхали ко граду къ Іерусалиму,
Ко святой гробницѣ Христовой приложитися.
Тогда никакая погода молодцовъ не здерживаетъ,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летитъ.
220 И пріѣзжали они ко граду къ Іерусалиму,
Пошли во Іордань-рѣку купатися;
И всѣ купаются братія въ рубашечкахъ,
А молодой Василій Буславьевичъ тѣлóмъ нагимъ.
Идетъ тутъ женщина престарѣлая,
225 И проговоритъ она таково слово:
— Ай же, молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
— Чтò же ты купаешься нагимъ тѣлóмъ?—
Говоритъ Василій таково слово:
« Ай же ты, женщина престарѣлая!
230 « Кабы ты была на сей сторонѣ,
« Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
« Двухъ мальчиковъ—двухъ богàтырей!»
Эта женщина плюнула, да и прочь пошла.
И сходили ко святой святынѣ, Богу помолилися,
235 Ко Христовой гробницѣ приложилися,
И поѣхали они ко своимъ домамъ.
Пріѣзжаютъ они ко Ѳаворъ-горѣ.
И увидѣлъ Василій бѣлъ-горючій камешекъ,
И скочилъ онъ чрезъ камешекъ,
240 И о камень головушкою ударился,
И тутъ-то Василій Буславьевичъ помирать зачалъ,
И наказываетъ своей братіи:
« Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
« Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ
245 « И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.»
Тутъ-то Василій и преставился.
И похоронили Василья Буславьевича,
И поѣхали братія къ его матушкѣ.
И встрѣчаетъ-то ихъ родная матушка:
250 — А гдѣ у васъ, братія, большій братъ, отоманище,
— Молодой Василій сынъ Буславьевичъ?—

« Сосватался, матушка, Василій на Ѳаворъ-горѣ,
« Женился Василій на бѣломъ-горючемъ на каменкѣ.»
Тутъ-то его матушка росплакалась,
255 И собрала она все свое имѣнье-богачество,
И роздала она по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.

XXXIII.

ЛАТЫШОВЪ.

Латышовъ, крестьянинъ дер. Кузнецовой, Бережнодубровской волости на р. Онегѣ. Онъ, какъ и предыдущій пѣвецъ изъ дер. Красныя Ляги, является въ сборникѣ Рыбникова представителемъ *каликъ*, поющихъ болѣе всего духовные стихи, а былины сказывающихъ только при случаѣ. По словамъ Рыбникова эти калики въ Каргопольской сторонѣ смѣняютъ собою сказителей, пѣвцовъ былинъ, но 14 былинъ, полученныхъ имъ отъ двухъ каликъ, показываютъ, что эти профессіоналы не уступаютъ подчасъ подлиннымъ сказителямъ въ знаніи былинъ.

199.

ИЛЬЯ И СОКОЛЬНИКЪ.

Отъ славнаго отъ города отъ Кіева
За три версты за мѣрныя
Стояла застава великая:
Во первыхъ стоялъ старый казакъ Илья Муромецъ,
5 Во вторыхъ Добрынюшка Никитиничъ,
Во третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да стояло семь братцевъ Грядовичевъ [1]),

[1]) Збродовичей.—*Б.*

Ребята-то были молодые,
Стоялъ Ѳома Долгополый,
10 Стояли-то мужики Залѣшане.
Мимо эту заставу крѣпкую
Проѣзжаетъ удалый дородній добрый молодецъ:
Сидитъ на конѣ молодецъ во двѣнадцать лѣтъ,
Подъ нимъ конь какъ лютый звѣрь,
15 Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ;
Молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ.
Проѣзжаетъ-то заставу крѣпкую,
На заставы не приворачиваетъ,
20 Ихъ-то молодцевъ ничѣмъ зоветъ,
На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ;
Проѣзжалъ заставу крѣпкую.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
25 « Кого мнѣ послать за богатыремъ?
« Послать мужиковъ Залѣшаньевъ:
« Мужики Залѣшане—бѣда дрематъ,
« Продремлютъ богатыря во чистомъ полѣ;
« Послать Ѳому Долгополаго:
30 « Ѳома Долгополый—бѣда зѣвать,
« Прозѣваетъ богатыря въ чистомъ полѣ;
« Послать семь братьевъ Грядовичевъ:
« Ребята-то были молодые,
« Ни за что ихъ головушка въ чистомъ полѣ;
35 « Послать Алешеньку Поповича:
« Алеша Поповичъ зарывчатъ былъ,
« Изорветъ силу до богатыря;
« Послать Добрыню Никитича! »
И посылалъ Добрыню Никитича.
40 Скоро Добрыня коня сѣдлалъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю,
Ко матушкѣ Сахатарь-рѣкѣ,
И наѣхалъ его у синя моря:

45 Ѣздитъ по тихіимъ заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернасту утушку.
Закричалъ Добрыня во всю голову:
« Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
« На нашу заставу не приворачиваешь? »
50 Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ахъ ты, шишира, б.... деревенская!
— Не за мной бы тебѣ ѣздить во чисто поле:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти.—
Отъ его ли крику богатырскаго
55 Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У него конь на колѣнки палъ.
И упадалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль траву;
60 Лежалъ три часа замертво,
Просыпается будто отъ крѣпка сна,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ къ заставы крѣпкія.
И выходилъ въ стрѣту Илья Муромецъ:
65 « Пособилъ ли ти Богъ побить богатыря? »
Соходилъ Добрыня съ добра коня,
Бьетъ челомъ—поклоняется:
— Я наѣхалъ у батюшка синя моря:
— Ѣздитъ богатырь по тихіимъ заводямъ,
70 — Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ;
— Какъ закричитъ во всю голову:
— Отъ его ли крику богатырскаго
— Тихая заводь сколыбалася,
— Съ пескомъ вода помутилася,
75 — У меня конь на колѣнки палъ.
— И упадалъ я со добра коня
— На сыру землю въ ковыль траву,
— Лежалъ цѣло три часа замертво,
— Проснулся будто отъ крѣпка сна,
80 — Скоро садился на добра коня
— И поѣхалъ къ заставы крѣпкія.—

Говоритъ старый таковы слова:
« Не кѣмъ мнѣ замѣнитися,
« Замѣнитися своей старой, буйной головой! »
85 Скоро сѣдлалъ добра коня,
Затягивалъ двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Двѣнадцать пряжекъ золота краснаго,
Двѣнадцать шпенечковъ булатніихъ,
Скоро садился на добра коня,
90 Поѣхалъ ко батюшку синю морю:
Только видѣли стараго сѣдучись,
А не видѣли стараго поѣдучись,
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
95 И наѣхалъ богатыря у синя моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
Закричалъ во всю голову:
« Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
100 « На нашу заставу не приворачиваешь? »
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася.
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
105 — Ахъ ты, старый, сѣдатый песъ!
— Не за мной бы ти ѣздить по чисту полю:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти.—
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
110 Съ пескомъ вода помутилася.
У Ильи конь на колѣнки палъ.
И бьетъ коня по крутымъ бедрамъ:
« Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья драть [1])!
« Не слыхалъ ты гарканья вороньяго? »
115 Разъѣхалися на копья востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,

---

[1]) Что медвѣдь деретъ; медвѣдь тебя дери!—*Б.*

На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на палицы боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхалися на сабли востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы [1]) кольчужныя.
Скоро они соходили со добрыхъ коней,
Захватилися они во ухваточку,
Стали они боротися, ломатися.
Отмахнулась у Ильи ручка правая,
Подвернулась ножка лѣвая,
Упадалъ Илья на сыру землю.
Садился Сокольничекъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И сталъ смѣяться-ругатися:
— Пора ти старому въ монастырь итти,
— Постричься во старцы, въ игумены;
— А ежели нѣтъ безсчетной золотой казны,
— Я тебѣ далъ бы до люби.—
Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая:
Какъ ударилъ онъ Сокольника въ черны груди,
И вышибъ его выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой какъ пивной котелъ.
Онъ скоро ускочилъ на добра коня
И поѣхалъ въ свою орду къ своей матери,
Ко матушкѣ бабѣ Латымиркѣ.
Ѣдетъ на конѣ, шатается,
Подъ нимъ добрый конь потыкается.
И встрѣчала его баба Латымирка:
« Что же ты, дитя мое милое,
« Ѣдешь на конѣ—шатаешься,

---

[1]) Зазубрились объ латы.—*Б.*

« Подъ тобой добрый конь потыкается?
« Напился ты зелена вина?»
Говорилъ Сокольничекъ-охотничекъ:
155 — Ай же ты, родная матушка!
— Наѣхалъ я стараго-то во чистомъ полѣ:
— Мы много съ нимъ боролися
— И много съ нимъ ломалися;
— Я уронилъ его на сыру-землю,
160 — Садился ему на бѣлы груди,
— Не разстегивалъ [1]) пуговку вальявочну [2]),
— Вынималъ ножище-кинжалище,
— Сталъ надъ нимъ смѣяться-ругатися;
— Онъ ударилъ меня во бѣлы груди,
165 — Вышибъ выше лѣсу стоячаго,
— Выше облака ходячаго;
— Тутъ я скоро скочилъ на добра коня
— И поѣхалъ въ свою орду, къ тебѣ, матушкѣ.—
Говорила баба Латымирка:
170 « Тутъ не старый сѣдатый песъ,
« А тутъ ѣздитъ старый казакъ Илья Муромецъ.»
— Спасибо, матушка, баба Латымирка,
— Сказала про батюшка Илью Муромца!
— Поѣду—распорю ему груди бѣлыя,
175 — Выну сердце со печенью:
— Онъ теперича спитъ во бѣломъ шатрѣ.—
Пріѣзжаетъ ко тому бѣлу шатру,
Скоро соходитъ съ добра коня,
Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный:
180 Онъ спитъ, старый, храпитъ,
Какъ телѣга ордынская гремитъ.
И садился Сокольникъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И ударилъ его въ бѣлы груди:
185 Не сдержали латы кольчужныя,
Не сдержало цвѣтно платьице,

---

[1]) Поразстегивалъ?—*Б.*
[2]) Вальящату, вырѣзную.—*Б.*

Сдержалъ чуденъ крестъ,
Вѣсомъ крестъ во три пуда,—
Отъ креста ножище погибается.
190 Пробуждается старый отъ крѣпка сна
И видитъ: сидитъ Сокольникъ на бѣлыхъ грудяхъ.
Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
195 Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ,
Выскочитъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
Нà полы Сокольничка разорвалъ.
200 Половину бросилъ въ Сахатарь-рѣку,
А другую оставилъ на своей стороны:
« Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
« Раздѣлилъ я Сокольничка-охотничка!»

200.

ДОБРЫНЯ И НЕВѢЖИНЪ.

Выходитъ Владиміръ на красное крылечушко,
Зритъ и глядитъ во чисто поле:
Летаетъ Невѣжинъ чернымъ вороном,
Грозитъ ему заугрозою.
5 Приходитъ Владиміръ во гридню столовую,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Князи вы-бояра, русскіе богатыри!
« Кто бы меня теперича повыручилъ?»
Всѣ на пиру заумолкнули:
10 Большій хоронится за средняго,
Средній хоронится за меньшаго,
И отъ меньшаго отвѣта нѣтъ.
Вставалъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

Самъ говорилъ таковы слова:
15 « Я, Илья, недавно изъ похода пришелъ;
« Ходилъ я въ походъ осьмнадцать лѣтъ,
« Не попалъ Невѣжинъ на ясны очи:
« Застрѣлилъ бы я Невѣжина изъ туга лука.»
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
20 Службу-заботу наметывалъ
На племянничка Добрынюшка Никитича.
Вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Походилъ Добрыня на широкій дворъ,
Пришедши, Добрынюшка разжалился:
25 Что «мать несчастливаго спородила,
« Смѣлостью меня не смѣлаго,
« Силою меня не сильнаго
« И красотою меня не красиваго,
« Богатствомъ меня не богатаго,
30 « Кудрямы меня не кудряваго.»
Говоритъ ему Мамелеа Тимоѳеевна:
— Рада бы тебя, молодца, спородити
— Смѣлостью въ Илью Муромца Ивановича,
— Силою въ Самсона Колывановича,
35 — Красотою-то во Осипа Красиваго,
— Кудрямы во Царище Кудріянище,
— Поѣздкою во Дюка Степановича,
— Богатствомъ во Садко Новогородскаго...—

201.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Не бѣлый заюшка проскакиваетъ,
Не мелки слѣдочки прометываетъ:
Гвоздички серебряны выраниваетъ [1]).
Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,

[1]) Т.-е. Чурило изъ подошвъ. — *Б.*

5 Гвоздички серебряны нахаживали.
Загулялъ Чурила во Бермятинъ высокъ теремъ,
А старый Бермята былъ у обѣдни Христосьскія.
Говоритъ Чурила таковы слова:
« Ай же ты, Катерина Микулична!
10 « Давай-ка играть во шахматы:
« Первый разъ матъ дашь, выиграешь сто рублей,
« Другой разъ матъ дашь, выиграешь двѣсти рублей,
« Третій разъ матъ дашь, выиграешь триста рублей.»
Говоритъ ему Катерина Микулична:
15 — Полно, Чурилушка, въ шахматы играть,
— Пойдемъ, Чурила, опочивъ держать!—
А старая служанка ходитъ, ворчитъ-бранитъ:
« Я Бермятѣ накучу-намучу!»
Приходитъ ко церкви соборныя,
20 Сама говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Бермята Васильевичъ!
« У тебя въ дому есть гость незваный,
« Незваный гость, непрошеный,
« Молодой Чурила сынъ Пленковичъ.»
25 — Ты правду говоришь,—стану жаловать,
— Неправду говоришь,—голову срублю!—
Приходитъ на красное крылечушко,
Бралъ за кольцо золоченое,
Какъ ударилъ въ первый разъ,
30 Терема пошатались:
Она, того не пытаючись, съ Чурилой забавляется.
Какъ ударилъ въ другой разъ,
Маковки въ теремахъ повалялися:
Выходитъ Катерина Микулична,
35 И пускала Бермяту Васильевича.
« Что́ же ты, Катеринушка, не убрана?
« У насъ сегодня праздничекъ честна Благовѣщенья.»
— У меня сегодня голова болитъ,
— Голова болитъ, ретиво сердце щемитъ.—
40 « Что же ты идешь безъ чоботовъ?»
Заходилъ Бермята во высокъ теремъ,

Увидѣлъ сапожки Чурилины,
Увидѣлъ шапочку Чурилину,
Увидѣлъ кафтанъ Чурилинъ:
45 « Это я на Чурилушкѣ видалъ!»
— Ты старый Бермята Васильевичъ!
— У моего-то братца съ Чурилушкой
— Платьемъ помѣнялося,
— А добрымъ конямъ побраталося.—
50 Заходилъ во комнату спальную,
Увидѣлъ Чурилушку: лежитъ на кроваткѣ тесовыя;
Онъ схватилъ саблю со стопочки.
Не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась:
Востра сабля промахнулася;
55 Не скатная жемчужинка катается:
А Чурилова головка катается
По той-то середы кирпичныя;
Не бѣлый горохъ разсыпается:
Чурилина-то кровь разливается.

202.

Дюкъ.

Изъ Волынъ-города изъ Галича,
Изъ той Сорочины изъ широкія,
Изъ тоя Корелы упрямыя,
Изъ тоя Индѣи богатыя,
5 Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
Обсѣдлывалъ своего мала бурушку косматаго.
У его, у мала бурушка косматаго,
У его грива до сырой земли,
Во трехъ мѣстахъ грива была изукрашена,
10 Краснымъ золотомъ была повита,
Щёлка у него была до ноздрей,
Хвостъ покрывалъ слѣды конинные,

Копиные слѣды, лошадиные.
Садился на мала бурушка косматаго,
15 Выѣхалъ во славное чисто поле,
Натягивалъ свой тугій лукъ,
Закладывалъ онъ триста тридцать три стрѣлы,
Эти стрѣлочки разстрѣливалъ:
На дубахъ орлы воскрѣжетали,
20 Во лѣсахъ звѣри засвистали,
Лѣсъ улицмы попадалъ.
Раздумался Дюкъ, распечалился,
Сидючись на маломъ бурушкѣ косматомъ:
« Не жалко мнѣ триста тридцать стрѣлъ,
25 « Только жалко мнѣ три стрѣлы каленыя:
« Каленыя были—переныя,
« Переныя были—орленыя,
« Не того орла, который летатъ по темну лѣсу,
« Не того орла, который летатъ по чисту полю,
30 « А того орла, который летатъ по синю морю;
« Онъ сидитъ, орелъ, на синенькомъ на камешкѣ,
« Ужъ онъ ронитъ перьица въ сине море;
« Ѣздили гости-корабельщики,
« Подбирали эти перьица орлиныя,
35 « Привозили моей матушкѣ въ подарочки;
« Да я ихъ днемъ разстрѣливалъ,
« Ночью осеннею сбирывалъ;
« Отъ стрѣлы къ стрѣлы—будто отъ звѣзды къ звѣзды,
« Врѣзано по камешку драгоцѣнному.»
40 Назадъ онъ, Дюкъ, ворочался къ своей матушкѣ,
Честныя вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
Сходилъ съ мала бурушка косматаго,
Зашелъ въ гридню во столовую,
45 Бьетъ челомъ о сыру землю,
Проситъ прощеньица-благословеньица,
Съѣздить ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Говоритъ ему Мамелѳа Тимоѳеевна:

50 — Прямоѣзжая дорога заколодила:
— Стоитъ три заставы великія,
— Первая застава—люты звѣри,
— Другая застава—люты змѣи,
— Третья застава—стоитъ Донской казакъ,
55 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— Во вторыхъ стоитъ Добрыня Никитиничъ,
— Въ третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
— А кругомъ ѣхать буде на три мѣсяца.—
Онъ бьетъ челомъ, покланяется:
60 « Ай же ты, свѣтъ-государыня матушка,
« Честная вдова Мамелѳа Тимоѳеевна!
« Дашь прощеньице-благословеньице,—поѣду,
« И не дашь прощеньица-благословеньица,—поѣду.»
Выходилъ со гридни со столовыя,
65 Заходилъ въ конюшенку стоялую,
Выводилъ мала бурушка косматаго,
Обсѣдлывалъ бурушка, обуздывалъ,
Потнички клалъ на потнички,
Войлочки клалъ на войлочки,
70 Застегивалъ двѣнадцать подпруговъ шелковыихъ,
Тринадцатый подпругъ межу ноги,
Накладывалъ на сѣделко черкасское попоночку:
Кружочекъ съ денежку стоитъ рубль серебромъ.
Отходитъ отъ своего добраго коня
75 И глядитъ на нарядъ онъ конинный:
Подъ нарядомъ стоитъ конь будто лютый звѣрь.
Садился Дюкъ на мала бурушка косматаго,—
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли—куды поѣдучись:
80 Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
Поѣхалъ молодецъ поверхъ травы,
Поѣхалъ молодецъ ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго.
85 Доѣзжаетъ до первыя заставы крѣпкія,
Сталъ своего мала бурушка приправливать,

А бурушка молодца отъ смерти утаскивать:
И стали люты звѣри обрыскивать,
Не могли схватить удала-добра молодца;
90 Проѣхалъ первую заставу крѣпкую.
Доѣзжалъ до другой заставы крѣпкія,
Сталъ своего мала бурушка приправливать,
А бурушка молодца отъ смерти утаскивать:
И стали люты змѣи облетывать,
95 Не могли схватить удала-добра молодца;
Проѣхалъ другую заставу крѣпкую.
И доѣзжаетъ до третьей заставы крѣпкія,
Одержалъ свого мала бурушка косматаго,
Самъ раздумался и распечалился:
100 « Не честь мнѣ-ка хвала молодецкая:
« Проѣду третью заставу крѣпкую,
« По мнѣ нѣтъ заступщиковъ, попеченьщиковъ въ Кіевѣ»!
И сходилъ молодецъ со добра коня,
Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный,
105 Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
Донскому казаку въ особину:
« Ты здравствуешь, Донской казакъ,
110 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!»
И говоритъ Илья таковы слова:
— Здравствуешь, удалый-добрый молодецъ!
— Ты откулешный, добрый молодецъ?—
« Есть я изъ Волынъ-города изъ Галича,
115 « Изъ той Сорочины широкія,
« Изъ тоя Корелы упрямыя,
« Изъ тоя Индѣи богатыя,
« Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ.»
— А давно ль ты выѣхалъ изъ Волынъ-города изъ Галича?—
120 « Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы
« И надо поспѣвать къ заутрени Христосьскія.»
— Не угодно ли выѣхать въ чисто поле,

— Поратися со мной, поборотися?—
« Ай же ты, Донской казакъ,
125 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
« Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ:
« Одинъ Донской казакъ на святой Руси,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.»
Эти рѣчи Ильѣ показалися;
130 Вставалъ Илья на рѣзвы ноги
И бралъ его за бѣлы руки,
За его за перстни за злаченые:
— Ну, молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Поѣзжай въ стольный Кіевъ градъ,
135 — Буду я за тебя печаль держать,
— И буду я за тебя заступатися.—
И провожалъ его изъ бѣла шатра.
И садился Дюкъ на добра коня,—
Только видѣли молодца сядучись,
140 А не видѣли—куда поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
И говорилъ Илья таковы слова
Своимъ сильныимъ могучіимъ богатырямъ:
145 — По его поѣздкѣ молодецкія
— Можно поспѣть изъ Волынъ-города изъ Галича
— Во Кіевъ градъ къ заутрени Христосьскія!—
Подъѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Прямо черезъ стѣну перескакиваетъ,
150 Башни наугольны перемахиваетъ;
Подъѣхалъ къ церкви соборныя,
Ко тому подъѣзду государеву,
Соходилъ со мала бурушка косматаго,
Оставилъ коня неприказана и непривязана,
155 Заходилъ въ церкву соборную,
Становился на мѣсто посольное,
На посольное мѣсто—на лѣвое крылосо.
Пріѣхалъ солнышко Владиміръ князь,
Пріѣхалъ Чурилушка Опленковичъ,

160 Пріѣхалъ Алеша Поповичевъ.
Посылаетъ Владиміръ князь Алешу Поповича;
Говоритъ Алеша таковы слова:
« Ты откулешный, удалый-добрый молодецъ?»
— Алеша Поповичъ, до меня тебѣ дѣла нѣтъ.—
165 « А спрашиваетъ тебя солнышко Владиміръ князь,
« Поди-тко на крылосо на правос.»
Подошелъ Дюкъ ко князю Владиміру,
Поклонился до сырой земли:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!»
170 Сталъ его Владиміръ спрашивать:
— Ты откулешный, удалый-добрый молодецъ?—
« Есть я изъ Волынъ-города изъ Галича,
« Изъ той Сорочины изъ широкія,
« Изъ тоя Индѣи богатыя,
175 « Изъ тоя Корелы упрямыя».
Давно ли выѣхалъ изъ Волынъ-города изъ Галича?
« Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы,
« А поспѣлъ сюда къ заутрени Христосьскія. »
— А дороги ль у васъ такіе кони?—
180 « У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
« А моему-то коню и смѣты нѣтъ. »
Отстояли заутреню Христосьскую,
Отстояли обѣдню преосвященную,—
Сталъ Владиміръ въ свой княженецкій домъ
185 Звать молодого боярина.
Вышли они изъ церквы соборныя,
Обтолпился народъ кругомъ его добра коня
И глядитъ на нарядъ на конинный.
И пошелъ солнышко Владиміръ князь,
190 А за княземъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А его конь вслѣдъ за хозяиномъ.
У молодого боярина Дюка Степановича
Были сапожки—зеленъ сафьянъ,
Подъ пяту-пяту̀ воробей пролети,
195 О пяту-пяту̀ яицо прокати;
На свои сапожки Дюкъ поглядываетъ,

На Владиміра князя посматриваетъ.
Приходили ко двору княженецкому:
Онъ по тыну поглядываетъ,
200 На себя посматриваетъ,
Головою покачиваетъ.
Зашли на гридню на столовую,
Садились за столы за дубовые,
Садились за скатерти браныя;
205 Принесли напиточковъ стоялыихъ:
Такъ онъ рюмочку—половину пьетъ,
Другую половину подъ столъ льетъ.
Принесли колачикокъ крупивчатыхъ:
Онъ верхнюю корочку ѣстъ,
210 Исподню откладываетъ.
Ставалъ Алеша Поповичъ на рѣзвы ноги,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Какой за невѣжа пріѣхалъ...
215 « Онъ жилъ въ слугахъ у боярина,
« Укралъ порты у боярина,
« Коня угналъ у боярина;
« Напитковъ стоялыихъ не пивалъ,
« И колачиковъ, видно, вѣкъ не ѣдалъ,
220 « Не знаетъ княженецкаго обхожденія,
« Надъ тобой смѣется-ругается. »
Говорилъ солнышко Владиміръ князь:
— Молодой боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ!
— Что же ты надо мной смѣешься-ругаешься?—
225 И ставалъ молодой бояринъ на рѣзвы ноги:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Я не смѣюся и не ругаюся.
« Какъ у моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны,
230 « Пойдетъ она отъ церкви отъ соборнія,
« Впереди идутъ лопатники,
« За лопатниками идутъ метельщики,
« За метельщиками идутъ суконщики,

« Разстилаютъ сукна одинцовыя;
235 « Мою матушку, честну вдову Мамелоу Тимоѳеевну,
« Ведутъ подъ руки тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
« Вся она обвѣшана бархатомъ,
« Чтобы не запекало ее солнце красное,
« Не капала роса утренняя.
240 « А у тя просто зà просто, пусто зà пусто.
« Какъ у моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелоы Тимоѳеевны,
« Кругомъ нашего двора булатній тынъ,
« Наведено мѣдью яровицкою,
245 « Столбики были точеные,
« А маковки были золоченыя,
« Двери-то были рѣшатчатыя,
« Подворотенки были серебряныя.
« А у тя просто за просто, пусто за пусто.
250 « Какъ у моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелоы Тимоѳеевны,
« Взойдешь на нашъ широкій дворъ,
« По нашему широку двору
« Разостланы сукна одинцовыя;
255 « Наши любимые конюхи
« По этимъ по сукнамъ катаются,
« Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.
« Зайдешь во гридню во столовую,
« Всѣ окошечки скутаны,
260 « Вкладены въ стѣны камни драгоцѣнные,
« Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ.
« Посадятъ за столы за дубовые,
« За скатерти браныя,
« Понесутъ напитковъ стоялыихъ,
265 « Такъ рюмочку пьешь,—по другой душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьей хочется.
« Понесутъ колачиковъ крупивчатыхъ,
« Колачикъ ѣшь—по другомъ душа горитъ,
« Горитъ душа, а третьяго хочется.
270 « А у тя просто за просто, пусто за пусто. »

Ставалъ Алеша Поповичъ на рѣзвы ноги.
Самъ говорилъ таковы слова:
« Дай-ка, я съѣзжу въ его посельице:
« Такъ ли онъ хвастаетъ своимъ посельщемъ,
275 « Такъ ли у него въ домѣ диется? »
Говоритъ ему Дюкъ таковы слова:
« У тебя ль глазишки поповскіе, завидливы,
« Не выѣхать отъ моей государыни-матушки,
« Честной вдовы Мамелоы Тимоѳеевны! »
280 Выходилъ Дюкъ на широкій дворъ.
И садился на ременчатъ стулъ,
И писалъ ярлыки скорописчаты;
Натягивалъ свой тугій лукъ,
Самъ къ стрѣлочкѣ ярлыки припечатывалъ,
285 Припечатывалъ, самъ приговаривалъ:
« Лети ты, стрѣлочка, ни высоко, ни далеко,
« Не пади ты ни на воду, ни на землю,
« А пади ты ко бѣлу шатру
« Ильи Муромца сына Ивановича. »
290 Прилетѣла стрѣлочка каленая
И пала ко бѣлу шатру
Ильи Муромца сына Ивановича.
И выходилъ Донской казакъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
295 Поднималъ ярлыки, распечатывалъ,
Просматривалъ и самъ прочитывалъ,
И посылалъ Добрыню Никитича:
— Поѣзжай, Добрыня Никитичъ, во Кіевъ градъ:
— Въ Кіевѣ расхвастался Дюкъ своею посельщею.—
300 И скоро Добрыня сѣдлалъ добра коня,
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву;
Прямо черезъ стѣну перескакивалъ,
Башни наугольны перемахивалъ,
Заскочилъ на широкій дворъ
305 И сходилъ со добра коня,
Вошелъ во гридню во столовую,
Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
310 Дюку Степановичу въ особину:
— Здравствуешь, Дюкъ Степановичъ!
— Ты почто насъ требуешь изъ чиста поля? -
Говоритъ Дюкъ таковы слова:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
315 « Поѣзжай въ наше посельице,
« Посмотри, такъ ли я хвастаю,
« Такъ ли у меня въ домѣ диется? »
Онъ ему низешенько поклоняется,
И выходилъ на широкій дворъ,
320 Садился на добра коня,
И поѣхалъ къ Индѣи богатыя.
И доѣзжаетъ Индѣи богатыя,
До того Волынъ-города до Галича,
До того до Дюкова посельица.
325 Увидѣлъ кругомъ двора булатній тынъ,
Наведено мидью яровицкою,
Столбики были точеные,
А маковки были золоченыя,
Двери-то были рѣшатчатыя,
330 Подворотенки были серебряныя.
И поѣхалъ Добрыня на широкій дворъ:
По этому широку двору
Разостланы сукна одинцовыя.
Соходилъ Добрыня со добра коня.
335 Зашелъ во гридню во столовую:
Всѣ окошечки скутаны,
Вкладены въ стѣны камни драгоцѣнные,
Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ.

Въ первой комнатѣ сидитъ старая женщина; не много на ней шелку: вся въ серебрѣ. Добрыня Никитичъ принимаетъ ее за Дюкову матушку и говоритъ ей:—Здравствуешь, Дюкова матушка, честная вдова Мамелеа Тимоѳеевна!—Старуха отвѣчаетъ ему: « Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница » Дюкъ идетъ дальше по комнатамъ: въ каждой сидитъ по ста-

рой женщинѣ; первая вся въ красномъ золотѣ: то Дюкова постельница; другая въ скатномъ жемчугѣ: то Дюкова стольница; третья вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ: то Дюкова чашница. Послѣдняя говоритъ Добрынѣ: « Ты напрасно спины не ломай и шеи не сгибай, а ступай въ церковь соборную: тамъ есть Дюкова матушка. »

Пошелъ онъ во церковь соборную.
340 Идетъ она изъ церкви соборныя:
Впереди идутъ лопатники,
За лопатниками идутъ метельщики,
За метельщиками идутъ суконщики,
Разстилаютъ сукна одинцовыя.
345 Честную вдову Мамелѳу Тимоѳеевну
Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запекало ее солнце красное,
Не капала роса утренняя.
350 — Здравствуешь, Дюкова матушка! —
« Здравствуешь, удаленькій-добрый молодецъ!
« Ты откулешный, добрый молодецъ? »
— Есть я изъ города изъ Кіева,
— Отъ твоего отъ сына отъ любимаго:
355 — Захвасталъ онъ своимъ посельщемъ. —
« Ступай за мною, добрый молодецъ. »
Пришла во гридню столовую.
Полагали скатерти браныя,
Посадили за столики дубовые,
360 Поставляли напиточки стоялые:
Такъ рюмочку пьешь,—по другой душа горитъ,
Горитъ душа, а третьей хочется.
Понесли колачиковъ крупивчатыхъ:
Такъ колачикъ ѣшь,—а по другомъ душа горитъ,
365 Горитъ душа, а третьяго хочется.
Напился-наѣлся добрый молодецъ;
Отводили его въ ложню на кроваточку-рыбій зубъ
Спалъ молодецъ трои сутки безъ просыпа,
На четверты вставаетъ на рѣзвы ноги,

370 Пойдетъ смотрѣть Дюково посельице.
Привели его въ конюшенки стоялыя:
Не знаеть конямъ и цѣны-то дать, —
Въ челкахъ и хвостахъ вплетано по камню драгоцѣнному.

Привели его въ кладовыя: въ кладовыхъ висятъ на стопочкахъ платьица драгоцѣнныя, усажены камнями самоцвѣтными. Стоитъ семьдесятъ столовъ: у каждаго стола по три человѣка; каждый человѣкъ на свою руку на щётахъ ходитъ, казну принимаетъ. Семьсотъ человѣкъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ. Говоритъ Добрыня Мамелоѣ Тимоѳеевнѣ:—Честная вдова, Мамелоа Тимоѳеевна! Ты спусти меня во Кіевъ градъ; ты съ добра спусти, съ добра уѣду. — Спускала его во Кіевъ градъ, на прощеньицѣ подарила ему двѣ пары платья цвѣтнаго.

Садился Добрыня на добра коня
375 И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Заскочилъ на княженецкій дворъ,
Соходилъ со добра коня,
Зашелъ въ гридню во столовую,
380 Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре на сторонки покланяется,
Князю Владиміру въ особину.
— Здравствуешь, молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
385 — Приказала матушка тебѣ кланяться. —
Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Ѣздилъ ты въ Дюково посельице:
« Такъ ли онъ хвастаетъ своимъ посельицемъ? »
— Онъ не столько хвастаетъ, —
390 — Вдвое, втрое въ домѣ диется.
— Станешь его посельице описывать,
— Продать на бумагу весь Кіевъ градъ,
— На чернилы продать Черниговъ градъ! —
Говоритъ Чурилушка Пленковичъ:
395 « Ударимъ съ тобой о великъ закладъ,

« Щепомъ щепить [1]) по три года,
« На каждый день носить платьица перемѣнныя;
« Ударимся не о сотняхъ, не о тысячахъ,
« Ударимъ о своей буйной головы. »
400 По немъ по Чурилѣ Кіевомъ ручается.
По немъ по Дюкѣ никто не ручается,
Только голь кабацкая ручается.
Выходилъ Дюкъ на широкій дворъ,
Обсѣдлывалъ бурушка, обуздывалъ,
405 Самъ говорилъ таковы слова:
« Выручай хозяина изъ неволи изъ великія! »
Выводилъ коня съ широка двора,
Спустилъ коня изъ бѣлыхъ рукъ,
Самъ коню приговаривалъ.
410 Побѣжалъ конь ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго,
Прибѣжалъ въ Индѣю богатую,
Заскочилъ на широкій дворъ,
Копытомъ бьетъ да ржетъ.
415 Выходитъ честна вдова Мамелѳа Тимоѳеевна
И брала за поводы шелковые,
Уливалася слезами горючима:
« Пріѣзжалъ ко мнѣ злодѣй и.....,
« Убилъ моего сына любимаго! »
420 Снимала сѣделко черкасское,
Находила ящички потайные,
Ярлыки скорописчатые.
« Ай же, любимые мои конюхи!
« Кормите коня скоро на скоро,
425 « Скоро на скоро, сыто на сыто. »
Заводили коня въ конюшенку стоялую,
Насыпали пшены бѣлояровой,
Наливали меду сладкаго.

Призывала она своихъ счетчиковъ и велѣла имъ сосчитать, сколько на три года на каждый день платья перемѣнъ носить.

[1]) Щеголить (усиленное).—*Б.*

Сколько сосчитали, столько платья вынули и полагали на бурушка косматаго. Все уложили, а Мамелоа Тимоосевна говоритъ: «Постой-ка, я вынесу родителя-батюшки свитку поношену и брошену, вынесу лапотики шелковые изъ семи шелковъ Шемаханскіихъ,— въ пятахъ и въ носахъ вплетано по камню драгоцѣнному, вынесу шапку мурмалку.» Выносила и полагала на бурушка косматаго, выпускала его изъ бѣлыхъ рукъ. Побѣжалъ бурушка ко городу Кіеву и прибѣжалъ на третій день. Дюкъ Степановичъ снималъ съ него сѣделко черкасское, обиралъ платье, а коня завелъ въ конюшню стоялую,

Посыпалъ ему пшены бѣлояровой,
430 Самъ раздумался и распечалился:
« Завтра ночь темная, осенняя;
« Дай-ка надѣну родительску одежину,
« Надѣну лапотики шелковые
« И наложу шапочку мурмалку:
435 « Будетъ видно молодца за три поприща. »
И приходитъ ко церкви соборныя,
Становился на мѣсто посыльное.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Сходи-ка, Алеша, попровѣдай-ка,
440 — Какой пріѣхалъ посолъ, или скорый сватальщикъ,
— Али сильный-могучій богатырь,
— Али паленица удалая? —
Говоритъ Алешѣ Дюкъ Степановичъ:
« До меня тебѣ, Алеша, дѣла нѣтъ. »
445 Узнавалъ его Алеша по голосу:
« Поди къ намъ на крылосо на правое. »
Съ того стали щепомъ щепить.
Годъ гуляютъ, и другой гуляютъ,
И стали гулять третій годъ.
450 Молодой Чурилушка Пленковичъ
Сносилъ платье со всего съ Кіева,
И сталъ одно платье три дня носить.
Разгорячилось у Дюка ретиво сердце,
Разгорѣлась ручка правая,
455 Выдернулъ саблю вострую.

Возмолилися тутъ князья-бояра,
Дѣвки и бабы Кіевскія,
Чтобы не сѣкъ ему буйной головы.
Достали Илью Муромца изъ чиста поля.
460 Пріѣзжалъ Илья Муромецъ изъ чиста поля:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не сѣки Чурилы буйной головы,
— Не честь-хвала молодецкая:
— Не знаютъ его сильные-могучіи богатыри,
465 — Только знаютъ его дѣвки да бабы въ Кіевѣ.—
Говоритъ Дюкъ таковы слова:
« Ну, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
« Ежелибъ не ты, сѣкъ бы ему буйну голову! »
Сѣли на добрыхъ коней,
470 Поѣхали во чисто поле поляковать
Князья-боéра,
Сильные русскіе могучіе богатыри.
Дюкъ ѣдетъ сзади ступой бродучею,
Ѣдетъ ступой, коня обдерживаетъ,
475 А тѣ ѣдутъ во всю конскую рысь.
Говоритъ ему бурушко косматенькій:
— Ты бейся съ князьями о великъ закладъ,
— Только не бейся съ Ильею Муромцемъ;
— А въ задоръ войду,
480 — У Ильина коня уйду,
— Никакому коню не удержати. —
Алеша Поповичъ объѣзживаетъ его, обскакиваетъ:
« Что ты своимъ конемъ похваляешься?
« Ударимъ съ тобой о великъ закладъ,
485 « Черезъ Днѣпру рѣку скакать за три версты,
« За три версты за мѣрныя,
« Ударимся о буйной головы. »
Записали записи поручныя.
Алеша Поповичъ гонялъ-торилъ добра коня,
490 И приправливалъ черезъ Днѣпру рѣку,
И упадалъ въ Днѣпру рѣку.
Дюкъ Степановичъ не гонялъ, не торилъ добра коня,

Приправливалъ черезъ Днѣпру рѣку
И скочилъ черезъ Днѣпру рѣку,
495 Схватилъ Алешу за желты кудри,
А правую ногу подъ коня подложилъ,
И вынесъ конь обѣхъ на ту сторону.
И повернулъ назадъ добра коня,
Взялъ Алешу на пазуху,
500 И перескочилъ на ту сторону;
И соходилъ со добра коня,
И выдернулъ саблю вострую,
И ладитъ отрубить ему буйну голову.
Возмолилися князья-боера,
505 Русскіе могучіе богатыри,
Не сѣкъ бы Алешѣ буйной головы.
Пнулъ онъ Алешу подъ ж...:
« Ты хвастунишка, поповскій сынъ!
« А живи во Кіевѣ со бабамы,
510 А не ѣзди съ нами по чисту полю! »

Послѣ этого Дюкъ раздавалъ по монастырямъ цвѣтное платьице, сѣлъ на добра коня и поѣхалъ въ Индѣю богатую.

203.

ДВОРЯНИНЪ БЕЗСЧАСТНЫЙ МОЛОДЕЦЪ [1]).

Въ стольномъ во городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя у Владиміра, жилъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ; двадцать пять годовъ служилъ вѣрой-правдою; отошелъ въ особую комнату, въ Страстную субботу въ половину дня, самъ говорилъ таковы слова: «Служу я Владиміру двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья.» Услыхалъ Владиміръ

---

[1]) Побывальщина: стихъ разложился, лица большею частью потеряли имя, и т. п.—*Б.*

стольно-Кіевскій, призываетъ Дворянина Безсчастнаго, говоритъ Владиміръ таковы слова:—Что ты говорилъ себѣ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ?—«Солнышко Владиміръ князь, стольно-Кіевскій! Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья: а другихъ жалуешь чиномъ, повышеніемъ, жалованьемъ.» Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій сталъ его жаловать, даваетъ ему двѣнадцать соболей недѣланыхъ, и даваетъ краснаго золота невита, нетянута, велѣлъ соболя подѣлать, и двѣнадцать пуговицъ вылить, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христосьской заутрени.

И Дворянинъ Безсчастный Молодецъ получилъ двѣнадцать соболей недѣланыхъ, красна золота невита, нетянута, и пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, понизилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ, пришелъ къ собольщикамъ, самъ говорилъ таковы слова: «Ай же вы, господа собольщики! подѣлайте мнѣ двѣнадцать соболей». Отвѣчали ему собольщики:—А скоро тебѣ надо подѣлать двѣнадцать соболей?—«Мнѣ чтобы поспѣла шуба къ Христосьской заутрени.»—Что ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Теперь половина субботня дня, а мы съ четверга шабашъ сдѣлали, и ни за какія деньги работать не примемся.—И пошелъ онъ къ золотарямъ: «Ай же вы, господа золотари! вылейте мнѣ двѣнадцать пуговицъ и двѣнадцать петель вытяните.»—А скоро тебѣ надоть вылить и вытянуть?—«Мнѣ чтобы поспѣли къ Христосьской заутрени.—Что ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Теперь половина субботня дня, а мы съ четверга шабашъ сдѣлали, и ни за какое дѣло работать не примемся.—

И пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, понизилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ. Идетъ ему встрѣту женщина престарѣлая, низешенько ему покланяется, сама говоритъ таковы слова:—Что ты идешь кручиненъ-печаленъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ?—Говорилъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: «Ай ты, бабка, голубая шапка! Ударю тя въ душу, улетишь ты въ лужу: при печали молодцу не пазоляй!» Пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, идучись пораздумал-

ся: «Что я обругалъ престарѣлую женщину! Не знаетъ ли она чего есть?» Обѣжалъ другою улицей, опять идетъ встрѣту престарѣлой женщины, снялъ шапочку съ головушки, до сырой земли покланяется: «Здравствуешь, престарѣлая женщина!»—Здравствуешь, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Что ты идешь кручиненъ-печаленъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ?—«Велика моя печаль-кручинушка: служилъ я князю Владиміру двадцать пять годовъ вѣрой-правдою, отошелъ въ особую комнату, въ Страстную субботу въ половину дня, самъ говорилъ таковы слова: «Служу я Владиміру двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, не перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья.» Услыхалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, призываетъ меня, Дворянина Безсчастнаго, говоритъ Владиміръ таковы слова:—Что ты говорилъ себѣ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ?—«Солнышко Владиміръ князь, стольно-Кіевскій! Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья; а другихъ жалуешь чиномъ, повышеніемъ, жалованьемъ.» Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій сталъ меня жаловать, даваетъ мнѣ двѣнадцать соболей недѣланыхъ, и даваетъ краснаго золота невита, нетянута, велѣлъ соболя подѣлать, и двѣнадцать пуговицъ вылить, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христосьской заутрени. Говорилъ мнѣ Владиміръ стольно-Кіевскій:—А ежели не сошьешь шубы соболиныя, отстою какъ Христосьскую заутреню, велю рубить молодцу буйна голова.—» Говорила престарѣлая женщина:—Велика твоя печаль-кручинушка, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Ступай же за мной во слѣдъ.—

Пришли ко дому престарому, ударили въ колечко позолоченое, зашли въ палату бѣлокаменну, и садила его за дубовый столъ, за скатерочки браныя:—Садись, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, ѣшь и пей до люби.—Дворянинъ Безсчастный Молодецъ не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ.—Ай же ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Ложись на кроватку тесовую.—Ложился Дворянинъ Безсчастный Молодецъ. Пошла престарѣлая женщина, за собою дверь заложила. Думаетъ самъ съ со-

бою добрый молодецъ: «Видно, мнѣ изъ сего дома не бывать на бѣломъ свѣтѣ!» Какъ ударилъ первый часъ, и слышитъ: замокъ отмыкается и двери отворяются. Приходитъ женщина престарѣлая: въ правой рукѣ несетъ фонарь со свѣчею, а во лѣвой рукѣ держитъ шубу соболиную, тросточку камышевую—наконечникъ серебряной, набалдачникъ красна золота, шапочку черна соболя.—Вставай одѣвайся, добрый молодецъ, пора итти къ Христосьскія заутрени.—Обувалъ онъ сапожки сафьяна турецкаго, шитья было нѣмецкаго, надѣваетъ на себя одежу драгоцѣнную, попахнулъ на плечи шубу соболиную, шапочку накладывалъ на головушку, бралъ въ руки тросточку камышевую. Говоритъ ему престарѣлая женщина:—Что, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, каково тебѣ кажется?—«Каково тебѣ со стороны кажется: мнѣ-ка весьма хорошо!» Даваетъ она ему три яица золоченыя:—Поди-тко ко Христосьской заутрени, а какъ отстоишь заутреню, съ княземъ Владиміромъ яицомъ похристосуйся, другимъ со княгиной Опраксою, а третье сюды неси.—

И пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ къ заутрени, приходитъ во церковь соборную, становится на мѣсто на посыльное, на лѣвое на крылосо. Отходитъ Христосьская заутреня; пошли христосоваться со княземъ Владиміромъ. И Дворянинъ Безсчастный Молодецъ сталъ христосоваться съ княземъ Владиміромъ, съ княгиною Опраксою, и вышелъ изъ церкви соборныя на церковный рундукъ, самъ съ собой пораздумался: «Ежели я пойду къ престарѣлой женщины, она отойметъ шубу соболиную, мнѣ-ка бѣда будетъ. Однако пойду къ престарѣлой женщины.»

И пришедши къ престарому дому, захватилъ за кольцо золоченое и ударилъ: двери отворилися. Какъ зашелъ въ палаты бѣлокаменныя, сталъ съ престарѣлою женщиной христосоваться. Говоритъ она таковы слова:—Нѣтъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, не со мной тебѣ христосоваться, а на-тко тебѣ двѣнадцать ключей: и двѣнадцать замковъ отложи, и двѣнадцать ключей потреби, и двѣнадцать дверей отвори, и тамъ христосуйся, а только долго не заговаривайся.—Взялъ добрый молодецъ двѣнадцать ключей, отложилъ двѣнадцать замковъ,

отворилъ двѣнадцать дверей и заходилъ въ покои особые. И сидитъ дѣвица на стулѣ черленоемъ: такой красавицы на свѣтѣ не видано, не видано на бѣлоемъ и не слыхано. И сталъ съ ёй христосоваться; онъ ей даваетъ яицо золоченое, а она ему ширинку золотую, сама говоритъ таковы слова:—Постой-ка, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, постой-ка, со мной поговори.—Онъ того добрый молодецъ не слушался, выходилъ за двери дубовыя, за собою двери заложилъ и приходитъ къ престарѣлой женщины.—Что себѣ видѣлъ, добрый молодецъ?—«Видѣлъ дѣвицу-красавицу: такой на свѣтѣ не видано, не видано на бѣлоемъ и не слыхано.»—А хочешь взять за себя въ супружество?—«Охъ, престарѣлая женщина, гдѣ мнѣ-ка взять за себя въ супружество?»—Посылай-ка князя Владиміра свататься, княгину Опраксу въ поѣздъ зови, то тебѣ и невѣста; а если не позовешь князя Владиміра и княгины Опраксы, то тебѣ до невѣсты дѣла нѣтъ.—

Приходитъ ко князю Владиміру. Сталъ его Владиміръ князь чиномъ жаловать. И сталъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ посылать Владиміра князя свататься, княгину Опраксу во поѣздъ звать. Князь-то Владиміръ не ладитъ итти свататься, и говоритъ княгина Опракса: «У насъ онъ служитъ вѣрой-правдою, поди же, посватайся.» И пошелъ князь Владиміръ, посватался. Выводитъ дѣвицу престарѣлая женщина, то Владиміръ князь вздрогнулъ на ея красоту; и просватали за Дворянина Безсчастнаго Молодца. Тутъ веселымъ пиркомъ и за свадебку, принимали они золоты вѣнцы, стали жить да быть, вѣкъ коротати.

У стольнаго князя у Владиміра былъ хорошъ-почестенъ пиръ на многихъ князей, на бояръ, чтобы жены при нихъ были [1]). Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на почестномъ напивалися и всѣ на пиру порасхвастались. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвалится отцемъ-матерью, который хвалится молодой женой. Дворянинъ Безсчастный Молодецъ ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій:—Что

[1]) Не были?

же ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься?—«А чѣмъ мнѣ-ка похвастати? Доволенъ я чиномъ, жалованьемъ, повышеніемъ, доволенъ я и молодой женой: нѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ.» Изъ за того за столика задняго выскочитъ Ѳедька-насмѣшникъ, самъ говоритъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкой три года живу, а про то никто не знаетъ.» Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:—Когда ты съ его хозяйкою живешь три года, такъ принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестамы; тожно повѣрую тебѣ и буду тебя жаловать, а его посажу за столики за задніе, вмѣстѣ съ мужиками-деревенщиной. —

Побѣжалъ Ѳедька, бѣгалъ по Кіеву, не знаетъ и дома Дворянина Безсчастнаго Молодца. Идетъ престарѣлая женщина:—Что ты, Ѳедька, бѣгаешь-кружаешься, чего ищешь по городу по Кіеву? — «Охъ, престарѣлая женщина! былъ я у князя Владиміра на почестномъ пиру и ударилъ головою о великъ закладъ, достать монисты золотыя съ крестамы отъ жены Дворянина Безсчастнаго Молодца, а я и дома-то его не знаю.»—Пойдемъ, Ѳедька-насмѣшникъ, покажу я тебѣ домъ его.—Подошли къ дому Дворянина Безсчастнаго Молодца, взялъ Ѳедька за кольцо позолоченое и билъ въ блесту позолоченую. Выходила служаночка сѣнная:—У насъ хозяина дома нѣтъ, а дома одна хозяйка.—Говоритъ Ѳедька-насмѣшникъ, до сырой земли покланяется: «Ай же ты, дѣвушка сѣнная! Выручи изъ бѣды великія: былъ я у князя Владиміра на почестномъ пиру и ударилъ головой о великъ закладъ, достать золотыя монисты со крестамы отъ жены Дворянина Безсчастнаго Молодца. Какъ достану монисты, буду я на его мѣстѣ, а онъ будетъ на моемъ мѣстѣ—дворъ пахать [1]), куръ кормить и баня топить.»—Ты, Ѳедька, женатъ ли есть?—«Нѣтъ, я не женатъ.»—Возьмешь ли ты меня за мужъ?—«Возьму.» И принесла она ему золотыя монисты со крестамы.

Прибѣжалъ Ѳедька на княженецкій дворъ, зашелъ въ палаты бѣлокаменныя и бросилъ монисты на дубовый столъ. Тутъ

---

[1]) Мести.—*Б.*

Владиміръ стольно-Кіевскій обралъ у Дворянина Безсчастнаго Молодца всѣ чины, повышенія, жалованье, посадилъ его за задній столъ.

Какъ отошелъ почестенъ пиръ, разъѣзжалися князья-бояра думныи, пошелъ дворянинъ Безсчастный Молодецъ въ свои палаты бѣлокаменныя, пошелъ — самъ съ собой пораздумался: «Приду я домой,—биться и драться—ее не перебить; приду,—ласковыми словами позову, и созову на иностранные корабли, купить ей матеріи на платье.» Какъ пришелъ домой, созвалъ ея гулять; пошли—ручка за ручку захватилися: духъ радуется, глядючись на молодыхъ.

И пришедши къ кораблямъ, пошли по сходнямъ корабельнымъ. Идетъ хозяинъ впередъ, а Дворянинъ Безсчастный Молодецъ вслѣдъ идетъ, самъ думу думаетъ: «Спехнуть ее въ воду,—она сильнѣе меня, и скорѣе меня спехнетъ!» Зашли на корабли и стали матеріи спрашивать. Купецъ продаетъ, а самъ зритъ и глядитъ на нее, и глазъ не скидываетъ. Говоритъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: «Что̀ же ты зришь и глядишь на жену мою, глазъ не скидываешь?»—Ай же ты, добрый молодецъ! не знаю тебѣ ни имени, ни отчины: экой красавицы ни въ какой землѣ не видалъ.—«А что, господинъ купецъ, купи мою хозяйку, я ее тебѣ продамъ!»—Пустыя рѣчи говоришь, балабошишь, добрый молодецъ! Гдѣ мнѣ-ка эту красавицу купить!—«Давай мнѣ тысячу рублевъ, я ее продамъ.» Купецъ вынулъ тысячу рублевъ и отдаваетъ ему. Взялъ деньги Дворянинъ Безсчастный Молодецъ и пошелъ съ корабля долой.—И пришедши ко князю Владиміру на дворъ, сталъ дворъ пахать, дрова носить и баня топить.

Прошло тому поры-времени двои сутки, схватилася престарѣлая женщина о своей дочери, о своемъ зятѣ, пришла ко князю Владиміру провѣдывать. А Владиміръ князь стольно-Кіевскій стопталъ ногамы, скричалъ на нее:—Возьмите ее, старую суку: она у меня добраго молодца обезчестила, отдала дочь безчестную за Дворянина Безсчастнаго Молодца!—И прогонили ее мужики метламы.

Купецъ поѣхалъ за море въ королевство Португальское, и ладитъ эту женщину на тесовую кровать, блудъ творить. И

сказала она ему: «Купилъ ты меня въ услуженіе, а не спросилъ про то, что спать со мной.» А купецъ, того не пытаючись, наступаетъ. Какъ схватила его на косу бедру, и бросила его во сине море. И говоритъ она таковы слова: «Ай же вы, людишки рабочіе! Если гдѣ будете разсказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срою [1]); идите въ королевство Португальское.»

Поѣхали корабельщики въ королевство Португальское, приставали во пристань корабельную. И брала она даровья драгоцѣнныи, подносила королю Португальскому. Королю даровья полюбилися, и далъ льготу торговать безданно-безпошлинно, и торговала она три года. А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король. И стали ходить князья-бояра думные, воеводы, и стали ходить купцы изъ своего града: ни у кого не загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И стали ходить купцы странные [2]). Пошла и жена Дворянина Безчастнаго Молодца, подрѣзала волосы по мужски, одѣвала мужское платье, и пошла къ царскимъ вратамъ: у ней загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И всѣ люди взрадовалися, всѣ ей крестъ цѣловали и королемъ нарекали.

Жилъ новый король еще три году, до народа государь былъ добрый, бѣднымъ добро сотворитъ, а служилымъ людямъ жалованье выдаваетъ. Пожилъ три году и сталъ у народа проситься въ Кіевъ градъ: «Спустите меня ко городу ко Кіеву, ко ласкову ко князю ко Владиміру: славенъ Кіевъ градъ на красы стоитъ, на красы-басы на великія.» Готовили корабли черленые, бралъ онъ съ собой дружинушку хоробрую и поѣхалъ по славному синю морю, ко стольному ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣхалъ во пристань корабельную, и выкинулъ флаки заморской камки. Увидалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, приказалъ на пристани настлать сукна одинцовыя. Садили его въ карету княженецкую и привозили на широкій дворъ, заводили въ палаты бѣлокаменны и садили за столики дубовые, стали

---

[1]) Сброшу; *рыть*—кидать.

[2]) Сторонніе, перехожіе, гости.— *Б.*

ѣсть-пить, проклажатися. Говорилъ онъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Гдѣ бы мнѣ постоять и квартира имѣть съ мѣсяцъ времени?»—А гдѣ угодно.—«Есть престарый домъ и живетъ въ немъ престарѣлая женщина,—я хочу въ томъ домѣ стоять.» Приказалъ Владиміръ стольно-Кіевскій нахватать дѣвокъ похожаскъ, домъ вымыть-вычистить, сукна настлать и духовъ подпустить. И какъ сталъ домъ готовъ, садился король въ карету княженецкую и поѣхалъ.

Завели его въ покои, садили на стулики кленовые. Говоритъ онъ посыльщику: «Позови потихоньку престарѣлую женщину на пару словъ.» Позвали ее: рядилась она во платьица самолучшія, взяла подарочки драгоцѣнные и падала на колѣни. Говоритъ король: «Садись, престарѣлая женщина, со мной, поговоримъ. Ты какого роду-племени?»—Я была Португальскаго короля жена, и пришли непріятели на землю Португальскую, сдѣлалось гоненіе, всю силушку прибили. Я въ тѣ поры увезла дочь въ Кіевъ градъ и воспитывала ее до восьмнадцати лѣтъ. А есть Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: я его выручила, онъ меня выручилъ. Даваетъ ему князь Владиміръ двѣнадцать соболей и велитъ сшить шуба соболиная въ Страстную субботу къ Христоськой заутрени: я ему помогла. Вижу: онъ доброви-денъ и у князя въ чести,—я выдала за него замужъ дочь. Сначала жила она хорошо, да вдругъ дочь у него моя пропала. Ежели выпускать дѣло на бѣлый свѣтъ, станутъ добрые люди зариться. Вотъ я проживаю одна и не знаю, гдѣ дочь.—«Ступай, опочивай, престарѣлая женщина: я у твоего зятя спрошу про дочь.»

Пошелъ спать король и проспалъ ночь. На утро пріѣзжаетъ ко князю Владиміру и спрашиваетъ: «Кто бы умѣлъ для меня истопить байна парная?» Говоритъ князь Владиміръ:—А позвать Дворянина Безчастнаго Молодца! Онъ весьма хорошъ байна топить.—Какъ позвали Дворянина Безсчастнаго Молодца, пришелъ онъ, правую ногу откинулъ, руки подъ бока. Началъ король его выспрашивать: «Хорошъ ли ты, молодецъ, топить парная баянка?»—Я топлю про князя Владиміра, а про васъ могу ли, нѣтъ, истопить!—

Поѣхалъ король домой, Дворянинъ Безчастный Молодецъ

скочилъ на запятки кареты и захватился за кисти. Какъ пріѣхали къ престарому дому, истопилъ байну и докладываетъ:—Байна, де, готова.—Говоритъ король: «Неси сундукъ за мной вслѣдъ,» а посыльщиковъ выгналъ. «Ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, раздѣвайся.» — Какъ мнѣ передъ тобой тѣло обнажить?—«Раздѣвайся, и я раздѣнусь.» Раздѣлся король, а самъ стоялъ къ нему задомъ: какъ обернулся передомъ, спрашиваетъ: «Кто я есть?»—Ты моя хозяйка досельная!—

Тутъ она одѣлась королевной, а онъ королемъ. Вышли, и часовые отдаютъ имъ честь. Спросили они лошадей, сѣли въ карету и поѣхали ко князю Владиміру. Дивится князь Владиміръ, а какъ услышалъ отъ нихъ, какъ было дѣло, заводилъ ихъ за столы дубовые и сталъ спрашивать:—Гдѣ этотъ Ѳедька-насмѣшникъ?—Идетъ Ѳедька-насмѣшникъ, аки мертвый. Говоритъ королевна: «Что же ты, Ѳедька-насмѣшникъ, мною похваляешься?» ««Съ глупости я похвасталъ вашей милостью; а ваша служанка, моя хозяйка, принесла мнѣ ваше монисто.»» Приказалъ князь Владиміръ отвести его на казень смертную. Отрубили ему голову и принесли къ королевны.

Послѣ того король и королевна погостили у князя Владиміра, и поѣхали домой. И жилъ король сто десять лѣтъ, себѣ вѣчную жизнь уготовалъ, сталъ Богу угоденъ, на тотъ свѣтъ отходенъ, и понынѣ онъ отчиваетъ [1]). Ему слава во вѣки не минуетъ.

Отсюда начинаются безымянныя записи, и мы будемъ обозначать лишь мѣстность, гдѣ записана былина.—*Ред.*

204.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(Полуборскій погостъ, Каргопольскаго уѣзда).

Наканунѣ было праздника Христова дня,
Честнова Христова Благовѣщенья,

[1]) Опочиваетъ, покоится?—*Б.*

Выпадала пороша снѣга бѣлаго.
Не ясенъ соколъ по порошѣ вылетывалъ,
5 Не бѣлый горносталь по порошѣ проскакивалъ:
Ѣздилъ-гулялъ купавъ молодецъ,
Премладой Чурила Пленковичъ.
Загулялъ онъ во улицу Ильинскую,
Ко тому Бермятину высоку терему.
10 Бермяты въ терему не случилося,
Одна прилучилась Катерина Микулична.
Выходила на крылечко переное,
Сама говорила таковы слова:
— Пожалуй-ко, премладый Чурила Пленковичъ,
15 — Ко мнѣ, Катеринкѣ, во высокъ теремъ!—
Приходилъ-то Чурила во высокъ теремъ,
Садился Чурила за дубовый столъ.
— Давай-ко, Чурила, поиграемъ во шахматы:
— Ты поиграешь, такъ я тебѣ денегъ дамъ,
20 — А я поиграю, такъ тебѣ и Богъ проститъ.—
Играли они во шашки-шахматы.
Первый разъ игралъ Чурила,—ёй матъ давалъ,
Бралъ съ ёй денегъ пятьсотъ рублей;
А другой разъ игралъ,—ёй поддаивалъ,
25 Бралъ съ ёй денегъ цѣлу тысячу;
А третій разъ ужъ и поваливалъ,
Тогда ужъ бралъ двѣ тысячи.
Тогда Катеринка говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
30 — Не могу болѣе играть со тобою во шахматы:
— Пойдемъ-ко мы во спальну во теплую,
— Ляжемъ на кровать на тесовую,
— На кровать на тесовую, на перинку пуховую,
— Тамъ ты со мной, съ Катеринкой, позабавишься.—
35 Легли на кровать на тесовую, на перинку пуховую.
Маленька дѣвушка Чернавушка,
Чернавушка вѣрна служаночка
На Катеринку журчитъ-ворчитъ,
Хотитъ Бермяты вѣсть подать.

40 Приходила она во Божью церкву,
Говорила Бермяты таковы слова:
« Ай же ты, Бермята Васильевичъ!
« Послѣ твого отъѣзда
« Минуло нѣсколько поры-времячка,
45 « Пріѣзжалъ Чурилушка Пленковичъ,
« И съ твоей молодой женой
« Игралъ онъ во шахматы,
« А послѣ того легли на кроватку тесовую,
« Легли они, позабавились,
50 « Легли, да и заспали.»
Послѣ обѣдни Благовѣщенской
Приходитъ Бермята во высокъ теремъ:
Всѣ ворота были крѣпко заперты,
Заперты ворота, заложены.
55 Застучалъ онъ въ колечко золоченое:
Всѣ палаты заколыбалися;
Пробуждалася Катеринка ото сну великаго,
Тогда не умывалась, не убиралася,
Приходила въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
60 Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ.
« Что же ты, Катеринка, не въ спарѐдѣ, не въ обредѣ?
« Сегодня-то у насъ праздничекъ,
« Честное Христово Благовѣщенье.»
Катеринка Бермяты отвѣтъ держитъ:
65 — Послѣ твоего отъѣзда заболѣла буйна головушка,
— Опустилася болѣзнь ниже пояса
— Во тѣ ли во нижни во черева.—
Онъ тому Бермята не пытаючи,
Во высокъ теремъ пробирается,
70 Приходитъ во спальну во теплую:
На гвоздѣ виситъ Чурилова шапочка,
На другомъ виситъ Чурилова сабля вострая,
На третьемъ гвоздичкѣ виситъ шуба соболиная.

Бермята спрашиваетъ: «Чьи это вещи висятъ на гвоздяхъ, ужъ не Чурилины ли?» Катеринка спѣшитъ отвѣчать: — Не Чурилины, мого то братца родимаго.—

Приходитъ ко кровати тесовыя:
Спитъ Чурила забудущимъ сномъ.
Тутъ Бермята бралъ саблю вострую,
Вырубилъ-то головушку Чурилушкѣ.
Не два яблочка свалилося:
Двѣ головушки скатилося.
Только Чурила и живъ бывалъ.

205.

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

(Каргопольскій уѣздъ) [1].

(Гильферд. № 57).

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ Владимірѣ,
Наѣзжалъ собака-воръ Калинъ царь
Съ сорока царямы-царевичмы,
Съ сорока королямы-королевичмы.
У всѣхъ силы было набрано,
У всѣхъ было силы заправлено:
У всѣхъ было силы по сороку тысячей,
У самаго собаки царя Калина смѣты нѣтъ.
И ходитъ собака-воръ Калинъ царь
По той по силы по поганыя:
« Ай же вы, слуги мои вѣрные!
« Кто знаетъ баять по русскому,
« Толмачить по татарскому;
« Кто бы сходилъ во Кіевъ градъ,

---

[1]) Былина эта (въ перв. изд. III, № 35) записана въ Кижской волости, но съ помѣтой Рыбникова: „отъ захожаго Каргопольскаго калики слѣпого“, такъ что мѣсто ей здѣсь. Текстъ близокъ (мѣстами дословно) къ Фепоновскому у Гильфердинга, что понятно, такъ какъ Фепоновскій репертуаръ идетъ отъ Каргопольца Мѣщанинова (самъ Фепоновъ Пудожанинъ). См. Гильферд. I, 413.—*Ред.*

« Снесъ письмо ко князю Владиміру,
« Чтобы отдалъ стольній Кіевъ градъ
« Безъ бою, безъ драки великія,
« Безъ большаго кроволитія?»
20 И сыскался татаринъ поганый:
Знаетъ баять по русскому
И толмачить по татарскому,
И беретъ письмо у собаки царя Калина.
И садился татаринъ на добра коня,
25 И поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ ко князю Владиміру;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
И становилъ коня середи двора,
Идетъ въ палаты бѣлокаменны.
30 И не крестится татаринъ, не кланяется,
Не бьетъ челомъ на четыре стороны,
И князю Владиміру не поклоняется,
А бросилъ письмо на дубовый столъ:
— Разсматривай, Владиміръ князь, писемочко
35 — Отъ нашего собаки царя Калина.—
И разсматривалъ Владиміръ князь писемочко,
И въ письмѣ писано:
« Отдалъ бы Владиміръ князь Кіевъ градъ,
« Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки великія,
40 « Безъ большаго кроволитія.»
И назадъ Владиміръ князь отписывалъ:
— Ай же, собака-воръ Калинъ царь!
— Дай намъ сроку на три году,
— И на три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
45 — Накурить-то бы намъ зелена вина
— И наварить бы намъ пива пьянаго,
— И было бы стрѣтить чѣмъ царя Калина.—
И уѣзжаетъ татаринъ вонъ изъ Кіева.
И слезно Владиміръ князь расплакался:
50 « Раздразнилъ какъ я сильныхъ могучихъ богатырей,
« Всѣ богатыри разъѣхались.
« Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,

« И тотъ бы постарался
« Ради дому пресвятыя Богородицы,
55 « И ради матушки свято-Русь земли,
« И ради церквей соборныихъ.
« И посадилъ я Илью въ погреба во глубокіе,
« И заморилъ я смертію голодною.»
И у князя у Владиміра
60 Выходила дочь княженецкая,
Красна дѣвица во семнадцать лѣтъ,
И сама говоритъ таково слово:
— Можетъ, живъ старый казакъ Илья Муромецъ,
— Бываетъ, съѣздитъ во Кіевъ градъ да постарается.—
65 Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій
« Ай же ты, дочь моя одинакая!
« Гдѣ живому быть Ильѣ Муромцу:
« Сидитъ въ погребахъ онъ три году.»
И знали дѣвицы про Илью Муромца,
70 И въ каждый день носили ѣствы сахарныя.
— И однако сходимъ-ко, батюшка,
— Во погреба во глубокіе.—
И беретъ Владиміръ князь ключи отъ погреба,
И отложаетъ двери погребны,
75 И заходитъ Владиміръ князь во погреба во глубокіе,
И сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Сидитъ-то за дубовымъ столомъ
И читаетъ книгу онъ евангелью.
Упадалъ Владиміръ князь Ильѣ во праву ногу:
80 « Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,
« И ради матушки свято-Русь земли,
« И ради церквей соборныихъ.»
И будто Илья Муромецъ не вѣдаетъ:
85 — А что, Владиміръ князь, надъ Русью сдѣлалось?—
Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Да наѣхалъ къ намъ собака-воръ Калинъ царь
« Съ сорока царями-царевичмы,

90 « Съ сорока королями-королевичмы,
« У всѣхъ набрано силы по сороку тысячей,
« А у самаго царя Калина и смѣты нѣтъ.
« И мнѣ было письмо отъ собаки царя Калина,
« Чтобы отдалъ Владиміръ князь Кіевъ градъ
95 « Безъ бою, безъ драки великія,
« Безъ большого кроволитія.»
« И на то письмо собакѣ царю Калину отписывалъ:
— Далъ бы намъ сроку на три году,
— На три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
100 — Накурить бы намъ зелена вина,
— Наварить бы намъ пива пьянаго,
— Чтобъ оподчивать татаровей.—
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Я поѣду царя Калина упрашивать.—
105 И садился Илья на добра коня,
И скакалъ черезъ стѣнку городовую,
Черезъ тую башню наугольную
И пріѣзжаетъ ко собакѣ царю Калину:
— Здравствуй, собака-воръ Калинъ царь. —
110 И говоритъ воръ Калинъ царь:
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!»
И говоритъ воръ Калинъ царь,
« Что считали, нѣтъ жива Ильи Муромца:
« Ажно живъ Илья Муромецъ.»
115 Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дай сроку намъ на три году,
— На три мѣсяца, и на три дня, и на три часа:
— Накурить намъ зелена вина
— И наварить намъ пива пьянаго,
120 — Чтобъ татаровей оподчивать.—
« Вѣрю тебѣ, Илья Муромецъ, по старости.
« Встрѣтьте меня, царя Калина,
« А татаровей оподчивайте.»
И поѣзжаетъ Илья Муромецъ отъ царя Калина
125 И не могъ силы и счету дать.
Онъ на гору на высоку поднимается,

И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со первой горы опущается,
130 На вторую поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со второй горы опущается,
На третью гору поднимается,
135 И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И узрѣлъ въ восточной стороны шатеръ бѣлополотняный,
И поѣзжаетъ на востокъ Илья Муромецъ.
И скоро скажется, а по узку дѣло дѣется—
Пріѣзжалъ онъ ко бѣлу шатру:
140 И тамъ стоитъ шатеръ бѣлополотняный,
И стоятъ тридцать коней богатырскіихъ,
И зоблютъ пшену бѣлоярову,
И кони знакомые, Кіевскіе,
Отца крестнаго, Самсона Самойлова.
145 И поставилъ онъ своего коня ко бѣлу шатру,
И заходитъ Илья во бѣлой шатеръ.
И сидятъ тринадцать богатырей.
За дубовымъ столомъ хлѣба кушаютъ:
Отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ
150 И двѣнадцать богатырей.
И выстали всѣ на рѣзвы ноги изъ-за дубова стола:
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ,
« Мой крестникъ любезный!
« Садись хлѣба-соли кушати
155 « И бѣлой лебеди рушати.»
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ты, батюшка крестный, Самсонъ Самойловичъ,
— И всѣ двѣнадцать богатырей, крестовые названые!
— Поѣдемте вы мнѣ на помочь,
160 — Пособите прогнать царя Калина прочь отъ Кіева,
— Что наѣхалъ воръ-собака Калинъ царь
— Съ сорока царямы-царевичмы,
— Съ сорока королямы-королевичмы:

— У всѣхъ силы по сороку тысячей,
165 — У самаго царя Калина и смѣты нѣтъ.—
И говоритъ отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ:
« Ай же ты, любимый крестничекъ,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
170 « Не бывать бы мнѣ во городѣ во Кіевѣ,
« И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра
« И на княгину Апраксію не сматривать,
« И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ градъ.
« Онъ слушаетъ князей-бояръ,
175 « А не почитаетъ богатырей. »
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Батюшко крестный, Самсонъ Самойловичъ!
— Не ради князя Владиміра
— И княгини Апраксы королевичны,
180 — Ради дому пресвятыя Богородицы
— И чудотворцевъ Кіевскихъ,
— И ради матушки свято-Русь земли
— Положи ты половину грѣха на меня,
— Поѣдемъ ко мнѣ на помочь.—
185 И говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
« Нѣтъ, крестничекъ мой любимый,
« Великій мой грѣхъ:
« Не поѣду стоять за Кіевъ градъ. »
— Батюшка крестный, Самсонъ Самойловичъ!
190 — Положи же весь грѣхъ на меня
— И поѣдемъ ко мнѣ на помочь:
— Пособи же мнѣ прогнать царя Калина.—
И упросилъ Илья Муромецъ
Самсона Самойловича и двѣнадцать богатырей.
195 И садилися четырнадцать богатырей
На своихъ добрыхъ коней богатырскіихъ,
И мать сыра земля всколыбалася;
И пріѣзжаютъ близъ города Кіева,
Близъ собаки царя Калина,
200 Раскинули они шатеръ бѣлополотняный;

И хлѣба-соли они покушали,
Легли они спать да опочевъ держать.
Ильѣ Муромцу не спится, мало собится [1]),
И садился Илья на добра коня,
И поѣхалъ противъ царя Калина.
Не ясенъ соколъ на гусей-лебедей напущается,
Илья Муромецъ на рать-силу великую.
И зачалъ Илья по силы поѣзживать,
Зачалъ Илья по силы помахивать:
Куда рукой махнетъ, улица лежитъ,
Отмахнетъ, переулкамы.
Его добрый конь провѣщился языкомъ человѣческимъ:
« Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Есть у собаки царя Калина
« Выкопано три подкопа глубокіе:
« Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
« Тебя, Илью, повынесу;
« И въ другой скочу, повыскочу,
« Тебя, Илью, повынесу;
« И въ третій скочу, повыскочу,
« Наврядъ тебя, Илья, повынести. »
И бьетъ коня онъ по тучной бедры:
— Ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Развѣ подкоповъ не видывалъ,
— Неужоль съ этыхъ ямочекъ не выскочишь? —
Онъ въ подкопъ скочилъ, повыскочилъ;
Въ другой скочилъ, повыскочилъ;
Въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
Не могъ Илью повынести.
Упалъ Илья въ подкопы глубокіе,
Обостали татарове поганые,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Связали ему ручки бѣлыя
И привели къ собакѣ царю Калину.
И говоритъ воръ-собака Калинъ царь:

---

[1]) Не по себѣ.

« А что же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Я повѣрилъ тебѣ по старости,
« Почто ты теперече извѣрился?
« Послужи ты мнѣ, собакѣ царю Калину:
240 « Я дамъ тебѣ мѣсто подлѣ себя,
« Или хоть супротивъ себя,
« Третье, гдѣ ты похочешь, тутъ живи;
« Положу на тебя пененизо великое. »
Говоритъ Илья таково слово:
245 — Какъ была бы у меня одна ручка правая,
— Отрубилъ бы тебѣ голову.—
Говоритъ-то собака воръ Калинъ царь:
« Поведите, татарове, Илью во чисто поле,
« Отрубите Ильѣ буйну голову. »
250 И повели Илью во чисто поле,
Ведутъ мимо церковь соборную,
Возмолился Илья Господу Богу отъ желанія:
— Не выдай, Господи, татаровамъ поганыимъ:
— Я буду стоять за вѣру христіанскую.—
255 И услышалъ Господь его моленье,
Посылаетъ Господь двухъ ангеловъ:
Оборвали съ рукъ поводья шелковые,
Оборвали съ ногъ оковы желѣзныя.
Сталъ Илья на своей волѣ,
260 Ухватилъ поганаго татарина за рѣзвы ноги,
Началъ татариномъ помахивать.
И бѣжитъ къ нему добрый конь
Съ всей со сбруей богатырскоей;
Онъ садился на добра коня
265 И выѣхалъ на мѣсто на высокое.
И беретъ-то онъ себѣ тугой лукъ,
Натягивалъ тетивочку шелковую,
Накладывалъ стрѣлочку каленую,
И самъ онъ стрѣлы приговаривалъ:
270 — Лети ты стрѣла, выше лѣсовъ темныихъ,
— Не пади, стрѣла, ни на воду, ни на землю,
— Прямо лети въ бѣлъ шатеръ,

— Гдѣ спятъ свято-русскіе богатыри,
— Пробей-ко ты крышу во бѣлѣ шатрѣ
275 — И прямо пади въ Самсона богатыря,
— Моего крестнаго батюшка, во бѣлую грудь,
— Проломи ты у него латы колчужныя,
— И пройди-тко ты въ ретиво сердце, —
— Что онъ спитъ-проклаждается!—
280 Летѣла та калена стрѣла
Выше лѣсовъ высокихъ,
И не пала она ни на воду, ни на землю,
А пала она прямо въ бѣлъ шатеръ,
И пробила крышу шатровую,
285 И упала прямо въ грудь Самсона богатыря,
И пробила ему латы корчажныя [1]),
И ударила ему въ золотъ крестъ.
Тутъ со крѣпка сна Самсонъ пробуждается,
И говоритъ отъ таково слово:
290 « Ставайте-тко, братцы крестовые!
« Вѣрно моему-то крестничку не собится. »
Тутъ всѣ тринадцать богатырей
Садились на добрыхъ коней и поѣхали,—
Мать сыра земля восколыбался.
195 Пріѣзжали они къ силы несмѣтноей
Собака-вора царя Калина,
Тутъ силушку повырубили.
Поѣхалъ собака-воръ Калинъ царь отъ города отъ Кіева,
И говоритъ таково слово:
300 — Закажу я дѣтямъ и внучатамъ
— Ѣздить ко городу ко Кіеву.—
Тутъ Владиміръ князь съ княгиной Апраксою
Стлали сукна драгоцѣнныя
До той до силы до поганоей,
305 И полагали они на мису чиста серебра,
На другую мису красна золота,
А на третью мису скатна жемчуга,

---

[1]) Колчужныя.

И брали они лисицъ-куницъ,
Лисицъ-куницъ, черныхъ соболей,
310 Дарилъ онъ ихъ и жаловалъ.
И въ то время у богатырей сердца кончились,
Стали ѣсть, пить и веселитися.

206.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ [1]).

Рѣки да озера къ Новугороду,
А мхи да болота къ Бѣлу-озеру,
Да чисто поле ко Опскову,
Темные лѣси Смоленскіе,
5 Высоки горы Сорочинскія,
Широки ворота Чигарицкія,
Широка мать Волга подъ Казань прошла,
Подалѣ того и подъ Астрахань.
Да изъ-подъ дуба, дуба сыраго,
10 Изъ-подъ вязу, сподъ чернаго,
Изъ-подъ бѣлаго горючаго сподъ камешка,
Выбѣгала мать Нѣпра рѣка,
Да устьемъ впадала въ море Черное.
За этихъ островов Кодольскіихъ
15 Не тученьки затучивали,
Не сини облаки задергивали,
Бѣжали-выбѣгали тридцать караблей,
(Тридцать кораблей со единыимъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
20 Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ);
Высокешенько головушка завздынута,
Носъ-корма по звѣриному,
Боки-ты сведены по туриному;

---

[1]) Пропуски этой былины пополнены стихами изъ №№ 53 и 54 I тома и 31 II. (Въ настоящемъ изданіи это будутъ №№ 149, 123, 132. *Ред.*)

Мѣсто оцей было втерано
25 По дорогу по каменью по яхонту;
Мѣсто бровей подергивано
По черному соболю Сибирскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По сѣрому по волку по турецькому.
30 (На томъ ли черленомъ на кораблѣ,
Середи корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
Зеленъ чердакъ муравленый.
Во томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Сидѣлъ младъ Соловей сынъ Гудиморовичъ
35 Со своей государыней со матушкою,
Съ молодой Ульяной Васильевной).
Играетъ Соловей въ гусли яровчатыя,
Спотѣшаетъ дружину хоробрую.
(Скоро выходитъ на черленъ корабль,
40 Сталъ по кораблю похаживать,
Желтыми кудерками потряхивать,
Самъ говоритъ таковы слова):
« Ой же вы, дружинушка хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
45 « (Скоро подымайте паруса крупчатые,
« Побѣгайте ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
Тутъ его дружинушка хоробрая
Дѣлали дѣло повелѣное:
50 Скоро подымали паруса крупчатые,
Побѣгали ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князу ко Владиміру).
Будутъ гости у Кіева,
У тыя пристани корабельныя,
55 Тычки къ берегу притычивали,
(Кидали якори булатніе,
Приставали во пристань корабельную.
Пошли они по славному по городу по Кіеву),
Идутъ къ ласковому князю Владиміру
60 На столованіе-почетный столъ,

На пированіе-почестный пиръ.
Младъ Соловей сынъ Гудиморовичъ
Будетъ у честна пиру,
Князей тыихъ дарилъ краснымъ золотомъ,
65 Княгинь тыихъ дарилъ скатнымъ жемчугомъ,
Малую чету [1]) чистымъ серебромъ,
Княгини дарилъ камочки двосличневой.
— Спасибо ти, удалой, на подарочкахъ!
— Чѣмъ тебѣ, добра молодца, жаловать
70 — За твои за дороги подарочки:
— Городомъ ли тея ударить съ пригородками?
— Али селами ударить съ приселками?—
« Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ко мнѣ мійсцо малешенько.»

На данноемъ мѣстѣ, въ орѣшникѣ, противъ терема, Соловей въ одну ночь съ своею дружиною ставитъ три чудные дома:

75 Въ каждомъ домѣ ходятъ солнце и мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Рано утромъ княгиня видитъ построенные въ саду терема и спрашиваетъ съ неудомѣніемъ:

— Что въ саду не по-старому,
80 — Что въ саду не попрежнему?
— Что это чудо счудилося,
— Что это диво сдіялося?
— Какая это наѣхала богатая богатина?

Она идетъ въ садъ и подслушиваетъ у теремовъ: въ одномъ тишкомъ [1]) говорятъ,—тамъ мать Соловья; въ другомъ стучитъ-болчитъ,—тамъ казна его; въ третьемъ

Тонецъ поетъ и гудокъ гудитъ.
85 Скоро отпирала дубовую дверь,
Она Господу Богу не молилася,

[1]) Чадь—князевыхъ ближнихъ людей.
[1]) Шишкомъ, шопотомъ.

На эты игры заглядѣлася,
Сидѣла день до вечера,
Темную ночь до бѣла свѣта.

Словами Соловья, упрекающаго княгиню за то, что она, непрошенная и не перекрестившись, вошла въ теремъ къ его дружинѣ, оканчивается былина.

207.

ЖЕНИДЬБА ДЮКА (ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ).

(Каргопольскій уѣздъ.)

Было-жило двѣ вдовы:
Первая вдова была Садовая,
Другая вдова Огородникова.
У Садовой-то вдовы было девять сыновъ,
5 Девять сыновъ—ясныхъ со̀коловъ,
Въ десятыхъ была едина дочь,
Едина дочь—Лебедь Бѣлая.
У той же вдовы Огородниковой
Былъ единственный сынъ Дюкъ Степановичъ.
10 Эти обѣ вдовы во пиру были,
Во пиру были, да поразспорили.
Говоритъ вдова Садовая:
« Чѣмъ же ты, вдова, заносишься?
« У меня, вдовы, есть девять сыновъ,
15 « Девять сыновъ—ясныхъ со̀коловъ,
« Въ десятыихъ едина дочь—Лебедь Бѣлая;
« У тебя, вдовы, единый сынъ,
« Дюкъ Степановичъ,
« Воро́на онъ да загумённая:
20 « Летаетъ пусть онъ всё по загуменьямъ! »
За досаду вдовы это показалося,—
При большомъ пиру ей прибезчестили;

Пошла вдова домой не весела.
Встрѣчаетъ ее любимой сынъ,
25 Дюкъ Степановичъ,
Говоритъ онъ самъ таково слово:
« Ай же ты, госпожа моя, родна матушка,
« Пречестна вдова, Мамельфа Тимоѳевна!
« Ужъ ты что же со пиру идешь не весела?
30 « Развѣ чара тебѣ не рядомъ пришла?
« Али пьяница тебя пріобѣзчестилъ? »
Отвѣчаетъ ему государыня родна матушка:
— Ай ты, милое мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
35 — Чара-то мнѣ рядомъ пришла,
— Не пьяница меня избезчестила,
— Избезчестила меня вдова Садовая.
— Мы съ этой вдовой да разспорили,
— Говоритъ вдова Садовая:
40 — « Ты чѣмъ, вдова, заносишься?
— « У меня, вдовы, есть девять сыновъ,
— « Есть девять сыновъ—ясныхъ соколовъ,
— « Во десятыихъ едина дочь—Лебедь Бѣлая;
— « У тебя, вдовы, только единый сынъ,
45 — « Ворона онъ загумённая:
— « Пусть онъ вѣкъ летаетъ по загуменьямъ! »—
Богатырско сердце тутъ разгорѣлося:
Онъ крутенько садился на добра коня,
Онъ бралъ свою да саблю вострую,
50 Посадилъ на плечо птицу-сокола,
Поѣхалъ ко вдовы да ко Садовыя.
На встрѣчу ему идутъ девять сыновъ,
Во десятынхъ едина дочь—Лебедь Бѣлая.
Онъ взялъ свою да саблю вострую,
55 Имъ всѣмъ срубилъ буйныя головы,
Едину дочь себѣ въ плѣнъ онъ взялъ,
Привязалъ ее ко стременамъ своимъ;
Пріѣзжалъ бояринъ къ своей матушкѣ,
Пречестной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевной,

60 Говоритъ бояринъ громкимъ голосомъ:
« Ой ты гой еси, родная матушка!
« Я привезъ тебѣ работницу,
« Работницу да портомойницу.»
Говоритъ ему государыня родная матушка:
65 — Ай ты, милое мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не она меня да прибезчестила,
— Прибезчестила да ейна матушка;
— Она тогда была еще малешенька,
70 — Малешенька еще, глупёшенька;
— Ты возьми-ко её за себя замужъ,
— Она будетъ слыть у насъ да не работницей,
— Не работницей, не портомойницей,
— Она будетъ слыть да барыней.—
75 Молодой бояринъ матушки послушался,
Онъ поѣхалъ по Индѣи по богатыи,
Сталъ сбирать онъ князей со княгинями
На почётной пиръ къ себѣ на свадебку;
Онъ тутъ сталъ, бояринъ, играть свадебку,
80 Обвѣнчался съ милою княгинею.

208.

ХМѢЛЬ.

(Каргогольскаго уѣзда, Малоархангельскаго погоста.)

Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Самъ себя Хмѣль выхваляетъ:
« Нѣту меня, Хмѣлюшка, лучше,
« Нѣту меня, Хмѣля, веселѣе:
« Меня государь, Хмѣля, знаетъ;
« Князья и бояра почитаютъ;
« Монахи-патріярхи бласловляютъ;
« Безъ Хмѣлюшка свадебъ не играютъ;

« А гдѣ бьются, гдѣ дерутся, всѣ во Хмѣлѣ;
10 « Безъ Хмѣля не мирятся, имъ помирятся.
« Только лихъ на меня мужикъ садовникъ:
« Онъ по часту въ зеленый садъ гуляетъ,
« И глубокія борозды копаетъ,
« Скрозь хмѣлиночку точину пропущаетъ,
15 « А навозомъ и соломой застилаетъ.
« Тутъ-то я, Хмѣль, догадался:
« По точиночкѣ вверхъ подавался,
« Надъ богатымъ мужикомъ же насмѣялся,—
« Какъ ударилъ его въ тынъ головою,
20 « Още въ грязь широкой бородою! »

209.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ.

(Пудожскій уѣздъ, Песчанской волости, деревня Большой дворъ.)

Изъ-подъ бѣлыя березы кудревастенькой,
Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила турица златоругая,
Со своима со турамы со дѣтушкамы.
5 Случилось итти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую.
Оны видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднымъ чудно,
Оны видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнымъ дивно:
Подъ тоей ли стѣной городовоей
10 Ходитъ дѣвица душа красная,
Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
Не столько читаетъ, вдвоемъ она плачётъ.
И случилось итти турамъ съ родной матушкой,
Со турицей златоругой поздоровкаться:
15 « Здравствуешь, турица, наша матушка!
« Какъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
« Какъ мы видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:

« Подъ тоей ли стѣны городовыя,
« Какъ ходитъ дѣвица душа красная,
20 « Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
« Не столько она читаетъ, вдвосмъ она плачётъ. »
Говорила турица златоругая:
— Ай вы глупы туры, малые дѣтушки!
— Не дѣвица тутъ ходитъ душа красная,
25 — А тутъ плакала стѣна-мать городовая:
— Она вѣдала невзгодушку великую. —
Изъ-подъ той сподъ восточнія сторонушки
Наѣдетъ Батыга Батыговичъ,
Со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,
30 Со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
Наѣзжаетъ съ дьячкомъ да выдумщикомъ.
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей,
35 У дьячка-то силы сорокъ тысящей.
Обступили округъ Кіева кругòмъ, кругòмъ, кругòмъ:
Соколу летѣть на меженный день,
Маленькой птичкѣ не прòлетѣть.
Не случилося во Кіевѣ богàтырей [1]):
40 По гулямъ гулялъ во двѣнадцать лѣтъ,
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ [2]).

---

[1]) Судя по разнорѣчію, записанному въ Бережной Дубровѣ, Пудожскаго уѣзда, здѣсь пропущено:

Самсонъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
Микита Романовъ на желтыхъ на пескахъ,
Илья съ Добрыней во чистомъ полѣ гуляетъ,
Одна объявилась голь кабацкая.

[2]) По тому же разнорѣчію, здѣсь слѣдуетъ вставка:

Приводили ко князю ко Владиміру.
Говорилъ Василій таковы слова:
„Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
„Налей-ка чару опохмѣльную,
„Опохмѣль калику перехожую.
„Постою я за славенъ Кіевъ градъ
„И за домъ Пресвятыя Богородицы,
„И за тую вѣру Христіянскую.“

Онъ направливалъ лукъ—калену стрѣлу,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ Василій по Батыгинымъ шатрамъ,
45 Убилъ онъ няйлучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
Убилъ дьячка-то выдумщика.
Стали во Кіевѣ виноватаго искать,
50 Нашли-то Василья въ кабакѣ на печи,
Приводили Василья къ Батыгѣ налицо:
« Ты прости меня, Батыга, во большой во вины,
« Убилъ я няйлучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
« Убилъ сына Батыга Батыговича,
55 « Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
« Убилъ дьячка-то выдумщичка. »
Тутъ-то Василій сталъ выспрашивати:
« Опохмѣль-ка ты, Батыга, чарой хмѣльноей:
« Пособлю-ка я тебѣ взять славенъ Кіевъ градъ. »
60 На тыя рѣчи Батыга пріокинулся:
Наливаетъ ему чару зелена вина,
Другую сливаетъ меду пьянаго,
Третью рюму сладкаго меду,
И сливали питье въ едино судно:
65 Становилось питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
Взимаетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ,
Говоритъ Василій таково слово:
70 « Я могу теперь владать добрымъ конемъ,
« Я могу теперь махать вострой саблей. »
Поѣхалъ Васильюшка въ чисто поле гулять,

Наливали ему чару зелена вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду яраго,
Сливали питье въ одно мѣсто,
Объявилося питья полпята ведра.
Беретъ калика одной рукой,
Выпивалъ калика на единый духъ.

Зачалъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати,
75 Прирубилъ, пригубилъ онъ до единой головы;
Назадъ же ко Батыгѣ ворочался,
Говорилъ-то Василій таковы слова:
« Не могу теперь владать добрымъ конемъ,
« Не могу теперь махать вострой саблей [1]).
80 « Опохмѣль-ка, Батыга, чарой хмѣльноей;
« Я знаю, гдѣ воротца не заперты,
« Не заперты воротца, не заложены. »
На ты рѣчи Батыга пріокинулся:
Наливаетъ ему чару зелена вина,
85 Другую сливаетъ меду пьянаго,
Третью рюму сладкаго меду,
И сливали питье во едино судно:
Становилося питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
90 Взимаетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ,
Говоритъ Василій таково слово:
« Я могу ладать [2]) добрымъ конемъ,
« Я могу теперь махать вострой саблей. »
95 Поѣхалъ Васильюшка въ чисто поле гулять,
Зачалъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати:
Прирубилъ-пригубилъ онъ до единой головы,
Назадъ же ко Батыгѣ ворочался;
100 Разгорячилося у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая:
. . . . . .
Отъ него Батыга въ побѣгъ пошелъ.
« Ай ты, старый песъ, заклинаешься:

---

[1]) У Батыги силы четыре сорока тысячъ, по этому и поѣзды Василья повторяются четыре раза. Такъ какъ описаніе слѣдующихъ поѣздовъ повторяется слово въ слово послѣ стиха: „Тутъ-то Василій сталъ выспрашивать“,— то мы прямо переходимъ къ четвертому поѣзду.

[2]) Владать.

—« Не дай-то Богъ бывать на святой Руси,
—« Ни мнѣ-ка-ва, ни дѣтямъ, ни внучатамъ! »—
Щилья-каменье въ Сѣверной стороны;
Самсонъ богатырь на Святыхъ на горахъ;
Молодой Алеша въ богомольной стороны;
Колокольные звоны въ Новѣградѣ
[Сладкіе напитки въ Петербургѣ городкѣ],
Сладкіе колачики Новоладожскіе,
Дешевы поцѣлуи Бѣлозерскіе.
Дунай, Дунай, Дунай,
Впередъ болѣ не знай!

210.

КАСТРЮКЪ.

(Пудожск. у., Песчанск. вол.)

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти [1]),
Царица-то Крымская,
Поленица удалая,
Татарка упалая
Съ Кастрюкомъ сговорилася,
Съ молодымъ подъ-умилася,
Ѣхать въ землю Россійскую,
Къ царю ли то Грозному,
Ко Ивану Васильевичу,
Выкликать поединщика,
Съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися,
Его силы отвѣдати
И плеча богатырскаго.

---

[1]) Царѣ Иванѣ Вас.—*Б.*

Они ѣхали-поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середи поля пріѣхали,
20 Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые.
25 Привязали добрыхъ коней
Ко столбу ко точеному,
Ко кольцу золоченому,
Надавали добрымъ конямъ
Пшены бѣлояровой,
30 Да послали скора посла,
Скора посла-скоморошину.
Какъ скорой посолъ-скоморошина,
По версты-то онъ шелъ пò скоку,
По полторы онъ пò маху.
35 Какъ приходитъ онъ къ царю Грозному,
Ко царю Грозному ко Ивану Васильевичу,
Какъ проговоритъ онъ таково слово:
« Ай ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« Ты конюшни-то испрастывай,
40 « Дворы-то испоражнивай:
« Къ тебѣ ѣдетъ Татарка упалая,
« Поленица удалая,
« Выкликать поединщика,
« Съ Кастрюкомъ поборотися,
45 « Съ молодымъ поломатися,
« Его силы отвѣдати
« И плеча богатырскаго. »
Отвѣчаетъ ему Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
50 — Конюшни-то у меня испростаны,
— Дворы-то испорожнены.—
Кастрюкъ сидитъ—самъ печалится,
Онъ сидитъ—самъ кручинится,

Хлѣба-соли не кушаетъ,
55 Бѣлы лебеди не рушаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
— Что̀ же ты, Кастрюкъ-Дебрюкъ,
— А что же, Черкашанинъ,
— Сидишь—самъ печалишься,
60 — Сидишь—самъ кручинишься,
— Хлѣба-соли не кушаешь,
— Бѣлы лебеди не рушаешь?
— А хлѣбъ да соль на столѣ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
65 — А борецъ-то тебѣ на дворѣ! —
Соскочилъ Кастрюкъ за стола,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Убилъ тридцать Татаровей,
Убилъ сорокъ богатырей,
70 Достальныхъ раскарякало.
Выходилъ на широкій дворъ,
Онъ кричалъ-то во весь голосъ,
Чтобы слышно во всю Москву,
И во всю землю Россійскую,
75 И государство Московское:
« Още есть ли у васъ борцы,
« Борцы—добрые молодцы,
« Съ Кастрюкомъ поборотися.
« Още силы отвѣдати
80 « И плеча богатырскаго? »
Какъ изъ-подъ восточныя стороны
Выходили два брата родимыи,
Одного звали Ѳедькою,
А другого звали Мишкою:
85 Такъ Ѳедька борецъ похваляется,
Ѳедька борецъ нарывается,
Съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися,
Его силы отвѣдати
90 И плеча богатырскаго.

Какъ завидѣлъ Кастрюкъ-Дебрюкъ,
Кастрюкъ-Дебрюкъ, Дебрюковъ сынъ,
Онъ схватилъ Ѳедьку за желты кудри:
А у Ѳедюшки на головушки
95 Волосушки не тряхнутся.
Тутъ зговоритъ Ѳедюшка таковы слова:
« Ой-же ты, Грозный царь,
« Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« Еще смѣть ли мнѣ
100 « Съ Кастрюкомъ поборотися,
« Съ молодымъ поломатися,
« Его силы отвѣдати
« И плеча богатырскаго? »
Отвѣчаетъ ему Грозный царь,
105 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Помоги тебѣ, Господи,
— Да пособи тебѣ, Господи! —

211.

ДОБРЫНЯ И СИЛА НЕВѢРНАЯ.

(Въ Саминскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда) [1]).

У честной вдовы Нелеы Тимоѳеевной
Былъ сынъ Добрынюшка Никитичъ.
Выросталъ онъ во двѣнадцать лѣтъ,
Отдала его матушка въ грамоты учити:
5 Грамота ему далася.
Выросъ онъ въ пятнадцать лѣтъ,
Сталъ просить у матушки
Прощенья-благословленья
Ѣхать во чисто поле далече;
10 Проговоритъ ему родна матушка:

---

[1]) Вытегорскій матеріалъ полученъ былъ отъ Н. В. Обручева.— *Ред.*

« Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ,
« Поѣзжаешь ты молодешенекъ,
« Умомъ-разумомъ глупешенекъ.»
Не послушалъ Добрынюшка Никитичъ
15 Своей родимой матушки,
Пошелъ онъ въ стойлу во конскую,
Взималъ онъ Самолета коня добраго,
Сѣдлалъ онъ сѣделышко черкасское,
Садился онъ на добра коня,
20 Кладывалъ онъ стременышки серебрянькія,
Плеточкой шелковой понасвистывалъ,
Садясь его видѣли, а ѣдучи не видѣли.
Отъ того поѣзду богатырскаго
Звѣри по лѣсу разбѣжалися.
25 Птицы по горамъ разлеталися.
Попадала Добрынюшкѣ первая закопань [1]),
Ту закопань перѐскочилъ;
Попадала Добрынюшкѣ другая закопань,
Упалъ бурушко косматый на колѣна съ нимъ.
30 Говоритъ же ему Добрынюшка:
« Ай же ты, бурушко косматый!
« Чего ты спотыкаешься?
« Аль невзгодушку надо мной начаешься? »
Проговоритъ ему бурушко косматый:
35 — Попадетъ тебѣ третія великая закопань;
— Тебѣ этой не перѐскочить,
— Упадешь съ меня въ эту закопань,
— И обступитъ тебя сила невѣрная,
— И попадешь въ плѣнъ нечисты силы.—
40 Лишь проговорилъ это косматый конь,
Упалъ Добрынюшка со добра коня
Въ эту великую закопань;
Обступила Добрынюшку сила невѣрная,
Силушка поганая,
45 Связали обѣ ручушки тетивками шелковыми,

[1] Застава.—*Собир.* Ровъ, которымъ перекопана дорога.—*Б.*

Сковали ему ножки рѣзвыя
Тыми кандалами турецкими,
Тыми ль кандалами въ девяносто пудъ.
Тутъ взимали и повели Добрынюшку
50 Тридцать три богатыря,
Позади—силы числа-смѣты нѣтъ,
Повели его издалеча во чисто поле
Ко тому ко кустышку ко ракитову,
Отрубить ему буйну голову.
55 Проговоритъ имъ Добрынюшка Никитинъ сынъ:
« Ай же вы, силушка невѣрная,
« Силушка поганая!
« Дайте мнѣ маленько поостопаться [1]),
« Дайте мнѣ немного поодуматься.
60 « Есть ли у васъ отцы-матери,
« Молоды жены, малы дѣтушки?
« Есть ли кому по васъ плакати? »
Тутъ пораздернулъ Добрыня свои бѣлы рученьки,—
Сорвались тетивочки шелковыя;
65 Пораздвинулъ ножки рѣзвыя,—
Сорвались кандалы тяжелыя,
Кандаламъ девяносто пудъ.
Зачалъ Добрыня кандалами помахивать,—
Куда вернется—туда улица,
70 Куды перевернется—переулочекъ;
Прибилъ онъ всю силушку поганую,
Не оставилъ силушку невѣрную на сѣмена,
Прибилъ онъ всѣхъ Жидовъ,
Всѣхъ Татаровей невѣрныхъ,
75 Пролилъ крови много невѣрной.
Носъ у него что палица,
Глаза у него—пивны щаны [2]),
Палица у него въ рукахъ въ девяносто пудъ.

---

[1]) Поутвердиться, поопереться (на стопу). *Б.*
[2]) Это обычное описаніе Татаръ, примѣненное ошибкою къ Добрынѣ.—*Б.*

212.

ДОБРЫНЯ И СМЕРТЬ.

(Вытегорскій уѣздъ.)

Поѣхалъ Добрынюшка въ домашнюю сторонушку,
Попадалася ему Смерть престрашная.
Говоритъ она Добрынюшкѣ:
« Полно тебѣ ѣздить по бѣлу свѣту,
5 « Проливать крови невинныя,
« Крови напрасныя! »
— Ты кто еси, царь ли, царевичъ,
— Аль король, королевичъ,
— Аль сильный-могучій богатырь?—
10 Отвѣчаетъ ему, Добрынюшкѣ:
« Я не царь и не царевичъ,
« Не король, не королевичъ,
« Не сильный и не могучій богатырь,
« Я Смерть престрашная и прегрозная.»
15 — Ай же ты, Смерть престрашная!
— Коль возьму я свою саблю преострую,
— Отсѣку тебѣ голову буйную.—
« А Добрынюшка, Никитинъ сынъ!
« Поспѣй проститься со бѣлымъ свѣтомъ:
20 « Выну я свои пилья невиданныя, преострыя,
« Отсѣку я жилочки станóвыя,
« Улетишь ты со добра коня.»
Тутъ взмолился ей Добрынюшка:
25 — Дай мнѣ сроку на два года
— Прощаться за свои грѣхи,
— Что много силы перебилъ напрасно
— И крови невинной пролилъ.—
« Не дамъ я тебѣ воли и на одинъ часъ.»
30 — Дай же ты сроку на одинъ часъ.—
« Не дамъ я тебѣ и на одну минуту.»
Вынула пилья желѣзныя,
Подсѣкла жилочки станóвыя,

Подсѣкла рѣзвыя ноженьки.
35 И упалъ Добрынюшка съ добра коня,
И вышла душенька съ Добрынюшки.

213.

ОНИКА ВОИНЪ.

(Вытегорскаго погоста, Спасоматкозерскаго прихода.)

(Ср. выше № 89).

Жилъ-былъ Оника воинъ,
Жилъ-былъ не долго,—
Жилъ триста тридцать единое лѣто.
И сколько онъ землей проѣждялъ,
5 И много онъ землей разорялъ,
Божьи домы на дымъ спущалъ,
Божество-иконы на ладонъ.
И говоритъ онъ Господу Богу,
И говоритъ онъ рѣць похвальню,
10 Похвальню рѣць, Господу противну:
« Кабы далъ да мни-ка, Господи,
« Съ небеси во столби колецюшко булатно,
« Повернулъ бы я всю землю на синё небо,
« А сине небо на сыру землю [1]):
15 « На міру бы смерти не было,
« И народъ бы былъ весь живъ.»
Да не полюбились эти рѣци Господу Богу,
Посылалъ онъ дви сумоцьки переметны:
Одну сумоцьку онъ клалъ противъ неба,
20 А другу сумоцьку клалъ противъ земли.
И послалъ онъ своихъ скорыихъ Апостоловъ,
И куды итти Оники, ѣхати [2]).
И вотъ поѣхалъ Оника воинъ,
Поѣхалъ цистымъ полемъ

---

[1]) Ср. рѣчи Святогора и Ильи Муромца.—*Б.*

[2]) Въ разнорѣчіи Оника ѣдетъ „Ерусолимъ градъ позорити.“

25 Да широкіимъ раздольемъ.
И на той пути да на дороженькѣ
Лежатъ-то дви сумоцьки переметныи
И стоятъ тутъ люди добрыи.
« Оберите-тко вы, люди добрыи,
30 « Оберите-тко свои сумоцьки переметныи:
« Если я задѣну ножкой лѣвою,
« То негди сумоцекъ будетъ искати;
« И если я задѣну ножкой правою,
« То негди будетъ сумоцекъ искати.»
35 — Ахъ ты, Оника пустохвастишко,
— Ахъ ты, Оника пустохвалишко!
— Ты ѣздишь, Оника, похваляешься,
— А тебя съ дѣло не выхватыватъ.—
Разсердился Оника воинъ,
40 Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,—
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть;
Задѣлъ Оника ноженькой правою,—
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.
Соскоцилъ Оника со добра коня
45 И принимался во всю силу богатырскую:
И по колѣнъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
Разсердился Оника по сердиному,
И разозлился Оника по звѣриному,
50 И принимался всею силой богатырскою:
И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку:
И по грудей ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
55 И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И надорвалъ онъ свое ретливое сердецюшко,
И со стыдомъ садился на добра коня,
На добра коня на Обахмата.
И поѣхалъ Оника воинъ цистымъ полемъ,
60 Широкіимъ раздольемъ.
А на той пути на дороженьки

Лежитъ тутъ цюдо цюдноё,
Лежитъ тутъ диво дивноё:
Руки-ноги лошадиныи,
65 А голова лежитъ звѣриная,
И туша человѣцецка.
« Что̀ же ты лежишь, цюдо цюдное?
« Али ты цюдилиця есть прецюдная,
« Али ты полякъ есть, поленской сынъ [1]),
70 « Али ты полениця удалая?»
— А не цюдо есть я цюдное,
— Не цюдилиця есть прецюдная,
— Не полякъ, не поленской сынъ,
— Не полениця я есть удалая:
75 — Оника воинъ, я есть Смерть скорая,
— Скорая есть Смерть, скоропостижная.—
« Ай же ты, душегубка!
« У меня есть сабля вострая:
« Отмахну же буйную голову! »
80 — А не хвастай, Оника воинъ:
— У меня естѐ [2]) шилья вострыя,
— И подпилю я у тя жилоцьки. —
Замахнулся Оника вострой саблею:
Во плецѝ рука застоялася,
85 Никуды рука не сгибалася,
Востра сабля съ руки выпала
И цють добра коня не изрѣзала.
« Ай же ты, Смертка скорая!
« Дай мни строку [3]) хоть на три годы
90 « Свой животъ по церквамъ рознесть
« И золоту казну по нищей братіи,
« Мни своя душенька набъ покаяти [4]).»
— Не дамъ я теби строку и на три часы:
— Твой животъ есть неправедной,

---

[1]) То же, что „полянница,“ только въ формѣ мужского рода.—*Б.*
[2]) Есть.
[3]) Сроку.
[4]) Надобъ покаяти.—*Б*

95 — Золота казна не заработана,
— И твоей души не будетъ помощи.—
« И дай ты строку хоть на три часы
« Мни-ка свой животъ по церквамъ разнесть,
« Золота казна по нищей братіи,
100 « И свою душу набъ покаяти.»
— Не дамъ я ти строку ни три минуты:
— Твой животъ есть неправедной,
— Золота казна не заработана,
— И твоей души не будетъ помощи.—
105 Зашатался Оника воинъ на добри кони,
И упалъ онъ на сыру землю:
И быдто вѣкъ души не было.

214.

ДЮКЪ И ШАРКЪ ВЕЛИКАНЪ [1]).

(Лодейнопольскій уѣздъ [2]).

На широкомъ раздольѣ Шаркъ-великанъ похаживае,
На широко раздолье Шаркъ-великанъ посматривае,
Что не любо—мечомъ булатнымъ раскрошивае,
Что не любо—ногамъ желѣзнымъ вытаптывае.
5 Огнемъ жгучіимъ Божій людъ имъ подымается;
Ко святой Руси Шаркъ-великанъ широку дорожку прокладывае,
Жгучіимъ огнемъ уравниває,
Людомъ христіанскимъ рѣчки-озера запруживае:
Во дикіе лѣса людъ христіанскій руссійскій разбѣгается.
10 Розшевеливается на Руси добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, руссійскій богатырь Дюкъ Степановичъ.

---

[1]) Повидимому, былина заимствована изъ какой-либо рукописи; есть отчасти черты книжныя.—*Б.*

[2]) Лодейнопольскіе матеріалы были доставлены Рыбникову А. Шкалинымъ.—*Ред.*

Какъ услышалъ ёнъ о тоей о бѣдѣ,
Думное чело его понахмурилось,
А и крѣпко думалъ ёнъ три дня, три ночи,
На четвертый встаетъ ёнъ ранешенько,
Иде въ Божій храмъ—руку на сердцѣ,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
Самого Христа Царя небеснаго.
Потомъ иде къ отцу къ матери,
Родительско благословеньице выпрашивае:
« Повели мнѣ, родитель, путь-дорогу держати,
« Того-то окояннаго Шарка-великана полонити,
« Свою славушку добрую сохранити.»
Снаряжается добрый молодецъ въ путь-дороженьку,
Сподобляе [1]) ёнъ наряды самолучшіе:
Одѣвае ёнъ, Дюкъ Степановичъ,
Широку плащу со сіяніемъ,
Въ рукахъ могучихъ сорокопудовый мечъ,
Другой грузнѣй того за поясомъ;
Сѣдлае коня—что ночь чернаго,
Махнулъ кнутомъ—да и слѣдъ простылъ.
Чуе Шаркъ-великанъ бѣду неминучую,
Чуе его черно сердце гостя нежданаго,
Пуще прежняго ногамъ топае,
Пуще прежняго мечемъ булатнымъ размахиватъ.
А чуть солнце красно поразчистилось,
Какъ тутъ видитъ ёнъ: пыль горой встае,
Летитъ богатырь Дюкъ Степановичъ.
— Гой ты, гой, добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ!
— Почто ты къ Шарку-великану надрываешься?
— Не сносить тебѣ твоея буйныя головы!—
Какъ увидѣлъ Шарка-великана Дюкъ Степановичъ,
Сжалося его ретиво сердце,
Добрый конь его попятился.
Закричалъ ёнъ, Дюкъ Степановичъ, громкіимъ голосомъ:

---

[1]) Выбираетъ по сердцу.—*Б.*

« Ты сильной злодѣй, Шаркъ-великанъ!
« Завтра на зорѣ биться начнемъ,
« А сегодня дѣло къ вечеру—поприготовимся.»
50 Иде Дюкъ Степановичъ во пещеру темную,
Господу Богу слезно молится,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
Самого Христа Царя небеснаго.
55 Тутъ зоря зарумянилась,
Бѣлыя облака закудрявились:
Выѣзжае на поле на зеленое
Дюкъ Степановичъ на добромъ конѣ.
Какъ увидѣлъ Шарка-великана Дюкъ Степановичъ,
60 Сжалося его ретивое сердце,
Добрый конь его попятился,
Закричалъ ёнъ, Дюкъ Степановичъ, громкимъ голосомъ:
« Ты сильной злодѣй, Шаркъ-великанъ!
« Завтра на зорѣ биться начнемъ,
65 « А сегодня лучше поприготовимся.»
Иде Дюкъ Степановичъ въ ту во пещеру во темную,
Господу Богу слезно молится,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
70 Самого Христа Царя небеснаго.
Тутъ заря зарумянилась,
Бѣлыя облака закудрявились:
Выѣзжае на зеленое поле
Дюкъ Степановичъ на добромъ конѣ.
75 Какъ увидѣлъ Шарка-великана Дюкъ Степановичъ,
Ретиво сердце его загорѣлося,
А его добрый конь попятился.
Тутъ слѣзае съ своего коня Дюкъ Степановичъ,
Вынимае ёнъ булатный мечъ въ сорокъ пудовъ,
80 Вымахивае ёнъ коню доброму голову.
Самъ пѣшо иде къ великану гордому,
Къ сильному злодѣю Шарку-великану.
Встрѣчае его Шаркъ-великанъ насупившись,

Съ боку на бокъ переваливаясь,
85 Таки горды рѣчи вымолвливае:
— Гой ты, гой, добрый молодецъ, горе-Дюкъ Степановичъ!
— Измѣнилъ тебѣ добрый конь,
— Убоялся ёнъ моего меча,
— Моего меча булатнаго,
90 — Моего росту богатырскаго!—
Самъ тутъ Шаркъ-великанъ мечъ булатный вытягивае,
Со свистомъ размахивае;
А ударился-то мечъ Шарка-великана
О мечъ сорокапудовый Дюка Степановича:
95 Разъ ударились—искорье валитъ,
На другой разокъ—ажно стонъ пошелъ;
Оба тяжелы булатные мечи въ черепья разсыпывались,
Изъ виду улетывали.
Осерчалъ тутъ крѣпко Шаркъ-великанъ,
100 Рукамъ могучіимъ понатужился,
Въ бѣлу грудь Дюка Степановича поуперся,
Ажно косточки захрястали:
Тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичъ.
Тутъ рукамъ они сплетаются,
105 Колѣнамъ другъ въ друга упираются,
Кровь горячая ручьемъ тече съ ранъ глубокіихъ,
Силушки ихъ надрываются.
Вспомяни тутъ Дюкъ Степановичъ
Про запасный мечъ тяжелѣй перваго:
110 Вынимае ёнъ тотъ булатный мечъ,
Отступае ёнъ на большу сажень,
Съ лету голову злочастную вымахивае,
Шарка-великана ёнъ до дому дотаскивае,
Посмѣянье великое дѣлае,
115 Славушку себѣ добрый молодецъ сохраняе.

215.

ГУСИНКО ПЛЕНКОВИЧЪ И ШАРКЪ-ВЕЛИКАНЪ.

(Лодейнопольскій уѣздъ.)

Ой ты мать сыра земля, розступися,
Небёса вы синіи, роздайтеся,
Облока-тучи, во едину не скопляйтеся!
Тошнёхонько богатырьской силѣ приходится,
5 Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати.
А вотъ перьвое-то горе,—палъ его могучій конь;
А второе того горе,—изломался его тяжелый мечъ;
10 А третье-то горе,—обуяла имъ страсть побѣдная,
Приглянулася ему Марья, Лебедь Бѣлая.
Ужъ иде бусурьманскій сынъ, Шаркъ-великанъ, прикручинившись,
Про свою горемычную жизнь-горе пороздумавшись,
Про каранье Бога Руссійскаго, Христіанскаго.
15 Какъ во стрѣчу ему молодой дѣтинушка,
Молодой дѣтинушка, самъ ёнъ Гусинко Пленковичъ.
Содружилися ёны, побраталися,
Во свои терема бусурьманщину созывае,
Во большемъ углу чевствуетъ-гоститъ.
20 Началъ тутъ его Шаркъ-великанъ выспрашивати:
«Ты скажи-ко мнѣ, молодой дѣтинушка Гусинко Пленковичъ:
«Кабы мнѣ мудрёно коня могучаго достати,
«Своему прежнему коню богатырьскому во смѣну положити?»
— А иди-ко ты, бусурьманскій сынъ, ко вольному граду ко Новгороду:
25 — У того ли у князя у Новгородьскаго
— За запорамъ желѣзнымъ, за заслонамъ мѣднымъ
— Жеребенокъ с необъѣзженый,
— А твоей ли богатырьской силушкѣ какъ с подъ стать. —

« А и спасибо тѣ, молодой дѣтинушко Гусинко Пленковичъ!
30 « Ужъ повѣдай-ко ты мнѣ правду-истину:
« Кабы мнѣ богатырьскій мечъ во рукахъ моихъ мощьныпхъ держати
« По силѣ моей богатырьскоей, непомѣрноей? »
— А иди-ко ты, бусурьманскій сынъ,
— Ко святому граду ко Кіеву, ко славному князю ко Владиміру:
35 — У того ли князя у Владиміра, во палатяхъ его осударевыхъ
— Разнаго орудья е, мощи богатырьскія;
— Да по силушкѣ ли твоей, бусурьманскій сынъ,
— Тыимъ ли мечомъ-кладенцомъ размахивати,
— Размахивати, перевёртывати? —
40 « Ой ты неразумный дѣтинушко, Гусинко Пленковичъ!
« Темному уму твоему-разуму не судити,
« Про силу богатырьскую не гадати.
« А скажи-ко ты мнѣ, Гусинко Пленковичъ, правдивѣе:
« Кабы мнѣ Марью, Бѣлую Лебедь, сыскать,
45 « Какъ бы мнѣ ее, Бѣлую Лебедь, поломати?
« Приглянулася ёна мнѣ нешуточно. »
— Ой ты, бусурьманскій сынъ, Шаркъ-великанъ!
— Твоимъ ли устамъ рѣчи таки вымолвливать,
— За руссійскую Марью, Лебедь Бѣлую, ухвататися?
50 — А и вѣру вѣруешь ты бусурьманскую,
— Бусурьманскую вѣру, нѣмецькую:
— А то Марьѣ, Бѣлой Лебеди, не по сердцу,
— А то ей, пригожей, не по умыслу. —
Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно.
55 Какъ впери ёнъ свои глазишши-лупы [1]) бусурьманскіи,
Да и возимае ёнъ, бусурьманянинъ, что ни е,
Во вси стороны помахиватъ:
По стороны махне,—стѣны проломъ,
По другой перехватитъ—розсыпаются.

---

[1]) Ср. „лупо-глазый“, лупить, вылупливать—вытаращивать глаза. *Б.*

60 А ужъ и пошутилъ тутъ бусурьманскій сынъ:
Понатужился Шаркъ-великанъ крѣпко-на-крѣпко,
Правой рукой хватать Гусинко Пленковича за его бѣлую грудь,
Во розмахѣ Гусинко Пленковичъ за тридесять земель улетывать,
За частыи ясныи звѣзды зацапливать.
65 А ёнъ-то самъ, бусурьманище, ухмыляется:
« А скажи-ко-сь ты мнѣ, усмѣшище,
« Во дальныихъ ли странахъ бусурьманскіихъ
« Душу свою схоронилъ не отпѣтую?! »

216.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

(Лодейнопольскій уѣздъ.)

Отъ краснаго града отъ Волыница,
По привольной рѣкѣ по Дунаеви,
Иде удалъ-добрый молодецъ,
Боярьскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
5 Со своей ли со дружиной боярьскоей,
Ко святому граду ко Кіеву,
Ко крёстамъ его христіанскіимъ.
А иде ёнъ, добрый молодецъ, Богу молитися,
Со честнымъ народомъ вольно-Кіевскимъ гоститися.
10 Ужъ какъ слышитъ ёнъ молву неправдливую,
Неправдливую молву, неутѣшную,
Что во тоемъ ли во градѣ во Кіевѣ
Ужъ давно сидитъ—богатьствомъ прохваляется
Гусинко Пленковичъ со товарищьми.
15 Не задумамши, Дюкъ Степановичъ,
Призывае ёнъ своего слугу вѣрнаго,
Такое приказаньице наставляетъ:
« Ой ты, мой вѣрный слуга,
« Никита Полйца, разудалая голова!

20 « Ты иди-ступай ко молодой Царевнѣ во терема во темныи
« Не трожь ты ее, а честнѣмъ проси
« Угостить-принять боярьскаго сына Дюка Степаныча
« Для ради его прихожденія богомольнаго. »
25 Сама Царевна ко Дюку Степанычу во стрѣчу иде,
Беретъ ёна его за руку его бѣлую,
Веде его во терема свои во темныи,
Всяко чествованье ему, добру молодцу, дѣлаетъ,
А сама ёна Царевна хитро стала выспрашивати:
30 — Ты скажи мнѣ, добрый молодецъ—Дюкъ Степановичъ,
— Отколѣва топеречу путь-дорогу держишь?—
« А держу я путь-дорогу отъ красна града со Волыница,
« Отъ своего терема отъ отцевскаго. »
— А скажи-ка ты мнѣ, Дюкъ Степановичъ,
35 — Много-ль силы съ собой ведешь? —
« Сила-то моя—мой вѣрный слуга,
« А богатьствіе все мое—могучій конь. »
— А скажи-ко ты мнѣ, добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ,
— Много-ль у тя силы богатырьскія,
40 — У твоего коня мощи могучія? —
« А с у меня сила не малая:
« Все царьствіе ваше вверхъ дномъ верну.
« А и е у моего коня мощь могучая:
« Не гнаться за мной самой кобылѣ Бѣлой Лебеди.»
45 А тутъ Царевна себѣ на умѣ:
Почни ёна Дюка Степаныча подзадоривать,
Чтобъ въ конецъ ёнъ рѣшилъ удалого Гусинко Пленковича.
Супротивъ се таки рѣчи Дюкъ Степановичъ выдерживатъ:
« Ой ты ой, молодая Царевна прекрасная!
50 « Много у меня грѣха чернаго на сердцѣ,
« А и не по тоей причинѣ я сюда пришелъ,
« Не губить пришелъ я душу христіанскую,
« Пришелъ я для-ради богомольствія,
« А не по мнѣ грѣхъ на душу пойде. »
55 Въ утро ранёшенько колоколъ Божій гудомъ гудитъ,

А Дюкъ Степановичъ со вѣрнымъ своимъ слугой въ церьковь Божью собирается,
Тако наставленье дѣлатъ:
« Какъ пойду я въ церьковь Божію молитися,
« Ко святымъ Божьимъ угодникамъ приклонятися,
60 « А во этой ли церькви Божіей
« Розокрученный-рознаряженный супротивникъ мой;
« Ужь какъ буде ёнъ, супротивникъ, выхвалятися,
« При честныхъ людяхъ надъ боярьскимъ сыномъ насмѣхатися:
« Не утерпитъ твое лютое сердце, горячее,
65 « Во такой обидѣ своего господина, сына боярьскаго. »
Во церьковь Божью тутъ ёны сокопляются:
Первѣй всего Гусинко Пленковичъ надуваючись,
Своимъ длиннымъ поламъ розмахиваясь,
Шапкой-мурманкой прихлопывая.
70 А за нимъ иде слѣдомъ Дюкъ Степановичъ,
Боярьскій сынъ, роду княжьяго.
А иде ёнъ, Дюкъ Степановичъ, смирнёхонько,
Во синіемъ кофтанѣ—золотымъ шнуромъ.
Ужъ стоитъ ёнъ, Дюкъ Степановичъ, прямёхонько,
75 Лишь часты-часты поклоны земныи отсчитыватъ.
Тутъ весь людъ христіанскій, князья-бояре,
Гусинко Пленковича—что могутъ,
А на Дюка Степаныча не посматриваютъ.
А и ёнъ-то, Гусинко Пленковичъ, пуще того сталъ гордитися,
80 Пугвицамъ златымъ побрякивае,
Шапкой-мурманкой помахивае.
А почни тутъ Дюкъ Степановичъ своимъ пугвицамъ поваживать, —
Во повалъ тутъ всѣ повалилися, ужаснулися:
Что во всякой во златой пугвицѣ
85 Сорокъ сороковъ змѣй пещёрскихъ шипитъ,
И во всякой того пугвицѣ
Сорокъ сороковъ звѣрей лютыихъ рёвомъ рёвитъ.
А почни тутъ въ другу сторону пугвицамъ поваживать:

Что во всякой-то златой пугвицѣ
90 Сорокъ сороковъ птицъ Божьихъ пѣсни затягиваютъ.
Весь людъ Божій тутъ удивленье взяло.
Вси ёны ко Дюку Степанычу честно приближаются,
Ко его мудрецкому кафтану старъ-младъ приклоняются,
Такія рѣчи пользительны вымолвливаютъ:
95 « Гой ты гой, добрый молодецъ, Дюкъ Степановичъ!
« Почто ты насмѣханье Гусино Пленковича принимаешь?
« Али ему жизнь горемычную тянути,
« Али смерётушку ему нещадную понести? »
Ополохался тутъ Гусино Пленковичъ до смерётушки,
100 Кофтанъ богатырьскимъ рукамъ розлетыватся,
Шапку-мурманку свою въ клочья рвётъ,
Самъ осерчавшись изъ церькви вонъ.
А повстрѣчи ему Никита Полица, боярьскій слуга:
За ноги его горемычного захватыватъ,
105 До темного лѣсу-бору дотаскиватъ,
Ко вѣдьмы Кіевской во темну яму забрасыватъ;
Самъ ёнъ, Никита Полица, приговариватъ:
« По дѣломъ тебѣ, вражій сынъ, тую участь-горе терпѣти:
« Посиживай себѣ, вражій сынъ, зубамъ пощёлкивай! »
110 Тутъ ко своему боярину, Дюку Степановичу, возвратъ держитъ.
Царевна прекрасная часту-горючую слёзу ронитъ,
Удалъ боярьскій сынъ почаще того.
Призадумался тутъ вѣрный слуга
Про печаль-думу своего боярина со Царевною прекрасною.
115 Сталъ ёнъ своего боярина, Дюка свѣтъ Степановича выспрашивати,
Выспрашивати, уговаривати:
« Ой ты еси, удалъ боярьскій сынъ, Дюкъ Степановичъ,
« Почто ты, добрый молодецъ, закручинился,
« Свою буйную-розудалую голову повѣсимши? »
120 — А за тымъ я, вѣрный слуга, запечалился,
— Что по сердцу пришла мнѣ Царевна прекрасная;
— А и жаль-то мнѣ больно ее, прекрасную, во темномъ теремѣ оставити,

— А и у отца-матери рóдной благословеньице мнѣ не просити:
— Грозной отецъ моихъ прозёбъ не слушатъ,
— Свою волюшку не выкаже.—
« Гой ты еси, разудалый молодецъ, боярьскій сынъ, Дюкъ Степановичъ!
« Не кручинься ты, не печалуйся, боярьскій сынъ,
« А зозмемъ мы коня чернаго-могучаго,
« Да и понесе ёнъ, конь могучій, своего боярина со Царевною
« По бѣлому люду христіанскому Русійскому таскатися,
« Прекрасной Царевной выхвалятися. »
— А и спасибо тѣ, Никита Поліца, вѣрный слуга,
— На твоихъ на рѣчахъ розумныихъ,
— На твоихъ на сувѣтахъ утѣшныихъ!—
Тутъ ёны коня чернаго-могучаго сѣдлаючи,
Со градомъ со Кіевомъ богомольныимъ розставаючись,
Увозили тую-то Царевну прекрасную изъ града вонъ.
Ускокивали ёны со Царевной прекрасною не тихо же,
А скакали ёны въ одинъ-то часъ по сто верстъ,
Чтобъ погони за ними во слѣдъ не было.

217.

СМЕРТЬ КНЯГИНИ МИХАЙЛОВНЫ.

(Олонецкой губ.)

Я гляжу, сижу подъ окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку.
По Дунай-рѣкѣ бѣжатъ два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
« Вы куда, волки, призадумали,
« Куда, сѣрые, призамыслили?
— Мы бѣжимъ, волки, ко Дунай-рѣкѣ,
— Ко мосточику ко ракитову:

10 — Тамъ лежитъ убита твоя матушка,
— Баска-хороша, свѣтъ Михайловна,
— Рѣзвыми ножками ко Дунай-рѣкѣ,
— Буйной головой въ ракитовъ кустъ.—
Помсталась княжая дочи
15 Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко!
« Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну? »
— А ушла, ушла твоя матушка
20 — Что ль во погреба глубокіе,
— Да за двери за тяжелыя:
— Разводить квасы медовые
— И поить гостей некормленыхъ.—
Пометалась княжая дочи
25 Что ль во погреба глубокіе,
Да за двери за тяжелыя:
Тамъ стоятъ квасы не развожены,
Гости тамъ сидятъ не поены.
Пометалась княжая дочи
30 Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко,
« Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну? »
— А ушла, ушла твоя матушка
35 — Что-ль во горницу во новую:
— Тамъ румянечка по скляночкамъ,
— Цвѣтно платьице по грядочкамъ.—
Пометалась княжая дочи
Что ль во горницу во новую:
40 Тамъ румянечка по скляночкамъ,
Цвѣтно платьице по грядочкамъ.
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко!
45 « Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну? »

— Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
— Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
— Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
50 — Я возьму тебѣ нову матушку.—
« Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ,
« Ты растай, растай, золотая цѣпь,
« Ты умри, умри, нова матушка,
« Ты возстань, возстань, стара матушка,
55 « Баска-хороша, свѣтъ Михайловна! »

(Сообщено А. И. Ивановымъ, а имъ записано со словъ Кемской крестьянки въ Пудожѣ и корелки Повѣнецкаго уѣзда въ Петрозаводскѣ.)

218.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ [1]).

(Ср. здѣсь №№ 28 и 28 bis.)

Какъ во стольномъ было въ городи во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированіе-почестный пиръ
На многіе князи да на бояры,
5 На всѣхъ тыхъ гостей званыхъ-браныхъ,
Званыхъ-браныхъ гостей, приходящіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвасталися.
10 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что «Не чѣмъ мнѣ, Владиміру, похвастати,
« Нѣтъ у меня золотой казны.
« Первой русскій славный богатырь,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
15 « Съѣзди-то ты въ Золоту Орду,
« Повыправь-ко ты тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ,
« За тринадцать лѣтъ съ полонинною.
« Другой русскій славный богатырь,
20 « Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!

[1]) Былина записана въ Кижахъ и случайно не вошла въ I-й томъ. Она почти буквально повторяетъ Чуковскія №№ 28 и 28 bis.—*Ред.*

« Съѣзди во Индію во богатую,
« Выправь-ко тамъ дани-выходы.
« Третій русскій славный богатырь,
« Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
25 « Съѣзди-ко-сь ты да во Швецію,
« Попыправь-ко тамъ дани-выходы. »
Отправились три русскіе могучіе богатыри,
Тутъ они крестами побратались:
Старый казакъ Илья Муромецъ
30 Былъ большой братъ,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Былъ средній братъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
Былъ меньшой братъ.
35 Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Который попрежде у насъ выѣдетъ,
« Такъ ко другому ѣхать на выруку. »
И отправился онъ въ Золоту Орду;
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
40 Отправился въ Индію во богатую;
Третій русскій славный богатырь,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Отправился онъ да во Швецію,
Взыскивать тамъ дани-выходы.
45 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взыскалъ свои дани-выходы,
Привезъ ко солнышку Владиміру.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что «Пишетъ мнѣ Бухарь царь заморскій:
50 « Пришли-ко мнѣ дани-выходы. »
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Что—Отпущены со мной дани-выходы,
— А я поѣду безъ выходовъ.—
Отправился къ Бухарю ко царю ко заморскому.
55 Пріѣхалъ къ Бухарю ко царю ко заморскому,
Подалъ ему скорописчатыи гёрлыки:
— Ай же ты, Бухарь царь заморскій!
— Привезъ я тебѣ дани-выходы
— За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ.—
60 Говорилъ Бухарь царь заморскій,
Что « Гдѣ у тебя дани-выходы? »
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Что—Остались онѣ во чистомъ полѣ.—.
Говорилъ Бухарь царь заморскій:
65 « У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются? »
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Что—Играютъ въ шашечки кленовыя
— На тыхъ дощечкахъ на дубовыхъ.—

Стали играть въ шашечки кленовыя.
70 Наставили дощечку оны первую;
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку онъ добра коня,
А Бухарь царь заморскій
Положилъ на дощечку дани-выходы;
75 Сыграли дощечку оны первую:
Проигралъ Михайла онъ добра коня.
Наставили дощечку оны другую;
Тотъ Бухарь царь заморскій
Положилъ на дощечку дани-выходы
80 И положилъ Михайлина добра коня,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ свою буйну голову;
Сыграли дощечку оны другую:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
85 Наставили дощечку оны третію;
Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани-выходы,
А Бухарь царь заморскій
Положилъ полъ-царства и полъ-имѣнства:
90 Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
А на тую пору во то время
Дубова дверь отворялася,
Пріѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«А ей же, братецъ мой родимый!
95 «Сидишь—играешь-забавляешься,
«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«Твоя же Марья, Лебедь бѣлая,
«Подоленка королевична,
«Уѣхала во землю Политовскую
100 «Со тымъ королемъ Политовскінимъ,
«Во тою во землю Политовскую.»
Тутъ скочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Тяпнетъ дощечку дубовую,
Треснетъ въ дверь во кленовую,—
105 Что повылетѣли двери съ ободверинпьями.
Говорилъ казаку Ильи Муромцу:
— Ай же ты, братецъ мой крестовый!
— Получай полъ-царства, полъ-имѣнства,
— А я поѣду во землю Политовскую.—
110 Поѣхалъ онъ во землю Политовскую,
Ко тому королю Политовскому.
Заѣхалъ онъ на широкій дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскінимъ;
Услыхала Марья, Лебедь бѣлая,
115 Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,

Подносила Михайлы Потыку сыну Иванову:
« Прими-ко сію чару единой рукой,
« Да выпей чару единымъ духомъ,
120 « Да поѣдемъ ко-о граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ:
125 Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Схватила Михайлу за желты кудри,
Стащила его во чисто поле,
Бросила Михайлу черезъ плечо:
Тутъ Михайла окаменѣлъ.
130 Его спомнили братья крестовые,
Старый казакъ Илья Муромецъ
Да молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
Накрутилися они тутъ каликами,
Пошли они во землю Политовскую.
135 Нашли они сорокъ каликъ со каликою:
Идетъ съ ними Старчищо Перегримищо,
Клюха у него сорока пудовъ;
Пошелъ съ ними Старчищо Перегримищо.
И пришли они во землю Политовскую
140 Ко тому королю Политовскому,
Попросили они тутъ милостины;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевична,
Говорила королю Политовскому:
145 « Заведи каликъ въ покои въ особые,
« Корми каликъ теперь досыта,
« Пои каликъ теперь до пьяна,
« Дари каликъ теперь до люби.»
Подарилъ имъ злата и серебра,
150 Пошли они, калики перехожіе.
Дошли они до бѣлаго до каменя,
Стали они тутъ животовъ дѣлить.
Тутъ дѣлилъ калика перехожній,
Дѣлилъ на четыре на четверти;
155 Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Что́ же ты не такъ дѣлишь животы,
— Дѣлишь на четыре на четверти?—
Говорилъ Старчищо Пелегримищо:
« Тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
160 « Кто здынетъ изъ насъ этотъ бѣлъ камень
« И броситъ его да черезъ плечо.»
Прискочилъ молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Здынулъ онъ камень по колѣнъ своихъ,
По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ;

165 Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Здынулъ онъ камень по грудямъ своимъ,
По грудямъ казакъ и въ землю угрязъ.
Хватилъ Старчищо Пелегримищо,
Бросилъ камень черезъ плечо:
170 Разскочился бѣлый горючій камешокъ.
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Фу-фу, братцы, я какъ долго спалъ!—
Говорилъ Старчищо Пелегримищо:
«Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!»
175 Тутъ пришелъ онъ къ королю Политовскому,
Закрычалъ онъ голосомъ богатырскіимъ:
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила чару питья забудущаго:
180 «Пей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
«Прими сію чару единой рукой
«И выпей чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы ко-о граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру.»
185 Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой,
Да и выпивши эту чару единымъ духомъ,
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья, Лебедь Бѣлая,
190 Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу да на стѣну.
Не хватило гвоздя ему сердечнаго:
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
195 Покупать гвоздя она сердечнаго.
У того короля Политовскаго
Была дочь его Настасья красивая;
Пошла смотрѣть русскаго богатыря:
Принагнулся Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
200 Смолился Настасьи Королевичной:
— Повытащи гвозья хоть нектеми,
— Я теперича Марьи голову срублю,
— А возьму тебя, Настасью Королевичну.—
Тащила гвозья она нектеми,
205 Прибила Татарина тутъ мертваго,
Мертваго, она, мерзлаго,
Прибила Татарина она на стѣну;
А того Михайлу Потыка сына Иванова
Завернула въ шубу черна соболя,
210 Провела въ покои во особые.
Увидалъ король Политовскій:
— Кого ведешь въ шубы черна соболя?—

Говорила Настасья Королевична:
« Была со мной маленька служаночка,
215 « Увидѣла русскаго богатыря,
« Гдѣ она увидла, испугалася:
« Такъ веду я ся въ покои во особые.»
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Заростилъ раночки кровавыя;
220 Тая жъ Настасья, Лебедь Бѣлая, [1])
У того короля Политовскаго
Просила коня богатырскаго,
Повыѣхать во чисто поле.
Онъ далъ ей коня богатырскаго;
225 Осѣдлали ей коня богатырскаго,
Посадила Михаила Потыка сына Ивановича,
Повыѣхалъ онъ во чисто поле.
Воротился на дворъ королевскіе,
Закрычалъ голосомъ богатырскінмъ;
230 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Наливала чару питья забудущаго,
Выносила на крыльцо на переное,
Подносила Михайлу Потыку сыну Иванову:
« Прими-ко сію чару единой рукой,
235 « Выпей сію чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ ко-о граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ онъ чару единой рукой,
240 Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ;
Услыхала Настасья Королевична,
Отворила косивчето окошечко,
Крычала ему жалкимъ голосомъ:
« Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
245 « Ты, знать, позабылъ свою заповѣдь?»
Услыхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Смахнулъ своей саблей востроей—
Отнесъ, де, онъ Марьи буйну голову.
Взялъ замужъ Настасью Королевичну,
250 Возвратился ко-о граду ко Кіеву,
Ко солнышку да ко Владиміру.
Тутъ по три дня было пированьицо
Про того Михаила Потыка сына Иванова.
Тутъ вѣкъ про Михайлу старину поютъ,
255 Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

---

[1]) Т.-е. Королевична.—*Ред.*

219.

ОТЧЕГО НА РУСИ ЗАВЕЛАСЬ ИЗМѢНА [1]).

(Олонецкой губ.)

Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ царь строгій и сильный, и страшный завоеватель другихъ земель, оттого и названъ Грознымъ. Въ одно время вздумалось ему послать пословъ въ иныя государства и требовать отъ королей и князей ежегодную дань Россіи. Послы объявили всѣмъ инодержавнымъ королямъ и князьямъ, коимъ было приказано, о царскомъ повелѣніи. Короли и князья всѣ собрались въ одно мѣсто и стали совѣтъ совѣтовати,—слѣдуетъ ли дань давати царю Русскому. Наконецъ и придумали царю Русскому загонуть три загадки, съ тѣмъ, если онъ ихъ отгонетъ, то короли и князья тутъ же дадутъ ему двѣнадцать бочекъ золота и будутъ платить ежегодную дань; а ежели не отгонетъ, то не только не будутъ платить ему дани, но и совсѣмъ откажутъ отъ царства. Всѣ короли и князья на сіе согласились, и послали царю Іоанну Васильевичу отъ себя пословъ съ грамотою, въ которой написали: «Ваше царское величество! По требованію вашему дань давать Россіи мы согласны, и сверхъ сего первоначально дадимъ тебѣ двѣнадцать бочекъ золота, но съ тѣмъ только условіемъ, если отгонешь нашихъ три загадки, а именно: первая загадка,—что удалѣе всего на свѣтѣ? вторая,—что милѣе всего на свѣтѣ? третья,—что слаще всего на свѣтѣ? Если же сихъ загадокъ не отгонешь, то не только дани не получишь, но и отъ царства будешь отказанъ; для отгадыванія долженъ пріѣхать самъ къ назначенному мѣсту на востокѣ, къ бѣлому камню и къ такому-то времени, гдѣ короли и князья будутъ всѣ тутъ собравшись». Царь Іоаннъ В. Грозный, получивши сію грамоту отъ королей и князей, и прочитавши ее, призадумался; потомъ собираетъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и князей и умныхъ людей, объявляетъ имъ сію грамоту отъ инодержавныхъ королей и князей, и со-

[1]) Разсказъ этотъ, въ родѣ Старины, повидимому значительно подправленъ записавшимъ.—*Б.*

вѣтуютъ, какъ отвѣтъ держать, какъ загадки отгонуть. Кто что говоритъ, но царю мало нравится; наконецъ общимъ совѣтомъ придумали отвѣтъ держать имъ такой: первое, удалѣе вѣтра ничего нѣтъ на свѣтѣ; второе, у царя Ивана Васильевича въ то время только что родился сынъ, и всѣ придумали—что милѣе есть сына царю? и царь сему былъ согласенъ; третья—слаще меда что есть на свѣтѣ? Приходитъ срочное время, царь собирается и ѣдетъ на востокъ къ бѣлому камню, со всею царскою свитою, для отгадыванія загадокъ и для полученія дани ежегодной. Ѣхалъ царь І. В., долго ли, коротко ли, близко ли, далеко, видитъ царь—на одномъ пустомъ мѣстѣ мужичокъ строитъ церковь; и церковь уже построена, только обиваетъ главу щепой,—въ досюльне время вездѣ вообще на церквахъ и на часовняхъ главы обивались щепою,—и за каждою щепиною и гвоздомъ съ самаго верху мужичокъ опускался на землю и поднималъ вверхъ по одной щепинѣ и гвоздю. Царь подъѣзжаетъ къ строенію и говоритъ мастеру: «Богъ въ помочь, старичокъ!»—Прошу пожаловать, добрый человѣкъ,—отвѣчаетъ старичокъ. «Что, братъ старичокъ, церковь строишь?»—Точно такъ, ваша милость,—а царемъ его не называетъ, какъ будто и не знаетъ. Царь говоритъ: «Что же ты, старичокъ, какъ я вижу, за каждой дощечкой и гвоздомъ опускаешься внизъ и по одной дощечкѣ и гвозду поднимаешь вверхъ? ты бы взялъ до десяти дощечекъ и гвоздовъ, и разомъ бы поднялъ ихъ: для тебя бы это было полезнѣе.»—Всякое дѣло знаетъ мастеръ,—отвѣчаетъ старичокъ.—А я же тебя спрошу, царь ты Русскій Иванъ В. Грозный: куда ты ѣдешь и зачѣмъ? вѣдь ты ѣдешь на востокъ къ бѣлому камню, растолковать загадки, данныя тебѣ? тамъ ужъ тебя короли и князья инодержавные ожидаютъ; но загадокъ тѣхъ тебѣ не растолковать, да и царства ты лишишься.—Царь І. В. сильно призадумался и спрашиваетъ старичка: «Какъ же тому быть, не знаешь ли ты чего тутъ и не можешь ли ты мнѣ помочь?» Старичокъ отвѣчаетъ:—Изволь, Иванъ В. царь Русскій, я тебѣ помогу; только съ условіемъ: тебѣ обѣщано по отгаданіи двѣнадцать бочекъ золота и ежегодная дань; ты получишь золото и получать будешь ежегодную дань; только

изъ двѣнадцати бочекъ, если отдашь одну мнѣ, то изволь, я растолкую тебѣ загадки и будешь впередъ царствовать; а нѣтъ, то царство твое кончится.—«Изволь, старичокъ, говоритъ царь, любую бери изъ двѣнадцати бочекъ,—а только разскажи мнѣ загадки.»—А вотъ что,—старичокъ начинаетъ,—тебѣ загонуто: первая, что удалѣе на свѣтѣ? такъ ли?—спрашиваетъ царя. «Точно такъ», отвѣчаетъ царь.—Ты отвѣчай имъ:—удалѣе собственныхъ своихъ глазъ ничего нѣтъ: куда ни взгляну, въ одно мгновеніе все вижу. Вторая, что милѣе на свѣтѣ? Что у насъ милѣе краснаго солнца на свѣтѣ? оно запечетъ,—и всякая тварь веселится. Третья, что слаще всего на свѣтѣ? Слаще воды есть ли что на свѣтѣ? безъ ней совершенно никому и жить нельзя. Поѣзжай, скажи имъ сіе, все получишь.—Царь Іоаннъ Васильевичъ поблагодарилъ старичка и отправился на востокъ къ бѣлому камню. Пріѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, тамъ уже его ожидаютъ всѣ инодержавные короли и князья; сдѣлали царю подобающую встрѣчу, а потомъ стали просить его растолковать загонутыя ими загадки. Царь І. В. начинаетъ такъ: «Первая ваша загадка: что удалѣе на свѣтѣ? Удалѣе собственныхъ своихъ глазъ есть ли что на свѣтѣ? куда ни взгляну,—все вижу.» «Истинная правда», отвѣчаютъ короли и князья. «Вторая: что милѣе всего на свѣтѣ? Можетъ ли быть милѣе на свѣтѣ краснаго солнца? оно запечетъ,—то вся тварь веселится.» «И это правда», говорятъ короли и князья. «Третья: что слаще всего на свѣтѣ? Можетъ ли быть что слаще воды на свѣтѣ? возьмите себѣ въ примѣръ, когда кому-нибудь изъ васъ придетъ жажда попить, а воды бы вамъ сказали—нѣтъ, а потомъ узнали бы, что у такого-то есть въ запасѣ, и вамъ пить нестерпимо хочется, то, кажется, въ то время за одну ложку дадите Богъ вѣсть что, только бы дали попить, и пили бы съ какою жадностію и пріятностію!» «Истинная, истинная правда, И. В., царь ты Русскій», вскричали всѣ короли и князья, и потомъ вручили ему двѣнадцать бочекъ золота и обязались платить требуемую имъ ежегодную дань. Итакъ, распростившись Иванъ Васильевичъ Грозный съ инодержавными королями и князьями, отправился обратно на свое царство. Приближаются къ мѣсту, гдѣ старичокъ

строитъ [церковь. Царь говоритъ своей свитѣ: «Что, господа, какъ вы думаете: отдать бочку старику золота будетъ очень много? У насъ есть армія и другія войска, нужно ихъ содержать: а у старика что есть, и куда ему золото класть? Лучше же мы сдѣлаемъ такъ: изъ бочки вынемъ двѣ части золота, а одну оставимъ, и вмѣсто двухъ долей вынятыхъ всыпемъ песку, дабы не такъ было примѣтно, и отдадимъ ему.» Всѣ на сіе согласились. По сказанному, какъ по писанному, такъ и сдѣлали: золото выняли, а песку насыпали, а сверхъ песку одну долю золота положили, и поѣхали впередъ. Пріѣзжаютъ къ тому мѣсту, гдѣ старичокъ строитъ церковь: царь подъѣхалъ къ старичку, говоритъ: «Помогай тебѣ Господи, старичокъ. Покорнѣйше благодарю тебя за наставленіе: я все получилъ обѣщанное; теперь же поди и ты, старичокъ, получай! и отъ меня обѣщанную тебѣ бочку золота.»—Старичокъ говоритъ:—Ну, царь Русскій, Иванъ ты Васильевичъ и Грозный Самъ ты ввелъ измѣну въ Русь православную, и никогда ты ей съ сего времени не искоренишь, и ни другой кто-либо: причиною всего этого зла ты самъ, царь. Зачѣмъ тебѣ обманывать меня? Я спасъ тебя и жизнь твою, ты обѣщалъ мнѣ за сіе бочку золота, а вмѣсто золота платишь пескомъ.—Царь видитъ, что это человѣкъ не простой, и слезно проситъ взять любую бочку кромѣ той; старичокъ отвѣчаетъ:—Золотомъ твоимъ я не нуждаюсь, и жить буду безъ твоего золота; мнѣ не нужна твоя златница, а нужна была правда; ты самъ измѣнщикъ сему, и измѣна сія, опять повторяю, изъ вѣки вѣковъ останется въ Руси, и ни ты, и ни другой кто не можетъ искоренить ее; всему этому злу причиною Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Прощай, царь,—говоритъ старичокъ,—поѣзжай впередъ и царствуй!—И въ одно мгновеніе не стало предъ царемъ ни церкви, ни старичка; все потерялось, и никакого слѣда не осталось. Иванъ В. Грозный заключилъ, что это былъ самъ Богъ; поклонился тому мѣсту до земли и отправился царствовать.

(Отъ г. Прозоровскаго.)

220.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕИЧЪ [1]).

(Пермской губ., Екатеринб. уѣздъ.)

У Ермака Тимоѳеича, самаго набольшаго изо всѣхъ станишниковъ, было много удалыхъ товарищей, вѣрныхъ помощниковъ; правою рукою у него былъ Стенька Разинъ, а за Стенькою Разинымъ Ванька Каинъ, Иванъ Мазепа, Гришка Отрепьевъ. Жили сотоварищи долгое время въ ладу, да Стенька-то Разинъ учалъ дѣлать дѣла неподобныя: безчинствуетъ безъ пути, рубитъ головы немилостиво, коней въ церкву ставитъ, надъ святынею ругается, не хочетъ знать никого выше себя, самому Ермаку грубитъ. Не захотѣлъ Ермакъ сносить отъ Стеньки этакія грубости и отказалъ ему.

Видитъ Стенька, что дѣло плохо, и приходитъ къ Ермаку Тимоѳеичу; низко-низко поклонился ему и проговорилъ: «Многолѣтняго здравія, Ермакъ Тимоѳеевичъ! расположись-ка на совѣтъ ко мнѣ. Мы подѣлаемъ людей соломенныхъ, поразсадимъ ихъ по лодочкамъ, по лодочкамъ по дубовенькимъ, и дадимъ имъ по веселышку, одѣнемъ ихъ въ платья черна соболя; первоё-то лодочку напередъ пустимъ по Дунай-рѣкѣ по широконькой, а сами поѣдемъ по Иртышъ-рѣкѣ, по Иртышъ-рѣкѣ ко Теплымъ станкамъ, у Теплыхъ станковъ станемъ вокругъ да подумаемъ, какъ бы намъ поставить себѣ памятникъ.»

Какъ поѣхали станишники по Иртышъ-рѣкѣ, собралось противъ нихъ царское войско [2]), хотятъ изловить Ермака Тимоѳеича; увидѣли, что по Дунай-рѣкѣ ѣдетъ лодочка дубовенькая, а въ ней сидятъ добрые молодцы, удалые казаки; стали царскіе люди считать соломенныхъ людей, имъ счету нѣтъ. Тутъ на Татаръ напалъ такой страхъ, что они и не видѣли, какъ подошелъ Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Переловилъ ихъ Ермакъ Тимоѳеичъ до пятисотъ человѣкъ,

---

[1]) Пермскіе матеріалы записаны въ Петрозаводскѣ отъ захожихъ Пермяковъ, Черниговскіе собраны на мѣстѣ еще до ссылки Рыбникова.—*Ред.*

[2]) Царское войско—Татарское, царя Кучума, пояснилъ разсказчикъ.

засадилъ въ избу, поставилъ стражу къ избѣ, а самъ съ Ванькою Капномъ поѣхалъ къ царю Ивану Васильевичу [1]).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Наказывалъ своимъ слугамъ,
Своимъ слугамъ неизмѣнщикамъ:
« Что за посолъ ко мнѣ пришелъ?»
— Пришелъ ли къ тебѣ Ермакъ Тимоѳеевичъ.—
« Приведите-ка ко мнѣ посланника.»
Проговоритъ Ермакъ свѣтъ Тимоѳеевичъ:
— Я пришелъ къ тебѣ, Грозный царь,
— Со товарищемъ съ Ванькой Капномъ:
— Всѣхъ я сиверныхъ странъ запечатальникъ,
— Заполонили мы цѣлую Сибирь,
— Да пришли къ тебѣ съ повинной головой.
— Хоть прости меня, хоть казнить вели!—
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Закричалъ онъ громкіимъ голосомъ:
« Обо вы, князья мои бояра,
« Вы великіе совѣтнички!
« Подите-ка къ намъ крѣпку думушку—
« Крѣпку думушку подумати:
« Появился къ намъ Сибирскій царь,
« Сибирскій царь Ермакъ Тимоѳеевичъ,
« Ермакъ Тимоѳеевичъ Бургомировъ.»
Выносили Ермаку злата-серебра.
— Мнѣ не надо злата-серебра
— И камней не надо многоцѣнныихъ:
— А принесъ я вамъ куницъ-соболей;
— Вы примите-ка, вы почтите-ка
— Отъ насъ великую наградушку!—
Какъ богатый нашъ царь Иванъ Васильевичъ,
Не бралъ онъ ни злата, ни серебра,
А польстился же, взялъ куницъ-соболей.

---

[1]) Отсюда разсказчикъ пѣлъ, но часто сбивался и напрасно старался припомнить слова пѣсни.

Проговорилъ намъ Иванъ Мазепа,
Проговорилъ намъ, сотоварищамъ:
« Мы пойдемте, братцы, по частымъ кустамъ,
« По частымъ кустамъ, по ракитовымъ,
« Да пымаемъ по звѣрику,
« По сурочку многоцѣнному.»
Тогда дарили Ермака свѣтъ Тимоѳеича,
Подаривши все, разсказывали:
«Намъ не лучше ль, Ермакъ Тимоѳеевичъ...»

221.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

(Пермск. губ., Екатеринб. уѣзда.)

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
Ужъ какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ.
По прозваньицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.
Я не годъ гулялъ, я не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
« Перевезите-ка меня, добра молодца,
« На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»
На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
« Ахъ вы, милые сотоварищи!
« Похороните меня, добра молодца,

20 « Промежду трехъ дорогъ, первой (Питерской),
« Другой Владимірской, третьей Кіевской.
« Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
« Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
« Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
25 « Вовъ ногахъ поставьте ворона̀ коня.
« Кто ни йдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
« Мимо молодца, всякъ помолится:
« — Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
« — Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!—
30 Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину покланялися:
— Ужъ ты выстань-ка, сотоварищъ нашъ,
35 — Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
— Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
— Ты ударь-ка буйной палицей
— По бедрамъ нашимъ широкіимъ [1])!
— Кабы знали мы, ужъ вѣдали,
40 — Выручили бы съ бѣла̀ камня,
Съ бѣла камня, со Дунай рѣки,
— Со Дунай-рѣки, со широконькой.
— Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
— Златы латы тутъ серпентинныя!—
45 Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
50 Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу покланялися:
— Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка
— Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!—

---

[1]) За то, что не спохватились и не выручили Стеньку Разину.

МИХАЙЛО КНЯЗЬ.

(Пермск. губ., Екатеринб. уѣзда.)

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями-бо́ярами,
Со совитничками потайными,
5 Со причетниками уда̀лыми [1]).
Его добрые-тъ конь споткнулся.
« Что̀ ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
« Али слышишь ты невзгодушку,
« Али чувствуешь кручинушку,
10 « Али дома у насъ нездоровится?»
— Молода моя [2]) княгина нездорова!
— Ума-разума лишилася,
— Вовъ синё море бросилася.
— Тутъ-то плыли-выплывали
15 — Двѣ лодочки дубовыя,
— Рыболо́вшечки молодые;
— Они кидали и бросали
— Бѣлосиненькіе неводочки,
— Бѣлоду́бовые наплавочки;
20 — Изловили да свѣжу рыбочку
— Со руками да со ногами,
— Со буйною головою,
— Со русою косою.
— Того рыболовы испугалися,
25 — Всѣ по кустичкамъ разбѣжалися:
—« Ай, поймали мы бѣлую рыбочку
—« Со руками да со ногами,
—« Со буйною головою,
—« Со русою косою!»—

---

1) „Причетникъ“ отъ „чета“—дружина.
2) Твоя?—*Ред.*

30 Князь Михайло вовъ чистомъ полѣ,
Задумалъ онъ крѣпку думушку
Про великую кручинушку.
Его ретивое сердце зашумѣло,
Ретивое ему не сказало
35 Про великую его досадушку.
Возговоритъ князе-тъ Михайло тутъ
Слова ласковыя, знакомыя:
« Ай бо вы, князья мои бояра,
« Вы совѣтнички потайныи!
40 « Разскажите-ка кручинушку:
« Мой-то добрый конь споткнулся здѣсь,
« Повѣсилъ онъ буйную голову;
« Знать печаль-то мнѣ, кручинушка,
« Мнѣ великая невзгодушка!
45 « Молода жена съ ума сошла,
« Она бросилась вовъ синё море,
« Вовъ Кивачъ-рѣку быструю,
« А Иртышъ-рѣкъ поперекъ бѣжитъ.
« Воротитесь-ко, князья-бояра,
50 « Вы причетники богатые!»
Воротился князь Михайло тутъ,
Онъ къ себѣ-то вовъ высокъ теремъ.
Какъ встрѣчали его домашніе,
Они бросились на широкій дворъ,
55 На широкомъ двору крѣпко плакали,
Всѣ кричали громкіимъ голосомъ:
« Обо еси, великій князь!
« Ужъ мы скажемъ тѣ, проговоримъ,
« Какъ случилася невзгодушка:
60 « Княгина-то наша матушка
« Ума-разума лишилася,
« Она бросилась вовъ синё море,
« Вовъ синё море, къ желтымъ пескамъ!»

223.

ГРАФЪ РУМЯНЦЕВЪ.

(Черниговскія слободы.)

Купцы съ вечера торговали,
Свинцу-пороху покупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Короля въ глаза не видали,
Въ каменну Москву не стрѣляли,
Красну дѣвочку вызывали,
Красну дѣвочку въ полонъ взяли,
Къ графъ-Румянцеву приводили.
Графъ Румянцевъ дивовался,
Красотѣ ея любовался;
Хороша дѣвица, румяна,
По нѣмецкому пріубрана,
На ней шубочка парчевая,
Душегрѣечка золотая,
Въ косѣ ленточка голубая.
« Ты поди, поди въ Россію замужъ
« За любимаго мово сына за Ивана,
« За Ивановича свѣтъ Ивана,
« За Россійскаго за енерала.»
— Я не йду, не йду въ Россію замужъ
— За любимаго твово сына за Ивана,
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енерала.—
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру шабельку вынимаетъ,
Красотѣ ея угрожаетъ:
« Ты поди, поди въ Россію замужъ
« За любимаго мово сына за Ивана,
« За Ивановича свѣтъ Ивана,
« За Россійскаго за енерала.»
Красна дѣвица испужалась:

— Я иду, иду въ Россію замужъ
— За любимаго твово сына за Ивана.
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енерала.—

224.

ГРАФЪ ЧЕРНЫШЕВЪ.

(Тамъ же.)

Ты звѣзда ль моя, ты звѣздочка,
Ты звѣзда ль моя восхожая,
Ты звѣзда ль моя золотая!
Высокò ты, звѣзда, восходила,
Выше солнца, выше мѣсяца,
Выше облака ходячаго,
Выше лѣсу ли стоячаго,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
Освѣтила весь Кистринъ-то градъ.
Подъ Кистринскими воротами
Какъ стояла темна тéмница;
Какъ во той ли темной темницѣ
Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тéмницѣ похаживаетъ
Да бородушку поглаживаетъ:
Отростилъ себѣ бородушку
Ниже пояса шелкòвенькаго,
Отростилъ себѣ русы кудрѝ
По самы́я могу́тныя плечики.
Случилось тамъ Пруссу ѣхати
Мимо той ли темной тéмницы:
« Ужъ и кто здѣсь засажонъ сидитъ?»
— Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,

— Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
— Прикажи, сударь, поить-кормить,
— Аль на волю вели выпустить:
— Послужилъ онъ царю бѣлому,
— Послужилъ онъ правдой-вѣрою,
— Помахалъ онъ шаблей вострою
— Надъ своею [1]) шеей толстою.—

---

[1]) Твоею?—*Б.*